M 44
77

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ РОССІИ

1849—55 г.

ПРИ-АМУРСКІЙ И ПРИ-УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА НЕВЕЛЬСКАГО.

ИЗДАНЫ СУПРУГОЮ ПОКОЙНАГО

Екатериною Ивановною Невельскою

подъ редакціею

В. ВАХТИНА.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), Большая Садовая, № 27.
1878.

2007043055

ПОДВИГИ
РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ РОССІИ

1849—55 Г.

ПРИ-АМУРСКІЙ И ПРИ-УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА НЕВЕЛЬСКАГО.

ИЗДАНЫ СУПРУГОЮ ПОКОЙНАГО

Екатериною Ивановною Невельскою

подъ редакціею

В. ВАХТИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Русская Скоропечатня (П. С. Нахимова), Большая Садовая, № 27.
1878.

Дозволено цензурою. Спб. 10 января 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы.		Стр.
I.	Краткое обозрѣніе событій, совершившихся на рѣкѣ Амурѣ съ 1643 по 1689 г. — Первоначальныя свѣдѣнія о при-амурскомъ краѣ.—Поярковъ и его экспедиція съ 1639 по 1646 г. — Хабаровъ и его завоеваніе въ при-амурскомъ краѣ. — Степановъ. — Черниговскій и его дѣйствія. Возобновленіе Албазина, — Положеніе наше на Амурѣ въ 1684 году.—Осада Албазина китайцами.—Ея послѣдствія	1— 9
II.	Посольство Головина и заключеніе перчинскаго трактата въ 1689 году.—Величайшая заслуга Головина заключается въ первомъ пунктѣ трактата. — Мнѣніе китайскаго правительства. — Наше положеніе послѣ перчинскаго трактата	10— 22
III.	Возбужденіе вопроса о рѣкѣ Амурѣ въ 1753 году.—Повелѣніе императрицы Екатерины II о заселеніи р. Амгунь въ 1777 г.— Цѣль повелѣнія.—Заключеніе Лаперуза и Браутона о лиманѣ и устьѣ р. Амуръ 1783—1793 г. — Изслѣдованіе И. Ф. Крузенштерна въ 1805 году.—Его заключеніе о Сахалинѣ и устьѣ р. Амуръ.—Невыгодныя послѣдствія.—Экспедиція Хвостова и Давыдова въ 1806 году	23— 31
IV.	Появленіе на нашихъ картахъ невѣрной границы съ Китаемъ.— Причина невниманія нашего къ этому обстоятельству.—Изслѣдованіе восточнаго берега Охотскаго моря и сообщенія его съ Якутскомъ. — Ѳоминъ, Сарычевъ и Кузьминъ.—Экспедиція капитана Литке. — Положеніе наше на Восточномъ океанѣ, въ Охотскѣ и Петропавловскѣ.—Различныя мнѣнія о Камчаткѣ.— Появленіе въ нашихъ моряхъ китобоевъ.—Ихъ дѣйствія.—Заключеніе трактата между англичанами и китайцами 1840—1844 г.	32— 42
V.	Возбужденіе амурскаго вопроса Императоромъ Николаемъ I, въ 1844 г.—Повелѣніе Его барону Ф. П. Врангелю о посылкѣ въ амурскій лиманъ экспедиціи. — Основаніе Аяна. — Посылка въ лиманъ брига „Константинъ“, подъ командою Гаврилова, въ 1846 г.—Результатъ посылки.—Депеша барона Врангеля графу Несельроде, 12 декабря 1846 г., о недоступности устья Амура.	43— 52

Главы.		Стр.
VI.	Представленія Вонлярлярскаго о переносѣ Охотска, въ 1847 г.— Причины посылки торговой экспедиціи изъ Аяна на р. Тугуръ и южный берегъ Охотскаго моря. — Свѣдѣнія, доставленныя академикомъ Миндендорфомъ. — Дѣйствія правительства относительно Китая, до 1847 года. — Мнѣніе правительства о приамурскомъ краѣ, вслѣдствіе донесеній барона Врангеля и графа Несельроде.—Рѣшеніе правительства въ 1848 г. снарядить экспедицію Ахте для проведенія границы съ Китаемъ.—Окончательное рѣшеніе правительства, въ томъ же году, объ отдачѣ всего при-амурскаго бассейна Китаю	53— 57
VII.	Приготовленіе къ походу транспорта „Байкалъ“. — Объясненіе мое съ генералъ-губернаторомъ въ декабрѣ 1847 года.—Амурскій вопросъ возбуждается снова.—Мое объясненіе съ княземъ Меньшиковымъ въ исходѣ декабря 1847 г.—Спѣшное окончаніе постройки транспорта. — Представленія и распоряженія мои относительно груза. — Записка, представленная мною князю Меньшикову 8 февраля 1848 г. — Просьба моя князю Меньшикову о дозволеніи идти въ амурскій лиманъ.—Сущность письма моего Н. Н. Муравьеву, отъ 10 февраля 1848 г.—Отвѣтъ на это письмо, полученный мною въ іюлѣ того же года	57— 68
VIII.	Объясненія съ княземъ Меньшиковымъ о необходимости изслѣдованія амурскаго лимана.—Проэктъ инструкціи, представленный мною князю Меньшикову.—Объясненія мои съ адмиралами: Беллинсгаузеномъ, Анжу и Врангелемъ. — Выходъ транспорта изъ Кронштадта и плаваніе его до Петропавловска.—Депеши, полученныя мною въ Петропавловскѣ отъ Н. Н. Муравьева.— Распоряженія мои въ этомъ портѣ.—Выходъ транспорта . . .	69— 78
IX.	Плаваніе транспорта у береговъ Сахалина и въ амурскомъ лиманѣ. — Рѣшеніе главныхъ вопросовъ объ устьѣ р. Амуръ, ея лиманѣ и островѣ Сахалинѣ.—Прибытіе въ Аянъ	79— 91
X.	Донесеніе мое князю Меньшикову отъ 3 сентября 1849 г. — Плаваніе Корсакова. — Путешествіе генералъ-губернатора въ Камчатку и обратно.—Впечатлѣніе, произведенное моимъ донесеніемъ въ Петербургѣ. — Высочайшее повелѣніе о переносѣ Охотскаго порта въ Петропавловскъ и о заселеніи р. Маи . .	92—102
XI.	Прибытіе мое въ Петербургъ.—Объясненія съ княземъ Меньшиковымъ и въ комитетѣ.—Прибытіе въ Иркутскъ 27 марта.— Поѣздка въ Якутскъ и Аянъ съ М. С. Корсаковымъ.—Встрѣча съ Д. И. Орловымъ.—Основаніе Петровскаго зимовья. — Плаваніе мое вверхъ по Амуру. — Объявленіе отъ имени правительства о принадлежности при-амурскаго края Россіи.—Предписаніе Д. И. Орлову. — Донесеніе генералъ-губернатору 4-го сентября 1850 г.—Отправленіе мое въ Иркутскъ и оттуда въ Петербургъ	102—113
XII.	Резолюція Государя Императора Николая I. — Распоряженія высшаго правительства по поводу послѣднихъ моихъ дѣйствій.— Возвращеніе мое въ Иркутскъ.—Женитьба.—Поѣздка въ Аянъ.— Переходъ въ Петровское на баркѣ „Шелеховъ“. — Гибель барка.—Мои распоряженія въ Петровскомъ. — Прибытіе въ Николаевскій постъ.—Объявленіе гилякамъ.—Донесеніе генералъ-гу-	

Главы.		Стр.
	бернатору.—Отправленіе Н. М. Чихачева и Орлова вверхъ по р. Амгунь.—Ихъ донесеніе. — Развлеченія въ Петровскомъ. — Наше дружелюбное отношеніе къ инородцамъ. — Зимняя почта.—Жизнь и обычаи инородцевъ.—Свѣдѣнія, добытыя отъ нихъ о р. Амурѣ и о краѣ. — Командировка Чихачева и Орлова. — Возвращеніе ихъ въ Петровское.—Исходъ 1851 года.—Окончательное занятіе устья р. Амуръ	114—137
XIII.	Изслѣдованіе направленія Хингапскаго хребта, отъ истока р. Уди. — Притонъ бѣглыхъ русскихъ. — Командировка подпоручика Орлова. — Экспедиція Бошняка на Сахалинъ. — Инструкція Чихачеву. — Возвращеніе Орлова. — Результаты его командировки. — Первая зимняя почта изъ Аяна. — Мое донесеніе генералъ-губернатору отъ 20 февраля 1852 г. — Частное письмо къ нему.	138—148
XIV.	Возвращеніе Бошняка.—Его донесеніе.—Прибытіе Березина.—Записка Чихачева.—Отправленіе Березина въ распоряженіе Чихачева.—Инструкція Березину.—Декларація 11 апрѣля 1852 г.—Командировка Бошняка въ с. Ухтре.—Начало судостроенія въ при-амурскомъ краѣ. — Письмо Н. Н. Муравьева отъ 28 декабря 1851 г.—Депеша Кашеварова.—Предписаніе Кашеварову отъ 15 апрѣля 1852 г.—Депеша главному правленію компаніи.	149—158
XV.	Донесеніе генералъ-губернатору 15 апрѣля 1852 г.—Проявленіе цивилизаціи между гиляками.—Крещеніе ихъ.—Распространеніе огородничества между ними.—Донесеніе Н. М. Чихачева.—Свѣдѣнія, собранныя имъ о рѣкахъ Амгунь и Гиринь и о народахъ, обитающихъ по берегамъ ихъ.—Южный при-амурскій и при-уссурійскій край, по разсказамъ манджуровъ	159—168
XVI.	Южное прибрежье Татарскаго залива по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ туземцевъ. — Путешествіе Чихачева изъ залива де-Кастри въ Петровское. — Донесеніе Бошняка о протокѣ Уй. — Рѣки: Биджи и Пильду.—Обслѣдованіе протока и озера Кизи.—Лѣвый берегъ р. Амуръ между с. Ухтрэ и устьемъ р. Амгунь. — Донесеніе Березина о пути по Амуру. — Съемка топографа Попова. — Результатъ изслѣдованій гг Бошняка, Чихачева, Березина, Попова и Воронина.—Прибытіе корвета „Оливуца“. — Донесеніе начальника Николаевскаго поста. — Увѣдомленіе Завойко.—Отвѣтъ генералъ-губернатора	169—178
XVII.	Донесеніе Кашеварова 14 іюля 1852 г.—Наше грустное положеніе.—Мѣры, принятыя мною противъ голодной смерти.—Донесеніе генералъ-губернатору 20 мая 1852 г.—Инструкція Воронину и Бошняку. — Ихъ экспедиція и цѣль ея. — Донесенія Березина, Воронина и Бошняка	179—188
XVIII.	Прибытіе въ Петровское бота „Кадьякъ“ и компанейскаго корабля.—Экспедиція Бошняка въ при амгуньскій край 5-го ноября 1852 г. — Донесеніе генералъ-губернатору 7 ноября 1852 г. — Письмо къ нему.—Высочайшее повелѣніе 20 іюня 1852 г. — Донесеніе генералъ-губернатору о намѣреніи занять Кизи и де-Кастри, 4 декабря 1852 г.—Донесенія Березина, Разградскаго и Бошняка.—Окончательное разрѣшеніе пограничнаго вопро-	

Главы.		Стр.
	са.—Изслѣдованіе озеръ: Самагировъ и Чихчагировъ.—Заключеніе 1852 года.	189—200
XIX.	Цѣль дальнѣйшихъ командировокъ гг. офицеровъ.—Инструкція Петрову 5 января 1853 г.—Инструкціи Березину и Разградскому 8 января 1853 г.—Инструкція лейтенанту Бошняку 12 февраля.—Донесенія А. И. Петрова.—Высочайшее повелѣніе, сообщенное 28 сентября 1852 г. генералъ-губернатору Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Мое донесеніе генералъ-губернатору отъ 25 февраля 1853 г.—Депеша главнаго правленія компаніи отъ 15 октября 1852 г. о доставленіи въ 1853 году пароваго барказа для экспедиціи.—Занятіе залива де-Кастри и основаніе склада въ селеніи Кизи.—Цѣль командировки гг. Разградскаго и Орлова вверхъ по Амуру, 17 марта.—Донесеніе Разградскаго отъ 21 апрѣля 1853 года и Бошняка отъ 15 апрѣля.—Предписаніе Управляющаго Морскимъ Министерствомъ Августѣйшаго Генералъ-Адмирала.	201—211
XX.	Мои распоряженія въ Николаевскѣ.—Предписаніе Разградскому отъ 23 мая 1853 г.—Донесеніе гг. Воронина и Разградскаго отъ 31 мая.—Сущность донесенія Н. К. Бошняка отъ 20 іюня.—Состояніе залива де-Кастри.—Состояніе берега между заливомъ де-Кастри и гаванью Императора Николая (Хаджи).	212—224
XXI.	Предписаніе генералъ-губернатора отъ 2 марта 1853 г.—Высочайше утвержденный штатъ амурской экспедиціи.—Сущность отношенія Завойко.—Донесеніе генералъ-губернатору отъ 25 іюня 1853 г.—Предписанія генералъ-губернатора отъ 15 апрѣля 1853 г. и отъ 23 апрѣля.—Письмо Н. В. Буссе отъ 6 іюля 1853 г.—Слѣдствіе распоряженій высшаго правительства.—Планъ дѣйствій моихъ въ іюлѣ 1853 г.—Распоряженія мои доктору Орлову 14 іюля.—Письмо мое генералъ-губернатору отъ 14 іюля 1853 г.	225—236
XXII.	Плаваніе на транспортѣ „Байкалъ“ въ іюлѣ и августѣ 1853 г.—Занятіе Императорской гавани и острова Сахалина.—Подкрѣпленіе постовъ въ заливѣ де-Кастри и въ селеніи Кизи.—Мои приказанія г. Орлову.—Прибытіе въ Петровское.—Мои предположенія въ августѣ 1853 года.—Прибытіе въ экспедицію священника Гавріила и г. Бачманова, 9 августа.—Причины, связывавшія всѣхъ чиновъ экспедиціи въ одну дружную семью.—Донесеніе г. Буссе отъ 26 августа 1853 г.	237—243
XXIII.	Причины, побудившія меня идти въ Аянъ.—Объясненіе мое съ г. Буссе.—Г. Буссе назначается зимовать на Сахалинѣ.—Дѣйствія мои въ Аянѣ и переговоры съ Кашеваровымъ.—Отношеніе мое В. С. Завойко, отъ 2 сентября 1853 г.—Распоряженіе Бачманову.—Плаваніе на кораблѣ „Николай“ изъ Петровскаго въ заливъ Анива.—Встрѣча съ японцами.—Селеніе Тамари-Анива.—Слѣдствіе нашей рекогносцировки, произведенной 21 сентября.—Занятіе Тамари-Анива 22 сентября 1853 г.—Объявленіе японцамъ и айнамъ.—Декларація для доставленія японскому правительству.—Инструкція г. Буссе.	244—262
XXIV.	Прибытіе въ Императорскую гавань.—Инструкція лейтенанту Бошняку, 2-го октября 1853 года.—Де-Кастри.—Шхуна „Во-	

Главы. Стр.

стокъ".—Поѣздка на оленяхъ къ озеру Кизи.—Возвращеніе въ Петровское.—Донесеніе генералъ-губернатору отъ 27-го октября 1853 г.—Извѣстіе изъ де-Кастри. — Командировка Петрова въ Императорскую гавань.—Донесеніе Д. И. Орлова о Сахалинѣ и Императорской гавани. — Донесенія командировъ транспорта „Иртышъ" и корабля „Николай".—Извѣстія изъ Константиновскаго поста.—Донесеніе Н. В. Буссе отъ 2-го октября . . 263—279

XXV. Мѣры, принятыя мною для обезпеченія Константиновскаго поста.—Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей и о возможномъ разрывѣ съ западными державами.—Постройка парохода „Аргунь". — Мои дѣйствія одобрены Государемъ Императоромъ.—Увѣдомленіе г. Кашеварова.—Донесеніе г. Буссе изъ Муравьевскаго поста, 9 января 1854 года. — Выписка изъ журнала г. Рудановскаго объ изслѣдованіи рѣки Сосуя. — Сѣверо-восточный и восточный берегъ залива Анива, по описи Рудановскаго.—Бухты: Иноскомонай и Тебесани. — Рѣка Кархпуне и озеро Тообучи.—Юрта Тоитзе.—Пути въ Найбу. — Восточный и западный берегъ Сахалина до мысовъ Тубу и Нотора.—Заключеніе Н. В. Рудановскаго о заливѣ капитана Невельскаго (Идунки) и свѣдѣнія, собранныя имъ о поселеніи на Сахалинѣ тунгусовъ. 280—302

XXVI. Сообщеніе Самарина о пути изъ Муравьевскаго поста.—Путь отъ селенія Гунупъ.—Права Россіи на Сахалинъ.—Сообщеніе восточнаго берега съ западнымъ. — Путь Самарина изъ залива Терпѣнія до селенія Аркой. — Письмо мое къ Н. В. Буссе отъ 22-го декабря 1853 г.—Увѣдомленіе Петрова 12-го февраля 1854 г. — Опись р. Хунгари и пути въ Императорскую гавань.—Донесеніе Н. К. Бошняка.—Посылка запасовъ въ Императорскую гавань.—Приказаніе Н. К. Бошняку.—Мое донесеніе и письмо генералъ-губернатору, 25-го февраля 1854 г. . . 303—321

XXVII. Предписаніе Н. В. Буссе отъ 1 марта 1854 г.—Положеніе наше въ Петровскомъ. — Посылка Разградскаго вверхъ по Амуру.—Спускъ по Амуру людей подъ начальствомъ генералъ-губернатора.—Мое отправленіе изъ Петровскаго для слѣдованія вверхъ по Амуру. — Распоряженія мои г. Бачманову. — Наши силы въ при-амурскомъ краѣ.—Высочайшее повелѣніе 22 апрѣля 1853 г. — Листъ въ Пекинъ 16 іюня 1853 г. — Путешествіе Н. Н. Муравьева и торжественныя встрѣчи.—Мое путешествіе вверхъ по Амуру и затѣмъ въ заливъ де-Кастри. — Донесеніе Бошняка. — Встрѣча моя съ генералъ-губернаторомъ 14 іюня 1854 г.—Спускъ нашей флотиліи по Амуру . . . . . 322—337

XXVIII. Донесеніе Завойко изъ Петропавловска о недостаткѣ продовольствія. — Мнѣніе генералъ-губернатора и прибывшихъ съ нимъ лицъ о нашей границѣ съ Китаемъ.—Представленіе мое генералъ-губернатору о невозможности ввести фрегатъ „Палладу" въ лиманъ безъ паровыхъ средствъ. — Смерть моей дочери и болѣзнь жены. — Соглашеніе Н. Н. Муравьева и Е. В. Путятина о вводѣ судовъ въ амурскій лиманъ. — Прибытіе Муравьева въ Петровское. — Донесеніе Н. Н. Муравьева о моихъ дѣйствіяхъ. — Путешествіе на оленяхъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ. — Предположеніе о непріятелѣ. — Неудачный вводъ

Главы. Стр.

фрегата „Паллада“ въ лиманъ.—Отправленіе генералъ-губернатора и его распоряженія. — Предписаніе его мнѣ отъ 10-го августа. — Предписаніе Унковскому. — Мое путешествіе съ семействомъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ. — Фрегатъ „Паллада“ въ Императорской гавани.—Распоряженія мои о размѣщеніи командъ. — Генералъ-губернаторъ въ Аянѣ.—Шхуна „Востокъ“. — Корабль р.-а. к. „Ситха.“.—Транспортъ „Байкалъ“.—Плаваніе шхуны „Востокъ“. — Донесеніе Римскаго-Корсакова о побѣдѣ въ Петропавловскѣ. . . . . 338—352

XXIX. Соображенія мои о положеніи Петропавловска.— Представленіе генералъ-губернатору о необходимости перенести этотъ портъ въ при-амурскій край, 27 октября 1854 года.— Надежды и предположеніе, что мнѣ благовременно дадутъ знать о снятіи Петропавловска.—Мое производство въ контръ-адмиралы.—Увѣдомленіе отъ Синицына изъ Императорской гавани. — Цѣль англо-французовъ въ Восточномъ океанѣ.—Командировка прапорщика Кузнецова въ Императорскую гавань. Инструкціи.—Письмо мое Н. Н. Муравьеву отъ 12 апрѣля 1855 г.—Положеніе амурской экспедиціи въ зиму съ 1854 на 1855 годъ.—Прибытіе семействъ изъ Петропавловска. — Моя поѣздка въ де-Кастри.—Свѣдѣнія о снятіи Петропавловскаго порта.—Нападеніе непріятеля на наши суда.—Мои распоряженія.—Прибытіе въ заливъ де-Кастри. — Военный совѣтъ.—Мое предположеніе.—Рѣшеніе совѣта. — Отправленіе эскадры въ лиманъ. — Возвращеніе въ Николаевскъ. Донесеніе Бутакова о прибытіи нашихъ судовъ къ мысу Лазареву.—Причины снятія Петропавловскаго порта.—Слѣдованіе изъ него нашей эскадры.—Посылка Мартынова.—Прибытіе къ мысу Лазарева С. С. Лесовскаго.—Взятіе въ плѣнъ Мусина-Пушкина.—Шхуна „Хеда“.—Прибытіе на ней Е. В. Путятина и К. Н. Посьета въ Николаевскъ.—Спускъ генералъ-губернатора по Амуру и прибытіе его въ Маріинскій постъ. — Закрытіе амурской экспедиціи. — Мое новое назначеніе.—Отчетъ амурской экспедиціи. — Необходимость постовъ по р. Амуръ. — Наша граница съ Китаемъ.—Почему не принято мое мнѣніе. — Вводъ въ р. Амуръ фрегата „Аврора“ и другихъ судовъ.—Личный составъ амурской экспедиціи . . . . . 353—382

XXX. Наше положеніе въ исходѣ 1855 года.—Предложеніе Н. Н. Муравьева о границѣ по Амуру. — Его распоряженія.—Подъемъ вверхъ по Амуру адмирала Е. В. Путятина на катерѣ „Надежда“.—Основаніе Кутомандскаго поста.—Несбывшіяся предположенія.—Коммерческіе корабли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: „Пальмето“ и „Берингъ“.—Уничтоженіе въ лиманѣ корабля россійско-американской компаніи. — Прибытіе непріятельскихъ судовъ въ заливъ де-Кастри. — Высадка непріятеля въ этомъ заливѣ.—Донесеніе изъ Императорской гавани.—Цѣль посылки туда г. Разградскаго.—Мое представленіе о томъ, что не слѣдуетъ затоплять фрегатъ „Паллада“. — Переписка генералъ-губернатора съ манджурами. — М. С. Корсаковъ въ Айгунѣ.—Лагерь въ де-Кастри.—Плаваніе вверхъ по Амуру. — Распоря-

Главы. Стр.

женія Н. В. Буссе.—Выходъ изъ Николаевска фрегата „Аврора“, корвета „Оливуца“ и транспорта „Двина“. — Транспортъ „Иртышъ“.—Возвращеніе мое въ Петербургъ. — Слухи въ Петербургѣ о моихъ дѣйствіяхъ. — Милостивыя слова Государя Императора.—Образованіе Приморской области.—Капитанъ 1-го ранга Козакевичъ назначается исправляющимъ должность военнаго губернатора Приморской области. -Посольство графа Е. В. Путятина.—Заселеніе лѣваго берега р. Амура. — Плаваніе по Амуру графа Путятина и его поѣздка въ Китай.—Цѣль высадки Рудановскаго на Сахалинъ, въ 1857 году.—Дѣйствія графа Путятина въ Китаѣ.—Переговоры о границѣ возлагаются на Н. Н. Муравьева.—Сосредоточеніе нашихъ войскъ на Амурѣ.—Предварительныя распоряженія Н. Н. Муравьева.—Назначеніе уполномоченныхъ отъ китайскаго правительства . . . . . 383—400

XXXI. Основаніе города Благовѣщенска.— Первое свиданіе генералъ-губернатора въ Айгунѣ съ китайскими уполномоченными. — Предложеніе генералъ-губернатора.—Проэктъ договора.—Ультиматумъ.—Айгунскій трактатъ 16-го мая 1858 года. — Подписаніе и размѣнъ трактата. — Письмо отъ Н. Н. Муравьева. — Приказъ генералъ-губернатора 18-го мая 1858 года.—Плаваніе Н. Н. Муравьева и прибытіе въ Николаевскъ.—Состояніе Николаевска въ 1858 году. — Освященіе перваго храма на рѣкѣ Амуръ.—Основаніе Софійска. — Плаваніе по рѣкѣ Супгари. — Айгунскій амбань посѣщаетъ генералъ-губернатора въ Благовѣщенскѣ.—Цѣль этого посѣщенія.— Отвѣтъ Н. Н. Муравьева на статьи Дзянъ-Зюна.—Тьянцзинскій трактатъ.—Ратификація айгунскаго трактата.—Путешествіе Мартынова изъ Тьянцзина въ Петербургъ. — Награды. — Краткое обозрѣніе дѣятельности морскихъ офицеровъ въ при-амурскомъ краѣ . . . . . 401—408

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Геннадій Ивановичъ, древній потомственный дворянинъ Костромской губерніи, Соль-галицкаго уѣзда, родился 25-го ноября 1813 года, въ усадьбѣ Дракинѣ. 8-го апрѣля 1829 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, а 21-го декабря 1832 года выпущенъ изъ корпуса мичманомъ, съ назначеніемъ въ 27-й экипажъ. Во время пребыванія въ корпусѣ, онъ каждое лѣто плавалъ, сначала на корпусной эскадрѣ, а потомъ, по переходѣ въ гардемаринскую роту, на корабляхъ: „Великій князь Михаилъ“ и „Кульмъ“, крейсеровавшихъ въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ. Въ чинѣ мичмана, Геннадій Ивановичъ слушалъ высшій курсъ морскихъ наукъ въ офицерскихъ классахъ (нынѣ Николаевская Морская Академія) и въ то же время, лѣтніе мѣсяцы, плавалъ на корабляхъ: „Прохоръ“, „Іезекіиль“ и „Кронштадтъ“, и на фрегатахъ: „Помона“ и „Венусъ“. 28-го Марта 1836 года, по окончаніи курса офицерскихъ классовъ, Геннадій Ивановичъ былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ этомъ чинѣ онъ ежегодно плавалъ на судахъ вмѣстѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Покойный адмиралъ любилъ вспоминать дни, проведенные имъ въ 1836 году на фрегатѣ „Беллона“, съ 1837 по 1843 годъ, включительно, на фрегатѣ „Аврора“ и 1844, 1845 и 1846 годы на кораблѣ „Ингерманландъ“. Корабль этотъ съ 12-го августа 1845 по 19-е іюля 1846 г. находился въ плаваніи въ Средиземномъ морѣ.

Первый крестъ, Св. Станислава 4-й степени, Геннадій Ивановичъ получилъ въ 1838 году (5-го декабря). Въ 1841 г. (6-го декабря) онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, а 15-го іюля 1846 года, т. е. по возвращеніи изъ дальняго плаванія на кораблѣ „Ингерманландъ", за отличіе по службѣ, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Лѣто 1847 г. Геннадій Ивановичъ плавалъ на томъ же кораблѣ „Ингерманландъ", крейсеровавшемъ въ Нѣмецкомъ морѣ, въ составѣ сводной дивизіи, подъ флагомъ контръ-адмирала Епанчина 2-го. Въ продолженіе 19 лѣтъ (съ 1829—1847) ни одного лѣта Геннадій Ивановичъ не провелъ на берегу, а потому, естественно, изучилъ морское дѣло въ совершенствѣ. Зимніе мѣсяцы, въ первые годы своей службы, какъ сказано выше, онъ слушалъ лекціи въ офицерскихъ классахъ, а въ послѣдующіе подготовлялся къ рѣшенію того великаго вопроса, который описываетъ адмиралъ самъ въ этихъ запискахъ. Рѣка Амуръ и восточное побережье Сибири всегда составляли его завѣтную мечту. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы такая громадная рѣка, какъ Амуръ, могла теряться въ пескахъ и не быть судоходною. Постоянно занимаясь этимъ вопросомъ и хорошо ознакомясь съ скудной еще въ то время литературой амурскаго края, Геннадій Ивановичъ такъ ясно представлялъ себѣ всѣ послѣдующія открытія въ этомъ краѣ и принадлежность его Россіи, что шелъ туда какъ бы съ готовымъ планомъ и дѣйствовалъ рѣшительно, какъ бы въ давно знакомой мѣстности. Изъ записокъ автора читатели увидятъ, что инціатива амурскаго вопроса всецѣло принадлежитъ ему. Товарищи и сослуживцы Геннадія Ивановича хорошо помнятъ, какъ онъ лелѣялъ амурскій вопросъ и съ какою удивительною энергіею онъ взялся за его рѣшеніе, когда, въ 1848 году, ему представилась только тѣнь возможности осуществить свою мечту. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ командиромъ транспорта „Байкалъ", на которомъ долженъ былъ доставить въ Петропавловскъ провіантъ. Не пропуская ни одного дня, Геннадій Ивановичъ лихорадочно готовитъ къ отплытію транспортъ, пишетъ въ то же время

письмо генералъ-губернатору Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву и подымаетъ въ Петербургѣ давно уже погребенный амурскій вопросъ. Командиръ транспорта проситъ разрѣшенія воспользоваться остаткомъ времени для изслѣдованія лимана и устья Амура, проситъ, какъ милости себѣ, новыхъ трудовъ, борьбы съ природой и массы лишеній въ невѣдомомъ краѣ! Такое самоотверженіе и неуклонное преслѣдованіе разъ задуманной цѣли обнаруживаютъ въ Геннадіѣ Ивановичѣ не только патріота, глубоко преданнаго Престолу и Отечеству, но и человѣка съ большимъ запасомъ ума, рѣшительности и энергіи. Все это и проявилъ Геннадій Ивановичъ въ періодъ службы, описываемый имъ самимъ въ предлагаемыхъ запискахъ. Результатъ его дѣятельности — присоединеніе къ Россіи при-амурскаго и приуссурійскаго края—всѣмъ извѣстенъ и имя Невельскаго, тѣсно связанное съ этимъ знаменательнымъ фактомъ, не умретъ въ потомствѣ. Миръ праху твоему труженикъ науки, герой и гражданинъ!

По окончаніи подвиговъ, описываемыхъ въ настоящей книгѣ, Геннадій Ивановичъ возвратился въ Петербургъ, былъ назначенъ членомъ Ученаго Отдѣленія Морскаго Техническаго Комитета и состоялъ въ этой должности до 17-го апрѣля 1876 года, когда смерть—эта коса, немилосердно подкашивающая всѣхъ смертныхъ безъ разбора, скосила и этого знаменитаго мужа и піонера амурскаго края. Геннадій Ивановичъ скончался послѣ двухгодовой тяжкой болѣзни, имѣя 62 года отъ роду.

Адмиралъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью семьи, но интересы отечества всегда ставилъ выше семейныхъ. Молодая супруга его, только что оставившая школьную скамью, съ свойственною одной русской женщинѣ энергіею и привязанностью къ мужу, безропотно всюду слѣдовала за нимъ и раздѣляла съ нимъ всѣ лишенія и опасности среди дикихъ племенъ. Глубоко задумавъ вопросъ о присоединеніи амурскаго края къ Россіи, адмиралъ оставался вѣрнымъ ему до послѣднихъ своихъ дней: ни женитьба, ни печальная об-

становка молодой жены, ни голодная смерть первой дочери его—ничто, ничто не помѣшало ему довести до конца разъ начатое дѣло. Молодая смолянка не только никого не стѣсняла, но, напротивъ, была душею всего маленькаго общества. Ея помѣщеніе—одна комната въ наскоро поставленной избѣ, а гости-дикари, дотого грязные, что не подошелъ бы къ нимъ близко! Для Екатерины Ивановны, между тѣмъ, эти гости были дорогіе,—они одни могли помочь ея мужу въ его изслѣдованіяхъ; она глубоко понимала это и несла безропотно свой крестъ: сама, другой разъ, безъ необходимой пищи, она несетъ послѣдніе куски дикарямъ-гостямъ, чтобы только развязать имъ языки и такимъ образомъ облегчить мужу своему путь къ открытіямъ. Я не имѣю разрѣшенія на преданіе гласности всѣхъ подвиговъ Екатерины Ивановны, но надѣюсь, что рано или поздно они будутъ обнародованы.

Въ морской литературѣ имя адмирала встрѣчается только подъ статьями, написанными въ защиту его любимаго вопроса. Слогъ автора, какъ въ тѣхъ статьяхъ, такъ и въ предлагаемыхъ запискахъ — своеобразенъ, но своеобразность эта происходила отъ лихорадочности, съ которою онъ всегда отстаивалъ интересы отечества и особенно свой вопросъ. Такъ всегда адмиралъ говорилъ и писалъ, такимъ его всѣ знали, пусть же и въ посмертныхъ запискахъ своихъ онъ останется вѣрнымъ себѣ, тѣмъ болѣе, что не одежда краситъ человѣка, а человѣкъ одежду.

Настоящія записки адмиралъ писалъ въ послѣдніе годы своей жизни и кончилъ ихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, но издать уже не успѣлъ. Онѣ изданы супругою адмирала, на средства Ученаго Отдѣленія Морскаго Техническаго Комитета.

В. Вахтинъ.

ГЛАВА I.

Краткое обозрѣніе событій, совершившихся на рѣкѣ Амурѣ съ 1643 по 1689 г.—Первоначальныя свѣдѣнія о при-амурскомъ краѣ.—Поярковъ и его экспедиція съ 1639 по 1646 г.—Хабаровъ и его завоеваніе въ при-амурскомъ краѣ.—Степановъ.—Черниговскій и его дѣйствія.—Возобновленіе Албазина.—Положеніе наше на Амурѣ въ 1684 году.—Осада Албазина китайцами.—Ея послѣдствія.

Дѣйствія нашихъ моряковъ на отдаленномъ Востокѣ съ 1849 по исходъ 1855 г., т. е. со времени прибытія въ амурскій лиманъ военнаго транспорта „Байкалъ“ до времени перенесенія изъ Камчатки на устье рѣки Амура (Николаевскъ) Петропавловскаго порта и сосредоточенія здѣсь нашей эскадры, находившейся тогда въ Восточномъ океанѣ, имѣютъ непосредственную связь съ событіями, совершившимися на рѣкѣ Амуръ съ 1643 по 1689 г. и различными затѣмъ предположеніями и экспедиціями, являвшимися въ Охотское море и Татарскій заливъ, а потому, чтобы уяснить всю важность упомянутыхъ дѣйствій, составляющихъ основаніе къ утвержденію за Россіею при-амурскаго и при-уссурійскаго края съ островомъ Сахалинымъ, необходимо представить краткій обзоръ всѣхъ предшествовавшихъ 1849 году событій, совершившихся на отдаленномъ Востокѣ, и ихъ послѣдствія. Эти событія въ главныхъ чертахъ таковы:

Въ первой половинѣ XVII вѣка отважная вольница русскихъ искателей добычи распространила владѣнія Россіи до прибрежьевъ Охотскаго моря. На рѣкѣ Ленѣ явились остроги Киринскъ и Якутскъ, а на рѣкѣ Уди—Удскій. Здѣсь-то въ 1639 году русскіе узнали отъ тунгусовъ о существованіи, по южную сторону горъ, большихъ рѣкъ: Джи (Зеи), впадающей въ Шилькаръ или Маму (Амуръ) *), кото-

*) Относительно происхожденія имени Амуръ существуетъ большое разногласіе. Риттеръ производитъ его отъ гилякскаго слова „ямуръ“—большая вода, другіе же отъ „Эмуръ“, какъ называлась прежде маленькая рѣчка Албазинъ, вливающаяся въ Амуръ. Всѣ народы, живущіе по Амуру, даютъ ему различныя названія; китайцы и манджуры, напримѣръ, называютъ его Куэнъ-тонгомъ и считаютъ его *за притокъ Сунари (Шунгала)*. *Ред.*

рая, въ свою очередь, внадала въ Шунгалъ или Сангари-Ула (Сунгари), и что въ Шунгалъ вливается большая рѣка Амгунь, по которой живутъ тунгусы; что къ нимъ наткисы привозятъ съ Шунгала хлѣбъ и разныя матеріи и разсказываютъ, будто на рѣкахъ Джи и Шилькарѣ живутъ дучеры и дауры, занимающіеся хлѣбопашествомъ; что у нихъ много скота, матерій и серебра и, наконецъ, что вся страна по Шилькару, Джи и Шунгалу изобилуетъ пушными звѣрями. Этихъ извѣстій было достаточно, чтобы двинуть нашу вольницу въ тѣ невѣдомыя и далекія страны. По распоряженію якутскаго воеводы Петра Петровича Головина, въ іюнѣ 1643 года была снаряжена туда партія изъ 132-хъ человѣкъ вольницы, казаковъ и промышленниковъ, подъ командою казака Пояркова. Поярковъ изъ Якутска, слѣдуя по Ленѣ, повернулъ въ Алданъ и, достигнувъ устья рѣки Учура, направился по этой рѣкѣ и по ея притоку Ганать. Здѣсь застали его холода; онъ бросилъ свои лодки и съ 90 человѣками охотниковъ изъ команды, перевалилъ на лыжахъ по глубокому снѣгу, чрезъ Становой хребетъ и, таща за собою на салазкахъ провіантъ и оружіе, вышелъ на вершину рѣки Брянбы. Слѣдуя по этой рѣкѣ и по рѣкѣ Джи (Зеѣ), Поярковъ съ своею вольницею, къ веснѣ 1644 г., достигъ Шилькара (Амура), имѣя на пути по Зеѣ неоднократныя стычки съ туземцами. Затѣмъ Поярковъ направился на лодкахъ внизъ по Амуру и, пройдя Щеки, гдѣ рѣка прорываетъ горы, вступилъ въ рѣку Шунгалъ *) (Сунгари). Эту послѣднюю онъ принялъ за продолженіе Шилькара, а потому Шилькаръ и часть Шунгала названы имъ однимъ именемъ Амуръ. Слѣдуя далѣе, онъ достигъ ея устья, гдѣ у гиляковъ, близъ Амгуни, основалъ острогъ и остался въ немъ зимовать.

Подчинивъ гиляковъ Россіи и собравъ съ нихъ ясакъ: 12 сороковъ соболей и 16 собольихъ шубъ, онъ, съ открытіемъ навигаціи 1645 г., пустился къ сѣверу, вдоль берега Охотскаго моря. Три мѣсяца Пояркова носило на ладьяхъ по морю и, наконецъ, выкинуло на берегъ близъ устья рѣки Ульи. На устьѣ этой рѣки Поярковъ зазимовалъ, а весною слѣдующаго 1646 г. перешелъ отсюда чрезъ горы на верховье Маи; построивъ здѣсь лодки, онъ спустился по этой рѣкѣ въ Алданъ и Лену, и къ осени того же года прибылъ въ Якутскъ.

*) Часть рѣки Амура отъ устья Сунгари до лимана называлась туземцами и китайцами Шунгаломъ. Они считали эту часть продолженіемъ Сунгари (Шунгала). *Ред.*

Это былъ первый походъ русскихъ въ при-амурскій край, продолжавшійся три года и открывшій путь дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Поярковъ съ своею горстью отважной вольницы въ продолженіе трехъ лѣтъ прошелъ болѣе 7,000 верстъ, три раза зимуя на пути и о результатахъ своего путешествія, преисполненнаго неимовѣрныхъ трудовъ, донесъ якутскому воеводѣ Головину, что по рѣкамъ Шилькару и Шунгалу живутъ дучеры и дауры и что эта страна называется ими Даурією. За даурами, доносилъ онъ, по Шунгалу, до рѣки Уссури и ниже ея, на 4 дня пути, обитаютъ гольды или ачаны; далѣе наткисы, а затѣмъ гиляки; что всѣ эти народы никому не подвластны, и, въ заключеніе, Поярковъ представилъ, что этотъ край можно подчинить русскому владычеству, имѣя 300 человѣкъ хорошо вооруженнаго войска. Изъ числа этихъ людей онъ предлагалъ половину оставить въ 3-хъ или 4-хъ острогахъ, а остальныхъ 150 человѣкъ употреблять на разъѣзды для усмиренія тѣхъ изъ иноземцевъ, которые окажутся непокорными и не будутъ платить ясака; ибо, по его мнѣнію, отъ всѣхъ обитающихъ въ этой странѣ жителей нельзя ожидать серьезнаго сопротивленія. Что же касается до продовольствія этихъ войскъ, то его найдется въ изобиліи у туземцевъ. Такое мнѣніе о легкости пріобрѣтенія Амура было весьма естественно, ибо Поярковъ, незнакомый еще съ краемъ, упустилъ изъ виду самое важное обстоятельство: что по рѣкѣ Шунгалу (Сунгари) можно было ожидать на помощь инородцамъ военныя силы изъ сосѣдней съ этимъ краемъ Манджуріи; тѣмъ болѣе, что въ это время вмѣсто монгольской династіи вступила на престолъ Китая династія манджурская.

Разсказы Пояркова о богатствѣ края и его обитателяхъ побудили Хабарова въ 1649 г. явиться къ якутскому воеводѣ Дмитрію Андрееву Франбекову съ просьбою дозволить ему идти на Амуръ, набравъ съ собою вольныхъ людей, которыхъ онъ будетъ содержать на свой счетъ. Ерофей Хабаровъ былъ соль-вычегодскій уроженецъ, промышленникъ. Цѣль этого похода состояла въ приведеніи дауровъ въ ясачное положеніе. 6 марта 1649 г. якутскій воевода далъ ему наказную память и нѣсколько казаковъ. Отрядъ Е. Хабарова, при отправленіи изъ Якутска, состоялъ изъ 70 человѣкъ. Хабаровъ не слѣдовалъ по тому пути, по которому шелъ Поярковъ; тунгусы показали ему другую дорогу на Амуръ, а именно: по рѣкамъ Олекмѣ и Тугиру, затѣмъ волокомъ чрезъ Становой хребетъ на р. Урку, а по ней до р. Амура. Отъ устья Урки, по раз-

сказамъ тунгусовъ, до жилища богатаго и сильнаго даурскаго князя Левкоя было всего одинъ день ходьбы.

Въ первое лѣто 1649 г. Хабаровъ дошелъ только до устья Тугира. Въ 1650 г., 18 января, пустился въ путь вверхъ по рѣкѣ Тугиру, перевалилъ черезъ хребетъ и достигъ р. Амура. Провѣдавъ о приходѣ русскихъ, князь Левкой оставилъ всѣ жилыя мѣста свои, такъ что Хабаровъ никого не встрѣтилъ. Оставивъ безъ вниманія первыя пустыя жилья, онъ остановился въ послѣднемъ и здѣсь увидѣлся съ княземъ Левкоемъ, котораго увѣрилъ, что цѣль прибытія на Амуръ русскихъ состоитъ только въ собраніи ясака и не заключаетъ въ себѣ никакихъ другихъ враждебныхъ намѣреній противъ туземцевъ. Имѣя съ собою малое число людей, сравнительно съ численностію туземцевъ князя Левкоя, Хабаровъ вернулся тѣмъ же путемъ въ Якутскъ. Якутскій воевода дозволилъ ему набрать гораздо болѣе людей и Хабаровъ въ 1651 г. снова отправился тѣмъ же путемъ на Амуръ, остановился при устьѣ рѣчки Албазинъ и здѣсь основалъ городъ того же имени. Отсюда онъ со всею своею командою пошелъ внизъ по рѣкѣ.

Первое встрѣченное имъ отъ Албазина жилое мѣсто состояло изъ 3-хъ городковъ, принадлежавшихъ 3-мъ князьямъ: Гогудару, Онгозмѣ и Лотодину. Туземцы сначала хотѣли обороняться и заграждали путь Хабарову, но, при первыхъ выстрѣлахъ его отряда, заперлись въ городкахъ; Хабаровъ требовалъ сдачи, но они не сдавались. Начался приступъ: русскіе сдѣлали проломъ въ стѣнѣ перваго городка и ворвались въ него; затѣмъ были взяты второй и третій. Въ этомъ дѣлѣ убито дауровъ болѣе 60 человѣкъ, взято въ плѣнъ до 200 мужчинъ, 240 женщинъ, 118 дѣтей, 267 лошадей и 115 штукъ рогатаго скота.

Хабаровъ, пробывъ здѣсь 6 недѣль, поплылъ внизъ по Амуру и чрезъ $2^1/_2$ дня достигъ устья рѣки Зеи, ниже которой, на правомъ берегу Амура, стоялъ городъ Талгинъ; это было владѣніе князя Кокорея. Жители этого города и окрестностей приняли присягу въ вѣрности русскимъ и обязались платить ясакъ, но послѣ этого всѣ они бѣжали. Хабаровъ сжегъ Талгинъ и пошелъ внизъ по Амуру; шесть дней онъ плылъ до Шунгала. За Шунгаломъ жили ачане; у нихъ, около устья Уссури, Хабаровъ остался зимовать, въ большомъ ачанскомъ уллусѣ. Укрѣпившись въ немъ, онъ отрядилъ сотню людей изъ своей команды, вверхъ по Амуру, искать добычи. Туземцы въ числѣ 1,000 челов. напали на 70 челов. русскихъ, остав-

шихся въ Ачанскѣ; русскіе отразили это нападеніе: ачане и дауры бѣжали.

Отправленная партія вернулась съ судами, нагруженными добычею и продовольствіемъ. Хабаровъ началъ приводить Ачанскъ въ оборонительное положеніе. Такая предосторожность оказалась не лишнею. Отраженные и ограбленные нашими, дучеры и ачане просили помощи у манджуровъ, и намѣстникъ китайскаго богдыхана въ Манджуріи приказалъ князю Изинею, въ городѣ Нюмъ-гутѣ (Нингути) собрать войско и идти на русскихъ. 2,000 человѣкъ манджуровъ, съ княземъ Изинеемъ, отправились на помощь ачанамъ и дучерамъ; три мѣсяца шло это войско до мѣстопребыванія Хабарова; оно имѣло 8 пушекъ, 30 фузей и 12 пипардовъ (орудіе изъ глины, употреблявшееся для подорванія стѣнъ). 24 марта 1652 г. манджуры подошли подъ ачанскій городъ и открыли по немъ пальбу. Цѣлый день съ обѣихъ сторонъ шла перестрѣлка: непріятель успѣлъ сдѣлать проломъ въ стѣнѣ и ворвался въ городъ. Хабаровъ отбилъ это нападеніе и затѣмъ сдѣлалъ вылазку, взялъ у непріятеля двѣ самыя большія пушки и обратилъ ихъ на него.

Непріятель, потерявъ 670 человѣкъ убитыми и большую часть запасовъ, отступилъ. Съ открытіемъ навигаціи, Хабаровъ отправился вверхъ по рѣкѣ, для избранія болѣе ближняго мѣста къ Якутску, откуда можно было бы имѣть помощь, въ случаѣ вторичнаго нападенія манджуровъ. Между Шунгаломъ и Зеей, Хабаровъ встрѣтилъ 140 чел. казаковъ, посланныхъ къ нему изъ Якутска съ порохомъ и свинцомъ. Соединившись съ ними и продолжая путь далѣе, вверхъ по Амуру, онъ намѣревался поставить на устьѣ Зеи острогъ, но здѣсь начались несогласія и раздоры въ его отрядѣ, изъ котораго 100 челов. бѣжало на грабежъ. Лишенный болѣе трети своего отряда, Хабаровъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе и, продолжая подниматься съ остальными людьми вверхъ по рѣкѣ, достигъ устья рѣки Кумары, гдѣ построилъ укрѣпленный острогъ. Съ нарочными людьми, отправленными отсюда въ Якутскъ, Хабаровъ требовалъ оттуда подкрѣпленія въ 600 челов., для завоеванія рѣки Амура; но изъ Якутска не могли послать такого большаго отряда и съ тѣми же посланцами написали объ этомъ просьбу въ Москву.

Въ Москвѣ, еще до прибытія этихъ посланцевъ, вслѣдствіе полученныхъ отъ якутскаго воеводы донесеній о дѣйствіяхъ Пояркова и Хабарова на Амурѣ, рѣшено было отправить къ Хабарову помощь и возстановить порядокъ. Съ этою цѣлью, въ 1652 году, уже посланъ

былъ изъ Москвы дворянинъ Дмитрій Ивановъ Зиновьевъ, которому было поручено: поощрить казаковъ на Амурѣ, прибавить къ находящейся тамъ командѣ 150 человѣкъ, усилить ихъ снарядами, навѣдаться о положеніи нашихъ на Амурѣ и, наконецъ, приготовить все нужное къ отправленію на Амуръ 3,000 войска, которое предполагалось двинуть туда подъ командою князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Предположеніе это, однако, не осуществилось, а между тѣмъ слава о при-амурскомъ краѣ все болѣе и болѣе распространялась по Сибири. Все населеніе Лены до Верхоленска стремилось туда и многіе бѣжали тайно, такъ что необходимо было принять мѣры для прекращенія побѣговъ.

Зиновьевъ прибылъ на Амуръ въ августѣ 1653 г. и встрѣтилъ Хабарова въ устьѣ рѣки Зеи. Его прибытіе не порадовало казаковъ, потому что онъ главнымъ образомъ пріѣхалъ для того, чтобы возстановить порядокъ въ этой разбойнической вольницѣ и по возможности обратить ихъ къ земледѣлію. Послѣднее было особенно необходимо, чтобы заготовить продовольствіе для войска, которое предполагалось сюда отправить. Казаки не были привычны къ такому труду, они до тѣхъ поръ ходили по Амуру только съ цѣлью грабежа и поживы на счетъ туземцевъ.

Къ довершенію неудовольствія казаковъ, Зиновьевъ взялъ съ собою въ Москву Хабарова, а вмѣсто него оставилъ казака Онуфрія Степанова. Въ Москвѣ Хабаровъ былъ принятъ очень милостиво и пожалованъ саномъ боярина, но на Амуръ уже болѣе не поѣхалъ.

Степановъ съ устья Зеи, изъ зейскаго острога, отправился внизъ по Амуру; входилъ въ рѣку Шунгалъ, добылъ тамъ много хлѣба и зимовалъ у дучеровъ (близъ Хинганскаго хребта, около устья рѣки Буреи). Весной 1654 г. онъ пошелъ вверхъ по Шунгалу и послѣ трехъ-дневнаго плаванія за горами, отъ которыхъ начинается Манджурія, встрѣтился съ манджурскимъ отрядомъ. Послѣдній не хотѣлъ пускать его далѣе, вверхъ по рѣкѣ, но послѣ краткаго боя русскіе обратили отрядъ въ бѣгство. Степановъ, узнавъ отъ плѣнныхъ, что манджуры предоставляютъ русскимъ владѣть всѣмъ этимъ мѣстомъ только до горъ и не хотятъ пускать ихъ далѣе, по Шунгалу, а также что они для этого сосредоточиваютъ тамъ большія силы, вышелъ изъ Шунгала, собралъ ясакъ съ дауровъ, дучеровъ и ачанъ и расположился зимовать въ зейскомъ острогѣ. Вскорѣ послѣ этого изъ Енисейска, чрезъ Байкальское озеро, на подкрѣпленіе Степанову, прибылъ сотникъ Петръ Бекетовъ. На пути, у устья рѣки

Нерчинъ, онъ основалъ нерчинскій острогъ. Бекетовъ и Степановъ на зиму расположились въ кумарскомъ, албазинскомъ и зейскомъ острогахъ; они подчинили владычеству Россіи всѣ завоеванія Хабарова, т. е. земли дауровъ, дучеровъ, гольдовъ, наткисовъ, гиляковъ и страну вверхъ по теченію Шунгала, до хребта. Главныя наши силы на Амурѣ были тогда сосредоточены въ кумарскомъ острогѣ.

Манджуры такъ много терпѣли отъ грабежа нашихъ казаковъ, ходившихъ даже внутрь ихъ страны, что рѣшились удалить русскихъ изъ кумарскаго острога. Для этого въ 1655 г. они собрали до 10,000 войска съ 15 орудіями и повели осаду острога. 20 марта они начали стрѣлять по острогу и въ ночь съ 24 на 25 число сдѣлали приступъ; но русскіе отбили ихъ и обратили въ бѣгство. Непріятель снялъ осаду и отступилъ, потерпѣвъ большой уронъ въ людяхъ: у него было взято 2 пушки, до 800 ядеръ и болѣе 30 пуд. пороха. Собранный, съ покореннаго при-амурскаго края, ясакъ и отбитые у манджуровъ трофеи Степановъ отправилъ въ Москву. Тамъ, по полученіи этихъ извѣстій, предположено было сдѣлать изъ приамурскаго края особое воеводство, совершенно отдѣльное отъ якутскаго и нерчинскаго, но для этого ожидали окончательнаго нашего утвержденія на Амурѣ. На слѣдующій годъ (1656) Степановъ изъ кумарскаго острога поплылъ внизъ по Амуру, входилъ въ рѣку Сунгари и поднимался по ней до манджурскаго города Нингуты; пограбилъ здѣсь огромное количество хлѣба и другихъ продовольственныхъ запасовъ и, отправивъ все это по нашимъ острогамъ, самъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. У гиляковъ, противъ устья р. Амгуни, онъ построилъ косогорскій острогъ, въ которомъ остался зимовать. На слѣдующій 1657 г., собравъ съ гиляковъ и наткисовъ богатый ясакъ, Степановъ пошелъ вверхъ по Амуру; на этомъ пути онъ встрѣтилъ берега пустыми и всѣ селенія разрушенными. По призыву китайскаго богдыхана, всѣ жители съ Амура переселились внутрь Манджуріи; вольницѣ казаковъ нельзя было уже разсчитывать кормиться чужимъ добромъ: грабить было некого и, чтобы не умереть съ голоду, имъ пришлось трудиться самимъ. Степановъ былъ въ величайшемъ затрудненіи; казаки, не привыкшіе ни къ дисциплинѣ, ни къ труду, начали производить набѣги на манджуровъ и грабить ихъ. Повелѣній изъ Москвы: жить мирно съ туземцами и манджурами и отнюдь не производить набѣговъ и грабительства, казаки и вольница не слушали; на Амурѣ была полная анархія.

Между тѣмъ, въ 1656 году, приказомъ изъ Москвы, воеводой въ нерчинскій край былъ назначенъ енисейскій воевода Аѳанасій Филипповичъ Пашковъ; ему же поручено было имѣть главное начальство и на Амурѣ. Пашковъ, слѣдуя на Амуръ въ 1658 году, укрѣпилъ Нерчинскъ и основалъ здѣсь главное свое мѣстопребываніе. Степанову, на Амуръ, онъ послалъ указъ и строжайшее подтвержденіе, чтобы казаки не ходили въ Манджурію, а занимались хлѣбопашествомъ и вообще чтобы они не производили набѣговъ и грабительствъ, а жили бы мирно. Не смотря на это, Степановъ съ 500 казаковъ отправился на фуражировку, вверхъ по рѣкѣ Сунгари, въ Манджурію и тамъ встрѣтился съ большою силою манджуровъ. Произошла упорная битва: 270 челов. казаковъ и съ ними Степановъ были убиты, остальные бѣжали; часть изъ нихъ вернулась въ Якутскъ, а 17 челов. въ 1661 году явились съ этимъ извѣстіемъ въ Нерчинскъ, къ воеводѣ Пашкову. Съ этихъ поръ до 1665 г. на Амурѣ не произошло ничего замѣчательнаго.

Въ 1665 г. толпа вольницы, предводительствуемая Никитою Черниговскимъ, убила въ Киринскѣ якутскаго воеводу Лаврентія Авдѣева Обухова. Боясь наказанія, Черниговскій, съ нѣкоторыми изъ своей шайки, бѣжалъ на Амуръ и поселился въ Албазинѣ, который, послѣ разгрома Степанова, былъ пустъ, какъ почти и всѣ остроги наши, основанные по Амуру Хабаровымъ и Степановымъ. Албазинъ былъ тогда главнымъ нашимъ пунктомъ на Амурѣ. Черниговскій собралъ съ окрестныхъ жителей и дауровъ ясакъ и все послалъ въ Нерчинскъ, Пашкову, извѣщая его о возобновленіи Албазина. Въ 1672 г., при урочищѣ Брюсяномъ камнѣ, близъ Албазина, по желанію албазинцевъ, іеромонахомъ Гермогеномъ былъ заложенъ монастырь во имя Спаса Всемилостивѣйшаго и въ этомъ же году Пашковъ отправилъ изъ Нерчинска въ Албазинъ нѣсколько семей крестьянъ, для разведенія хлѣбопашества. Черниговскій, по представленію Пашкова, былъ прощенъ.

Во избѣжаніе столкновеній съ китайцами на Амурѣ, въ 1675 г. изъ Москвы было отправлено въ Китай посольство; посланникомъ былъ переводчикъ посольскаго приказа грекъ Никита Спофарій. Это посольство не добралось до Пекина и не имѣло никакихъ послѣдствій. На Амурѣ все было тихо.

Въ 1681 г. изъ Албазина была послана на р. Амуръ экспедиція для приведенія амгунскихъ, тугурскихъ и прибрежныхъ инородцевъ въ ясачное положеніе. Въ этихъ видахъ и были основаны на рѣкахъ

Амгунѣ и Тугурѣ остроги: на Амгунѣ, при устьяхъ рѣкъ Делина и Нимелана: усть-делинскій и усть-нимеланскій, а на Тугурѣ—тугурскій. Всѣ инородцы по берегамъ этихъ рѣкъ были подчинены русскому владычеству. Такимъ образомъ, къ 1681 г. не только весь при-амурскій край составлялъ владѣніе Россіи, но, благодаря вліянію на туземцевъ изъ ачанскаго и косогорскаго остроговъ, мы, кромѣ того, владѣли бассейномъ рѣки Уссури и частью Сунгари, до горъ. Положеніе наше на рѣкѣ Амурѣ въ то время было таково: главный и укрѣпленный пунктъ страны былъ Албазинъ, затѣмъ остроги по Амуру, внизъ отъ Албазина: кумарскій, зейскій, косогорскій и ачанскій; на рѣкѣ Амгуни —усть-делинскій и усть-нимеланскій, а на рѣкѣ Тугурѣ, около 100 верстъ отъ ея устья, тугурскій. Кромѣ того, по рѣкѣ Амуру находились земледѣльческія деревни и слободы: Андрюшкина, Игнатина, Монастырщина, Покровская, Озерная и друг.

Въ 1684 г. весь при-амурскій край былъ названъ отдѣльнымъ албазинскимъ воеводствомъ; городу Албазину были даны особый гербъ и печать. Первымъ воеводою былъ Алексѣй Толбузинъ. Между тѣмъ китайцы и манджуры, встревоженные нашимъ сосѣдствомъ и вліяніемъ на сопредѣльныя Манджуріи страны, рѣшились выжить русскихъ съ Амура. Наши посты внизъ по рѣкѣ отъ Албазина сдѣлались первымъ предметомъ ихъ нападенія. Всѣ они были ими разворены, а въ 1685 г. непріятельская сила, состоявшая изъ 5,000 человѣкъ, приплывшихъ на 100 судахъ, и 10,000 человѣкъ, прибывшихъ изъ Цицикора, сухимъ путемъ, съ 150 полевыми и 50 осадными орудіями, подступила къ Албазину и требовала его сдачи. 12 іюня 1685 г., послѣ того какъ албазинцы отвергли предложеніе манджуровъ о добровольной сдачѣ, началась канонада съ манджурскихъ батарей. Въ Албазинѣ было всего 450 человѣкъ гарнизона подъ начальствомъ воеводы Толбузина; недостатокъ огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ не дозволилъ русскимъ отстоять острожекъ, и непріятельская артиллерія разрушила его. Наши вступили въ переговоры и непріятель согласился отпустить Толбузина съ его командою и жителями Албазина въ Нерчинскъ; только 25 челов. приняли предложеніе манджуровъ отдаться имъ и увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, основавшаго въ Пекинѣ первую русскую церковь. Албазинъ былъ разворенъ и непріятельская сила потянулась въ Айгунъ—манджурскій городъ, основанный предъ симъ ниже устья Зеи,—на правомъ берегу Амура. Не смо-

тря однако на такой дурной оборотъ нашихъ дѣлъ въ Даурiи, сосѣднее съ нею нерчинское воеводство сдѣлало снова попытку занять Албазинъ и при-амурскiй край; почему въ 1686 г., по приказанiю нерчинскаго воеводы Власова, албазинскiе выходцы съ полковникомъ Аѳанасiемъ фонъ-Бейтономъ и тѣмъ же Толбузинымъ отправились на Амуръ и возобновили разрушенный Албазинъ. На берегахъ Амура снова явились наши острожки и населенiе; русскiе по прежнему начали обработывать брошенныя ими поля, а инородцы стали вносить имъ ясакъ. Въ 1687 г. хлѣбъ въ Албазинѣ продавался: рожь и овесъ по 9 коп. за пудъ, пшеница 12 коп., горохъ и конопляное сѣмя по 30 коп. Китайцы и манджуры встревожились нашимъ вторичнымъ поселенiемъ на берегахъ Амура и китайскiй императоръ (богдыханъ) Каханъ-Си далъ повелѣнiе во что бы то ни стало выгнать русскихъ съ Амура. Въ iюнѣ 1687 г. передъ Албазиномъ явилось манджурское войско, состоявшее изъ 8,000 человѣкъ съ 40 орудiями. Русскiе сожгли всѣ дома внѣ крѣпости, перешли въ нее и выкопали себѣ тамъ землянки; всѣхъ нашихъ въ крѣпости было 736 чел. Манджуры прикрыли свой лагерь деревянною стѣною, но русскiе частiю уничтожили ее каленными ядрами и частiю взорвали; тогда непрiятель окружилъ свой станъ земляным валомъ и поставилъ на немъ пушки. 1 сентября манджуры пытались взять крѣпость приступомъ, но были отбиты съ большою потерею. Къ несчастiю, между осажденными въ Албазинѣ отъ тѣсныхъ помѣщенiй открылась цынга и, къ довершенiю бѣдствiй, храбрый воевода Толбузинъ въ сентябрѣ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ; послѣ него начальство принялъ полковникъ Бейтонъ. Не смотря на постоянное дѣйствiе полевой и осадной манджурской артиллерiи, осада Албазина шла безуспѣшно; въ концѣ ноября непрiятель перемѣнилъ ее на блокаду, а въ маѣ 1688 г. снялъ и ее и отступилъ на 4 версты. У Бейтона въ Албазинѣ оставалось только 66 человѣкъ, остальные же частiю были убиты, а частiю умерли отъ цынги. Непрiятель потерялъ болѣе половины своего войска. Въ это критическое время внезапно прiѣхалъ изъ Пекина гонецъ съ повелѣнiемъ богдыхана о прекращенiи осады Албазина, подъ тѣмъ предлогомъ, что о разграниченiи земель идутъ съ обѣихъ сторонъ переговоры. Манджуры и китайцы отступили отъ Албазина и 30 августа 1688 г. возвратились въ Айгунъ.

ГЛАВА II.

Посольство Головина и заключеніе нерчинскаго трактата въ 1689 году.—Величайшая заслуга Головина заключается въ первомъ пунктѣ трактата.—Мнѣніе китайскаго правительства.—Наше положеніе послѣ нерчинскаго трактата.

Въ Москвѣ поняли, что безъ утвержденія границъ между Россіею и Китаемъ нельзя прочно владѣть краемъ, а потому были посланы въ Пекинъ одинъ за другимъ два гонца, канцеляристы Венуковъ и Логиновъ, съ увѣдомленіемъ о начатіи переговоровъ и о назначеніи съ нашей стороны уполномоченнымъ окольничаго Ѳедора Алексѣевича Головина. Вторымъ лицомъ при переговорахъ былъ нерчинскій воевода Иванъ Астафьевичъ Власовъ; дѣлами управлялъ дьякъ Семенъ Корницкій. Съ китайской стороны были высланы 8 сановниковъ, которые прибыли въ окрестность Нерчинска съ огромной свитой и 10,000 пѣшаго и коннаго войска, подъ предлогомъ доставленія посольству съѣстныхъ припасовъ. Въ качествѣ переводчиковъ, съ китайцами были два іезуита: Жербильонъ и Перейра. Съ нашей стороны у Головина и во всемъ нерчинскомъ краѣ было менѣе 500 человѣкъ войска. При такомъ перевѣсѣ китайцевъ въ численной силѣ, Головинъ не могъ дѣлать настоятельныхъ требованій на уступку Россіи при-амурскаго края, и китайцы, вмѣсто мирныхъ переговоровъ, начали прямо грозить нападеніемъ на Нерчинскъ, если Головинъ не согласится на ихъ предложеніе: уничтожить Албазинъ и отдать всю Даурію Китаю. Головинъ протестовалъ противъ этихъ насильственныхъ дѣйствій и не соглашался на ихъ предложеніе. Тогда китайцы начали вооружать противъ насъ недавно покоренныхъ бурятъ нерчинскаго края и, вмѣстѣ съ ними готовились осаждать Нерчинскъ, въ которомъ находилось наше посольство; при этомъ свое требованіе они повторили Головину въ видѣ ультиматума.

Головинъ, находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, предложилъ имъ прислать проэктъ о разграниченіи. 21-го августа этотъ проэктъ былъ присланъ Головину отъ китайцевъ въ слѣдующемъ видѣ: „Граница между Россіею и Китаемъ должна идти отъ вершины рѣки Горбицы до истоковъ рѣки Уди, а отсюда по вершинамъ горъ, направляющихся къ сѣверу и оканчивающихся Чукотскимъ носомъ.“ Вмѣстѣ съ присылкою проэкта они просили немедленнаго отвѣта на него. На этотъ разъ они измѣнили смыслъ проэкта, такъ какъ въ предлагавшемся въ первый разъ условіи, въ видѣ ультиматума, на который Головинъ согласился, *„граница была означена по Хинганскому хребту„ до моря, а о сѣверныхъ горахъ и Чукотскомъ носъ ничего не упоминалось.“* На эти послѣднія несообразныя требованія Головинъ не отвѣчалъ. Китайскіе уполномоченные, тщетно прождавъ 3 дня отвѣта отъ Головина и видя, что онъ никакъ не согласится съ ихъ предложеніемъ и что принудить его къ этому могутъ только военныя дѣйствія, боялись дѣлать насиліе, которое не привело бы ни къ какому результату, а только навлекло бы гнѣвъ богдыхана, и объявили Головину, что они отказываются отъ послѣдняго предложенія и желаютъ съ нимъ кончить дѣло на основаніи перваго ихъ предложенія, на которое онъ согласился. Къ этому побуждали еще китайцевъ, во-первыхъ, іезуиты и, во-вторыхъ, желаніе ихъ отстоять, во что бы то ни стало, Даурію, подъ которою они понимали всю страну по теченію Амура, до сліянія этой рѣки съ рѣкою Сунгари.

Такъ какъ ни китайцамъ, ни Головину не были хорошо извѣстны приморскія страны, и Головинъ усматривалъ, что китайцы хлопочутъ главное о Дауріи, гдѣ всѣ рѣки, впивающіяся въ Амуръ, какъ то: Зея, Бурея и друг., текутъ отъ сѣвера къ югу, то, по возобновленіи переговоровъ, онъ настаивалъ, чтобы въ трактатѣ было упомянуто о направленіи рѣкъ и чтобы страна къ морю осталась безъ разграниченія. Китайцы согласились и 26 августа 1689 г. былъ подписанъ нерчинскій трактатъ — первый и самый важный дипломатическій актъ въ сношеніяхъ Россіи съ Срединнымъ государствомъ. Первые два пункта этого трактата, относящіеся до ри-амурскаго края, выражены такъ:

„*Рѣка Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку, близъ рѣки Черной, рубежъ между обоими государствами постановитъ; такожде отъ вершины тоя рѣки каменными (становыми) Хинганскими горами (хребтомъ), начиная отъ вершины*

рѣки и по самымъ вершинамъ тѣхъ горъ до вершины рѣки Уди, а далѣе, по тѣмъ же горамъ, до моря протяженнымъ, обоихъ государствъ Державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ, малымъ и великимъ, которыя съ полуденной стороны сихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ, быти во владѣніи Ханскаго государства, тѣмъ же рѣкамъ, которыя текутъ съ другой стороны и по всѣмъ другимъ направленіямъ этихъ горъ, быти подъ Державою Царскаго Величества Россійскаго государства, и всѣ земли сущія между тою рѣкою Удью и принятыми вышесказанными пограничными горами до моря неограничены нынѣ да пребываютъ, *поелику на оныя полномоченные послы Царскаго Величества указу не имѣютъ и отлагаютъ неограниченными до иного благополучнаго времени, въ которое Царское Величество и Богдыханское Величество похощутъ о томъ послати послы посланники любительными пересылками, и тогда, или чрезъ грамоты, или чрезъословъ, тѣ неограниченныя земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничити могутъ“.*

Въ 3-мъ пунктѣ трактата сказано: *городъ Албазинъ, который построенъ былъ со стороны Царскаго Величества, разорить до основанія и также на Амурь прибывающихъ всѣхъ русскихъ людей со всѣми при нихъ запасами и пожитками перевести въ предѣлы Царскаго Величества.*

Вслѣдствіе этого договора, осенью 1689 г. и весною 1690 г. всѣ люди изъ Албазина и съ Амура перешли въ Нерчинскъ, а Албазинъ былъ сожженъ манджурами до основанія.

Сибирская лѣтопись того времени такъ говоритъ объ этомъ происшествіи: „Россіяне несправедливымъ образомъ, перемогающею силою непріятелей, съ Амура вытѣснены, и что еще несправедливѣе насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась“. *).

Этотъ краткій обзоръ событій, совершившихся на рѣкѣ Амурѣ съ 1643—1689 г., ясно показываетъ, что не желаніе завладѣть и утвердиться въ бассейнѣ одной изъ величайшихъ рѣкъ, вливающихся въ Восточный океанъ, а заманчивые слухи о богатствѣ обитающихъ тамъ народовъ и жажда корысти вызвали предпріимчивыхъ завоевателей Сибири, — вольницу казаковъ и промышленниковъ,—на подвигъ завладѣнія Амуромъ. Но здѣсь наша вольница встрѣтила независимые народы, сосѣдственные сильному и устроен-

*). Ежемѣсячныя сочиненія, октябрь, 1757 г., стран. 328.

ному государству, всегда готовому подать имъ помощь. Въ остальной Сибири эта отважная вольница не встрѣчала такихъ препятствій и потому не могла предвидѣть, что дѣйствія ея въ при-амурскомъ краѣ должны быть совершенно иныя и болѣе сообразованы съ условіями страны. „Предпріятія русскихъ на Амурѣ въ 17-мъ столѣтіи“, говоритъ Риттеръ, „могли бы имѣть важныя послѣдствія, если бы они умѣли воспользоваться завоеваніями Хабарова, которыя открыли имъ возможность проложить путь къ крайнимъ предѣламъ Азіи и основать богатую житницу“. Дѣйствительно, того и другого мы могли бы достигнуть весьма легко, а именно слѣдовало бы: а) учредить порядокъ и дисциплину между вольницей русскихъ на Амурѣ; б) прекратить разъѣзды казаковъ на грабежи къ инородцамъ и въ Манджурію; в) стараться привлекать инородцевъ къ себѣ ласковымъ съ ними обращеніемъ, строгимъ огражденіемъ неприкосновенности ихъ собственности, уваженіемъ коренныхъ ихъ обычаевъ и уничтоженіемъ сбора съ нихъ ясака; наконецъ, г) основаніемъ по берегамъ Амура и его притокамъ земледѣльческихъ поселеній.

Между тѣмъ московское правительство, сознавая всю важность открытій Пояркова и завоеваній Хабарова, посылаетъ на Амуръ, какъ мы видѣли, съ упомянутою выше цѣлью, Зиновьева. Какъ лицу, облеченному высшею правительственною властію, Зиновьеву слѣдовало бы, пользуясь любовью казаковъ къ Хабарову и уваженіемъ всѣхъ находившихся тогда на Амурѣ русскихъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ помощію изъ Якутска и Нерчинска, установить, въ сказанныхъ видахъ, порядокъ и твердую власть на Амурѣ и направить Хабарова къ поддержанію этого. Но Зиновьевъ, увозя съ собою Хабарова, оставляетъ на Амурѣ вмѣсто него Степанова, человѣка, не понимающаго важности лежащей на немъ обязанности, — грубаго, дерзкаго и способнаго только производить грабежи и набѣги. Затѣмъ московскіе приказы, не принимая во вниманіе, что завоеваніемъ амурскаго бассейна обязаны были распоряженіямъ изъ Якутска и что поэтому якутскіе воеводы, какъ лица близко заинтересованныя въ этомъ славномъ дѣлѣ, могли бы съ бо́льшимъ вниманіемъ наблюдать за порядками на Амурѣ и съ энергіею помогать тамъ нашему водворенію и утвержденію, а также, что сообщеніе Якутска съ при-амурскимъ краемъ не можетъ быть прервано непріязненными покушеніями; вмѣсто того, чтобы оставить этотъ край, требующій установленій въ немъ порядка и

безпрестанной помощи, въ непосредственномъ вѣдѣніи якутскихъ воеводъ, дѣлаютъ его отдѣльнымъ, подъ управленіемъ Степанова, и черезъ это уничтожаютъ рвеніе къ нему изъ Якутска.

Послѣ Степанова этотъ край поступаетъ подъ непосредственное начальство и управленіе Пашкова, человѣка болѣе заинтересованнаго завладѣніемъ Забайкалья чѣмъ Амура. Пашковъ останавливается въ Нерчинскѣ, заботясь не о приведеніи въ порядокъ дѣлъ на Амурѣ, а объ обезпеченіи сообщенія Нерчинска съ Иркутскомъ; при-амурскій же край дѣлается пристанищемъ разбойниковъ и людей подобнаго закала. Воздвигается Албазинъ, изъ котораго, по слѣдамъ Степанова, въ сосѣдшюю Манджурію отправляются партіи на грабежи. Въ это же время московскіе приказы, какъ бы довольные присылкою съ Амура награбленнаго ясака, вмѣсто того, чтобы озаботиться скорѣйшею высылкою туда надлежащей военной силы, требованной еще якутскими воеводами, — медлятъ и ограничиваются одними пустыми переговорами и отписками. Китайское правительство, усматривая постоянный хаосъ на Амурѣ и не предвидя конца набѣгамъ и грабежамъ на сосѣдственную провинцію Манджурію, находится въ необходимости принять рѣшительныя мѣры. Когда китайское войско, уничтоживъ всѣ русскіе остроги въ при-амурскомъ краѣ, подступило къ единственному остававшемуся у насъ пункту — Албазину, въ Москвѣ только тогда какъ бы опомнились и снарядили Головина съ 500 казаковъ. Головинъ, вступивъ въ Забайкалье, находитъ этотъ край не только не устроеннымъ, но и не огражденнымъ отъ безпрестанныхъ на него нападеній монголовъ. Онъ находится вынужденнымъ употребить для этого почти всю приведенную имъ силу, лишается поэтому средствъ заставить китайцевъ уважать обще-народныя государственныя права, и, являясь такимъ образомъ какъ бы въ плѣну у китайцевъ,—подписываетъ нерчинскій трактатъ, по которому Россія лишается всѣхъ завоеваній Хабарова.

Все вышесказанное ясно показываетъ, что такая печальная развязка произошла единственно отъ тогдашнихъ приказныхъ правителей, а не отъ того, какъ утверждаютъ и настоящіе приказные бюрократы, что будто бы не наступила тогда еще пора для русскихъ завладѣть Амуромъ.

Но каковы бы ни были московскія приказныя ошибки и дикія своекорыстныя побужденія амурской вольницы, приведшія къ таковымъ печальнымъ для Россіи послѣдствіямъ, безпристрастное

потомство должно помнить и съ удивленіемъ взирать на геройскіе подвиги самоотверженія первыхъ піонеровъ и завоевателей приамурскаго края, часто платившихся жизнію и кровью за свое молодечество и удаль. Потомство съ признательностью сохранитъ имена ихъ, дошедшія до насъ въ сибирскихъ повѣствованіяхъ, потому что они первые проложили путь по неизвѣстной рѣкѣ, открыли существованіе неизвѣстныхъ до того времени народовъ и, хотя не оставили никакихъ свѣдѣній о главномъ обстоятельствѣ, обусловливающемъ значеніе рѣки и страны, ею орошаемой, — именно о состояніи ея устья и прибрежьевъ, но уже своимъ водвореніемъ на ея берегахъ доставили Россіи неоспоримое право къ возвращенію этой страны.

Чтобы понять вмѣстѣ съ этимъ огромную заслугу, оказанную Россіи Головинымъ, необходимо обратиться къ смыслу перваго пункта, заключеннаго имъ нерчинскаго трактата. Мы видѣли, что манджуры и туземцы подъ рѣкою Амуромъ разумѣли только ту часть рѣки, которая идетъ до устья Сунгари и знали, что только двѣ большія рѣки, Зея и Бурея (притоки Амура), вытекаютъ изъ каменныхъ, пограничныхъ горъ и текутъ на югъ.. Мы видѣли также, что горы, идущія къ сѣверу отъ вершины рѣки Уди, огибающія Охотское море и оканчивающіяся Чукотскимъ носомъ, не приняты за пограничныя, а оставлены во владѣніи Россіи; слѣдовательно, граница наша, долженствовавшая идти по горамъ, изъ которыхъ выходятъ рѣки Зея и Бурея,—не могла имѣть направленіе сѣверное, а какое либо иное, съ условіемъ, что горы эти, принятыя за пограничныя, должны упираться въ море; но въ какое море: Охотское или Корейское—не обозначено; а между тѣмъ оба эти моря омываютъ прибрежья при-амурскаго бассейна. Соображая всѣ эти обстоятельства со смысломъ выраженія нерчинскаго трактата, т. е. что *граница Россіи отъ верховья рѣки Горбицы должна идти по становому Хинганскому хребту до верховья рѣки Уди, а оттуда по тому же хребту до моря протяженному*, и что *всѣ рѣки, выходящія изъ этого хребта и идущія отъ него по всѣмъ направленіямъ кромѣ южнаго, принадлежатъ Россіи*, выходитъ, что Головинъ, настоявъ на такомъ выраженіи въ трактатѣ, обусловилъ только границу собственно Дауріи; слѣдовательно, только то пространство рѣки Амура, которое принималось манджурами за Шилькаръ или Маму; все же остальное пространство бассейна рѣки Амура, до моря, оставилъ не только неопредѣленнымъ, но главное въ зависимости

отъ направленія пограничныхъ горъ, верховья рѣки Уди и рѣкъ, вытекающихъ изъ этихъ горъ; а также отъ того обстоятельства, въ какое море эти горы упираются: въ Охотское или Корейское. Эти-то обстоятельства и оставили за Россіею полное право на возвращеніе отъ Китая амурскаго бассейна. Весьма естественно, что они и возродили, въ особенности въ сибирякахъ, надежду на скорое утвержденіе этой страны за Россіею. Сожалѣніе о потери приамурскаго края распространялось въ то время еще болѣе разсказами вышедшихъ съ Амура людей: они долго не могли забыть привольнаго житья своего въ этомъ краѣ. Названіе Благословенной земли, оставшееся между потомками албазинскаго воеводства, вполнѣ говорило сибирякамъ въ пользу его. Да и могли ли албазинцы забыть землю, которую отстаивали съ такими усиліями, имѣя дѣло съ сильными тогда манджурами, покорившими Китай и всѣ сосѣдніе съ нимъ народы. Дѣйствительно, происшествія, совершившіяся тогда на Амурѣ, составляютъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ русскихъ, и эти подвиги занимаютъ лучшія страницы въ исторіи колонизаціи Сибири. Что же касается до неумѣренной молвы о природныхъ богатствахъ тамошняго края, о которомъ албазинцы въ отпискахъ и лѣтописяхъ своихъ отзывались съ такимъ преувеличеніемъ, то это было только влеченіе къ новому поселенію, которое безъ сомнѣнія было лучше якутскаго и сосѣдняго съ нимъ нерчинскаго края. Казакамъ въ особенности нравилась вольная безотвѣтственная жизнь: они свободно разъѣзжали по Амуру и Сунгари,— собирали ясакъ и брали что хотѣли. Смѣлость ихъ доходила до того, что многіе изъ нихъ ходили и грабили даже во внутрь Манджуріи. Подобная жизнь была по сердцу россійской удалой вольницѣ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ по Амуру было построено нѣсколько острожковъ, деревень, крестьянскихъ займокъ, мельницъ и однодворокъ. При усиленныхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ манджурами, жители этихъ селеній, раскинутыхъ на огромное разстояніе, покидали свои жилища и, для отраженія непріятеля, собирались въ главные пункты: въ кумарскій или албазинскій острогъ.

Вспоминая о дѣйствіяхъ нашихъ на Амурѣ въ описываемый періодъ времени, нельзя не упомянуть, что по географической картѣ, напечатанной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, граница наша показана: на востокѣ—Охотское море съ устьемъ р. Амуръ, на юго-востокѣ—рѣка Амуръ до устья Шунгала (Сунгари), на югѣ— отъ устья Шунгала по Шилькару (Амуру) и далѣе по горнымъ

хребтамъ и рѣкамъ до р. Исети. Въ составъ владѣній нашихъ входили всѣ земли, завоеванныя при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ, и ихъ жители (кромѣ сѣверныхъ инородцевъ), какъ то: гиляки, наткисы, гольды, ачане, дучеры, дауры, тунгусы и буряты.

Китай, завладѣвъ такимъ образомъ при-амурскимъ краемъ, прервалъ сообщеніе Забайкалья съ моремъ, и Сибирь осталась вполнѣ чуждою всякому развитію. Стоитъ только внимательно взглянуть на карту Сибири, чтобы оцѣнить всю важность этой потери: полоса земли въ нѣсколько тысячъ верстъ, удобная для жизни осѣдлаго человѣка и составляющая собственно Восточную Сибирь, гдѣ сосредоточивалось и могло развиться далѣе ея народонаселеніе, а съ нимъ и жизнь края, ограничивается: на югѣ—недоступными для сообщенія цѣпями горъ и песчаными морями; на сѣверѣ: ледяными, безконечными тундрами, прилегающими къ такому же ледяному океану; на западѣ: единственными путями, чрезъ которые только и можно наблюдать и направлять ея дѣйствія къ дальнѣйшему развитію, наравнѣ съ общимъ развитіемъ нашего отечества,—путями, чрезъ которые только и возможно увеличеніе ея населенія; на востокѣ—опять недоступными для сообщенія горами, болотами и тундрами. Всѣ огромныя рѣки, ея орошающія: Лена, Индигирка, Колыма и друг., которыя при другомъ направленіи и положеніи могли бы составить благо для края,—текутъ въ тотъ же Ледовитый, почти недоступный, океанъ и чрезъ тѣ же, недоступныя для жизни человѣка, пространства.

Ясно, что край, находившійся въ такомъ положеніи, не могъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ правильно развиться.

Между тѣмъ природа не отказала Восточной Сибири въ средствахъ къ этому развитію; она надѣлила ее и плодоносными землями, и здоровымъ климатомъ, и внутренними водяными сообщеніями, связывающими ее болѣе или менѣе съ остальною Россіею, и богатствами благородныхъ и друг. металловъ, — элементами, ручающимися за благоденствіе ея жителей и за ея постепенное и возможное развитіе; если только ей открыть путь, посредствомъ котораго она могла бы свободно сообщаться съ моремъ. Единственный такой путь представляетъ собою, когда-то потерянная нами, рѣка Амуръ. Эта рѣка, однако, только тогда имѣетъ для насъ вышесказанное значеніе, если устье ея доступно для плаванія мореходныхъ судовъ. Но на этотъ-то *главный и жизненный вопросъ*

не было тогда обращено никакого вниманія; относительно его мы находились во мракѣ. Великій преобразователь Россіи, Петръ I, уповая, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ и сознавая всю важность обладанія при-амурскимъ краемъ, переселилъ въ Забайкалье стрѣльцовъ и тѣмъ положилъ первое основаніе нашей силы въ преддверіи амурскаго бассейна. За нимъ, Екатерина II въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказала важность обладанія Амуромъ: „*еслибы Амуръ могъ намъ только служить, какъ удобный путь для продовольствія Камчатки и вообще нашихъ владѣній на Охотскомъ морѣ, то и тогда обладаніе онымъ было бы для насъ важнымъ*“. Вотъ какъ понимали значеніе для Россіи при-амурскаго края наши великіе монархи!

Китайцы, довольные тѣмъ, что горы и безлюдныя пустыни отдѣлили съ сѣвера при-амурскую Даурію отъ Якутской области, изъ которой для покоренія первой явились русскіе, ограничились лишь построеніемъ, на верхнемъ Амурѣ, айгунской крѣпости. Эта крѣпость служила оплотомъ Дауріи со стороны Забайкалья; остальную же затѣмъ часть края они оставили безъ всякаго вниманія, имѣя въ виду, съ одной стороны, что горы и море, отдѣляющія его на сѣверо-востокъ отъ болѣе или менѣе населеннаго нашего приленскаго края, служатъ вѣрною защитою отъ насъ ихъ Манджуріи. Съ другой стороны, боясь притязанія на этотъ край русскихъ, по случаю его неопредѣленности (по смыслу нерчинскаго трактата), оставили такимъ образомъ средній и нижній Амуръ съ его притоками въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ нашелъ его Поярковъ въ 1644 году, т. е. *свободнымъ*.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ договора, русскіе, опасаясь внутреннихъ междоусобій монголовъ, пускались съ караванами черезъ Манджурію и этимъ путемъ достигали Пекина. Въ лежащихъ на пути городахъ и селеніяхъ они производили мѣновую торговлю съ манджурами. Но, по новости торговыхъ сношеній, русскіе какъ-то не могли сойтись съ ними, отчего происходила постоянная вражда, положившая предѣлъ этимъ сношеніямъ. Послѣ убійства, сдѣланнаго русскими въ центрѣ Манджуріи, наши караваны не были туда впускаемы и должны были направляться въ Пекинъ, опять черезъ Монголію; съ этихъ поръ все было какъ бы забыто и при-амурскій край для насъ какъ бы не существовалъ. Сопредѣльное же съ нимъ наше Забайкалье сдѣлалось мѣстомъ ссылки преступниковъ и было для насъ только грозою и какимъ-то

ледянымъ чудовищемъ, при воспоминаніи о которомъ трепетали въ Европѣ. Такъ проходили годы. Между тѣмъ народонаселеніе Сибири возрастало; пути, ведущіе въ нее изъ Европейской Россіи, населялись и улучшались. Владѣнія наши болѣе и болѣе распространялись отъ Якутска къ сѣверо-востоку.

Восточный океанъ съ его островами и прибрежными землями сѣверной Азіи сдѣлался въ особенности предметомъ изысканій предпріимчивыхъ казаковъ и отчаянныхъ промышленниковъ, возбуждаемыхъ жаждою обогащенія. Съ 1690 г. стала извѣстна Камчатка; немного времени спустя, открыты Курильскіе острова; въ 1710 г. получено извѣстіе о существованіи Японіи. Въ 1712 г. русскіе заняли Шантарскіе острова. Въ 1716 г. два торговыхъ дома въ Петербургѣ подали въ сенатъ просьбу о дозволеніи имъ производить торговлю съ Японіею и Остъ-Индіею; они полагали достигнуть Японіи такимъ образомъ: изъ Сѣверной Двины войти въ Ледовитый океанъ, а изъ него въ Обскую губу и затѣмъ по Оби и извѣстнымъ водянымъ системамъ Западной и Восточной Сибири, до Байкала; отсюда по рѣкамъ Селенгѣ и Шилкѣ и, наконецъ, по Амуру и Восточнымъ океаномъ, до Японіи. Просьба эта была передана генералъ-фельдцейхмейстеру Брюссу, поддерживавшему съ большимъ участіемъ это предпріятіе. Брюссъ предварительно отнесся къ тобольскому воеводѣ князю Гагарину объ истребованіи отъ нерчинскаго начальства достовѣрныхъ извѣстій о плаваніи по р. Амуру и свѣдѣній объ Японіи. Имъ же сдѣлано было тогда особое представленіе о посылкѣ свѣдущихъ людей для ученаго описанія отдаленныхъ мѣстъ Восточной Сибири и водянаго пути въ Японію, съ которою предполагалось войдти въ торговыя сношенія. Онъ находилъ, что эти сношенія принесутъ Россіи важную пользу. Обстоятельство это не имѣло, однако, никакихъ послѣдствій; всякіе виды на Амуръ въ то время, когда нерчинскій трактатъ понимался иначе, были невозможны.

Между 1710 и 1720 гг. русскіе поселяются на полуостровѣ Камчаткѣ, а отсюда постепенно занимаютъ Курильскіе острова. Въ это же время учреждается постоянное плаваніе между Камчаткою и Охотскомъ; приводится въ извѣстность прибрежье Охотскаго моря, между Охотскомъ и рѣками Алдамой, Удью и Тугуромъ; открываются Шантарскіе острова и начинается производство на нихъ пушнаго промысла.

Въ 1719 г., по повелѣнію Петра I, геодезисту Евреинову по-

ручается обозрѣть южную часть Камчатки и Курильскіе острова, и положить на чертежъ (карту). Въ 1725 г., по начертанію Петра I, Екатерина I снаряжаетъ экспедицію подъ начальствомъ командора Беринга, съ лейтенантами Шпанбергомъ и Чириковымъ, для описи, извѣстнаго уже тогда чрезъ морехода изъ Камчатки Дешнева, открытаго имъ пролива между Азіею и Америкою (называемаго на картѣ Беринговымъ). Эта экспедиція привела въ извѣстность Камчатскій полуостровъ съ островами Восточнаго океана, лежащими между Камчаткою и материкомъ Америки, а равно и часть сѣверо-западнаго берега этого материка.

Вторая экспедиція Беринга, назначенная по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны въ 1733 г., имѣла цѣлію открыть пути въ Японію и занятіе ближайшихъ къ Камчаткѣ мѣстъ Сѣверной Америки.

Вслѣдствіе этого, командоръ Берингъ и лейтенантъ Чирпковъ, описывавшіе сѣверо-западный материй берегъ Америки, вмѣстѣ съ тѣмъ указали путь русскимъ промышленникамъ въ Аляску и на Алеутскіе острова. Въ 1727 г., при императрицѣ Екатеринѣ I, отправленное въ Пекинъ посольство Саввы Владиславовича Рагузинскаго, не касалось вопроса о при-амурскомъ краѣ; не смотря на то, что китайцы настаивали на этомъ. Рагузинскій отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ для этого полномочій, а потому все оставляетъ по прежнему.

Въ 1738 — 39 гг. лейтенанты Шельтингъ и Вальтонъ, бывшіе въ экспедиціи Беринга, плавали изъ Камчатки вдоль Курильской гряды и доходили до Японскихъ острововъ: Мацмая и Нипона. Во время этого путешествія они получили свѣдѣнія отъ курильцевъ, что весьма близко отъ Мацмая, къ сѣверу, лежитъ большая земля Корафту (Сахалинъ), что на южной ея оконечности живутъ аины—народъ одноплеменный курильцамъ и, наконецъ, что эта земля находится близъ устья большой рѣки Шунгала (Сунгари — Ула), (р. Амура). Но такъ какъ Шельтингу не повѣрили, чтобы онъ былъ въ Японіи, а полагали, что они съ Вальтономъ попали на какой либо китайскій берегъ (Корея), то въ 1741 г. изъ Камчатки въ Японію былъ посланъ лейтенантъ Шпанбергъ. Онъ, по случаю открывшейся въ его судиѣ сильной течи, не дошелъ и принужденъ былъ возвратиться обратно. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1742 г. отправился съ тою же цѣлью изъ Охотска лейтенантъ Шельтингъ; онъ достигъ сѣверной оконечности Сахалина и посылалъ въ лиманъ

рѣки Амура шлюпку; отсюда, обогнувъ Сахалинъ съ сѣверо-востока, осмотрѣлъ почти весь восточный берегъ его, но по позднему времени, не достигнувъ Японіи, возвратился въ Камчатку. Вслѣдъ за этими мореплавателями начали посѣщать ближайшіе къ камчаткѣ Курильскіе острова, наши промышленники; они встрѣчались съ японцами и всегда были принимаемы ими дружелюбно. Между тѣмъ, около этого же времени, выбросило на берега Камчатки японскую джонку; спасенные съ нея японцы долгое время жили у насъ въ Верхнекамчаткѣ и потомъ были доставлены нашими промышленниками на Курильскіе острова, къ японцамъ.

Эти экспедиціи и свѣдѣнія, полученныя отъ промышленниковъ и отъ находившихся у насъ японцевъ, дали намъ понятіе объ Японіи и о томъ, что Сахалинъ (Корафту)—большая земля, лежащая близъ устья большой рѣки Амуръ; что земля эта населена различными инородцами, ни отъ кого независимыми и что русскіе первые изъ европейцевъ открыли и частію описали Сахалинъ. Кромѣ того, мы имѣли тогда свѣдѣнія, доставленныя Шельтингомъ о сѣверной части амурскаго лимана, въ который онъ посылалъ шлюпку. Затрудненіе продовольствовать Камчатку было причиною того, что въ 1745 г. изъ Камчатки былъ посланъ проэктъ, въ которомъ доказывалась необходимость для Россіи обладанія Амуромъ и возможность возвратить его, дѣйствуя съ моря, т. е. съ устья рѣки. Такимъ образомъ, вслѣдствіе затрудненія въ перевозкѣ хлѣба и другихъ запасовъ изъ Якутска въ Охотскъ, по дорогѣ едва проходимой, послѣ многихъ лѣтъ, рѣка Амуръ опять возобновляется въ памяти русскихъ.

Между тѣмъ, съ увеличеніемъ числа правительственныхъ приморскихъ пунктовъ по прибрежьямъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ: Охотска, Удскаго острога, Гижиги, Большерѣцка, Тигиля и Нижнекамчатска, и съ развитіемъ промысловъ, потребность въ продовольствіи болѣе и болѣе возрастала. Попытки развести въ этихъ мѣстахъ хлѣбопашество показали, что оно, по особымъ климатическимъ условіямъ этого края, быть здѣсь не можетъ: хлѣбъ не родился.

ГЛАВА III.

Возбужденіе вопроса о рѣкѣ Амурѣ въ 1753 году.—Повелѣніе императрицы Екатерины II о заселеніи р. Амгунь въ 1777 г. Цѣль повелѣнія.—Заключеніе Лаперуза и Браутона о лиманѣ и устьѣ р. Амуръ 1783 — 1793 г. Изслѣдованіе И. Ф. Крузенштерна въ 1805 году. — Его заключеніе о Сахалинѣ и устьѣ р. Амуръ. — Невыгодныя послѣдствія. — Экспедиція Хвостова и Давыдова въ 1806 году.

Важность такого предмета, какъ снабженіе продовольствіемъ обширнаго края, понуждала правительство вникнуть серьезно въ это дѣло и дать ходъ проэкту, представленному сибирскимъ губернаторомъ Мятлевымъ въ 1753 году. Мятлевъ, имѣя предписаніе о принятіи болѣе надежднихъ и выгодныхъ для казны мѣръ въ продовольствіи Охотскаго края и Камчатки, донесъ правительствующему сенату, что единственно надежная и выгодная для казны мѣра къ доставленію продовольствія въ эти края, состоитъ въ томъ, чтобы сплавлять все по р. Амуру. Сенатъ утвердилъ это представленіе и предоставилъ иностранной коллегіи войти предварительно въ сношеніе съ китайскимъ трибуналомъ и увѣрить китайское правительство, что при этомъ святость нерчинскаго трактата будетъ сохранена. На это изъ Китая не послѣдовало никакого отвѣта; между тѣмъ Мятлевъ поставилъ въ обязанность начальству Забайкальской области усилить въ ней хлѣбопашество, въ виду будущаго обезпеченія приморскихъ мѣстъ.

Въ случаѣ рѣшительнаго отказа китайцевъ на представленіе сената объ открытіи для насъ плаванія по рѣкѣ Амуру, Мятлевъ прислалъ отъ селенгинскаго коменданта Якоби мнѣнія, какіе по мѣстному усмотрѣнію можно изыскать способы къ свободному сообщенію по р. Амуру: увеличеніемъ ли числа войскъ, или другими мѣрами? По важности предмета, обстоятельство это велѣно было ввѣрить одному надежному чиновнику и о содержаніи имъ этого въ тайнѣ взять отъ него подписку подъ присягою. Тайна о ви-

дахъ на Амуръ была открыта адъютанту коменданта Якоби, поручику Власову. Якоби отвѣчалъ, что онъ, управляя селенгинскимъ округомъ, не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о нерчинскомъ краѣ, тѣмъ болѣе объ Амурѣ. Въ донесеніи же своемъ, вслѣдъ за симъ, пишетъ, что онъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ Владыкина, директора россійскихъ каравановъ, возвратившагося изъ Китая; онъ ему объяснилъ, что въ восточной сторонѣ амурскаго края населенія много, что земля по теченію Амура весьма плодородна, и при этомъ показывалъ полученную имъ въ Пекинѣ манджурскую карту, изъ которой видно, что на Амурѣ находятся, будто бы, города и при устьѣ — флотилія, на которой до 4,000 экипажа.

Въ слѣдующемъ затѣмъ рапортѣ сенату, отъ 21 сентября 1756 г., Якоби объясняетъ, что, по его мнѣнію, основанному на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, не должно съ нашей стороны дѣлать рѣшительныхъ сношеній съ китайскимъ дворомъ относительно домогательства плаванія по р. Амуру, но прежде надобно на границахъ селенгинской и нерчинской, въ приличныхъ мѣстахъ, поставить провіантскіе магазины и заготовить хлѣбные запасы; потомъ выслать изъ Россіи достаточное число войска, снабдивъ его полнымъ вооруженіемъ и артиллеріею. Когда всѣ эти необходимыя мѣры приведутся въ исполненіе, тогда только можно будетъ обратиться къ трибуналу съ требованіемъ о дозволеніи свободнаго плаванія по Амуру. Если же со стороны китайскаго правительства послѣдовалъ бы отказъ, то тогда распорядиться построеніемъ на берегахъ р. Амура крѣпостей и редутовъ. Когда все это будетъ сдѣлано, тогда только можно ожидать успѣха, ибо китайцы, внезапно увидя многочисленную стражу, едва ли будутъ въ состояніи начать какія либо военныя дѣйствія. „Все сіе“, писалъ Якоби, „будетъ стоить большихъ издержекъ, но онѣ вознаградятся важною выгодою, какая можетъ произойти отъ обезпеченія Камчатки продовольствіемъ. Можно тогда принять въ подданство Россіи и мунгалъ, что навѣрно послѣдуетъ, когда они увидятъ столько крѣпостей около мѣстъ ихъ жительства. Наконецъ если бы и случилось, что китайское правительство не согласилось на наши требованія относительно рѣки Амура, то учрежденіе крѣпостей и усиленіе войскъ все же не было бы излишне, не смотря на значительные расходы, и служило бы къ славѣ, а не къ безславію Россіи“ *). Не смотря, однако, на

*) Этотъ фактъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что, заботясь объ обезпеченіяхъ Камчатки продовольствіемъ, никто не обратилъ вниманія, возможно ли выйти изъ р. Амура

живое участіе, какое въ то время принимали относительно р. Амура, это дѣло остановилось въ самомъ началѣ.

Мнѣніе Якоби о построеніи на Амурѣ крѣпостей къ несчастію нисколько не отвѣчало мѣстнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, ибо мы, вслѣдствіе различныхъ пограничныхъ столкновеній, находились съ Китаемъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Въ 1757 г. совѣтникъ посольства Братищевъ, бывшій въ Пекинѣ по поводу пограничныхъ сунгарскихъ столкновеній, между прочимъ, сообщилъ о подозрѣніи китайцевъ, обратившихъ вниманіе на постройку судовъ на рѣкѣ Ингодѣ и выразившихся по этому поводу, что русскіе никогда не будутъ плавать на водахъ Амура. Якоби полагалъ, что бывшей тогда за Байкаломъ военной стражи недостаточно и что надо прислать еще 30,000 войска; но такого числа послать тогда не могли, да и продовольствовать было нечѣмъ. При такомъ положеніи дѣлъ, намъ оставалось только отстаивать собственную свою границу, растянутую на огромное пространство, и потому представленіе Якоби было оставлено.

Китайцы, между тѣмъ, видя, что мы безсильны противъ нихъ, лишаютъ насъ права свободной торговли, выговоренной перчинскимъ трактатомъ, и посольство Кронотова, отправленное въ Пекинъ при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1767 г., для улаженія несогласій съ Китаемъ, съ немаловажными усиліями, едва могло добиться отъ нихъ согласія на водвореніе съ ними торговли въ одномъ пограничномъ пунктѣ. Такимъ пунктомъ является только что основанная Кяхта; сперва она дѣлается только мѣстомъ сбыта нашихъ сибирскихъ произведеній, но черезъ весьма короткій промежутокъ времени туда везутъ и фабричныя произведенія европейской Россіи, и она становится новымъ источникомъ государственнаго дохода, связываетъ болѣе тѣснымъ союзомъ нашу Сибирь съ европейскою Россіею, и поэтому дѣлается для насъ весьма важнымъ пунктомъ.

Войдя на сѣверо-востокѣ въ соприкосновеніе съ океаномъ и основавъ въ Кяхтѣ сношенія съ Китаемъ, мы устремляемъ все наше вниманіе, во-первыхъ, на сохраненіе и обезпеченіе кяхтинской торговли и на приведеніе въ порядокъ дѣлъ на прибрежьяхъ Охот-

---

въ морѣ, т. е. о положеніи его устья, о которомъ не было никакихъ свѣдѣній, и доказываетъ, что Якоби хорошо зналъ китайцевъ, съ которыми дипломатическіе переговоры безъ силы не имѣютъ мѣста и безполезны.

скаго моря, въ Камчаткѣ и сѣверо-западной Америкѣ — новыхъ владѣніяхъ нашихъ, богатыхъ пушными товарами; во-вторыхъ, на устройство съ ними сообщенія. Но при этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ мы и встрѣтили непреоборимыя природныя препятствія и увидѣли всю справедливость мнѣній о необходимости возвращенія р. Амура,—мнѣній, поданныхъ въ Камчаткѣ въ 1745 г., Мятлевымъ — въ 1753 г. и г. Якоби — въ 1755 году.

Куда безъ всякой дороги, чрезъ пустынные лѣса, горы и болота могли проникать ватаги отважныхъ промышленниковъ и казаковъ, туда нельзя было безъ дорогъ провозить значительныя тяжести и проводить большое число людей, необходимое для обезпеченія Камчатки и американскихъ владѣній. Естественно, что поэтому прежде всего необходимо было обратить полное вниманіе на устройство дороги изъ Якутска въ Охотскъ и изъ Охотска въ Камчатку. Но всѣ труды для устройства этой дороги оказались напрасными; она могла существовать только въ видѣ тропинки и сообщеніе оставалось почти такимъ же, какъ было и при началѣ занятія прибрежьевъ Охотскаго моря. Перевозить тяжести возможно было только на вьючныхъ лошадяхъ, привычныхъ къ тѣмъ дорогамъ и притомъ въ весьма кратковременный періодъ года. Дуренъ былъ путь до Охотска, но и такого нельзя было устроить изъ Охотска въ Камчатку: громадныя пустыни, горы и тундры составляли такія непреодолимыя преграды, что намъ пришлось совершенно отказаться отъ мысли имѣть туда береговой путь.

Такимъ образомъ весь Камчатскій полуостровъ, равно какъ и американскія наши владѣнія, оставались отрѣзанными отъ материка и сообщеніе съ ними иначе не могло быть какъ моремъ. Суда для этого строились въ Охотскѣ и оттуда отправлялись въ Камчатку и Америку. Охотскъ поэтому былъ главнымъ нашимъ пунктомъ сообщеній, но, какъ портъ, онъ имѣлъ важныя неудобства, потому что расположенъ при устьяхъ мелководныхъ и опасныхъ рѣкъ: Кунтун и Охоты. Баръ рѣки Кунтун въ малую воду доходилъ до 4-хъ футъ. Это обстоятельство, а также трудность пути между Якутскомъ и Охотскомъ, не смотря на труды и капиталы, употребленные на устройство сколько-нибудь сносной дороги, возбудили опять всеобщее воспоминаніе о потерѣ Амура, но при этомъ тогда же обратили вниманіе и на то, что его устье было еще совершенно не изслѣдовано и что еще неизвѣстно, доступно ли оно для мореходныхъ судовъ. Въ этихъ-то видахъ, въ 1775 г., императрица

Екатерина II повелѣла отправить изъ удскаго острога партію казаковъ на рѣку Амгунь, чтобы основать на этой рѣкѣ поселеніе сколь возможно ближе къ р. Амуру, съ тѣмъ чтобы изъ этого пункта производить изслѣдованіе устья рѣки и развѣдать, въ какой степени оно доступно для мореходныхъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица повелѣла въ случаѣ если окажется, что мореходныя суда могутъ входить въ рѣку, занять ея устье. Вслѣдствіе этого въ 1777 г. изъ удскаго острога было отправлено на Амгунь около 30 человѣкъ. Маньджуры, узнавъ объ этомъ отъ инородцевъ, обитавшихъ на рѣкѣ Буреѣ, донесли въ Пекинъ. Китайское правительство съ угрозою объявило, что если русскіе не оставятъ своего предпріятія въ земляхъ еще не разграниченныхъ, то Китай прервetъ съ ними всякія торговыя сношенія въ Кяхтѣ.

Въ это время мы, во-первыхъ, не только не имѣли почти никакой военной силы за Байкаломъ, но даже лишены были возможности отправить ее туда, чтобы поддержать наше предпріятіе и заставить китайцевъ продолжать весьма выгодную для насъ кяхтинскую торговлю. Во-вторыхъ, правительство наше, имѣя въ виду при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ возвратить при-амурскій край, не смотря на неоднократныя требованія китайцевъ, постоянно уклонялось отъ разграниченія его и теперь вынужденнымъ нашлось отмѣнить свое распоряженіе и обратить все вниманіе на возстановленіе дружескихъ отношеній съ Китаемъ. Послѣдняго въ то время можно было достигнуть только однимъ путемъ: именно надо было снова пожертвовать, до поры до времени, своими видами на рѣку Амуръ.

Вскорѣ послѣ этого являются въ Татарскій заливъ французы и англичане. Они приходятъ туда съ скромною цѣлью изслѣдованія его береговъ и лимана р. Амура, но съ тѣмъ вмѣстѣ, въ случаѣ благопріятныхъ условій для плаванія въ этихъ мѣстахъ, имѣютъ заднюю мысль водворить тамъ свое владычество. Такъ, въ 1783 г. французское правительство послало въ Тихій океанъ, для открытія и описи, ученую экспедицію подъ начальствомъ знаменитаго мореплавателя Лаперуза. Лаперузъ, слѣдуя вдоль Татарскаго берега къ сѣверу, въ широтѣ 51°,29′N, открылъ на этомъ берегу удобный для якорной стоянки заливъ, который, въ честь бывшаго тогда во Франціи морскимъ министромъ де-Кастри, назвалъ заливомъ де-Кастри. Въ этомъ заливѣ Лаперузъ собралъ отъ туземцевъ свѣдѣнія о сѣверной части Сахалина и устьѣ рѣки Амура. Туземцы, при начерта-

нін Лаперузомъ на нескѣ очерковъ матераго берега и Сахалина, постоянно проводили между ними черту и этимъ какъ бы показывали, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ обсыхающею отмелью, и что предъ устьемъ р. Амура, выдающей въ море противъ Сахалина, лежатъ такія же мели *). Но, не смотря на эти показанія туземцевъ, Лаперузъ пошелъ изъ залива де-Кастри къ сѣверу, имѣя намѣреніе чрезъ лиманъ рѣки Амура достигнуть Охотскаго моря. Чрезъ 8 миль, глубина съ 15 саж. уменьшилась до 9-ти, между тѣмъ теченія отъ сѣвера замѣчено не было, почему Лаперузъ, предполагая, что путь по этому направленію можетъ привести его къ мели, всталъ на якорь и послалъ для изслѣдованія къ сѣверу двѣ шлюпки. Эти шлюпки, придерживаясь сахалинскаго берега, прошли около 6 миль, до глубины 3 саж., которая оканчивалась отмелью, шедшею отъ сахалинскаго берега. Послѣдній отсюда казался имъ сливавшимся съ противуположнымъ материмъ скалистымъ берегомъ и поэтому они возвратились на судно. Это обстоятельство, а равно показанія туземцевъ въ заливѣ де-Кастри, постепенное уменьшеніе глубины и бездѣйствіе теченія побудили Лаперуза оставить свое намѣреніе и заключить, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ отмелью, покрывающеюся при приливѣ водою, что входъ въ лиманъ съ юга для мореходныхъ судовъ недоступенъ и что устье рѣки заперто мелями.

Этотъ же знаменитый мореплаватель описалъ западную, южную и юго-восточную часть Сахалина, проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ острова Мацмая, названный его именемъ, и берегъ Татаріи. На всѣхъ упомянутыхъ берегахъ Лаперузъ не только не нашелъ ни одной гавани, но кромѣ залива де-Кастри — ни одного даже мѣста, сколько нибудь удобнаго для якорной стоянки.

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ этого, именно въ 1793 г., въ Татарскій заливъ пришелъ знаменитый англійскій мореплаватель капитанъ Браутонъ. Онъ пришелъ туда на бригѣ, сидѣвшемъ въ водѣ всего 10 ф. и, пользуясь тѣмъ, что для брига не требуется значительной глубины, хотѣлъ непремѣнно пройти изъ залива де-Кастри въ р. Амуръ и Охотское море. Онъ пошелъ по пути Лаперуза,

*) Въ 1852 г., когда мы болѣе или менѣе ознакомились съ языкомъ туземцевъ приамурскаго края и имѣли переводчиковъ, то узнали, что туземцы, чтобы показать о существованіи между двумя берегами пролива, проводятъ между ними черту, которая, по ихъ понятіямъ, означаетъ путь, т. е. что можно проплыть на лодкѣ. Точно также воду означали черточками, т. е. что по ней можно плыть на лодкахъ во всѣ стороны.

поднялся къ сѣверу далѣе этого послѣдняго на 6 миль и, встрѣтивъ тамъ глубину около $2^1/_2$ саж., всталъ на якорь; но, не смотря на такую малую глубину, пролива, отдѣлявшаго Сахалинъ отъ материка, онъ не видѣлъ и ему казалось, что оба берега сливаются и образуютъ огромный заливъ. Каналъ же, по которому онъ шелъ, оканчивался мелью, образующею у сахалинскаго берега заливъ около 3 миль ширины. Отсюда Браутонъ послалъ на шлюпкѣ помощника своего Чапмана, для окончательнаго изслѣдованія видимаго имъ къ сѣверу пространства. Чапманъ, возвратясь на бригъ, объяснилъ, что хотя между мелями онъ и находилъ значительныя глубины, но эти глубины отрывочныя, ибо онъ, слѣдуя по нимъ, постоянно упирался въ сплошную мель, тянувшуюся отъ Сахалина къ западу и соединявшуюся съ материмъ берегомъ. Эти обстоятельства заставили Браутона оставить свое намѣреніе и сдѣлать, какъ и Лаперузъ, то же самое заключеніе, т. е., что Сахалинъ полуостровъ и что входъ въ рѣку недоступенъ для мореходныхъ судовъ, ибо устье ея заперто мелями.

Въ 1803 г. наше правительство поручило И. Ф. Крузенштерну описать сѣверную и сѣверо-восточную части Сахалина, юго-восточный берегъ Охотскаго моря, лиманъ и устье рѣки Амура. Крузенштернъ въ 1805 г., описывая сѣверо-восточный берегъ Сахалина около параллели 52° N широты, встрѣтилъ на пространствѣ болѣе 10 миль къ сѣверо-востоку отъ Сахалина признаки буруновъ и сулоя. Затѣмъ, обогнувъ сѣверную оконечность Сахалина и слѣдуя отсюда къ лиману р. Амура, 13 августа того же года онъ увидѣлъ между Сахалиномъ и материмъ берегомъ проливъ около 6 миль ширины; принявъ его за каналъ, идущій изъ р. Амура, онъ направился въ него. Дойдя до глубины 6 сажень и не рѣшаясь на судиѣ продолжать путь далѣе, Крузенштернъ легъ въ дрейфъ и для изслѣдованія къ югу послалъ на шлюпкѣ лейтенанта Ромберга, съ приказаніемъ, чтобы онъ, достигнувъ видимаго мыса на Сахалинѣ, шелъ отъ него съ промѣромъ, поперегъ канала, къ материому берегу. Ромбергъ, возвратясь на транспортъ, донесъ Крузенштерну, что по причинѣ сильнаго теченія отъ юга, онъ не могъ подойти къ мысу ближе 3-хъ миль, что онъ нашелъ тамъ глубину 4 саж. и что затѣмъ глубина уменьшилась до $3^1/_2$ саж., откуда онъ и возвратился, не достигнувъ противоположнаго Сахалину матераго берега. Вода, взятая съ этого мѣста Ромбергомъ, оказалась прѣсною. Видѣнный на Сахалинѣ мысъ Крузенштернъ

назвалъ мысомъ Головачева, а противоположный ему на матеромъ берегу низменный мысъ—мысомъ Ромберга. Этимъ И. Ф. Крузенштернъ окончилъ свои изслѣдованія амурскаго лимана съ сѣвера. „Сильныя теченія, встрѣченныя мною въ этихъ мѣстахъ", говоритъ Крузенштернъ, „опасенія, чтобы дальнѣйшими изслѣдованіями не навлечь подозрѣніе китайскаго правительства и тѣмъ не повредить кяхтинской торговлѣ и наконецъ опасеніе, чтобы не столкнуться съ китайскою силою, наблюдавшею за устьемъ р. Амура, о чемъ предупреждали меня въ Камчаткѣ *), были причинами, что я не въ точности исполнилъ данныя мнѣ инструкціи". Оставивъ такимъ образомъ дальнѣйшія изслѣдованія лимана, Крузенштернъ пошелъ въ Петропавловскъ и оттуда обратно въ Кронштадтъ.

Изъ этой своей описи амурскаго лимана и изъ описей Лаперуза и Браутона И. Ф. Крузенштернъ рѣшительно заключилъ: —

а) Что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Сахалинъ полуостровъ, а потому и плаваніе изъ Татарскаго залива въ амурскій лиманъ невозможно.

б) Что амурскій лиманъ усѣянъ мелями.

в) Что устье р. Амура должно весьма близко находиться къ мысамъ Головачева и Ромберга.

г) Что прибой и сулой, замѣченные у восточнаго берега Сахалина въ 52° сѣверной широты, должны означать баръ какой либо большой рѣки или одного изъ рукавовъ рѣки Амура, и, наконецъ

д) что на берегахъ Сахалина и Татарскаго залива нѣтъ гаваней **).

За Крузенштерномъ, въ 1806 г., по распоряженію полномочнаго посла Рязанова, были посланы изъ Охотска къ Курильскимъ островамъ и къ южной оконечности Сахалина, лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ. Офицеры эти, придя въ заливъ Анива, на южной оконечности Сахалина, вслѣдствіе секретныхъ приказаній Рязанова, оставили тамъ, для заявленія о занятіи русскими Сахалина, 5 человѣкъ матросовъ. Эти матросы впослѣдствіи перешли на рѣку

*) Подобныя свѣдѣнія въ Камчаткѣ вѣроятно были основаны на свѣдѣніяхъ, полученныхъ Владыкинымъ въ Пекинѣ въ 1756 г., о китайской флотиліи и четырехтысячномъ экипажѣ, оберегающемъ будто бы устье Амура.

**) Поэтому на всѣхъ морскихъ картахъ до 1857 г. показывался Сахалинъ полуостровомъ, а берега Татарскаго залива—прямыми скалистыми и неприступными.

Тыми, гдѣ жили осѣдло и послѣдній изъ нихъ, Василій, умеръ въ исходѣ 1847 года. На пути изъ Анивы, Хвостовъ и Давыдовъ шли вдоль восточнаго берега Сахалина и осмотрѣли его. Во время пребыванія этихъ офицеровъ на Сахалинѣ, тамъ не было ни одного японца и туземцы говорили имъ, что японцы къ нимъ не ходятъ, что они никому ясака не платятъ *).

Судя по этимъ даннымъ и по свѣдѣніямъ о посѣщеніи Сахалина Шельтингомъ, оказывается, что русскіе были первые изъ европейцевъ, подходившіе къ Сахалину; они описали почти всѣ берега его, и наконецъ были первые поселившіеся на Сахалинѣ.

Эти факты весьма знаменательны для Россіи въ томъ отношеніи, что они представляютъ законное и безспорное право Россіи на обладаніе Сахалиномъ **).

Положительныя заключенія такихъ авторитетныхъ и знаменитыхъ европейскихъ мореплавателей, каковы: Лаперузъ, Браутонъ и Крузенштернъ, о невозможности для мореходныхъ судовъ входа въ лиманъ и устье рѣки Амуръ съ сѣвера и юга, о неимѣніи гаваней на прибрежьяхъ Татарскаго залива и, наконецъ, о вліяніи на р. Амуръ китайскаго правительства, охранявшаго будто бы ея устье значительною флотиліею (съ 4000 людей), весьма естественно возродили вопросъ, для чего намъ добиваться обладанія рѣкою, которая не имѣетъ сообщенія съ моремъ и поэтому представляетъ для насъ такое же ничтожное значеніе, какое имѣютъ многія рѣки, орошаю-

*) Свѣдѣніе объ экспедиціи Шельтинга къ Сахалину, а равно и рапортъ Хвостова и Давыдова начальнику Охотска, отъ 10 октября 1806 г. я видѣлъ въ 1849 г. въ архивѣ охотскаго порта; указалъ мнѣ ихъ бывшій тогда начальникомъ порта Н. В. Воиляръярскій.

**) Г. Буссе, въ описаніи своемъ сахалинской экспедиціи, а равно и нѣкоторыя другія личности, не признаютъ за Россіею права на обладаніе о-мъ Сахалиномъ, выставляя противъ этого то, что экспедиція, совершенная Хвостовымъ и Давыдовымъ, не признана будто бы правительствомъ со всѣми ея послѣдствіями. Но здѣсь всѣ эти личности жестоко ошибаются, забывая, что правительство наше протестовало только лишь противъ грабежей и насилій, произведенныхъ въ эту экспедицію Хвостовымъ и Давыдовымъ на Курильскихъ островахъ, принадлежавшихъ Японіи, но оно никогда не отвергало фактовъ, дававшихъ намъ право на владѣніе островомъ Сахалиномъ, потому что русскіе первые описали его берега: именно Шельтингъ въ 1742 г. и Хвостовъ и Давыдовъ въ 1806 г.; русскіе также первые заняли Сахалинъ въ 1806 г., когда еще японцевъ тамъ и не было. Эти факты наше правительство признавало и не отвергало никогда, слѣдовательно и оставило за собою право на обладаніе островомъ Сахалиномъ. Въ виду этихъ-то совершившихся событій подобныя разсужденія г. Буссе и другихъ, неправильны.

щія восточную нашу Сибирь? Для чего намъ еще пріобрѣтеніемъ при-амурскаго края распространять и безъ того уже растянутую нашу границу съ Китаемъ, когда утвердившееся его вліяніе на этотъ край будетъ вредить только выгодной для государства кяхтинской торговлѣ? Наконецъ, къ чему намъ этотъ край, когда на прибрежьяхъ его нѣтъ ни одной гавани? И дѣйствительно, если бы упомянутыя заключенія знаменитыхъ мореплавателей были безошибочны, то благоразуміе и выгоды наши требовали бы оставить этотъ край безъ вниманія. Для насъ было бы все равно, гдѣ бы ни была проведена граница наша съ Китаемъ, лишь бы она была только южнѣе устья рѣки Уди, при которомъ находился нашъ постъ съ значительнымъ поселеніемъ.

И такъ, весь вопросъ состоялъ въ томъ, справедливы или несправедливы заключенія европейскаго авторитета знаменитыхъ мореплавателей? Но кто могъ тогда заподозрить ошибочность заключенія такого авторитета? Кто могъ поднять тогда завѣсу спущенную имъ на этотъ край? Наконецъ кто могъ сомнѣваться въ ошибочности донесеній Владыкина, Якоби (въ 1756 г.) и затѣмъ миссіи нашей изъ Пекина, что будто бы народы, обитающіе въ при-амурскомъ краѣ находятся въ болѣе или менѣе цивилизованномъ состояніи, что они зависятъ отъ Китая и управляются особыми вассальными Китаю князьями, которые ѣздятъ въ Пекинъ и женятся на китайскихъ царевнахъ *)?

---

*) См. Статистическое и политическое описаніе Китайской Имперіи. Архимандрита Іакинфа. 1842 г., часть 2-я, стран. 30-я.

ГЛАВА IV.

Появленіе на нашихъ картахъ невѣрной границы съ Китаемъ. Причина невниманія нашего къ этому обстоятельству. Изслѣдованіе восточнаго берега Охотскаго моря и сообщенія его съ Якутскомъ. — Осминъ, Сарычевъ и Кузьминъ. — Экспедиція капитана Литке. Положеніе наше на Восточномъ океанѣ, въ Охотскѣ и Петропавловскѣ. Различныя мнѣнія о Камчаткѣ. —Появленіе въ нашихъ моряхъ китобоевъ.—Ихъ дѣйствія.—Заключеніе трактата между англичанами и китайцами, 1840—1844 г.

Виолинъ ,довѣряя упомянутымъ въ предыдущей главѣ заключеніямъ знаменитыхъ мореплавателей о р. Амуръ, о прибрежьяхъ Татарскаго залива и свѣдѣніямъ, доставленнымъ нашею миссіею изъ Пекина, мы оставались, весьма естественно, совершенно равнодушными къ при-амурскому краю: но все-таки упорно отклоняли предложеніе китайцевъ о разграниченіи этого края. Не смотря на это, на географическихъ картахъ стала появляться граница наша съ Китаемъ, отъ верховьевъ рѣки Уди къ востоку, до Тугурской губы. Граница эта сначала явилась на англійскихъ и нѣмецкихъ картахъ, а впослѣдствіи и мы нанесли ее на свои, перепечатывая послѣднія съ иностранныхъ изданій. Мы дѣлали это, совершенно забывая, что, на основаніи 1-го пункта нерчинскаго трактата 1689 г., здѣсь нельзя было означать какой либо пограничной черты, и смотрѣли на это равнодушно, вѣроятно потому, что давали полную вѣру упомянутому заключенію европейскаго авторитета о недоступности съ моря рѣки Амуръ и ея лимана; при чемъ, конечно, при-амурскій край становился для насъ совершенно безполезнымъ. Между тѣмъ, перепечаткою невѣрныхъ картъ, мы какъ бы признавали, что вся страна къ югу отъ произвольно-проведенной на нихъ пограничной черты принадлежитъ Китаю, и не жалѣли этого, потому что вѣрили такимъ сказкамъ, какъ напримѣръ: будто китайцы имѣютъ въ при-амурскомъ

краѣ значительныя силы для его охраненія, или, еще лучше, что на нижнемъ Амурѣ находятся города и крѣпости, каковы Тонденъ-Каженъ и друг. *).

Другою причиною нашего равнодушія къ этому краю было то обстоятельство, что моря, которыя его омываютъ съ сѣверо-востока и востока, а также Тихій океанъ, были еще чужды промышленному и коммерческому движенію, а сопредѣльныя съ нимъ страны: Китай и Японія были заперты для европейцевъ.

Берингово, Камчатское и Охотское моря въ то время еще не посѣщались китобоями, ихъ бороздили только одни наши транспорты, перевозившіе изъ Охотска продовольствіе въ Камчатку и сѣверо-американскія наши колоніи. Возникновеніе настоящаго коммерческаго движенія въ Тихомъ океанѣ намъ казалось тогда весьма отдаленнымъ, или, лучше сказать, невозможнымъ и въ будущемъ. Мы никакъ не могли тогда и думать, что Англія откроетъ для торговли Китай и вмѣстѣ съ Сѣверо-Американскими Штатами создастъ на Тихомъ океанѣ коммерческое движеніе. По настоящему, если бы мы слѣдовали планамъ Петра I и Екатерины II, починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ принадлежать Россіи. Утвердись мы нѣсколькими десятками лѣтъ ранѣе въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ краѣ, англичане и американцы не обошли бы насъ, заводя торговлю съ Китаемъ.

Теперь интересно оглянуться назадъ и прослѣдить, что мы дѣлали въ то время и принимали ли какія нибудь мѣры, чтобы предупредить Англію и Америку, или, по крайней мѣрѣ, чтобы не остаться безучастными въ ихъ предпріятіи? Отвѣтъ коротокъ: мы не только ничего не дѣлали въ этомъ направленіи, но даже и не стремились заселить и пріучить къ осѣдлой жизни наши восточныя владѣнія; что же касается при-амурскаго края, мы его не трогали, боясь этимъ раздражить китайское правительство; а оно, въ свою очередь, не обращало вниманія на этотъ край, опасаясь насъ раздражить. Вотъ какой странной политики держались тогда обѣ стороны; мудрено при этомъ было что нибудь сдѣлать.

Оставивъ такимъ образомъ при-амурскій край Китаю, мы имѣли въ Камчаткѣ и Охотскѣ такую ничтожную силу, которая могла бы только содержать въ порядкѣ обитавшія въ этихъ мѣстахъ ко-

*) Какъ означено на картѣ, приложенной къ описанію Китая Архимандр. Іакинфа, 1842 г.

чевыя племена, а именно: тамъ у насъ было 500 человѣкъ морскихъ чиновъ и 2 сотни казаковъ, при 3-хъ транспортахъ, служившихъ для снабженія продовольствіемъ чрезъ Охотскъ — Петропавловска, Нижне-Камчатска, Тигиля, Большерѣцка и Гижиги. Для охраненія нашихъ сѣверо-американскихъ колоній положено было посылать изъ Кронштадта военное судно, но это распоряженіе съ 1820 г. было отмѣнено и россійско-американской компаніи предоставлено самой охранять свои колоніи. Для снабженія же охотскаго и петропавловскаго портовъ коммисаріатскими, кораблестроительными и артиллерійскими запасами и матеріалами, туда, по мѣрѣ надобности, посылался изъ Кронштадта года чрезъ 3 или 4 транспортъ. Въ видахъ основанія производительной осѣдлости, а равно и для развитія въ камчатскомъ и охотскомъ краяхъ торговли, въ Камчатку и охотскій край переселены были изъ Восточной Сибири крестьяне-земледѣльцы, и порта: Петропавловскъ и Охотскъ объявлены порто-франко. Для поощренія туземцевъ къ огородничеству и хлѣбопашеству, имъ были дарованы весьма значительныя пособія. Начальникамъ края и служившимъ въ ономъ офицерамъ дарованы были особыя преимущества, заключавшіяся въ награжденіи слѣдующими чинами и пенсіонами за 5-ти и 10-ти-лѣтнюю службу.

Всѣ старанія правительства создать изъ Петропавловска и Охотска надлежащіе порта на востокѣ, которые могли бы быть обезпечены на мѣстѣ, оставались тщетными, ибо сама природа поставила къ тому непреоборимыя препятствія. Хлѣбопашество ни въ камчатскомъ ни въ охотскомъ краѣ, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и по весьма правильно веденному, цѣнному, пушному промыслу, вознаграждавшему гораздо значительнѣе труды нежели земледѣліе, не привилось и не существовало. Хлѣбъ родился только на бумагахъ и въ канцеляріяхъ, въ дѣйствительности же его не только не было для продовольствія упомянутой ничтожной силы, но и для пропитанія переселенныхъ съ этою цѣлію крестьянъ. Мука и все необходимое доставлялось въ Охотскъ изъ Якутска на вьючныхъ лошадяхъ, по цѣнамъ неимовѣрно высокимъ *), а изъ Охотска отвозилось въ Камчатку на казенныхъ транспортахъ. По этимъ причинамъ для Камчатки необходимо было существованіе Охотска.

*) Пудъ ржаной муки болѣе 3 р. 50 к. сер., масло отъ 20 до 25 р. и т. д.

Въ россійско-американскихъ колоніяхъ также невозможно было разведеніе хлѣбопашества, а потому съ этою и промышленною цѣлію компанія заняла заливъ Бодего, лежащій въ сѣверной Калифорніи. Это занятіе могло бы имѣть важное послѣдствіе, но компанія, дѣйствуя въ ограниченномъ объемѣ коммерческаго своего предпріятія, не воспользовалась тогда почти свободнымъ положеніемъ западнаго берега Калифорніи. Занявъ узкую полосу земли около залива Бодего, она не шла далѣе отъ моря, во внутрь страны и къ югу, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать эти мѣста житницею для своихъ колоній и Камчатки. Попытка ея развести хлѣбопашество у моря, на полосѣ земли, подверженной вліянію морскихъ тумановъ, оказывалась не совсѣмъ удовлетворительною; между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря дѣвственная, прекрасная почва и климатъ давали неимовѣрный урожай.

Владѣнія компаніи ограничивались здѣсь маленькимъ селеніемъ Россъ, въ который компанія ввозила изъ Ситхи отслужившихъ срокъ или неспособныхъ къ работѣ своихъ промышленниковъ. Изъ Росса компанія получала, однако, мясо, огородныя овощи и т. п.: хлѣбъ же, масло, свѣчи и проч. ввозили въ колонію изъ Якутска чрезъ Охотскъ; а потому, не смотря на болѣе и болѣе обнаруживавшіяся неудобства охотскаго порта, онъ все таки былъ необходимъ и для компаніи, такъ же какъ для Камчатки.

Въ Охотскѣ не было ни одного начальника, который бы не представлялъ правительству о необходимости перенести портъ въ другое мѣсто, потому что рѣдкое изъ судовъ охотской флотиліи плавало тамъ обыкновеннымъ порядкомъ: всѣ они, почти каждый годъ, валялись на охотскомъ барѣ или на охотскихъ кошкахъ, гдѣ часто и погибали. Это обстоятельство понудило правительство пріискивать мѣсто на берегу Охотскаго моря, для устройства порта, лучшаго нежели Охотскъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду устроить и болѣе удобное сообщеніе съ Якутскомъ, такъ какъ существовавшая дорога отъ Якутска къ Охотску была далеко неудовлетворительна.

Двѣ системы рѣкъ: а) Алданъ съ Маей и Алдамой, и б) Алданъ съ Учуромъ и Удью представляли, казалось, возможность устройства сообщенія Якутска съ восточнымъ берегомъ Охотскаго моря, гораздо лучше существовавшаго пути отъ Якутска до Охотска, ибо рѣка Мая, впадающая въ рѣку Алданъ, которая, въ свою очередь, впадаетъ въ рѣку Лену, — подходитъ на разстояніе около

150 верстъ къ рѣкѣ Алдамѣ, впадающей въ Охотское море въ 56° широты. Рѣка же Учуръ, впадающая также въ рѣку Алданъ, подходитъ на такое же разстояніе къ рѣкѣ Уди, вливающейся въ Охотское море въ 54° широты. Изъ этихъ системъ рѣкъ была принята первая система, потому что, по тщательной описи и изслѣдованію капитановъ Ѳомина и Сарычева, Удская губа оказалась совершенно неудобною для устройства порта: Алдамскій же заливъ, повидимому, представлялся для этого лучшимъ мѣстомъ. Для этой цѣли отъ урочища Нелькинъ, — пункта на рѣкѣ Маѣ, ближайшаго къ рѣкѣ Алдамъ, и начали къ этой рѣкѣ вести дорогу, а по берегамъ рѣки Маи селить крестьянъ. Для устройства этой дороги и населенія по рѣкѣ Мая, много было употреблено труда и капитала (болѣе 600 т. р. сер.), но всѣ усилія оказались тщетными. Горы, болота, горные ручьи и рѣчки, а также климатическія условія представляли непреоборимыя препятствія. Осѣдлость по берегамъ рѣки Маи, по тѣмъ же климатическимъ условіямъ и почвѣ (болота, камни, дресва и проч.), не прививалась: хлѣбъ пропадалъ, люди умирали съ голоду и отъ болѣзней. Плаваніе по рѣкѣ Маѣ, по случаю быстрыхъ теченій и шиверовъ, было не только неудобно, но не безопасно. Единственныя на всемъ восточномъ берегу, между Охотскомъ и Тугуромъ, заливы Алдамскій и лежащій отъ него къ югу Аянскій, по строгимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ Сарычева, Ѳомина и затѣмъ Кузьмина, оказались совершенно неудобными къ устройству порта. Между тѣмъ, свѣдѣнія, собранныя Кузьминымъ отъ удскихъ тунгусовъ, показывали, что инородцы, занимавшіе низовья рѣки Амура, находятся въ независимомъ отъ Китая положеніи, и что устья рѣки Амура должны быть доступны для входа въ него судовъ съ моря. Наконецъ, разсказы якутскихъ купцовъ, которые вели торговлю съ удскими и тугурскими тунгусами, давали поводъ сомнѣваться въ справедливости заключенія объ устьѣ рѣки Амуръ гг. Лаперуза, Браутона и Крузенштерна и въ справедливости донесенія нашей миссіи изъ Пекина о положеніи при-амурскаго края и обитавшихъ въ немъ народовъ. Эти обстоятельства и всѣ сдѣланныя попытки къ устройству сообщенія Якутска съ берегомъ Охотскаго моря возбудили сожалѣніе о потерѣ рѣки Амуръ и ясно показывали, что только эта рѣка можетъ открыть удобный путь изъ Сибири къ океану.

Въ 1828 и 1830 гг. начальникъ байкальской флотиліи

П. С. Лутковскій *) и капитанъ Кузьминъ просили дозволенія у генералъ-губернатора Ловицкаго спуститься изъ Перчинска по Амуру, въ видахъ ознакомленія съ рѣкою, ея устьемъ и обитающими по ея берегамъ народами. Вслѣдствіе этого предложенія, съ 1830 до 1832 года происходила объ этомъ предметѣ переписка генералъ-губернатора Ловицкаго съ Петербургомъ, указывавшая всю важность этихъ изслѣдованій. Не смотря на то, что директоръ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, Родофиникинъ, горячо сочувствовалъ этому дѣлу, дозволенія спуститься по Амуру не только не было, но еще замѣчено было генералъ-губернатору, что „дѣятельность его въ Сибири должна быть единственно направлена для поддержанія и охраненія дружественныхъ отношеній нашихъ съ Китаемъ, необходимыхъ для развитія кяхтинской торговли; подобное же съ нашей стороны предпріятіе можетъ весьма повредить этимъ отношеніямъ, а потому оно и не можетъ быть допущено".

Между тѣмъ, въ 1826 году отправлялась изъ Кронштадта ученая экспедиція капитана Литке (нынѣ графа). Она могла бы разрѣшить, въ какой степени справедливы сейчасъ сказанныя свѣдѣнія гг. Ѳомина и Кузьмина, а также заключенія авторитета европейскихъ знаменитыхъ мореплавателей объ устьѣ рѣки Амуръ; но, по случаю ученыхъ изслѣдованій, чрезъ которыя капитанъ Литке пріобрѣлъ европейскую извѣстность и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, онъ не зашелъ въ Охотское море **). Его экспедиція, между тѣмъ, была послѣдняя, которая имѣла всѣ средства обнаружить всю неосновательность и фальшивость, распространившихся тогда между моряками и всѣми вліятельными лицами правительства, убѣжденій объ устьѣ р. Амуръ и его лиманѣ. Послѣ этой экспедиціи, правительство не обращало болѣе вниманія на эти мѣста. Затративъ много труда и капитала, безъ всякой пользы, на устройство пути изъ Восточной Сибири къ прибрежью Охотскаго моря и не предвидя еще настоящаго движенія въ Тихомъ океанѣ, правительство охладѣло не только къ при-амурскому

*) Нынѣ адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта.

**) Въ инструкціи, данной Ѳ. П. Литке отъ адмиралтейскаго департамента, сказано: „послѣ описи Чукотской земли съ Анадырскою губою и восточнаго берега Камчатки, до мыса Лопатки, вы имѣете отправиться въ Охотское море и отъ сѣверной оконечности полуострова Сахалина до Удской губы подробно описать берега и всѣ бухты" (т. е. и амурскій лиманъ).

краю, который требовалъ тщательныхъ изслѣдованій и снаряженія особыхъ экспедицій, но и къ существовавшимъ тогда нашимъ владѣніямъ въ этомъ океанѣ. Петропавловскъ, не смотря на дарованныя ему преимущества и употребленные капиталы, для возрожденія тамъ торговли и полезной осѣдлости, не двигался впередъ ни на шагъ; онъ оставался все той же ничтожной деревней. Воды Авачинской губы, въ которой расположенъ этотъ портъ, бороздили только одни казенные транспорты, приходившіе изъ Охотска съ мукой, съ казенными продовольственными запасами и съ прикащиками якутскихъ купцовъ. Послѣдніе привозили ничтожное количество дрянныхъ товаровъ, служившихъ большею частію для вымѣна отъ туземцевъ соболей. Чрезъ 3 или 4 года являлся въ Петропавловскъ транспортъ изъ Кронштадта съ коммисаріатскими, артиллерійскими и кораблестроительными запасами для команды и портовъ охотскаго и петропавловскаго. Камчадалы и инородцы береговъ Охотскаго моря оставались все тѣми же звѣроловами. Сельскохозяйственная производительность не только къ нимъ, но и къ переселеннымъ сюда съ этою цѣлію изъ Сибири крестьянамъ рѣшительно не прививалась. Крестьяне, вскорѣ же послѣ прибытія въ Камчатку и на берега Охотскаго моря, бросали хлѣбопашество и дѣлались такими же звѣроловами, какими были и туземцы.

Пустынныя, бездорожныя, гористыя и тундристыя мѣстности, на огромное пространство отдѣлявшія охотскій край и Камчатскій полуостровъ отъ центра управленія Сибирью, климатическія и другія условія этой страны, препятствовавшія къ устройству сколько нибудь сносныхъ внутреннихъ сообщеній, дѣлали то, что даже всѣ благонамѣренныя представленія начальниковъ Камчатки, клонившіяся, напримѣръ, къ отстраненію причинъ весьма быстро уменьшавшагося туземнаго населенія (отъ занесенія русскими въ этотъ край заразительныхъ болѣзней), были ничѣмъ инымъ, какъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Переписка изъ Камчатки не только съ Петербургомъ, но и съ Иркутскомъ, котораго она составляла какъ бы уѣздъ, длилась десятки лѣтъ *); несоблюденіе какой либо пустой,

*) Такъ напримѣръ: начальникъ Камчатки, Петръ Ивановичъ Рикордъ, въ 1810 г. просилъ разрѣшенія построить госпиталь, по присланному плану. Планъ этотъ разсматривался болѣе 20 лѣтъ; было сдѣлано нѣсколько самыхъ пустыхъ вопросовъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ на этомъ планѣ особенныхъ приспособленій по мѣстнымъ условіямъ. Между

ничтожной формальности возбуждало въ канцеляріяхъ множество запросовъ. Эти и т. п. причины уничтожили всякую энергію въ самыхъ усердныхъ и благонамѣренныхъ начальникахъ, почему какъ они, такъ и всѣ служившіе въ Камчаткѣ и Охотскѣ, думали главное лишь о томъ, какъ бы поскорѣе выжить установленный по закону срокъ для полученія привиллегій. Вся сила наша въ Петропавловскѣ состояла изъ 100 челов. морскихъ чиновъ и 100 казаковъ; эти люди составляли гарнизонъ, полицію и рабочихъ, не только для Петропавловска, но и для всей Камчатки. Для защиты же порта съ моря былъ деревянный брустверъ, вооруженный десятью орудіями малаго калибра. Охотскъ, какъ складочный пунктъ для Камчатки и нашихъ американскихъ колоній, не смотря на всѣ старанія правительства къ его улучшенію и разведенію около него полезной сельскохозяйственной осѣдлости, представлялъ такую же ничтожную деревню, какъ и Петропавловскъ. Сельскохозяйственная осѣдлость въ охотскомъ краѣ, подобно какъ и въ Камчаткѣ, не привилась.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ и въ виду того, что охотскій край и въ особенности Камчатскій полуостровъ навсегда должны быть считаться отрѣзанными отъ метрополіи, правительство смотрѣло на этотъ край какъ на необходимое зло, которое надобно было сносить, потому что въ краѣ находилось до 10,000 инородцевъ, подданныхъ Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ, между нашими моряками, приходившими на транспортахъ изъ Кронштадта, сложились о Камчаткѣ два совершенно противоположныя мнѣнія: одни полагали, что Петропавловскъ не можетъ быть надлежащимъ для Россіи портомъ на Восточномъ океанѣ; другіе же, напротивъ, утверждали, что Камчатка, какъ страна, возсѣвшая надъ океанами и имѣющая превосходную гавань—Авачинскую губу, представляетъ для Россіи все, что только можемъ мы желать на отдаленномъ своемъ востокѣ, и что для подкрѣпленія Камчатки стоитъ только намъ занять какой нибудь изъ острововъ, ближайшій къ тропикамъ и Петропавловску (Ѳ. П. Литке указывалъ на о-въ Бонинъ-Сима), и снабжать Петропавловскъ и Камчатку продовольствіемъ изъ Маниллы (какъ представлялъ А. А. Зеленой, бывшій министръ государственныхъ иму-

тѣмъ, лѣсъ и другіе матеріалы, заготовленные для госпиталя, сгнили, такъ что, когда чрезъ 22 года начальнику Камчатки, Геленищеву-Кутузову (въ 1832 г.), разрѣшено было, наконецъ, построить этотъ госпиталь, то все уже сгнило и строить его было не изъ чего.

ществъ). Это послѣднее мнѣніе о важности значенія для Россіи Петропавловска до англо-французско-турецкой войны раздѣляли тогда всѣ высокопоставленныя правительственныя лица и нѣкоторые изъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири; въ особенности же въ этомъ былъ убѣжденъ генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ (графъ Амурскій). Упомянутая война доказала всю фальшивость и полную несостоятельность этого воззрѣнія и убѣжденія.

Вотъ каково было тогда наше положеніе на отдаленномъ востокѣ; оно, впрочемъ, гармонировало съ тѣмъ мертвымъ состояніемъ, которое царствовало въ то же время и на омывавшемъ его Восточномъ океанѣ. Воспоминаніе о при-амурскомъ краѣ носилось только въ легендахъ, между сибиряками.

Въ началѣ 1840 годовъ, являются въ Охотское, Берингово и Камчатское моря цѣлые флоты отважныхъ и дерзкихъ китобоевъ и вывозятъ каждый годъ изъ нашихъ морей на десятки милліоновъ піастровъ произведеній китоваго промысла. Въ то же время англичане объявляютъ Китаю войну и заставляютъ эту гордую и недоступную націю заплатить огромную контрибуцію и открыть для европейской торговли 5 портовъ своихъ. Насъ не включили въ число другихъ европейцевъ, потому что мы вели уже торговлю съ Китаемъ черезъ Кяхту. Шангай, весьма близкій къ при-амурскому краю, дѣлается главнымъ пунктомъ европейской торговли съ Китаемъ. Правительство наше, застигнутое этимъ внезапнымъ и быстрымъ переворотомъ на отдаленномъ востокѣ и не имѣя тамъ ни надлежащаго опорнаго пункта, ни надлежащей силы, находится вынужденнымъ оставаться равнодушнымъ какъ къ этому движенію, такъ равно къ донесеніямъ о дерзкихъ поступкахъ китобоевъ. Послѣдніе грабили не только наши прибрежья, но заходили и въ самый Петропавловскъ, разбивали тамъ караулъ и разбирали на дрова батареи; по прибрежьямъ жгли лѣса, грабили жителей и били въ бухтахъ дѣтенышей китовъ, истребляя такимъ образомъ этихъ животныхъ въ нашихъ моряхъ. Правительство утѣшало себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ Восточная Сибирь наша, по невозможности входа въ рѣку Амуръ, защищена отъ всякихъ враждебныхъ на нее покушеній съ моря.

Внезапное торговое и промышленное движеніе въ Восточномъ океанѣ,—движеніе, въ которомъ еще по мысли Петра I и Екатерины II., Россія должна была принять участіе, и продажа въ то же время рос.-амер. компаніей Росса, возбудили въ обществѣ много толковъ

Ничтожное положеніе наше на Восточномъ океанѣ, потеря при-амурскаго края и продажа нашихъ владѣній въ Калифорніи были любимыми предметами разговора. Изъ нихъ на первый указывали, какъ на единственный пунктъ, въ которомъ мы давно бы могли основать оплотъ и силу на Восточномъ океанѣ, а на послѣдній (Калифорнію), какъ на пунктъ, гдѣ бы Россія могла имѣть для своихъ судовъ станцію, обладавшую прекраснымъ климатомъ и обѣщавшую большія богатства. Въ періодическихъ журналахъ того времени и газетахъ появились указанія на важное значеніе для Россіи при-амурскаго края. Это обстоятельство, свѣдѣнія, что гиляки, занимавшіе низовья Амура, независимы отъ Китая *) и, наконецъ, представленіе объ этомъ же предметѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири, Руперта, достигли наконецъ и престола.

*) Эти свѣдѣнія доставлены были академикомъ Миддендорфомъ, осматривавшимъ восточный берегъ Охотскаго моря и не дошедшимъ всего 200 верстъ до устья Амура.

ГЛАВА V.

Возбужденіе амурскаго вопроса Императоромъ Николаемъ I, въ 1844 г.—Повелѣніе его барону Ф. П. Врангелю о посылкѣ въ амурскій лиманъ экспедиціи.—Основаніе Аяна.—Посылка въ лиманъ брига „Константинъ", подъ командою Гаврилова, въ 1846 г.—Результатъ посылки.—Депеша барона Врангеля графу Нессельроде, 12 декабря 1846 г., о недоступности устья Амура.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I, не смотря на опасенія, представленныя Его Величеству, о возможности разрыва съ Китаемъ, о неудовольствіи Европы, въ особенности англичанъ,— если мы рѣшимся дѣйствовать на р. Амуръ съ цѣлію обладанія при-амурскимъ краемъ *) и, наконецъ, не смотря на убѣжденія, что дѣйствія наши не принесутъ пользы, ибо знаменитыми мореплавателями положительно доказано, что устье рѣки Амуръ недоступно съ моря,— пожелалъ осуществить мысль своего прапрадѣда и бабки. Всѣ вѣскіе доводы графа Нессельроде не могли поколебать воли въ Бозѣ почившаго Императора, преданнаго благу Россіи. Въ Черномъ морѣ снаряжалась въ то время экспедиція, состоявшая изъ корвета „Менелай" (Оливуца) и транспорта, подъ начальствомъ Е. В. Путятина (нынѣ графа). Экспедиція эта должна была слѣдовать въ Китай и Японію, съ цѣлію установленія торговыхъ сношеній съ этими государствами и ей, между прочимъ, высочайше повелѣвалось обслѣдовать лиманъ и устье р. Амуръ, съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли справедливы заключенія знаменитыхъ мореплавателей о недоступности устья рѣки для мореходныхъ судовъ и дѣйствительно ли справедливы свѣдѣнія, что будто бы это устье охраняется значительною китайскою силою. Министръ финан-

*) Въ это время носился слухъ, что будто бы статья Полеваго, помѣщенная въ „Сѣверной Пчелѣ", о пріобрѣтеніи и потеряхъ въ продолженіе царствованія дома Романовыхъ, въ которой упоминалось о потерѣ Амура и о важности этой потери,—болѣе всего возбудила вниманіе Императора.

совъ, отъ котораго требовалось на содержаніе этой экспедиціи 250,000 рубл. сер., въ особой запискѣ Государю Императору изложилъ, что *„при неразвитіи, или лучше сказать, несуществованіи нашей торговли въ Восточномъ океанѣ и неимѣніи въ виду, чтобы когда либо могла существовать даже эта торговля, безъ утвержденія нашего въ при-амурскомъ краѣ,—единственною полезною цѣлію отправленія Е. В. Путятина, я полагаю, будетъ порученіе удостовѣриться, между прочимъ, въ справедливости сложившагося убѣжденія о недоступности устья р. Амуръ,—обстоятельства, обусловливающаго степень полезности для Россіи этой рѣки и орошаемаго ею края. Но для разрѣшенія этого вопроса не требуется снаряженія такой большой и дорого стоющей экспедиціи, какова настоящая, а гораздо лучше, въ отношеніи политическомъ и финансовомъ, произвести изслѣдованіе амурскаго лимана и устья р. Амуръ чрезъ россійско-американскую компанію, поручивъ ей отправить къ устью этой рѣки, на счетъ казны, надлежащее судно изъ колоніи.*

Это мнѣніе министра финансовъ было Высочайше утверждено и экспедиція Путятина была отмѣнена. Вслѣдствіе такой Высочайшей воли, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, писалъ предсѣдателю главнаго правленія россійско-американской компаніи, контръ-адмиралу барону Ф. П. Врангелю: 1) чтобы онъ озаботился отправленіемъ изъ колоніи на счетъ казны благонадежнаго судна въ лиманъ рѣки Амуръ, съ цѣлью положительнаго дознанія, въ какой степени и для какого ранга судовъ возможенъ входъ въ амурскій лиманъ и въ рѣку, съ моря, 2) увѣдомилъ бы его, для доклада Его Величеству, къ какому времени это судно, для исполненія такого порученія, можетъ быть готово и отправлено изъ колоніи и сколько, приблизительно, будетъ стоить казнѣ эта экспедиція, могущая положительно разрѣшить упомянутый вопросъ. Графъ Нессельроде вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ барону Врангелю, что это должно быть произведено безъ огласки и что акціонеры компаніи не должны знать объ этомъ. На это баронъ отвѣчалъ, что судно можетъ быть послано изъ колоніи не ранѣе весны 1846 г. и что онъ, вполнѣ цѣня довѣріе къ нему правительства, приметъ всѣ мѣры для точнаго исполненія Высочайшей воли; что же касается стоимости экспедиціи, то она вѣроятно не превыситъ 5,000 руб. Въ заключеніе баронъ объяснилъ, что онъ вполнѣ увѣренъ, что главный правитель колоніи

каштанъ 2 ранга Тебеньковъ, на котораго нынѣ возлагается снаряженіе изъ колоніи судна, приметъ также съ своей стороны всѣ мѣры.

Вслѣдствіе этого отзыва, графъ Несельроде препроводилъ барону Врангелю Высочайше утвержденную инструкцію командиру того судна, которое будетъ назначено для изслѣдованія лимана и устья р. Амуръ. Въ этой инструкціи было изображено: „Главная цѣль ваша заключается въ тщательномъ изслѣдованіи устья р. Амуръ, о которомъ существуетъ мнѣніе, что входъ въ него отъ наносныхъ песковъ не только затруднителенъ, но и невозможенъ для самыхъ даже мелкосидящихъ шлюпокъ, т. е. что рѣка какъ бы теряется въ пескахъ. Для удостовѣренія этого повелѣвается:

„1) Судно имѣетъ избрать на сѣверѣ удобный для якорной стоянки пунктъ, ближайшій къ устью рѣки, и изъ него производитъ на гребныхъ судахъ изслѣдованіе.

„2) Въ случаѣ спроса китайцевъ: зачѣмъ пришло судно? отвѣчать, что бури, вѣтры и теченія нечаянно его сюда занесли.

„3) Людямъ, отправленнымъ на гребныхъ судахъ говорить, что пришли около рѣки наловить рыбы.

„4) Ласкать и одарять туземцевъ, на случай же непріязненныхъ съ ихъ стороны намѣреній, гребнымъ судамъ держаться по возможности соединенно, такъ, чтобы они могли взаимно помогать другъ другу.

„5) Флагъ имѣть какой либо разноцвѣтный, чтобы китайцы не могли подозрѣвать, что судно русское, и чтобы чрезъ это не подать повода къ какимъ либо съ ихъ стороны на насъ неудовольствіямъ, ибо правительство желаетъ сохранить съ ними тѣсную дружбу.

„6) Описать лиманъ рѣки Амуръ, заливъ между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ и сосѣдственный съ лиманомъ юго-восточный берегъ Охотскаго моря, до Удской губы. Для соображенія же при описи этого послѣдняго берега, прилагается карта онаго, составленная академикомъ Миндендорфомъ, а равно и карта пути съ этого берега въ Забайкалье.

„и 7) Донесеніе о дѣйствіяхъ своихъ, а равно журналы и карты отправить изъ Аяна на имя предсѣдателя главнаго правленія компаніи, барона Врангеля“.

На докладѣ графа Несельроде о проэктѣ инструкціи, Государь Императоръ изволилъ замѣтить: «**принять всѣ мѣры, чтобы паче**

всего удостовѣриться, могутъ ли входить суда въ рѣку Амуръ: ибо въ этомъ и заключается весь вопросъ, важный для Россіи».

Эта инструкція, препровожденная графомъ Несельроде барону Врангелю къ точному исполненію, отправлена была къ г. Завойко въ Аянъ 5-го марта 1846 г. Она вполнѣ обнаруживаетъ ошибочныя понятія, какія имѣли тогда о при-амурскомъ краѣ и объясняетъ политику нашу на отдаленномъ востокѣ. Наконецъ она указываетъ и на то, что отъ графа Несельроде и барона Врангеля, не стѣсняясь никакими расходами, требовалось вѣрно и положительно разрѣшить, какого именно ранга суда могутъ входить въ р. Амуръ. Въ какой мѣрѣ это важное для Россіи по своимъ послѣдствіямъ порученіе, возбужденное въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ I, было исполнено, мы увидимъ ниже, а до того считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ основаніи Аяна.

Въ Охотскѣ россійск.-амер. компанія имѣла свою факторію, къ которой одинъ или два раза въ лѣто приходило изъ колоніи и курильскаго отдѣла ея, судно съ мѣхами. Кругъ дѣйствія этой факторіи заключался въ отправкѣ мѣховъ въ Иркутскъ и посылкѣ въ колонію различныхъ продовольственныхъ запасовъ и другихъ вещей. Положеніе факторіи около правительственнаго порта было выгодно для компаніи, потому что ей не надо было содержать значительнаго числа людей и гребныхъ судовъ, необходимыхъ для выгрузки и нагрузки судовъ компаніи: во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ и другихъ случаяхъ, факторія могла обращаться къ средствамъ порта. Сверхъ того, компаніи не нужно было затрачивать значительнаго капитала для содержанія и исправленія дороги въ Якутскъ, такъ какъ эту дорогу содержало правительство. По этимъ причинамъ перенесеніе охотскаго порта всегда было связано съ вопросомъ о перенесеніи вмѣстѣ съ нимъ и компанейской факторіи. За представленіемъ начальниковъ охотскаго порта о переносѣ его, всегда слѣдовало представленіе начальниковъ факторіи къ главное правленіе компаніи, о переносѣ и факторіи вмѣстѣ съ портомъ. Но такъ какъ правители этой факторіи были чужды морскаго дѣла, и такъ какъ правительство не находило другаго мѣста для порта, кромѣ Охотска, то и факторія оставалось тутъ же, а компанія, имѣя въ виду выгоды быть у правительственнаго порта, не обращала вниманія на представленіе начальниковъ ея факторіи. Въ 1843 г. правителемъ этой факторіи былъ назначенъ лейтенантъ В. С. Завойко, (женатый на родной племянницѣ предсѣдателя главн. правл. ком-

паніи барона Врангеля) и ему, какъ морскому офицеру, поручено было разсмотрѣть дѣло о перенесеніи факторіи и представить объ этомъ свои соображенія. Начальникомъ охотскаго порта былъ тогда капитанъ 1 ранга Вонлярлярскій: человѣкъ дѣятельный, весьма знакомый съ недостатками Охотска и съ берегами Охотскаго моря и заинтересованный вопросомъ о переносѣ охотскаго порта. Завойко предложилъ Вонлярлярскому, вмѣстѣ съ факторіею, перенести портъ изъ Охотска въ Аянскій заливъ. Вонлярлярскій отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что помянутый заливъ не представляетъ удобствъ для порта, ибо, во-первыхъ, онъ открытъ; во вторыхъ, суда на водѣ зимовать тамъ не могутъ; въ-третьихъ, время навигаціи къ этому заливу столь же коротко, какъ и къ Охотску, и, въ-четвертыхъ, къ этому заливу надобно будетъ устраивать дорогу изъ Якутска, что сопряжено съ большими расходами и затрудненіями, какъ показалъ уже опытъ Ѳомина. Наконецъ, онъ высказывалъ, что не только въ окрестностяхъ Аяна, но и на берегахъ Охотскаго моря нѣтъ строеваго лѣса, необходимаго для исправленія и строенія судовъ, въ чемъ въ Охотскѣ не ощущалось недостатка (по рѣкамъ Охотѣ и Кухгуѣ лѣсъ безпрепятственно сплавлялся въ Охотскъ). Въ Аянѣ, кромѣ того, большой недостатокъ въ рыбѣ, столь необходимой въ этомъ краѣ, тогда какъ въ Охотскѣ она водится въ изобиліи. Не смотря, однако, на эти справедливые доводы о неудобствѣ для порта Аянскаго залива, г-ну Завойко было разрѣшено главн. правл. компаніи перенести сюда факторію. Въ томъ же 1843 г., съ помощію служившихъ въ компаніи Д. И. Орлова и якутскаго мѣщанина Березина, Завойко перенесъ факторію въ заливъ Аянъ и барономъ Врангелемъ исходатайствовано было у правительства даровать ему тѣ же права, какія даровались тогда главнымъ правителямъ колоніи. Такимъ образомъ, изъ начальника охотской факторіи, которые предъ Завойкою были изъ мѣщанъ, Завойко въ Аянѣ сдѣлался почетнымъ административнымъ лицомъ и изъ лейтенантовъ въ Охотскѣ, съ перенесеніемъ факторіи въ Аянъ, былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Этотъ переносъ факторіи въ заливъ Аянъ былъ весьма чувствителенъ для акціонеровъ, ибо устройство дороги между Аяномъ и Нелькинымъ и вообще сношенія съ Якутскомъ и содержаніе онаго, а равно увеличеніе числа командъ и судовъ при факторіи, потребовало не малыхъ расходовъ. Дабы избавиться отъ дальнѣйшихъ затратъ, главное правленіе компаніи и люди, заинтересованные въ ней,

начали представлять правительству и распространять въ обществѣ слухъ о великомъ значеніи Аяна въ будущемъ: говорили, что только онъ будто-бы можетъ быть главнымъ нашимъ портомъ на востокѣ. Правительство согласилось съ этимъ и приняло на счетъ казны и содержаніе, и окончательное устройство аянскаго тракта. Аянъ усилили казенной командой и переименовали въ правительственный портъ; на горькій опытъ Ѳомина не обратили вниманія. По представленію г. Завойко заселили рѣку Мая и путь между Нелькинымъ и Аяномъ и убили снова много денегъ и людей. Населеніе по Маѣ вымирало и Аянъ оставался той же ничтожной деревней, какою и былъ; сообщеніе его съ Якутскомъ было то же самое, какъ и Якутска съ Охотскомъ. Вредъ, происшедшій отъ вниманія правительства къ Аяну и отъ сопряженныхъ съ этимъ расходовъ, былъ весьма важенъ, ибо это отвлекало правительство отъ при-амурскаго края и служило поводомъ людямъ, не сочувствовавшимъ амурскому дѣлу, представлять Государю Императору, что будто бы Аянъ составляетъ все, что только намъ можно желать на берегахъ отдаленнаго нашего востока, и что въ виду этого намъ рѣшительно не стоитъ обращать вниманія на при-амурскій край, который должно предоставить Китаю и тѣмъ еще болѣе утвердить наши дружескія отношенія съ Китайской имперіей. Вотъ исторія Аяна.

Согласно распоряженію барона Врангеля, правитель колоніи г-нъ Тебеньковъ отправилъ къ устью р. Амуръ маленькій бригъ „Константинъ", подъ командою поручика корпуса штурмановъ Гаврилова, офицера опытнаго, но больнаго. Экипажъ брига состоялъ изъ 3-хъ вольныхъ штурмановъ и 22-хъ человѣкъ команды, большею частію финляндцевъ, при 2-хъ байдаркахъ и 2-хъ илюшкахъ. Г. Тебеньковъ, предписывая Гаврилову зайти въ Аянъ, гдѣ онъ долженъ былъ получить Высочайше утвержденную инструкцію, въ дополненіе къ ней, собственноручно написалъ къ исполненію Гаврилову слѣдующее: „По свѣдѣніямъ при устьѣ Амура находится поселеніе русскихъ бѣглецовъ изъ-за Байкала и большая китайская военная сила, а потому вы должны принять всѣ мѣры предосторожности, дабы не имѣть съ китайцами непріязненныхъ столкновеній и дабы китайцы не могли узнать, что ваше судно русское. Съ русскими бѣглецами войдите тайно въ сношеніе и обѣщайте имъ амнистію. Въ случаѣ, если вы, при входѣ въ лиманъ, встрѣтите мели, то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно извѣстно, что устье рѣки недоступно".

„При всемъ томъ вамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность, чтобы бригъ возвратился въ колонію благовременно, снабдивъ продовольствіемъ промышленниковъ на Курильскихъ, островахъ *) и чтобы все оставалось въ тайнѣ.

„Чтобы всѣ инструменты для наблюденія вы хранили у себя и чтобы всѣ наблюденія для опредѣленія мѣста судна и берега вы дѣлали сами, а равно и журналъ писали бы собственноручно, безъ участія въ этомъ вашихъ помощниковъ, которые, а равно какъ и команда, ничего объ этомъ не должны знать и никому не говорить, что вы были около р. Амуръ“ **).

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, 20 іюля 1846 г. бригъ „Константинъ“ вышелъ изъ Аяна и подошелъ къ мысу Елизавета, лежащему на сѣверной оконечности Сахалина. Опредѣлившись по этому мысу и повѣривъ хронометръ, онъ направился вдоль Сахалинскаго берега къ юго-западу и, не доходя мыса Головачева, попалъ въ заливъ, который принялъ сначала за амурскій лиманъ, почему и назвалъ его заливомъ Обмана (впослѣдствіи онъ названъ заливомъ Байкалъ; это названіе онъ носитъ и теперь на картахъ). 28 іюля, пользуясь полной водой, около мыса Головачева, бригъ перешелъ чрезъ банку и вступилъ въ глубокій каналъ, направляющійся вдоль Сахалина, къ югу. По причинѣ сильныхъ теченій и постоянныхъ свѣжихъ противныхъ вѣтровъ, бригъ подвигался по этому каналу весьма медленно и, дойда до широты 53° N, всталъ на якорь. Отсюда г. Гавриловъ отправился къ р. Амуръ поперегъ лимана, на байдарахъ. Достигнувъ входа въ рѣку у южнаго мыса, онъ поднялся по рѣкѣ на 12 миль и тѣмъ же путемъ возвратился на бригъ. За тѣмъ онъ отправился на шлюпкѣ, по каналу, къ югу и, встрѣтивъ въ широтѣ 52°, 46′ отмель, возвратился обратно на судно. 12 августа, тѣмъ же каналомъ и чрезъ ту же банку, бригъ, выйдя изъ лимана въ Охотское море, пошелъ въ Аянъ, куда и при-

*) Это обстоятельство о походѣ къ Курильскимъ островамъ весьма замѣчательно, ибо тамъ нѣтъ укрытаго мѣста для судовъ и постоянно господствуютъ туманы, а потому снабженіе продовольствіемъ промышленниковъ и принятіе промысла весьма часто бываетъ сопряжено съ огромною потерею времени: судно должно выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ и, слѣдовательно, терять иногда болѣе 2-хъ недѣль.

**) *Примѣчаніе Ред.* Вышеприведенная инструкція совершенно не согласна съ помѣщенною въ книгѣ: „Историческое обозрѣніе образованія россійско-американской компаніи“ П. Тихменева; разногласіе происходитъ, вѣроятно, отъ того, что адмиралъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю секретную переписку, тогда какъ г. Тихменевъ не зналъ о ея существованіи.

былъ 20 августа 1846 г. Отсюда Гавриловъ отправилъ, чрезъ г. Завойко, журналъ и карту своей описи къ барону Врангелю, въ С.-Петербургъ и 22 августа вышелъ изъ Аяна въ Ново-Архангельскъ.

Разсматривая внимательно упомянутые журналъ и карту, мы находимъ:

1) Что парусное судно, слѣдующее къ лиману съ сѣвера, должно встрѣчать большія препятствія отъ мелей, банокъ, теченія и почти постоянныхъ свѣжихъ вѣтровъ.

2) Что г. Гавриловъ попалъ въ лиманъ перейдя чрезъ банку, около мыса Головачева, на которой глубина въ малую воду 5 фут., слѣдовательно надлежащаго входа въ лиманъ, съ сѣвера, онъ не нашелъ.

3) Что бригъ, подвигаясь въ лиманъ, вдоль Сахалина, къ югу, частію подъ парусами, но большею частію на завозахъ, встрѣчалъ глубины, уменьшавшіяся къ югу; такъ, что, дойдя до широты 52 46′, глубина была уже 3 саженн. Тянувшіяся въ этомъ мѣстѣ отъ Сахалина къ матерому берегу отмели замыкали, казалось, лиманъ съ юга, образуя перешеекъ, препятствовавшій входу въ лиманъ изъ Татарскаго залива.

4) Что г. Гавриловъ, отъ Сахалина, поперегъ лимана, на 2-хъ байдаркахъ, подходилъ къ южному входному въ рѣку мысу и попалъ на банку съ глубиною отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ саж., которая, казалось, должна была запирать устье рѣки. Поднявшись же отъ этого мыса вверхъ по рѣкѣ, на байдаркахъ, до 12 миль, Гавриловъ находилъ на этомъ пространствѣ глубину отъ $3^1/_2$ до 5 саж. Переваливъ къ противоположному сѣверному берегу рѣки и слѣдуя подъ нимъ по тѣмъ же глубинамъ, до входнаго сѣвернаго въ рѣку мыса, г. Гавриловъ за мысомъ, въ лиманѣ, потерялъ эту глубину между мелями, лайдами и банками и ему показалось, что мели или совершенно запираютъ входъ въ рѣку, или что между ними существуетъ узкій, извилистый, мелководный каналъ (какъ выражено Гавриловымъ въ журналѣ).

5) Что онъ не встрѣчалъ ни русскихъ (о которыхъ Тебеньковъ говоритъ въ инструкціи), ни китайцевъ и не замѣтилъ никакихъ признаковъ правительственнаго китайскаго вліянія на эти мѣста и на обитателей оныхъ, гиляковъ, которые вездѣ принимали его ласково и объясняли, что они никому ясака не платятъ.

6) Что по пеленгамъ и широтамъ, опредѣленнымъ, г. Гаври-

ловымъ, составляется удовлетворительный очеркъ береговъ сѣверной части лимана.

и 7) Въ этомъ же журналѣ объясняется г. Гавриловымъ, что по краткости времени, ничтожеству имѣвшихся у него средствъ и по свѣжимъ вѣтрамъ и теченіямъ, которые онъ встрѣтилъ, ему не представлялось никакой возможности произвести тщательныя и подробныя изслѣдованія, которыя могли бы разрѣшить вопросъ о состояніи устья рѣки Амуръ и ея лимана.

Затѣмъ, въ письмѣ своемъ барону Врангелю, г. Гавриловъ писалъ, что возложенное на него порученіе, по краткости времени, по неимѣнію средствъ и по встрѣченнымъ имъ препятствіямъ, онъ исполнить не могъ и что поэтому изъ его описи нельзя дѣлать какихъ либо заключеній объ устьѣ рѣки Амуръ и ея лиманѣ, до какой степени они доступны съ моря.

На картѣ же, приложенной къ этому журналу и составленной по упомянутой описи, показано: а) устье рѣки загражденнымъ банкою, на которой глубина отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ саж., б) входъ въ лиманъ съ сѣвера загражденъ банкою въ 5 фут., и в) отъ широты 52° 46′ показана поперегъ всего лимана отмель, представляющая какъ бы перешеекъ, соединяющій Сахалинъ съ материкомъ *). И такъ карта, приложенная къ журналу Гаврилова, подтверждаетъ мнѣнія Лаперуза, Браутона и Крузенштерна, что устье р. Амуръ и ея лиманъ недоступны и что Сахалинъ полуостровъ.

Послѣ этого, въ виду столь важнаго вопроса, слѣдовало бы или безъ испрошенія Высочайшаго соизволенія послать вторично въ лиманъ рѣки Амуръ судно со всѣми средствами, какія по опыту оказались бы нужными, дабы разрѣшить положительно упомянутый вопросъ, или же, представляя Государю Императору о посылкѣ въ лиманъ г. Гаврилова, объяснить въ докладѣ, что этою посылкою вопросъ о р. Амуръ еще не разрѣшенъ; но документы объ этомъ предметѣ показываютъ слѣдующее:—12 декабря 1846 г., баронъ Врангель доноситъ графу Несельроде: „Изъ приложенныхъ при семъ въ подлинникѣ, журнала и составленной по немъ карты сѣвер-

*) Подлинные журналъ и карта Гаврилова 1816 г. хранятся въ архивѣ азіатск. департ. министр. иностр. дѣлъ, копіи же съ нихъ, а равно и подлинное письмо Гаврилова Врангелю, находились въ архивѣ бывшаго главнаго правл. рос. америк. компаніи. Карта Гаврилова напечатана въ атласѣ Тебенькова стр. 30; на ней показано, что устье рѣки запираетъ банка, на которой глубина только $^1/_4$ и $^1/_2$ саж, а къ югу, отъ широты 52°46′, мель.

ной части амурскаго лимана и устья р. Амуръ, ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что возложенное на меня Высочайшее повѣленіе исполнено. Судно рос. америк. компаніи было послано и г. Гавриловъ осмотрѣлъ сѣверную часть лимана и устье р. Амуръ, которое оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ илюпокъ. При этомъ осмѣливаюсь ходатайствовать о награжденіи главнаго правителя колоніи, капитана 1 ранга Тебенькова, снаряжавшаго экспедицію Гаврилова, самаго Гаврилова и экипажа, бывшаго въ оной. Что же касается до стоимости этой экспедиціи, то она простирается въ 5,435 руб. сер.“ За симъ графъ Несельроде, въ докладѣ своемъ отъ 15 декабря 1846 г., излагаетъ Государю Императору: —

„Повелѣніе Вашего Величества предсѣдателемъ главнаго правленія рос. америк. компаніи барономъ Врангелемъ въ точности исполнено; устье р. Амуръ оказалось недоступнымъ для мореходныхъ судовъ, ибо глубина на ономъ отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ фут. и Сахалинъ полуостровъ; почему р. Амуръ не имѣетъ для Россіи никакаго значенія“. На этомъ докладѣ Государь Императоръ изволилъ написать: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить; лицъ, посылавшихся къ Амуру, наградить.“

За симъ, 22 января 1847 г., графъ Несельроде сообщилъ барону Врангелю, что Его Величество повелѣть соизволилъ: „за труды, оказанные при точномъ исполненіи Высочайшей воли, относительно посылки въ амурскій лиманъ судна, выдать изъ суммъ азіатскаго департамента министерства иностр. дѣлъ: главному правителю колоніи Тебенькову 2,000 рубл., командиру брига „Константинъ“ Гаврилову, 1,500 рубл., экипажу брига 1,000 р. и уплатить россійско-америк. компаніи 5,435 рубл. Затѣмъ дѣло о р. Амуръ навсегда считать конченнымъ и всю переписку по этому хранить въ тайнѣ“ *).

*) Всѣ упомянутые документы находятся въ архивѣ азіатскаго департамента мин. иностр. дѣлъ, въ секретномъ дѣлѣ по Амуру (1844—1849 г.).

ГЛАВА VI.

Представленіе Вонлярлярскаго о переносѣ Охотска, въ 1847 г. Причины посылки торговой экспедиціи изъ Аяна на р. Тугуръ и южный берегъ Охотскаго моря.—Свѣдѣнія, доставленныя академикомъ Миддендорфомъ.—Дѣйствія правительства относительно Китая, до 1847 года.—Мнѣніе правительства о при-амурскомъ краѣ, вслѣдствіе донесеній барона Врангеля и графа Нессельроде.—Рѣшеніе правительства въ 1848 г., снарядить экспедицію Ахте, для проведенія границы съ Китаемъ.—Окончательное рѣшеніе правительства, въ томъ же году, объ отдачѣ всего при-амурскаго бассейна Китаю.

Начальникъ охотскаго порта капитанъ Н. Вонлярлярскій представилъ о необходимости перенести охотскій портъ въ усмотрѣнный въ 1844 г. Миддендорфомъ на Секлекпискомъ полуостровѣ, заливъ, названный при описи его капитаномъ Поклонскимъ, заливомъ „Великій князь Константинъ“. Этотъ заливъ, по мнѣнію его, представлялъ всѣ удобства для основанія въ немъ порта гораздо лучшаго чѣмъ охотскій и аянскій. Дѣло объ этомъ предметѣ, по ходатайству директора инспекторскаго департамента М. Н. Лермонтова, въ исходѣ 1847 г., со стороны морскаго министерства было рѣшено въ томъ смыслѣ, чтобы перенести въ этотъ заливъ охотскій портъ, и испрашивалось уже для этого 250,000 рубл.; но ожидалось только заключенія генералъ-губернатора Восточной Сибири о томъ, что будетъ стоить провести дорогу изъ этого залива по южному склону Яблоноваго хребта въ Забайкальскую область, по пути Миддендорфа.

Въ то же самое время, съ другой стороны, предсѣдатель главнаго правленія компаніи Ф. П. Врангель и начальникъ аянскаго порта и факторіи В. С. Завойко докладывали генералъ-губернатору Восточной Сибири объ удобствахъ соединить въ Аянѣ и правительственный портъ, какъ въ пунктѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ вьючной дороги отъ Нелькина до Аяна и далѣе, по рѣкамъ: Маѣ, Алдану и Ленѣ, представляетъ удобное сообщеніе

съ Якутскомъ. Для совершеннаго обезпеченія этого пути, г. Завойко предлагалъ, между Аяномъ и Нелькиномъ и по берегамъ рѣки Маи образовать селенія изъ крестьянъ, для чего, говорилъ онъ, имѣются на этомъ пространствѣ хорошія и удобныя мѣста.

Точно также въ 1845 г., камчатскій епископъ Инокентій *), въ письмѣ московскому митрополиту Филарету, между прочимъ, писалъ **): „Свѣтъ Св. Евангелія начинаетъ распространяться съ нашей стороны и на предѣлы китайской имперіи, впрочемъ, безъ всякаго съ моей стороны участія. Священникъ во время своихъ поѣздокъ по приходу имѣетъ случай видѣться на Буруканѣ ***) съ нейдальцами и гиляками, живущими въ предѣлахъ китайской имперіи, которые приходятъ сюда за промыслами и для торговли; при всякомъ свиданіи священникъ бесѣдуетъ съ ними о спасеніи души и бесѣды его, при содѣйствіи Божіемъ, не остаются безплодными: 9 человѣкъ нейдальцевъ окрестились и одинъ изъ нихъ показалъ рѣдкое усердіе при принятіи крещенія“. Въ томъ же 1845 г. академикъ Миддендорфъ писалъ, между прочимъ, генералъ-квартирмейстеру Бергу, что слѣдуя вмѣстѣ съ топографомъ Вагановымъ отъ тугурской губы съ юго-восточнаго берега Охотскаго моря въ Забайкальскую область, по южному склону Станового хребта, тянувшагося къ западу, онъ находилъ нѣсколько каменныхъ столбовъ, въ видѣ пирамидальныхъ грудъ, которыя поставлены манджурами и китайцами, какъ пограничные знаки. Такъ какъ по нерчинскому трактату 1689 года граница наша съ Китаемъ въ этихъ мѣстахъ должна идти не по южному склону этихъ горъ, а по вершинамъ оныхъ, то на этомъ основаніи китайцы отдалили границу къ югу и уступили добровольно Россіи огромное пространство земли, въ которой онъ нашелъ несомнѣнныя богатства золотыхъ розсыпей. Россіи этимъ бы и слѣдовало воспользоваться, т. е. провести границу съ Китаемъ по направленію столбовъ. Эти свѣдѣнія генераломъ Бергомъ ****) были доведены до военнаго министра графа Чернышева и министра иностранныхъ дѣлъ графа Несельроде. Затѣмъ,

*) Нынѣ митрополитъ московскій.

**) Это письмо обнародовано въ „Трудахъ Православнаго Благовѣстія“, 1845 г., стр. 263.

***) Урочище или мысъ Бурукань лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Тугура, около 150 вер. отъ ея устья. Изъ этого видно, что это урочище принималось тогда за границу съ Китаемъ, ибо чрезъ него проходила упомянутая произвольная пограничная черта, назначенная на картахъ и въ географіяхъ того времени.

****) Бывшимъ впослѣдствіи графомъ и фельдмаршаломъ.

тотъ же академикъ Миндендорфъ писалъ, что полезно было бы съ гиляками, обитающими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, вступить въ торговыя сношенія, какъ съ народомъ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, независимымъ и, для удобства торговли, пріобрѣсти отъ нихъ клочекъ земли, для устройства зимовья *). Вслѣдствіе этого обстоятельства, а равно и для уничтоженія кулачества якутскихъ торгашей, съ разрѣшенія главнаго правленія, въ 1847 г., В. С. Завойко послалъ для торговли изъ Аяна, по столбищамъ, тунгусовъ, находившихся между Нелькинымъ и Тугуромъ и, служившаго въ компаніи, Д. И. Орлова. Въ 1848 году, г. Орловъ встрѣтился въ урочищѣ Буруканъ съ нейдальцами, прибывшими туда съ рѣки Амгуни. Нейдальцы просили Орлова ѣхать съ ними на рѣку Амгунь, но г. Орловъ, зная, что мѣста эти считаются китайскими, не рѣшился съ ними ѣхать **). Здѣсь Орловъ встрѣтился также и съ гиляками, обитавшими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, къ сѣверу отъ амурскаго лимана и вступилъ съ ними въ торговыя сношенія. Главное правленіе компаніи, получивъ отъ Завойко донесеніе о вступленіи Орловымъ на Буруканѣ въ торговыя сношенія съ гиляками юго-восточнаго берега Охотскаго моря и, имѣя въ виду свѣдѣнія и мнѣніе академика Миндендорфа, въ 1849 г. ходатайствовало чрезъ графа Несельроде, о дозволеніи продолжать эту расторжку съ гиляками и построить у нихъ зимовье. Для этого оно просило командировать изъ Охотска 10 человѣкъ мастеровыхъ и 10 казаковъ, въ распоряженіе, опытнаго въ этомъ дѣлѣ, прапорщика Орлова, подчинивъ его начальнику аянской факторіи, Завойко, а экспедицію эту назвать торговою экспедиціею аянской факторіи.

Вслѣдствіе этого представленія, графъ Несельроде, отъ 25-го февраля 1849 г., увѣдомилъ главное правленіе компаніи, что Государь Императоръ одобрилъ это представленіе. Въ заключеніе онъ объяснилъ, что цѣль этой торговой экспедиціи должна единственно состоять въ томъ, чтобы вступить въ расторжку съ гиляками, обитающими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, къ сѣверу отъ амурскаго лимана, но отнюдь не касаться устья рѣкиАмура, а тѣмъ болѣе амурскаго бассейна.

---

*) Это обстоятельство обнаруживаетъ, что Миндендорфъ, дѣлая подобныя заключенія, совершенно не зналъ гиляковъ, ибо какимъ образомъ отъ народа, не имѣющаго никакого понятія о территоріальной собственности, а тѣмъ болѣе о гражданственности, пріобрѣтать землю куплею?

**) Всѣ упомянутыя свѣдѣнія показываютъ одни только заблужденія о краѣ и народѣ въ немъ обитающемъ, а также и о границѣ нашей съ Китаемъ.

Таково происхожденіе этой ничтожной по цѣли, торговой экспедиціи, возбужденной россійско-американскою компаніею. Это обстоятельство еще болѣе уясняетъ то заблужденіе, какое царствовало тогда о границѣ нашей съ Китаемъ. До 1847 г., т. е. до представленія Врангелемъ и графомъ Несельроде о результатахъ посылки въ амурскій лиманъ Гаврилова, правительство наше постоянно отклоняло предложеніе китайцевъ о разграниченіи земель, лежащихъ отъ верховьевъ рѣки Уди къ востоку, до моря и оставленныхъ по нерчинскому трактату неразграниченными. Правительство не теряло надежды утвердиться въ при-амурскомъ бассейнѣ, если, по изслѣдованіямъ, устье р. Амуръ и ея лиманъ окажутся доступными для входа судовъ съ моря. Оно ждало только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы привести въ исполненіе мысли Петра Великаго и Екатерины II; но, убѣдившись, по донесеніямъ барона Врангеля и графа Несельроде, въ недоступности устья рѣки Амуръ и ея лимана и имѣя въ виду: а) представленіе о важномъ значеніи Ляна; б) мнѣніе о петропавловскомъ портѣ, долженствовавшемъ быть главнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ, и наконецъ в) свѣдѣнія о пути академика Миндендорфа отъ тугурской губы по южному склону Становаго хребта, а также о найденныхъ имъ по этому пути какихъ-то китайскихъ пограничныхъ знакахъ,—правительство, въ 1847 году, рѣшилось положить окончательно границу съ Китаемъ на отдаленномъ Востокѣ и тѣмъ прекратить весьма часто повторявшуюся непріятную переписку объ этомъ предметѣ съ Китаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и всѣ надежды сибиряковъ о рѣкѣ Амуръ; мы предоставляли какъ эту рѣку, такъ и весь ея бассейнъ навсегда Китаю,—и сознали, что по недоступности ея устья и лимана для судовъ съ моря, она безполезна для Россіи!

Для опредѣленія направленія границы съ Китаемъ, въ 1848 году, положено было воспользоваться упомянутыми свѣдѣніями о столбахъ, или пограничныхъ знакахъ и о пути отъ тугурской губы, объясненныхъ Миндендорфомъ генералу Бергу, военному министру графу Чернышеву и министру иностранныхъ дѣлъ графу Несельроде,—лицамъ, весьма сочувствовавшимъ тогда предложенію этого академика, — и положить границу по его пути, отъ тугурской губы къ Забайкалью. Въ томъ же 1848 г. на ходатайство упомянутыхъ лицъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи подъ начальствомъ подполковника ге-

неральнаго штаба Ахте, изъ горныхъ инженеровъ Меглицкаго и Кованько, астронома Шварца, нѣсколькихъ топографовъ, штегеровъ и съ особою при экспедиціи командою, для развѣдокъ. Губернатору Восточной Сибири Высочайше повелѣно было содѣйствовать этой экспедиціи всѣми средствами, въ видахъ скорѣйшаго окончанія возложеннаго на нее порученія, состоявшаго въ томъ, чтобы окончательно опредѣлить нашу границу съ Китаемъ по направленію столбовъ, найденныхъ Миндендорфомъ. Эта экспедиція въ іюнѣ 1849 г. прибыла изъ Петербурга въ Иркутскъ, гдѣ, по распоряженію генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, оставшимся вмѣсто него иркутскимъ губернаторомъ Владиміромъ Николаевичемъ Зориннымъ, была оставлена впредь до возвращенія Н. Н. Муравьева изъ Камчатки.

Таковы были событія, совершившіяся на отдаленномъ нашемъ Востокѣ до 1849 г., приведшія правительство къ окончательному и, казалось, безповоротному рѣшенію: „положить границу нашу съ Китаемъ по южному склону Хинганскаго Становаго хребта до Охотскаго моря, къ тугурской губѣ и отдать такимъ образомъ навсегда Китаю весь амурскій бассейнъ, какъ безполезный для Россіи по недоступности для мореходныхъ судовъ устья р. Амура и по неимѣнію на его прибрежьѣ гаваней. Все же вниманіе обратить на Аянъ, какъ на самый удобный портъ въ Охотскомъ морѣ и на Петропавловскъ, который долженъ быть главнымъ и укрѣпленнымъ портомъ нашимъ въ Восточномъ океанѣ *)".

Ясно, чтобы отклонить правительство отъ такого ошибочнаго рѣшенія и дать возможность принять на отдаленномъ Востокѣ надлежащее положеніе, которое готовили ей Петръ I и Екатерина II, необходимо было разрѣшить два важныхъ вопроса: *вопросъ пограничный* и *морской*. Изъ нихъ первый вопросъ заключался въ томъ, что дѣйствительно ли груды камней, найденныя академикомъ Миндендорфомъ и принятыя имъ за пограничные знаки съ Китаемъ имѣютъ это значеніе? Дѣйствительно ли Хинганскій Становой хребетъ, тянущійся къ востоку отъ вершинъ рѣкъ Горбицы и Уди и имѣющій тоже восточное направленіе около тугурской губы, упирается въ Охотское море? И, наконецъ, какое имѣютъ направленіе рѣки, выходящія изъ Хинганскаго хребта и влива-

*) Таковъ смыслъ рѣшеній особаго комитета 1848 г., подъ предсѣдательствомъ министра иностр. дѣлъ графа Нессельроде, съ участіемъ военнаго министра графа Чернышева, генералъ-квартирмейстера Берга и проч., какъ видно изъ дѣла по Амуру, находящагося въ архивѣ азіатскаго департамента мин. иностр. дѣлъ.

ющіяся въ южное и сѣверо-восточное колѣна рѣки Амуръ? Второй вопросъ—морской, заключался въ томъ, что дѣйствительно ли недоступны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга амурскій лиманъ и устье р. Амуръ? И дѣйствительно ли на прибрежьяхъ Татарскаго залива нѣтъ гавани? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ необходима была посылка особой экспедиціи; но послѣ сейчасъ сказаннаго ясно, что представлять правительству о снаряженіи экспедиціи съ этою цѣлію было уже невозможно; ибо послѣ его рѣшенія, въ которомъ, были заинтересованы первые сановники государства, не только нельзя было ожидать на это согласія, но, напротивъ, тѣхъ, которые осмѣлились бы сдѣлать подобное представленіе, ожидало явное или тайное преслѣдованіе. Озарить этотъ край свѣтомъ истины и чрезъ это отклонить высшее правительство отъ потери его навсегда для Россіи, возможно было лишь *случайно* и при содѣйствіи лицъ, твердо убѣжденныхъ въ ошибочности взгляда на этотъ край,—взгляда, унаслѣдованнаго отъ авторитетовъ знаменитыхъ мореплавателей и послѣдующихъ за ними экспедицій. Тутъ нужны были люди, которые бы рѣшились дѣйствовать при этой случайности внѣ повелѣній,—люди, вмѣстѣ съ тѣмъ, одушевленные и гражданскимъ мужествомъ и отвагою, и готовые на всѣ жертвы для блага своего отечества!

Въ такое именно положеніе поставлены были здѣсь наши морскіе офицеры съ 1849 по 1855 г. Они-то, какъ мы ниже увидимъ, возбудивъ погребенный, казалось на вѣки, амурскій вопросъ, преслѣдовали его, разрѣшили и, разъяснивъ правительству все важное значеніе для Россіи при-амурскаго и при-уссурійскаго бассейновъ, сдѣлались виновниками въ присоединеніи этого края и о-ва Сахалина къ Россіи.

Мнѣ необходимо было обозрѣть всѣ предшествовавшія 1849 г. событія, совершившіяся на отдаленномъ нашемъ Востокѣ, для того, чтобы дать возможность справедливо оцѣнить всю важность дѣятельности въ этомъ краѣ нашихъ морскихъ офицеровъ съ 1849 по 1855 гг.,—дѣятельности, далеко выходящей изъ ряда обыкновенныхъ.

ГЛАВА VII.

Приготовленіе къ походу транспорта „Байкалъ“.—Объясненіе мое съ генералъ-губернаторомъ въ декабрѣ 1847 года. Амурскій вопросъ возбуждается снова.—Мое объясненіе съ княземъ Меньшиковымъ въ исходѣ декабря 1847 г.—Спѣшное окончаніе постройки транспорта.—Представленія и распоряженія мои относительно груза.—Записка, представленная мною князю Меньшикову 8 февраля 1848 г.—Просьба моя князю Меньшикову о дозволеніи идти въ амурскій лиманъ.—Сущность письма моего Н.Н. Муравьеву, отъ 10 февраля 1848 г.—Отвѣтъ на это письмо, полученный мною въ іюлѣ того же года.

По ходатайству Августѣйшаго Генералъ-Адмирала, Государя Великаго Князя Константина Николаевича и рекомендаціи Ѳ. П. Литке и Ѳ. С. Лутковскаго *), въ исходѣ декабря 1847 г., я былъ назначенъ командиромъ военнаго транспорта „Байкалъ“, который строился, по заказу морскаго министерства, на верфи гг. Бергстрема и Сулемана въ Гельсингфорсѣ **). Этотъ транспортъ назначался на службу въ Охотскъ и на немъ приказано было отправить изъ С.-Петербурга и Кронштадта различные коммисаріатскіе, кораблестроительные и артиллерійскіе запасы и матеріалы для нашихъ сибирскихъ портовъ: охотскаго и петропавловскаго. Такова была цѣль отправленія транспорта „Байкалъ“, выходъ котораго изъ Кронштадта въ море предполагался не ранѣе осени 1848 г.

---

*) Я имѣлъ счастіе служить съ Его Императорскимъ Высочествомъ съ 1836 по 1846 г. на фрегатахъ „Беллона“ и „Аврора“ и кораблѣ „Ингерманландъ“; въ продолженіе этого времени, 7 лѣтъ былъ постоянно вахтеннымъ лейтенантомъ Его Высочества. При вооруженіи корабля „Ингерманландъ“, въ Архангельскѣ, былъ помощникомъ Его Высочества, какъ старшаго офицера. Во все время мы плавали подъ флагомъ Ѳ. П. Литке, а Ѳ. С. Лутковскій былъ при Великомъ Князѣ.

**) Транспортъ „Байкалъ“ имѣлъ вмѣстительность 250 тоннъ, вооруженъ шкуною—бригъ; по контракту съ строителями онъ долженъ былъ быть спущенъ на воду въ сентябрѣ 1848 г., слѣдовательно, не могъ выдти изъ Кронштадта ранѣе исхода октября мѣсяца. Главныя его размѣренія: длина между перпендикулярами 94 ф., ширина 24 ф. 7 д. въ полномъ грузу долженъ сидѣть ахтерштевнемъ 12 ф. 9 д., а форштевнемъ 11 ф. 8 д. Диферентъ 1 ф. 1 д.

Въ это время былъ въ Петербургѣ вновь назначенный генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири генералъ-маіоръ Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій до того тульскимъ губернаторомъ. Такъ какъ я долженъ былъ идти въ сибирскіе порта, состоявшіе отчасти и въ его вѣдѣніи, то начальникъ главнаго морскаго штаба, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ приказалъ мнѣ представиться его превосходительству Н. Н. Муравьеву. Николай Николаевичъ принялъ меня весьма благосклонно; въ разговорѣ съ нимъ о снабженіи нашихъ сибирскихъ портовъ я имѣлъ случай обратить его вниманіе на важное значеніе для ввѣреннаго ему края рѣки Амуръ; на это онъ отозвался, что не только возвращеніе этой рѣки въ наше владѣніе, но и открытіе для насъ свободнаго по ней плаванія, представляетъ огромное значеніе для Сибири, но, къ несчастію, всѣ убѣждены, что будто бы устье этой рѣки забросано мелями и недоступно для входа въ рѣку судовъ съ моря, и что въ этомъ убѣжденъ вполнѣ и Государь Императоръ, ибо при обращеніи мною вниманія, объяснилъ мнѣ Н. Н. Муравьевъ, Его Величества на важное значеніе для Россіи р. Амуръ, Государь Императоръ изволилъ выразиться: „Для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только однѣ лодки?“ *). На это я отвѣчалъ Н. Н. Муравьеву, что распространившееся дѣйствительно подобное заключеніе о рѣкѣ Амуръ и ея лиманѣ мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, ибо изъ всѣхъ обнародованныхъ свѣдѣній и описей, произведенныхъ Лаперузомъ, Браутономъ и Крузенштерномъ, на которыхъ подобное заключеніе и могло быть только основано и которыя я тщательно изучилъ, еще нельзя дѣлать объ устьѣ рѣки такого заключенія. Кромѣ того, невольно рождается вопросъ: неужели такая огромная рѣка, какова Амуръ, не могла проложить для себя выхода въ море и теряется

*) Объ экспедиціи Гаврилова 1846 г. и о ея результатахъ, оставленныхъ по Высочайшему повелѣнію безъ огласки, Н. Н. Муравьевъ не зналъ; объ этомъ было извѣстно только: графамъ Несельроде, Чернышеву, князю Меньшикову, барону Врангелю, Тебенькову и Завойко. Г. Тихменевъ въ сочиненіи своемъ „Историческое обозрѣніе колоній р. а. компаніи“, на стр. 61, говоритъ, что будто бы Государь Императоръ въ 1847 г. выразился Н. Н. Муравьеву, что „*р. Амуръ должна принадлежать Россіи и что производившіяся тамъ изслѣдованія не разъ должны повториться*“. Это выдумка Тихменева - Государь никогда въ 1847 г. Муравьеву этого не говорилъ, что ясно доказывается резолюціею Его Величества, сдѣланною на докладѣ гр. Несельроде 15 декабря 1846 г.: „Оставить вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной для Россіи“.

въ нескахъ, какъ нѣкоторымъ образомъ выходитъ изъ упомянутыхъ описей. Поэтому я полагаю, что тщательное изслѣдованіе ея устья и лимана представляется настоятельною необходимостью. Сверхъ того, если Сахалинъ соединяется съ матерымъ берегомъ отмелью, покрывающеюся водою только при приливахъ, какъ показывается на всѣхъ морскихъ картахъ, составленныхъ по упомянутымъ описямъ, т. е. если входъ въ амурскій лиманъ изъ Татарскаго залива *недоступенъ*, то это обстоятельство еще болѣе должно убѣждать насъ, что изъ р. Амуръ долженъ существовать выходъ съ достаточною глубиною. Выслушавъ со вниманіемъ мои доводы, Н. Н. Муравьевъ, изъявляя полное сочувствіе къ моему предложенію, выразилъ, что онъ съ своей стороны постарается употребить всѣ средства къ его осуществленію. При передачѣ этого моего разговора съ генералъ-губернаторомъ его свѣтлости князю А. С. Меньшикову, я просилъ: не признается ли возможнымъ употребить ввѣренный мнѣ транспортъ для изслѣдованія устья р. Амуръ и ея лимана и на опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря, показываемаго на морскихъ картахъ точками. На это его свѣтлость замѣтилъ, что по позднему выходу транспорта, „дай Богъ, чтобы вы пришли въ Петропавловскъ къ осени 1849 г.“, что сумма денегъ ассигнована на плаваніе транспорта только на одинъ годъ, „слѣдовательно у васъ не будетъ ни времени, ни средствъ къ исполненію этого порученія“. Кромѣ того, подобное предпріятіе, какъ изслѣдованіе устья р. Амуръ, не принесетъ никакой пользы, ибо положительно доказано, что устье этой рѣки заперто мелями, въ чемъ убѣжденъ и Государь Императоръ; наконецъ, возбужденіе вопроса объ описи устья р. Амуръ, какъ рѣки китайской, повлечетъ къ непріятной перепискѣ съ китайскимъ правительствомъ, а графъ Несельроде на это нынѣ не согласится и не рѣшится представить Государю. „Поэтому“, сказалъ князь, „нечего думать о томъ, что невозможно, а надобно вамъ стараться снабдить наши сибирскіе порта по возможности благовременно, ибо, по послѣднимъ донесеніямъ ихъ начальниковъ, тамъ ощущается большой недостатокъ въ коммисаріатскихъ и кораблестроительныхъ матеріалахъ и запасахъ“.

Изъ этого замѣчанія князя Меньшикова я видѣлъ, что главная причина къ отстраненію моего предложенія заключалась въ томъ, что не будетъ времени къ исполненію его; испрашивать же особыхъ средствъ для этого нельзя, по нежеланію вступать объ этомъ въ сношеніе съ Китаемъ. Слѣдовательно, чтобы имѣть надежду достиг-

путь предположенной мною цѣли, необходимо было удалить эти препятствія, т. е. а) постараться, чтобы транспортъ могъ придти въ Камчатку въ маѣ мѣсяцѣ и къ іюню можно было бы сдать весь грузъ въ Петропавловскѣ, т. е., чтобы все лѣто 1849 г. было свободно, а слѣдовательно, чтобы и времени и суммы, назначенной для плаванія транспорта, было достаточно для изслѣдованія устья р. Амуръ и ея лимана, и б) чтобы это изслѣдованіе было произведено какъ бы случайно, при описи юго-восточнаго берега Охотскаго моря, сосѣдственнаго съ амурскимъ лиманомъ. Къ достиженію вышеупомянутыхъ цѣлей приступилъ я немедленно.

Въ началѣ января 1848 г. транспортъ былъ только что заложенъ, такъ что къ обшивкѣ его располагали приступить только весною. Я объяснилъ строителямъ: гг. Бергстрему и Сулеману, что князю Меньшикову было бы пріятно, еслибы транспортъ былъ готовъ къ іюлю мѣсяцу и просилъ ихъ ускорить работы. Это было необходимо еще и потому, что только при раннемъ выходѣ изъ Кронштадта на такомъ маломъ суднѣ, каковъ былъ „Байкалъ“, можно было надѣяться достигнуть Петропавловска благополучно и благовременно. Гг. строители, въ виду желанія князя Меньшикова, бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Финляндіи, дали мнѣ обязательство спустить на воду транспортъ къ іюлю мѣсяцу, ранѣе времени, означеннаго въ контрактѣ болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца. Уладивъ, такимъ образомъ, это первое и важное дѣло и оставивъ въ Гельсингфорсѣ наблюдать за постройкою транспорта старшаго офицера, лейтенанта П. В. Козакевича, я началъ хлопотать объ устраненіи и другихъ препятствій, служившихъ постоянною задержкою судовъ въ Кронштадтѣ и Петропавловскѣ, а также и обстоятельствъ, ставившихъ командировъ судовъ въ иностранныхъ портахъ, въ непріятное положеніе, а именно: —

По заведенному порядку чиновниками коммисаріатскаго и кораблестроительнаго департаментовъ, грузъ, назначенный въ Петропавловскъ и Охотскъ, сдавался командиру судна не по мѣстамъ, какъ то дѣлается на коммерческихъ судахъ, а по мѣрѣ, вѣсу и счету; на этомъ основаніи командира обязывали сдавать его также въ Петропавловскѣ и Охотскѣ. Грузъ, назначаемый въ сибирскіе наши порта, составлялся обыкновенно изъ забракованныхъ большею частію вещей и хранился въ магазинахъ, въ такъ называемыхъ *охотскихъ кучкахъ*, такъ что большая его часть достигала мѣста назначенія въ негодномъ видѣ. Чиновники по этому случаю обык-

новенно писали и отписывались и въ концѣ концовъ относили это къ случайностямъ въ морѣ, при качкѣ, бурѣ и т. п., или къ худой укладкѣ въ суднѣ и тѣснотѣ, перемѣнѣ климата, и наконецъ къ невниманію командировъ и, какъ лица неотвѣтственныя, оставались всегда правыми. Кромѣ того, матеріалы и запасы къ мѣсту погрузки въ Кронштадтъ доставлялись неблаговременно и въ безпорядкѣ, такъ что тяжелыя вещи (желѣзо и т. п.), которыя должны бы быть погружены въ нижней части трюма, привозились послѣдними. Чрезъ это, кромѣ утомительныхъ хлопотъ и непріятностей, напрасно терялось много времени и мѣста въ суднѣ. Всѣ, отправлявшіяся до меня, съ тою же цѣлію, транспорты, имѣли вмѣстительность почти втрое большую „Байкала“ и въ нихъ поэтому было мѣста гораздо болѣе, чѣмъ надобно для помѣщенія отправляемаго груза, а потому предшественникамъ моимъ и не было повода обращать вниманія на лучшую упаковку груза, тогда какъ мнѣ предстояло взять такой же и даже большій грузъ и уложить его въ пространство гораздо меньшее. Кромѣ того, предшественники мои, не имѣя въ виду ничего, кромѣ доставки груза, не имѣли и повода заботиться о раннемъ выходѣ изъ Кронштадта.

Тщательно и подробно осмотрѣвъ въ магазинахъ назначенныя къ отправленію вещи и взявъ нѣкоторые образцы оныхъ, я убѣдился, что при такомъ способѣ упаковки, какой употреблялся до меня, не могу погрузить на транспортъ и половины вещей, а равно убѣдился и въ томъ, что коммисаріатскіе матеріалы (холстъ, сукно, сапожный товаръ и проч.) были почти гнилые.

По существовавшему тогда положенію, офицерскіе порціоны расчитывались по двойной стоимости матросской порціи, а потому въ заграничныхъ портахъ надобно было брать отъ консуловъ и агентовъ справочныя цѣны на запасы, входившіе въ составъ матросской порціи и стараться, чтобы эти цѣны были выданы возможно большія и вообще несуществующія, ибо безъ того офицерскіе порціоны становились весьма недостаточными. Это обстоятельство ставило командировъ судовъ въ весьма щекотливое и несвойственное званію, положеніе и часто замедляло выходъ судна въ море.

Объяснивъ всѣ эти обстоятельства бывшему тогда генералъ-интенданту, вице-адмиралу Васильеву и указавъ на всю несоотвѣтственность положеній о пріемѣ и сдачѣ груза и заведенномъ порядкѣ отправлять все худшее въ сибирскіе порта, я представилъ ему свои соображенія къ отстраненію этого. Соображенія эти были

переданы для немедленнаго разсмотрѣнія чиновникамъ коммисаріата. Они на эти мои соображенія представили цѣлую диссертацію о невозможности исполненія оныхъ и заключили, что они никогда не должны быть отвѣтственны за грузъ, отправляемый со мною. Послѣ этого, генералъ-интендантъ объявилъ мнѣ, что онъ съ своей стороны ничего не можетъ сдѣлать по моему желанію, хотя и сочувствуетъ оному и что надобно обратиться мнѣ къ князю Меньшикову.

Представивъ князю Меньшикову образцы негодныхъ матеріаловъ, предположенныхъ къ отправленію со мною, невозможность взять и половины груза, если онъ не будетъ упакованъ, медленность пріемки и сдачи и о прочихъ сказанныхъ обстоятельствахъ, я просилъ его свѣтлость приказать: a) чтобы весь назначенный къ отправленію со мною грузъ принимать и сдавать не по мѣрѣ, вѣсу и счету, а по числу мѣстъ, которыя должны быть тщательно упакованы и упрессованы, съ приложеніемъ на каждомъ мѣстѣ пломбы и нумера.

b) Чтобы весь грузъ былъ доставленъ въ Кронштадтъ не позже 1-го іюля. Ревизоръ транспорта наблюдаетъ за этимъ и въ случаѣ медленности дѣлаетъ напоминанія; а въ случаѣ если и за симъ произошла бы медленность, могущая остановить нагрузку транспорта, то тѣ мѣста, которыя не доставлены ко времени погрузки оныхъ на транспортъ, отправляются на коммерческомъ суднѣ въ Камчатку на счетъ чиновниковъ того учрежденія, отъ котораго это произошло.

c) Всѣми учрежденіями должна быть представлена мнѣ къ 1 іюля подробная опись, что именно въ каждомъ мѣстѣ заключается, и я имѣю право по своему усмотрѣнію, при чиновникѣ того вѣдомства, отъ котораго доставляется грузъ, снять съ любаго мѣста пломбу и распаковать оное. Если окажется, что матеріалы, въ немъ заключающіеся, несогласны съ образцами и дурнаго качества, или мѣра, или вѣсъ оныхъ менѣе показанныхъ въ вѣдомости, то всѣ чиновники того вѣдомства штрафуются суммою, представляющею двойную стоимость этого мѣста.

d) Предписать начальникамъ Камчатки и Охотска, что я отвѣчаю только за число мѣстъ и за цѣлость пломбъ на оныхъ, но никакъ не за количество и качество заключающихся въ нихъ матеріаловъ, за что отвѣчаютъ чиновники того вѣдомства, отъ котораго отправленъ грузъ и предписать имъ, чтобы, по прибытіи въ портъ транспорта, грузъ съ него былъ немедленно принятъ по числу мѣстъ.

e) Порціонныя деньги офицерамъ, за границею, опредѣлить по 10 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ и никакого сношенія по этому предмету съ консулами не имѣть.

f) Въ случаѣ медленной доставки морской провизіи консулами за границею, или дурнаго качества оной, разрѣшить покупать ее безъ всякаго участія ихъ.

g) Разрѣшить купить въ Англіи, кромѣ 2-хъ положенныхъ по штату хронометровъ, еще 2 хронометра и карты, какія признаются нужными.

и h) Разрѣшить купить въ Англіи, если возможно, маленькую паровую шлюпку отъ 4 до 6 силъ, которая могла бы помѣститься въ ростры.

При этой запискѣ я представилъ его свѣтлости и удостовѣреніе отъ строителей гг. Бергстрема и Сулемана, что они постараются спустить транспортъ къ 1 іюля, т. е. $1^1/_2$ мѣсяцами ранѣе времени, назначеннаго въ контрактѣ, и объяснилъ князю, что если его свѣтлости угодно будетъ приказать исполнить въ точности это мое представленіе, то я надѣюсь взять весь грузъ, назначенный въ Петропавловскъ, выйти изъ Кронштадта въ августѣ и, съ Божіею помощію, быть въ Петропавловскѣ въ маѣ; а потому у меня все лѣто 1849 г. будетъ свободно. Это время и можно было бы употребить на подробную опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря, который на нашихъ картахъ, какъ непзвѣстный, означается точками. При переходахъ нашихъ судовъ изъ Охотска и Аяна въ Петропавловскъ и Ситху, доложилъ я князю, свѣжіе вѣтры и другія случайности могутъ увлечь ихъ къ этому непзслѣдованному берегу и поставить въ самое опасное и критическое положеніе.

Князь А. С. Меньшиковъ, весьма довольный тѣмъ, что я уладилъ дѣло съ строителями и предполагаю возможнымъ взять весь назначенный къ отправленію грузъ, для отвоза котораго обыкновенно назначались транспорты гораздо большихъ ранговъ, мало того, что утвердилъ мое представленіе, но еще на запискѣ моей написалъ: „въ точности исполнять немедленно и всѣ дальнѣйшія требованія командира, клонящіяся къ скорѣйшему выходу изъ Кронштадта транспорта и къ обезпеченію благонадежнаго плаванія и сохраненія здоровья команды“. Затѣмъ онъ замѣтилъ мнѣ, что хотя и вполнѣ соглашается въ необходимости привести въ извѣстность юго-восточный берегъ Охотскаго моря, но берегъ этотъ считаютъ принадлежащимъ Китаю. На это я отвѣчалъ его свѣтлости, что по

трактатамъ, заключеннымъ съ Китаемъ, вся страна отъ верховьевъ рѣки Уди къ востоку, до моря, оставлена безъ разграниченія, а потому и нельзя утверждать, чтобы этотъ берегъ принадлежалъ единственно Китаю. Князь сказалъ: „это правда, и генералъ губернаторъ объ этомъ хлопоталъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ признаетъ нынѣ этотъ берегъ китайскимъ; это обстоятельство и составляетъ немаловажное препятствіе къ тому, чтобы дать вамъ разрѣшеніе произвести его опись. Графъ Нессельроде и не думаетъ о томъ, что безъ подробной описи этого берега плавать по Охотскому морю для нашихъ судовъ безопасно, онъ избѣгаетъ только непріятныхъ сношеній съ китайцами“. „Впрочемъ“, замѣтилъ князь, „это впереди, а теперь вамъ надобно заботиться, чтобы скорѣе выйти изъ Кронштадта и, не смотря на настоящія политическія обстоятельства *), стараться благополучно прибыть въ Камчатку, ибо тамъ во всемъ крайній недостатокъ“.

Изъ моего объясненія съ княземъ я заключилъ, что разрѣшеніе на опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря можно надѣяться получить только при раннемъ выходѣ моемъ изъ Кронштадта и при ходатайствѣ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, а потому сейчасъ же послѣ этого разговора я написалъ въ Иркутскъ письмо къ Н. Н. Муравьеву. Высказавъ его превосходительству мою полную увѣренность въ его готовности сдѣлать все полезное для ввѣреннаго ему края, я, въ то же время, увѣдомлялъ его, что надѣюсь выдти изъ Кронштадта въ началѣ августа и быть въ Камчаткѣ въ началѣ мая 1849 года. Чтобы сдать грузъ, писалъ я, мнѣ достаточно $2^1/_2$ недѣли, а затѣмъ остальная часть лѣта у меня остается свободною; ее-то и могъ бы я употребить, во-первыхъ, на осмотръ и опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря, начиная отъ Тугурской губы до лимана рѣки Амуръ; во-вторыхъ, на изслѣдованіе этой рѣки и ея лимана и наконецъ на опись сѣверо-восточнаго берега Сахалина, до широты 52° N, т. е. мѣста, около котораго Крузенштернъ полагалъ баръ какой-то большой рѣки, или одного изъ рукавовъ р. Амуръ. „Судя по разговору моему съ княземъ Меньшиковымъ“, писалъ я Муравьеву, „безъ Вашего содѣйствія я не надѣюсь получить на то разрѣшенія; за самовольное же производство подобной описи я

*) Извѣстно, что въ началѣ 1848 г. Европа была взволнована и Россія ожидала, что можетъ разгорѣться всеобщая европейская война.

подвергаюсь строжайшей отвѣтственности, такъ какъ всѣми здѣсь и особенно графомъ Нессельроде эти мѣста признаются принадлежащими Китаю. Между тѣмъ, случай и время будутъ упущены и мнѣ будетъ очень жаль не воспользоваться удобными обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ на транспортъ назначены дѣятельные и прекрасные офицеры и транспортъ снабжается для этого довольно полно. Постигая всю важность для Россіи познанія этой страны, я употребилъ бы всю мою дѣятельность и способности, чтобы представить добросовѣстную картину мѣстъ, доселѣ закрытыхъ отъ насъ мракомъ; я бы изслѣдовалъ во-1-хъ, до какой степени доступно плаваніе для мореходныхъ судовъ въ рѣку Амуръ и ея лиманъ и во-2-хъ, имѣются ли на берегахъ этого края гавани, въ которыхъ съ удобствомъ можно бы было основать портъ; т. е. постарался бы разрѣшить главные вопросы, остающіеся доселѣ сомнительными. Но для этого необходимо, чтобы мнѣ было повелѣно:—

„1) По приходѣ въ Петропавловскъ сдать весь грузъ въ этомъ портѣ.

„2) Изъ Петропавловска отправиться къ восточному берегу Сахалина въ 52° N широты и отсюда, слѣдуя съ описью вдоль сахалинскаго берега къ сѣверу, войти въ лиманъ рѣки Амуръ для изслѣдованія устья рѣки и ея лимана, въ видахъ разрѣшенія главнаго вопроса: въ какой степени доступенъ входъ въ лиманъ и рѣку съ сѣвера и юга.

„3) Описать юго-восточный берегъ Охотскаго моря и берега Татарскаго залива, въ видахъ отысканія на этихъ берегахъ удобной гавани, наконецъ:

„4) Въ случаѣ еслибы въ продолженіе навигаціи 1849 года я не успѣлъ окончить эту опись, то на зимніе мѣсяцы идти къ югу и, съ раннею весною 1850 г., возвратиться въ Татарскій заливъ для окончанія описи; послѣ чего слѣдовать въ Охотскъ и, сдавъ транспортъ, со всѣми офицерами возвратиться берегомъ въ Петербургъ“.

Это письмо я заключилъ такъ: „Конечно, мнѣ было бы гораздо легче отвезти грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, какъ это доселѣ предполагается, чѣмъ брать на себя подобную трудную работу, да еще на маленькомъ суднѣ и съ ничтожными средствами, но постигая всю важность подобныхъ изслѣдованій для отечества и сомнѣваясь въ безошибочности заключенія знаменитыхъ мореплавателей объ этой странѣ, осмѣливаюсь просить Вашего участія въ этомъ

дѣлѣ и ожидать на это письмо Вашего увѣдомленія. 10 февраля, 1848 г., С.-Петербургъ".

Рѣшеніе князя Меньшикова относительно груза взволновало коммисаріатскихъ чиновниковъ и содержателей магазиновъ; они старались дѣлать мнѣ на каждомъ шагу всевозможныя затрудненія, но въ этомъ дѣлѣ приняли участіе почтенные адмиралы: генералъ-интендантъ Васильевъ, главный командиръ кронштадтскаго порта Беллинсгаузенъ и начальникъ штаба Васильевъ; они остановили эту бюрократическую бурю и, въ концѣ концовъ, довели моихъ бюрократовъ до того, что они начали усердно хлопотать, чтобы какъ можно скорѣе спровадить меня изъ Кронштадта. Весь грузъ былъ упакованъ и упрессованъ согласно моему требованію и въ началѣ іюля доставленъ въ Кронштадтъ. Грузъ былъ самаго лучшаго качества, такъ что начальники Камчатки и Охотска, гг. Машинъ и Вонлярлярскій донесли князю Меньшикову, что такого хорошаго качества матеріаловъ и запасовъ, какіе доставлены на транспортѣ „Байкалъ", не бывало доселѣ въ этихъ портахъ. Назначенные ко мнѣ расторопные и дѣятельные офицеры употребляли всевозможное стараніе къ скорѣйшему приготовленію транспорта. Гг. строители Бергстремъ и Сулеманъ сдержали свое слово: 10 іюля 1848 г. транспортъ былъ спущенъ на воду со всѣмъ внутреннимъ устройствомъ. Къ этому же времени команда, паруса и такелажъ были присланы изъ Кронштадта въ Гельсингфорсъ на пароходѣ „Ижора," который для содѣйствія къ скорѣйшему прибытію транспорта въ Кронштадтъ оставался въ моемъ распоряженіи. Такимъ образомъ, сверхъ ожиданія князя Меньшикова, 20 іюля я пришелъ на кронштадтскій рейдъ совершенно почти готовымъ, такъ что нагрузить транспортъ и приготовиться окончательно къ походу потребовалось не болѣе 4-хъ недѣль.

Между тѣмъ, въ началѣ іюля въ Гельсингфорсѣ я получилъ отвѣтъ генералъ-губернатора на письмо мое отъ 10 февраля. Николай Николаевичъ, благодаря за истинно патріотическое рвеніе мое къ столь важному для Россіи дѣлу, увѣдомлялъ что онъ ходатайствуетъ вмѣстѣ съ симъ чрезъ князя Меньшикова о Высочайшемъ утвержденіи инструкціи, которую я имѣю получить; что эта инструкція составлена на основаніяхъ, изложенныхъ въ моемъ письмѣ къ нему отъ 10 февраля и, наконецъ, что при сочувствіи къ этому дѣлу князя Меньшикова и министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, онъ надѣется, что она будетъ Высочайше утверждена.

ГЛАВА VIII.

Объясненіе съ княземъ Меньшиковымъ о необходимости изслѣдованія амурскаго лимана—Проэктъ инструкціи, представленный мною князю Меньшикову.—Объясненія мои съ адмиралами: Беллинсгаузеномъ, Анжу и Врангелемъ.—Выходъ транспорта изъ Кронштадта и плаваніе его до Петропавловска.—Депеши, полученныя мною въ Петропавловскѣ отъ Н. Н. Муравьева.—Распоряженія мои въ этомъ портѣ.—Выходъ транспорта.

По приходѣ въ Кронштадтъ съ транспортомъ, я немедленно явился въ Петергофъ, къ его свѣтлости. Князь удивился моему скорому приходу и когда я объявилъ ему, что транспортъ около 20 августа выйдетъ изъ Кронштадта и что я помѣщу весь доставленный грузъ, былъ весьма доволенъ и олагодарилъ меня. Въ это время я засталъ у князя — Льва и Василья Алексѣевичей Перовскихъ. Пользуясь расположеніемъ ко мнѣ князя и имѣя въ виду ходатайство Н. Н. Муравьева, я рѣшился сказать князю: „И такъ, ваша свѣтлость, я съ своей стороны сдѣлалъ все возможное, чтобы быть въ Камчаткѣ въ маѣ мѣсяцѣ и имѣть лѣто 1849 г. свободнымъ; а потому осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость разрѣшить употребить мнѣ это время на опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря и при этомъ случаѣ побывать въ лиманѣ рѣки Амуръ, въ который оффиціально меня занесутъ и свѣжіе вѣтры, и теченія, постоянно господствующія въ этихъ мѣстахъ, какъ пишетъ Крузенштернъ“. На это князь отвѣчалъ: „Безполезно рисковать идти туда, гдѣ положительно извѣстно, что входъ весьма опасенъ и для твоего транспорта невозможенъ. Кромѣ того, я уже говорилъ, что графъ Нессельроде не рѣшится представлять объ этомъ Государю, особливо нынѣ, когда рѣшено уже, что эти мѣста должны принадлежать Китаю“. Перовскіе *) при этомъ замѣтили, что кажется нѣтъ при-

*) Съ этого времени я пользовался особымъ расположеніемъ Л. А. Перовскаго и онъ вездѣ и всегда меня обезпечивалъ.

чины отклонять моей просьбы, если я указываю, что это можно сдѣлать случайно. Тогда князь Меньшиковъ, сказавъ, что объ этомъ хлопочетъ и генералъ-губернаторъ Муравьевъ, приказалъ мнѣ сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ, къ вице-директору инспекторскаго департамента М. Н. Лермонтову, взять отъ него представленіе Муравьева, разсмотрѣть его и составить проэктъ инструкціи, который и доложить ему. Чрезъ 2 дня я представилъ князю проэктъ инструкціи такого содержанія: *По сдачѣ груза въ Петропавловскѣ, слѣдовать въ Охотское море; тщательно осмотрѣвъ и описать заливъ Великій Князь Константинъ и сосѣдственный съ нимъ юго-восточный берегъ Охотскаго моря, до лимана рѣки Амуръ; изслѣдовать лиманъ этой рѣки и ея устье и описать сѣверо-восточную часть Сахалина, до параллели 52° N широты. Затѣмъ отправится въ Охотскъ, сдать транспортъ и съ офицерами, бересмъ, возвратиться въ Петербургъ. По прибытіи въ Камчатку находиться въ распоряженіи генералъ-губернатора Восточной Сибири, въ виду содѣйствія съ его стороны въ возлагаемомъ на васъ порученіи.*

Прочитавъ этотъ проэктъ, князь вычеркнулъ лиманъ и устье р. Амуръ, а вмѣсто этого написалъ: „*и осмотрѣть юго-восточный берегъ Охотскаго моря между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены или усмотрѣны прежними мореплавателями*“, и при этомъ сказалъ мнѣ, что исполненіе мною распоряженій генералъ губернатора должно ограничиваться лишь предѣлами этой инструкціи, въ противномъ случаѣ я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности. На это я сказалъ князю, что мысы Ромберга и Головачева опредѣлены Крузенштерномъ и около этихъ мѣстъ существуютъ сильныя теченія, которыя могутъ увлечь транспортъ въ лиманъ р. Амура и по этому я буду имѣть случай осмотрѣть оный и устье рѣки. „Это“, отвѣчалъ князь, „будетъ безполезно, ибо, повторяю, лиманъ недоступенъ; хотя я этому недовѣряю и вполнѣ сочувствую необходимости его изслѣдованія, но нынѣ, когда рѣшено, что этотъ край принадлежитъ Китаю, безъ Высочайшаго повелѣнія сдѣлать этого невозможно и вы подверглись бы за это строжайшей отвѣтственности. Впрочемъ, если подобный осмотръ будетъ произведенъ случайно, безъ какихъ либо несчастій, т. е. потери людей или судна и безъ упущенія возложеннаго на васъ порученія: описи и изслѣдованія Константиновскаго залива и окрестныхъ съ нимъ береговъ, куда предполагается перенести охотскій портъ,—то можетъ быть обой-

дется и благополучно. Данная вамъ инструкція сообщена генералъ-губернатору Муравьеву. Съ Богомъ, хлопочите скорѣе выйти изъ Кронштадта, я вами доволенъ, но чиновники весьма сердиты на васъ и безпрестанно жаловались генералъ-интенданту.“

Получивъ упомянутую инструкцію отъ князя Меньшикова, за нѣсколько дней до моего выхода изъ Кронштадта, я имѣлъ случай говорить о Сахалинѣ и о берегахъ Охотскаго моря съ главныхъ командиромъ кронштадтскаго порта Ф. Ф. Беллинсгаузеномъ и адмираломъ П. Ф. Анжу. Первый сопровождалъ Крузенштерна въ чинѣ мичмана, а послѣдній былъ большой пріятель и товарищъ барона Врангеля, бывшаго тогда предсѣдателемъ главнаго правленія россійск.-америк. компаніи. Ф. Ф. Беллинсгаузенъ сообщилъ мнѣ, что опись, произведенная П. Ф. Крузенштерномъ сѣверной части амурскаго лимана, а равно и предположеніе его, что у восточнаго берега Сахалина существуетъ баръ одного изъ рукавовъ рѣки Амура,— весьма сомнительны, и какъ онъ, такъ и П. Ф. Анжу сказали мнѣ, что недавно къ этимъ берегамъ было посылаемо судно р.-а. компаніи. Они сообщили мнѣ, что при описяхъ тамъ весьма полезно имѣть байдарку, почему и дали мнѣ письма къ Ф. П. Врангелю, прося его сообщить мнѣ, если возможно, свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ и распорядиться, чтобы у меня была байдарка. Съ этими письмами я явился къ Ф. П. Врангелю. Почтенный адмиралъ принялъ меня весьма ласково и благосклонно; относительно байдарки и при ней 2-хъ алеутовъ, бывшихъ въ Аянѣ и знакомыхъ съ языкомъ инородцевъ, обитающихъ около Тугурской губы, обѣщалъ сейчасъ же сдѣлать распоряженіе, чтобы байдарку съ этими алеутами доставили въ маѣ 1849 г. съ Алеутскихъ острововъ въ Петропавловскъ; кромѣ этого, на случай если бы къ моему приходу въ Петропавловскъ туда байдарку не доставили, далъ мнѣ бумагу, по которой я могъ добыть ее, пославъ изъ Петропавловска на ближайшій къ нему островъ изъ Алеутскаго архипелага. Что же касается свѣдѣній о юго-восточномъ берегѣ Охотскаго моря, то Фердинандъ Петровичъ сказалъ мнѣ, что сообщать ему объ этомъ неудобно; „впрочемъ, все, что здѣсь замѣчательнаго“, сказалъ онъ, „это то, что устье р. Амуръ и ея лиманъ оказались *недоступными*“. Это обстоятельство подстрекнуло мое любопытство и я убѣдительно просилъ Ф. П. Врангеля позволить мнѣ, у него, взглянуть на тѣ данныя, на которыхъ основано подобное заключеніе объ устьѣ р. Амуръ и ея лиманѣ. Врангель, снисходя къ убѣдительной

моей просьбѣ и къ обѣщанію хранить въ тайнѣ, вынулъ изъ своего стола пакетъ, въ которомъ были копіи съ журнала описи Гаврилова и, усадивъ меня въ свой кабинетъ, дозволилъ прочесть этотъ журналъ. Съ большимъ вниманіемъ я разсмотрѣлъ его и вынесъ такое убѣжденіе, что эта опись вовсе не разрѣшаетъ вопроса о рѣкѣ Амуръ, а еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости изслѣдованія этихъ мѣстъ. Выслушавъ мнѣніе барона о недоступности устья р. Амуръ, высказанное мнѣ раньше и княземъ Меньшиковымъ, я понялъ положеніе правительства и рѣшеніе его предоставить амурскій бассейнъ Китаю. Это поселило во мнѣ твердую рѣшимость во что бы то ни стало произвести изслѣдованія устья Амура и ея лимана и попытать—не удастся ли мнѣ открыть истины и отклонить правительство отъ подобнаго вреднаго для Россіи рѣшенія; поэтому я рѣшился употребить всѣ мѣры къ прибытію въ Петропавловскъ какъ возможно скорѣе, дабы имѣть время для вышесказанныхъ работъ. Считая безполезнымъ высказывать барону Врангелю мое мнѣніе объ описи Гаврилова, я поблагодарилъ только его за вниманіе и оказанную имъ готовность мнѣ содѣйствовать.

21 августа 1848 г. транспортъ „Байкалъ“ вышелъ изъ Кронштадта *), въ морѣ встрѣтилъ онъ свѣжій противный вѣтеръ и безъ всякой пользы пролавировалъ нѣсколько часовъ. 22 августа я бросилъ якорь по восточную сторону о-ва Сескара, гдѣ и ожидалъ благопріятныхъ обстоятельствъ, двое сутокъ. Снявшись съ якоря 24 августа, до самаго Копенгагена, 8-го сентября, мы боролись съ тѣми же противными вѣтрами и только на нѣсколько часовъ имѣли попутный вѣтеръ, при которомъ транспортъ шелъ отъ 5 до $7^1/_2$ узловъ. 9 сентября вышли изъ Копенгагена и, имѣя попутные тихіе вѣтры и штили, 11-го числа вступили въ Нѣмецкое море; 15-го—въ англійскій каналъ, а 16-го, въ 6 часовъ утра, бросили якорь на портсмутскомъ рейдѣ, близъ острова Уайта. Здѣсь мы простояли 14 дней, для необходимыхъ работъ и приготовленій къ дальнѣйшему плаванію какъ то: повѣрки хронометровъ, заготовленія различныхъ запасовъ, провизіи и теплой одежды для команды. Подходящей

*) Экипажъ транспорта состоялъ: командиръ капитанъ-лейтенантъ Г. И. Невельской 1-й, лейтенанты: П. В. Козакевичъ 2-й (старшій офицеръ) и А. И. Гревенсъ; мичмана Гейсморъ и Гротъ; корпуса штурмановъ: поручикъ Халезовъ и подпоручикъ Поповъ; юнкеръ князь Ухтомскій и лекарь Бергъ. Нижнихъ чиновъ, составлявшихъ команду транспорта: унт.-оф. 3, матросовъ 22, баталеръ 1, арт. унт.-оф. 1 и фельдшеръ 1, всего 28 чел. Для отвоза въ Петропавловскъ—мастеровыхъ 14 человѣкъ.

намъ винтовой шлюпки достать не могли, ее нужно было заказать и ждать $1^1/_2$ мѣсяца.

30 сентября, снявшись съ якоря съ портсмутскаго рейда и направившись въ Рio-Жанейро, до 10 октября мы имѣли восточные умѣренные вѣтры; съ широты 31° 30′ и долготы 22° 25′ наступили западные и сѣверо-западные вѣтры, безпрестанно мѣнявшіеся въ силѣ и направленіи. Наконецъ, 13 октября, въ широтѣ 27° 51′ N и долготѣ 21° 42′ W встрѣтили NO пассатъ, который дулъ весьма неправильно, переходя нерѣдко къ O и даже къ OSO, со шквалами и пасмурною погодою, а близъ экватора, 30 октября, незамѣтно перешелъ къ SO.

4 ноября вѣтеръ постоянно сталъ отходить къ O, а 6-го числа задулъ уже отъ NO. Не доходя 100 миль до Рio-Жанейро, онъ началъ стихать и наступилъ штиль; проштилевавъ здѣсь болѣе сутокъ, 15 ноября мы бросили якорь на рio-жанейрскомъ рейдѣ, совершивъ такимъ образомъ плаваніе отъ Портсмута до Рio-Жанейро въ 44 сутки. Конопатка всего баргоута, тяга такелажа, окраска, пополненіе провизіи и другія необходимыя работы для приготовленія транспорта къ предстоявшему переходу до Вальпорайзо, вокругъ мыса Горна, задержали насъ здѣсь до 1 декабря. 1 декабря, утромъ, при тихомъ вѣтрѣ отъ W, мы вышли въ море, а на другой день пересѣкли тропикъ козерога, въ широтѣ 43° и направились къ мысу Горну. До 9 декабря при тихихъ SO и NO вѣтрахъ, дѣлали незначительные суточные переходы, но съ этого времени задули крѣпкіе западные вѣтры, доходившіе весьма часто до степени шторма. 13 декабря, въ широтѣ 44° 3′ S и долготѣ 46° 31′ W, а также 24 декабря, въ широтѣ 50° 5′ и долготѣ 51° 30′, вѣтеръ дулъ съ особою силою, такъ что транспортъ держался подъ зарифленнымъ гротъ-триселемъ.

31 декабря западный вѣтеръ перешелъ въ береговой SSO муссонъ. 2-го января 1849 г. мы перешли меридіанъ мыса Горна, въ широтѣ 57° 21′. Съ самаго выхода изъ Рio-Жанейро погода стояла постоянно пасмурная и ненастная, но, не смотря на это неблагопріятное условіе, при принятыхъ мѣрахъ заботливости врача и гг. офицеровъ, больныхъ на транспортѣ почти не было; говорю почти, потому что заболѣвало только 3 человѣка и хворали они не болѣе 3 дней *). 2 февраля мы бросили якорь на вальпорайзскомъ рейдѣ, послѣ 64 суточнаго, весьма труднаго плаванія отъ Рio-Жанейро.

*) Для сохраненія здоровья команды, мы строго придерживались правила, чтобы

Стараясь сколь возможно скорѣе достигнуть петропавловскаго порта и имѣя здоровую и бодрую команду, я простоялъ въ Вальпорайзо всего только 4 сутокъ; время, которое необходимо было для наливки водою и пополненія провизіи. 6 февраля мы снялись съ вальпорайзскаго рейда и направились къ Сандвичевымъ островамъ. Въ теченіе первыхъ 3 дней имѣли тихіе перемѣнные вѣтры, пока 9 февраля, въ широтѣ 30° 2′ S и долготѣ 74° 30′ W, не вступили въ полосу SO пассата, который все время дулъ умѣренно.

Съ 25 числа вѣтеръ сталъ переходить къ O; потомъ дули перемѣнные тихіе вѣтры, съ продолжительными пиквалами; 9 марта мы получили NO пассатъ. Въ этотъ промежутокъ времени мы два раза пересѣкли экваторъ, въ послѣдній разъ 4 марта, въ долготѣ 110° 51′ W. До 22 марта, широты 16° 13′ N и долготы 142° 28′ W, мы имѣли ровный NO пассатъ, но съ этого пункта онъ замѣнился перемѣнными тихими вѣтрами, дувшими преимущественно изъ O половины компаса. 2 апрѣля 1849 г. транспортъ „Байкалъ“ бросилъ якорь въ гавани Гонолулу на о-вѣ Оагу, послѣ 55-ти суточнаго плаванія отъ Вальпорайзо.

На Сандвичевыхъ островахъ мы встрѣтились съ бывшимъ тогда здѣсь кораблемъ р.-а. компаніи, подъ командою капитанъ-лейтенанта А. О. Рудакова и провели въ кругу русскихъ, вдали отъ отечества, Свѣтлое Христово Воскресенье. Команда наша веселилась и отдыхала вмѣстѣ съ своими соотечественниками, которыхъ она не видала съ выхода изъ Кронштадта. Здѣсь я съ гг. офицерами и командиромъ корабля р.-а. компаніи, Рудаковымъ, представлялся королю Сандвичевыхъ острововъ Камеомеа. Его величествомъ мы были приняты весьма парадно и благосклонно, въ знакъ особаго уваженія, какое онъ питалъ къ нашему Императору и Россіи. Простоявъ въ Гонолулу до 10 апрѣля, пополнивъ провизію и налившись водою, мы пошли въ Петропавловскъ.

люди отнюдь не ложились въ койки въ сырой одеждѣ или обуви, и чтобы бѣлья, которымъ запаслись въ Англіи, было на каждаго матроса не менѣе 1½ дюж. Само собою разумѣется, что мы не пропустили ни одного случая тщательно просушивать одежду и обувь людей и провѣтривать палубу и трюмъ. Всѣми средствами старались, чтобы не держать людей на верху въ сырую погоду; по два и по три раза въ недѣлю люди имѣли свѣжую пищу изъ заготовленныхъ презервовъ и постоянно, 2 раза въ сутки, получали глинтвейнъ. Все это имѣло благодѣтельное вліяніе на духъ и здоровье команды: она была весела и бодра.

До широты 31° 32' N, транспортъ шелъ при умѣренныхъ и тихихъ NO вѣтрахъ, но съ этой широты, 21 апрѣля, вѣтеръ перешелъ сначала къ SO, а потомъ мѣнялся безпрестанно въ направленіи и силѣ, нагоняя при этомъ шквалы и пасмурность; съ такими обстоятельствами мы шли до самаго Петропавловска. 11 мая, въ виду авачинской губы, выпалъ большой снѣгъ и нашелъ жестокій шквалъ съ горъ, но вскорѣ сдѣлался ровный попутный вѣтеръ, съ которымъ 12 мая 1849 г. мы вошли въ авачинскую губу и въ 2 часа пополудни, послѣ 32 суточнаго плаванія отъ Гонолулу и чрезъ 8 мѣсяцевъ 23 дня по выходѣ изъ Кронштадта *), бросили якорь въ петропавловской гавани, противъ порта. За весь переходъ изъ Кронштадта, мы простояли на якорѣ всего 33 дня; больныхъ на транспортѣ, изъ 42 чел. экипажа, не было ни одного.

Донося изъ Петропавловска его свѣтлости князю Меньшикову о своемъ прибытіи, я писалъ: „Господь Богъ помогъ, при содѣйствіи неутомимыхъ и благородныхъ моихъ помощниковъ, совершить мнѣ это плаваніе благополучно и прибыть въ Петропавловскъ съ бодрою и здоровою командою, не имѣя никакихъ поврежденій въ корпусѣ судна, а равно и никакой порчи въ грузѣ. Этимъ оправдалась надежда моя, заявленная вашей свѣтлости: быть въ Петропавловскѣ въ началѣ мая 1849 г. Такимъ образомъ я надѣюсь, безъ особыхъ расходовъ для казны, исполнить возложенное на меня вашею свѣтлостью порученіе. Надѣюсь приступить къ нему съ іюня мѣсяца, начавъ опись съ сѣверо-восточнаго берега Сахалина и продолжая ее далѣе до Тугурской губы". Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ, начальникъ Камчатки, капитанъ 1 ранга Ростиславъ Григорьевичъ Машинъ, донося въ свою очередь князю

---

*) Предшественники мои, отправлявшіеся изъ Кронштадта съ тою-же цѣлью (отвезти грузъ), съ которою былъ посланъ и трансп. „Байкалъ", совершили плаваніе изъ Кронштадта въ Петропавловскъ: а) транспортъ „Америка" въ 600 тоннъ, имѣвшій болѣе 10 узловъ хода, пришелъ въ Петропавловскъ чрезъ 10 мѣсяц. 25 дней (капитанъ Шанцъ); б) трансп. „Або" такой-же вмѣстимости и скорости хода, въ 12 м. 15 дней (капитанъ Юнкеръ), и в) транспортъ „Иртышъ" въ 450 тоннъ, совершилъ плаваніе изъ Кронштадта до Петропавловска въ 14 мѣс. (капитанъ Воинлярскій). По приходѣ въ Камчатку состояло больныхъ: на транспортѣ „Америка" изъ 53 чел. 10 челов.

„ „ „Або" „ 73 „ 22 „

„ „ „Иртышъ" „ 50 „ 8 „

Изъ всѣхъ военныхъ судовъ, отправлявшихся изъ Кронштадта въ Петропавловскъ, всѣхъ скорѣе совершилъ это плаваніе шлюпъ „Камчатка" (капитанъ В. М. Головнинъ), именно въ 8 мѣс. 8 дней,—15 днями скорѣе „Байкала", но шлюпъ этотъ въ 900 тоннъ имѣлъ ходъ болѣе 11 узловъ, а „Байкалъ" не ходилъ болѣе $8\frac{1}{2}$ и былъ всего въ 250 тоннъ.

А. С. Меньшикову о приходѣ въ Петропавловскъ трансп. „Байкалъ“ въ совершенной исправности, съ бодрою и здоровою командою, въ заключеніе писалъ, что никогда еще не доставлялось въ Камчатку такого хорошаго качества и прочности матеріаловъ и запасовъ, а равно и въ такой полнотѣ, безъ всякой порчи оныхъ, какіе доставлены нынѣ, на транспортѣ „Байкалъ“, и что вслѣдствіе этого наши сибирскіе порта обезпечены по крайней мѣрѣ на 4 года.

Между тѣмъ, пользуясь отходомъ почты въ Европу, во время пребыванія моего въ Ріо-Жанейро, я писалъ оттуда, 26 ноября 1848 г. Н. Н. Муравьеву, что, судя по ранпему приходу моему въ Ріо-Жанейро, я надѣюсь въ маѣ быть въ Петропавловскѣ и, по сдачѣ груза въ этомъ портѣ, я рѣшился, во всякомъ случаѣ, получу или не получу Высочайшее повелѣніе, отправиться прямо къ описи восточнаго берега Сахалина и амурскаго лимана; „о чемъ“, писалъ я, „долгомъ моимъ считаю предварить Васъ, въ надеждѣ, что Вы не оставите меня своимъ содѣйствіемъ: ибо, если я не получу на произведеніе этой описи Высочайшаго соизволенія, то подвергаюсь по закону тяжкой отвѣтственности“.

Въ Петропавловскѣ я получилъ отъ Н. Н. Муравьева секретное письмо, доставленное туда съ курьеромъ, и копію съ распоряженія Р. Г. Машину: принять всѣ мѣры къ скорѣйшему выходу транспорта изъ Петропавловска. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ и копію съ инструкціи, представленной Муравьевымъ, чрезъ князя Меньшикова, на Высочайшее утвержденіе.

Въ письмѣ своемъ Н. Н. Муравьевъ благодаритъ меня за всѣ принятыя мною мѣры, особую рѣшительность и самоотверженіе къ достиженію важной и полезной для Россіи цѣли, объясняя, что онъ ходатайствуетъ, чтобы представленная имъ инструкція, копія съ которой мнѣ посылается, была Высочайше утверждена; на что онъ и надѣется. Н. Н. Муравьевъ въ этомъ письмѣ увѣдомляетъ меня, что онъ нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтитъ петропавловскій портъ и на обратномъ пути, въ исходѣ іюля, думаетъ встрѣтиться со мною въ амурскомъ лиманѣ.

Въ инструкціи, представленной Н. Н. Муравьевымъ чрезъ князя Меньшикова на Высочайшее утвержденіе, предписывалось мнѣ:

1) Изъ Петропавловска слѣдовать къ сѣверной части Сахалина, тщательно осмотрѣть, не имѣется-ли въ этой части полуострова закрытой для мореходныхъ судовъ гавани или, по крайней мѣрѣ, рейда;

2) Опредѣлить съ сѣвера подходъ и входъ въ лиманъ р. Амуръ, состояніе амурскаго лимана и нѣтъ-ли въ окрестностяхъ мыса Головачева, или Ромберга, мѣста, гдѣ можно-бы было защитить лиманъ съ сѣвера.

3) Обслѣдовать устье р. Амуръ и далѣе самую рѣку, гдѣ она течетъ въ опредѣленныхъ своихъ берегахъ и тѣмъ опредѣлить состояніе входа въ рѣку изъ лимана и самой рѣки; кромѣ того узнать нѣтъ-ли при ея устьѣ въ лиманѣ или близъ его, въ самой рѣкѣ, мѣста, гдѣ-бы можно было защитить входъ въ нее.

4) Описать берега рѣки Амуръ и ея лимана, близъ устья, въ географическомъ и статистическомъ отношеніи.

5) Опредѣлить состояніе южной части лимана: справедливо-ли убѣжденіе, что Сахалинъ полуостровъ; если это убѣжденіе ошибочно, то изслѣдовать проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ материка, а также изслѣдовать, нѣтъ-ли тутъ мѣста, удобнаго для защиты входа въ лиманъ съ юга.

6) Обслѣдовать юго-восточный берегъ Охотскаго моря и Константиновскаго залива и привести эти мѣста въ ясность и опредѣленность, необходимую для безопаснаго плаванія судовъ въ Охотскомъ морѣ.

7) Упомянутыя изслѣдованія въ амурскомъ лиманѣ производить на гребныхъ судахъ, транспортъ-же долженъ оставаться на якорѣ близъ мыса Головачева; какъ на транспортѣ, такъ и на гребныхъ судахъ не должно быть поднимаемо ни военнаго, ни коммерческаго русскаго флага.

8) О результатахъ этихъ изслѣдованій, при первомъ случаѣ, сколько возможно поспѣшить донести секретно начальнику главнаго морскаго штаба князю Меньшикову на Высочайшее воззрѣніе, и генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, ибо это данное вамъ порученіе и слѣдствія онаго должны оставаться безъ огласки, и

9) Стараться быть въ Охотскѣ благовременно (т. е. около 15 сентября) и оттуда, по сдачѣ транспорта, возвратиться со всѣми офицерами въ Петербургъ, берегомъ.

Не получивъ такимъ образомъ въ Петропавловскѣ прямаго повелѣнія идти къ описи береговъ, признававшихся китайскими, а получивъ только лишь копію съ инструкціи на эту опись, которая могла быть и *не утверждена*, я, дабы не терять времени и сознавая всю важность этихъ изслѣдованій, рѣшился идти изъ Петро-

павловска прямо къ Сахалину и въ амурскій лиманъ; почему, имѣя въ виду необходимость въ скорѣйшемъ приготовленіи для предстоящаго труднаго плаванія транспорта, я счелъ своимъ долгомъ предварить объ этомъ гг. офицеровъ, доказавшихъ уже на дѣлѣ свою благородную ревность и усердіе къ службѣ. Призвавъ ихъ къ себѣ въ каюту, я объяснилъ имъ сущность амурскаго вопроса, важность для Россіи справедливаго его разрѣшенія, обусловливавшаго значеніе для насъ при-амурскаго края и объявилъ имъ, что изъ Петропавловска мы должны какъ возможно скорѣе слѣдовать съ Сахалину и въ амурскій лиманъ, чтобы достигнуть упомянутой цѣли и что я вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ переносить всѣ опасности и трудности, которыя неминуемо мы должны встрѣтить при достиженіи этой цѣли. „Господа“, сказалъ я имъ, „на нашу долю выпала столь важная миссія и я надѣюсь, что каждый изъ насъ честно и благородно исполнитъ при этомъ долгъ свой предъ отечествомъ. Нынѣ же я прошу васъ энергически содѣйствовать мнѣ къ скорѣйшему выходу отсюда транспорта. Все, что я вамъ объявляю, должно оставаться между нами и не должно быть оглашаемо“. При участіи почтеннаго начальника Камчатки и командира петропавловскаго порта, Ростислава Григорьевича Машина и при неутомимой дѣятельности гг. офицеровъ, приготовленіе транспорта къ походу шло быстро. Чрезъ 2 недѣли мы были уже готовы и ожидали только лишь байдарки съ Алеутскихъ острововъ, за которой Р. Г. Машинымъ былъ нарочно посланъ ботъ „Камчадалъ“. Между тѣмъ, транспортъ „Иртышъ“, зимовавшій въ Петропавловскѣ, взялъ грузъ съ „Байкала“, назначенный въ Охотскъ и 28 мая отправился по назначенію. Съ нимъ я, отъ того же числа увѣдомилъ письмомъ Н. Н. Муравьева о рѣшеніи своемъ идти изъ Петропавловска къ Сахалину и въ амурскій лиманъ, а также о томъ, что около исхода іюня я надѣюсь быть въ сѣверной части лимана. 29 мая на ботѣ „Камчадалъ“ была доставлена намъ байдарка и утромъ, 30 мая, при тихомъ вѣтрѣ съ берега, транспортъ вышелъ изъ авачинской губы и направился къ восточному берегу Сахалина.

ГЛАВА IX.

Плаваніе транспорта у береговъ Сахалина и въ амурскомъ лиманѣ. — Рѣшеніе главныхъ вопросовъ объ устьѣ р. Амуръ, ея лиманѣ и островѣ Сахалинѣ. — Прибытіе въ Аянъ.

Съ тихими противными вѣтрами, и ремежавшимися штилями и непроницаемыми холодными туманами, медленно мы подвигались впередъ, такъ что только 7 іюня могли войти въ Охотское море, чрезъ 4-й Курильскій проливъ. Погода была ясная; мы, опредѣлили по пеленгамъ наше мѣсто, взяли отсюда курсъ къ восточному берегу Сахалина, въ широту 51° 40′, гдѣ Крузенштернъ встрѣтилъ судой, принятый имъ за баръ рукава рѣки Амуръ. Иванъ Ѳеодоровичъ, опасаясь судов, съ этого мѣста сталъ удаляться отъ берега.

11 іюня, при совершенно ясномъ небѣ и чистомъ горизонтѣ, мы опредѣлили широту и долготу по хронометрамъ. Пунктъ этотъ показалъ намъ удовлетворительность нашего счисленія. До сахалинскаго берега, въ 6 часовъ вечера этого числа, оставалось 35 миль. Мы располагали ходомъ такъ, чтобы съ разсвѣтомъ 12 числа подойти къ берегу. Ночь наступила мрачная и пасмурная. Чрезъ каждые $^1/_4$ часа бросали лотъ и при вѣтрѣ SSW имѣли ходу отъ 2-хъ до 3-хъ узловъ. Въ 11 часовъ вечера вѣтеръ зашелъ къ WtN и мы услышали бурунъ; глубина была 19 саж., грунтъ твердый бѣлый песокъ; я спустился на O. и, пройдя 4 мили, легъ бейдевиндъ на правый галсъ и приказалъ бросать лотъ и имѣть оба якоря готовыми. Глубины были отъ 20 до 22 саж. Съ восходомъ солнца 12 числа увидѣли покрытыя туманомъ возвышенности Сахалина, отъ котораго, по картѣ Крузенштерна, мы находились въ 25 миляхъ. Вскорѣ горизонтъ очистился и въ разстояніи около 5 миль предъ нами открылся низменный берегъ, за которымъ, на значительное разстояніе, тянулись по меридіану горы съ большими разлогами. Глубина была 16 саж., вѣтеръ прямо

съ берега W, умѣренный. Я началъ лавировать къ этому видимому низменному берегу, опредѣляя по лоту глубины. Не доходя до него $2^1/_2$ миль, мы застопорѣли и бросили верпъ, на глубинѣ $7^1/_2$ саж.,—грунтъ бѣлый песокъ. За низменнымъ берегомъ, образующимъ здѣсь песчаныя косы, тянущіяся къ сѣверу, увидѣли огромное пространство воды, которая подходила къ самымъ подошвамъ возвышенностей, направлявшихся по меридіану. Эти возвышенности лежали отъ транспорта въ примѣрномъ разстояніи около 15 миль. Я послалъ на берегъ шлюпку съ инструментами, дабы на берегу опредѣлить широту и осмотрѣть видимую за косами воду. Широта оказалась 51° 37′ N, т. е. около 9′ южнѣе той, которой мы хотѣли достигнуть. По картѣ Крузенштерна, берегъ на этой параллели показанъ сплошнымъ, скалистымъ и мы, по этой картѣ, должны бы были находиться отъ него въ разстояніи 19 миль. Глубина подъ самымъ берегомъ оказалась 5 саж.; входа же въ озеро за этими косами не было видно. Около часа пополудни задулъ тихій вѣтеръ отъ W, теченіе шло отъ S къ N со скоростію около мили въ часъ. Снявшись съ верпа, я пошелъ вдоль берега къ сѣверу, приказавъ шлюпкѣ слѣдовать у самаго берега, съ тою цѣлью, чтобы посмотрѣть, не откроется ли пролива между косами. Такимъ образомъ мы начали производить опись.

Въ $3^1/_2$ часа мы увидѣли передъ носомъ транспорта огромную полосу перебоя, тянувшагося отъ берега на NO, на разстояніе около 10 миль. Шлюпка, слѣдовавшая подъ самымъ берегомъ, немного впереди транспорта, вступила уже въ этотъ перебой и показала глубину 6 саженъ; въ то же время она увѣдомила, что между косами есть проливъ. Глубина по пути слѣдованія транспорта, въ разстояніи отъ берега около $1^1/_2$ миль, была отъ 7 до 8 саж. Сблизившись со шлюпкою, которой я приказалъ идти съ промѣромъ къ транспорту, мы увидѣли проливъ и тянувшіяся къ N отъ него низменности; между тѣмъ, въ 4 часа мы застопорѣли и, на глубинѣ 8 саж. въ разстояніи $1^1/_2$ миль отъ берега, бросили верпъ. Я послалъ шлюпку съ байдаркою для обслѣдованія видимаго пролива и озера. Къ 8 часамъ эти гребныя суда возвратились на транспортъ; бывшіе на нихъ офицеры: мичманъ Гроте и подпоручикъ Поповъ, донесли; что противъ пролива есть баръ съ глубиною до 9 фут., въ озерѣ же глубина отъ 20 до 25 фут.; озеро наполнено грязными лайдами и банками, а восточный возвышенный его берегъ до такой степени отмелъ, что байдарки

едва могли подойти къ нему. Въ озерѣ грунтъ вообще черный, вязкій и грязный илъ; въ морѣ же, подъ берегомъ, чистый бѣлый песокъ. Хотя по одной изъ топкихъ долинъ, лежащихъ между разлогами горъ, и течетъ рѣчка, но она ничтожна и должна быть горная. Наконецъ, они донесли, что вода изъ озера стремится съ большою силою чрезъ проливъ въ море. До возвращенія этихъ офицеровъ на транспортъ, около $6^1/_2$ час. вечера, мы замѣтили, что теченіе, слѣдовавшее до сего времени отъ S къ N, приняло обратное направленіе отъ N къ S, а вмѣстѣ съ этимъ и сулой, тянувшійся прежде на NO, принялъ направленіе на SO.

Это обстоятельство навело меня на причину ошибочнаго заключенія И. Ѳ. Крузенштерна: будто бы въ этомъ мѣстѣ долженъ быть баръ большой рѣки, или можетъ быть рукава Амура. Ясно, что перебой, представившійся Крузенштерну баромъ, происходитъ отъ встрѣчи двухъ, перпендикулярныхъ между собою, теченій: приливовъ направляющихся попеременно вдоль Сахалина на S и N и теченія изъ озера отъ W къ O. Это же обстоятельство показало намъ, что при изслѣдованіи въ здѣшнихъ мѣстахъ надобно быть весьма осторожнымъ въ заключеніяхъ и не упускать изъ вида ни вліянія различныхъ теченій, ни особыхъ случайностей, которыя могутъ являться отъ различныхъ условій и очертанія береговъ; а потому я и поставилъ себѣ за правило, при описи этихъ мѣстъ, имѣть по возможности всегда подъ берегомъ шлюпку, особливо подъ болѣе или менѣе извилистымъ берегомъ.

Путь нашъ по картѣ Крузенштерна, почти до мыса Елизаветы, лежалъ въ разстояніи отъ берега отъ 16 до 7 миль, между тѣмъ какъ мы шли отъ него не болѣе какъ въ 3-хъ миляхъ. Сначала я приписывалъ это невѣрности нашихъ хронометровъ, но скоро разубѣдился въ этомъ, такъ какъ они были тщательно провѣрены въ Петропавловскѣ и дали въ 4-мъ Курильскомъ проливѣ мѣсто совершенно сошедшееся съ пунктомъ, опредѣленнымъ по пеленгамъ. Не вѣрны были наблюденія Крузенштерна и другихъ, а не мои.

Всю ночь съ 12 на 13 іюня, по случаю штиля, простояли на верпѣ противъ низменныхъ косекъ, которыя я назвалъ шхерами Благополучія, вопервыхъ потому, что, слѣдуя по имѣвшейся въ то время единственной картѣ этой части Сахалина, составленной по описи П. Ѳ. Крузенштерна, мы, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могли-бы на нихъ наткнуться, а вовторыхъ потому, что эти мѣста

указали намъ, что при описи здѣшнихъ береговъ надо имѣть особую осторожность и осмотрительность.

Съ восходомъ солнца, 13 іюня, задулъ съ берега тихій вѣтеръ отъ W. Я послалъ на берегъ шлюпку и байдарку, приказавъ послѣдней слѣдовать по озеру къ N, а шлюпкѣ—моремъ, подъ самымъ берегомъ, по тому-же направленію, съ цѣлью опредѣленія разстоянія этихъ озеръ и отысканія какой-либо значительной рѣки, впадающей въ оныя и пролива между островами (кошками), имѣющаго достаточную глубину. Вслѣдъ за этими гребными судами, не теряя ихъ изъ вида, пошелъ съ описью и промѣромъ вдоль берега къ N и транспортъ, въ разстояніи отъ берега отъ 1 до 2 миль.

На этомъ пути, въ 7 часовъ вечера мы заштилѣли и бросили верпъ на глубинѣ 9 саж., въ 2 миляхъ отъ берега. Офицеры, посланные на байдаркѣ и шлюпкѣ: мичмана Гейсмаръ и Гроте и юнкеръ Ухтомскій, донесли мнѣ, что вообще эти озера или заливы мелководны, хотя между лайдами и банками, которыми они наполнены, и попадаются глубины отъ 10 до 20 фут., а вплоть къ кошкамъ отъ 20 до 25 фут.; что проливы, соединяющіе ихъ съ моремъ, имѣютъ глубину на барахъ отъ 7 до 11 фут.; что ни одной значительной рѣки въ эти озера не впадаетъ; что на материкомъ берегу и на одной изъ возвышенныхъ кошекъ они видѣли 3 деревни; почти всѣ жители этихъ деревень, увидѣвши ихъ, удалились, оставшіеся-же смотрѣли на нихъ съ большимъ любопытствомъ и принимали ихъ ласково. Судя по ихъ одеждѣ изъ рыбьихъ и собачьихъ шкуръ и образу жизни, туземцы эти находятся въ дикомъ состояніи. Восточный берегъ этихъ озеръ или заливовъ частію лѣсистый и вообще болотистый, кошки-же, или острова, почти всѣ голые, песчаные, а на нѣкоторыхъ есть тальникъ и можевельникъ; наконецъ заливы эти, по докладу офицеровъ, должны кончаться у возвышеннаго, выдавшагося въ море мыса, который былъ видѣнъ и съ транспорта.

На другой день, 14 іюня, около 6 час. утра, при тихомъ вѣтрѣ съ берега, мы тѣмъ же порядкомъ продолжали опись онаго къ сѣверу. Около полдня со шлюпокъ дали знать, что пихеры и заливъ у мыса кончились. Я немедленно приказалъ шлюпкамъ вернуться на транспортъ, ибо вѣтеръ началъ свѣжѣть и заходить къ N, а вдали, за мысомъ, показались огромныя массы плавающаго льда.

Слѣдуя вдоль берега, крутой бейдевиндъ, въ 2 часа дня мы

находились на параллели упомянутаго мыса и вступили въ массу льдовъ, которые весьма препятствовали нашему плаванію. Возвышенности, тянувшіяся отъ сѣвера, почти у самаго берега этого мыса, къ югу образовали, казалось, берегъ, довольно далеко вогнутый къ западу; между тѣмъ берегъ къ сѣверу, крутой и скалистый, шелъ прямо по меридіану.

Обогнувъ мысъ (названный Ледянымъ) и слѣдуя отъ берега въ разстояніи около 3 миль, мы продолжали его описывать, слѣдя за малѣйшими извилинами. На всемъ пространствѣ до мыса Елизаветы нашли на этомъ берегу только двѣ бухточки, которыя съ транспорта казались какъ-бы удобными для якорной стоянки, но обслѣдованіе ихъ на шлюпкахъ показало, что эти бухты ни по грунту, ни по очертанію своему неудобны даже для самыхъ мелкихъ мореходныхъ судовъ.

Утромъ, 17 іюня, обогнувъ мысъ Елизавета, вошли въ заливъ, образующійся между этимъ мысомъ и мысомъ Марія, и заштилѣли въ немъ, въ разстояніи 2 миль отъ берега. Послѣдній былъ мѣстами холмистъ, мѣстами-же ровный, возвышенный. Здѣсь мы бросили якорь, на глубинѣ 9 сажень. Небо было ясное; наблюденія, сдѣланныя на берегу, показали долготу и широту мыса Елизаветы тождественныя съ показанными у Крузенштерна. Это обстоятельство окончательно убѣдило меня, что часть сѣверовосточнаго берега Сахалина на картѣ Крузенштерна положена отъ 15 до 8 миль западнѣе.

Подробно обслѣдовавъ берега этого залива, составляющаго сѣверную оконечность Сахалина, мы не нашли и здѣсь ни одной закрытой и удобной для стоянки судовъ бухты и 19 іюня вышли изъ него, при ровномъ SSO вѣтрѣ. Обогнувъ мысъ Марія, около котораго встрѣтили довольно сильное и неправильное теченіе отъ O и S, мы легли вдоль западнаго берега Сахалина на SW. Слѣдуя этимъ курсомъ съ описью и промѣромъ, около 4 часовъ пополудни увидѣли проливъ, къ которому по лоту я и началъ лавировать по глубинамъ отъ 8 до $4^1/_2$ сажень. Не прошло и часа, какъ мы съ глубины 6 сажень вдругъ сѣли на крутую банку. Послѣ тщетныхъ усилій стянуться съ нея посредствомъ верповъ, мы принуждены были завезти становой якорь. Вода между тѣмъ начала прибывать; транспортъ било о твердое кочковатое дно, угрожая большою опасностью. Только утромъ, 20 числа, послѣ 16-ти часовъ утомительныхъ трудовъ, мы сошли съ этой мели. Вѣтеръ былъ тихій, съ

берега. Отойдя отъ банки на глубину 7 саж., я бросилъ верпъ и послалъ на берегъ шлюпку и байдарку съ лейтенантомъ Гревенсомъ и подпоручикомъ Поповымъ, приказавъ имъ изслѣдовать проливъ и бухту. Къ вечеру вѣтеръ задулъ отъ N съ пасмурностію и мы немедленно вступили подъ паруса, но вскорѣ вѣтеръ засвѣжѣлъ такъ, что шлюпки не могли уже возвратиться на транспортъ. Всю ночь мы продержались подъ парусами, лавируя въ морѣ. Послѣ полудня, 21 числа, вѣтеръ началъ стихать и отходить къ S; сдѣлалось ясно. Пользуясь этимъ, пошли къ берегу, а около 8 часовъ вечера гг. Гревенсъ и Поповъ возвратились на транспортъ и донесли, что въ бухту ведетъ весьма извилистый между банками, довольно узкій каналъ, глубина котораго до 10 футъ; что бухта представляетъ огромный заливъ, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ; что этотъ заливъ вообще мелководенъ и наполненъ банками; что берега его песчаные и почти безлѣсные; что самое глубокое мѣсто въ заливѣ (до $3^1/_2$ саж.) находится у песчанаго возвышеннаго холма, составляющаго западный входный мысъ въ заливъ, положеніе котораго, по наблюденію г. Попова, оказалось въ широтѣ 53° 35′ N и долготѣ 142° 30′, и наконецъ, что, судя по разлогамъ видѣнныхъ на западѣ песчаныхъ холмовъ, можно предполагать, что этотъ заливъ соединяется мелководными проливами съ лиманомъ р. Амуръ, но удостовѣриться въ этомъ они не успѣли.

Заливъ этотъ, оказавшійся тѣмъ самымъ, который Гавриловъ назвалъ заливомъ Обмана, потому что онъ принялъ его за амурскій лиманъ, я назвалъ заливомъ Байкалъ.

23 іюня, при тихомъ SSW вѣтрѣ и ясной погодѣ, мы пошли отсюда съ промѣромъ и описью, вдоль берега, къ мысу Головачева. Только что миновали меридіанъ этого мыса, какъ транспортъ привалило къ мели. Стянувшись съ нея и отойдя на глубину 8 саж., заштилѣли и бросили якорь въ $1^1/_2$ мил. отъ мыса. Густой туманъ и мрачность продолжались до утра 25 числа. Утромъ въ этотъ день я послалъ къ мысу Головачева двѣ шлюпки съ лейтенантомъ Гревенсомъ и мичманомъ Гейсмаромъ съ порученіемъ осмотрѣть не найдется ли входа въ лиманъ около этого мыса. Офицеры, возвратясь на транспортъ, донесли, что отъ мыса на W тянется отмель, на которой глубина отъ 8 до 9 фут. *)

*) Чрезъ эту банку въ 1846 году вошелъ въ лиманъ и вышелъ изъ онаго г. Гавриловъ.

и хотя, слѣдуя по этой отмели, они и попадали на глубины отъ 5 до 4 саж., но глубины эти отрывистыя, а потому и входа въ лиманъ около этого мыса не существуетъ. Между тѣмъ, съ транспорта было замѣчено, что отъ мыса Головачева должна лежать поперегъ лимана банка, часть которой, при малой водѣ, обсохла.

Убѣдясь, что около мыса Головачева не предстоитъ надежды открыть надлежащій входъ въ лиманъ, я обратился съ этою цѣлью къ противоположному материому берегу, почему на другой день, т. е. 25 іюня, при вѣтрѣ S, транспортъ легъ на WtN, вдоль видимой отмели. Для ограниченія же ея съ моря, я послалъ шлюпку съ мичманомъ Гротомъ, приказавъ ему, дойдя до оконечности этой отмели, встать на кошку. Къ 6 часамъ вечера транспортъ, слѣдуя вдоль отмели, по глубинамъ отъ 6 до 7 саж., пришелъ на меридіанъ ея оконечности, лежащей отъ низменнаго матераго берега въ $1^1/_2$ миляхъ. На фарватерѣ, идущемъ между отмелью и берегомъ, на глубинѣ 6 саж., мы встали на якорь. Съ утра 26 іюня, при вѣтрѣ SSW, начали лавировать къ конусообразной горѣ, лежащей за мысомъ Ромберга и казавшейся въ видѣ острова. Гора эта представляетъ самый отличительный пунктъ для входа въ лиманъ съ сѣвера; я назвалъ ее горою князя Меньшикова. Дѣлая небольшіе галсы и поворачивая у берега и около отмели, на глубинѣ 3 саж., мы ограничивали такимъ образомъ путь, ведущій въ лиманъ, на которомъ въ срединѣ глубина была отъ 5 до 4 сажень. Къ берегу и банкѣ эта глубина постепенно уменьшалась, а не доходя мыса Ромберга, мы близко придержались къ берегу и сѣли на мель, но скоро стянулись и, по случаю наступавшаго большаго тумана, на глубинѣ $4^1/_2$ сажень, встали на якорь. Къ 12 час. утра 27 числа вѣтеръ задулъ отъ SW и туманъ очистился; мы снялись съ якоря, имѣя впереди шлюпки, легли на OSO п, на глубинѣ отъ $4^1/_2$ до 4 саж., въ 4 ч. по полудни вошли въ лиманъ р. Амуръ. Тутъ, на глубинѣ $4^1/_2$ саж. и грунтѣ вязкій илъ, встали на якорь на сѣверномъ лиманскомъ рейдѣ, названномъ мною такъ потому, что эта мѣстность дѣйствительно представляетъ удобный рейдъ. Онъ защищенъ съ сѣвера тянущеюся отъ мыса Головачева лайдою, обсыхающею при малой водѣ въ срединѣ; съ запада и съ востока берегомъ Сахалина и материымъ берегомъ, съ юга же отмелями, между которыми идутъ лиманскіе заводи и каналы.

Съ этой части лимана мы начали изслѣдованія его на транс-

портѣ и шлюпкахъ, съ цѣлію ознакомиться съ его состояніемъ и отыскать фарватеръ къ югу. Встрѣченныя при этомъ неправильныя и быстрыя теченія, лабиринты мелей, банокъ и обсыхающихъ лайдъ, и наконецъ постоянно противные SW свѣжіе вѣтры, разводившіе сулои и толчеи на болѣе или менѣе глубокихъ между банками заводяхъ, въ которыя неоднократно попадалъ транспортъ и часто становился на мель, дѣлали эту работу на парусномъ суднѣ, не имѣвшемъ даже паровой шлюпки, тягостною, утомительною и опасною, такъ что транспортъ и шлюпки весьма часто находились въ самомъ критическомъ положеніи *). Много надобно было энергіи, чтобы при такихъ обстоятельствахъ твердо идти къ предположенной цѣли.

Всѣ эти первоначальныя изслѣдованія сѣверной части амурскаго лимана ясно показали, что для составленія плана дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя могли бы привести къ разрѣшенію главнаго вопроса: *доступны ли устье р. Амуръ и ея лиманъ для мореходныхъ судовъ*, необходимо было сдѣлать предварительную рекогносцировку амурскаго лимана къ югу. Въ этихъ-то видахъ я и послалъ на шлюпкахъ мичмана Гроте и лейтенанта Козакевича. Г-ну Гроте приказано было, слѣдуя вдоль западнаго сахалинскаго берега, узнать не имѣется ли сообщенія лимана съ заливомъ Байкалъ и опредѣлить состояніе и глубины канала, идущаго вдоль этого берега къ югу. Г. Козакевичу поручено, слѣдуя вдоль матераго берега, стараться достигнуть до устья р. Амуръ и собрать свѣдѣнія какъ о состояніи этого устья, такъ равно и о части лимана, лежащей противъ него.

По возвращеніи на транспортъ, мичманъ Гроте сообщилъ, что заливъ Байкалъ съ лиманомъ не имѣетъ сообщенія, что слѣдуя

*) Такъ наприм. для промѣра были отправлены на 6-ти весельномъ баркасѣ лейтенантъ Гревенсъ, на 4-хъ вес. мичманъ Гроте, а на вельботѣ мичманъ Гейсмаръ. На транспортѣ оставалось всего 10 челов. команды. Вѣтеръ мгновенно засвѣжѣлъ, баркасъ выбросило на лайду, а вельботъ—на отмель сахалинскаго берега, противъ огромнаго селенія *Тамлево*. Люди изъ вельбота едва спаслись на берегъ и, разложивъ огонь, сушили свое платье, когда толпа гиляковъ, пользуясь тѣмъ, что послѣ утомленія наши уснули, утащила платье, такъ что Гейсмаръ съ людьми на другой день явились въ одпѣхъ рубашкахъ. Гиляки, между тѣмъ, вздумали было напасть и на транспортъ: собралось множество лодокъ и стали грести къ транспорту. Въ виду этого, мы захватили двухъ гиляковъ и знаками объявили, что если они не остановятся и не возвратятъ все украденное, то ихъ товарищи будутъ повѣшены. Это обстоятельство понудило ихъ исполнить наши требованія и сдѣлало то, что мы впослѣдствіи уже были безопасны отъ всякихъ покушеній; они же еще намъ помогали.

вдоль берега Сахалина къ югу, онъ попадалъ на глубины, между обрывистыми банками, отъ 5 до 8 саж. и достигъ отмели, тянувшейся отъ Сахалина поперегъ лимана къ западу, къ возвышенному материку берегу. Эта отмель казалось заграждала входъ въ лиманъ изъ Татарскаго залива, представляя такимъ образомъ Сахалинъ полуостровомъ.

Лейтенантъ Козакевичъ объяснилъ, что слѣдуя вдоль матераго берега, огибая всѣ мысы и осматривая лежащія между ними обширныя бухты, онъ достигъ, наконецъ, до возвышеннаго мыса, который туземцы называли Тебахъ. За нимъ открылась бухта, тянувшаяся къ западу и изъ нея шло сильное теченіе. Эта-то бухта, говорилъ мнѣ г. Козакевичъ, и представляетъ устье р. Амуръ, ширину котораго онъ примѣрно полагалъ до $7^1/_2$ миль (около 13 верстъ). Туземцы деревень Чабдахъ и Чнаррахъ, лежавшихъ за этимъ мысомъ, были повидимому весьма удивлены нашему появленію: ихъ поразилъ нашъ костюмъ, особая конструкція шлюпки, отличительная отъ ихъ лодокъ, и въ особенности секстанъ, которымъ Козакевичъ дѣлалъ наблюденія у мыса Тебахъ. Для обозрѣнія лимана, при малой водѣ, Петръ Васильевичъ поднимался на гору Тебахъ и донесъ мнѣ что съ нея лиманъ на всемъ видѣнномъ пространствѣ представлялъ огромный бассейнъ, наполненный лайдами, изрѣзанными протоками и большими озерами. На обратномъ пути къ транспорту, онъ попалъ на извилистый каналъ, обставленный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шестами, у которыхъ туземцы ловятъ рыбу; глубину въ этомъ каналѣ онъ находилъ отъ $3^1/_2$ до 5 сажень.

Таковы были результаты этой рекогносцировки; они и встрѣченныя уже нами затрудненія указывали, что въ короткое время и съ ничтожными, имѣвшимися у насъ, средствами, не представлялось возможности сдѣлать точную опись лимана, занимающаго около 2,000 квадр. верстъ. Поэтому я и рѣшился ограничиться преслѣдованіемъ вышеупомянутаго главнаго вопроса: продолжать промѣръ и изслѣдованія сѣверной части лимана, на гребныхъ судахъ. Въ виду же того, чтобы при изслѣдованіяхъ устья р. Амуръ и южной части ея лимана не впасть въ какія-либо ошибочныя заключенія, подобно П. Ѳ. Крузенштерну, при описи восточнаго берега Сахалина, я положилъ неуклонно слѣдовать при этомъ плану, который отстранялъ бы причины, могшія привести меня къ ошибочнымъ заключеніямъ. Избранный мною планъ былъ слѣдующій: 1) отъ транспорта, т. е. съ сѣвернаго лиманскаго рейда,

выйти съ промѣромъ на глубины, встрѣченныя лейтенантомъ Козакевичемъ, вдоль сѣверозападнаго берега лимана и, не теряя нити оныхъ, войти въ рѣку. 2) Слѣдуя вверхъ по ней, подъ лѣвымъ берегомъ, дойти до пункта, который представляетъ возможность ея устья. 3) Отъ упомянутаго сейчасъ пункта спуститься, не теряя нити глубинъ, подъ правымъ берегомъ рѣки до ея устья и далѣе по лиману, въ Татарскій заливъ, до той широты, до которой доходилъ капитанъ Браутонъ и, наконецъ 4) Отъ этого пункта, не теряя нити глубинъ, возвратиться на транспортъ, слѣдуя вдоль западнаго берега Сахалина.

Для приведенія въ исполненіе этого плана, которымъ бы я могъ разрѣшить вышеупомянутый главный вопросъ о степени доступности устья рѣки и ея лимана для входа въ нихъ съ моря, я, 10 іюля, на трехъ шлюпкахъ, съ 3 офицерами *) и докторомъ отправился съ транспорта и пошелъ по лиману къ глубинамъ, найденнымъ лейтенантомъ Козакевичемъ; на пути все время бросалъ лотъ. Слѣдуя по этимъ глубинамъ, мы 11 числа обогнули мысъ Тебахъ и вошли въ р. Амуръ; къ вечеру того же числа, не теряя нити глубинъ и слѣдуя подъ лѣвымъ берегомъ рѣки, достигли низменнаго полуострова, названнаго мною Константиновскимъ. Онъ тянулся поперегъ рѣки къ противоположному правому ея берегу, гдѣ находилась деревня Аломъ. Мѣстность эта, по изслѣдованію моему, оказалась удобною для береговой защиты. По всему пройденному нами пути, начиная съ сѣвернаго лиманскаго рейда, съ $4^1/_2$ саж. глубины, на которой стоялъ на якорѣ транспортъ, самая меньшая глубина (на SW 30°, въ разстояніи около 2 миль отъ транспорта) оказалась на пути къ мысу Тебахъ ($2^1/_2$ саж.), а самая большая (6 саж.), отъ мыса Тебахъ до Константиновскаго полуострова (по туземному Туегда). Въ этомъ мѣстѣ самая меньшая глубина 6 саж., а самая большая 15. Утромъ, 13 іюля, мы перевалили отъ Константиновскаго полуострова подъ правый берегъ рѣки, къ мысу Мео и пошли вдоль него, къ мысу Пронге, южному входному въ рѣку мысу; тутъ мы слѣдовали по глубинамъ отъ 10 до 5 саж. 15 іюля отправились отъ мыса Пронге по лиману Амура къ югу, слѣдуя по направленію юговосточнаго его берега и не теряя нити глубинъ. 22-го іюля 1849 года достигли

*) Офицеры: Поповъ, Гейсмаръ и Гроте; шлюпки: шестерка, вельботъ и четверка; нижнихъ чиновъ 14 челов., провизіи на 3 недѣли.

того мѣста, гдѣ этотъ матерой берегъ сближается съ противоположнымъ ему сахалинскимъ. Здѣсь-то, между скалистыми мысами на материкѣ, названными мною Лазарева и Муравьева и низменнымъ мысомъ Погоби на Сахалинѣ, вмѣсто найденнаго Крузенштерномъ, Лаперузомъ, Браутономъ и въ 1846 г. Гавриловымъ низменнаго перешейка, мы открыли проливъ шириною въ 4 мили (7 верстъ) и съ наименьшею глубиною 5 саж. Продолжая путь свой далѣе къ югу и достигнувъ 24 іюля широты 51° 40′, т. е. той, до которой доходили Лаперузъ и Браутонъ, мы возвратились обратно и, прослѣдовавъ открытымъ нами южнымъ проливомъ, не теряя нити глубинъ, выведшихъ насъ изъ Татарскаго залива въ лиманъ, направились вдоль западнаго берега Сахалина. Къ вечеру 1 августа 1849 г. мы возвратились на транспортъ послѣ 22 дневнаго плаванія, сопряженнаго съ постоянными трудностями и опасностями, ибо южные вѣтры, мгновенно свѣжѣя, разводили въ лиманскихъ каналахъ толчею и сулой, которыми заливало наши илюпки такъ, что часто приходилось выбрасываться на ближайшій берегъ; а чтобы не прерывать нити глубинъ, по которымъ мы вышли изъ рѣки, мы принуждены были выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, возвращаться иногда назадъ, чтобы напасть на нихъ и тогда снова продолжать промѣры. Неуклонно и строго слѣдовать своему плану я считалъ необходимымъ, главнымъ образомъ потому, что сложившееся во всемъ образованномъ тогда мірѣ мнѣніе о недоступности устья р. Амуръ и ея лимана изъ Татарскаго залива, вслѣдствіе общаго убѣжденія, что Сахалинъ полуостровъ, налагало на меня обязанность принять всѣ мѣры къ раскрытію истины, тѣмъ болѣе, что упомянутое мнѣніе пришималось уже всюду за непреложную истину, закрѣпленную авторитетомъ знаменитыхъ европейскихъ мореплавателей, моихъ предшественниковъ. Самая меньшая глубина отъ мыса Пронге, по лиману, до южнаго пролива, оказалась $2^3/_4$ саж., а самая большая 9 саж. Отъ южнаго же пролива до параллели 51° 40′ наименьшая глубина 5 саж., а наибольшая 12 и, наконецъ, по лиману вдоль сахалинскаго берега до сѣвернаго лиманскаго рейда, на которомъ находился транспортъ, наименьшая глубина 4 саж., а наибольшая 12 *):

*) Туземцы на мысахъ Пронге, Уси и на Сахалинѣ объяснили намъ, разумѣется знаками, что посреди лимана существуетъ глубокій каналъ, болѣе 5 саж.; я означилъ эти указанія на картѣ, насколько могъ понять туземцевъ о его положеніи, не имѣя никакой возможности повѣрить ихъ, ибо шлюпки наши, при первой попыткѣ, заливало.

Изъ этихъ изслѣдованій, въ противоположность существовавшему до сего мнѣнію относительно устья р. Амуръ, ея лимана и Сахалина, оказалось: а) что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, б) что входъ въ лиманъ изъ Татарскаго залива, чрезъ открытый нами 22 іюля 1849 г. проливъ, доступенъ для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера, изъ Охотскаго моря, а равно и сообщеніе чрезъ лиманъ Татарскаго залива съ этимъ моремъ, для судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23 футовъ и, наконецъ, в) что въ устье р. Амуръ изъ Татарскаго залива могутъ проходить суда съ осадкою до 15 фут., а изъ Охотскаго моря суда, сидящія въ водѣ до 12 футовъ.

Разрѣшивъ такимъ образомъ главные вопросы объ устьѣ рѣки Амуръ, ея лиманѣ и Сахалинѣ и убѣдившись на опытѣ, что точное опредѣленіе направленія лоцманскихъ каналовъ, извивающихся между отрывистыми лайдами и банками, съ тѣми ничтожными средствами, какія мы имѣли, невозможно и имѣя въ виду, кромѣ того, непремѣнное исполненіе данныхъ мнѣ повелѣній: описать юговосточный берегъ Охотскаго моря до Тугурской губы и не позже 15 сентября быть въ Охотскѣ, я 3-го августа вышелъ изъ лимана и отъ горы князя Меньшикова началъ опись матераго берега. Состояніе его оказалось таково: отъ упомянутой горы, на пространствѣ 20 миль къ ONO-ту, тянется огромный заливъ, огражденный съ моря низменными дресвяными косами; по точномъ изслѣдованіи этого залива на шлюпкахъ, оказалось, что входъ съ моря, между косами, въ сѣверную часть этого залива имѣетъ баръ, болѣе другихъ глубокій, а именно: 9 фут. въ малую и 14 фут. въ большую. Эту часть залива я назвалъ *заливомъ Счастія*, потому что онъ представляетъ единственную, болѣе или менѣе удобную близъ лимана гавань. Продолжая далѣе описывать съ транспорта берегъ, тянувшійся къ NO, мы дали ему правильное положеніе. На морскихъ картахъ того времени берегъ этотъ былъ положенъ до такой степени ошибочно, что весь путь транспорта, проложенный на этихъ картахъ, лежалъ по сухому пути. Подойдя къ возвышенному мысу Мухтель, для осмотра видѣнной за этимъ мысомъ Ульбанской губы, я послалъ на вельботѣ мичмана Гроте, а съ транспортомъ направился въ Константиновскій заливъ. По подробной описи и изслѣдованію береговъ этого залива оказалось, что онъ не представляетъ ни въ какомъ отношеніи удобства для основанія въ немъ порта. Окончивъ его изслѣдованіе, мы пошли въ Ульбанскую губу, на соединеніе съ мичманомъ Гротомъ. Подробная опись

и изслѣдованіе этой обширной губы обнаружили, что она представляетъ единственный на всемъ Охотскомъ морѣ и закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ обширный рейдъ. Эту губу я назвалъ заливомъ Св. Николая. По выходѣ изъ него, у мыса Мухтель, мы заштилѣли и замѣтили двѣ черныя точки, приближавшіяся отъ берега къ транспорту. Это была байдарка съ прапорщикомъ корпуса штурмановъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Орловымъ, состоявшимъ на службѣ россійско-американской компаніи. Офицеръ этотъ былъ посланъ изъ Аяна съ двоякою цѣлію: во-1-хъ, розыскать транспортъ „Байкалъ“, во-2-хъ, для торговыхъ сношеній съ обитавшими на этихъ берегахъ тунгусами и гиляками. Орловъ, слѣдуя отъ Аяна вдоль берега, доходилъ до гилякскаго селенія Коль, лежавшаго въ 25-ти миляхъ къ NO отъ залива Счастія (по туземному Искай). Ему приказано было, въ случаѣ встрѣчи со мною, передать, что въ Аянѣ ожидаютъ меня важныя распоряженія высшаго правительства. Принявъ на транспортъ Орлова съ его двумя байдарками, я, чтобы скорѣе отправить донесеніе князю Меньшикову о моей описи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высадить Орлова, 30 августа пошелъ въ Аянъ, куда и прибылъ 3 сентября.

ГЛАВА X.

Донесеніе мое князю Меньшикову отъ 3 сентября 1849 г.—Плаваніе Корсакова.—Путешествіе генералъ-губернатора въ Камчатку и обратно.—Впечатлѣніе, произведенное моимъ донесеніемъ въ Петербургѣ.—Высочайшее повелѣніе о переносѣ охотскаго порта въ Петропавловскъ и о заселеніи р. Маи.

По приходѣ въ Аянъ, я въ тотъ же день послалъ съ курьеромъ, капитаномъ М. С. Корсаковымъ, слѣдующее донесеніе его свѣтлости князю А. С. Меньшикову:

„По сдачѣ груза въ петропавловскомъ портѣ, дабы не упустить остававшагося у меня свободнымъ времени, я 30 мая 1849 г. изъ Петропавловска направился къ восточному берегу Сахалина и въ амурскій лиманъ. Въ продолженіе 42-хъ дневнаго пребыванія нашего въ лиманѣ намъ удалось съ Божіею помощію разсѣять ошибочныя заключенія объ этихъ мѣстахъ знаменитыхъ моихъ предшественниковъ и привести затѣмъ въ извѣстность весь юго-восточный берегъ Охотскаго моря. Нами открыто: 1) что Сахалинъ островъ, отдѣляющійся отъ материка проливомъ въ 4 мили шириною и имѣющимъ наименьшую глубину 5 сажень; 2) что входъ въ рѣку Амуръ съ сѣвера—изъ Охотскаго моря и съ юга—изъ Татарскаго залива, а также, что сообщеніе чрезъ амурскій лиманъ морей Японскаго и Охотскаго, доступно для мореходныхъ судовъ; и 3) что на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря находится обширный, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ, рейдъ, названный мною заливомъ Св. Николая. Что же касается до Константиновскаго залива, то, по тщательномъ изслѣдованіи, онъ оказался неудобнымъ для основанія въ немъ порта. Почтительнѣйше донося объ этомъ Вашей Свѣтлости, священнымъ долгомъ считаю свидѣтельствовать о благородномъ рвеніи и неутомимой дѣятельности офицеровъ и команды ввѣреннаго мнѣ транспорта. *Всѣ до единаго честно и благородно* исполняли долгъ свой. Высочайше утвержденную инструкцію о разрѣшеніи идти мнѣ

въ амурскій лиманъ я только-что сейчасъ получилъ, въ Аянѣ. Чистые и черновые журналы и карты описанныхъ нами мѣстъ я буду имѣть честь лично представить Вашей Свѣтлости, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ; нынѣ же спѣшу донести Вамъ о результатахъ нашихъ изслѣдованій".

Между тѣмъ, посланный въ Охотскъ отъ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева курьеромъ штабсъ-капитанъ М. С. Корсаковъ *), съ Высочайше утвержденною мнѣ инструкціею объ изслѣдованіи устья рѣки Амуръ, былъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до половины іюня, такъ что только около этого времени онъ могъ отправиться изъ Охотска на ботѣ „Кадьякъ", съ цѣлію отыскать транспортъ „Байкалъ" и передать мнѣ упомянутую инструкцію. Г. Корсаковъ, расчитывая, что при такомъ позднемъ выходѣ изъ Охотска онъ не можетъ уже застать транспортъ въ Петропавловскѣ, отправился къ сѣверной оконечности Сахалина, на видъ которой я долженъ бы былъ придти, слѣдуя изъ Курильской гряды къ Константиновскому заливу, еслибы шелъ согласно инструкціи, данной мнѣ при отправленіи изъ Кронштадта. Не встрѣтивъ транспорта ни здѣсь, ни затѣмъ въ Константиновскомъ заливѣ, Г. Корсаковъ возвратился въ Аянъ.

Вмѣстѣ съ симъ, предъ отправленіемъ изъ Петербурга генералъ-губернатора Муравьева, въ 1848 г., въ Иркутскъ, Государю Императору угодно было сказать ему, что „онъ вѣроятно не будетъ въ Камчаткѣ, потому что туда весьма затруднительно ѣхать". На это Муравьевъ отвѣчалъ Его Величеству, что онъ постарается добраться до Камчатки; почему, по прибытіи своемъ въ Иркутскъ весною слѣдующаго 1849 г., Н. Н. Муравьевъ со своею супругою Екатериною Николаевною отправился въ Якутскъ и далѣе, чрезъ Охотскъ, въ Петропавловскъ.

Преодолѣвъ всѣ трудности верховой ѣзды между Якутскомъ и Охотскомъ, на пространствѣ болѣе 1,100 верстъ, по тропинкамъ, тундрамъ и болотамъ, Николай Николаевичъ съ супругою достигли Охотска и оттуда, на транспортѣ „Иртышъ", подъ командою капитанъ-лейтенанта Преклонскаго, пошли въ Петропавловскъ. Посѣтивъ петропавловскій портъ, вслѣдствіе письма моего, посланнаго изъ этого порта, на томъ же транспортѣ, 28 мая, Николай Николаевичъ Муравьевъ, чтобы встрѣтиться со мною, заходилъ на обрат-

*) Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

номъ пути изъ Петропавловска въ Аянъ, къ сѣверной оконечности Сахалина, но, не найдя здѣсь транспорта, полагалъ, что я, не получивъ разрѣшенія въ Петропавловскѣ идти въ лиманъ, направился, вслѣдствіе данныхъ мнѣ инструкцій въ августѣ 1848 г., въ Константиновскій заливъ. Поэтому Н. Н. Муравьевъ отъ сѣверной оконечности Сахалина пошелъ въ Аянъ, куда и прибылъ 30 августа. Онъ былъ первый изъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, который посѣтилъ Охотскъ и Петропавловскъ. Ему хотѣлось лично видѣть эти мѣста, прежде чѣмъ рѣшиться на перенось охотскаго порта, что тогда считалось необходимымъ. Всѣ предмѣстники Н. Н. Муравьева полагали, что это путешествіе если не невозможно, то безполезно. Обратный путь Н. Н. Муравьевъ совершилъ чрезъ Аянъ, съ тѣмъ, чтобы видѣть этотъ портъ и аянскій трактъ и сравнить ихъ съ охотскимъ портомъ и трактомъ. По прибытіи Н. Н. Муравьева въ Аянъ, туда пришелъ и ботъ „Кадьякъ“, съ М. С. Корсаковымъ, который донесъ генералъ-губернатору о своихъ неудачныхъ розыскахъ транспорта „Байкалъ“, не смотря на то, что онъ перерѣзывалъ нѣсколько разъ всѣ пути, по которымъ транспортъ, вслѣдствіе данныхъ ему въ Кронштадтѣ шпструкцій, долженъ бы слѣдовать. Это обстоятельство, а равно предположеніе, что я, не получивъ въ Петропавловскѣ разрѣшенія приступить къ описи лимана и устья р. Амуръ (мѣстъ, считавшихся тогда китайскими), не могъ рѣшиться самъ на это изслѣдованіе, и, наконецъ, свѣдѣнія, доставленныя г. Завойко въ Аянѣ, что лиманъ окруженъ опасными банками и входъ въ него для транспорта „Байкалъ“ невозможенъ, послужили поводомъ къ заключенію въ Аянѣ, что „Байкалъ“ на пути изъ Петропавловска погибъ. Послѣ этого понятно, до какой степени все было изумлено въ Аянѣ, когда „Байкалъ“, считавшійся погибшимъ, показался утромъ 3 сентября передъ входомъ въ аянскій заливъ!

Мы не успѣли еще бросить якорь, какъ на вельботѣ присталъ къ транспорту М. С. Корсаковъ и объявилъ о присутствіи въ Аянѣ генералъ-губернатора и о мнѣніи, ходившемъ тамъ на счетъ насъ. Онъ сказалъ намъ, что поводомъ къ такому общему мнѣнію послужило заключеніе В. С. Завойко, который, въ свою очередь, основывался на описи Гаврилова. Вмѣсто отвѣта Корсакову, я далъ прочесть приготовленный мною для отправленія изъ Аяна рапортъ князю Меньшикову. Тогда же М. С. Корсаковъ передалъ мнѣ и Высочайше утвержденную инструкцію, которою повелѣвалось изъ

Петропавловска идти въ амурскій лиманъ, съ цѣлію повѣрки описи Гаврилова. Сейчасъ же вслѣдъ за Корсаковымъ вышелъ на встрѣчу намъ, на катерѣ, генералъ-губернаторъ со всѣмъ своимъ штабомъ; не приставая еще къ транспорту, онъ спросилъ меня, откуда я явился. На это я отвѣчалъ: „Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга! Вѣковое заблужденіе положительно разсѣяно. Истина обнаружилась; доношу объ этомъ Его Свѣтлости для представленія Государю, а нынѣ Вашему Превосходительству". Въ маленькой моей каютѣ собрались около генералъ-губернатора всѣ его спутники и съ любопытствомъ слушали меня о нашемъ плаваніи и сдѣланныхъ нами открытіяхъ, которыя были совершенно противоположны показаніямъ карты, имѣвшейся тогда въ Аянѣ.

Изъ Аяна, на другой день, 4 сентября, съ курьеромъ штабсъ-капитаномъ М. С. Корсаковымъ были отправлены вышеупомянутый рапортъ мой князю Меньшикову и отношеніе генералъ-губернатора, въ которомъ, между прочимъ, онъ объяснялъ князю, что ни одна изъ предшествовавшихъ мнѣ экспедицій не представляетъ такихъ важныхъ для Россіи послѣдствій, какія истекаютъ изъ моихъ открытій, не смотря на то, что все это произведено безъ всякихъ особыхъ затратъ казны и съ ничтожными средствами, на суммы, ассигнованныя для доставленія груза въ наши сибирскіе порта. „Грузъ этотъ, писалъ Николай Николаевичъ, по удостовѣренію начальника Камчатки, капитана 1 ранга Машина, доставленъ на „Байкалѣ" въ такомъ отличномъ и сохранномъ видѣ, въ какомъ еще никогда не бывало".

Результаты нашихъ изслѣдованій обусловливаютъ важное значеніе для Россіи при-амурскаго края, ибо они доказываютъ, что р. Амуръ чрезъ лиманъ имѣетъ прямое сообщеніе съ Татарскимъ заливомъ, а чрезъ это берега этого залива, съ находящимися при нихъ гаванями, составляютъ необходимое дополненіе амурскаго бассейна. Кромѣ того, сдѣланныя нами открытія доказали важное значеніе рѣки Амуръ, какъ артеріи, связывающей съ океаномъ Восточную Сибирь, считавшуюся до этого отрѣзанною отъ него тундрами, горами и огромными пустынными пространствами.

Если бы я ограничился выполненіемъ только той программы, для которой спеціально былъ отправленъ „Байкалъ", т. е. доставилъ бы грузъ въ сибирскіе наши порта, подобно многимъ моимъ предшественникамъ и не принялъ бы вышеупомянутыхъ мѣръ къ

раннему приходу въ Петропавловскъ, чтобы имѣть свободными лѣтніе мѣсяцы 1849 г., наконецъ, если бы я, не смотря на отвѣтственность, не рѣшился бы по собственному моему усмотрѣнію, безъ прямаго на то повелѣнія, идти изъ Петропавловска прямо въ амурскій лиманъ, чтобы раскрыть истину, то мы, русскіе, подъ давленіемъ распространившагося тогда въ Аянѣ мнѣнія о положительной недоступности амурскаго лимана и устья р. Амуръ, могли бы не обратить на этотъ край должнаго и энергическаго вниманія и, вслѣдствіе этого, оставались бы увѣренными въ упомянутомъ заблужденіи. Тогда бы, въ минувшую войну, доблестные защитники Петропавловска, имущество этого порта со всѣми судами, а равно и экипажъ японской экспедиціи, были бы въ самомъ критическомъ положеніи, такъ что это могло бы, можетъ быть, составить трофей въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго насъ непріятеля. Кромѣ того, плававшія около этихъ мѣстъ иностранныя суда могли бы занять берегъ Татарскаго залива и даже устье самой рѣки и тогда бы суда союзной непріятельской эскадры не имѣли бы повода блокировать эти мѣста, а чрезъ это не имѣли бы случая фактически признать ихъ принадлежащими Россіи, а не Китаю. На это обстоятельство, при заключеніи трактата съ Китаемъ, ссылались, какъ на одинъ изъ главныхъ аргументовъ. Изъ этого ясно, что безъ своевременныхъ изслѣдованій и занятій устья рѣки и неразрывно связанныхъ съ нею береговъ Татарскаго залива, эти мѣста могли бы быть навсегда потерянными для Россіи. Вотъ тѣ важныя послѣдствія нашихъ открытій, которыя не замедлили обнаружиться.

Изъ Аяна, 5 сентября, транспортъ „Байкалъ“ отправился въ Охотскъ, а генералъ-губернаторъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ аянскимъ трактомъ въ Якутскъ; тамъ я долженъ былъ съ нимъ соединиться, чтобы ожидать зимняго пути по рѣкѣ Ленѣ. Придя въ Охотскъ 10 сентября, я, вслѣдствіе данныхъ мнѣ инструкцій, сдалъ транспортъ и 20 числа этого мѣсяца съ офицерами транспорта отправился въ Якутскъ, куда и прибылъ 3 октября. Здѣсь мы застали генералъ-губернатора; я просилъ его сдѣлать распоряженіе г. Завойко о посылкѣ зимнимъ путемъ изъ Аяна въ удскій край, а оттуда на устье р. Амуръ, прапорщика Орлова для наблюденія надъ вскрытіемъ льда въ заливѣ Счастія и въ устьѣ рѣки. Генералъ-губернаторъ тогда же съ нарочнымъ послалъ предписаніе объ этомъ г. Завойко *). Въ Якутскѣ и затѣмъ въ Иркутскѣ, куда мы

*) Вотъ причина, почему Орловъ былъ въ заливѣ Счастія и на устьѣ р. Амуръ вес-

прибыли 22 ноября, мы приводили въ порядокъ наши журналы и карты.

По полученіи моего донесенія изъ Аяна, въ Петербургѣ, подъ давленіемъ авторитета знаменитыхъ моихъ предшественниковъ, подтвержденнаго затѣмъ барономъ Врангелемъ и графомъ Несельроде въ 1846 г., не повѣрили нашимъ открытіямъ и считали поступокъ мой (что я безъ разрѣшенія пошелъ изъ Камчатки въ амурскій лиманъ) *дерзкимъ* и *подлежащимъ наказанію*. Потому тамъ полагали, что Петропавловскъ долженъ быть главнымъ нашимъ портомъ въ Восточномъ океанѣ, а Аянъ въ Охотскомъ морѣ, весь же при-амурскій край предоставить Китаю.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ, по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, 10 ноября 1849 г., сдѣлалъ слѣдующее представленіе въ С.-Петербургъ:

1) Охотскій портъ перенести въ Петропавловскъ, который усилить и укрѣпить, а изъ Камчатки сдѣлать область, подъ начальствомъ командира петропавловскаго порта и камчатскаго губернатора, которымъ назначить Завойко.

2) Аянскую факторію россійско-американской компаніи возвести на степень правительственнаго порта въ Охотскомъ морѣ.

3) Для удобнаго и правильнаго сообщенія Аяна съ Якутскомъ заселить крестьянами р. Маю и трактъ между Аяномъ и Нелькиномъ, и

4) Аянскую факторію, какъ правительственный портъ, усилить военными чинами и принять на счетъ казны устройство и поддержаніе тракта между Аяномъ и Якутскомъ.

Я узналъ объ этомъ представленіи по прибытіи моемъ въ Иркутскъ отъ самаго генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева и при этомъ не могъ не выразить ему мое сожалѣніе, предлагая, если возможно, отклонить его ходатайство. Мотивы, которые я ему высказалъ при этомъ, были слѣдующіе:

а) Камчатскій полуостровъ огромными тундристыми и гористыми пространствами и пустынями совершенно изолированъ отъ Сибири, а потому, въ случаѣ войны съ морскими державами, особ-

ною 1850 г., а вовсе не та, о которой говоритъ Тихменевъ въ историческомъ обозрѣніи дѣйствій р. а. к., на страницѣ 62 и примѣчаніи къ оной. Ссылка его на бумагу министерства иностр. дѣлъ отъ 15 февраля 1849 г. здѣсь не имѣетъ мѣста, ибо въ этой бумагѣ разрѣшалось р. а. компаніи изъ Аяна производить расторжку съ туземцами по юговосточному берегу Охотскаго моря, отнюдь не касаясь устья Амура.

ливо продолжительной, петропавловскій портъ не можетъ быть ни снабженъ, ни подкрѣпленъ безъ содѣйствія сильной эскадры, которая была бы въ состояніи оградить путь къ нему отъ нападенія эскадръ враждебныхъ морскихъ націй. Такое нападеніе весьма вѣроятно, такъ какъ европейцы для огражденія своей обширной торговли и колоній въ Восточномъ океанѣ держатъ довольно сильные отряды, всегда готовые на подобную услугу. Серьезное развитіе нашей торговли тамъ представляется еще въ весьма и весьма отдаленномъ будущемъ, а слѣдовательно и эскадры довольно сильной для огражденія пути въ Петропавловскъ мы еще долго не будемъ имѣть. На пустынномъ Камчатскомъ полуостровѣ, изрѣзанномъ тундрами, болотами и хребтами горъ, между которыми разбросано бродячее населеніе до 5,000 душъ, а также по неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, ни одна изъ иностранныхъ державъ утверждаться не будетъ, тѣмъ болѣе, что вѣковой опытъ и намъ уже убѣдительно доказалъ, что содержаніе петропавловскаго порта и обладаніе Камчаткой слишкомъ дорого стоитъ. Не смотря на всѣ серьезныя мѣры, принимаемыя правительствомъ, мѣры, сопряженныя съ большими затратами и пожертвованіями людьми, мы не могли достигнуть даже и того, чтобы ничтожное населеніе петропавловскаго порта и Камчатки могло бы хотя сколько-нибудь быть обезпеченнымъ мѣстнымъ хлѣбомъ и прочими продуктами; мы должны доставлять все это изъ Сибири, по баснословно высокимъ цѣнамъ и то только въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Наконецъ, россійско-американская компанія не соглашалась принять Камчатку на свое содержаніе даже за весьма значительную субсидію. По всѣмъ этимъ причинамъ и положено было Петропавловскъ держать въ видѣ станціи для плаваюпихъ судовъ и мѣста для управленія бродячимъ населеніемъ Камчатскаго полуострова. При убѣжденіи о недоступности амурскаго лимана и устья р. Амуръ и при увѣренности, что на прибрежьѣ амурскаго бассейна не имѣется гавани, мы не имѣли и возможности основать на Восточномъ океанѣ надлежащаго правительственнаго порта, который бы могъ быть снабженъ и подкрѣпленъ независимо отъ морскаго пути.

б) Точно также всѣ усилія правительства, сопряженныя съ большими расходами и пожертвованіями людьми и капиталами на заселеніе земледѣльцами береговъ рѣки Маи, въ видахъ установленія по оной сообщенія Якутска съ прибрежьемъ Охотскаго моря, оставались тщетными и показали, что земледѣльческой осѣдлости по бе-

регамъ этой рѣки, а равно и устройства сколько нибудь сноснаго пути между этою рѣкою и прибрежьемъ Охотскаго моря быть не можетъ. Наконецъ, подробныя и тщательныя изслѣдованія береговъ Охотскаго моря обнаружили, что на его берегахъ нѣтъ ни единаго пункта, включая въ то число и Аянскій заливъ, къ устройству сколько нибудь удобнаго порта.

в) Настоящія-же наши изслѣдованія и открытія указали, что р. Амуръ и ея лиманъ связываютъ Восточную Сибирь съ Японскимъ моремъ и что прибрежье при-амурскаго края составляетъ непосредственное дополненіе амурскаго бассейна, а потому всего естественнѣе отыскать гавань на этомъ прибрежьѣ, такъ какъ она, въ случаѣ войны съ морскими державами, могла бы быть снабжена и подкрѣплена, независимо отъ морскаго пути, путемъ внутреннимъ, безопаснымъ отъ нападенія непріятеля, т. е. по р. Амуръ и ея притокамъ. Только при такихъ условіяхъ и можетъ быть полезенъ для Россіи портъ на отдаленномъ ея востокѣ, ибо, имѣя такой портъ, мы съ одной стороны пріобрѣтаемъ должное политическое значеніе на Восточномъ океанѣ, съ незначительною морскою силою по сравненію съ иностранными морскими державами; а съ другой стороны, мы пріобрѣтаемъ надежную и серьезную школу для образованія нашихъ морскихъ офицеровъ и командъ.

г) Въ видахъ развитія нашей торговли и политическаго вліянія на сопредѣльный намъ Китай, р. Сунгари, орошающая населенную южную Манджурію, представляетъ удобный путь изъ южнаго при-амурскаго края.

д) Чтобы воспользоваться правомъ, оставленнымъ за нами по трактату 1689 года съ Китаемъ, на обладаніе нижне-при-амурскимъ бассейномъ съ его прибрежьемъ, необходимо произвести подробное изслѣдованіе онаго во всѣхъ отношеніяхъ и установить постоянное бдительное наблюденіе надъ онымъ. Все это возможно сдѣлать только при нашемъ немедленномъ утвержденіи въ этомъ краѣ, ибо китайскаго правительственнаго вліянія въ немъ не существуетъ и Китай какъ-бы не признаетъ его своею принадлежностію и оставляетъ его свободнымъ. При такомъ положеніи и при доказанной нынѣ возможности проникнуть въ при-амурскій край чрезъ р. Амуръ изъ Японскаго моря, онъ легко можетъ сдѣлаться добычею перваго смѣлаго пришельца *); чего, по связи этого края

*) Во время пребыванія моего въ Охотскѣ, я узналъ изъ разсказовъ лейтенанта, оставленнаго Лаперузомъ, который проѣзжалъ чрезъ Охотскъ изъ Камчатки, что будто-бы

съ Сибирью, Россія ни подъ какимъ предлогомъ допускать не должна.

Въ виду этихъ-то соображеній, единственно на что, по моему мнѣнію, правительство должно сосредоточить свое вниманіе и средства, это—чтобы не теряя ни минуты времени, утвердиться въ нижне-амурскомъ краѣ. Отсюда слѣдуетъ начать производить его изслѣдованія и постепенно заселять пути, ведущіе къ устью р. Амуръ, для того, чтобы, съ одной стороны, обезпечить сообщеніе амурскаго бассейна съ Забайкальемъ, а съ другой—имѣть возможность довольствовать мѣстнымъ продовольствіемъ нашу тамъ военную силу. Послѣдняя должна быть такъ расположена и средства ея передвиженія должны быть такъ устроены, чтобы она благовременно могла являться къ избранной гавани, на устьѣ р. Амуръ и на р. Сунгари. При устройствѣ-же въ этомъ краѣ управленія, а равно и средствъ къ передвиженію войскъ, должно имѣть въ виду, что море и рѣки надолго еще будутъ служить здѣсь единственными путями сообщенія; что этотъ край представляется краемъ чисто морскимъ и, начиная отъ Забайкалья, составляетъ одно цѣлое; что здѣсь не должно растрачивать большихъ суммъ на дорого стоющія различныя бюрократическія и судебныя учрежденія, дѣйствующія въ Сибири и Европейской Россіи, а равно не слѣдуетъ дѣлать здѣсь затратъ на дорого стоющія долговременныя укрѣпленія и различныя капитальныя сооруженія, ибо при обезпеченіи этого края съ тыла банками лимана, лѣнистымъ, гористымъ и бездорожнымъ, пустынным его прибрежьемъ, и, наконецъ, при отдаленности его отъ цивилизованныхъ портовъ, онъ и съ малыми средствами представляетъ надежную защиту отъ враждебныхъ покушеній съ моря.

„И такъ" высказалъ я Николаю Николаевичу „правительственное вниманіе, по моему мнѣнію, на отдаленномъ нашемъ востокѣ должно быть направлено единственно къ достиженію упомянутой важной политической и экономической цѣли, почему, при настоящихъ открытіяхъ, Петропавловскъ и Аянъ не могутъ быть нашими портами, каковыми, по представленію Вашего Превосходительства, они должны создаться. Затраты эти не только будутъ непроизводительны и напрасны, но могутъ вредно дѣйствовать на упо-

французское правительство дало-бы Лаперузу повелѣніе, въ случаѣ возможности входа въ Амуръ изъ Татарскаго залива, занять устье рѣки. Можетъ быть такое-же повелѣніе дано было и Браутону.

мянутую главную здѣсь правительственную задачу, куда-бы эти затраты и должны быть всецѣло употреблены. Петропавловскъ и Аянъ могутъ быть только, какъ я сказалъ, станціями для нашихъ судовъ и слѣдовательно должны оставаться въ томъ именно видѣ, въ какомъ они существуютъ нынѣ". По этому слѣдуетъ остановить: 1) передвиженіе охотскаго порта въ Петропавловскъ и усиленіе этого послѣдняго, 2) заселеніе рѣки Маи и 3) устройство на счетъ казны аянскаго порта, и приступить нынѣ къ слѣдующему:

1) Настоящими средствами охотскаго и петропавловскаго портовъ, предстоящимъ же лѣтомъ 1850 года, серьезно занять устье р. Амуръ и отсюда, какъ изъ первоначальнаго пункта, приступить къ изслѣдованіямъ: а) направленія Хинганскаго хребта отъ верховьевъ рѣки Уди и направленія рѣкъ, орошающихъ нижне-амурскій край и берущихъ начало изъ этого хребта, а равно и рѣкъ, орошающихъ прибрежья этого края, и б) начать изслѣдованія прибрежій Татарскаго залива, до корейской границы, въ видахъ отысканія на этомъ прибрежьѣ гавани, удобной для основанія порта, сколь можно долѣе открытаго для навигаціи.

2) Нынѣ же распорядиться, чтобы для усиленія сибирской флотиліи были высланы изъ Кронштадта, въ навигацію 1851 г., два винтовыя легкія судна, съ осадкою около 10 фут., съ паровыми шлюпками при нихъ.

3) Предварительно распорядиться, чтобы съ прибытіемъ сюда упомянутыхъ винтовыхъ судовъ, было бы ежегодно высылаемо по нѣсколько семей крестьянъ для постепеннаго заселенія главныхъ пунктовъ края.

4) Съ прибытіемъ этихъ паровыхъ средствъ, приступить къ тщательному изслѣдованію амурскаго лимана, а равно и къ изслѣдованію сѣверо-восточной части рѣки Амуръ, въ видахъ безопаснаго плаванія, и

5) Въ видахъ основательнаго выбора гавани, соотвѣтствующей основанію въ ней порта, почти всегда открытаго для навигаціи, а равно и для фактическаго заявленія предъ иностранцами о бдительномъ нашемъ наблюденіи за этимъ краемъ, въ болѣе или менѣе закрытыхъ бухтахъ, лежащихъ по берегамъ Татарскаго залива, разставлять военные посты, а равно разставлять посты и водворять крестьянъ и на тѣхъ мѣстностяхъ по Амуру и Уссури, въ которыхъ по изслѣдованію окажутся болѣе или менѣе удобные перевалы на прибрежья Татарскаго залива, въ закрытыя бухты *).

*) Опытъ не замедлилъ показать, что если бы въ 1850 г. было принято это мѣ-

За симъ, въ исходѣ декабря 1849 г., пришло въ Иркутскъ Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 2 декабря 1849 г., которымъ повелѣвалось: Охотскій портъ перенести въ Петропавловскъ, который долженъ быть главнымъ и укрѣпленнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ, почему онъ долженъ быть усиленъ командами, матеріалами и орудіями, доставленными на транспортахъ изъ Кронштадта. Начальника аянской факторіи Завойко назначить губернаторомъ Камчатки, изъ которой образовать отдѣльную Камчатскую область. Для развитія въ Камчаткѣ земледѣлія переселять туда ежегодно по 25-ти семей крестьянъ. Принять на счетъ казны окончательное устройство и содержаніе аянскаго тракта, а аянскую факторію возвести на степень правительственнаго порта, усиливъ ее воинскими командами. Наконецъ, по р. Маѣ и между Нелькиномъ и Аяномъ сдѣлать земледѣльческія поселенія для поддержанія аянскаго тракта. Это Высочайшее повелѣніе привести на мѣстахъ въ исполненіе генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, въ распоряженіи котораго должны находиться и всѣ суда въ Охотскѣ и Камчаткѣ, подъ названіемъ сибирской флотиліи; точно также въ распоряженіе генералъ-губернатора посылать изъ Кронштадта въ Охотское и Камчатское моря военныхъ крейсеровъ для уничтоженія насилій, производимыхъ китобоями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, остановленную въ Иркутскѣ экспедицію Ахтэ не посылать для опредѣленія границы, а направить по усмотрѣнію генералъ-губернатора для изслѣдованія удскаго края. Что же касается до дальнѣйшихъ дѣйствій на прибрежьяхъ Охотскаго моря, то ожидалось подробнаго моего объясненія. Вмѣстѣ же съ этимъ, 6 декабря за благополучный приходъ транспорта въ Петропавловскъ, скорое и въ хорошемъ состояніи доставленіе грузовъ и за сохраненіе здоровья команды, по прежнимъ примѣрамъ, я былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга *), а офицеры награждены были какъ за это, такъ и за опись—чинами и крестами.

ніе, которому Н. Н. Муравьевъ вполнѣ сочувствовалъ, тогда война 1854 г. не застала бы насъ здѣсь врасплохъ и мы не встрѣтили бы тѣхъ затрудненій при вводѣ судовъ и подъемѣ нашихъ командъ въ Забайкальѣ, но тогда всѣ были увлечены важностью значенія Петропавловска и, не вѣря моимъ открытіямъ, боялись раздражить китайцевъ и иностранцевъ.

*) За опись мнѣ слѣдовалъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. и пенсіонъ, какъ то дали и Бутакову, описавшему устье Аму-Дарьи, но я въ лиманъ пошелъ, не получивъ еще Высочайшаго разрѣшенія, а потому меня слѣдовало бы наказать, однако, лишили только того, что по закону слѣдовало за опись, т. е. креста и пенсіона.

ГЛАВА XI.

Прибытіе мое въ Петербургъ.—Объясненія съ княземъ Меньшиковымъ и въ комитетѣ.—Прибытіе въ Иркутскъ 27 марта.—Поѣздка въ Якутскъ и Аянъ съ М. С. Корсаковымъ.—Встрѣча съ Д. И. Орловымъ.—Основаніе Петровскаго зимовья.—Плаваніе мое вверхъ по Амуру.—Объявленіе отъ имени правительства о принадлежности при-амурскаго края Россіи.—Предписаніе Д. И. Орлову.—Донесеніе генералъ-губернатору 4-го сентября 1850 г.—Отправленіе мое въ Иркутскъ и оттуда въ Петербургъ.

По прибытіи въ Петербургъ, 28 января 1850 г., я явился къ князю Меньшикову и представилъ ему всѣ чистые и черновые журналы и карты нашихъ изслѣдованій и открытій, а вмѣстѣ съ этимъ и рапортъ Н. Н. Муравьева о томъ, что въ виду сдѣланнаго мною открытія, въ навигацію же 1850 г. необходимо занять устье р. Амуръ 70 человѣками воинскихъ чиновъ. Для исполненія этого Н. Н. Муравьевъ просилъ князя Меньшикова о назначеніи меня въ его распоряженіе. Его Свѣтлость принялъ меня весьма благосклонно и объявилъ, что хотя Государь Императоръ, довольный весьма смѣлымъ моимъ поступкомъ, простилъ меня за то, что я, не получивъ еще Его повелѣнія, рѣшился идти къ устью р. Амуръ и въ ея лиманъ, но графъ Несельроде и большинство членовъ особаго комитета, котораго графъ предсѣдателемъ, обвиняли меня за таковую *дерзость* *) и изъявляютъ Его Величеству сомнѣніе въ справедливости моихъ открытій на томъ основаніи, что „они совершенно противорѣчатъ докладу графа Несельроде и донесенію барона Врангеля, въ исходѣ 1846 г., о томъ же предметѣ, а равно и донесеніямъ нашей миссіи въ Пекинѣ“. На это я отвѣчалъ князю, что таковое заключеніе графа Несельроде и большинства комитета,

*) Именно желали разжалованія.

какъ онъ изволитъ увидѣть изъ представляемыхъ ему документовъ, совершенно ошибочное и для меня и всѣхъ моихъ въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ оскорбительное. „Кромѣ того“, сказалъ я, „правительство всегда можетъ повѣрить, въ какой степени справедливы мои донесенія Вашей Свѣтлости, доведенныя до Высочайшаго воззрѣнія, и если они окажутся согласными съ мнѣніемъ графа Несельроде и большинства комитета, то я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности, гораздо больше той, каковую они уже опредѣлили, а потому почтительнѣйше прошу Вашу Свѣтлость защитить меня и моихъ сотрудниковъ отъ подобныхъ нареканій“.

Съ особымъ вниманіемъ князь А. С. Меньшиковъ разсматривалъ карты и журналы и выслушивалъ объясненія мои о причинахъ, по которымъ весьма легко могли впадать въ ошибки мои знаменитые предшественники и выводить таковыя же ошибочныя заключенія объ этихъ мѣстахъ. Затѣмъ князь объявилъ мнѣ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ справедливости моихъ открытій и важности оныхъ, и вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Н. Н. Муравьева о необходимости немедленнаго занятія устья р. Амуръ, и, наконецъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій вполнѣ этому сочувствуетъ, но въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде, въ которомъ представленіе Н. Н. Муравьева будетъ разсматриваться и куда меня, вѣроятно, потребуютъ для объясненій, встрѣтится огромное противодѣйствіе этому дѣлу; почему князь и предлагалъ мнѣ быть готовымъ къ этому и быть смѣлымъ въ комитетѣ въ объясненіяхъ, а равно приказалъ мнѣ немедленно явиться къ Л. А. Перовскому и объяснить ему все то, что я ему говорилъ, „ибо въ комитетѣ“, прибавилъ князь, „одни только мы съ Перовскимъ будемъ отстаивать васъ и представленіе Муравьева о необходимости немедленнаго занятія устья рѣки Амуръ“.

На другой день я явился къ Льву Александровичу Перовскому; онъ принялъ меня съ полнымъ радушіемъ и сочувствіемъ къ этому дѣлу. Выслушавъ со вниманіемъ мои объясненія, онъ сказалъ: „Къ несчастію, графы Несельроде и Чернышевъ, а за ними Сенявинъ (директоръ азіатскаго департамента) и Бергъ—члены комитета, въ которомъ будетъ разсматриваться представленіе Н. Н. Муравьева,—совершенно иначе съ нимъ мнѣнія. Они, опираясь на донесеніяхъ нашей миссіи изъ Пекина и донесеніи Врангеля, увѣряютъ Государя, что ваше донесеніе ошибочно и опасаются столкновенія съ китайцами, которые будто бы имѣютъ на р. Амуръ огромную силу

и крѣпости, весьма достаточныя для огражденія отъ вторженія въ рѣку съ моря. Васъ призовутъ въ этотъ комитетъ и вы должны быть готовы выдержать сильную атаку со стороны графа Чернышева и Несельроде, которые сердятся на васъ и на Муравьева за то, что онъ, вопреки Высочайшему повелѣнію, остановилъ экспедицію Ахтэ и за то, что совершенно безъ ихъ участія Высочайше утверждено было разрѣшеніе вамъ на опись р. Амуръ и его лимана".

Такой пріемъ и объясненія со стороны князя Меньшикова и Л. А. Перовскаго весьма естественно возбудили во мнѣ энергію и силу, чтобы бороться со всѣми случайностями при достиженіи предположенной цѣли. Съ такими чувствами, 2 февраля 1850 г., я и явился въ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде, въ которомъ Высочайше повелѣно было разсмотрѣть упомянутое представленіе Н. Н. Муравьева.

Графъ Чернышевъ объяснилъ мнѣ, какому бы строгому наказанію я долженъ былъ подвергнуться за опись лимана и устья рѣки, не получивъ еще на то Высочайшаго соизволенія и предписанія князя Меньшикова. Затѣмъ, какъ онъ, такъ равно графъ Несельроде и Сенявинъ, сказали, что они, полагаясь на знаменитый европейскій авторитетъ моихъ предшественниковъ и на донесеніе столь-же знаменитаго адмирала Врангеля, увѣрены, что я ошибся при своихъ изслѣдованіяхъ лимана и устья рѣки. Наконецъ, они изъявляли удивленіе, какимъ образомъ возможно занять устье рѣки съ такою ничтожною силою (70 человѣкъ), какъ представляетъ Муравьевъ, когда имъ положительно извѣстно, что рѣка охраняется большою китайскою силою.

На это, поддерживаемый княземъ Меньшиковымъ и Л. А. Перовскимъ, я съ почтеніемъ отвѣчалъ: „Отправясь изъ Петропавловска къ описи лимана, я исполнилъ вѣрноподданнѣйшій долгъ мой. Миловать и наказывать за это меня можетъ только одинъ Государь". Затѣмъ, объяснивъ имъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства и случайности, по которымъ могли мои знаменитые предшественники придти къ фальшивымъ заключеніямъ, я сказалъ: „мнѣ и моимъ сотрудникамъ Богъ помогъ разсѣять эти заблужденія и раскрыть истину. Все, что я доношу, также вѣрно, какъ вѣрно то, что я стою здѣсь. Что же касается до китайской силы, то свѣдѣнія объ этомъ, доставляемыя миссіею изъ Пекина, неправильны. Не только китайской силы, но и малѣйшаго китайскаго правительственнаго вліянія

тамъ не существуетъ. Инородцы (гиляки), тамъ обитающіе, находятся въ самомъ дикомъ состояніи и вовсе не воинственны, и я полагаю, что не только съ 70-ю, но и съ 25-ю челов. ихъ можно держать въ порядкѣ. Инородцы эти считаютъ себя отъ Китая независимыми и весь этотъ край, при настоящихъ открытіяхъ, т. е. возможности проникнуть въ оный съ юга, изъ Татарскаго залива, можетъ сдѣлаться добычею всякаго смѣлаго пришельца, если мы, согласно представленію генералъ-губернатора, не примемъ нынѣ же рѣшительныхъ мѣръ. Я сказалъ все и правительство въ справедливости мною сказаннаго можетъ легко удостовѣриться". За симъ князь А. С. Меньшиковъ объяснилъ, что онъ тщательно разсматривалъ всѣ мои, даже черновые, журналы и находитъ, что открытія мои справедливы, а потому онъ, а за нимъ и Л. А. Перовскій полагали крайне необходимымъ не только утвердить представленіе Н. Н. Муравьева, но усилить наши дѣйствія тщательнымъ наблюденіемъ за лиманомъ, р. Амуръ и берегами Татарскаго залива, посредствомъ крейсерства тамъ военнаго судна.

Между тѣмъ, большинство членовъ комитета и въ особенности графы Несельроде и Чернышевъ, въ виду упомянутыхъ причинъ, а главное—опасенія, чтобы не имѣть непріязненныхъ столкновеній съ китайцами, полагали держаться состоявшагося Высочайшаго повелѣнія 15 февраля 1849 г., т. е. основать зимовье на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, для того, чтобы россійско-американская компанія могла производить тамъ расторжку съ гиляками. Вслѣдствіе этого, 3 февраля 1850 г. и послѣдовало Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора:—

1) Въ заливѣ Счастія, или въ какой либо мѣстности на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, но отнюдь не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амуръ, *основать зимовье*.

2) Въ зимовьѣ томъ россійск.-америк. компаніи производить расторжку съ гиляками, *но ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амуръ*.

3) Для основанія этого зимовья, а равно и для охраненія онаго, взять 25 челов. матросовъ и казаковъ изъ Охотска.

4) Исполненіе этого произвести подъ наблюденіемъ и по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго и должны состоять всѣ дѣйствія этой экспедиціи.

5) Для приведенія въ исполненіе на мѣстѣ этого повелѣнія,

а равно и для избранія мѣста для зимовья, командировать въ распоряженіе генералъ-губернатора капитана 2-го ранга Невельскаго.

Въ тотъ же день, на основаніи положенія о Сибири, я былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ капитана 1 ранга и назначенъ для особыхъ порученій къ генералъ-губернатору.

Съ такою инструкціею я, 27 марта, явился къ Н. Н. Муравьеву, въ Иркутскъ, а 3 апрѣля, вмѣстѣ съ М. С. Корсаковымъ, командированнымъ въ Охотскъ для наблюденія за переносомъ этого порта, отправился въ Якутскъ и оттуда въ Аянъ. Изъ Аяна, на транспортѣ „Охотскъ“, съ 25 человѣками команды, 27 іюня прибылъ въ заливъ Счастія, гдѣ и нашелъ г. Орлова, посланнаго сюда, какъ выше сказано, изъ Аяна, зимнимъ путемъ, по распоряженію генералъ-губернатора. При Орловѣ переводчиками были гилякъ Позвейнъ, знавшій по-тунгусски и тунгусъ Аоанасій, говорившій по-русски.

Здѣсь Д. И. Орловъ донесъ мнѣ: 1) что рѣка Амуръ, близъ устья, вскрылась 8 мая. Сѣверная часть лимана и заливъ Счастія, а также все пространство моря къ сѣверу отъ лимана, были затерты льдами до 20 іюня, такъ что достигнуть до устья рѣки Амуръ, чрезъ лиманъ ея, изъ залива Счастія, не представляется никакой возможности ранѣе 20 іюня. 2) Что онъ, прибывъ въ деревню Чнаръ-рахъ (на лѣвомъ берегу Амура, близъ ея устья), еще зимнимъ путемъ, едва только къ 10 іюня могъ добраться чрезъ горы на оленяхъ въ заливъ Счастія. Южная часть лимана очистилась отъ льда къ 15 мая, море же къ югу отъ лимана, по свѣдѣніямъ отъ гиляковъ, было чисто гораздо ранѣе, такъ что судно съ юга можетъ свободно войти въ рѣку около половины мая; и 4) что, по свѣдѣніямъ отъ туземцевъ, р. Амуръ, около устьевъ рѣкъ: Уссури и Сунгари, очищается отъ льда въ исходѣ марта, т. е. 5 недѣлями ранѣе чѣмъ устье.

Тщательно осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Орловымъ берега залива Счастія, мы нашли, что косика, составляющая восточный берегъ этого залива, представляетъ единственную мѣстность, къ которой могутъ подходить суда съ моря, для передачи грузовъ; почему 29 іюня 1850 г. мы и заложили здѣсь зимовье, названное мною *Петровскимъ*.

На основаніи свѣдѣній, полученныхъ мною отъ Орлова, намъ нельзя было оставаться въ Петровскомъ: во-первыхъ, оттуда невозможно было слѣдить за устьемъ р. Амуръ, за южною частью ея

лимана и за прибрежьемъ при-амурскаго края, а во-вторыхъ, прежде чѣмъ представится возможность достигнуть изъ Петровскаго этихъ мѣстъ, иностранцы, пришедшіе на судахъ съ юга, могутъ утвердиться въ нихъ. Кромѣ того, постоянное занятіе залива Счастія намъ было безполезно еще и въ томъ отношеніи, что заливъ этотъ, подобно Охотску, Аяну и вообще всѣмъ заливамъ Охотскаго моря, до исхода іюня бываетъ затертъ льдами, и суда въ заливѣ Счастія, подобно какъ и въ упомянутыхъ заливахъ, безъ вытаски на берегъ—зимовать не могутъ. Въ этомъ заливѣ, слѣдовательно, не могло быть и порта. По этимъ причинамъ я рѣшился идти въ р. Амуръ и тамъ: 1) изслѣдовать, не имѣется ли близъ устья рѣки мѣстности удобной для зимовья судовъ. 2) Развѣдать, въ какой степени достовѣрны свѣдѣнія, доставленныя г. Орловымъ, о состояніи южной части лимана и рѣки. 3) Узнать, въ какое время являются иностранныя суда въ Татарскомъ заливѣ и не подходятъ ли они къ лиману и 4) Чтобы, на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ, дѣйствовать нынѣ же рѣшительно, въ видахъ достиженія главной цѣли, объясненной въ представленіи моемъ генералъ-губернатору, въ ноябрѣ 1849 года.

Съ такимъ намѣреніемъ, взявъ съ собою переводчиками гиляка Позвейна и тунгуса Аоанасія, съ 6-ю человѣками вооруженныхъ матросовъ, на шлюпкѣ, вооруженной однофунтовымъ фалконетомъ, я отправился изъ Петровскаго по сѣверному каналу лимана въ р. Амуръ, оставивъ Д. П. Орлову слѣдующее распоряженіе:—

„Къ 1-му августа на оленяхъ, горою, прислать на мысъ Куегда 2-хъ матросовъ съ топографомъ, которые и должны тамъ ожидать до 10 августа; если же къ этому времени я туда не приду, то принять энергическія мѣры къ нашему розысканію. Если всѣ поиски останутся тщетными,—донести въ Аянъ, генералъ-губернатору и, оставивъ при себѣ на зимовку транспортъ въ Петропавловскѣ, продолжать дѣйствовать согласно Высочайшей волѣ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій отъ генералъ-губернатора“.

12 іюля, сѣвернымъ лиманскимъ фарватеромъ, я вошелъ въ р. Амуръ и поднялся вверхъ по оной до мыса и селенія Тыръ, лежащаго на правомъ берегу рѣки, противъ устья рѣки Амгунь, въ разстояніи отъ устья р. Амуръ около 100 верстъ. На этомъ пути подробно изслѣдовалъ протоку Нальво и сосѣднія съ нею протоки и нашелъ, что въ Нальво, между селеніями Мая и Нальво, могутъ совершенно безопасно зимовать суда. Эта мѣстность нахо-

дится въ 70 верстахъ отъ устья рѣки Амуръ, а отъ мыса Куегда—Константиновскаго полуострова, въ 35 верстахъ.

Подойдя къ мысу Тыръ, я увидѣлъ на берегу нѣсколько манджуровъ и толпу инородцевъ: гиляковъ и мангуновъ, до 200 челов.; они повидимому были озадачены появленіемъ нашей шлюпки. Выйдя здѣсь на берегъ въ сопровожденіи переводчиковъ Позвейна и Аоанасія, я подошелъ къ старшему изъ манджуровъ, котораго гиляки называли джангинъ, что значитъ богатый старикъ, купецъ: этотъ манджуръ сидѣлъ съ важностію на обрубкѣ дерева и тѣмъ показывалъ свое начальническое вліяніе на окружавшую его толпу манджуровъ и инородцевъ. Онъ важно и дерзко спросилъ меня, зачѣмъ и по какому праву я пришелъ сюда. Въ свою очередь и я спросилъ манджура, зачѣмъ и по какому праву онъ здѣсь находился. На это манджуръ еще съ большею дерзостію отвѣчалъ, что никто изъ посторонихъ, кромѣ ихъ, манджуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Я возразилъ ему, что такъ какъ русскіе имѣютъ полное и единственное право быть здѣсь, то я требую, чтобы онъ, манджуръ, съ своими товарищами, манджурами, немедленно оставилъ эти мѣста. На это манджуръ, указывая на окружавшую его толпу, потребовалъ отъ меня, чтобы я удалился и что, въ противномъ случаѣ, онъ принудитъ меня сдѣлать это силою, ибо никто, безъ дозволенія ихъ, манджуровъ, не можетъ сюда являться. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ знакъ окружавшимъ его манджурамъ, чтобы они приступили къ исполненію его требованія. Въ отвѣтъ на эту угрозу, я выхватилъ изъ кармана двухствольный пистолетъ и, направивъ его на манджура, объявилъ, что если кто-либо осмѣлится пошевелиться, чтобы исполнить это дерзкое требованіе, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ. Вооруженные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мнѣ. Такой, совершенно неожиданный для всѣхъ, поступокъ такъ ошеломилъ всю эту толпу, что манджуры сейчасъ же отступили, а инородцы, отдѣлившись отъ нихъ, начали смѣяться надъ ихъ трусостію и видимо были довольны этимъ дѣйствіемъ, давая тѣмъ знать, что они будутъ на моей сторонѣ. Джангинъ поблѣднѣлъ, немедленно соскочилъ съ своего мѣста и, кланяясь мнѣ, объяснилъ, что желаетъ со мною быть въ дружбѣ и проситъ меня къ себѣ, въ палатку, въ гости. Я согласился и узналъ отъ него: 1) что имъ запрещено спускаться сюда по рѣкѣ Амуръ, что они бываютъ здѣсь самовольно, съ вѣдома только лишь мелкихъ чиновниковъ города

Сень-Зина (около 300 верстъ отъ устья Сунгари), за что этимъ чиновникамъ они даютъ взятку соболями, которыхъ вымѣниваютъ у гиляковъ, гольди и мангуновъ на товары и, большею частію, на водку (араки); 2) что на всемъ пространствѣ по берегамъ рѣки Амуръ, до Каменныхъ горъ (Хинганъ), нѣтъ ни одного китайскаго или манджурскаго поста. Что всѣ народы, обитающіе на этомъ пространствѣ, по рѣкамъ Амуръ и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платятъ, и 3) что рѣка Амуръ при устьяхъ впадающихъ въ нее рѣкъ: Сунгари и Уссури, а равно и эти послѣднія вскрываются отъ льда гораздо ранѣе чѣмъ р. Амуръ въ этихъ мѣстахъ.

Гиляки и мангуны, прибывшіе сюда съ юго-западнаго берега Сахалина и береговъ Татарскаго залива, сообщили, что съ раннею весною приходятъ ежегодно въ Татарскій заливъ большія суда, останавливаются часто у береговъ, берутъ насильно у нихъ рыбу и дѣлаютъ различныя безчинства, за которыя ихъ никто не наказываетъ.

Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, я объявилъ манджурамъ и инородцамъ, что хотя русскіе давно здѣсь не бывали, но всегда считали рѣку Амуръ отъ Каменныхъ горъ (Хингана), а равно и всю страну съ моря, съ островомъ Карафту (Сахалинымъ), своею принадлежностью. Что же касается прихода въ эту страну иностранныхъ судовъ и причиняемыхъ ими насилій жителямъ, то они рѣшились принять противъ этого мѣры и поставить вооруженные посты въ заливѣ Искай (Счастія) и при устьѣ р. Амуръ, для защиты всѣхъ обитающихъ въ упомянутомъ краѣ жителей, которыхъ русскій Великій Царь (Пила-пали Джангинъ) принимаетъ отнынѣ подъ Свое высокое покровительство и защиту, о чемъ я, какъ посланный сюда отъ Царя для этой цѣли, имъ и объявляю. Для того же, чтобы было извѣстно это и иностраннымъ судамъ, приходящимъ къ берегамъ этого края, я приказываю предъявлять имъ мое объявленіе.

Это объявленіе, переданное мною гилякамъ и мунджурамъ, было такого содержанія:

„*Отъ имени Россійскаго правительства симъ объявляется всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ въ Татарскомъ заливѣ, что такъ какъ прибрежье этого залива и весь при-амурскій край, до корейской границы, съ островомъ Сахалинъ, составляютъ россійскія владѣнія, то никакія здѣсь самовольныя распоряженія, а равно и обиды обитающимъ инородцамъ, не могутъ быть допус-*

каемы. Для этого нынѣ поставлены россійскіе военные посты въ заливъ Искай и на устьи р. Амуръ. Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ или столкновеній съ инородцами, нижеподписавшійся, посланный отъ правительства уполномоченнымъ, предлагаетъ обращаться къ начальникамъ этихъ постовъ.“

За симъ, уладивъ къ обоюдному удовольствію жалобы инородцевъ на манджуровъ, съ которыми они ко мнѣ тутъ же обращались, я пошелъ обратно. 1 августа 1850 г. я достигъ мыса Куегда, и здѣсь, помолясь Господу Богу, въ присутствіи собравшихся изъ окрестныхъ деревень гиляковъ и при салютѣ изъ фалконета и ружей, **поднялъ русскій военный флагъ.** Оставивъ при флагѣ военный постъ, названный мною Николаевскимъ и состоявшій изъ 6 челов. матросовъ при фалконетѣ и шлюпкѣ, я самъ отправился, на оленяхъ, горою, въ Петровское. Оставленному здѣсь топографу я приказалъ сдѣлать береговую съемку рѣки Амуръ отъ этого поста до лимана, сѣверо-восточнаго матераго берега лимана и береговъ залива Счастія, до Петровскаго зимовья.

По прибытіи въ Петровское, я предъявилъ стоявшимъ на рейдѣ гамбургскому и американскому китобоямъ такого же содержанія объявленіе о принадлежности Россіи при-амурскаго края до корейской границы и Сахалина. Между тѣмъ, окрестные гиляки, узнавъ о распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ нашихъ на р. Амуръ, собрались ко мнѣ въ Петровское съ просьбою, чтобы русскіе оставались съ ними и ихъ защищали. Въ виду этого обстоятельства и въ виду бо́льшаго оправданія моихъ дѣйствій, я предложилъ гилякамъ, чтобы изъ ихъ среды отправилось со мною въ Аянъ два человѣка, съ тѣмъ, чтобы они засвидѣтельствовали въ Аянѣ это желаніе своихъ собратовъ и другихъ инородцевъ. Вслѣдствіе этого, вызвались слѣдовать со мною въ Аянъ гиляки Позвейнъ и Питкенъ. 2 сентября на транспортѣ „Охотскъ“, я прибылъ съ ними въ Аянъ. Тамъ они и объявили желаніе своихъ собратовъ начальнику порта, Кашеварову и бывшему въ то время въ Аянѣ проѣздомъ, камчатскому преосвященному Иннокентію. Гиляки эти просили, чтобы мы не уходили съ рѣки Амуръ и защищали ихъ, какъ отъ насилія манджужуровъ, такъ и отъ безчинствъ командъ съ китобойныхъ судовъ, все чаще и чаще появляющихся въ этихъ мѣстахъ, и наконецъ, заявили, что какъ они, такъ равно и всѣ инородцы вверхъ по рѣкѣ Амуръ до Каменныхъ горъ (Хингана), р. Уссури и до моря, никогда не были подвластны Китаю и ясака не платили.

Послѣ этого я приказалъ командиру транспорта „Охотскъ“ лейтенанту Гаврилову, взявъ семейство Орлова, продовольственные запасы и товары, слѣдовать на зимовку въ Петровское, для содѣйствія Д. И. Орлову, которому предписалъ: съ закрытіемъ р. Амуръ и ея лимана, перевести людей изъ Николаевскаго порта въ Петровское; передъ открытіемъ же рѣки снова поставить этотъ постъ въ усиленномъ видѣ и начать производить въ немъ постройки. Тщательно дѣлать на шлюпкѣ наблюденія надъ устьемъ р. Амуръ и ея лиманомъ къ югу. Собирать свѣдѣнія отъ туземцевъ о состояніи края и о судахъ, подходящихъ къ лиману съ юга и плавающихъ въ Татарскомъ заливѣ. Въ случаѣ встрѣчи съ этими судами или на берегу, съ ихъ командами, объявлять, что всѣ эти мѣста до нерчинской границы составляютъ русскія владѣнія. Наконецъ, съ открытіемъ навигаціи 1851 года, прислать въ Аянъ транспортъ „Охотскъ“ съ донесеніями.

О всѣхъ упомянутыхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ, по прибытіи въ Аянъ, я сейчасъ же послалъ съ нарочнымъ донесеніе генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву отъ 4-го сентября 1850 г. Вотъ отрывокъ этого донесенія:

„Изъ этого Ваше Превосходительство усмотрите, что оставаясь въ Петровскомъ и дѣйствуя только лишь въ предѣлахъ даннаго мнѣ Высочайшаго повелѣнія, опасенія мои, выраженныя Вамъ еще въ 1849 г. о возможной потерѣ для Россіи навсегда при-амурскаго края, если при настоящихъ открытіяхъ мы не будемъ дѣйствовать рѣшительно, могутъ легко осуществиться. Представленные мною факты подтверждаютъ эти опасенія. По этому вся моральная отвѣтственность предъ отечествомъ пала бы справедливо на меня, если бы въ виду этихъ фактовъ я не принималъ всевозможныхъ мѣръ къ отстраненію этого“.

„Осмѣливаюсь уповать, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, Государь Императоръ милостиво воззритъ на его вѣрноподданнаго, осмѣлившагося преступить его Высочайшее повелѣніе, при упомянутыхъ обстоятельствахъ“.

10 сентября я отправился изъ Аяна въ Иркутскъ, чтобы лично объяснить генералъ-губернатору о крайней необходимости принять рѣшительныя мѣры къ прочному утвержденію нашему въ нижне-при-амурскомъ краѣ, для чего усилить экспедицію судами и командами, согласно упомянутому моему мнѣнію, выраженному ему въ ноябрѣ 1849 года.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ уѣхалъ изъ Иркутска въ Петербургъ, оставивъ распоряженіе, чтобы я и М. С. Корсаковъ, по прибытіи въ Иркутскъ, слѣдовали немедленно къ нему въ Петербургъ. Поэтому въ половинѣ декабря 1850 года я вмѣстѣ съ Корсаковымъ прибылъ въ Петербургъ, въ то самое время, когда донесеніе мое, посланное изъ Аяна, по Высочайшему повелѣнію, передано было на разсмотрѣніе особаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ въ этотъ комитетъ, были: князь А. С. Меньшиковъ, Л. А. Перовскій и генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ.

Николай Николаевичъ объявилъ комитету, что дѣйствія мои были согласны съ его представленіемъ и мнѣніемъ. Князь А. С. Меньшиковъ и Л. А. Перовскій, поддерживая генералъ-губернатора, высказали, что кромѣ того, дѣйствія мои были вызваны важными обстоятельствами, встрѣченными мною на мѣстѣ и что послѣ этого слѣдуетъ не только усилить Николаевскій постъ, но въ устьѣ рѣки, ея лиманѣ и въ Татарскомъ заливѣ необходимо имѣть постоянно военное судно. Большинство членовъ комитета, въ особенности графъ Чернышевъ (военный министръ) и Несельроде (министръ иностр. дѣлъ), признали, что эти дѣйствія въ высшей степени дерзки и навлекаютъ на меня строжайшее наказаніе *), такъ какъ они противны Высочайшей волѣ и, кромѣ того, могутъ имѣть вредное вліяніе на дружескія отношенія наши съ Китаемъ и на выгодную для насъ, кяхтинскую торговлю. Потому, въ виду этого соображенія и въ виду того, что по донесеніи нашей миссіи изъ Пекина, китайское правительство имѣетъ уже на столько достаточное наблюденіе за нижне-при-амурскимъ краемъ, чтобы отстранить всякое покушеніе на него иностранцевъ съ моря, комитетъ положилъ: Николаевскій постъ снять и, согласно Высочайшей волѣ 1849 г., производить россійск.-америк. ком. изъ Петровскаго расторжку съ гиляками и другими инородцами, обитающими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, отнюдь не касаясь рѣки Амуръ, ея бассейна, Сахалина и береговъ Татарскаго залива.

---

*) Заключили меня разжаловать.

ГЛАВА XII.

Резолюція Государя Императора Николая I. — Распоряженія высшаго правительства по поводу послѣднихъ моихъ дѣйствій. — Возвращеніе мое въ Иркутскъ. — Женитьба.—Поѣздка въ Аянъ.—Переходъ въ Петровское на баркѣ „Шелеховъ".— Гибель барка. — Мои распоряженія въ Петровскомъ. — Прибытіе въ Николаевскій постъ. — Объявленіе гилякамъ. — Донесеніе генералъ-губернатору. — Отправленіе Н. М. Чихачева и Орлова вверхъ по р. Амгунь. —Ихъ донесеніе.— Развлеченія въ Петровскомъ. — Наше дружелюбное отношеніе къ инородцамъ. — Зимняя почта.—Жизнь и обычаи инородцевъ.—Свѣдѣнія, добытыя отъ нихъ о р. Амуръ и о краѣ. — Командировка Чихачева и Орлова. — Возвращеніе ихъ въ Петровское.—Исходъ 1851 года.—Окончательное занятіе устья р. Амуръ.

Въ особой аудіенціи, испрошенной у Его Величества, Государь Императоръ, выслушавъ со вниманіемъ объясненіе генералъ-губернатора о важныхъ причинахъ, побудившихъ меня къ такимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, изволилъ отозваться, что *поступокъ мой Онъ находитъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ* *) и изволилъ пожаловать мнѣ св. Владиміра 4 ст., на журналѣ же комитета написалъ: „**комитету собраться вновь подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Престола**» (нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича), и сказалъ: **гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ.**

Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ имѣлъ счастіе докладывать Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику о начатомъ уже мною водвореніи въ при-амурскомъ краѣ, о полученныхъ мною свѣдѣніяхъ о положеніи этого края и о народахъ, обитающихъ въ ономъ, и представилъ свои соображенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Комитетъ, въ присутствіи Государя Наслѣдника, разсмотрѣлъ вновь это дѣло и положилъ:

---

*) Передано мнѣ Н. Н. Муравьевымъ и Л. А. Перовскимъ.

1) Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки россійско-американской компаніи.

2) Никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать и отнюдь никакихъ мѣстъ не занимать.

3) Иностраннымъ судамъ, которыя обнаружили бы намѣреніе занять какой либо пунктъ около устья рѣки Амуръ, объявлять, что безъ согласія россійскаго и китайскаго правительствъ никакія произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы и что каждый изъ такихъ самовольныхъ поступковъ влечетъ за собою большую отвѣтственность.

4) Россійско-американской компаніи снабжать экспедицію запасами, товарами, гребными судами и строительными матеріалами. Для сооруженія же помѣщенія въ Петровскомъ и Николаевскомъ, охраненія оныхъ и для другихъ надобностей, назначить изъ сибирской флотиліи 60 чел. матросовъ и казаковъ, при 2-хъ офицерахъ и докторѣ, которымъ кромѣ казеннаго довольствія, по сибирскому положенію, производить особое вознагражденіе отъ компаніи, по соглашенію генералъ-губернатора Восточной Сибири съ главнымъ ея правленіемъ.

5) Если при упомянутомъ сейчасъ расходѣ и отъ торговли въ продолженіе 3-хъ лѣтъ р.-а. к. будетъ теритъ убытокъ, то по представленному ею расчету, правительство обязывается ее вознаградить, но однако никакъ не свыше 50,000 рубл.

6) Продовольствіе отъ казны изъ Петропавловска, а равно запасы и товары компаніи изъ Аяна, должны доставляться въ Петровское на казенныхъ судахъ.

7) Экспедицію эту назвать амурскою и начальникомъ ея во всѣхъ отношеніяхъ назначить капитана 1 ранга Невельскаго.

8) Экспедиціи этой, а равно всѣ дѣйствія и направленія ея, въ предѣлахъ настоящаго Высочайшаго повелѣнія, находиться подъ главнымъ начальствомъ и распоряженіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири.

и 9) Начальнику экспедиціи, равно и всѣмъ служащимъ въ оной офицерамъ даровать всѣ права и преимущества, какія опредѣлены закономъ начальнику охотскаго порта и служащимъ въ немъ офицерамъ.

Это постановленіе комитета 12 февраля 1851 г. было Высочайше утверждено и на основаніи онаго, отъ 16 февраля, дана мнѣ отъ генералъ-губернатора инструкція. Вмѣстѣ съ этимъ глав-

ное правленіе компаніи увѣдомило меня отъ того же числа депешею, что добавочное довольствіе должно производить отъ компаніи въ слѣдующемъ размѣрѣ: начальнику экспедиціи по 1500 руб. въ годъ, офицеру по 200 руб. и нижнимъ чинамъ по 40 рублей; требованія товаровъ и запасовъ отъ компаніи, въ предѣлахъ упомянутой суммы, а равно и отчеты агентовъ компаніи должны утверждаться мною.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, правительствующій сенатъ, отъ 15 февраля 1851 г., чрезъ трибуналъ внѣшнихъ сношеній, увѣдомилъ китайское правительство о предположеніи нашемъ имѣть наблюденіе за устьемъ р. Амуръ.

Таковы были распоряженія высшаго правительства по поводу послѣднихъ моихъ дѣйствій и таковы были ничтожныя средства, опредѣленныя на содержаніе и дѣйствіе нашей экспедиціи. Намъ назначалось на все не болѣе 17,000 р. въ годъ, тогда какъ въ то же время на содержаніе губернатора Камчатки и его канцеляріи опредѣлялось болѣе этой суммы. Изъ этого ясно, что мнѣ, какъ и въ первомъ случаѣ, не давалось ни правъ, ни средствъ принимать какія либо мѣры къ надлежащему нашему водворенію въ этомъ краѣ. Съ этими распоряженіями, въ половинѣ іюня, я прибылъ въ Охотскъ и, взявъ оттуда людей и казенное довольствіе, направился въ Аянъ, чтобы принять тамъ товары и запасы компаніи и оттуда вмѣстѣ съ транспортомъ „Охотскъ“, который долженъ былъ тамъ находиться въ исходѣ іюня, идти въ Петровское.

Неприбытіе въ Аянъ изъ Петровскаго транспорта „Охотскъ“ придавало нѣкоторое правдоподобіе разнесшимся въ то время въ Аянѣ слухамъ, будто бы команда въ Петровскомъ подвергается величайшимъ опасностямъ и даже будто она уничтожена. Имѣя въ виду это обстоятельство, я немедленно пошелъ изъ Аяна въ Петровское на транспортѣ „Байкалъ“, взявъ съ собою, для усиленія своихъ средствъ, прибывшій предъ симъ въ Аянъ компанейскій корабль „Шелеховъ“.

Между тѣмъ, проѣздомъ изъ Петербурга, я женился въ Иркутскѣ на дѣвицѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ельчаниновой, только что вышедшей изъ Смольнаго монастыря, племянницѣ бывшаго въ то время иркутскаго гражданскаго губернатора В. Н. Зорина. Эта молодая моя супруга рѣшилась переносить со мною всѣ трудности и лишенія пустынной жизни въ дикомъ негостепріимномъ краѣ, отброшенномъ за десятокъ тысячъ верстъ отъ образованнаго міра.

Съ геройскимъ самоотверженіемъ и безъ малѣйшаго ропота она вынесла всю трудность и лишенія верховой ѣзды по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ и ледникамъ охотскаго тракта, сдѣлавъ этотъ верховой переѣздъ въ 1,100 верстъ въ 23 дня. Жена моя, съ первой же минуты прибытія своего въ Петровское, показала необыкновенное присутствіе духа и стойкое хладнокровіе. Компанейскій баркъ „Шелеховъ“, на которомъ я съ нею находился, подходя къ заливу Счастія, по случаю внезапно открывшейся течи *), не смотря на всѣ мѣры, началъ погружаться въ воду, такъ что только благопріятный вѣтеръ на берегъ и близость мели дозволили немедленно спуститься на послѣднюю и тѣмъ избавить всѣхъ отъ угрожавшей опасности потопленія. Въ то время, когда „Шелеховъ“ всталъ на мель, всѣ палубы были уже наполнены водою и баркъ погрузился почти до русленей. Въ то же время, предъ входомъ въ заливъ Счастія, сѣлъ на мель сопровождавшій насъ транспортъ „Байкалъ“. Выстрѣловъ нашихъ не было слышно въ Петровскомъ и потому отвѣта на нихъ не было и, кромѣ того, мрачность не дозволяла видѣть изъ Петровскаго наши суда. Это обстоятельство и толпа дикихъ, собравшихся на лежавшей передъ нами кошкѣ, подтверждали, казалось, упомянутые неблагопріятные слухи, распространенные въ Аянѣ. Положеніе наше у пустыннаго негостепріимнаго берега, при судахъ, изъ коихъ одно лежало на банкѣ затонувшимъ, а другое сидѣло на мели, было весьма опасное и критическое.

Семейства 5-ти матросовъ, взятыхъ изъ Охотска и вся команда барка „Шелеховъ“ соединились на верхней палубѣ, единственномъ мѣстѣ, гдѣ не было воды, и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали избавленія отъ этого опаснаго убѣжища, которое могло мгновенно измѣнить, при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ съ моря. Въ это время капитанъ барка, лейтенантъ В. И. Мацкевичъ, поступившій въ экспедицію юный лейтенантъ Н. К. Бошнякъ и помощники лейтенанта Мацкевича просили жену мою съѣхать первой на транспортъ „Байкалъ“. „Мужъ мой говорилъ мнѣ, что при подобномъ несчастіи командиръ и офицеры съѣзжаютъ съ корабля послѣдними“, отвѣчала имъ Екатерина Ивановна,—„я съѣду

*) По освидѣтельствованіи барка коммиссіею подъ предсѣдательствомъ командира корвета „Оливуца“, капитанъ-лейтенанта П. Н. Сущева, оказалось, что у форштевня отошли двѣ обшивныя доски.

съ корабля тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на немъ; прошу васъ заботиться о нихъ". Такъ жена моя и поступила.

Между тѣмъ вѣтеръ стихъ и мрачность разсѣялась. Гиляки собрались на кошкѣ, чтобы помочь намъ выйти на берегъ и дали знать въ Петровское, откуда немедленно были высланы 2 шлюпки. „Байкалъ" съ прибылою водою снялся съ мели и всѣ семейства и команда были перевезены благополучно съ барка. Всѣ слухи, распространенные въ Аянѣ, оказались ложными.

Остававшіеся въ Петровскомъ гг. Орловъ и Гавриловъ успѣли выстроить 3 домика для помѣщенія офицеровъ, 30 челов. команды и товаровъ. Мнѣ съ женою пришлось на первое время раздѣлить флигель въ 2 комнаты съ семействомъ Орлова.

Гг. Орловъ и Гавриловъ сообщили мнѣ: 1) что, согласно моему распоряженію, транспортъ „Охотскъ", съ открытіемъ навигаціи въ Петровскомъ, началъ готовиться къ походу, но сдѣлавшаяся внезапно буря съ сильнымъ ледоходомъ по заливу, выбросила транспортъ на берегъ. Кромѣ того, по гнилости транспорта, въ немъ открылась такая сильная течь, что не было никакой возможности выйти въ море. 2) Что послѣднимъ зимнимъ путемъ Орловъ съ 8 чел. отправился на мысъ Кугда, чтобы срубить домикъ для Николаевскаго поста, но только что онъ началъ рубить лѣсъ для этого, гиляки сосѣднихъ деревень встревожились и объявили ему, что манджуры имъ строго приказали не дозволять русскимъ здѣсь селиться и что изъ Сень Зина, съ открытіемъ рѣки, придетъ сюда большая сила для истребленія здѣсь всѣхъ русскихъ и для наказанія смертію тѣхъ гиляковъ, которые будутъ помогать имъ. Поэтому г. Орловъ, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, которыя могли бы повредить нашимъ дѣйствіямъ, впредь до прибытія подкрѣпленій, оставилъ рубку лѣса и ограничился только лишь тѣмъ, что съ открытіемъ навигаціи послалъ въ лиманъ шлюпку наблюдать за устьемъ рѣки Амуръ *). 3) Что всѣ сношенія его съ окрестными гиляками были дружественны и чрезъ нихъ онъ узналъ, что нынѣ, раннею весною, плавали въ Татарскомъ заливѣ большія суда, доходившія до лимана. Наконецъ, 4) что за два дня до нашего прихода, стояло на петровскомъ рейдѣ американское кито-

*) Это обстоятельство вѣроятно и было поводомъ къ распространенію упомянутыхъ слуховъ въ Аянѣ.

бойное судно. Шхиперъ его съѣзжалъ на берегъ и г. Орловъ объявилъ ему, что все прибрежье Татарскаго залива до Кореи и вся эта страна составляетъ русское владѣніе.

Въ Петровское прибыли со мною: 22-хъ-лѣтній лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, прапорщикъ корпуса штурмановъ А. И. Воронинъ, докторъ Орловъ, топографъ Штегеръ, 30 челов. матросовъ и казаковъ, изъ которыхъ 5 челов. семейныхъ и прикащикъ р.-а. компаніи, якутскій мѣщанинъ Березинъ; такимъ образомъ вся команда амурской экспедиціи, съ командой транспорта „Охотскъ", составилась въ 70 человѣкъ.

По прибытіи въ Петровское, все наше вниманіе было обращено на разгрузку барка „Шелеховъ", лежавшаго на банкѣ, въ 10 миляхъ отъ Петровскаго, что было сопряжено съ большими трудами и препятствіями. Къ счастію, стояла постоянно тихая погода, а пришедшій на петровскій рейдъ военный корветъ „Оливуца", подъ командою капитана Сущева, помогъ этому дѣлу. При благородномъ и ревностномъ содѣйствіи капитана корвета „Оливуца" *) и при энергической дѣятельности лейтенанта Мацкевича и всѣхъ командъ, разгрузка барка скоро была кончена и весь грузъ его, кромѣ соли и сахара, былъ спасенъ. Спасли также рангоуты и весь такелажъ, всѣ же усплія къ снятію барка съ мели остались тщетны. Баркъ „Шелеховъ" былъ купленъ компаніею въ Санъ-Франциско и, какъ оказалось, компанія, въ этомъ случаѣ, была обманута; ибо, по осмотрѣ барка коммисіею, подъ предсѣдательствомъ командира корвета И. Н. Сущева, было найдено, что подводная часть его скрѣплена до такой степени слабо, что держалась только на одной обшивкѣ; такъ что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ съ моря баркъ сейчасъ же развалился и отъ него не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Сдѣлавъ распоряженіе о выгрузкѣ барка и о снятіи его корпуса, я послалъ мичмана Н. М. Чихачева съ топографомъ Поповымъ, для наблюденія за южною частію лимана и для подробной съемки берега южнаго пролива. (Н. М. Чихачевъ поступилъ въ экспедицію съ корвета „Оливуца"). Самъ же я съ лейтенантомъ Бош-

*) Корветъ „Оливуца", подъ командою капитанъ-лейтенанта Ивана Николаевича Сущева, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ январѣ 1850 г., осенью того-же года былъ посланъ изъ Кронштадта для крейсерства въ Камчатскомъ и Охотскомъ моряхъ и на службу въ Камчатку, для подкрѣпленія Петропавловскаго порта.

някомъ, прикащикомъ Березинымъ и съ 25 чел. вооруженныхъ людей, на байдаркѣ и вельботѣ отправился чрезъ лиманъ въ р. Амуръ, для подкрѣпленія Николаевскаго поста, содержавшагося въ то время посланною Орловымъ изъ Петровскаго 4-хъ весельною, вооруженною одно-фунтовымъ фалконетомъ, шлюпкою. По прибытіи на мысъ Куегда, я собралъ окрестныхъ гиляковъ и объявилъ имъ, „чтобы они не вѣрили манджурскимъ торгашамъ и не слушались ихъ. Если кто-либо изъ нихъ будетъ распускать враждебные для насъ слухи, то чтобы таковыхъ представляли въ Николаевскъ, гдѣ они будутъ строго наказаны, а равно будутъ строго наказываемы и тѣ изъ гиляковъ и изъ другихъ инородцевъ, которые осмѣлятся намъ угрожать, а тѣмъ болѣе изъявлять противъ насъ какіе-либо враждебные поступки. Вся эта страна русская и мы не дозволимъ никому здѣсь распоряжаться. Манджуровъ же мы не боимся и заставимъ ихъ насъ уважать и бояться“.

Назначивъ лейтенанта Н. К. Бошняка начальникомъ Николаевскаго поста, я приказалъ ему: 1) постоянно имѣть при постѣ военный флагъ и при флагѣ и орудіи держать караулъ, имѣя всегда часоваго; 2) построить на зиму помѣщеніе для команды, и 3) прикащику Березину начать производить расторжку съ инородцами. Сдѣлавъ эти распоряженія, 29 іюля, я на вельботѣ возвратился въ Петровское. Съ корветомъ „Оливуца“, отправлявшимся 1-го августа въ Аянъ, съ командою затопувшаго барка „Шелеховъ“, я послалъ донесеніе, какъ объ этомъ происшествіи, такъ и о распоряженіяхъ моихъ, генералъ губернатору и депешею увѣдомилъ главное правленіе рос.-амер. компаніи о гибели барка. Въ заключеніи донесенія моего генералъ-губернатору, я писалъ: „Изъ приложеннаго при семъ акта коммиссіи, свидѣтельствовавшей во всей подробности баркъ „Шелеховъ“, Ваше Превосходительство усмотрите, что надобно благодарить Господа, что это происшествіе, обнаружившее всю ненадежность барка, случилось у берега, на который была возможность спасти людей и весь почти грузъ барка съ его вооруженіемъ, ибо въ такомъ его состояніи, какое оказалось при его осмотрѣ, онъ неминуемо погибъ бы въ океанѣ, при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ съ значительною качкою, на переходѣ, который ему предстоялъ изъ Аяна въ Ситху“.

По прибытіи мичмана Н. М. Чихачева изъ южнаго пролива лимана, я отправилъ его вмѣстѣ съ Орловымъ на 6-ти весельной шлюпкѣ вверхъ по рѣкѣ *Амгунь*, съ цѣлью ознакомленія съ этимъ

большимъ притокомъ рѣки Амуръ, впадающимъ въ Амуръ близъ Николаевскаго поста, а равно и съ цѣлію собранія предварительныхъ свѣдѣній отъ туземцевъ о путяхъ, ведущихъ съ этой рѣки къ Хинганскому хребту, изъ котораго она беретъ свое начало. Мнѣ нужны были эти свѣдѣнія, потому что первое, что я предположилъ сдѣлать,—это разрѣшить пограничный вопросъ, т. е. обслѣдовать направленіе этого хребта отъ верховьевъ р. Уди.

Посланные офицеры, войдя въ р. Амгунь по протокѣ, соединяющей ее съ протокою Пальво (обслѣдованною мною въ 1850 году) и поднявшись по Амгуни до селенія Керветъ, 3 октября возвратились въ Петровское и донесли мнѣ: а) что рѣка Амгунь значительна и судоходна и направленіе теченія имѣетъ вообще сѣверо-восточное; б) по словамъ туземцевъ, она выходитъ изъ тѣхъ же горъ, изъ которыхъ берутъ начало рѣки: Уди, Тугуръ, Бурея и Зея. Туземцы селенія Керветъ (Самагиры) называютъ эти горы Хинга,—что значитъ каменныя, большія. Истокъ рѣки Амгунь, по ихъ словамъ, гораздо южнѣе истоковъ рѣкъ Уди, Тугура и Буреи. Къ рѣкѣ Амгунь близко подходитъ рѣка такой же величины—Гиринь, которая также беретъ начало изъ этихъ горъ, но истокъ этой послѣдней южнѣе истока Амгуни. Отъ селенія Керветъ до упомянутаго хребта, по Амгуни, они ѣздятъ на собакахъ около 15 дней. в) Что самагиры ни отъ кого независимы и ясака не платятъ. Они приняли гг. Чихачева и Орлова весьма радушно и жаловались, что манджуры, пріѣзжающіе къ нимъ для торговли, обманываютъ ихъ и дѣлаютъ различныя безчинства и, въ заключеніе, просили, чтобы мы перебрались къ нимъ.

Къ половинѣ октября въ Николаевскомъ были готовы двѣ юрты, обнесенныя засѣками, а въ Петровскомъ—флигель въ 3 саж. ширины и 5 саж. длины, для нашего помѣщенія. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось изъ лѣса прямо съ корня; печи же, или, лучше сказать, чувалы (въ родѣ каминовъ), были или сбиты изъ глины, или сложены изъ сыраго кирпича, безъ всякихъ оборотовъ, съ пролетомъ на прямую. Ясно, что жить въ подобныхъ хоромахъ было далеко не комфортабельно; во время мятелей (пургъ), случавшихся нерѣдко на открытой кошкѣ, всѣ строенія были заметаемы снѣгомъ, такъ что попадать въ нихъ не иначе было возможно, какъ чрезъ чердаки. Много стоило труда, чтобы разгрести окна для свѣта и двери для входа; прибавьте еще къ этому, что мы были окружены въ нѣсколько разъ превышавшимъ

насъ по численности, дикимъ народомъ, у котораго ножъ и физическая сила составляютъ единственное право. Ближайшій къ намъ, сколько нибудь цивилизованный пунктъ—Аянъ лежалъ въ 1000 верстахъ пустыннаго и бездорожнаго пространства, по которому тунгусы, верхомъ на оленяхъ, едва могли добираться въ 5 или 6 недѣль.

Не смотря на все это и на различныя лишенія и недостатки въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ для цивилизованнаго человѣка, офицеры и команды, по примѣру образованной и молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой въ эту ужасную пустыню и раздѣлявшей наравнѣ съ нами, безъ всякаго ропота, всѣ эти лишенія и опасности, переносили ихъ твердо и бодро, сознавая долгъ свой и пользу отъ ихъ трудовъ для отечества.

Главнымъ и единственнымъ, общимъ для всѣхъ развлеченіемъ, лѣтомъ, было катанье по заливу на гиляцкихъ лодкахъ, а зимою на собакахъ. При этомъ всѣ мы и Екатерина Ивановна надѣвали оленьи парки (въ родѣ стихаря), ибо всякая другая одежда была неудобна для такой дикой ѣзды, какая принята въ томъ краѣ.

Разъ предупрежденное энергическими мѣрами, готовившееся возстаніе нѣсколькихъ селеній инородцевъ, подстрекаемыхъ къ этому манджурскими купцами-кулаками, которымъ мы дѣлались соперниками въ торговлѣ и, главное, не дозволяли спаивать дикарей и нахально обирать ихъ, наказывая за это *по русски*, въ присутствіи гиляковъ; строгое соблюденіе нами какъ бы освященныхъ для дикихъ ихъ обычаевъ *) и, наконецъ, строгое взысканіе при нихъ же и съ нашихъ людей за всякую причиненную имъ обиду,—постепенно располагали инородцевъ въ нашу пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши пушки, вооруженный видъ команды, обычная церемонія при подъемѣ и спускѣ военнаго флага и, наконецъ, совершавшаяся каждое воскресенье и праздникъ молитва, при которой дозволялось имъ присутствовать, поселяли къ намъ страхъ, уваженіе и убѣжденіе, что мы пришли къ нимъ не съ тѣмъ, чтобы ихъ порабощать, какъ старались внушать имъ кулаки манджуры, но, напротивъ, защищать ихъ отъ всякихъ насилій и не касаться ихъ

*) Самымъ священнымъ обычаемъ у нихъ было не выносить изъ юрты огня и ложиться на нары, которыя окружали стѣны ихъ юртъ, непремѣнно головой не къ стѣнѣ какъ обыкновенно у насъ принято, а отъ стѣны, и прочія мелочи, которымъ не трудно было уступать.

обычаевъ, сдѣлавшихся у нихъ какъ бы священными—жизненными. Они скоро поняли, что мы не хотимъ благодѣтельствовать ихъ нашими реформами, несродными имъ и несоотвѣтствующими и, наконецъ, что мы глубоко вникаемъ въ ихъ нравы и обычаи и манджуровъ не боимся.

Ласковое обращеніе со всѣми пріѣзжавшими въ наши посты инородцами еще болѣе успливало въ нихъ упомянутое убѣжденіе. Они охотно, безъ всякаго опасенія, все чаще и чаще начали являться въ Николаевское и въ особенности въ Петровское, гдѣ Екатерина Ивановна усаживала ихъ въ кружекъ на полъ, около большой чашки съ кашей или чаемъ, въ единственной, бывшей во флигелѣ у насъ, комнатѣ, служившей и заломъ, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобнымъ угощеніемъ, весьма часто тревожили хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ. Не смотря на то, что это общество никогда немывшихся дикарей, одѣтыхъ въ собачьи шкуры, пропитанныя первичьимъ жиромъ, было невыносимо тягостно не только для молодой образованной женщины того круга, къ которому принадлежала моя жена, но и для всякой крестьянки, Екатерина Ивановна переносила съ полнымъ самоотверженіемъ какъ эти посѣщенія, такъ и ихъ послѣдствія, т. е. грязь и зловоніе, которыя оставляли послѣ себя гости въ единственной нашей комнатѣ. Она понимала, что только этимъ путемъ мы могли пріобрѣтать понятія о странѣ пустынной и неизвѣстной, въ которой намъ предстояло дѣйствовать для блага отечества. Такой радушный пріемъ развязывалъ языки нашимъ гостямъ: гиляки и другіе инородцы съ охотою и откровенностію разсказывали намъ о положеніи края, о рѣкахъ, его орошающихъ, о путяхъ, по которымъ они ѣздятъ на нартахъ и лодкахъ, о затрудненіяхъ и опасностяхъ, какія могутъ встрѣтиться при этихъ поѣздкахъ и о средствахъ къ отстраненію оныхъ. Наконецъ, они знакомили насъ съ нравами, обычаями, образомъ жизни и вообще съ положеніемъ и состояніемъ инородцевъ, обитавшихъ въ этомъ краѣ.

Весьма естественно, что подобныя свѣдѣнія были далеко неудовлетворительны; такъ напримѣръ: при вопросѣ о разстояніи между пунктами, гилякъ чертилъ на полу мѣломъ или углемъ палки, означавшія число ночей, которыя надобно спать, чтобы, слѣдуя на собакахъ, или въ ихъ лодкѣ, достигнуть извѣстнаго мѣста. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти и подобныя свѣдѣнія давали намъ по-

нятіе о времени и препятствіяхъ, какія нужно ожидать при изслѣдованіи страны и на что обращать больше вниманія, тѣмъ болѣе, что средства наши для этой цѣли состояли тогда изъ тѣхъ же нартъ съ собаками и утлыхъ гилякскихъ лодокъ. Кромѣ того, безъ предварительныхъ свѣдѣній о такой огромной и пустынной странѣ, которая рисовалась намъ на картахъ, по однѣмъ легендамъ, большею частію ложнымъ, нельзя было и составить по возможности практическаго плана для дѣйствій, который направлялъ бы къ главной цѣли. Между тѣмъ, таковой планъ былъ необходимъ, ибо всякая командировка въ край, особенно въ видахъ прочнаго водворенія въ оном, какъ выше видѣли, мнѣ строго была запрещена, а потому лежала единственно на моей отвѣтственности. Ясно, что при такомъ положеніи, прежде чѣмъ рѣшиться предпрінять командировку, необходимо было уяснить не только практическую возможность ея исполненія съ нашими ничтожными средствами, но и вполнѣ взвѣсить степень безопасности посылаемыхъ и дать имъ такія подробныя наставленія, которыя отстранили бы эти опасности и затрудненія. Главная цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы фактически объяснить правительству значеніе для Россіи этого края на отдаленномъ нашемъ востокѣ; для этого предстояло разрѣшить намъ, какъ я выше упомянулъ, два вопроса: вопросъ *пограничный* и вопросъ *морской*, обусловливавшій значеніе для Россіи при-амурскаго края въ политическомъ отношеніи.

Къ ноябрю мѣсяцу всѣ команды въ Петровскомъ и Николаевскомъ были, по возможности, размѣщены на зиму, и николаевскій постъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ и товарами. Къ этому же времени съ тунгусами, прикочевавшими на Петровскую кошку изъ удскаго края, было заключено условіе о доставленіи зимнимъ путемъ, верхомъ на оленяхъ, писемъ и денегъ въ Аянъ; они взялись отвозить въ Аянъ изъ Петровскаго почту не болѣе 2 разъ въ зиму. Лѣтомъ почта отъ насъ должна была доставляться въ Аянъ на казенныхъ судахъ, совершавшихъ рейсы между Аяномъ и Петровскимъ. Это обыкновенно случалось 2 или 3 раза въ лѣто. Такимъ образомъ мы имѣли свѣдѣнія изъ Россіи въ продолженіе года не болѣе 4 или 5 разъ. Особаго судна для экспедиціи назначено не было, потому что вся камчатская флотилія состояла изъ 2 транспортовъ („Байкалъ“ и „Иртышъ“) и 2 ботовъ („Кадьякъ“ и „Камчадалъ“). Эти суда постоянно были заняты снабженіемъ Петропавловска, который силились возвести тогда на степень главнаго на-

шего порта на Восточномъ океанѣ. Эти же суда должны были развозить продовольствіе въ Гижигу, Тягиль, Большерѣцкъ и Нижнекамчатскъ, а потому отдѣлять какое-либо изъ нихъ для экспедиціи не представлялось никакой возможности.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ приказалъ зимою 1850 на 1851 годъ выстроить въ Охотскѣ ботъ для экспедиціи, но, по случаю переноса этого порта въ Петропавловскъ, распоряженія Николая Николаевича исполнить не могли и, вмѣсто бота, въ сентябрѣ 1852 г., доставлена была въ Петровское, на ботѣ „Кадьякъ“, только часть такелажа и паруспны, которые предназначались на вновь строившійся ботъ. „Кадьякъ“, по случаю открывшейся въ немъ сильной течи, не могъ возвратиться въ Петропавловскъ и остался на зимовку въ Петровскомъ. Къ навигаціи мы, по возможности, исправили его и я надѣялся, что по крайней мѣрѣ онъ останется при экспедиціи, но эта надежда осталась тщетною. Послѣ перваго же рейса, сдѣланнаго имъ изъ Петровскаго въ Аянъ, по распоряженію камчатскаго губернатора, онъ былъ взятъ изъ экспедиціи и отправленъ съ продовольствіемъ въ Гижигу.

Суда россійско-американской компаніи, плававшія между Ситхою и Аяномъ, по условію правительства съ компаніею, не обязаны были заходить въ Петровское. Если въ продолженіе 3 лѣтъ и являлось иногда одно изъ этихъ судовъ на петровскомъ рейдѣ, то это дѣлалось единственно по милости и сердоболію начальника аянскаго порта Кашеварова, и то только въ такихъ случаяхъ, когда безъ прихода этого судна всѣмъ намъ угрожала чуть не голодная смерть.

Въ какой степени была правильна и надежна зимняя почта наша, отбывавшаяся, какъ мы сейчасъ видѣли, тунгусами, на оленяхъ, показываетъ слѣдующее обстоятельство: весьма нерѣдко тунгусъ, отправленный съ почтою изъ Петровскаго, чрезъ двѣ или три недѣли возвращался съ дороги обратно, съ объясненіемъ, что онъ мало взялъ съ собою пороху и чаю; онъ вѣшалъ въ подобныхъ случаяхъ сумку съ почтою на березу и просилъ, чтобы пополнили эти запасы.

Послѣ вышензложеннаго, естественно, что тунгусъ съ почтою изъ Аяна и наше судно съ моря встрѣчались въ Петровскомъ всѣми съ особеннымъ чувствомъ, которое могутъ понять только люди, заброшенные между дикарями въ пустыню, отрѣзанную отъ всего цивилизованнаго міра. Въ особенности это было ощутительно для моей жены, попавшей въ такую ужасную обстановку.

Не мало труда стоило намъ пріучить гиляковъ и другихъ инородцевъ къ благовременному доставленію писемъ изъ нашихъ постовъ и отъ лицъ, командированныхъ въ новый край. Инородцы не понимали что позднее исполненіе подобныхъ порученій утрачиваетъ ихъ значеніе. Они считали, что когда бы ни доставить *писку* (какъ они называли письмо и всякую бумагу), все равно, лишь бы только она была доставлена. Такъ, часто случалось, что изъ Николаевскаго привозилъ мнѣ гилякъ письмо чрезъ 2 или 3 мѣсяца, а отъ офицеровъ, командированныхъ дальше, случалось получать корреспонденцію еще позже этого времени, а иногда письмо придетъ только тогда, когда пославшій его офицеръ уже возвратился. Точно также не малаго стоило труда, чтобы, безъ всякихъ потрясеній жизни и обычаевъ инородцевъ, внушить имъ понятіе о старшемъ и вообще о начальствѣ, какъ то разумѣется у образованныхъ народовъ.

Инородцы не имѣли никакого понятія ни о правѣ, ни о старшинствѣ. Единственное право, какъ я выше замѣтилъ, они считали ножъ и физическую силу и полагали, что безъ этого возможно исполнить только тогда, когда имъ угодно—и то за такіе товары, какіе имъ понравятся. Въ этомъ-то смыслѣ они и называли джангиномъ и пила-джангиномъ (богатый купецъ) только того, кто, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, даетъ имъ болѣе или менѣе *пось* (китайки и вообще матеріи) и тамча (табаку). Такъ, напримѣръ, глядя на имѣвшійся у меня портретъ **Государя Императора**, они говорили, что это долженъ быть пили-пили-джангинъ, т. е. физически сильный человѣкъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ много даетъ пось и тамча.

Надобно было глубоко изучить ихъ жизнь и обычаи, замѣнявшіе у нихъ законы, чтобы навести ихъ на необходимость имѣть въ селеніяхъ такого человѣка, къ которому мы могли бы обращаться съ приказаніями и который, въ свою очередь, могъ бы требовать отъ нихъ безпрекословнаго исполненія. Привести къ этому убѣжденію инородцевъ нижнеамурскаго края много помогло намъ знаніе существовавшихъ у нихъ обычаевъ, принимавшихся ими за коренные и непреложные законы, въ родѣ помѣстнаго права, разумѣется въ самомъ грубомъ видѣ.

Инородцы вообще живутъ значительными селеніями (отъ 15 до 200 душъ и болѣе); эти селенія состоятъ изъ юртъ, въ родѣ большихъ сараевъ, по стѣнамъ которыхъ устроены широкія теплыя

нары, нагрѣваемыя идущими отъ очаговъ трубами. Посреди юрты, между четырьмя столбами, находится возвышеніе, на которомъ спятъ собаки; въ большей части юртъ находится тутъ-же привязанный къ столбамъ медвѣженокъ или медвѣдь, съ которымъ они забавляются. Подъ потолкомъ юрты растянуто нѣсколько жердей, на которыхъ они вѣшаютъ свою одежду и всяхую рухлядь. Въ очагахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ входной двери, вмазаны котлы, въ которыхъ они готовятъ пищу и для себя, и для собакъ, и для медвѣдя. При каждой изъ таковыхъ юртъ, по берегу рѣки, устроены на возвышеніи, на столбахъ, небольшіе чуланы, служащіе для храненія запасовъ рыбы, ягодъ, кореньевъ, юколы и нерпичьяго жира—продуктовъ ихъ пищи и, наконецъ, противъ каждаго сарая находится нѣсколько положенныхъ на козла жердей; на эти жерди гилячки вѣшаютъ чищеную рыбу, изъ которой мясо идетъ на пищу людей, а средина—кости—для собакъ. Рыба эта, провяленая на солнцѣ, называется у нихъ юколою и составляетъ самую главную необходимость для инородца, все равно какъ у насъ хлѣбъ и соль. Такая юрта или сарай со всѣми къ ней принадлежностями составляетъ хозяйство инородца. Сооружаетъ это хозяйство обыкновенно одно семейство, но поселиться въ юртѣ и пользоваться этимъ хозяйствомъ можетъ всякій изъ инородцевъ, который не имѣетъ онаго, хотя бы то былъ пришелецъ, совершенно посторонній и незнакомый хозяину юрты. Здѣсь-то и проявляется право хозяина, именно: онъ назначаетъ число мѣстъ на нарахъ, которыя могутъ быть отведены для постороннихъ и назначаетъ по своему усмотрѣнію работы, которыя должны исполнять въ его пользу пришельцы; онъ же наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ пришельцами самыхъ священныхъ для нихъ обычаевъ (въ родѣ религіи), состоящихъ въ томъ, чтобы никто не ложился на нары головой къ стѣнѣ и чтобы никто не выносилъ изъ юрты огня. Они были убѣждены, что, въ случаѣ неисполненія этого въ какой-либо деревнѣ, всѣ жители ея должны умереть и все уничтожиться. Неисполненіе этого обычая кѣмъ либо изъ пришельцевъ, а равно буйство и неисполненіе обязанностей, возложенныхъ хозяиномъ, влечетъ за собой немедленное изгнаніе гостя, и въ этомъ случаѣ хозяева остальныхъ юртъ, подъ страхомъ немедленной казни (ножемъ или утопленіемъ), не могутъ укрыть или пріютить изгнанника.

Послѣ всего сказаннаго, не странно ли мнѣ было получать почти съ каждой почтой наставленія и приказанія изъ петербург-

скихъ канцелярій, чтобы я главнымъ образомъ старался входить въ сношеніе съ старшинами инородцевъ, принимавшихся въ Петербургѣ за какихъ-то вассальныхъ китайскихъ князей. Мнѣ писали, чтобы я заключилъ съ ними условія, въ родѣ торговыхъ трактатовъ, какія заключаются только между образованными націями и, наконецъ, чтобы подъ строгою отвѣтственностью я отнюдь не распространялъ своихъ дѣйствій далѣе Николаевска.

Все что можно было вывести изъ свѣдѣній, доставленныхъ упомянутымъ путемъ, инородцами, въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: 1) Что рѣка Амуръ около селенія Кизи довольно близко подходитъ къ морскому берегу. 2) Что въ недальнемъ разстояніи отъ селенія Коль лежатъ озера и что рѣки, впадающія въ эти озера, близко подходятъ къ рѣкамъ Тугуръ и Амгунь; что всѣ рѣки эти берутъ свое начало изъ того же хребта горъ, изъ котораго выходятъ рѣки: Уди, Гиринь и Бурея. 3) Что одно изъ озеръ, Ухдыль, посредствомъ протоки Уй, при селеніи Ухтре, соединяется съ рѣкою Амуръ, и что берега этой протоки, сколько можно было понять изъ объясненій гиляковъ, должны быть удобны къ заселенію и основанію на нихъ элинга. 4) Что въ селеніе Ухтре, на озерѣ Ухдыль и ближайшія къ нему селенія Пуль и Кальмъ, лежащія на лѣвомъ беру рѣки Амуръ, пріѣзжаютъ, по первому зимнему пути, манджуры, для торговли съ инородцами. 5) Что путь вверхъ по Амуру, до селенія Кизи, а равно и путь чрезъ селеніе Коль и озеро Чли, ближайшее къ этому селенію, до селенія Ухтре, представляются путями безопасными и болѣе другихъ проѣзжими. Чтобы достигнуть изъ Петровскаго до селенія Кизи, по словамъ гиляковъ, надобно спать отъ 12 до 15 ночей, а до селенія Ухтре отъ 15-ти до 18 ночей.

Въ виду этихъ свѣдѣній, прежде чѣмъ приступить къ положительнымъ изслѣдованіямъ, клонившимся къ разрѣшенію упомянутыхъ 2-хъ вопросовъ: *пограничнаго* и *морскаго*, я счелъ необходимымъ сдѣлать предварительную рекогносцировку къ юго-востоку и юго-западу. Поэтому, 10-го ноября, я командировалъ по первому направленію мичмана Чихачева, до селенія Кизи, а по второму— прапорщика Орлова, чрезъ селеніе Коль, до селенія Ухтре.

Мичманъ Чихачевъ съ прикащикомъ Березинымъ, однимъ гилякомъ и однимъ казакомъ отправился въ путь, на двухъ нартахъ. Офицеру этому приказано было, главное, собирать свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ съ рѣки Амуръ въ болѣе или менѣе закрытые за-

ливы, лежащіе на прибрежьѣ Татарскаго залива, а равно о состояніи этого прибрежья и о плавающихъ въ заливѣ судахъ. Знакомясь съ туземцами, ихъ обычаями и образомъ жизни, стараться узнавать отъ нихъ о положеніи края, въ видахъ успѣшности и безопасности предстоящихъ командировокъ. Прикащику же Березину поручить вступать въ торговыя сношенія съ туземцами и могущими встрѣтиться манджурами и узнавать о ихъ потребностяхъ и о способѣ веденія съ ними торговли.

Г. Орловъ, знавшій очень хорошо тунгусскій языкъ, былъ отправленъ тоже на двухъ нартахъ съ гилякомъ. Офицеру этому приказано было обращать главнѣйшее вниманіе при собраніи свѣдѣній на то, дѣйствительно-ли находятся въ этомъ краѣ пограничные столбы, какъ сообщалъ о томъ въ 1845 году академикъ Миндендорфъ, и не имѣется-ли надъ оными со стороны китайскаго правительства наблюденія, какъ за пограничными знаками. Какое понятіе объ этихъ столбахъ имѣютъ туземцы, какое направленіе отъ верховьевъ рѣки Уди принимаетъ хребетъ горъ, изъ котораго выходятъ рѣки, впадающія въ упомянутыя озера, а также въ рѣки: Тугуръ, Бурею, Амгунь и Гнринь. Какое туземное названіе носитъ этотъ хребетъ и какое имѣютъ понятіе о немъ туземцы, по сравненію съ хребтомъ, принимаемымъ за пограничный, который тянется отъ верховьевъ рѣки Уди къ западу, въ Забайкальскую область; т. е. тотъ-ли это самый хребетъ, или какой-либо отрогъ онаго. Осматривая систему озеръ, лежащихъ между селеніями Коль и Ухтре, обращать вниманіе на лѣса, произрастающіе по берегамъ этихъ озеръ и не имѣютъ-ли они между собою сообщенія посредствомъ протоковъ или рѣкъ. Достигнувъ протока Уй, обратить на него особенное вниманіе относительно глубины и удобствъ къ заселенію его береговъ и къ учрежденію на оныхъ элинга. Вступая въ торговыя сношенія съ инородцами и могущими встрѣтиться въ селеніяхъ Ухтре, Кальмъ и Пуль манджурами, узнавать объ ихъ потребностяхъ, способѣ торговли и о положеніи края, въ виду предстоящихъ командировокъ въ оный. Наконецъ, достигнувъ этимъ путемъ рѣки Амуръ, слѣдовать обратно подъ лѣвымъ ея берегомъ.

20 декабря прибылъ изъ командировки въ Петровское мичманъ Чихачевъ съ прикащикомъ Березинымъ, а вслѣдъ за нимъ, 23 декабря, возвратился и г. Орловъ.

Г. Чихачевъ сообщилъ, что, слѣдуя вверхъ по р. Амуръ и вступая въ торговыя сношенія съ инородцами, обитающими на пра-

вомъ берегу рѣки, за послѣднимъ селеніемъ гиляковъ, Аурь, они достигли мангунскаго и частью нейдальскаго селенія Кизи, предѣла ихъ путешествія, лежащаго на рукавѣ рѣки Амуръ, и отъ инородцевъ узнали: 1) Что съ праваго берега рѣки Амуръ есть нѣсколько путей къ морю; большая ихъ часть ведетъ въ бухты и закрытые заливы, которыхъ на прибрежьяхъ Татарскаго залива находится не мало; что этими путями жители рѣки Амуръ ѣздятъ къ морю для промысла нерповъ. 2) Что самый короткій и болѣе другихъ удобный изъ этихъ путей тотъ, который идетъ изъ селенія Кизи по озеру того же имени. Послѣднее весьма близко подходитъ къ морю, такъ что по прорубленной, на этомъ перевалѣ, просѣкѣ, устланной бревнами, туземцы перетаскиваютъ свои лодки изъ озера къ морю. 3) Что отъ этого перевала въ близкомъ разстояніи къ югу находится закрытый заливъ Нангмарь. 4) Что въ этотъ заливъ туземцы съ озера Кизи ѣздятъ зимою, на нартахъ, чрезъ небольшія горы. 5) Что раннею весною приходятъ въ Татарскій заливъ большія суда. 6) Что нѣкоторые манджуры, подстрекая гиляковъ дѣлать намъ зло, разсказываютъ, что будто-бы съ открытіемъ рѣки спустится изъ р. Сунгари большая манджурская сила, чтобы насъ и всѣхъ гиляковъ, которые намъ помогаютъ, перерѣзать. Всѣ туземцы и въ особенности въ селеніяхъ Аурь и Кизи принимали ихъ весьма дружественно.

Г. Орловъ объяснилъ, что изъ селенія Коль онъ направился къ западу и, проѣхавъ по этому направленію около 70 верстъ, достигъ озера Чли, тянущагося отъ юго-востока къ сѣверо-западу и, по словамъ туземцевъ, имѣющаго въ окружности около 120 верстъ. Отъ селенія нейдальцевъ Чли, куда онъ прибылъ изъ селенія Коль, слѣдуя по южному берегу этого озера и проѣхавъ около 30 верстъ, онъ прибылъ въ селеніе тѣхъ же инородцевъ, Чальмъ, лежащее на югозападномъ берегу озера. Отъ этого селенія, проѣхавъ по западному направленію 60 верстъ и переваливъ небольшія возвышенности, достигъ селенія и озера Нейдаль. Это озеро немного менѣе Чли, но направленіе его болѣе западное, именно, оно тянется отъ WSW къ ONO; съ запада въ него впадаетъ значительная рѣка того же имени (Нейдаль), по которой г. Орловъ, съ взятымъ изъ селенія туземцемъ, поднимался на разстояніе отъ устья около 25 верстъ. Они доходили до мѣста, при которомъ эта рѣка сближается съ рѣкою Тугуръ и откуда нейдальцы и другіе инородцы ѣздятъ на эту послѣднюю. Для означе-

нія перевала, а равно и мѣста, гдѣ они съѣзжаются для торговли, сложены большія груды камней, въ видѣ пирамидъ. По наблюденію Орлова, широта этого урочища оказалась 52° 57′N. Рѣка Нейдаль имѣетъ вообще восточное направленіе и, по словамъ туземцевъ, береть начало изъ того же хребта большихъ горъ, изъ котораго вытекаютъ рѣки: Уди, Тугуръ, Амгунь и Бурея. Этотъ хребетъ горъ нейдальцы называютъ *Хинга*, что значитъ каменный, сплошной (становой). На вопросъ Орлова, не знаютъ-ли они, какія горы идутъ къ западу и сѣверу отъ вершины р. Уди, они отвѣчали ему, что съ запада къ верховьямъ этой рѣки идутъ тѣ же горы Хинга, изъ которыхъ выходятъ упомянутыя рѣки, но что онѣ отличаются отъ послѣднихъ только тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ на нихъ есть большія круглыя вершины *). Къ сѣверу же отъ верховьевъ рѣки Уди, говорили они, идутъ совершенно другія горы. Между рѣками Уди и Тугуромъ есть нѣсколько урочищъ, у которыхъ собираются инородцы и при этихъ урочищахъ сложены такія же груды камней. Подобныя же груды и для той же цѣли, по словамъ ихъ, есть и за горами Хинга, къ западу. На вопросъ Орлова, не знаютъ-ли они въ этихъ мѣстахъ какихъ-либо иныхъ каменныхъ столбовъ, которые осматриваютъ манджуры или китайцы, они отвѣчали, что никакихъ подобныхъ столбовъ здѣсь нѣтъ и никогда не бывало; манджуровъ же и китайцевъ они никогда и не видали въ этихъ мѣстахъ, и не слыхали даже, чтобы они когда-либо сюда пріѣзжали.

Отсюда, по указанію нейдальцевъ, Орловъ перевалилъ на небольшое озеро и селеніе Ахту (около 30 верстъ въ окружности), въ которое съ западной стороны впадаетъ рѣка того же имени; рѣка эта береть свое начало изъ хребта Хинга. Озеро Ахту лежитъ къ юго-западу отъ озера Нейдаль, въ разстояніи около 50 верстъ. Это пространство большею частію низменное и болотистое. Озеро посредствомъ небольшой протоки, направляющейся къ югу, на разстояніе около 20 верстъ, соединяется съ рѣкою Амгунь. Съ вершины рѣки Ахту, нейдальцы и другіе инородцы перевалиpаютъ черезъ хребетъ Хинга на притоки рѣки Буреи, рѣчки Нимеленъ и Кучуанъ.

*) Для большаго уразумѣнія, нейдальцы чертили на снѣгу горы отъ запада и къ верховью рѣки Уди поворачивали ихъ на югъ. На горахъ же, до верховья р. Уди, рисовали круги въ видѣ яблока. Вѣроятно отъ этого и произошло прилагательное *Яблоновый Хинганскій становой хребетъ*, какъ и означалось на картахъ.

Изъ селенія Ахту, по упомянутой протокѣ, тянувшейся по низменности, г. Орловъ достигъ р. Амгунь и, проѣхавъ внизъ по оной около 30 верстъ, прибылъ въ нейдальское селеніе Кевби, къ которому подходитъ (на разстояніи около 40 верстъ къ югу) рѣка Биджи. Отъ селенія Кевби Орловъ ѣхалъ до рѣки Биджи по холмистой поверхности и, прослѣдовавъ внизъ по этой рѣкѣ около 25 верстъ, достигъ селенія Ухтре, расположеннаго при впаденіи этой рѣки въ озеро Ухдыль. Общее направленіе пути отъ селенія Ахту до р. Амгунь было SSO, по рѣкѣ Амгунь ONO, до рѣки Бджиджи на S, а по этой рѣкѣ до селенія Ухтре на ONO.

Всѣ инородцы селеній Ахту, Кевби и Ухтре, относительно Хинганскаго хребта, подтвердили тѣ же самыя свѣдѣнія, какія г. Орловъ получилъ отъ нейдальцевъ на озерѣ Нейдаль и, сверхъ того, разсказывали: 1) что съ притока рѣки Амгунь, рѣчки малой Амгуни, они переваливали чрезъ Хинганскій хребетъ на лѣвый притокъ рѣки Буреи, рѣчку Бурейку, выходящую изъ этого хребта южнѣе истоковъ рѣчекъ Нимеленъ и Кучуанъ и рѣкъ Тугура и Нейдаль. 2) Что съ вершины рѣки Амгунь, подходящей близко къ вершинѣ р. Гирнинь, они переваливаютъ чрезъ тотъ же хребетъ прямо на рѣку Бурею. 3) Что между рѣками Амгунь и Гирнинь лежитъ большое озеро Самагиръ, берега котораго довольно густо населены инородцами, называющимися самагирами. 4) Что многіе нейдальцы перекочевали съ озера Ахту и рѣки Биджи на рѣку Амуръ, въ селеніе Кизи и въ окрестныя селенія, а къ морю, въ заливъ Наигмаръ. 5) Что манджуры не ѣздятъ въ этотъ край далѣе селенія Ухтре, лежащаго на берегу рѣки Амуръ, при устьѣ протоки, соединяющей съ этою рѣкою озеро Ухдыль и протоку или рѣчку Уй. 6) Что съ южной стороны въ озеро Ухдыль впадаетъ рѣчка Пильду, которая посредствомъ протока имѣетъ сообщеніе съ рѣкою Амуръ и при устьѣ которой лежитъ большое селеніе Пуль. И наконецъ 7) что селенія Пуль и Ухтре большія, и что въ нихъ, а равно и въ находящемся между ними, на р. Амуръ, такомъ же селеніи Калью, обыкновенно останавливаются для торга, манджуры.

Вслѣдствіе этого послѣдняго свѣдѣнія, г. Орловъ поѣхалъ изъ селенія Ухтре въ селенія Пуль, Калью и Ухте. Въ этихъ селеніяхъ онъ встрѣтилъ 17 челов. манджурскихъ купцовъ; изъ нихъ нѣкоторые говорили по-гилякски. Манджуры принимали г. Орлова радушно и выражали готовность вступать съ нами въ торговыя сношенія, объясняя при этомъ товары, которые они желали бы отъ

насъ пріобрѣтать и обѣщали пріѣхать въ Петровское или Николаевское. Въ дружеской бесѣдѣ манджуры изъявляли Орлову сожалѣніе, что нѣкоторые изъ нихъ подстрекаютъ гиляковъ дѣлать намъ зло и распускаютъ ложные слухи, для насъ злонамѣренные. Русскимъ, говорили они, слѣдовало бы за это хорошенько наказать такихъ. Наконецъ, они объяснили что дѣйствительно горный хребетъ, изъ котораго берутъ начало рѣки Амгунь и Гиринь, а равно и лежащая отъ рѣки Гиринь къ югу р. Нецда, называется Хинганскимъ (т. е. каменнымъ, становымъ или сплошнымъ) большимъ хребтомъ; что этотъ хребетъ, идя отъ сѣвера и переходя чрезъ р. Амуръ (по-манджурски Мангу-Улла) и р. Сунгари (Сунгари Улла) направляется къ югу, между рѣками Хургой и Уссури и достигаетъ моря. Что всѣ народы, обитающіе въ странѣ, лежащей между этимъ хребтомъ и моремъ, независимы и ясака не платятъ; почему на всемъ этомъ пространствѣ не только нѣтъ никакихъ манджурскихъ городовъ или селеній, но даже нѣтъ и никакого караула. Что манджурское управленіе и китайская зависимость распространяются только на страны, лежащія къ западу отъ этого хребта, въ сѣверной же части живутъ народы, называемые даурами.

Въ заключеніе Орловъ сообщилъ: 1) что по берегамъ упомянутыхъ озеръ растутъ строевые лѣса: лиственницы, сосны, ели и частію кедра, что жители этихъ озеръ, а равно и обитатели впадающихъ въ оныя рѣки и жители р. Амгунь—соплеменны тунгусамъ и говорятъ языкомъ, весьма мало разнствующимъ отъ тунгусскаго, такъ что они ихъ свободно понимали. 2) Что хотя они и носятъ общее названіе нейдальцевъ, но большею частію называютъ себя по урочищамъ или озерамъ, такъ напримѣръ: ахтубами, гулями и пульзами. Они вообще смирны и гораздо привѣтливѣе и ласковѣе гиляковъ. Не только о хлѣбопашествѣ, но и объ огородничествѣ и скотоводствѣ не имѣютъ никакого понятія. Занятія ихъ состоятъ въ звѣриномъ и рыбномъ промыслахъ; зимою ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ на лодкахъ и коротяхъ, сдѣланныхъ изъ бересты. Они, подобно гилякамъ, вообще питаются рыбою, кореньями, ягодами и дичью; однако, собакъ, какъ то дѣлаютъ гиляки, въ пищу не употребляютъ. Получаемое чрезъ гиляковъ отъ манджуровъ просо и пшеничные и ржаные сухари отъ удскихъ тунгусовъ и инородцевъ, съ верховья рѣки Буреи, составляютъ для нихъ лакомство. Образъ ихъ жизни такой же, какъ и у гиляковъ. Озеро Ухдыль и протока Уй, по словамъ туземцевъ, глубоки. Берега протоки Уй,

простирающейся на 15 верстъ, вообще возвышенные и ровные и здѣсь повидимому есть много удобныхъ мѣстъ къ заселенію и основанію эллинга, почему, какъ эту протоку, такъ и озеро Ухдыль, на берегахъ котораго много строеваго лѣса, въ особенности кедра, необходимо подробно осмотрѣть и сдѣлать промѣръ по вскрытіи рѣки Амура.

Изъ селенія Ухте Орловъ ѣхалъ обратно по лѣвому берегу рѣки Амура; отъ этого селенія до Николаевскаго поста около 160 верстъ.

Таковы были результаты этой рекогносцировки; они весьма важны, ибо, выяснял нѣкоторымъ образомъ пограничный и морской вопросы и тѣмъ обнаруживая ложное понятіе, которое существовало тогда о при-амурскомъ краѣ, они указывали и на важное значеніе этого края для Россіи и на пути, которыми намъ надобно слѣдовать, чтобы окончательно разрѣшить эти вопросы.

1851 годъ заключился для насъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ непосредственное вліяніе на безопасность нашихъ дѣйствій и на направленіе обслѣдованія, а именно: 26 декабря явились въ Петровское два гиляка и тунгусъ съ жалобою на гиляковъ селенія Войдь (на лѣвомъ берегу Амура), отличавшихся отъ другихъ буйствомъ и дерзостію и на манджуровъ, пріѣхавшихъ въ это селеніе. Они говорили, что ихъ ограбили, прибили, подстрекали бить русскихъ и распускали слухъ, что будто бы лѣтомъ всѣхъ русскихъ вырѣжутъ.

Вслѣдствіе этого, я командировалъ въ это селеніе Березина съ 5 челов., вооруженныхъ пистолетами и саблями, матросовъ и казаковъ, съ тѣмъ, чтобы захватить виновныхъ и украденныя ими вещи доставить въ Петровское. Березинъ исполнилъ это порученіе съ свойственною ему отвагою. Гиляки и манджуры выдали ему виновныхъ, но не сразу, а тогда только, когда Березинъ и его команда направили пистолеты и сабли на окружавшую ихъ буйную и пьяную толпу (до 80 челов.) гиляковъ, руководимую однимъ манджуромъ. Березинъ объявилъ имъ, что если сейчасъ же не будетъ исполнено его требованіе, то немедленно всѣ они будутъ перебиты, а селеніе уничтожено. Угроза подѣйствовала, какъ нельзя лучше: украденныя вещи были тотчасъ возвращены и виновные выданы. Березинъ съ этими виновными и вещами, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гиляковъ селенія Войдь, отправившихся ходатайствовать за провинившихся земляковъ своихъ, явился ко мнѣ, въ Петровское.

Я собралъ по этому случаю гиляковъ трехъ окрестныхъ деревень и въ ихъ присутствіи наказалъ виновныхъ розгами, а послѣ того оставилъ ихъ на 3 дня таскать бревна. Это наказаніе подѣйствовало на виновнаго манджура и онъ признался, что распускаемые нѣкоторыми изъ его товарищей злонамѣренные слухи есть ничто иное, какъ ихъ выдумка; гиляки, видя, что мы манджура наказываемъ за худое дѣло точно также какъ и ихъ, получили еще большее къ намъ довѣріе и уваженіе; манджуры же фактически увидѣли власть нашу въ прп-амурскомъ краѣ, такъ что послѣ этого, при всякихъ столкновеніяхъ съ гиляками и другими инородцами, обращались къ намъ для разбирательства.

Около описываемаго времени пріѣхали въ Петровское четыре гиляка съ о-ва Сахалина; на одномъ изъ нихъ, Заковаѣ, Орловъ замѣтилъ пуговицу, сдѣланную изъ каменнаго угля. На вопросъ, откуда онъ досталъ эту пуговицу, Заковаъ и его товарищи объяснили, что они сами дѣлаютъ ихъ изъ чернаго мягкаго камня, котораго на Сахалинѣ, около рѣчки Дуэ и далѣе, цѣлыя горы; при этомъ они разсказали, что на Сахалинѣ жило 5 чел. русскихъ, изъ которыхъ послѣдній недавно умеръ, и что эти русскіе прибыли на Сахалинъ гораздо прежде японцевъ.

Съ первою зимнею почтою, посланною изъ Петровскаго въ Аянъ, 11 ноября, я донесъ генералъ-губернатору: а) что данныя мнѣ повелѣнія несоотвѣтственны съ обстоятельствами, встрѣчаемыми на мѣстѣ и что поэтому я нахожусь иногда вынужденнымъ отступать отъ нихъ. б) Что средства, опредѣленныя правительствомъ на экспедицію, ничтожны, и наконецъ, в) что ввѣренныя мнѣ команды переносятъ большія трудности и лишенія. Объяснивъ это, я просилъ его:

1) „Прислать въ экспедицію еще двухъ офицеровъ и 50 челов. людей.

2) „Назначить и, сколь возможно поспѣшнѣе, прислать сюда, по крайней мѣрѣ, одно мелкосидящее (до 10 футъ) мореходное судно съ паровымъ двигателемъ, паровымъ барказомъ и съ надлежащими запасами.

3) „Такъ какъ служба въ экспедиціи въ нѣсколько разъ труднѣе службы въ Камчаткѣ и Охотскѣ, то прошу, чтобы лицамъ, служащимъ въ экспедиціи, были дарованы слѣдующія преимущества: а) во все время служенія въ этомъ краѣ всѣмъ командамъ производить морское довольствіе и засчитать это время въ число морскихъ кампаній; б) службу здѣсь считать вдвойнѣ, т. е. годъ за два и, в) офицерамъ за 5-ти лѣтнюю службу опредѣлить тотъ же

самый пенсіонъ, какой предоставленъ офицерамъ, прослужившимъ въ Камчаткѣ и Охотскѣ 10 лѣтъ".

Въ то же время, въ депешѣ *) главному правленію рос.-ам. компаніи (копію съ которой я сообщилъ и генералъ-губернатору), я представилъ требованія на 1852 годъ и объяснилъ, что по характеру края, развитіе торговли съ инородцами и манджурами въ той степени, чтобы она могла возмѣщать расходы казны на экспедицію, а равно и для распространенія въ краѣ нашего вліянія, необходимо, чтобы товары, особенно лѣтомъ, развозились по селеніямъ и по мѣстамъ сборовъ инородцевъ; для чего, кромѣ складовъ товаровъ въ Петровскомъ и Николаевскомъ, предлагалъ устроить таковые еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сообщалъ: 1) что количество назначенныхъ въ 1851 году товаровъ и запасовъ оказалось до такой степени ничтожнымъ, что если бы не случайно попавшіе въ экспедицію товары и запасы съ барка „Шелеховъ", то экспедиція была бы въ самомъ критическомъ положеніи; 2) что обмѣнъ товаровъ и характеръ торговли нельзя предвидѣть заранѣе и поэтому невозможно вѣрно опредѣлить требованіе запасовъ и товаровъ, а между тѣмъ необходимо, чтобы это требованіе скорѣе пополнилось; наконецъ, 3) я представлялъ необходимость указанія инородцамъ лучшихъ пріемовъ рыболовства, такъ какъ всѣ береговые жители занимаются уже этимъ промысломъ и для насъ будетъ выгоднѣе, если мы укажемъ имъ на современные пріемы.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, я просилъ правленіе р.-ам. компаніи: а) удовлетворить требованіе мое товаровъ и запасовъ и, кромѣ того, предписать начальнику аянскаго порта и факторіи, г. Кашеварову, содѣйствовать экспедиціи, такъ, чтобы она по моему требованію была всегда обезпечена; б) прислать маленькій 8-ми сильный рѣчной пароходъ съ надлежащими матеріалами, опытными кочегарами и слесаремъ; и в) прислать 5 опытныхъ прикащиковъ и 2-хъ рыболововъ съ надлежащими снастями для ловли осетровъ и другой крупной рыбы.

Депешу эту я заключилъ увѣреніемъ главнаго правленія, что оно въ виду важной государственной цѣли, возложенной на ввѣренную мнѣ экспедицію, приметъ всѣ мѣры, безъ всякихъ коммерческихъ интересовъ, къ обезпеченію экспедиціи по моимъ требованіямъ и дастъ мнѣ право надѣяться на скорое исполненіе настоящихъ моихъ представленій.

---

*) Депеша эта помѣчена 3 ноября 1851 г.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ совершилось занятіе устья рѣки Амуръ и при какихъ средствахъ началось водвореніе русскихъ въ при-амурскомъ краѣ!

Послѣ двухъ вѣковъ, въ пустыняхъ при-амурскаго бассейна снова начали россіяне возносить мольбы ко Всевышнему Творцу о ниспосланіи имъ мужества, крѣпости духа и силы къ перенесенію неимовѣрныхъ трудностей, лишеній и опасностей, для достиженія цѣли, клонившейся ко благу отечества! Послѣ двухъ вѣковъ снова начали раздаваться наши выстрѣлы на берегахъ р. Амуръ, но эти выстрѣлы раздавались не для пролитія крови и не для порабощенія и грабежей инородцевъ, какъ дѣлали то наши грубые предшественники; нѣтъ, выстрѣлы 1850 года раздавались для привѣтствія русскаго знамени! Эти выстрѣлы привѣтствовали побѣду истины надъ вѣковымъ заблужденіемъ! Они привѣтствовали побѣду въ пустыняхъ при-амурскаго края цивилизаціи надъ невѣжествомъ и зарю близкаго осуществленія мыслей Петра I-го и Екатерины II-й на отдаленномъ нашемъ востокѣ!

Цѣль, которую рѣшился преслѣдовать я съ моими сотрудниками, собравшимися къ 1852 году въ Петровское, состояла въ томъ, чтобы обнаружить предъ правительствомъ важное значеніе для Россіи амурскаго бассейна съ его прибрежьями, и тѣмъ положить твердое основаніе къ признанію навсегда за Россіею этого края.

Милостивое изреченіе Государя Императора о моемъ поступкѣ по занятію устья рѣки Амуръ, какъ о поступкѣ **благородномъ и патріотическомъ**, не смотря на то, что это дѣйствіе мое было несоотвѣтственно повелѣнію Его Величества; сочувствіе, оказанное этому дѣлу Государемъ Наслѣдникомъ (нынѣ царствующимъ Императоромъ) и Августѣйшимъ Государемъ Великимъ Княземъ генералъ-адмираломъ; патріотическая преданность и рвеніе къ оному генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева и, наконецъ, полное наше убѣжденіе о важномъ значеніи этого края для блага отечества—одушевляли меня и моихъ сотрудниковъ. Мы всѣ до единаго, какъ бы одна родная семья, не смотря ни на какія опасности и ничтожество средствъ, твердо рѣшились идти къ предположенной цѣли и надѣялись, что съ Божіею помощью достигнемъ ея.

Такова была миссія, выпавшая на нашу долю, и мы встрѣтили 1852 годъ съ твердою рѣшимостію, не отступая ни предъ какими преградами, исполнить долгъ свой предъ отечествомъ!

——

ГЛАВА XIII.

Изслѣдованіе направленія Хинганскаго хребта, отъ истока р. Уди. — Притонъ бѣглыхъ русскихъ. — Командировка подпоручика Орлова. — Экспедиція Бошняка на Сахалинъ. — Инструкція Чихачеву. — Возвращеніе Орлова. — Результаты его командировки. — Первая зимняя почта изъ Аяна. — Мое донесеніе генералъ-губернатору отъ 20 февраля 1852 г. — Частное письмо къ нему.

Святки и наступившій 1852 годъ мы встрѣтили съ возможными въ пустынѣ развлеченіями: команда паряжалась, а мы катались на собакахъ, по заливу. Екатерина Ивановна, какъ хозяйка, во всемъ этомъ принимала живое участіе и оживляла маленькое общество моихъ неутомимыхъ сотрудниковъ.

8-го января прибыли въ Петровское двое нейдальцевъ съ рѣки Амгунь и разсказывали, что будто на одномъ изъ притоковъ рѣки Амуръ, недалеко отъ устья Сунгари, поселились дурные русскіе (лоча) и что эти люди никому ничего не платятъ и распускаютъ о насъ дурные слухи.

Имѣя въ виду результатъ упомянутой въ предыдущей главѣ рекогносцировки и свѣдѣнія съ острова Сахалина, я приступилъ къ разрѣшенію сказанныхъ вопросовъ — пограничнаго и морскаго, къ обслѣдованію острова Сахалина и, наконецъ, къ удостовѣренію на мѣстѣ отъ нейдальцевъ, въ какой степени справедливы слухи о бѣглыхъ русскихъ. Это послѣднее обстоятельство для насъ было важно въ томъ отношеніи, что подобное поселеніе бѣглыхъ могло имѣть весьма дурное вліяніе на нашу команду, набранную изъ охотскаго экипажа, который пополнялся людьми порочными и привыкшими къ шатанью. Для исполненія вышесказанной цѣли я снарядилъ четыре экспедиціи: одну ввѣрилъ Орлову, другую Бошняку, третью Чихачеву и четвертую прикащику Березину и топографу Попову.

Подпоручикъ Д. И. Орловъ, 10-го января, отправился въ ту-

гурскій край, на собакахъ, съ тунгусомъ, знакомымъ съ нарѣчіями нейдальцевъ, живущихъ по берегамъ рѣки Буреи. Офицеру этому приказано было, слѣдуя чрезъ селенія Коль и Орелъ, достигнуть рѣки Нимеленъ (притока р. Амгунь) и, переваливъ на вершину рѣки Тугуръ, стараться доѣхать до верховьевъ рѣчекъ Тайфонъ, Галянъ и Анапъ (притоковъ р. Уди), мѣстъ, около которыхъ начиналась показанная на картахъ граница наша съ Китаемъ. Граница эта отсюда шла къ сѣверо-востоку, до Охотскаго моря. Затѣмъ, слѣдуя къ югу, вдоль хребта, по вершинамъ притоковъ рѣкъ Тугура и Нимеленъ и достигнувъ сѣвернаго притока рѣки Амгунь, рѣчки Корби, возвратиться въ Петровское тѣмъ путемъ, который онъ найдетъ болѣе близкимъ и удобнымъ. Слѣдуя такимъ образомъ, Орловъ могъ обслѣдовать направленіе хребта между вершинами рѣкъ Уди и Амгуни. Кромѣ того, онъ долженъ былъ: а) Положительно удостовѣриться, дѣйствительно-ли это тотъ самый хребетъ, который идетъ отъ вершины рѣки Уди къ западу, въ Забайкальскую область и который принимается за пограничный становой, Хинганскій, или каменный хребетъ. б) Собрать положительныя свѣдѣнія, нѣтъ-ли въ тугурскомъ и удскомъ краѣ, а равно и по южному склону Хинганскаго хребта, къ западу, пограничныхъ столбовъ, поставленныхъ будто бы китайцами, какъ говоритъ о томъ академикъ Миндендорфъ. Наконецъ, в) развѣдать, дѣйствительно-ли существуетъ поселеніе бѣглыхъ русскихъ. Если оно существуетъ, то собрать свѣдѣнія: нельзя-ли доѣхать до него чрезъ горы.

11-го февраля отправился на островъ Сахалинъ, до селенія Дуэ, лейтенантъ П. К. Бошнякъ, на собакахъ, съ гилякомъ Позвейномъ, говорившимъ по-тунгусски и знавшимъ нарѣчіе жителей этой части Сахалина (Аиновъ), и казакомъ Парфентьевымъ, тоже говорившимъ по тунгусски. Офицеру этому приказано было: 1) удостовѣриться на мѣстѣ о положеніи каменно-угольныхъ пріисковъ; 2) о болѣе или менѣе удобной нагрузкѣ каменнымъ углемъ судовъ, приходящихъ съ моря; 3) о состояніи страны и объ отношеніяхъ инородцевъ къ Китаю и Японіи; 4) о главномъ и болѣе населенномъ пунктѣ острова; 5) о подходящихъ къ берегамъ Сахалина иностранныхъ судахъ, и, наконецъ, 6) дѣйствительно-ли жили на рѣкѣ Тыми русскіе. Если это справедливо, то осмотрѣть то мѣсто, гдѣ была ихъ осѣдлость, и самую рѣку Тыми.

12-го февраля отправилъ я мичмана Н. М. Чихачева на рѣку

Гирнь и далѣе по этой рѣкѣ и Амуру, чрезъ селеніе Кизи, въ заливъ Нангмаръ. Онъ поѣхалъ на собакахъ съ тунгусомъ Аѳанасіемъ, говорившимъ по-русски и знакомымъ съ нарѣчіемъ нейдальцевъ и мангунъ, обитавшихъ по р. Гирнь и заливу Нангмаръ. Чихачеву приказано было: а) Поднявшись по рѣкѣ Амгунь до селенія Хазмоль, перевалить на рѣку Гирнь и, спустившись по оной до рѣки Амуръ, слѣдовать вверхъ по правому берегу этой рѣки, до селенія Кизи. На этомъ пути собирать свѣдѣнія о странѣ и народахъ тамъ обитающихъ; главное же: узнать дѣйствительно-ли рѣка Гирнь беретъ начало изъ того же хребта горъ, изъ котораго истекаютъ рѣки Удп, Тугуръ, Амгунь и Бурея. Если окажется, что она вытекаетъ изъ того же хребта, изъ котораго берутъ начало и упомянутыя рѣки, то собрать свѣдѣнія о направленіи этого хребта къ къ югу и о пути, ведущемъ къ истоку рѣки Гирнь. Потомъ достигнуть этого истока и опредѣлить направленіе хребта. б) Собрать свѣдѣнія о перевалахъ съ истоковъ рѣкъ Амгунь и Гирнь на рѣку Бурею и объ инородцахъ самагирахъ, обитающихъ между этими рѣками. в) Узнать, гдѣ селеніе бѣглыхъ русскихъ, и невозможно-ли добраться до этого селенія съ верховьевъ рѣки Амгунь или Гирнь. г) По прибытіи въ селеніе Кизи, принять въ свое вѣдѣніе Березина съ топографомъ Поповымъ, которые должны прибыть туда къ тому времени. Съ Березинымъ послать ко мнѣ донесеніе, а Попова взять съ собою и слѣдовать по озеру Кизи въ заливъ Нангмаръ. д) Обслѣдовать путь до этого залива, а равно и самый заливъ, и опредѣлить не тотъ-ли это самый заливъ, который Лаперузомъ названъ де Кастри. е) Оставаясь съ топографомъ весновать въ этомъ заливѣ, наблюдать надъ вскрытіемъ льда въ оном и собирать свѣдѣнія отъ туземцевъ о состояніи береговъ Татарскаго залива къ югу, т. е. узнать не имѣется-ли на оныхъ закрытыхъ бухтъ и путей изъ нихъ къ рѣкѣ Амуръ. ж) Развѣдать объ иностранныхъ судахъ, плавающихъ въ Татарскомъ заливѣ и, въ случаѣ встрѣчи съ ними, объявлять, что все прибрежье Татарскаго залива до корейской границы составляетъ русское владѣніе. Слѣдуя въ заливъ Нангмаръ, при встрѣчахъ съ торгующими манджурами, вступать съ ними въ дружескія сношенія, стараться указывать имъ на опасность для Россіи и Китая оставлять нижне-приамурскій и уссурійскій край безъ наблюденія съ моря и объяснять, что, въ виду этой-то опасности, мы и принимаемъ мѣры. з) Съ открытіемъ навигаціи въ заливѣ Нангмаръ, пріобрѣсть

отъ туземцевъ лодку и возвратиться на оной вдоль матераго берега, чрезъ лиманъ, въ Петровское. Во время этого пути сдѣлать по возможности подробную съемку берега между этимъ заливомъ и лиманомъ.

Вслѣдъ за г. Чихачевымъ, а именно 17 февраля, отправился вверхъ по рѣкѣ Амуръ прикащикъ Березинъ съ топографомъ Поповымъ и 3 казаками, на двухъ нартахъ собакъ.

Березину и Попову приказано было: а) слѣдовать по правому берегу рѣки Амуръ и дѣлать глазомѣрную съемку онаго; б) производить на этомъ пути расторжку съ иностранцами и торгующими манджурами и собирать отъ нихъ всевозможныя свѣдѣнія о странѣ и народахъ, въ ней обитающихъ; в) по прибытіи въ селеніе Кизи, въ ожиданіи здѣсь г. Чихачева, собрать положительныя данныя о пути, ведущемъ изъ этого селенія въ заливъ Пангмаръ, и приготовить средства для безопаснаго слѣдованія Чихачева. Съ прибытіемъ въ Кизи Чихачева, какъ прикащику Березину, такъ равно и топографу Попову, приказано было поступить въ его распоряженіе.

Послѣ 39-дневнаго утомительнаго странствованія, 18 февраля 1852 г. возвратился въ Петровское Д. И. Орловъ и сообщилъ, что, достигнувъ озера и селенія Орелъ, онъ направился на WSW по р. Негди, впадающей въ это озеро съ западной стороны и, проѣхавъ по этому пути около 30 верстъ, прибылъ въ селеніе нейдальцевъ Негди. Отсюда, взявъ проводникомъ нейдальца и проѣхавъ по тому же WSW направленію около 45 верстъ, достигъ небольшаго озера (около 20 верстъ въ окружности) Каури; на этомъ пути онъ перевалилъ чрезъ небольшую возвышенность, идущую отъ сѣвера. Въ селеніи Каури, при рѣкѣ того же имени, по случаю утомленія собакъ, онъ остался на сутки. Изъ этого селенія инородцы переѣзжаютъ въ Усальгинскую губу, разстояніе до которой, по ихъ словамъ, около 35 верстъ. Широта мѣста селенія Каури, по наблюденію Орлова, оказалась 53° 16′ N, а приблизительная долгота (т. е. по соображенію направленія его пути) около 138° 15′ отъ Петербурга. Изъ Каури г. Орловъ взялъ проводника и, слѣдуя по тому же WSW направленію, проѣхалъ около 35 верстъ, до рѣчки Самма. На этомъ пути онъ тоже перевалилъ чрезъ незначительную возвышенность. Изъ селенія Самма инородцы ѣздятъ въ Ульбанскую губу, разстояніе до которой, по ихъ словамъ, должно быть около 55 верстъ. Изъ селенія, или зимняка Самма (2 юрты) Орловъ

взялъ проводника и поѣхалъ по болѣе западному направленію, именно къ стойбищу Чилля, разстояніе котораго отъ Самма около 50 верстъ. Здѣсь инородцы собираются для торга. Это стойбище, какъ и всѣ вообще инородческія стойбища, означалось кучею сложенныхъ камней, въ родѣ пирамиды. Изъ Чилля г. Орловъ ѣхалъ по WSW направленію и, проѣхавъ около 50 верстъ, 18 января достигъ рѣки и нейдальскаго селенія Нимеленъ. Здѣсь г. Орловъ остановился на сутки для отдыха и приготовленія къ дальнѣйшему, болѣе трудному путешествію, которое не иначе можно было совершить, какъ верхомъ на оленяхъ. Изъ этого селенія инородцы рѣки Амгунь и самагиры переваливаютъ чрезъ небольшую возвышенность, на Бурукань (что на рѣкѣ Тугуръ), до котораго, по ихъ словамъ, около 35 верстъ. Возвышенности эти отдѣляютъ долину рѣки Нимелень отъ долины рѣки Тугуръ. Широта этого пункта оказалась 52° 50′ N, а приблизительная долгота около 130°O.

Въ селеніи Нимеленъ Орловъ встрѣтилъ 10 тунгусовъ изъ тугурскаго края, съ оленями; изъ нихъ 2 взялись провожать его на своихъ оленяхъ въ удскій край, къ истокамъ р. Удп; почему онъ оставилъ здѣсь своихъ собакъ, на попеченіе крещенаго нейдальца, Тихона, а самъ 20 января отправился верхомъ на оленяхъ на вершину рѣки Тугуръ. Проѣхавъ на WNW около 86 верстъ, Орловъ достигъ вершины р. Тугуръ и стойбища, означеннаго кучею камней. Широта этого пункта оказалась 53° 11′ N, приблизительная долгота 134° 48′O. Это стойбище было у подошвы огромнаго каменнаго сплошнаго хребта, тянувшагося къ NNW и отъ него шли на ONO небольшія возвышенности. Съ этого пункта г. Орловъ и началъ свои изслѣдованія направленія хребта, почему и поѣхалъ вдоль онаго на NNW. Здѣсь инородцы переваливаютъ чрезъ хребетъ на рѣчку Никонь, притокъ рѣки Селимжа, впадающей въ р. Зею. На рѣчкѣ Никонь находится часовня Никонская. Встрѣченные здѣсь Орловымъ два нейдальца, возвращавшіеся на лыжахъ съ рѣчки Никонъ, куда они ходили на звѣриный промыселъ, а равно и сопровождавшіе его тунгусы, сказали ему, что каменныя становыя горы—тотъ самый хребетъ, изъ котораго беруть начало рѣки: Уди, Тугуръ, Амгунь, Гирин, Бурея и Зея. На вопросъ же его, нѣтъ ли здѣсь, или по южному склону этого хребта къ истокамъ рѣки Зеи, столбовъ, поставленныхъ манджурами или китайцами, инородцы отвѣчали, что они не только никогда не видали никакихъ столбовъ въ этихъ мѣстахъ, но и не слыхали, чтобы когда

либо манджуры или китайцы ставили такіе столбы; что же касается китайцевъ, то они никогда и не являлись сюда.

Проѣхавъ вдоль Хинганскаго хребта на NNW около 40 верстъ, онъ достигъ возвышенностей, тянувшихся отъ становаго хребта къ NOtO. Возвышенности эти отдѣляютъ долину рѣки Тугуръ отъ долины Уди. Туземцы сказали ему, что на южномъ склонѣ этихъ возвышенностей, около 80 верстъ отъ моря, на вершинѣ рѣки Сойкины, находится куча камней, означающая перевалъ чрезъ эту возвышенность на притокъ рѣки Уди, рѣчку Улую, по которой инородцы ходятъ къ Удскому острогу.

Отсюда Орловъ, у подошвы Хинганскаго хребта, перешелъ возвышенности (около 5 верстъ), составляющія отроги отъ Хингана, и вступилъ въ долину р. Уди, на вершину рѣчки Тайфона, притока рѣки Уди; широта этого пункта оказалась 53° 42′N, а приблизительная долгота около 134° 20′ O. Отъ этого именно пункта показывалась на картахъ граница наша съ Китаемъ, по направленію упомянутаго сейчасъ отрога отъ Хинганскаго хребта, тянувшагося къ NOtO, до Охотскаго моря.

Съ вершины рѣчки Тайфона, Хинганскій хребетъ принимаетъ направленіе WtN и $WtS^1/_2$ W. Проѣхавъ съ этого пункта на WtN около 35 верстъ, г. Орловъ прибылъ на вершину втораго притока рѣки Уди, рѣчку Галянъ. Широта этого пункта 53°, 47′ N, а приблизительная долгота около 133°, 45′ O. Проѣхавъ отсюда на $WtS^1/_2W$ около 45 верстъ, Орловъ достигъ третьяго притока р. Уди, рѣчки Ананъ, предѣла его странствованія въ этомъ направленіи. Широта этого пункта 53°, 43′ N, а приблизительная долгота 132° 52′ O.

При вершинѣ рѣчки Ананъ находится куча камней и пустая юрта; отсюда инородцы переваливаютъ чрезъ Хинганскій хребетъ на вершину рѣки Селимжи. У этой кучи камней или стойбища они собираются иногда для торга. Здѣсь г. Орловъ остановился на сутки для отдыха оленей и встрѣтился съ двумя селимжинцами, пробиравшимися на лыжахъ въ селеніе Нимеленъ, для торга. Какъ эти инородцы, такъ равно и сопровождавшіе г. Орлова тунгусы и нейдальцы говорили ему, что отъ вершины рѣчки Ананъ Хинганскій хребетъ, на пространствѣ около 70 верстъ, тянется по тому же направленію (т. е. WtS), потомъ круто поворачиваетъ къ сѣверу (NtW), тянется по этому направленію 80 верстъ, а затѣмъ склоняется на западъ и идетъ около 100 верстъ на NWtN, послѣ

чего достигаетъ того мѣста, гдѣ отдѣляется отъ Хинган хребетъ меньшихъ горъ, идущихъ по берегу моря далеко на сѣверъ. Этотъ хребетъ горъ селимжинцы называли Мачи-хинга (что значитъ меньшія горы), тунгусы же и нейдальцы—Джукжура. Хинганскій, становой хребетъ, пройдя отъ этого пункта около 60 верстъ въ болѣе западномъ направленіи (около NW), поворачиваетъ прямо на западъ, немного къ полудню (т. е. около WtS) и по этому направленію тянется къ Даурамъ и рѣкѣ Шилкару (т. е. въ Забайкалье). На этой части хребта показываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ круглыя вершины, въ родѣ яблока. Инородцы говорили ему еще, что при поворотѣ Хинганскаго хребта отъ NW къ WtS, по южную его сторону, находится истокъ рѣки Зеп, который селимжинцы называли Дони, и что по вершинамъ нѣкоторыхъ притоковъ рѣки Зеп и другимъ рѣчкамъ по южному склону этого хребта находятся также кучи камней, столбища, означающія удобные перевалы съ южной стороны хребта на сѣверную, по которымъ инородцы ходятъ на промыслы пушныхъ звѣрей.

На вопросъ Орлова: нѣтъ-ли на южной сторонѣ этого хребта каменныхъ, или другихъ столбовъ, поставленныхъ китайцами или манджурами, которые они пріѣзжаютъ осматривать, селимжинцы отвѣчали то же самое, что и другіе инородцы, т. е. что подобныхъ столбовъ здѣсь нѣтъ и никогда не было и что манджуры и китайцы здѣсь никогда не бывали. На вопросъ же затѣмъ Орлова, не слыхали-ли они о селеніи лоча (русскихъ) гдѣ либо въ тамошнихъ мѣстахъ и нельзя-ли къ нимъ пробраться горами, инородцы отвѣчали, что они слышали будто-бы какіе то дурные лочи живутъ на рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Маму (Амуръ), что эти люди очень худые, безпрестанно ссорятся и дерутся, и что они ничего и никому не платятъ. Живутъ они въ такомъ мѣстѣ, куда берегомъ проѣхать ни на оленяхъ, ни на собакахъ нельзя, по неимѣнію корма, а можно только добраться до нихъ рѣкою Амуръ, на лодкѣ. Эти лоча, по словамъ ихъ, распускали дурные слухи о русскихъ.

Съ вершины рѣчки Анань, 27-го января 1852 г., г. Орловъ отправился обратно тѣмъ же путемъ, вдоль Хинганскаго хребта. Достигнувъ источника р. Тугуры, онъ направился вдоль того-же Хинганскаго хребта на StW, и, проѣхавъ по этому направленію около 35 верстъ, прибылъ на вершину рѣки Нимелень. Широта этого пункта, по его наблюденіямъ, 52° 42′ N и приблизительная долгота 134° 40′ O отъ С.-Петербурга. Отъ этого пункта Хинганскій

хребетъ принимаетъ направленіе SWtS. Слѣдуя по этому румбу, черезъ 40 верстъ, Дмитрій Ивановичъ достигъ предѣла своихъ изслѣдованій, т. е. вершины рѣчки Корби, сѣвернаго притока рѣки Амгунь (широта этого пункта 52° 26′ N, а приблизительная долгота 134° 28′ O). Отсюда г. Орловъ направился въ селеніе Нимелень, гдѣ, взявъ своихъ собакъ, возвратился тѣмъ же путемъ, черезъ селеніе Коль, въ Петровское.

Такимъ образомъ Дмитрій Ивановичъ былъ первый, который опредѣлилъ направленіе пограничнаго Хинганскаго хребта между южными истоками рѣки Уди (широта 53° 42′ N и долгота приблизительно 132° 52′ O) и сѣвернымъ истокомъ рѣки Амгунь (широта 52°, 26′ N и долгота 134°, 28′ O). Этимъ изслѣдованіемъ онъ фактически доказалъ: 1) что Хинганскій хребетъ, принятый, по нерчинскому трактату 1689 года, подтвержденному трактатомъ 1721 года, за границу между Россіею и Китаемъ, отъ вершины рѣки Уди направляется не къ сѣверо-востоку, какъ ошибочно до этого времени полагали и какъ означалось на всѣхъ картахъ, а къ юго-западу. 2) Что въ тугурскомъ и удскомъ краѣ, а равно по южному склону Хинганскаго хребта, никакихъ пограничныхъ столбовъ или знаковъ, какъ представлялъ академикъ Миндендорфъ, нѣтъ и никогда не существовало, а что, вѣроятно, кучи камней въ видѣ столбовъ, сложенныя инородцами для означенія стойбищъ и удобныхъ переваловъ, г. Миндендорфъ принялъ за пограничные знаки. И, наконецъ, 3) что слухи о населеніи русскихъ около южнаго колѣна рѣки Амуръ, по словамъ инородцевъ, справедливы.

14 февраля пріѣхали въ Петровское съ Амура и Уссури 4 гольда и 2 кекгальца; они разсказали намъ слѣдующее: 1) что съ рѣки Ипляо, впадающей въ рѣку Амуръ съ правой стороны, они перевалиываютъ на большую рѣку Поръ, вливающуюся съ правой же стороны въ рѣку Уссури, недалеко отъ ея устья. 2) Что въ рѣку Поръ около этого перевала впадаетъ рѣка Чернай, которая подходитъ близко къ рѣкѣ Самальгѣ, впадающей въ Татарскій заливъ. 3) Что этимъ путемъ съ берега рѣки Амуръ до моря (Татарскаго залива) не болѣе 350 верстъ. 4) Что они этимъ путемъ обыкновенно ѣздятъ за промыслами къ морю въ закрытый заливъ, лежащій около устья Самальги. 5) Что по берегамъ рѣкъ: Самальги, Чернай и Поръ произрастаютъ огромные лѣса. 6) Что по этимъ рѣкамъ, въ особенности по Самальгѣ, могутъ ходить большія лодки. 7) Что въ рѣкѣ Уссури существуетъ нѣсколько перевалов къ морю

и нѣсколько закрытыхъ бухтъ, лежащихъ не далеко другъ отъ друга, съ обѣихъ сторонъ большой рѣки Сайфуна, впадающей въ море, въ разстояніи отъ устья рѣки Самальги на 20 дней пути, если ѣхать на лодкѣ. 8) Что такъ какъ они слышали, что мы не позволяемъ манджурамъ обижать гиляковъ и мангуновъ, то они желали бы, чтобы мы и у нихъ поселились и обѣщали проводить насъ къ морю съ рѣки Амура и съ Уссури, по самымъ близкимъ путямъ, въ закрытыя бухты. Наконецъ, 9) что слышали о селеніи русскихъ около устья Сунгари, и что эти русскіе весьма дурные люди: часто вмѣстѣ съ манджурами обижаютъ инородцевъ и подстрекаютъ манджуровъ перерѣзать или прогнать насъ.

Вслѣдъ за этимъ, 15 февраля, пришла изъ Аяна первая зимняя почта, отправленная оттуда 20 ноября. Съ этою почтою я получилъ какъ изъ Иркутска (отъ 15 сентября), такъ и изъ Петербурга (отъ 4 іюля) приказаніе: „не распространять изслѣдованій далѣе земли гиляковъ, обитающихъ по амурскому лиману и въ окрестностяхъ Николаевска, и стараться чрезъ гиляковъ вступать въ торговыя сношенія съ старшинами сопредѣльныхъ съ ними инородцевъ“.

Въ отвѣтъ на это я писалъ его превосходительству Н. Н. Муравьеву:

„1) Пограничный вопросъ нынѣ разъясняется и вѣковыя заблужденія, будто бы при-амурскій край составляетъ китайскія владѣнія, начинаютъ разсѣиваться. Теперь мнѣ совершенно понятно, почему Китай не признаетъ этотъ край своею принадлежностью и оставляетъ его безъ всякаго надзора: онъ строго держится трактатовъ 1689 и 1721 гг. и потому не считаетъ этотъ край своимъ.

„2) По свѣдѣніямъ отъ туземцевъ разъясняется также и самый главный здѣсь вопросъ—морской: существованіе на татарскомъ берегу закрытыхъ бухтъ, связанныхъ съ рѣками Амуръ и Уссури внутреннимъ путемъ, почти неоспоримо. Такія бухты важны для насъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, потому что льды и туманы, царствующіе въ Охотскомъ морѣ, а также климатическія и географическія условія его береговъ, равно какъ и береговъ Камчатскаго полуострова, не представляютъ возможности основать въ этихъ мѣстахъ надлежащаго и полезнаго для насъ порта.

„3) Озеро Кизи, заливъ Нангмаръ и рѣка Уссури представляютъ для насъ важные пункты въ морскомъ отношеніи.

„4) При настоящемъ состоянiи при-амурскаго и при-уссурiйскаго края нельзя оставлять ихъ безъ бдительнаго надзора и правительственнаго вліянія, а потому, при дѣйствіяхъ нашихъ здѣсь, нельзя ограничиваться тѣми только лишь пальятивными мѣрами, которыя мнѣ предлагаются къ руководству, ибо при такихъ мѣрахъ мы легко можемъ потерять на вѣки для Россіи этотъ важный край!!

„Вотъ тѣ убѣжденія, которыя понуждаютъ меня дѣйствовать здѣсь, какъ Ваше Превосходительство изволили усмотрѣть, сообразно встрѣчаемымъ мною обстоятельствамъ. Уповаю, что въ виду этого Вы дадите мнѣ надлежащія средства для достиженія упомянутой важной цѣли и разрѣшите мнѣ:

„А) Занять селеніе Кизи и заливъ Нангмаръ, какъ ближайшіе къ Николаевску пункты, изъ которыхъ легко наблюдать за иностранными судами, плавающими въ сѣверной части Татарскаго залива, и для изслѣдованія береговъ онаго къ югу до корейской границы.

„Б) Разрѣшите послать особую экспедицію для изслѣдованія рѣки Уссури и, близъ устья ея, въ селеніи Гольди, оставить на зимовку офицера, съ цѣлью ознакомленія съ путями, ведущими съ той рѣки къ морю, и наблюденія за временемъ и обстоятельствами, сопровождающими закрытіе и вскрытіе, какъ рѣки Уссури, такъ равно и южнаго колѣна рѣки Амуръ.

„В) Для повѣрки настоятельныхъ слуховъ о поселеніи бѣглыхъ русскихъ, распространившихся нынѣ уже между командами и дурно дѣйствующихъ на оныя, послать на вооруженной шлюпкѣ вверхъ по рѣкѣ Амуръ офицера, съ тѣмъ, что если эти слухи окажутся справедливыми, то офицеру тому стараться достигнуть селенія этихъ русскихъ и объявить имъ, что они поступаютъ подъ мое начальство и обязаны намъ содѣйствовать, за что всѣ ихъ прежніе поступки будутъ Высочайше прощены.

„Г) Въ настоящую навигацію, для подкрѣпленія моей команды, состоящей нынѣ только изъ 56 человѣкъ, прислать, по крайней мѣрѣ, 50 человѣкъ хорошаго поведенія, при 2 офицерахъ и распорядиться, чтобы къ навигаціи 1853 г. была прислана изъ Кронштадта въ мое распоряженіе одна паровая шкуна“.

Донося о всемъ этомъ генералъ-губернатору, я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ частномъ письмѣ къ нему, между прочимъ, писалъ:

„Долгомъ моимъ считаю предварить Васъ, что сознавая тяжкую лежащую на мнѣ нравственную отвѣтственность за всякое съ моей

стороны упущеніе къ отстраненію могущей потери для Россіи этого края, я во всякомъ случаѣ рѣшился дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя ожидаю получить отъ гг. Чихачева и Бошняка. Надѣюсь, что при патріотической преданности Вашего Превосходительства этому дѣлу, Государь Императоръ милостиво воззритъ на таковые мои поступки, происходящіе единственно отъ преданности моей и моихъ сотрудниковъ къ благу отечества".

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе Бошняка.—Его донесеніе.—Прибытіе Березина.—Записка Чихачева.—Отправленіе Березина въ распоряженіе Чихачева. Инструкція Березину.—Декларація 11 апрѣля 1852 г.—Командировка Бошняка въ с. Ухтре. Начало судостроенія въ при-амурскомъ краѣ. Письмо Н. Н. Муравьева отъ 28 декабря 1851 г. Депеша Кашеварова.—Предписаніе Кашеварову отъ 15 апрѣля 1852 г.—Депеша главному правленію компаніи.

22 марта лейтенантъ Бошнякъ, совершенно больной, возвратился съ острова Сахалина въ Николаевскъ и донесъ мнѣ, что проѣхавъ по лиману къ мысу Лазарева и переваливъ здѣсь на Сахалинъ, въ селеніе Погоби, онъ направился вдоль берега на S. Проѣхавъ этимъ путемъ около 30 верстъ, онъ достигъ рѣчки и гиляцкаго селенія Уанды. Отсюда, проѣхавъ по тому же направленію около 20 верстъ, онъ прибылъ на выдающійся въ море низменный и тундристый мысъ Лакъ, отъ котораго къ O лежитъ 4 небольшихъ озера; широта этого мыса по его наблюденіямъ 51° 45′ N.

Обогнувъ мысъ Лакъ, онъ пошелъ берегомъ, который имѣлъ отъ этого мыса направленіе на $StO^1/_2O$; проѣхавъ по берегу около 20 верстъ, Бошнякъ достигъ селенія и рѣчки Тымп, а потомъ чрезъ 20 верстъ пріѣхалъ въ селеніе и рѣку Віяхту. Широта Віяхту оказалась 51° 35′ N. Съ мыса Тыкъ, г. Бошнякъ началъ встрѣчать каменный уголь въ разбросанныхъ по берегу кускахъ; но между устьемъ рѣки или протока Віяхту и заливомъ Уанды, онъ видѣлъ его въ обнаженныхъ пластахъ. Протока Віяхту, а равно и озеро того же имени, по словамъ туземцевъ, имѣютъ достаточную глубину; эта мѣстность представляетъ, повидимому, удобный пунктъ для нагрузки судовъ каменнымъ углемъ, а потому и заслуживаетъ тщательнаго обслѣдованія, которое можно сдѣлать во время навигаціи.

Изъ Віяхту, слѣдуя по тому же StO направленію, чрезъ 20 верстъ, онъ достигъ рѣчки и селенія Танги, откуда перебрался на

мысъ Уанды, лежащій въ 8 верстахъ на S отъ перваго. Затѣмъ, проѣхавъ 20 верстъ на SSO, достигъ мыса, селенія и рѣчки Хой, а отсюда прибылъ въ селеніе Мгачъ, расположенное при устьѣ рѣчки того же имени и отстоящее въ 20 верстахъ на StO отъ Хой. Здѣсь туземцы объяснили ему, что самое большое количество каменнаго угля находится въ заливѣ Дуэ и что его также много имѣется на большой рѣкѣ Тыми, на которой жили русскіе; что на эту рѣку надобно ѣхать по рѣчкѣ Мгачъ до ея вершины, а потомъ перевалить чрезъ горы на рѣчку Пуджимъ, впадающую въ рѣку Тыми, и что этимъ путемъ отъ селенія Мгачъ до рѣки Тыми не болѣе $1^1/_2$ дней пути на собакахъ (т. е. около 50 верстъ); широта селенія Мгачъ оказалась 51° 01′ N.

Изъ этого селенія Бошнякъ отправился вдоль берега по тому же направленію и чрезъ 15 верстъ достигъ рѣчки и селенія Аркой. Отсюда берегъ тянется къ возвышенному мысу Дуэ на SSW, образуя обширный Дуэскій заливъ. Слѣдуя на SSW, около 10 верстъ, онъ достигъ рѣчки и селенія Дуэ, расположеннаго по сѣверную сторону мыса того же имени. Широта этого пункта, по наблюденіямъ Бошняка, 50° 53′ N. Берега залива Дуэ ровные, возвышенные и приглубые; они на пространствѣ около 20 верстъ составляютъ почти сплошную каменно-угольную формацію; пласты каменнаго угля толщиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина здѣсь совершенно оголены. Заливъ Дуэ, повидимому, представляетъ довольно изрядный рейдъ, по крайней мѣрѣ, единственный на всемъ пространствѣ обслѣдованнаго мною берега, а потому, подобно протокѣ Віяхту, требуетъ тщательнаго изслѣдованія. Туземцы селенія Дуэ говорили г. Бошняку, что далѣе къ югу близъ моря есть также каменный уголь, но что самое большее количество его находится въ заливѣ Дуэ.

Достигнувъ такимъ образомъ главнаго мѣсторожденія каменнаго угля, г. Бошнякъ изъ селенія Дуэ возвратился тѣмъ же путемъ въ селеніе Мгачъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться изъ этого селенія на рѣку Тыми. Оставивъ въ Мгачѣ заболѣвшаго ногою гиляка Позвейна и своихъ утомленныхъ собакъ, г. Бошнякъ, въ нанятой у туземцевъ нартѣ съ проводникомъ и казакомъ отправился на ONO, вверхъ по рѣкѣ Мгачъ. Проѣхавъ по этому направленію около 15 верстъ, онъ перевалилъ на вершину рѣчки Пуджимъ, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Тыми. Упомянутый перевалъ идетъ на OSO около 12 верстъ чрезъ хребетъ, тянущійся вдоль

Сахалина. Съ вершины Пуджима Бошнякъ поѣхалъ по этой рѣчкѣ къ SO и чрезъ 20 верстъ достигъ рѣки Тыми и селенія ороченъ *), съ котораго и началъ изслѣдованіе рѣки Тыми. Широта селенія Удлекъ-во, расположеннаго на рѣкѣ Тыми близъ устья рѣчки того же имени, оказалась 51° 3′ N. Рѣка Тыми отъ этого пункта течетъ на N и NNO; берега ея гористы съ каменно-угольною формаціею. Проѣхавъ по рѣкѣ на N и NW около 15 верстъ, П. К. Бошнякъ достигъ селенія Тифацъ-во, отъ котораго рѣка пошла къ NNO; по этому послѣднему направленію онъ проѣхалъ около 7 верстъ и достигъ рѣчки и селенія Иткверъ-во. На пути до него онъ проѣзжалъ озеро и рѣчку Кадъ, впадающую въ рѣку Тыми съ правой стороны и лежащую въ 2 верстахъ отъ селенія Тифацъ-во и также рѣчку Чидъ, впадающую въ р. Тыми съ той же стороны и лежащую отъ Када около 9 верстъ. Туземцы (ороки) селенія Иткверъ объяснили ему, что русскіе жили около селенія Чеворъ-во и что двое изъ нихъ имѣли дѣтей отъ кекгальскихъ своихъ женъ.

Изъ селенія Иткверъ, на пространствѣ около 8 верстъ, рѣка Тыми течетъ на N, а далѣе, на пространствѣ около 10 верстъ, на O. Правый берегъ ея гористъ и мѣстами на немъ попадается каменный уголь. Отсюда до рѣчки Купчи, впадающей въ р. Тыми съ лѣвой стороны, на пространствѣ около 10 верстъ, рѣка довольно извилиста и имѣетъ общее направленіе къ N. Отъ Купчи до селенія Чхаръ-во, противъ котораго лежитъ довольно возвышенный островъ, имѣющій около 4 верстъ длины, на пространствѣ около 15 верстъ рѣка направляется къ NtO. На этомъ пути, въ разстояніи отъ Купчи въ 7 верстахъ, впадаетъ въ р. Тыми съ лѣвой стороны рѣчка Иткаръ, при которой лежитъ селеніе того же имени. Въ 4 верстахъ отъ этой рѣчки, съ той же стороны, впадаетъ въ р. Тыми рѣчка Пачай.

Въ селеніи Чхаръ живутъ кекгальцы. Это селеніе довольно значительное и широта его, по наблюденіямъ Бошняка, оказалась 51° 28′ N, а приблизительная долгота отъ С.-Петербурга около 142° 48′ O.

Въ этомъ селеніи г. Бошнякъ остановился на сутки, чтобы хорошенько ознакомиться съ жителями и распросить ихъ о русскихъ.

*) Орочены или ороки говорятъ тунгусскимъ языкомъ съ примѣсью гиляцкихъ словъ. Между ними существуетъ преданіе, что они тунгусы, перекочевавшіе на Сахалинъ изъ удскаго края; поэтому они считаютъ себя подданными Россіи.

Казакъ Парфентьевъ, сопровождавшій Бошняка, зналъ тунгусскій языкъ и очень хорошо ихъ понималъ.

Туземцы продали здѣсь г. Бошняку, за 3 аршина китайки, 4 листа, вырванныхъ изъ часовника, и объяснили, что жившіе здѣсь русскіе имѣли книгу. Изъ числа этихъ листовъ одинъ былъ заглавный, на которомъ едва разборчивымъ почеркомъ было написано: „*Мы, Иванъ, Данила, Петръ, Сергѣй и Василій высажены въ аинскомъ селеніи Тамари-Анива Хвостовымъ 17-го августа 1805 г.; перешли на рѣку Тыми въ 1810 г., въ то время, когда пришли въ Тамари японцы*“. Туземцы при этомъ объяснили, что японцы начали приходить на Сахалинъ сначала для ловли рыбы и для торговли, нынѣ же у нихъ въ главномъ селеніи острова Тамари-Анива и по другимъ селеніямъ находятся склады риса и арака, которыми они платятъ за работу аинамъ и что для охраненія этихъ складовъ нѣсколько японцевъ остаются на зимовку въ этихъ селеніяхъ. Впрочемъ, какъ эти туземцы, такъ и всѣ народы, обитающіе на Сахалинѣ, никакой власти ни китайской, ни японской надъ собою не признаютъ и ясака не платятъ. Точно также туземцы разсказывали Бошняку, что очень давно пришли на островъ и поселились на немъ тунгусы съ р. Уди; ихъ называютъ здѣсь ороченами. Затѣмъ туземцы показали Бошняку мѣста, гдѣ жили русскіе. Видно было, что они помѣщались въ 3 избахъ и что у нихъ были огороды. При этомъ туземцы говорили, что послѣдній изъ русскихъ, Василій, умеръ недавно; что русскіе были хорошіе люди, и вмѣстѣ съ ними ходили на рыбный и звѣриный промыслы; одѣвались также, какъ и они, но волосы стригли.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ мѣстожительство русскихъ и убѣдившись, что наши соотечественники явились на Сахалинъ гораздо ранѣе японцевъ, г. Бошнякъ, изъ селенія Чхаръ, 3 марта 1852 г., отправился далѣе, внизъ по рѣкѣ Тыми. Проѣхавъ на NtO около 10 верстъ и на NW около 12 верстъ, онъ достигъ с. Мавахъ-во, миновалъ его и, слѣдуя на NtO, чрезъ 12 верстъ достигъ озера и селенія Урвангъ. На этомъ пути въ двухъ мѣстахъ онъ видѣлъ на лѣвомъ берегу рѣки каменный уголь, но уже въ ничтожномъ количествѣ.

Отъ селенія Урвангъ до рѣчки Вололо, впадающей въ р. Тыми съ правой стороны, на пространствѣ около 10 верстъ, рѣка течетъ на NOtN, а затѣмъ, до моря, на пространствѣ около 45-ти верстъ, на NNO.

Рѣка Тыми впадаетъ въ заливъ Ный, загражденный съ моря низменною песчаною кошкою, въ видѣ продолговатаго острова, тянущагося отъ NNW къ SSO, на пространствѣ около 11-ти миль. Островъ этотъ туземцы называютъ Кетово; онъ составляетъ одинъ изъ острововъ, которые въ 1849 г. я назвалъ шхерами Благополучія. Между этимъ островомъ и мысами залива—сѣвернымъ Люнгъ и южнымъ Кетти—находится проходъ въ море около 1/4 мили ширины.

Восточный берегъ этого залива составляетъ низменную подошву возвышенностей, по которой около устья Тыми текутъ въ заливъ три рѣчки: Чемдынга, Идъ и Венга. Между послѣдними двумя, на возвышенномъ берегу, расположено селеніе кекгальцевъ Ный, состоящее изъ 6-ти юртъ. У сѣвернаго же мыса, Люнгъ, на островѣ Кетово — селеніе Такръ-во, изъ 3-хъ юртъ. Устье рѣки Тыми имѣетъ ширину около одной мили; въ немъ находятся два низменныхъ острова. По словамъ туземцевъ, на барѣ рѣки Тыми глубина около 3 футъ, заливъ же Тыми мѣстами имѣетъ глубину подъ островомъ до 15-ти футъ. Вообще этотъ заливъ мелководенъ и наполненъ банками; ширина его около 4 миль, длина же около 10. Выходъ изъ него въ море у мысовъ Люнгъ и Кетово имѣетъ глубину отъ 10 до 8 футъ. На всемъ пространствѣ около 85 миль, обслѣдованномъ г. Бошнякомъ, рѣка Тыми судоходна; по словамъ туземцевъ, здѣсь нѣтъ ни пороговъ, ни шиверовъ; глубина ея отъ 25 до 5 футовъ; долина рѣки вообще увалистая и только мѣстами луговые низменные берега рѣки изобилуютъ хорошимъ строевымъ лѣсомъ лиственицы, ели и частію сосны; мѣстами попадается кедръ и тонкій дубнякъ. Долина эта съ сѣвера защищена возвышенностями.

Въ рѣкѣ много различной рыбы. Все теченіе ея должно быть около 120 миль отъ SSW на NNO. Туземцы говорили Бошняку, что рѣка Тыми самая большая изъ рѣкъ, орошающихъ островъ Сахалинъ.

Жители этой рѣки, потомки удскихъ тунгусовъ, ороки и кекгальцы, находятся въ самомъ дикомъ состояніи. Религія ихъ, какъ можно было замѣтить,—шаманство въ самомъ грубомъ видѣ. Они вообще добродушны и въ этомъ отношеніи гораздо лучше гиляковъ. Жилища ихъ грязны и почти такія же, какъ и у гиляковъ; питаются они рыбою, кореньями, ягодами и дичью. Общій промыселъ ихъ звѣриный и рыбный; но самый прибыльный — ловля

орловъ, хвосты которыхъ они сбываютъ японцамъ за рисъ и водку. Здѣсь довольно соболей, выдръ и лисицъ, но звѣри эти дурнаго качества. Въ заливѣ Ный, у туземцевъ, Бошнякъ видѣлъ много довольно изряднаго янтаря, который, по словамъ ихъ, находится въ изобиліи около восточнаго берега Сахалина. Изъ каменнаго угля они дѣлаютъ различныхъ идоловъ въ родѣ тѣхъ птицъ или звѣрей, которые у нихъ почитаются злыми; они часто ихъ наказываютъ или топятъ и даже разбиваютъ. Точно также изъ каменнаго угля они дѣлаютъ пуговицы, но не употребляютъ его какъ топливо, хотя и знаютъ, что онъ горитъ. Широта устья рѣки Тыми оказалась 51° 56′ N, а приблизительная долгота 143° 20′ O.

Отсюда г. Бошнякъ тѣмъ же путемъ, имѣя раны на ногахъ, совершенно изнуренный отъ усталости и голода, послѣ 3-хъ-недѣльнаго странствованія, возвратился въ селеніе Мгачъ. Во время этого пути, 10 дней Бошнякъ питался только юколою (вяленою рыбою), брусникою и полугнилымъ тюленьимъ мясомъ, ибо провизія и чай у него вышли.

Изъ селенія Мгачъ Бошнякъ, взявъ свою нарту и Позвейна, поѣхалъ обратно, но могъ добраться только до селенія Тыкъ ибо почти всѣ собаки у него околѣли. Провизіи ни какой уже не было и они, питаясь юколою или нерпичьимъ жиромъ, отсюда, на наемныхъ нартахъ, едва живые дотащились наконецъ до Николаевска.

Всѣ прибрежные туземцы острова Сахалина говорили г. Бошняку, что съ раннею весною туда приходятъ иностранныя суда, команды которыхъ выходятъ часто на берегъ, беруть насильно у нихъ рыбу и дѣлаютъ различныя безчинства, а потому и просили Бошняка, чтобы мы ихъ защищали отъ этихъ насилій.

Вслѣдъ за г. Бошнякомъ, 9 апрѣля, прибылъ въ Петровское прикащикъ Березинъ и сообщилъ, что онъ вмѣстѣ съ топографомъ Поповымъ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Амуръ и производя глазомѣрную съемку праваго берега рѣки и расторжку съ гиляками и манджурами, достигъ селенія Ауръ (лежащаго верстахъ въ сорока отъ Кизи). Одинъ изъ туземцевъ этого селенія, Зайворъ, взялся проводить ихъ въ заливъ Наигмаръ, куда они и прибыли 20-го марта. Заливъ въ это время былъ покрытъ льдомъ, на горизонтѣ же, въ морѣ, къ югу, льда не было видно. Туземцы, возвратившіеся въ заливъ съ тюленьяго промысла, сказали Березину, что къ югу отъ залива въ морѣ ходитъ судно. Дабы удостовѣриться въ этомъ,

Поповъ съ трубою взобрался на гору и увидѣлъ къ югу отъ залива, подъ парусами, большое судно.

Возвратившись изъ залива Нангмаръ въ Кизи, чтобы ожидать тамъ Чихачева, Березинъ послалъ навстрѣчу Чихачеву топографа Попова. 26 марта, въ селеніи Ода, Поповъ встрѣтился съ Чихачевымъ и, передавъ ему свѣдѣніе объ упомянутомъ суднѣ, объяснилъ, что изъ селенія Ода можно прямо достигнуть залива Нангмаръ. Чихачевъ, взявъ проводника, поѣхалъ прямымъ путемъ въ заливъ, а Попову велѣлъ скорѣе слѣдовать въ Кизи, взять отъ Березина сухарей, которые у него вышли, и прибыть къ нему въ заливъ Нангмаръ. Березину же, какъ возможно скорѣе, съ этимъ извѣстіемъ и съ его запиской спѣшить ко мнѣ, въ Петровское.

Въ заключеніе Березинъ сообщилъ мнѣ, что въ селеніи Сабахъ гиляки показывали ему обломокъ мѣднаго креста и при этомъ говорили, что недавно они ограбили и убили какого-то человѣка, который носилъ при себѣ этотъ крестъ.

Въ запискѣ, написанной карандашемъ, Чихачевъ увѣдомлялъ меня, что по даннымъ, полученнымъ имъ отъ туземцевъ рѣки Гирпнь и отъ встрѣченныхъ имъ здѣсь манджуровъ, положительно можно заключить, что Хинганскій или становой хребетъ, изъ котораго берутъ начало рѣки Уди, Тугуръ, Амгунь и Гирпнь, есть тотъ самый хребетъ, изъ котораго истекаютъ рѣки: Бурея и Зея, т. е. тотъ самый, который принятъ, по трактату съ Китаемъ, хребтомъ пограничнымъ между Россіею и Китайскою имперіею. Хребетъ этотъ, по словамъ манджуровъ, перебрасываясь чрезъ рѣки Амуръ и Сунгари, около 160 верстъ отъ устья послѣдней, тянется къ югу до Японскаго моря и составляетъ водораздѣлъ рѣкъ Уссури и Сунгари съ Хургою. Всѣ народы, живущіе къ востоку отъ него, ясака не платятъ. „На р. Амуръ и въ Манджурію“, писалъ мнѣ далѣе Чихачевъ, „являются какіе-то люди, весьма къ намъ не расположенные. Убѣдительно прошу васъ немедленно возвратить Березина съ распоряженіями и провизіей, которая у него почти вся вышла“.

Получивъ это свѣдѣніе, я 11-го апрѣля отправилъ къ Чихачеву Березина съ провизіею и приказаніемъ тщательно наблюдать надъ дѣйствіями иностранныхъ судовъ и, въ случаѣ встрѣчи съ ними, объявлять и передавать имъ письменно, на французскомъ языкѣ, отъ имени россійскаго правительства, что весь при-амурскій и при-уссурійскій край съ Сахалиномъ до корейской границы составляетъ русское владѣніе, а потому всякія произвольныя рас-

поряженія въ этихъ мѣстахъ, безъ согласія русскаго правительства, не могутъ быть допускаемы и влекутъ за собою большую отвѣтственность.

Березину я приказалъ спѣшить къ Чихачеву и всѣми возможными мѣрами ему содѣйствовать. Кромѣ того, наблюдать надъ обстоятельствами, сопровождающими вскрытіе рѣки Амуръ и озера Кизи, и собирать всевозможныя свѣдѣнія о краѣ. Вступая съ инородцами селенія Кизи въ дружескія сношенія, имѣть въ виду, что въ этомъ селеніи долженъ быть основанъ складъ нашихъ запасовъ и пристанище для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій.

По уходѣ Чихачева изъ залива Нангмаръ, Березину приказано было возвратиться въ Петровское, слѣдуя подъ правымъ берегомъ рѣки Амуръ и замѣчать мѣстности, удобныя къ земледѣльческому заселенію.

Въ то же время, именно 12-го апрѣля, былъ посланъ весновать въ селеніе Ухтре лейтенантъ Бошнякъ. Ему приказано было: 1) наблюдать обстоятельства вскрытія рѣки и протоки, описать и промѣрить оную, а равно и озеро Ухдыль, изъ котораго она выходитъ, и опредѣлить—не представляется ли здѣсь удобства для зимовки судовъ, устройства эллинга и для осѣдлаго земледѣльческаго населенія. 2) Исполнивъ это, на обратномъ пути слѣдовать подъ лѣвымъ берегомъ рѣки Амуръ и замѣчать на ономъ мѣста, удобныя для заселенія.

Не надѣясь получить въ навигацію 1852 г. какія-либо средства для сообщенія по рѣкѣ и наблюденія надъ иностранными судами, я 14-го апрѣля заложилъ въ Петровскомъ палубный ботикъ, 29 фут. длины и 7 фут. ширины и 6-ти весельный баркасъ, по составленнымъ мною чертежамъ. При этомъ все вниманіе я обратилъ на то, чтобы суда эти къ предстоящей навигаціи въ Петровскомъ, т. е. къ 1-му іюля, были готовы.

Между тѣмъ, 10-го апрѣля тунгусы привезли изъ Аяна вторую и послѣднюю зимнюю почту, посланную изъ Аяна 28-го февраля. Съ этою почтою (отъ 26-го декабря 1851 г.) я получилъ письмо отъ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, въ которомъ онъ изъявлялъ полное сочувствіе ко всѣмъ моимъ дѣйствіямъ и писалъ мнѣ: 1) что изъ С.-Петербурга повелѣно входить мнѣ въ торговые договоры только съ властями инородцевъ, обитающихъ близъ устья рѣки Амуръ, но дальнѣйшихъ какихъ либо распоряженій, далѣе земли гиляковъ или окрестностей устья рѣки Амуръ, ни подъ ка-

кимъ видомъ не дѣлать. 2) Что каменные пограничные столбы, найденные будто-бы Миндендорфомъ на протяженіи отъ Охотскаго моря до истоковъ рѣки Уди и далѣе къ западу, по южному склону становаго хребта, а также свѣдѣнія, получаемыя изъ Пекина, до сихъ поръ служатъ убѣжденіемъ, что граница наша съ Китаемъ должна идти по этимъ знакамъ.

Въ заключеніе Н. П. Муравьевъ увѣдомлялъ меня, что онъ вмѣстѣ съ симъ же предписываетъ начальнику аянскаго порта и камчатскому губернатору усердно содѣйствовать экспедиціи и приказать всѣмъ казеннымъ и компанейскимъ судамъ, слѣдующимъ изъ Аяна въ Петропавловскъ и Ситху, заходить въ Петровское.

Начальникъ аянскаго порта и факторіи росс.-ам. компаніи Кашеваровъ въ то же время депешею отъ 26-го февраля увѣдомилъ меня, что главнымъ правленіемъ компаніи поручено ему смотрѣть на ввѣренную мнѣ экспедицію, какъ на торговую экспедицію аянской факторіи, почему и предписываетъ ему дать въ этихъ видахъ Орлову, Березину и другимъ лицамъ, числящимся на службѣ въ аянской факторіи, надлежащія инструкціи, какъ лицамъ, ему подчиненнымъ. По снабженію же экспедиціи товарами и запасами отнюдь не выходить изъ предѣловъ той суммы, какая опредѣлена для этого правительствомъ. Наконецъ, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не посылать съ этими запасами и товарами въ Петровское компанейскихъ судовъ, имѣя въ виду, что все это должно быть перевозимо туда на казенныхъ.

Высказавъ мнѣ эти распоряженія главнаго правленія, г. Кашеваровъ увѣдомляетъ меня, что онъ вмѣстѣ съ симъ препровождаетъ надлежащія инструкціи и предписанія Орлову и Березину и въ заключеніе говоритъ, что онъ, хотя и вполнѣ сознаетъ полную недостаточность снабженія экспедиціи, согласно упомянутымъ распоряженіямъ компаніи, но какъ лице, вполнѣ подчиненное и зависимое отъ главнаго правленія, не можетъ иначе дѣйствовать.

Получивъ такое увѣдомленіе и имѣя въ виду важность результатовъ сдѣланныхъ уже изслѣдованій, несоотвѣтственность съ обстоятельствами и полную ошибочность мнѣній въ С.-Петербургѣ объ этомъ краѣ, наконецъ, оскорбительныя и несоотвѣтствующія важности дѣла распоряженія главнаго правленія компаніи, препятствующія успѣху нашихъ дѣйствій и могущія поставить экспедицію въ самое критическое положеніе, угрожающее почти голодною смертію всѣмъ намъ, я, съ нарочнымъ тунгусомъ, посланнымъ изъ Петровскаго въ Аянъ 15-го апрѣля, предписалъ, именемъ ге-

нералъ-губернатора, начальнику аянскаго порта Кашеварову, не стѣсняться распоряженіями главнаго правленія компаніи и, смотря по возможности, на казенныхъ или компанейскихъ судахъ снабдить экспедицію благовременно товарами и запасами, согласно моему требованію, посланному 3-го ноября изъ Петровскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ его имѣть въ виду, что компанія здѣсь ничто иное, какъ поставщикъ товаровъ и запасовъ по моему требованію, какъ лица, дѣйствующаго по Высочайшему повелѣнію, самостоятельно, для достиженія важной государственной цѣли и что настоящая, ввѣренная мнѣ экспедиція не есть та ничтожная торговая посылка изъ Аяна въ тугурскій край для расторжки съ обитающею тамъ сотнею инородцевъ, какая совершалась компаніею изъ Аяна, ради ея выгоды, въ 1848 и 1849 годахъ. „Г.-Орлову и Березину“ сообщалъ я Кашеварову, „я не только приказалъ не исполнять вашихъ распоряженій, но и не отвѣчать даже вамъ на оныя. О чемъ вмѣстѣ съ симъ же доношу генералъ-губернатору и депешею увѣдомляю главное правленіе компаніи. Депешу эту посылаю вамъ открытою, для прочтенія. По полученіи конверта на имя генералъ-губернатора, поручаю вамъ немедленно послать его съ нарочнымъ въ Иркутскъ, а депешу отправить въ главное правленіе. Сверхъ этого, прошу васъ, въ случаѣ слѣдованія чрезъ Аянъ на службу въ Камчатку офицеровъ, прислать двухъ изъ нихъ немедленно въ Петровское“.

Въ депешѣ главному правленію компаніи я писалъ слѣдующее:

„Получивъ нынѣ отъ г. Кашеварова увѣдомленіе о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ему главнымъ правленіемъ компаніи, я нахожу ихъ не только оскорбительными для лицъ, служащихъ въ экспедиціи, но и несоотвѣтствующими тѣмъ важнымъ государственнымъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремится экспедиція. Распоряженія эти могутъ поставить насъ въ самое критическое положеніе, почему я вынужденъ былъ, какъ лице отвѣтственное здѣсь за все, дать вмѣстѣ съ симъ же предложеніе г. Кашеварову, которое просилъ его сообщить главному правленію компаніи. Полагая, что подобное распоряженіе правленія, явно препятствующее къ достиженію упомянутой государственной цѣли, произошло отъ какихъ либо недоумѣній, или отъ неизвѣстности встрѣчаемыхъ здѣсь обстоятельствъ, я остаюсь увѣреннымъ, что послѣ этого главное правленіе дастъ немедленно приказаніе г. Кашеварову въ точности исполнять мои требованія по снабженію экспедиціи товарами и запасами“.

ГЛАВА XV.

Донесеніе генералъ-губернатору 15 апрѣля 1852г.—Проявленіе цивилизаціи между гиляками.—Крещеніе ихъ.—Распространеніе огородничества между ними.—Донесеніе Н. М. Чихачева.—Свѣдѣнія, собранныя имъ о рѣкахъ Амгунь и Гиринь и о народахъ, обитающихъ по берегамъ ихъ.—Южный при-амурскій и при-уссурійскій край, по разсказамъ манджуровъ.

Генералъ-губернатору я представилъ въ подлинникахъ журналы изслѣдованія, произведеннаго Бошнякомъ, записку г. Чихачева и донесеніе Березина, и объяснилъ важность результатовъ этихъ изслѣдованій и опасность, какая предстоитъ намъ при появленіи иностранныхъ судовъ съ юга и отъ миссіонеровъ въ Манджуріи и приамурскомъ краѣ. Высказавъ ему, какое вредное вліяніе на команды производятъ слухи о населеніи русскихъ бѣглыхъ и сообщивъ распоряженія главнаго правленія Кашеварову, въ заключеніе я писалъ ему такъ:

„Изъ этого Ваше Превосходительство изволите видѣть всю неосновательность и фальшивость убѣжденій въ С.-Петербургѣ о приамурскомъ и уссурійскомъ краѣ и островѣ Сахалинѣ, которые, по изложеннымъ даннымъ, должны составлять не китайскую принадлежность, какъ то думаютъ и настаиваютъ въ С.-Петербургѣ, а русскую. Полная несостоятельность съ упомянутымъ обстоятельствомъ даннаго мнѣ повелѣнія, повторяемаго почти каждую почту, при ничтожныхъ средствахъ, которыми располагаетъ экспедиція, очевидна, а распоряженія главнаго правленія могутъ поставить насъ въ самое критическое положеніе, которое повлечетъ за собою уничтоженіе экспедиціи.

„Поставленный здѣсь въ такое положеніе, при которомъ вся нравственная отвѣтственность за недостатокъ самостоятельности палабы на меня и соображаясь единственно съ упомянутыми обстоя-

тельствами, не смотря на то, что они несогласны съ данною мнѣ инструкціею и влекутъ за собою строжайшую отвѣтственность, я рѣшился дѣйствовать внѣ повелѣній. Мнѣ предстояло и нынѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или, дѣйствуя согласно инструкціямъ, потерять навсегда для Россіи столь важные край, какъ при-амурскій и при-уссурійскій, или же дѣйствовать самостоятельно, приноравливаясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и несогласно съ данными мнѣ инструкціями. Я избралъ послѣднее.

„Послѣ этого я надѣюсь, что, въ виду представляемыхъ мною фактовъ, наконецъ обратятъ серьезное вниманіе на этотъ край и, согласно предъидущему представленію моему Вашему Превосходительству, отъ 20-го февраля, получу надлежащія средства для экспедиціи. Всѣ мои просвѣщенные и неутомимые сотрудники одушевлены важною государственною цѣлью экспедиціи и съ необыкновенною отвагою, бодростію и твердостію духа переносятъ всѣ лишенія, трудности и опасности при изслѣдованіяхъ и дѣйствіяхъ, направляемыхъ мною къ уясненію положенія края и къ отстраненію всякихъ внѣшнихъ на него покушеній, не смотря на то, что ничтожныя средства экспедиціи далеко этому не соотвѣтствуютъ“.

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ возможныя распоряженія и представленія объ отстраненіи внѣшнихъ покушеній на этотъ край и о необходимости усилить экспедицію, мы принялись за изготовленіе къ предстоящей навигаціи строившихся ботика и барказа и за необходимую постройку зданій въ Петровскомъ и Николаевскѣ.

Между тѣмъ, одинъ изъ гиляковъ съ рѣки Амуръ, Накованъ, привезъ въ Петровское свою молодую жену и просилъ, чтобы мы ее подержали у себя, потому что гиляки селенія Лянгръ хотятъ ее украсть у него. Такъ какъ гиляки этого селенія всегда отличались буйствомъ и дерзостію, то я, пользуясь случаемъ, чтобы окончательно укротить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положить предѣлъ подобнымъ поступкамъ среди инородцевъ, послалъ розыскать виновныхъ. Они вскорѣ были найдены и примѣрно наказаны. Жену гиляка Накована—Сакони, Екатерина Ивановна взяла подъ свое покровительство: ее вымыли, вычесали и нарядили въ сарафанъ и бѣлую рубашку. Послѣ этого гилячка Сакони не мало была удивлена своею пригожестью и начала мыться и чесаться каждый день. Это послужило поводомъ къ тому, что нѣкоторыя гилякскія женщины начали являться въ Петровское съ просьбою, чтобы и ихъ вымыли и одѣли. Надобно было видѣть съ какимъ усердіемъ матросы и ихъ жены

ставили этихъ гилячекъ у залива и отмывали древесною наросшую грязь на ихъ лицахъ. За то съ какимъ удовольствіемъ эти нимфы смотрѣли потомъ на себя въ подаренныя имъ зеркальца.

Въ то же время нѣкоторые гиляки и другіе инородцы, пріѣзжавшіе въ Петровское и Николаевское, которымъ удавалось присутствовать на нашей молитвѣ, обращались съ просьбою, чтобы ихъ сдѣлали лоча (т. е. окрестили). Пользуясь предоставленнымъ нашею православною церковью правомъ каждому христіанину, это желаніе ихъ удовлетворялось: ихъ купали въ чанѣ или заливѣ, надѣвали крестъ и рубашку и дарили имъ платокъ. Состоявшій въ экспедиціи докторъ нашъ, г. Орловъ, обыкновенно совершалъ этотъ обрядъ крещенія. Я или кто либо изъ офицеровъ—были ихъ крестными отцами. При этомъ не обошлось однако безъ спекуляціи, свойственной дикому. Одинъ изъ гиляковъ вторично явился, чтобы его окрестили, дабы получить другую рубашку и платокъ, расчитывая, какъ онъ сознался, что его не узнаютъ. Его дѣйствительно мы окрестили, но безъ рубашки и платка и не водою. Послѣ этого онъ называлъ себя крѣпко крещенымъ. Какъ бы то ни было, это желаніе инородцевъ креститься имѣло благодѣтельное вліяніе на наши команды, ибо послѣ этого они не смотрѣли уже на нихъ, какъ на собакъ, которыхъ можно бить; что при сношеніяхъ, не смотря на всѣ принятыя мною мѣры, могло бы имѣть грустныя послѣдствія.

Одинъ изъ болѣе наблюдательныхъ гиляковъ, по имени Паткенъ, жившій въ сосѣдней съ Петровскимъ деревнѣ, видя, что мы копаемъ землю, чтобы посадить картофель, и не умираемъ отъ этого, какъ инородцы до сего времени думали *), обратился съ просьбою, чтобы моя жена научила его жену сажать картофель и ходить за нимъ. Екатерина Ивановна скопала съ женою Паткена маленькую грядку, посадила картофель и наблюдала, чтобы гилячка полола его и поливала. Надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ семейство Паткена благодарило Екатерину Ивановну, когда и у нихъ выросъ картофель и когда всѣ они остались здоровы и никто въ деревнѣ не умеръ отъ его употребленія.

Заливъ Счастія въ 1852 году, какъ и въ предъидущіе 1850 и 1851 годы, вскрылся отъ льда только къ 14 іюня, т. е. болѣе чѣмъ

*) По ихъ понятіямъ, всякій копавшій землю и сажавшій въ нее что нибудь долженъ былъ сейчасъ же умереть.

мѣсяцемъ послѣ вскрытія устья рѣки Амуръ (которое вскрылось въ этотъ годъ 8-го мая) и какъ и въ предъидущіе годы, до 20-го іюня наполнялся льдами съ моря, такъ что только 22-го іюня можно было спустить на воду ботикъ, командиромъ котораго я назначилъ тогда мичмана Чихачева.

Такъ началось въ невѣдомомъ доселѣ пустынномъ краѣ распространеніе святаго крещенія, цивилизаціи и судостроенія.

20-го и 21-го іюня прибыли въ Петровское: мичманъ Чихачевъ, лейтенантъ Бошнякъ и прикащикъ Березинъ. Они съ большимъ трудомъ могли, на лодкахъ, пробраться къ этому времени между льдами, наполнявшими сѣверную часть лимана и южную Охотскаго моря. Мичманъ Чихачевъ донесъ, что, достигнувъ р. Амгунь и лежащаго въ 15 верстахъ отъ устья ея селенія Каурь, онъ поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ на W; чрезъ 35 верстъ достигъ селенія Уду, а проѣхавъ отъ него около 20 верстъ, на устьѣ рѣки Самма, впадающей въ Амгунь съ лѣвой стороны, прибылъ въ селеніе нейдальцевъ Самма. Отсюда до селенія Гуля, на пространствѣ около 30 верстъ, рѣка идетъ на WtS$^1/_2$W. Отъ Гуля рѣка Амгунь около 20-ти верстъ идетъ на SW и потомъ около 18-ти верстъ, до селенія Хасанъ, направляется на WtS. Отъ селенія Хасанъ до селенія Оха (около 30 верстъ) и затѣмъ на пространствѣ около 40 верстъ, до селенія Хяла, она течетъ на SWtW. Отъ селенія Хяла до устья р. Нимелена, селенія Чальбоко, рѣка идетъ на WNW, съ устья же Нимелена до селенія Прей, на пространствѣ около 20 верстъ, на SW, и потомъ, на такомъ же разстояніи, до селенія Дульбико, рѣка идетъ на S. Послѣ того, до селенія Хинсля, на пространствѣ около 40 верстъ, до устья рѣки Амга, впадающей въ Амгунь съ лѣвой стороны, и селенія Самаръ, расположеннаго при этомъ устьѣ около 45 вер., рѣка идетъ на SSW. Широта устья Нимелена оказалась 52° 30′N, а счислимая долгота около 136° 30′O; широта же селенія Самаръ 51° 42′N и долгота 135° 12′O.

Въ этомъ мѣстѣ рѣка Амгунь подходитъ на самое близкое разстояніе къ р. Гирнь, а потому изъ селенія Самаръ г. Чихачевъ и началъ переваливать съ рѣки Амгунь на рѣку Гирнь, проѣхавъ всего по рѣкѣ Амгунь около 320 верстъ.

Изъ селенія Самаръ г. Чихачевъ направился на SSO и, проѣхавъ по этому направленію около 30 верстъ, достигъ селенія самагировъ Сумн, лежащаго на юго-западномъ берегу озера самагировъ. Изъ селенія Сумн до селенія Сали, около 17 верстъ, онъ

ѣхалъ по западному берегу озера, на $StO^1/_2O$, а отсюда, слѣдуя по тому же направленію, чрезъ 30 верстъ достигъ рѣки Гиринь и селенія самагировъ Гири. Широта этого пункта оказалась 51° 2′N, долгота 135° 38′O. Между рѣкою Амгунь, озеромъ самагировъ и рѣкою Гиринь, онъ переваливалъ чрезъ невысокіе отроги горъ, отдѣляющихъ долину рѣки Амгунь отъ долины рѣки Гиринь.

Отсюда г. Чихачевъ началъ спускаться внизъ по рѣкѣ Гиринь. Между селеніями Гири и Ныка, на пространствѣ около 30 верстъ, рѣка течетъ на WtS, отъ селенія же Ныка до селенія Бика, на пространствѣ около 25 верстъ и затѣмъ до селенія Бирзе, на пространствѣ около 50 верстъ, рѣка имѣетъ направленіе $OtS^1/_2O$. Отъ селенія Бирзе до устья, при которомъ на р. Амуръ расположено селеніе Бичу, рѣка имѣетъ направленіе SOtO. Широта устья Гиринь оказалась 50° 44′N, долгота около 137° 50′O.

Съ устья рѣки Гиринь Чихачевъ перевалилъ на правый берегъ рѣки Амуръ, въ селеніе Сусу. Ширина р. Амуръ въ этомъ мѣстѣ около 12-ти верстъ и тутъ она имѣетъ много острововъ. Отъ селенія Сусу Чихачевъ началъ спускаться по рѣкѣ Амуръ, подъ правымъ ея берегомъ и, на пространствѣ около 100 верстъ, ѣхалъ по р. Амуръ на NNO. На этомъ пути онъ проѣзжалъ селенія гольдовъ: Чуля—въ 15 вер. отъ Сусу, Ади—въ 20 верстахъ отъ Чуля, Писуа—въ 25 верстахъ отъ Чуля, Добги—въ 15 верстахъ отъ Писуа и, наконецъ, Кавунда—около 25 верстъ отъ Писуа.

Съ Кавунда начинаются поселенія мангуновъ и нейдальцевъ и рѣка принимаетъ направленіе на NOtO. Широта селенія Кавунда оказалась 51° 32′, долгота 139° 10′. Слѣдуя на NOtN по правому берегу рѣки и проѣхавъ около 30 верстъ, Чихачевъ достигъ селенія Гирда и затѣмъ, чрезъ 35 верстъ, селенія Оди, въ которомъ 26-го марта встрѣтился съ топографомъ Поповымъ. Взявъ въ этомъ селеніи проводника, онъ поѣхалъ къ западу, вдоль подошвы горъ, окружающихъ съ юга озеро Кизи, и перевалилъ чрезъ небольшую возвышенность. 28-го марта онъ достигъ залива Нангмаръ. Разстояніе отъ селенія Оди до залива Нангмаръ, по направленію $WtS^1/_2W$, около 55 верстъ.

Такимъ образомъ г. Чихачевъ проѣхалъ на собакахъ:

а) Отъ устья р. Амгунь до перевала съ этой рѣки на рѣку Гиринь . . . . . около 315 верстъ.

б) Перевалилъ съ рѣки Амгунь до рѣки Гиринь . . . . . „ 75 „

в) По рѣкѣ Гиринь до ея устья. . . .	„	105 верстъ.
г) По рѣкѣ Амуръ до с. Оди	„	165 „
и е) Изъ Оди до зал Нангмаръ	„	55 „
А всего этимъ путемъ до. . .		715 верстъ.

Г. Чихачевъ былъ первый изъ русскихъ, проѣхавшій такъ далеко по рѣкамъ Амгунь и Гиринь и обслѣдовавшій эти неизвѣстныя мѣста. Онъ первый далъ намъ понятіе объ этихъ довольно значительныхъ рѣкахъ.

Путь его былъ сопряженъ съ большими затрудненіями и лишеніями, ибо народы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были совершенно неизвѣстны, а собаки утомлялись и весьма часто приходилось Чихачеву дѣлать переходы пѣшкомъ, влача за собою нарту и буквально до колѣна идти по водѣ. Провизія вся вышла еще на р. Гиринь, такъ что болѣе 8-ми дней, до с. Оди, гдѣ онъ взялъ сухарей и чаю отъ Попова, г. Чихачевъ питался юколой, ягодами и нерпичьимъ жиромъ.

Съ селенія Кауръ (15 верстъ отъ устья), по рѣкѣ Амгунь обитаютъ нейдальцы. Этотъ народъ говоритъ тѣмъ же языкомъ, какъ и тунгусы; онъ вообще смиренъ, ласковъ и гостепріименъ и въ особенности преданъ русскимъ, потому что постоянно имѣетъ сношеніе съ нашими тунгусами. Въ селеніяхъ Чальбано и Дульбико онъ нашелъ 7 человѣкъ окрестившихся на Буруканѣ нейдальцевъ, которые немного понимали по-русски. До селенія Хало правый берегъ рѣки вообще возвышенный и частію гористый, въ этомъ же селеніи болѣе возвышенный берегъ лѣвый. По берегу рѣки много прекраснаго строеваго лѣса—хвойнаго и лиственнаго: тутъ растетъ ель, кедръ, сосна, лиственница, береза, тополь и осина. Отъ селеній Хало и Дульбико инородцы ѣздятъ на большое озеро, лежащее около 25 верстъ отъ рѣки Амгунь къ S. Это озеро называется по названію инородцевъ, обитающихъ на его берегахъ, озеромъ Чикчагировъ.

Перевалъ изъ селенія Самаръ, съ рѣки Амгунь до озера Самагировъ почти ровный, покрытый превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, преимущественно кедромъ; тамъ есть кедровыя деревья въ $1^1/_2$ и 2 обхвата. Озеро Самагировъ довольно большое и глубокое, берега его большею частію возвышенны и покрыты строевымъ лѣсомъ. Жители селенія Самагировъ и далѣе вверхъ по рѣкѣ Амгунь, а равно и инородцы, обитающіе на этомъ озерѣ и по рѣкѣ Гиринь,

до селенія Бирзе, называются самагирами. Вообще озера Чикчагировъ и Самагировъ заслуживаютъ особаго изслѣдованія.

Берега рѣки Гиринь большею частію возвышенны и покрыты прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, въ особенности кедромъ и елью; мѣстами попадается тонкій дубовый лѣсъ.

Въ селеніи Гири Н. М. Чихачевъ встрѣтилъ купцовъ-манджуровъ, прибывшихъ сюда съ рѣки Сунгари, какъ для торга съ самагирами, такъ равно и для собранія долговъ. Въ видахъ сближенія съ этими манджурами, подъ предлогомъ утомленія собакъ, онъ остановился здѣсь на 3 дня и завелъ съ ними знакомство. Манджуры во все время были съ нимъ ласковы и обходительны.

Имѣя въ сопровождавшемъ его тунгусѣ Афанасьѣ хорошаго толмача, онъ свободно велъ разговоръ съ манджурами и объяснилъ имъ, что посланъ въ Искай (заливъ Счастія), гдѣ находятся русскіе, для наблюденія надъ устьемъ рѣки Амуръ, для ознакомленія съ краемъ и, наконецъ, для торговли съ ними.

Сначала Н. М. Чихачевъ завелъ съ манджурами разговоръ о торговлѣ. Они изъявили желаніе вступить съ нами въ торговыя сношенія, но при этомъ просили, чтобы склады нашихъ товаровъ были какъ можно ближе къ устью рѣки Сунгари и никакъ не далѣе селенія Кизи; объясняли ему тѣ товары, которые имъ нужны и сказали, что спускаться имъ по рѣкѣ Амуръ въ эти мѣста вообще запрещено.—Такъ какъ торговля наша съ ними могла быть только мѣновая, то они поименовали Чихачеву все, что могутъ доставлять намъ изъ городовъ Сензина и Гирина (на р. Сунгари) и города Нангуты, на р. Хургѣ, впадающей въ рѣку Сунгари, у Сензина.

На вопросы манджурамъ, дѣлаемые Н. М. Чихачевымъ о положеніи и состояніи края, они сообщили:

а) Что Манджурія и Даурія, составляющія крайнія китайскія провинціи на сѣверо-востокѣ, простираются только до Хинганскаго хребта, изъ котораго берутъ начало значительныя рѣки: Зея, Бурея, Уссури, Гиринь, Бича и Амгунь.

б) Что этотъ Хинганскій хребетъ служитъ на югѣ водораздѣломъ между рѣками Сунгари съ Хургою и рѣкою Уссури. Что онъ, перебрасываясь выше устья рѣки Сунгари, чрезъ рѣку Амуръ, и затѣмъ, не доходя Сензина, чрезъ рѣку Сунгари, направляется къ корейскимъ горамъ къ югу до Японскаго моря.

в) Что всѣ инородцы, обитающіе отъ этого хребта до моря,

ясака не платятъ, такъ какъ страна эта признается Китаемъ въ неопредѣленномъ положеніи (т. е., какъ выражали манджуры, какъ бы не китайскою и не вашею), потому что, говорили они, давно были заключены русскими съ Китаемъ какія-то условія.

г) Что всѣ инородцы здѣшнихъ мѣстъ находятся въ самомъ дикомъ состояніи и что ничего другаго ожидать нельзя отъ народа безъ всякаго управленія, не признающаго надъ собою никакой власти,— народа, для котораго рыба и собаки составляютъ всѣ насущныя потребности.

и д) Что въ послѣднее время на Сунгари и въ этомъ краѣ является довольно иностранныхъ людей (миссіонеровъ), которые, какъ слышно, доставляютъ о краѣ свѣдѣнія своимъ судамъ, весьма часто появляющимся у береговъ этого края. Эти люди являются сюда въ различныхъ видахъ: какими-то толкователями (проповѣдниками), колдунами и шаманами и иногда называютъ себя русскими. Носятъ они постоянно туземную одежду и гдѣ только возможно, стараются внушить, какъ туземцамъ, такъ и нѣкоторымъ изъ насъ, манджуровъ, злонамѣренность къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, говоритъ Чихачевъ, по пріѣздѣ моемъ на устье рѣки Гирінь, былъ распущенъ слухъ, что всѣ русскіе товары отравлены и что первый манджуръ, который надѣнетъ кофту изъ нашего сукна, купленнаго на рѣкѣ Амуръ, изсохнетъ и что будто бы при проѣздѣ русскихъ чрезъ деревню непремѣнно умретъ кто-либо изъ туземцевъ этой деревни. Наконецъ, манджуры разсказывали Н. М. Чихачеву, что одинъ изъ подобныхъ людей поселился было въ горахъ, на рѣкѣ Сунгари. На вопросъ манджуровъ, кто онъ и зачѣмъ живетъ тутъ,— иностранецъ отвѣчалъ, что онъ будто бы какое-то высшее существо, которому всѣ должны поклоняться. Этотъ отвѣтъ стоилъ, однако, ему жизни.

При всѣхъ подобныхъ разсказахъ манджуры изъявляли удивленіе, почему русскіе не обращаютъ на этотъ край должнаго вниманія и съ ужасомъ говорили ему о дѣйствіяхъ иностранныхъ судовъ, плавающихъ къ берегамъ Китая и у береговъ этого края и достигающихъ нынѣ даже залива Пангмаръ. Манджуры при этомъ вообще со страхомъ объявляли Чихачеву, что иностранцы легко могутъ занять этотъ край и спрашивали: „неужели обо всемъ этомъ не знаетъ вашъ начальникъ на Искай, который, какъ мы слышали, недавно туда прибылъ.“

Всѣ инородцы рѣкъ Амгунь и Гирінь, а равно и озера Сама-

гировъ объяснили Н. М. Чихачеву, что рѣки Амгунь, Гиринь, Бурея, Тугуръ и Уди выходятъ изъ однаго Хинганскаго хребта и что изъ селенія Самагиръ по рѣкѣ Амгунь и по притоку ея, рѣчки Ама, до подошвы этого хребта, можно доѣхать на собакахъ въ 2 дня, а съ рѣки Гиринь, отъ селенія Гири,—въ 4 или 5 дней и, наконецъ, что они слышали, что около рѣки Амуръ есть дурные русскіе, которые подстрекаютъ инородцевъ, чтобы насъ убить.

Донесеніе свое Н. М. Чихачевъ кончаетъ слѣдующими строками:

„Окончивъ такимъ образомъ первую часть данныхъ мнѣ приказаній и получивъ изъ селенія Оди, отъ топографа Попова, важное свѣдѣніе о подходящемъ къ заливу Нангмаръ иностранномъ суднѣ, я сейчасъ же возвратилъ Попова въ Кизи съ приказаніемъ Березину немедленно слѣдовать съ этимъ извѣстіемъ въ Петровское и оттуда, съ вашими распоряженіями, поспѣшить прибыть ко мнѣ обратно, въ заливъ Нангмаръ; самъ же, взявъ изъ с. Оди проводника, отправился въ заливъ Нангмаръ. Прибывъ туда, я нашелъ его покрытымъ сплошнымъ льдомъ. Море къ югу отъ залива было чисто и на горизонтѣ было видно подъ парусами двухъ-мачтовое судно, лавировавшее къ сѣверу. Я началъ тщательно наблюдать за этимъ судномъ, а прибывшему изъ Кизи въ заливъ Нангмаръ топографу Попову приказалъ производить береговую съемку залива.

„По очертанію берега и по опредѣленной мною широтѣ, я увидѣлъ, что это тотъ самый заливъ, который Лаперузъ назвалъ заливомъ де-Кастри. При осмотрѣ береговъ его, мы нашли на скалѣ высѣченную фамилію Лаперуза, а у одного изъ туземцевъ этого залива, мангуна селенія Нангмаръ, расположеннаго при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ западную мелководную бухту залива, нашли зеркальце, на рамкѣ котораго было вырѣзано: **1787 г., Лаперузъ.**

„Между тѣмъ, судно приближалось ко входу въ заливъ и все болѣе и болѣе стало походить на военную шкуну-бригъ. Казалось, что оно выжидало очищенія залива отъ льда, чтобы войти въ оный; но не дождалось этого и направилось къ югу, вдоль берега. Судя по его движеніямъ, можно было предполагать, что оно производило опись берега.

„Туземцы залива де-Кастри и инородцы, обитавшіе по берегу этого залива и къ югу, наконецъ, туземцы, прибывшіе съ озера Кизи и рѣки Амуръ, для ловли тюленей, разсказывали мнѣ, что

шлюпки съ подобныхъ судовъ бываютъ на берегу и знаками, а иногда и чрезъ переводчиковъ, объясняютъ имъ, чтобы они селиться русскимъ здѣсь не дозволяли, ибо, говорятъ они, только что русскіе у васъ поселятся и укрѣпятся, то всѣхъ васъ истребятъ."

Окончивъ опись залива и приказавъ Попову тщательно наблюдать за иностранными судами, г. Чихачевъ пошелъ съ тунгусомъ по прямому пути на озеро Кизи, навстрѣчу Березину, съ цѣлію получить скорѣе свѣдѣнія изъ Петровскаго и провизію, которая у нихъ вся вышла, а вмѣстѣ съ тѣмъ обслѣдовать перевалъ изъ залива на озеро и вообще путь до с. Кизи. Въ это время въ лѣсу, а равно и по берегу озера, было еще много снѣга, а потому они едва могли пробираться на нартѣ, на собакахъ. Перевалъ изъ залива на озеро оказался около 18 верстъ; онъ шелъ чрезъ небольшую возвышенность.

Не доѣзжая 30 верстъ до селенія Кизи, Н. М. Чихачевъ встрѣтилъ въ полномъ смыслѣ распутицу и почти непроходимую грязь. Половина собакъ изъ его нарты околѣла, а потому онъ вынужденъ былъ оставить нарту съ тунгусомъ, а самъ съ котомкою на плечахъ, по грязи почти до колѣна, пробираться въ Кизи. Не доходя этого селенія около 25 верстъ, онъ встрѣтилъ на нартѣ Березина, шедшаго къ нему изъ де-Кастри съ провизіею и приказаніями. Н. М. Чихачевъ возвратилъ Березина въ Кизи, а самъ съ тунгусомъ поѣхалъ, или, лучше сказать, пошелъ пѣшкомъ обратно въ Кастри. Собаки Березина едва могли тащить нарту съ нѣсколькими сухарями и чаемъ. 3-го мая, съ большими трудами, Чихачевъ достигъ залива, который 28 апрѣля уже вскрылся отъ льда и къ 1 мая былъ совершенно чистъ отъ него.

ГЛАВА XVI.

Южное прибрежье Татарскаго залива по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ туземцевъ.— Путешествіе Чихачева изъ залива де-Кастри въ Петровское. — Донесеніе Бошняка о протокѣ Уй. — Рѣки: Биджи и Пильду. — Обслѣдованіе протока и озера Кизи.— Лѣвый берегъ р. Амуръ между с. Ухтро и устьемъ р. Амгунь. — Донесеніе Березина о пути по Амуру.—Съемка топографа Попова. — Результатъ изслѣдованій гг. Бошняка, Чихачева, Березина, Попова и Воронина. — Прибытіе корвета „Оливуца“. — Донесеніе начальника Николаевскаго поста. — Увѣдомленіе Завойко.— Отвѣтъ генералъ-губернатора.

Вскорѣ послѣ прибытія Чихачева, пришла въ заливъ шлюпка съ нѣсколькими туземцами, съ южнаго прибрежья. Они сообщили, что въ 8 дней пути, при тихой погодѣ, на лодкѣ можно достигнуть огромнаго закрытаго залива, въ родѣ озера Хаджи, а далѣе къ югу есть много заливовъ, которые почти всегда бываютъ открыты. Недостатокъ въ продовольствіи не дозволилъ Н. М. Чихачеву прослѣдовать въ заливъ Хаджи, однако онъ добился отъ туземцевъ подробныхъ свѣдѣній о немъ, по которымъ можно заключить, что заливъ Хаджи представляетъ обширную и превосходную гавань.

Туземцы брались провожать его въ этотъ заливъ, когда онъ захочетъ и говорили, что оттуда по рѣкамъ Тыми и Хунгари они ѣздятъ на рѣку Амуръ, въ селенія Кизи и Хунгарь.

Окончивъ осмотръ залива де-Кастри, Н. М. Чихачевъ передалъ одному изъ смышленыхъ туземцевъ объявленіе на французскомъ языкѣ о принадлежности этихъ мѣстъ Россіи и приказалъ ему показывать эту бумагу могущимъ прибыть сюда иностраннымъ судамъ. Затѣмъ, на пріобрѣтенной лодкѣ, отправился вдоль берега къ лиману р. Амуръ.

Слѣдуя съ тунгусомъ и топографомъ вдоль Татарскаго берега, онъ вскорѣ достигъ небольшаго низменнаго разлога

между горами. По прорубленной въ этомъ мѣстѣ туземцами, устланной жердями просѣкѣ, имѣющей ширину до одной сажени и длину до $2^1/_2$ верстъ, туземцы перетаскиваютъ свои лодки съ рѣки Тоби, впадающей въ озеро Кизи. Миновавъ эту просѣку, онъ на рѣкѣ Тоби встрѣтилъ на лодкѣ двухъ нейдальцевъ изъ Кизи, которые сообщили ему, что по этому озеру и по Тоби, до перевала, могутъ ходить большія лодки. Широта этого перевала оказалась 51° 39' N.

Отсюда Н. М. Чихачевъ отправился далѣе, вдоль скалистаго берега къ N. Вскорѣ сѣвернымъ вѣтромъ начало нагонять льды, которыми прижимало ихъ лодку къ берегу, такъ что послѣ 5 дневнаго между льдами плаванія, лодку окончательно загнало льдами въ бухточку, находящуюся около мыса Сущева; едва, едва они не погибли. Вытащивъ здѣсь лодку на берегъ, они ожидали благопріятныхъ обстоятельствъ, но засвѣжѣвшій NO вѣтеръ нанесъ еще болѣе льду въ бухту. Запасъ сухарей весь истощился, не смотря на то, что они употребляли ихъ въ малыхъ порціяхъ. Н. М. Чихачевъ рѣшился бросить здѣсь лодку и, взявъ съ собою оставшіеся нѣсколько фунтовъ сухарей, инструменты и карты, отправился до перваго ближайшаго селенія пѣшкомъ, чрезъ лѣса и горы. Перейдя два огромныхъ хребта, они вышли въ бухту, совершенно изнуренные и разбитые и, къ общей радости, увидѣли, что ледъ сильнымъ штормомъ разбило, такъ что можно было снова продолжать плаваніе. Съ большою опасностью, по льду, подъ скалами, около моря, они достигли своей шлюпки и, спустивъ ее на воду, пошли на ней къ сѣверу вдоль берега. 16-го мая имъ посчастливилось войти въ амурскій лиманъ. Говорю посчастливилось, потому что провизіи у нихъ окончательно ничего не было. Въ лиманѣ они пристали къ первой деревнѣ Чеме, ничего не ѣвши сутки, гдѣ, пробывъ двое сутокъ, отдыхали и утоляли голодъ юколой и нерпою. Затѣмъ, питаясь двѣ недѣли подобною же пищею, они достигли мыса Тебахъ, откуда увидѣли всю сѣверную часть лимана, затертую льдами. Между этими льдами они начали пробираться въ Петровское.

Лейтенантъ Бошнякъ о своей командировкѣ донесъ, что 24-го апрѣля, прибывъ въ селеніе Ухтрэ и остановившись у мангуна Чильгуна, онъ тамъ остался весновать. Туземцы оказывали ему вниманіе и расположеніе и на распросы его о Хингангскомъ хребтѣ и о положеніи края, они сообщили то же самое, что говорили Чихачеву и Березину и просили, чтобы мы у нихъ поселились.

Широта селенія Ухтрэ, по наблюденіямъ полуденной высоты солнца, оказалась 52° 29' N. Рѣка Амуръ у этого селенія начала вскрываться отъ льда 7-го мая. Ледъ шелъ по рѣкѣ трое сутокъ, напиралъ большими массами на мысъ, на которомъ расположено это селеніе, и часто заходилъ въ устье протоки Уй, соединяющей озеро Ухдыль съ рѣкою Амуръ. Вода возвышалась при этомъ до 10 футовъ, такъ что покрывала всю низменную часть мыса и берега протоки у ея устья. По этой причинѣ здѣсь и не представлялось удобства для основанія элинга и селенія.

Когда вода спала, 18-го мая, Н. К. Бошнякъ приступилъ къ описанію и промѣру протоки Уй и озера Ухдыль. Первая течетъ по направленію отъ SW на NO и имѣетъ длину 27 верстъ; ширина ея отъ 20 до 40 сажень, а глубина отъ сенія Ухтрэ, у устья протоки, до селенія Пяхта, лежащаго на правомъ берегу ея, отъ 22 до 36 футовъ. Отъ селенія Пяхту до истока ея изъ озера Ухдыль глубина отъ 22 до 10 футовъ. Изъ протоки Уй въ рѣку Амуръ ведутъ три естественныхъ канала. Первый, самый глубокій, немного выше селенія Ухтрэ, имѣетъ ширину отъ 8 до 10 сажень, а самую малую глубину — 10 футовъ. Второй каналъ противъ селенія Пуль, лежащаго на правомъ берегу рѣки Амуръ, имѣетъ глубину до 12 футовъ, а третій, у селенія Коимъ, имѣетъ глубину до 10 футовъ. Глубина фарватера рѣки Амуръ, около этихъ мѣстъ, 15 сажень. Правый берегъ протоки Уй болѣе приглубый и возвышенный, нежели лѣвый, южный и оба берега луговые; только около селенія Пяхту на лѣвомъ, сѣверномъ берегу растетъ лѣсъ. Въ разстояніи около 10 верстъ отъ этого берега идутъ горы, покрытыя прекраснымъ строевымъ лѣсомъ.

Берегъ около селенія Пяхту, на пространствѣ около 10 верстъ, возвышенный и при прибылой водѣ никогда не затопляется, остальная же часть, а также весь южный—затопляется водою. Мѣстность около селенія Пяхту весьма удобна какъ для поселенія, такъ равно и для основанія элинга.

Озеро Ухдыль имѣетъ общее направленіе отъ WSW на ONO и тянется на разстояніе около 50 верстъ. Сѣверный берегъ озера приглубый, возвышенный и частію скалистый, южный же низменный, отмелый, тундристый и болотистый. На сѣверномъ возвышенномъ берегу много строеваго лѣса, какъ то: ели, кедра и частію сосны, а на юго-западной его сторонѣ находится большой заливъ, въ который впадаютъ двѣ значительныя рѣки, берущія начало изъ

хребтовъ Биджи и Пильду. Ширина этого залива по параллели 8 верстъ, а длина по меридіану около 18 верстъ; глубина его отъ 5 до 15 футовъ. На барѣ рѣка Пильду имѣетъ глубину 3 фута, а рѣка Биджи до 4-хъ. Въ этомъ заливѣ лежатъ два острова: одинъ низменный противъ устья Пильду (въ 2-хъ верстахъ), около пяти верстъ въ окружности; а другой скалистый, поросшій лѣсомъ и возвышенный, противъ устья Биджи; послѣдній имѣетъ въ окружности около 4-хъ верстъ и находится въ $1^1/_2$ верстахъ отъ устья этой рѣки.

Рѣка Биджи, по словамъ туземцевъ, гораздо болѣе рѣки Пильду. Обѣ онѣ при устьяхъ имѣютъ возвышенные гористые берега и впадаютъ въ озеро съ западной стороны. Разстояніе между ихъ устьями около 5 верстъ. При устьѣ Пильду, впадающей въ озеро южнѣе Биджи, находится селеніе Курчи. Широта его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая южная часть озера, 52°6′N, а счислимая долгота около 138°55′ O. По словамъ туземцевъ, на возвышенныхъ и вообще гористыхъ берегахъ обѣихъ этихъ рѣкъ находится большое количество прекраснаго строеваго и корабельнаго лѣса. Нѣкоторыя деревья, по словамъ туземцевъ, отъ $1^1/_2$ до 2-хъ обхватовъ толщиною. Рѣка Пильду течетъ отъ WSW, а рѣка Биджи отъ W.

Отъ селенія Курчи, на StW, въ 35 верстахъ, на сѣверномъ берегу озера, при рѣчкѣ Ухдыль, находится селеніе того же имени. Оно составляетъ самый сѣверный пунктъ озера; широта его 52° 26′, а счислимая долгота около 139°5′. На NOtO отъ него, въ разстояніи около 30-ти верстъ, на южномъ берегу озера, лежитъ селеніе Ныни, отъ котораго до селенія Тази, лежащаго у истока протоки, или канала Уй, около 35-ти верстъ, по направленію NOtN.

На южномъ берегу озера, въ разстояніи отъ селенія Тази около 4-хъ верстъ, находится небольшой мелководный заливъ (до 2-хъ футовъ глубины), шириною до 5 верстъ и длиною до 7 верстъ. Въ этотъ заливъ, съ южной стороны, впадаютъ двѣ незначительныя рѣчки, Сальги и Гильба, берущія начало изъ горъ. Глубина озера, подъ сѣвернымъ гористымъ его берегомъ, отъ 30 до 20 футовъ, но она постоянно уменьшается къ южному низменному берегу его, такъ что около этого берега всего отъ 4-хъ до одного фута. При истокѣ изъ озера протоки Уй, оно имѣетъ отъ 8 до 7 футовъ глубины, а южная часть его усѣяна банками и отмелями; въ сѣверной части, напротивъ, нѣтъ ни одной банки и мели.

Окончивъ такимъ образомъ описаніе и промѣръ озера Ухдыль

и протоки Уй, 30-го мая Н. К. Бошнякъ отправился въ селеніе Кизи, для содѣйствія Березину, который тамъ заболѣлъ. Прибывъ туда 5-го іюня, онъ до 12-го числа сдѣлалъ промѣръ протоки Кизи и части озера, при впаденіи этой протоки. Глубина тамъ оказалась отъ 18 до 26 футовъ. Изъ протоки въ озеро идетъ извилистый каналъ, глубина котораго отъ 8 до 12 футовъ, глубина же озера отъ 30 до 15 футовъ.

Изъ Кизи г. Бошнякъ спустился по р. Амуръ къ Ухтрэ, а отсюда, слѣдуя на NtW, по главному фарватеру рѣки Амуръ и придерживаясь лѣваго берега ея, къ устью рѣки Амгунь. Онъ, такимъ образомъ, миновалъ селеніе Тлямъ и чрезъ 55 верстъ достигъ селенія Отьку, лежащаго при устьѣ мелководной протоки и при такомъ же озерѣ (около 10 верстъ въ окружности). Отъ этого селенія до устья рѣки Амгунь около 15 верстъ. Весь этотъ берегъ луговой, низменный и въ большую воду затопляющійся. На немъ Н. К. Бошнякъ не замѣтилъ ни одного мѣста, удобнаго къ заселенію. Къ западу отъ него, около 20 верстъ, видны были горы. Глубина фарватера рѣки Амуръ, на пространствѣ отъ Кизи до устья Амгуни, отъ 8 до 12 сажень, а мѣстами 15 саж. Рѣка усѣяна низменными, луговыми островами и имѣетъ ширину отъ 8 до 20 верстъ. Съ устья рѣки Амгунь, Н. К. Бошнякъ отправился прямо въ Николаевскъ, куда и прибылъ 18-го іюня.

Въ заключеніе своего донесенія отъ 14-го іюня 1852 г. Николай Константиновичъ пишетъ, что, судя по всему слышанному имъ отъ туземцевъ и манджуровъ изъ Сензина, оказывается: а) чтобы имѣть вліяніе на этотъ край, необходимо намъ поселиться на Амурѣ, какъ можно ближе къ устью рѣки Уссури. б) Надобно принять энергическія мѣры для уничтоженія распространяемыхъ о насъ вредныхъ слуховъ какъ бѣглыми русскими, такъ и появляющимися здѣсь миссіонерами и нѣкоторыми манджурами. в) Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на берегу Татарскаго залива, къ югу отъ з. де-Кастри, находится нѣсколько закрытыхъ бухтъ и что туземцы съ рѣкъ Амура и Уссури посѣщаютъ эти бухты, достигая ихъ внутреннимъ путемъ. г) Точно также нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что иностранныя суда все чаще и чаще посѣщаютъ нынѣ Татарскій заливъ и наконецъ, д) что рѣки Биджи и Пильду заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо берега оныхъ изобилуютъ огромнымъ количествомъ лѣса, который удобно сплавлять въ рѣку Амуръ.

Прикащикъ Березинъ отъ 26-го іюня донесъ мнѣ, что до се-

ленія Тыръ онъ доѣхалъ скоро и благополучно, отсюда же едва, съ помощію туземцевъ, могъ дотащиться по льду, или лучше сказать по водѣ, до селенія Ауръ. Отъ этого селенія до Кизи онъ ѣхалъ берегомъ, но грязи и на пути въ де-Кастри встрѣтилъ Н. М. Чихачева, шедшаго пѣшкомъ съ котомкою на плечахъ и совершенно изнуреннаго. Отсюда онъ довезъ Чихачева до оставленной имъ нарты, отдалъ ему свою и снабдилъ его провизіею, а самъ на нартѣ Чихачева возвратился въ Кизи, гдѣ занялся расторжкою съ гиляками и мангунами и наблюденіемъ за вскрытіемъ Амура, протоки и озера Кизи.

Главный фарватеръ рѣки Амура, идущій подъ лѣвымъ берегомъ, началъ вскрываться 2-го мая, протока Кизи очистилась 4-го мая, а озеро Кизи 12-го. Вскрытіе это совершилось при подъемѣ воды на 8 футовъ, весьма тихо, въ особенности въ протокѣ Кизи. Въ озерѣ ледъ исчезъ на мѣстѣ. Весна, или лучше сказать лѣто, настало здѣсь какъ бы мгновенно. 6-го мая все было покрыто зеленью.

Мѣстности у селеній Кизи и Котово представляются во всѣхъ отношеніяхъ удобными для заселенія. Противъ селенія Кизи рѣка Амуръ наполнена цѣлымъ архипелагомъ острововъ, изъ которыхъ одинъ, лежащій около $1^1/_2$ версты отъ Кизи, гористъ, возвышенъ и покрытъ дубовыми и березовыми рощами, прочіе же луговые и большею частію низменные. Противъ Кизи рѣка Амуръ такъ широка, что горы противоположнаго лѣваго берега едва видны. Березинъ, не смотря на закаленную натуру, захворалъ въ Кизи отъ изнурительнаго путешествія по водѣ и грязи. У него сдѣлалась лихорадка и заболѣла нога, такъ что онъ нѣсколько дней не могъ двигаться и производить промѣра. Послѣдній сдѣланъ былъ Николаемъ Константиновичемъ Бошнякомъ. Въ селеніи Кизи Березинъ стоялъ въ юртѣ мангуна Ганкина; этотъ мангунъ, а равно и всѣ жители какъ этого селенія, такъ и сосѣдственнаго съ нимъ— Котово, лежащаго въ 2-хъ верстахъ отъ Кизи, во время болѣзни Березина показали свою доброту и радушіе. Они ухаживали за нимъ, прикладывали къ его больной ногѣ какія-то травы, заговаривали воду и давали Березину пить ее. Кромѣ того, они подчивали его просомъ, выучились заваривать чай и варить для него уху изъ свѣжей рыбы: окуней, карасей и осетровъ, которыхъ тамъ было въ изобиліи. Жители этихъ селеній просили Березина, чтобы русскіе поселились у нихъ. Чрезъ нихъ онъ имѣлъ сообщеніе съ

Н. М. Чихачевымъ въ з. де-Кастри и посылалъ съ ними къ Чихачеву сухари и просо; они же дали знать о болѣзни Березина Бошняку, въ селеніе Ухтрэ. Всего замѣчательнѣе въ этихъ людяхъ то, что они не хотѣли принимать отъ Березина никакого вознагражденія, объясняя, что когда человѣкъ боленъ, то всякій обязанъ ему помогать и кто возьметъ за это плату, тотъ, по ихъ понятіямъ, долженъ сейчасъ же умереть. Поправившись отъ болѣзни, Березинъ, на пріобрѣтенной имъ лодкѣ, поплылъ обратно въ Петровское. На пути всѣ инородцы принимали его радушно.

Топографъ Поповъ донесъ мнѣ, что, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Амуръ съ Березинымъ, для соединенія съ Н. М. Чихачевымъ, онъ отъ селенія Тыръ *) производилъ глазомѣрную съемку праваго берега рѣки Амуръ до селенія Кизи, положеніе котораго таково: отъ мыса и селенія Тыръ до селенія Тыми, на пространствѣ 20 верстъ, правый берегъ идетъ по параллели, отъ селенія же Тыми до возвышеннаго скалистаго мыса Ауръ, на пространствѣ около 90 верстъ, этотъ берегъ идетъ по меридіану. Отъ этого селенія до мыса Ауръ, по берегу рѣки, расположены слѣдующія селенія: Чальмокъ, въ 10 верстахъ отъ Тыми, Патъ въ 20 верстахъ отъ Чальмока, Хоре въ 15 верстахъ отъ Пата, Тенча въ 10 верстахъ отъ Хоре, Пуль въ 8 верстахъ отъ Тенча, Коимъ въ 5 верстахъ отъ Пуля, Манзи въ 5 верстахъ отъ Коима, Дире въ 6 верстахъ отъ Манзи и Ауръ въ 10-ти. Мѣстность между селеніями Патъ и Хоре и между Манзи и Дире удобна для земледѣльческаго заселенія. Изъ селенія Тенча, чрезъ небольшой хребетъ, гиляки ходятъ въ лиманъ, въ селеніе Чеме, лежащее въ 20 верстахъ отъ мыса Лазарева. Этимъ путемъ отъ Тенча до Чеме около 70 верстъ. Отъ селенія и мыса Ауръ правый берегъ до Кизи, около 40 верстъ, низменный и направляется отъ SSO къ NNW. Здѣсь два селенія: Каби по срединѣ пути и Уди—въ 5 верстахъ отъ Кизи.

Результаты всѣхъ упомянутыхъ изслѣдованій весьма важны; они обнаружили: 1) что на обладаніе островомъ Сахалиномъ сохраняется право за Россіею. 2) Что заливъ де-Кастри представляетъ ближайшій къ лиману рейдъ въ Татарскомъ заливѣ. 3) Что опредѣленіе вершинъ рѣкъ Амгуни и Гиринь можетъ указать окончательно, что, по смыслу 1-го пункта нерчинскаго трактата 1689 г., при-амурскій и при-уссурійскій край, до моря, долженъ составлять

*) Противъ устья рѣки Амгунь.

принадлежность Россіи и, наконецъ, 4) что на прибрежьѣ Татарскаго залива находятся закрытыя бухты, болѣе или менѣе связанныя съ рѣками Амуръ и Уссури. Изъ вышесказаннаго очевидно, что для дальнѣйшаго изслѣдованія края, въ видахъ окончательнаго разрѣшенія весьма важнаго морскаго вопроса, а равно и для уничтоженія вредныхъ для насъ слуховъ, необходимо было бы основать слѣдующіе посты: на вершинахъ рѣкъ Гиринь Амгунь и Амуръ, въ селеніяхъ Кизи и Хунгари, на устьѣ Уссури, въ протокѣ Віяхту, на Сахалинѣ, и на матеромъ берегу, въ заливѣ де-Кастри: кромѣ того, по крайней мѣрѣ, въ двухъ бухтахъ къ югу отъ этого залива, ибо, оставаясь исключительно въ Николаевскѣ, въ виду чаще и чаще появлявшихся иностранныхъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ, наблюденіе за ними невозможно, а безъ этого описываемый край можетъ быть навсегда потерянъ для Россіи. Въ этихъ видахъ я и рѣшился дѣйствовать къ достиженію сейчасъ упомянутыхъ цѣлей и потому отправилъ мичмана Чихачева на ботикѣ и баркасѣ въ Николаевскъ съ продовольствіемъ и запасами, какъ для обезпеченія этого поста, такъ равно и для снабженія предположенной отправить изъ Николаевска, вверхъ по Амуру, экспедиціи.

Между тѣмъ, 18-го іюля, пришелъ на петровскій рейдъ корветъ „Оливуца“; это было первое наше военное судно, посѣтившее Петровскъ. На немъ находились мичмана Петровъ и Разградскій, назначенные на службу въ Петропавловскъ. Командиръ корвета, лейтенантъ Лихачевъ *), представляя мнѣ бумаги отъ Завойко, Кашеварова, отъ главнаго правленія р.-а. компаніи и отъ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, донесъ, что ему строго приказано быть въ Петропавловскѣ никакъ не позже 1-го августа и что онъ для экспедиціи ничего не привезъ.

Въ то же самое время начальникъ Николаевскаго поста Н. К. Бошнякъ донесъ мнѣ: 1) что въ ночь съ 15 на 16 іюля 5 матросовъ на вельботѣ неизвѣстно куда скрылись изъ поста; 2) что въ командѣ все болѣе и болѣе стали поговаривать о томъ, что будто бы манджуры скоро всѣхъ насъ вырѣжутъ и 3) что принимаемыя имъ мѣры къ отысканію скрывшихся людей остаются тщетными. Нѣкоторые изъ туземцевъ говорятъ, что они проплыли въ лиманъ, а другіе, напротивъ, утверждаютъ, что бѣглецы ушли вверхъ по

*) Лейтенантъ Лихачевъ замѣнилъ достойнаго командира корвета П. Н. Сущева, утонувшаго въ Петропавловскѣ.

рѣкѣ. Шлюпки у Чихачева никакой не было, да и посылать изъ команды было некого, ибо тамъ оставалось всего 15 человѣкъ, изъ которыхъ четверо больныхъ. Команда показала на допросѣ, что скрывшіеся люди неоднократно бѣгали и изъ Охотска.

Камчатскій губернаторъ Завойко писалъ мнѣ отъ 2-го іюня: „По неимѣнію судовъ въ Петропавловскѣ, корветъ долженъ быть возвращенъ немедленно, а казенное довольствіе въ экспедицію будетъ доставлено осенью на ботѣ „Кадьякъ“, который прежде этого долженъ развести это довольствіе въ Гижигу и Тигиль. Казенныхъ судовъ въ Петровское болѣе не будетъ“.

Главное правленіе р.-а. компаніи, въ отвѣтъ на депешу мою, посланную 2 ноября 1851 г., пишетъ мнѣ отъ 1 марта 1852 г.: „Распространеніе круга дѣйствія экспедиціи за предѣлы Высочайшаго повелѣнія не сходствуетъ намѣреніямъ главнаго правленія, тѣмъ болѣе, что, включая убытки, понесенные уже компаніею по случаю затонувшаго барка „Шелеховъ“, простирающіеся до 36,000 рублей, вмѣстѣ съ отправленными въ 1851 г. товарами, достигли уже до 59,000 рублей, т. е. суммы, опредѣленной на экспедицію до 1854 г. Поэтому представленіе ваше объ увеличеніи средствъ экспедиціи товарами и жизненными запасами правленіе не признаетъ нынѣ своевременнымъ, впредь до полученія отъ торговли прибылей, могущихъ покрыть издержки компаніи. Но, однако, останавливаясь нынѣ исполненіемъ вашихъ требованій, главное правленіе представляетъ оное на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора“.

Генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ, отъ 4 марта 1851 г., въ отвѣтъ на рапортъ мой отъ 3 ноября 1851 года пишетъ:

„Относительно увеличенія средствъ экспедиціи отъ р.-а компаніи, согласно вашимъ требованіямъ отъ 2 ноября 1851 г., паровымъ барказомъ, катеромъ и различнаго рода запасами и товарами, я вмѣстѣ съ симъ же предлагаю главному правленію компаніи, не стѣсняясь опредѣленною на экспедицію суммою, исполнить оное. Что же касается до присылки собственно для экспедиціи пароваго судна изъ Кронштадта, то я отнесся уже съ просьбою къ начальнику главнаго морскаго штаба и съ этою же почтою предлагаю къ точному исполненію начальнику аянскаго порта Кашеварову исполнять ваши требованія и отправлять въ Петровское зимовье товары, запасы и проч. и на компанейскихъ судахъ, слѣдующихъ изъ Аяна въ Ситху“.

На рапортъ мой отъ 20 февраля 1852 года генералъ-губернаторъ отъ 19 апрѣля 1852 г. пишетъ:

„О присылкѣ въ экспедицію людей изъ Охотска, 50 человѣкъ хорошаго поведенія, я сдѣлалъ распоряженіе камчатскому губернатору; прислать же при нихъ 2 офицеровъ не имѣю возможности, ибо въ нихъ ощущается недостатокъ въ Камчаткѣ. Что же касается до испрашиваемаго вами отъ меня разрѣшенія о командированіи офицера для повѣрки слуховъ о поселившихся около устья Сунгари бѣглыхъ русскихъ и объ изслѣдованіи рѣки Уссури и перехода съ этой рѣки къ заливу на татарскомъ берегу, изслѣдованія этого берега и, наконецъ, занятія с. Кизи, то такъ какъ всѣ эти мѣста лежатъ за предѣлами земли гиляковъ, то я, въ виду Высочайшаго повелѣнія, не имѣю права дать вамъ отъ себя подобнаго разрѣшенія; но, находя доводы, изложенные вами въ рапортѣ отъ 20 февраля, вполнѣ уважительными, я вхожу нынѣ же съ представленіемъ объ этомъ начальнику главнаго морскаго штаба князю Меньшикову, для доклада Его Величеству. О послѣдующемъ немедленно будете увѣдомлены.“

Начальникъ аянскаго порта Кашеваровъ, на предписаніе мое отъ 14 апрѣля, донесъ мнѣ 14 іюля 1852 г. слѣдующее: „Предписаніе Ваше отъ 14 апрѣля я препроводилъ генералъ-губернатору и въ главное правленіе компаніи. Впредь до распоряженія правленія, я, какъ начальникъ аянской факторіи, не имѣю права сдѣлать какихъ-либо распоряженій по этому предписанію и не могу выходить изъ той нормы по снабженію экспедиціи запасами и товарами, какая опредѣлена правленіемъ. Нынѣ же, по неприбытіи еще изъ колоній въ Аянъ судна, ничего не могу Вамъ отпустить съ корветомъ „Оливуца“ и долгомъ своимъ считаю предупредить, что въ нынѣшнемъ году едва-ли буду имѣть возможность снабдить экспедицію и тѣмъ даже количествомъ запасовъ и товаровъ, которое прежде было опредѣлено правительствомъ. Запасы и товары эти, вслѣдствіе строгаго мнѣ предписанія главнаго правленія, никакъ не могутъ быть отправлены на компанейскомъ суднѣ, а должны быть доставлены Вамъ на казенномъ. Что же касается до офицеровъ, то они слѣдуютъ въ Камчатку на корветѣ „Оливуца“, и вы, слѣдовательно, сами распорядитесь“.

ГЛАВА XVII.

Донесеніе Кашеварова 14 іюля 1852 г.—Наше грустное положеніе.—Мѣры, принятыя мною противъ голодной смерти.—Донесеніе генералъ-губернатору 20 мая 1852 г.—Инструкція Воронину и Бошняку.—Ихъ экспедиція и цѣль ея.—Донесенія Березина, Воронина и Бошняка.

Получивъ упомянутыя въ предъидущей главѣ предписанія, увѣдомленія и донесенія, я убѣдился, что если не начать тотчасъ же энергично дѣйствовать, то мы всѣ умремъ голодною смертію, ибо казеннаго продовольствія въ экспедиціи было только до 1 октября, сахара и чая оставалось только до 1 августа, а бѣлой муки и тому подобнаго совсѣмъ не было. Надежда на полученіе муки и крупы на ботѣ „Кадьякъ“, который долженъ былъ сначала снабдить Гижигу, была весьма сомнительна, ибо входъ въ рѣку Гижигу возможенъ только съ попутнымъ вѣтромъ, при сизигійныхъ водахъ *). Поэтому я предписалъ командиру корвета „Оливуца“, оставивъ въ экспедиціи мичмановъ Разградскаго и Петрова и 10 человѣкъ изъ команды, немедленно слѣдовать въ Аянъ и требовать отъ г. Кашеварова исполненія слѣдующаго предписанія: „На корветѣ „Оливуца“ немедленно отправить въ Петровское муки, крупы, соли и различныхъ запасовъ и товаровъ, какіе только найдутся въ Аянѣ, имѣя въ виду, что въ случаѣ нужды, аянскій портъ можетъ быть снабженъ изъ Якутска. 2) По приходѣ въ Аянъ компанейскаго судна все остальное по моему требованію отправить на ономъ въ Петровское. 3) Прилагаемое при этомъ донесеніе мое генералъ-губернатору немедленно отправить съ нарочнымъ“.

Въ донесеніи этомъ (отъ 20 іюля 1852 г.) я во-первыхъ изло-

*) Очень часто, если не всегда, суда принуждены были оставаться тамъ на зимовку за невозможностью выйти.

жилъ важность результатовъ моихъ изслѣдованій и, вслѣдствіе оныхъ, предполагаемыя измѣненныя распоряженія мои для дальнѣйшихъ дѣйствій; во-вторыхъ, критическое положеніе, въ которое ставится экспедиція распоряженіемъ главнаго правленія компаніи,—распоряженіемъ, совершенно противнымъ ея торжественному увѣренію („что *она готова помогать экспедиціи въ достиженіи важной государственной цѣли*“), и наконецъ, въ-третьихъ, что для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ, какія встрѣчаются на мѣстѣ, я вышлю къ нему одного изъ главныхъ моихъ и неутомимыхъ сотрудниковъ, Н. М. Чихачева. Въ заключеніе я писалъ генералъ-губернатору слѣдующее:

„Послѣ всего этого остаюсь увѣреннымъ, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства предъ Государемъ Императоромъ, экспедиція моя поставится въ самостоятельное и надлежащее положеніе и ей дадутся средства, о которыхъ я уже имѣлъ честь представлять Вашему Превосходительству. Тогда только, согласно упомянутому плану моему, я буду въ состояніи прочно водвориться въ этомъ краѣ и фактически заявить Китаю и иностранцамъ о принадлежности его Россіи“.

Между тѣмъ, для подкрѣпленія Николаевскаго поста и перемѣны нѣкоторыхъ людей изъ команды онаго, а равно и для объявленія туземцамъ о розыскахъ нашихъ матросовъ, былъ отправленъ горою, съ 15-ю человѣками, Н. М. Чихачевъ и мичманъ Разградскій. Г. Чихачеву приказано было, по соглашенію съ г. Бошняком, удалить изъ Николаевска тѣхъ людей, которые оказываются сомнительными, и прибыть съ ними въ Петровское. Объявить гилякамъ окрестныхъ деревень, чтобы они брали и представляли въ Николаевскъ тѣхъ изъ людей, которые будутъ распускать неблагопріятные для насъ слухи. Г-ну же Разградскому остаться въ Николаевскѣ для содѣйствія Н. К. Бошняку.

28-го іюля корветъ „Оливуца“ возвратился изъ Аяна въ Петровское съ незначительнымъ количествомъ запасовъ и товаровъ, причемъ г-нъ Кашеваровъ увѣдомилъ меня, что, по неприбытіи еще въ Аянъ компанейскаго судна, онъ болѣе послать не могъ.

Корветъ съ мичманомъ Чихачевымъ отправился сейчасъ-же въ Аянъ. Г. Чихачеву поручено было, объяснивъ Кашеварову о необходимости снабдить экспедицію на компанейскомъ суднѣ, слѣдовать въ Иркутскъ къ генералъ-губернатору, чтобы представить ему подробный отчетъ о всѣхъ обстоятельствахъ, встрѣчаемыхъ на мѣстѣ и о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій.

Послѣ этого, согласно упомянутому плану, для приготовленія къ занятію селенія Кизи и залива де-Кастри и къ удаленію изъ края миссіонеровъ, а равно и для обслѣдованія протоки Віяхту и залива Дуэ и наблюденія за иностранными судами, я командировалъ къ острову Сахалину, на военной шлюпкѣ, подпоручика Воронина, которому приказано было, слѣдуя лиманомъ вдоль сахалинскаго берега, достигнуть селенія Дуэ, подробно описать заливъ и рѣку Дуэ и протоку Віяхту, а равно озеро, изъ котораго она выходитъ, съ цѣлію опредѣленія, въ какой степени эти мѣста представляютъ удобства къ заселенію, и къ подходу судовъ для нагрузки каменнымъ углемъ. Туземцамъ объявлять, что такъ какъ островъ Сахалинъ составляетъ русское владѣніе, то всѣ обитатели онаго принимаются подъ наше покровительство. Въ случаѣ появленія около этихъ мѣстъ иностранныхъ судовъ, тщательно слѣдить за ихъ дѣйствіями, а при встрѣчѣ съ ними, съ поднятіемъ на шлюпкѣ военнаго флага, объявлять отъ имени правительства, что какъ островъ Сахалинъ, такъ равно и весь матерой берегъ Татарскаго залива до корейской границы составляютъ русскія владѣнія, а потому всякія произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ допускаемы быть не могутъ. Наконецъ ему приказано было развѣдывать не проплыли-ли по лиману и куда именно наши бѣглые изъ Николаевска.

Лейтенанту Бошняку, котораго въ Николаевскѣ, на время его отсутствія, замѣнилъ мичманъ Разградскій, приказано было, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Амуръ, подъ лѣвымъ берегомъ ея и достигнувъ селенія Ухтрэ, осмотрѣть, при стоявшей тогда высокой водѣ въ рѣкѣ Амуръ, мѣстность около селенія Пяхта, въ протокѣ Уй. Онъ долженъ былъ удостовѣриться, во 1-хъ, не затопляется-ли она водою, а во 2-хъ, каково вообще состояніе этой мѣстности и удобна-ли она для предполагавшагося занятія оной земледѣльческимъ поселеніемъ. Изъ протоки Уй Бошняку приказано было подняться по протокѣ, идущей къ S и соединяющейся съ р. Амуръ, по словамъ туземцевъ, противъ мыса Аурь, отстоящаго въ 40 верстахъ отъ Кизи. Затѣмъ прослѣдовать въ Кизи и оттуда, по озеру того же имени и рѣкѣ Тоби, достигнуть до перевала съ этой рѣки къ морю. На этомъ пути сдѣлать промѣръ озера и рѣки Тоби и, если возможно, съ помощію туземцевъ перетащить лодку къ морю и слѣдовать къ заливу де-Кастри. Буде это сдѣлать представится затруднительнымъ, то, оставивъ лодку на озерѣ, достигнуть залива

де-Кастри горою, пѣшкомъ. По прибытіи туда, осмотрѣть хорошенько мѣстность, въ видахъ основанія тамъ поста и объявить жителямъ, что, во-первыхъ, мы зимою у нихъ поселимся, во-вторыхъ, такъ какъ весь берегъ нашъ, то ихъ, а равно и всѣхъ туземцевъ, обитающихъ по этому берегу къ югу и по рѣкамъ Самальгѣ, Сайфуну и далѣе, мы принимаемъ подъ свою защиту и покровительство. Одному изъ болѣе толковыхъ домохозяевъ изъ туземцевъ оставить объявленіе на французскомъ и англійскомъ языкахъ о принадлежности при-амурскаго и при-уссурійскаго края Россіи, и приказать предъявлять оное каждому иностранному судну, могущему явиться въ этомъ заливѣ. Этому туземцу объявить, при собраніи остальныхъ жителей, что онъ назначается отъ насъ старшимъ и что всѣ должны его слушаться.

По исполненіи этого, Бошняку было предписано направиться къ Кизи, осмотрѣть около этого селенія мѣстность, въ видахъ основанія тамъ нашего поста, объявить объ этомъ жителямъ и избрать изъ нихъ, подобно какъ и въ де-Кастри, старшаго, къ которому мы могли бы обращаться съ приказаніями; послѣднія, подъ страхомъ наказанія, должны исполняться туземцами. При этомъ Бошнякъ долженъ былъ объяснять туземцамъ, что всякая съ ихъ стороны услуга намъ будетъ вознаграждаема и что мы не только не будемъ дѣлать какихъ-либо имъ насилій, но строго накажемъ всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся что-либо предпринять противъ нихъ. Таковыя же объявленія и распоряженія предписано было Бошняку дѣлать на его обратномъ пути въ значительныхъ селеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывать о нашихъ бѣглыхъ, объясняя туземцамъ, что эти люди дурные и чтобы они старались какъ ихъ, такъ и всѣхъ, которые распускаютъ о насъ худые слухи, ловить и представлять въ Николаевскъ, за что будутъ получать щедрое вознагражденіе.

Въ то же время, на гилякской лодкѣ, вверхъ по рѣкѣ Амуръ былъ отправленъ въ селеніе Кизи прикащикъ Березинъ, съ цѣлью развѣдки нашихъ бѣглыхъ и для содѣйствія г. Бошняку. Березину приказано было слѣдовать подъ правымъ берегомъ рѣки Амуръ, замѣчать мѣста удобныя для заселенія земледѣльцами, производить расторжку съ инородцами и встрѣчными манджурами, а по прибытіи въ Кизи находиться въ распоряженіи Бошняка.

12-го августа былъ посланъ на ботикѣ въ лиманъ подпоручикъ Орловъ. Ему предписано было испытать нельзя-ли на этомъ суднѣ произвести промѣръ главныхъ фарватеровъ лимана.

Мичманъ Петровъ былъ занятъ тогда перевозкою на барказѣ изъ Петровскаго въ Николаевское продовольствія и товаровъ.

Такимъ образомъ, всѣ члены моей экспедиціи имѣли особыя порученія. Послѣднія были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что я не получилъ подкрѣпленія ни командами, ни судами, и поэтому не имѣлъ рѣшительно никакой возможности распространять наши дѣйствія далѣе селенія Кизи. Въ эту навигацію мнѣ поневолѣ пришлось ограничиться весьма малымъ раіономъ. Назначеніемъ экспедиціи я имѣлъ въ виду: а) приготовиться къ занятію Кизи и залива де-Кастри, какъ важныхъ и ближайшихъ къ Николаевску пунктовъ, могущихъ служить опорными пунктами къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, согласно упомянутому плану; б) распространить на этомъ пространствѣ наше вліяніе и гражданственность, что также необходимо было для обезпеченія нашихъ дѣйствій; наконецъ, в) возможнымъ отстраненіемъ, въ навигацію этого года, всякихъ покушеній на этотъ край иностранцевъ.

И такъ, въ навигацію 1852 года я имѣлъ возможность сдѣлать только приготовительныя распоряженія для прочнаго утвержденія нашего въ сѣверной части при-амурскаго края.

Отправивъ экспедицію, 16-го августа, я и самъ отправился въ Николаевскъ, гдѣ заложилъ флигель и казарму, въ которые должны были перейти на зиму команды этого поста. Въ Петровскомъ же въ это время строился пакгаузъ.

Положеніе экспедиціи къ осени 1852 года было таково:

Всей команды состояло:

Въ Николаевскомъ	. . . . .	25 челов.
„ Петровскомъ	. . . . .	23 „
„ командировкѣ съ Орловымъ, Ворониным, Бошнякомъ и Петровымъ	. . . . .	16 „
Вся наша сила состояла изъ	. . . . .	64 челов.

При ней было: 3 пушки трехъ-фунтоваго калибра, 2 пуда пороха, $2^1/_2$ пуда свинца и 60 кремневыхъ ружей, изъ которыхъ 20 были негодны. Затѣмъ палубный, въ 29 футовъ длины, ботикъ и 6-ти весельный баркасъ—оба выстроенные въ Петровскомъ; 5-ти весельный вельботъ, четверка, 2 гилякскихъ лодки и одна трехлючная байдарка.

Таковы были наши средства къ защитѣ, передвиженію и дѣйствію въ краѣ, гдѣ съ одной стороны мы были окружены дика-

рями, въ нѣсколько сотъ кратъ превышавшими насъ численностію и не имѣвшими ни малѣйшаго понятія о гражданственности,—дикарями, способными возстать противъ насъ при первомъ сколько нибудь смѣломъ и разумномъ къ тому ихъ подстрекательствѣ или при первомъ сколько нибудь ошибочномъ или трусливомъ съ нашей стороны шагѣ. Съ другой стороны, болѣе 2-хъ милліоновъ манджуровъ могли легко, по рѣкамъ Сунгари и Амуру, выслать на насъ такую силу, которая могла бы забросать насъ шапками. Всякая надежда на помощь или на отступленіе была для насъ невозможна. Ближайшій къ намъ пунктъ—Аянъ былъ отрѣзанъ отъ насъ непроходимымъ, тысячеверстнымъ, пустыннымъ пространствомъ.

При такомъ-то положеніи намъ пришлось дѣйствовать и брать на себя всю тяжкую за то отвѣтственность, каковую, какъ мы видѣли, не рѣшился взять на себя и генералъ-губернаторъ. Если бы еще при этомъ случилось намъ потерять часть команды или возбудить непріятныя столкновенія, чего можно было ожидать каждую минуту, то не трудно себѣ представить, какъ бы мы жестоко поплатились за смѣлые подвиги. Между тѣмъ, мы не только не были обезпечены матеріально, но даже лишены единственной отрады для души—храма Божія; намъ отказали даже въ священникѣ.

Въ 1852 г. мы были какъ бы всѣми забыты и отданы въ жертву случайностямъ и голодной смерти. Поэтому всякій можетъ судить, каково было тогда наше положеніе. Особенно тяжело было бѣдной женѣ моей, раздѣлявшей наравнѣ со всѣми всѣ трудности, опасности и лишенія и имѣвшей больнаго ребенка, которому угрожала голодная смерть *), ибо жена сама кормить не могла, а кормилицъ не было. Мнѣ, какъ отцу и начальнику, на которомъ за всѣхъ и за все лежала полная отвѣтственность предъ Богомъ и отечествомъ, конечно было тяжелѣе всѣхъ. Надежда на милость Всевышняго Творца и убѣжденіе, что дѣйствія наши клонятся къ благу отечества, единственно поддерживали въ насъ крѣпость духа, энергію и отвагу, столь необходимыя при такихъ обстоятельствахъ.

24-го августа, на туземной лодкѣ, былъ привезенъ въ Петровское совершенно больной прикащикъ Березинъ. Онъ сообщилъ, что заболѣлъ въ селеніи Пуль, гдѣ туземцы и манджуры во все время его болѣзни весьма внимательно ухаживали за нимъ. О проплытіи

---

*) Это была первая дочь моя Екатерина, которая умерла въ скоромъ времени отъ голода.

вверхъ по рѣкѣ Амуръ людей изъ Николаевска туземцы ничего не слыхали.

Вслѣдъ за Березинымъ прибылъ съ Сахалина Воронинъ; онъ донесъ, что бухты Дуэ и Віяхту открыты для южныхъ, сѣверныхъ, сѣверо- и юго-западныхъ вѣтровъ, но что стоянку судовъ въ бухтѣ Дуэ можно сдѣлать удобною; стоитъ лишь воспользоваться рифами, идущими отъ берега, именно провести по этимъ рифамъ насыпи, которыя защищали бы бухту отъ упомянутыхъ вѣтровъ. Широта мыса Дуэ, по наблюденію Воронина, оказалась та-же самая, какъ и у Бошняка. Грунтъ въ бухтѣ вообще надежный, берега приглубы и изобилуютъ каменнымъ углемъ. Мѣстность по рѣчкѣ Дуэ, которая имѣетъ глубину на барѣ до 2 футовъ, а далѣе отъ 8 до 10 футовъ, удобна къ заселенію. „Чтобы воспользоваться минеральнымъ топливомъ“, говоритъ Воронинъ, „необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы сдѣлать удобную гавань для нагрузки судовъ“. Кромѣ Дуэ, особое вниманіе надобно обратить на мѣстность около селенія Мгачъ, какъ въ отношеніи добыванія каменнаго угля, такъ равно и въ отношеніи удобства поселенія. Она расположена между рѣчками Мгачъ, Чернай и Мычнай, протекающими въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Недалеко отъ этихъ мѣстъ отсюда течетъ рѣка Тымп. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія бухта Уанды, въ которую впадаютъ 2 рѣчки: Большая и Малая Уанды. Эта бухта защищена гораздо лучше Дуэ: съ сѣверо-запада ее ограждаетъ увалистый мысъ Уанды, а съ юга—островъ и идущій отъ него къ берегу рифъ. Пользуясь этимъ, здѣсь небольшаго труда будетъ стоить сдѣлать для судовъ прикрытіе и хорошую, спокойную стоянку. Рѣчка Большая Уанды имѣетъ глубину на барѣ 3 фута, а далѣе до 12 футовъ. Долина этой бухты представляетъ всѣ удобства къ заселенію; берегъ бухты приглубый и чистый и каменнаго угля огромное количество. Широта устья рѣчки Большой Уанды 51° 22½′ N. Эта мѣстность, по мнѣнію г. Воронина, одна изъ лучшихъ на всемъ видѣнномъ имъ пространствѣ.

Устье протоки Віяхту лежитъ въ широтѣ 51° 36′ 42″ N; входъ въ нее съ моря, между лайдами, идетъ на SO 79° и потомъ, по самой протокѣ, на SO 12°. Глубина при устьѣ въ малую воду до 5 футовъ, а въ прибылую до 9 и 10; въ самой же протокѣ глубина отъ 12 до 14 футовъ. Эта протока выходитъ изъ небольшаго озера того же имени, имѣющаго 1½ мили длины по направленію NtW—StO и ¾ мили ширины на O и W; оно вообще наполнено

лайдами и имѣетъ глубину не болѣе 10 футовъ. Съ востока въ него впадаетъ рѣчка Віяхту, имѣющая $^1/_4$ мили длины. Берега озера вообще низменные, луговые, но есть мѣстности возвышенныя и удобныя къ заселенію, въ особенности долина и берега рѣчки и протоки. Здѣсь также много каменнаго угля. Сильное теченіе въ протокѣ (отъ $3^1/_2$ до 5 узловъ) и банки, между которыми идетъ въ нее узкій и довольно извилистый фарватеръ, дѣлаютъ входъ въ нее затруднительнымъ и опаснымъ.

По словамъ туземцевъ, на всемъ западномъ берегу острова нѣтъ ни одной сколько-нибудь закрытой бухты. Они говорили также Воронину, что суда плаваютъ около этихъ мѣстъ вообще раннею весною, т. е. въ то время, когда въ лиманѣ еще стоятъ льды и что люди, съѣзжающіе къ нимъ съ этихъ судовъ, дѣлаютъ насилія и буйства.

Въ то же время возвратился на ботикѣ подпоручикъ Орловъ и донесъ, что изъ нѣсколькихъ попытокъ, сдѣланныхъ имъ для опредѣленія лиманскихъ фарватеровъ, онъ убѣдился, что безъ надлежащихъ паровыхъ средствъ достиженіе этой цѣли невозможно.

Между тѣмъ, 20 августа явились въ Петровское съ гиляками трое матросовъ, высаженныхъ съ китобойныхъ судовъ въ Тугурской губѣ. Они пришли едва живые и благословляли судьбу, что нашли, наконецъ, жилье, гдѣ можно ѣсть по человѣчески, ибо болѣе полутора мѣсяца они питались кореньями, ягодами и юколой. Въ это время стояли на петровскомъ рейдѣ два китобоя: одинъ американецъ, другой изъ Бремена; я попросилъ къ себѣ шхиперовъ этихъ судовъ, передалъ имъ людей и объявилъ, что они не имѣютъ права бить китовъ и учинять безчинства въ нашихъ водахъ, которыя простираются до корейской границы. За симъ, 8 октября прибылъ лейтенантъ Бошнякъ и сообщилъ, что, достигнувъ селенія Ухтрэ, онъ нашелъ всю мѣстность около этого селенія затопленною: вода въ Амурѣ была выше весенней и только небольшое мѣсто около селенія Пяхта оставалось открытымъ. Изъ селенія Ухтрэ онъ пошелъ по протокѣ къ S; протока эта на всемъ своемъ пространствѣ, т. е. на 25 миль на StO и потомъ около 20 миль на S идетъ между обрывистыми, возвышенными и частію низменными, затопляющимися водою, луговыми берегами; она имѣетъ ширину отъ 15 до 30 саженъ, а глубину отъ 20 до 35 футовъ, и на параллели 51° 41′ N, противъ Кизи, соединяется съ главнымъ фарватеромъ Амура. Между этимъ фарватеромъ и протокою лежитъ огромная равнина, покрытая въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ березнякомъ и тальникомъ и изрѣзанная различной ширины каналами, соединяющимися съ главнымъ фарватеромъ Амура. По одному изъ этихъ каналовъ, имѣющему глубину отъ 10 до 20 футовъ, онъ вышелъ противъ Кизи на главный фарватеръ, на которомъ нашелъ глубину отъ 10 до 16 саж. Упомянутая протока идетъ подъ лѣвымъ берегомъ Амура и недалеко отъ нея тянутся горы, покрытыя строевыми лѣсами кедра, ели и частію клена и дуба. Изъ этихъ горъ по низменнымъ долинамъ текутъ нѣсколько рѣчекъ. Рѣка Амуръ между материми берегами въ этомъ мѣстѣ имѣетъ огромную ширину, болѣе 25 верстъ. Главный фарватеръ, имѣющій ширину болѣе 2 верстъ, идетъ посрединѣ рѣки. По прибытіи въ Кизи, Н. К. Бошнякъ нанялъ у туземцевъ лодку съ 2 проводниками и приступилъ къ промѣру озера и рѣки Тоби до перевала съ нея къ морю. Глубина фарватера озера, по которому вели его туземцы, оказалась отъ 15 до 25 футовъ; вода была выше ординарной до 9 футовъ. Глубина въ рѣкѣ Тоби отъ 6 до 10 футовъ; по словамъ туземцевъ, эта глубина не бываетъ менѣе 3 футовъ. Оставивъ лодку въ озерѣ, г. Бошнякъ съ казакомъ Парфентьевымъ и мангуномъ отправился пѣшкомъ въ заливъ де-Кастри, по тому пути, который, по словамъ туземцевъ, считается самымъ кратчайшимъ. Путь этотъ, на пространствѣ около $1^1/_2$ версты, идетъ по низменности; остальная же мѣстность, на пространствѣ около 18 верстъ, сухая и возвышенная. Не доходя 5 верстъ до залива де-Кастри, Бошнякъ перевалилъ чрезъ небольшой хребетъ, подъемъ на который со стороны озера почти незамѣтенъ, со стороны же залива нѣсколько круче. По прибытіи въ заливъ, Бошнякъ выбралъ мѣсто для основанія поста и нанялъ туземцевъ для приготовленія лѣса. На вопросъ его: не проплывали-ли мимо залива русскіе на шлюпкѣ, туземцы объявили, что болѣе 2 недѣль тому назадъ были здѣсь дурные русскіе, которые дрались между собою и отнимали у нихъ рыбу; отсюда, говорили туземцы, эти русскіе поплыли къ югу. Бошнякъ сказалъ имъ, что это дѣйствительно негодные люди и просилъ, чтобы они изловили ихъ; за отнятую же рыбу заплатилъ имъ. По прибытіи въ Кизи, Н. К. Бошнякъ, подобно какъ и въ заливѣ де-Кастри, объявилъ, что мы и у нихъ нынѣ зимою поселимся. На вопросъ его: не появляются ли люди, которые разглашаютъ о насъ дурныя вѣсти, туземцы отвѣчали, что если подобные люди явятся, то они ихъ будутъ хватать и представлять въ Николаевскъ. Въ заливѣ де-Кастри Бошнякъ назначилъ одного изъ туземцевъ, Ипчуна,

старшиною и вручилъ ему объявленіе на французскомъ и англійскомъ языкахъ для предъявленія иностраннымъ судамъ, буде таковыя явятся въ заливъ. Въ этомъ объявленіи, согласно данной ему отъ меня инструкціи, отъ имени русскаго правительства заявлялось, что весь этотъ край до Кореи принадлежитъ Россіи. Въ это же время Бошнякъ объявилъ туземцамъ, чтобы они слушали Ничкуна и сказалъ имъ, чтобы они дали знать жителямъ окрестныхъ деревень, расположенныхъ по татарскому берегу, что такъ какъ весь этотъ берегъ и рѣка Сайфунъ принадлежатъ Россіи, то всѣхъ его обитателей мы принимаемъ подъ свое покровительство. Въ селеніи Кизи Н. К. Бошнякъ назначилъ старостою мангуна Ледена и объявилъ жителямъ, чтобы они его слушали и что всѣхъ инородцевъ по берегамъ рѣкъ Уссури и Амура до Хинганскихъ горъ включительно мы принимаемъ подъ свою защиту и покровительство, такъ какъ вся эта страна русская. Затѣмъ г. Бошнякъ, спускаясь по Амуру, сдѣлалъ подобныя же распоряженія и объявленія въ селеніяхъ Ауръ, Пуль, Тыми и Кола.

ГЛАВА XVIII.

Прибытіе въ Петровское бота „Кадьякъ“ и компанейскаго корабля.—Экспедиція Бошняка въ при-амгуньскій край 5-го ноября 1852 г.—Донесеніе генералъ-губернатору 7 ноября 1852 г.—Письмо къ нему.—Высочайшее повелѣніе 20 іюня 1852 г.—Донесеніе генералъ-губернатору о намѣреніи занять Кизи и де-Кастри, 4 декабря 1852 г.—Донесенія Березина, Разградскаго и Бошняка.—Окончательное разрѣшеніе пограничнаго вопроса.—Изслѣдованіе озеръ: Самагировъ и Чихчагировъ.—Заключеніе 1852 года.

Въ половинѣ сентября прибылъ въ Петровское съ казеннымъ провіантомъ ботъ „Кадьякъ“. Командиръ его, г. Шарыповъ, объявилъ мнѣ, что по ненадежному состоянію бота, онъ идти въ Петропавловскъ не можетъ, почему и остается на зимовку въ Петровскомъ.

Вслѣдъ за ботомъ, 23 сентября, пришелъ изъ Аяна на петровскій рейдъ съ товарами и запасами компанейскій корабль. А. Ф. Кашеваровъ увѣдомилъ меня, что присылаетъ всего въ весьма недостаточномъ количествѣ по той причинѣ, что самъ нынѣ получилъ весьма мало и объясняетъ, что посылаетъ компанейскій корабль на свой страхъ только въ виду того, что послѣ корвета „Оливуца“ въ Аянъ не приходило ни одно военное судно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кашеваровъ предупреждаетъ меня, что командиру корабля не приказано оставаться на петровскомъ рейдѣ болѣе 2 сутокъ.

И такъ, единственно по милости и добросердечію Александра Филипповича Кашеварова, мы получили, хотя въ ничтожномъ количествѣ, провизіи.

По приведеніи всего, что у насъ было, въ извѣстность, оказалось, что чая, сахара и тому подобныхъ, столь необходимыхъ въ пустынѣ запасовъ, было до такой степени мало, что я вынужденнымъ нашелся раздѣлить все это по числу лицъ, находившихся въ экспедиціи. Водки и крупъ вовсе привезено не было, а товаровъ,

потребныхъ для туземцевъ, было такъ мало, что о выгодной торговлѣ, которая могла бы возмѣстить расходы казны, употребленные на экспедицію (какъ указывало мнѣ главное правленіе компаніи), и думать было нечего; ихъ едва хватало только для командировокъ, т. е. для вымѣна отъ туземцевъ корма для собакъ и рыбы для людей и на пріобрѣтеніе отъ манджуровъ проса и водки. Медикаментовъ почти никакихъ не было прислано.

Такая экономія имѣла самое неблагопріятное вліяніе на здоровье командъ. Между людьми появились болѣзни и въ особенности скорбутныя. Онѣ задержали насъ въ Петровскомъ на столько, что только къ исходу ноября мы могли перебраться въ Николаевскъ. Тамъ наши помѣщенія были хотя и сырыя, но болѣе удобныя и просторныя нежели въ Петровскомъ. Наступившая холодная и ненастная зима болѣе и болѣе усиливала эти болѣзни и къ 1 декабря трое людей не выдержали и сдѣлались ея жертвою.

Сношенія наши съ туземцами становились болѣе и болѣе дружественными, благодаря тому, что мы не дозволяли себѣ благодѣтельствовать ихъ нововведеніями, противными складу ихъ жизни и вкоренившимся обычаямъ, а соблюдали во всемъ должную справедливость и не только не производили какихъ-либо насилій, но и не оставляли ни малѣйшей ихъ услуги безъ вознагражденія. Туземцы повидимому понимали все это и цѣнили, что рельефно выказалось въ участіи, которое они показали при открывшихся между командами скорбутныхъ болѣзняхъ. Они съ охотою доставляли черемшу и другіе коренья, которые, по ихъ понятіямъ, помогаютъ отъ этой болѣзни.

Не смотря на всѣ невзгоды, духъ въ командахъ и въ особенности въ офицерахъ не ослабѣвалъ. Мы надѣялись, что послѣ важныхъ результатовъ нашихъ изслѣдованій правительство дастъ, наконецъ, экспедиціи надлежащія средства для достиженія предположенной цѣли.

Намъ, во-первыхъ, предстояло окончательно разрѣшить пограничный вопросъ, т. е. опредѣлить истоки рѣкъ: Амгунь и Гиринь, обслѣдовать озера: Самагировъ и Чихчагировъ и рѣку Биджи, какъ мѣстности, имѣющія большое значеніе въ сѣверо-западной части при-амурскаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны были прекратить злонамѣренные слухи, распускавшіеся о насъ на рѣкѣ Амуръ и, наконецъ, пріобрѣсти отъ манджуровъ необходимые запасы для того, чтобы по возможности обезпечить дальнѣйшія командировки и изслѣдовать рѣку Амуръ до рѣки Хунгари.

Въ этихъ видахъ были сдѣланы мною новыя командировки въ при-амгуньскій край. Лейтенанту Бошняку я далъ казака и 5 ноября отправилъ его съ приказаніемъ слѣдовать на собакахъ по берегу рѣки Амгунь и стараться достигнуть ея истоковъ изъ Хинганскаго хребта, а оттуда проѣхать по направленію хребта къ югу, до истока рѣки Гиринь. Затѣмъ, поднимаясь по этой рѣкѣ, перевалить на озера Самагировъ и Чихчагировъ, осмотрѣть ихъ и возвратиться по рѣкѣ Амгунь въ Петровское. Если слухи о появлявшихся въ этихъ мѣстахъ миссіонерахъ, распускающихъ о насъ злонамѣренныя басни, справедливы,—то стараться внушить туземцамъ, чтобы они подобныхъ людей представляли въ Николаевскъ, за что будутъ вознаграждены. При сношеніи съ туземцами стараться узнавать, нельзя ли чрезъ хребетъ добраться до бѣглыхъ русскихъ, живущихъ будто бы на притокѣ Амура, впадающемъ въ эту рѣку близъ устья Сунгари. Объявлять туземцамъ, что такъ какъ весь этотъ край принадлежитъ Россіи, то всѣхъ ихъ мы принимаемъ подъ свою защиту и покровительство; а потому, въ случаѣ какихъ-либо имъ обидъ и притѣсненій отъ пріѣзжающихъ къ нимъ манджуровъ, или иныхъ инородцевъ, они могутъ обращаться къ намъ и мы таковыхъ обидчиковъ строго будемъ наказывать. Наконецъ, стараться выбрать изъ туземцевъ старостъ, къ которымъ бы мы могли обращаться.

Мичману Разградскому и прикащику Березину поручалось, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Амуръ и производя расторжку съ инородцами и манджурами, стараться пріобрѣтать у нихъ спиртъ, чай и просо. Достигнувъ селенія Кизи, г. Разградскому отправиться далѣе до устья рѣки Хунгари, а Березину остаться въ Кизи до прибытія Разградскаго. Березинъ долженъ былъ въ это время основать складъ нашихъ товаровъ, въ виду занятія нами этого пункта, а г. Разградскій, достигнувъ устья Хунгари,—осмотрѣть мѣстность около этого устья и войти въ сношеніе съ туземцами селенія Хунгари, въ видахъ основанія тамъ нашего поста; собрать свѣдѣнія о пути отъ этого пункта къ заливу Хаджи и вообще о путяхъ, ведущихъ съ рѣки Амуръ къ Татарскому заливу; наконецъ, осмотрѣть правый берегъ Амура между устьями рѣкъ Гиринь и Хунгари, возвратиться въ Кизи и оттуда вмѣстѣ съ Березинымъ слѣдовать въ Петровское.

На время отсутствія изъ Николаевскаго поста гг. Бошняка и Разградскаго, начальникомъ поста оставался мичманъ А. И. Петровъ.

7-го ноября, съ почтою, отправленною съ тунгусомъ въ Лянъ,

я донесъ генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву: а) о бѣжавшихъ изъ Николаевска, замѣченныхъ еще въ Охотскѣ въ дурномъ поведеніи 5 человѣкъ команды, о вѣроятности, что эти люди желали пробраться къ подобнымъ имъ товарищамъ, о которыхъ говоръ распространялся между командами и о вредѣ для экспедиціи отъ людей подобнаго поведенія. б) О результатахъ изслѣдованія гг. Бошняка, Воронина и Орлова. в) О положительной невозможности при нашихъ ничтожныхъ средствахъ, безъ присылки въ экспедицію надлежащаго судна съ паровымъ двигателемъ, опредѣлить лиманскіе фарватеры. г) Объ инструкціяхъ, данныхъ мною гг. Бошняку, Воронину, Орлову и Разградскому. д) О несомнѣнномъ присутствіи золотыхъ розсыпей въ верховьи рѣки Искай и въ особенности въ узлѣ горъ на истокахъ рѣкъ: Амгунь, Нимелена, Зея и Буреи. е) О сдѣланныхъ уже мною приготовленіяхъ, чтобы къ веснѣ 1853 г. окончательно занять постами заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ ними на Амурѣ селеніе Кизи, какъ первоначальные и опорные пункты, изъ которыхъ, согласно представленному уже мною плану, по мѣрѣ имѣющихся и ожидаемыхъ средствъ, начать изслѣдованія прибрежій Татарскаго залива до корейской границы и рѣкъ Амура и Уссури. ж) О намѣреніи въ ту же навигацію занять военнымъ постомъ на Сахалинѣ заливъ Уанды и, наконецъ, з) въ заключеніе объяснилъ настоящее положеніе экспедиціи.

Въ частномъ письмѣ отъ того же числа я писалъ, между прочимъ, Николаю Николаевичу Муравьеву: „Посланный къ вамъ Н. М. Чихачевъ съ подробными объясненіями о необходимости представляемыхъ мною рѣшительныхъ здѣсь дѣйствій и обстоятельства, изложенныя въ предшествовавшемъ и настоящемъ донесеніи моемъ, даетъ всѣмъ намъ надежду, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, обратятъ наконецъ на этотъ край серьезное вниманіе, а равно и на насъ, горсть людей, какъ бы забытую всѣми и брошенную на жертву въ пустынѣ. Не теряю надежды, что мнѣ дадутъ надлежащія разрѣшенія не къ пальятивнымъ, вреднымъ и гибельнымъ для края дѣйствіямъ, а къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, вызываемымъ важными обстоятельствами, встрѣчаемыми на мѣстѣ и, сообразно съ этимъ, дадутъ наконецъ средства для достиженія важной государственной цѣли, которую неуклонно преслѣдуетъ ввѣренная мнѣ экспедиція, не страшась ни тяжкой отвѣтственности, ни опасностей, ни лишеній. Только эта надежда одушевляетъ меня и моихъ неутомимыхъ благородныхъ сотрудниковъ, которые

съ твердостью духа и уповая на Всевышняго Творца, переносили всѣ трудности и опасности; но всему на свѣтѣ есть предѣлъ, переступать который не слѣдуетъ".

1-го декабря 1852 г. я получилъ съ нарочнымъ тунгусомъ, посланнымъ изъ Аяна, предписаніе и письмо отъ генералъ-губернатора отъ 28-го іюля 1852 года съ приложеніемъ при оном Высочайшаго повелѣнія отъ 20 іюня этого года, объявленнаго Н. Н. Муравьеву въ письмѣ начальника главнаго морскаго штаба князя Меньшикова. Вотъ сущность этого письма: „Содержаніе отношенія Вашего ко мнѣ отъ 28 апрѣля 1852 г.", пишетъ князь Меньшиковъ, „послѣдовавшаго вслѣдствіе донесенія вамъ начальника амурской экспедиціи капитана 1-го ранга Невельскаго, я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору. Его Величество, вслѣдствіе объясненія канцлера графа Несельроде, остается при желаніи соблюдать крайнюю осторожность и неспѣшность при установленіи мирныхъ и прочныхъ сношеній нашихъ съ гиляками и другими племенами, обитающими только лишь около устья Амура, о чемъ было уже сообщено вамъ графомъ Несельроде. Нынѣ и мнѣ поручено повторить вамъ, чтобы неспѣшность и осторожность были на первомъ планѣ. Государь Императоръ поэтому не изволилъ утвердить занятіе селенія Кизи, лежащаго на правомъ берегу р. Амуръ и залива де-Кастри, а также отправленія экспедиціи для изслѣдованія татарскаго прибрежья и рѣкъ Амура и Уссури; что же касается до вступленія въ сношеніе съ бѣглыми русскими, о поселеніи которыхъ выше устья Сунгари имѣются свѣдѣнія, то Его Величество въ отклоненіе вреда, который они могутъ принести нашимъ предпріятіямъ, приказалъ не возбранять вступать съ ними въ сношеніе, но не иначе, какъ чрезъ гиляковъ или тунгусовъ, какъ признается удобнымъ, но отнюдь не чрезъ команды офицеровъ, или кого-либо изъ прикащиковъ, посланныхъ по рѣкѣ Амуръ или берегомъ. При этомъ предоставляется объявлять имъ Всемилостивѣйшее прощеніе за услуги, которыя будутъ ими оказываемы". Препровождая при предписаніи это Высочайшее повелѣніе, генералъ-губернаторъ поручаетъ его къ точному и непремѣнному съ моей стороны руководству и пишетъ, что въ отношеніи русскихъ бѣглыхъ слѣдуетъ стараться сколь возможно скорѣе исполнить Высочайшую волю чрезъ вѣрныхъ нашимъ интересамъ гиляковъ, и поспѣшить сообщить ему вѣрныя объ этихъ бѣглыхъ свѣдѣнія.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ того же числа (28-го іюля 1852 г.)

Николай Николаевичъ, между прочимъ, пишетъ, что онъ ожидаетъ отъ меня дальнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи края, на основаніи которыхъ онъ поспѣшитъ лично ходатайствовать въ С.-Петербургѣ, объ осуществленіи нѣкоторыхъ только лишь изъ моихъ представленій, имѣя въ виду, что граница наша съ Китаемъ должна идти по лѣвому берегу Амура и что главный нашъ портъ на востокѣ долженъ быть Петропавловскъ (въ Камчаткѣ), для котораго собственно и полезно обладаніе Амуромъ.

Таковы были повелѣнія, данныя мнѣ въ то время. Ясно, что въ С.-Петербургѣ чего-то опасались, а въ Иркутскѣ придавали главное значеніе на отдаленномъ нашемъ востокѣ Петропавловску; важнѣйшіе же вопросы, какъ пограничный и въ особенности вопросъ морской, обусловливавшій важное значеніе для Россіи этого края въ политическомъ отношеніи,—вопросы, къ разрѣшенію которыхъ напрягала всѣ усплія амурская экспедиція, были какъ въ С.-Петербургѣ, такъ равно и въ Иркутскѣ совершенно упущены изъ вида. На моей совѣсти лежало навести на нихъ Высшее правительство; а чтобы достигнуть этого, надобно было дѣйствовать рѣшительно, т. е. не согласно съ инструкціями, которыя не соотвѣтствовали ни этой главной цѣли, ни мѣстнымъ, встрѣчаемымъ нами обстоятельствамъ, ни положенію и состоянію края и его обитателей. Весьма естественно, что на подобныя распоряженія я не могъ ничего отвѣчать, кромѣ того, что предписаніе получилъ и дѣйствую такъ-то.

Подобный отвѣтъ я послалъ съ нарочнымъ изъ Петровскаго и на эти распоряженія. Препровождая при немъ генералъ-губернатору данныя мною инструкціи гг. Бошняку и Разградскому, я вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ Его Превосходительству Н. Н. Муравьеву: а) о непремѣнномъ моемъ намѣреніи въ февралѣ наступающаго 1853 г. занять заливъ де-Кастри и основаться въ сосѣднемъ съ нимъ селеніи Кизи; б) послать изъ залива де-Кастри, съ открытіемъ въ оном навигаціи, изслѣдовать берегъ къ югу отъ де-Кастри, въ видахъ отысканія на оном гаваши и наблюденія за появлявшимися съ раннею весною въ Татарскій заливъ иностранными судами, и в) сообщилъ генералъ-губернатору объ объявленіи моемъ иностраннымъ судамъ о принадлежности этого края, до корейской границы включительно, Россіи. Въ заключеніе я писалъ Николаю Николаевичу: „Только этими рѣшительными мѣрами, при ничтожныхъ у насъ здѣсь средствахъ, представляется возможность отстранить могущія быть на этотъ край покушенія. Здѣсь нѣтъ и быть не можетъ какихъ-либо земель

или владѣній гиляковъ, мангуновъ, нейдальцевъ и т. п. дикихъ народовъ, въ томъ территоріальномъ и отечественномъ смыслѣ, какъ то понимается между образованными націями. Эти народы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о территоріальномъ разграниченіи. Что же касается до того, возможно ли исполнить Высочайшую волю о вступленіи въ сношеніе съ бѣглыми русскими безъ посылки по рѣкѣ Амуръ офицера, то я, по собраніи болѣе подробныхъ свѣдѣній, не премину донести Вашему Превосходительству".

Препровождая это въ Аянъ, я просилъ начальника аянскаго порта и иркутскаго губернатора К. К. Вейцеля доставить это донесеніе и письмо Н. Н. Муравьеву сколь возможно поспѣшнѣе.

18-го декабря возвратились изъ командировки Разградскій и Березинъ. Разградскій донесъ мнѣ, что 20-го ноября онъ достигъ селенія Сусу (до котораго раньше доѣзжалъ Чихачевъ). Оттуда онъ поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, къ правому ея берегу, и чрезъ 40 верстъ достигъ селенія Хальво. Отсюда онъ поѣхалъ на SW и чрезъ 15 верстъ прибылъ въ селеніе Нагли. Проѣхавъ отъ послѣдняго на StO, около 10 верстъ, достигъ селенія Ыкки и отсюда, слѣдуя по тому же направленію, чрезъ 10 верстъ пріѣхалъ въ селеніе Хоме. Изъ Хоме до селенія Омой такое-же разстояніе, т. е. 10 верстъ, онъ ѣхалъ на StW. Отъ Омой до селенія Хозе около 15 верстъ вверхъ по рѣкѣ, на S$^1/_2$W. Отъ Хозе до селенія Май, около 20 верстъ и отъ селенія Цыпцы слѣдовалъ на StO; за симъ, до устья рѣки Хунгари и селенія того же имени, 5 верстъ, ѣхалъ на SSO. Прибывъ въ Хунгари 25-го ноября, онъ остановился для отдыха, сдѣлавъ всего 270 верстъ. Широта устья рѣки Хунгари 49° 58′ N, а долгота примѣрная около 137° O отъ С.-Петербурга.

Жители селенія Хунгари, гольды, приняли Разградскаго радушно. Онъ объявилъ имъ, что вся страна по рѣкѣ Амуръ до горъ и по рѣкѣ Уссури принадлежитъ Россіи, что мы принимаемъ ихъ подъ свою защиту и покровительство и намѣрены около нихъ поселиться. Все это гольдами принято было съ удовольствіемъ. Мѣстность около селенія, возвышенная и, повидимому, удобная къ заселенію. Туземцы объяснили Разградскому: а) что рѣка Хунгари на небольшомъ пространствѣ отъ устья имѣетъ значительную глубину и небольшое теченіе, далѣе же она довольно мелка и быстра. Подымаясь вверхъ по рѣкѣ, около 60 верстъ, они изъ селенія Удли перевалиываютъ на рѣку Адли, впадающую въ Хунгари съ правой стороны; проѣхавъ по перевалу и по этой рѣчкѣ около 20 верстъ

или $^1/_2$ дня ѣзды на собакахъ, туземцы переваливаютъ чрезъ хребетъ на вершину рѣчки Муль, правый притокъ рѣки Тумчинъ; по этой послѣдней до устья ея ѣдутъ 4 дня на собакахъ (около 120 верстъ). Отъ устья рѣки Муль, по рѣкѣ Тумчинъ до моря, ѣдутъ $1^1/_2$ сутокъ на собакахъ (т. е. около 50 верстъ), отъ устья же Тумчина, по морскому берегу, до залива Хаджи, ѣдутъ $^1/_2$ дня (т. е. 20 верстъ); слѣдовательно, этимъ путемъ до залива Хаджи изъ селенія Хунгари туземцы ѣздятъ отъ 7 до 8 дней (т. е. разстояніе около 300 верстъ). Путь этотъ, по ихъ словамъ, весьма удобенъ, ибо здѣсь не встрѣчается крутыхъ и высокихъ горъ. б) Что съ рѣки Уссури есть много путей въ закрытыя бухты. в) Что въ море туземцы ѣздятъ каждый годъ на промыслы и видѣли тамъ плавающія большія суда, и г) что къ нимъ пріѣзжаютъ какіе-то люди, которые бранятъ лоча (русскихъ).

Прикащикъ Березинъ сообщилъ, что онъ основалъ въ Кизи временный складъ у мангуна Лебдена; что жители ожидаютъ нашего здѣсь окончательнаго водворенія и, наконецъ, что у манджуровъ, встрѣченныхъ имъ на пути въ Кизи, а равно и пріѣзжавшихъ въ это селеніе, онъ вымѣнялъ саки (манджурской водки), чаю и просо.

Вслѣдъ за Разградскимъ возвратился въ Петровское г. Бошнякъ и отъ 24 декабря донесъ мнѣ, что, прибывъ 20-го ноября въ селеніе на р. Амгунь, Самари, до котораго доѣзжалъ Н. М. Чихачевъ, онъ съ проводниками отправился къ хинганскому хребту вверхъ по рѣкѣ Ами, впадающей у этого селенія, съ лѣвой стороны, въ рѣку Амгунь. Поднявшись по этой рѣчкѣ на $SW^1/_2W$, около 70 верстъ, онъ достигъ подошвы Хингана и стойбища (груды камней), отъ котораго инородцы ходятъ въ горы на промыселъ. Широта этого пункта, по полуденной высотѣ, оказалась 52° 18′ N, а приблизительная долгота 134° 32′ O. Отъ этого пункта онъ поѣхалъ по направленію Хингана на $StW^1/_2$ W и, проѣхавъ около 40 верстъ, прибылъ ко второму стойбищу—вершинѣ протока Амгуни—рѣчки Пильнанъ-Ами. Широта этого пункта 50° 54′ N, а приблизительная долгота 134° 20′ O. Съ этого мѣста онъ поѣхалъ вдоль Хингана, по тому же направленію, и чрезъ 35 верстъ прибылъ въ стойбище, находящееся на главномъ истокѣ рѣки Амгунь и состоящее изъ большой юрты. Отсюда инородцы, на лыжахъ, переваливаютъ хребетъ и выходятъ на вершину притока рѣки Буреи, рѣчку Ляшани, при устьѣ которой, по словамъ ихъ, находится русская юрта

съ крестомъ (т. е. часовня). Въ этомъ мѣстѣ инородцы съ рѣкъ: Буреи, Гиринь, Амгунь и съ озеръ Чякчагирскаго и Самагирскаго сходятся для мѣновой торговли. На вопросъ г. Бошняка проводникамъ и встрѣченнымъ имъ здѣсь тремъ инородцамъ съ рѣки Буреи, нельзя-ли на собакахъ или оленяхъ перевалить здѣсь Хинганскій хребетъ, они отвѣчали: а) на собакахъ ѣхать нельзя, оленей же здѣсь совсѣмъ нѣтъ, по неимѣнію для нихъ кормовищъ; б) о селеніи русскихъ около Амура они слышали, но что добраться до этого селенія иначе нельзя, какъ на лодкѣ изъ рѣки Амуръ. Г. Бошнякъ продолжалъ свое путешествіе вдоль Хингана, по румбу SSW$^1/_2$ W и, проѣхавъ по этому пути около 35 верстъ, достигъ другого стойбища у главнаго истока рѣки Гиринь; широта его по меридіальной высотѣ солнца оказалась 51° 10′ N, долгота 133° 50′ О. Отсюда, по показанію туземцевъ, Хинганскій хребетъ до рѣки Амуръ или Амурскихъ Щекъ, тянется по тому же SSW направленію и затѣмъ, переходя рѣку Сунгари, направляется къ югу до полуденнаго большаго моря. И такъ, г. Орловъ и Бошнякъ были первыми и единственными лицами, которые опредѣлили астрономически истоки рѣкъ: Уди, Тугура, Нимелена, Амгуни и Гирини, а также направленіе Хинганскаго хребта между параллелями 54° до 51°, хребта, который по трактату 1689 года принятъ за направленіе границы нашей съ Китаемъ. Они первые, такимъ образомъ, фактически доказали, что граница Россіи съ Китаемъ, отъ верховья рѣки Уди, идетъ не на ONO къ Охотскому морю, какъ до этого предполагали и какъ показывалось на всѣхъ картахъ и въ географіяхъ, но на SSW. Хребетъ, пересѣкая рѣку Амуръ выше устья Сунгари, направляется между этою рѣкою и Уссури до Японскаго моря и Кореи; слѣдовательно, согласно точному смыслу 1-го пункта нерчинскаго трактата 1689 года, весь нижне-амурскій и уссурійскій бассейны до моря принадлежатъ Россіи, а не Китаю, какъ, къ несчастію, было тогда убѣждено и старалось убѣдить другихъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ. И такъ, въ 1852 году амурскою экспедиціею былъ положительно разрѣшенъ пограничный вопросъ.

„Путь отъ истоковъ рѣки Амгунь, до истоковъ рѣки Гиринь, на пространствѣ болѣе 180 вер., былъ“, какъ доноситъ Бошнякъ, „ужасно затруднителенъ и утомителенъ: мы по всему этому пустынному и дикому пути, гдѣ до насъ не проходилъ ни одинъ европеецъ, шли пѣшкомъ на лыжахъ, по колѣна въ рыхломъ снѣгу и прокладывали дорогу тянувшимся за нами съ провизіею и кор-

момъ для собакъ, партамъ. Мы пропили его въ 10 сутокъ и впродолженіе всего этого времени имѣли ночлеги на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, при морозѣ, достигавшемъ болѣе 30° по Реомюру."

Опредѣливъ главный истокъ рѣки Гиринь, Н. К. Бошнякъ поѣхалъ внизъ по этой рѣкѣ на SO$^1/_2$O и чрезъ 40 верстъ достигъ селенія Нинъ. Изъ этого селенія, слѣдуя по теченію рѣки на OSO$^1/_2$O, чрезъ 35 верстъ прибылъ въ селеніе Леки, расположенное при устьѣ рѣчки того-же имени, впадающей въ рѣку Гиринь съ правой стороны. Съ этого пункта рѣка Гиринь течетъ къ ONO. Слѣдуя по этому направленію, Н. К. Бошнякъ чрезъ 45 верстъ, 3-го декабря 1852 г., достигъ селенія Гери, того именно пункта, отъ котораго Н. М. Чихачевъ отправился по рѣкѣ Гиринь къ ея устью, на рѣку Амуръ.

Отсюда г. Бошнякъ поѣхалъ къ сѣверу на озеро Самагировъ и прибылъ въ селеніе Сали, расположенное на южномъ берегу озера. Широта селенія, по полуденной высотѣ солнца, оказалась 51°18′ N, приблизительная долгота около 135°30′O. Изъ Сали, слѣдуя по берегу Самагирскаго озера, на ONO, чрезъ 30 верстъ, онъ достигъ селенія Вево. Отсюда поѣхалъ вдоль берега на NNO и прибылъ на сѣверную оконечность озера Самагировъ въ селеніе Бери; широта этого селенія оказалась 51°36′ N, а примѣрная долгота 136°12′O. Такимъ образомъ Бошнякъ опредѣлилъ, что озеро Самагировъ тянется отъ SW къ NO на пространствѣ около 50 верстъ. Съ этого озера, изъ селенія Дери, по рѣчкѣ того-же имени, г. Бошнякъ поѣхалъ по румбу NNO и, проѣхавъ 20 верстъ, достигъ протоки Чуля, соединяющей эту рѣчку съ озеромъ Чихчагировъ. Слѣдуя по этой протокѣ N$^1/_2$W, чрезъ 20 верстъ онъ достигъ южнаго берега Чихчагирскаго озера, селенія Чуля, широта котораго (по полуденной высотѣ солнца) оказалась 51°53′ N, а приблизительная долгота около 136° 10′ O. Изъ Чуля Н. К. Бошнякъ поѣхалъ вдоль берега озера на ONO и чрезъ 20 верстъ достигъ селенія Кика. Изъ этого селенія, слѣдуя вдоль берега къ NO, чрезъ 25 верстъ онъ прибылъ въ селеніе Песа, самый сѣверный пунктъ озера. Широта этого пункта 52° 13′ N, а приблизительная долгота 136° 28′ O. Изъ Песа, слѣдуя на SW, онъ проѣхалъ 20 верстъ и достигъ селенія Ча, лежащаго на протокѣ, вытекающей изъ этого озера и впадающей въ рѣку Амгунь. Изъ Ча Бошнякъ направился по этой протокѣ на NW и чрезъ 20 верстъ достигъ ея устья, при которомъ на рѣкѣ Амгунь располо-

жено селеніе Дульбика,—то самое, до котораго достигалъ по Амгуни Н. М. Чихачевъ. Широта этого селенія 52° 16′ N, а долгота около 136° 2′ O.

Изъ вышесказаннаго видно, что Чихчагирское озеро тянется отъ WSW къ ONO на пространствѣ около 40 верстъ и что оно соединяется водянымъ путемъ съ озеромъ Самагировъ и съ рѣкою Амгунь. Бошнякъ вернулся въ Петровское, слѣдуя по рѣкамъ: Амгунь, и Амуръ, и по амурскому лиману.

„Берега озеръ Чихчагирскаго и Самагирскаго, а равно и верховьевъ рѣкъ Гиринь и Амгунь“, доноситъ Н. К. Бошнякъ, „изобилуютъ превосходными строевыми лѣсами, преимущественно лиственницею, кедромъ и елью. По словамъ туземцевъ, оба упомянутыя озера глубоки и изобилуютъ рыбою. Берега эти вообще возвышенные и на нихъ, повидимому, есть мѣстности, удобныя для заселенія земледѣльцами. Образъ жизни и языкъ туземцевъ, называющихъ себя самагирами и чихчагирами, одинаковы съ обитателями рѣки Амгунь, т. е. тунгусскій. Самагиры и чихчагиры вообще кротки, добродушны и привязаны къ русскимъ; доказательствомъ этого служитъ то, что изъ являвшихся къ нимъ 3 человѣкъ, которые разглашали о насъ дурные слухи и подстрекали ихъ уничтожить насъ, они двоихъ прибили и прогнали, а одного убили за то, что онъ пророчилъ, что если они не будутъ кланяться какой-то статуйкѣ, которую онъ носилъ на груди, то всѣ покроются ранами, отъ которыхъ умрутъ въ страшныхъ мукахъ“. Во всѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ Н. К. Бошнякъ останавливался, онъ объявлялъ туземцамъ, что такъ какъ весь этотъ край до моря принадлежитъ Россіи, то всѣхъ жителей мы принимаемъ подъ свою защиту и покровительство, а всѣхъ тѣхъ, которые будутъ ихъ обижать или разглашать о насъ злонамѣренные слухи, Бошнякъ приказалъ представлять въ Николаевскъ или Кизи, гдѣ нынѣ же мы поселимся, и обѣщалъ, что за это будутъ они щедро награждаемы, а виновные жестоко наказаны.

Къ наступавшему новому 1853 г., подобно какъ и къ предшествовавшему, всѣ мои благородные сотрудники были въ сборѣ, чтобы встрѣтить и этотъ годъ какъ бы въ одной родной семьѣ. Мы всѣ надѣялись, что послѣ добытыхъ уже экспедиціею важныхъ данныхъ, обратятъ наконецъ вниманіе на этотъ край.

Послѣ разрѣшенія пограничнаго вопроса, намъ оставалось въ 1853 г. приступить къ окончательному разрѣшенію втораго вопроса—

морскаго и вмѣстѣ съ этимъ въ слѣдующую навигацію отстранить всякія сторонніе покушенія на этотъ край съ моря. Для этого слѣдовало занять заливъ де-Кастри и ближайшее къ нему на рѣкѣ Амуръ селеніе Кизи, такъ какъ де-Кастри представляетъ ближайшую къ Николаевску на берегу Татарскаго залива мѣстность, изъ которой намъ было бы удобно наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ, въ то время, когда амурскій лиманъ бываетъ еще покрытъ льдомъ. Занятіе этого пункта было выгодно намъ еще въ томъ отношеніи, что при нашихъ небольшихъ средствахъ мы могли начать изслѣдованіе берега къ югу. Занявши же заливъ де-Кастри, необходимо было основаться и въ селеніи Кизи, такъ какъ оно по удобству сообщенія съ заливомъ могло служить прекраснымъ депо для де-Кастри.

Я очень хорошо понималъ, что подобное распоряженіе съ моей стороны въ высшей степени дерзко и отчаянно и что оно можетъ повлечь за собою величайшую отвѣтственность, но, въ виду того, что только такими рѣшительными мѣрами представляется возможность разъяснить правительству важное значеніе для Россіи при-амурскаго и при-уссурійскаго бассейновъ, рѣшился дѣйствовать энергично; личные разсчеты и опасенія я считалъ не только неумѣстными, но даже преступными. Всѣ мои сотрудники, одушевленные моею рѣшительностію, готовы были на всѣ лишенія, трудности и опасности, которыя намъ готовилъ новый 1853 годъ.

ГЛАВА XIX.

Цѣль дальнѣйшихъ командировокъ гг. офицеровъ.—Инструкція Петрову 5 января 1853 г.—Инструкціи Березину и Разградскому 8 января 1853 г.—Инструкція лейтенанту Бошняку 12 февраля.—Донесенія А. И. Петрова.—Высочайшее повелѣніе, сообщенное 28 сентября 1852 г. генералъ-губернатору Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Мое донесеніе генералъ-губернатору отъ 25 февраля 1853 г.—Депеша главнаго правленія компаніи отъ 15 октября 1852 г. о доставленіи въ 1853 году пароваго барказа для экспедиціи.—Занятіе залива де-Кастри и основаніе склада въ селеніи Кизи.—Цѣль командировки гг. Разградскаго и Орлова вверхъ по Амуру, 17 марта.—Донесеніе Разградскаго отъ 21 апрѣля 1853 года и Бошняка отъ 15 апрѣля. — Предписаніе Управляющаго Морскимъ Министерствомъ Августѣйшаго Генералъ-Адмирала.

Не смотря на всѣ старанія доктора Орлова, скорбутная болѣзнь между командами держалась упорно, такъ что около $^1/_3$ команды была больна ею; но, благодаря Бога, значительной смертности не было. Добывая отъ манджуровъ водку, просо и чай, отъ туземцевъ свѣжую рыбу и отъ тунгусовъ, въ маломъ количествѣ, оленину, мы имѣли возможность довольствовать больныхъ свѣжею пищею. Это обстоятельство имѣло благотворное вліяніе: больные вскорѣ начали поправляться.

Между тѣмъ, въ видахъ пополненія пробѣла въ изслѣдованіяхъ при-амгунскаго края (который представлялъ немаловажное экономическое значеніе), съ цѣлію обезпечить занятіе залива де-Кастри и селенія Кизи и для добыванія упомянутыхъ, необходимыхъ для больныхъ, запасовъ, были отправлены мною въ командировку: гг. Петровъ и Разградскій и прикащикъ Березинъ. Мичманъ Петровъ былъ посланъ на двухъ нартахъ съ тунгусомъ и казакомъ, 7 января, въ при-амгунскій край. Ему приказано было ѣхать по берегу рѣки Амгунь до селенія Кевритинъ, изъ котораго туземцы ѣздятъ на рѣку Биджи, и слѣдовать ихъ путемъ на оную. Осмотрѣть по возможности эту рѣку и, собравъ о ней свѣ-

дѣнія, обратить главное вниманіе на лѣса, произрастающіе въ ея долинѣ и на удобства сообщенія Биджи съ рѣками Амуръ и Амгунь. Затѣмъ перевалить на правый берегъ р. Амуръ, въ селеніе Генже, собрать свѣдѣнія о пути изъ него въ селеніе Чеме, лежащее въ южной части лимана, недалеко отъ мыса Лазарева, и изслѣдовать не можетъ ли этотъ путь служить удобнымъ внутреннимъ сообщеніемъ рѣки Амуръ съ южной частію лимана.

9 января, на 3 нартахъ собакъ, съ 3-мя казаками, были отправлены вверхъ по рѣкѣ Амуръ мичманъ Разградскій и прикащикъ Березинъ. Имъ приказано было: 1) Слѣдовать вверхъ по рѣкѣ и производить расторжку съ инородцами и могущими встрѣтиться торгующими манджурами, стараться добывать отъ нихъ просо, чай, водку и необходимые для больныхъ запасы. 2) Въ селеніи Пуль, лежащемъ на серединѣ пути изъ Николаевска до Кизи, оставить для долженствовавшаго слѣдовать въ заливъ де-Кастри г. Бошняка сухарей и корма для собакъ. 3) Достигнувъ селенія Кизи, Березину со всѣми остальными товарами и запасами остаться въ этомъ селеніи до прибытія Бошняка и содѣйствовать этому офицеру. 4) Впродолженіе пребыванія своего въ Кизи Березинъ приготовляетъ, если возможно чрезъ туземцевъ, лѣсъ около селенія Котово (въ 2 верстахъ отъ Кизи, при озерѣ того же имени), имѣя въ виду, что съ открытіемъ навигаціи изъ этого лѣса долженъ быть основанъ, подобно какъ и въ де-Кастри, нашъ постъ. 5) Разградскому съ добытыми запасами какъ возможно поспѣшнѣе возвратиться въ Петровское.

2 февраля 1853 г. г. Разградскій прибылъ въ Петровское и сообщилъ, что всѣ запасы для экспедиціи въ де-Кастри заготовлены и что эта экспедиція совершенно обезпечена. Вслѣдствіе этого, я, 12 февраля, отправилъ лейтенанта Бошняка занять заливъ де-Кастри и изслѣдовать изъ этого залива берегъ къ югу. Бошнякъ отправился на 3-хъ нартахъ, съ 2 казаками: Парфентьевымъ и Васильевымъ и тунгусомъ Иваномъ. Ему приказано было 1) съ прибытіемъ въ де-Кастри, при собраніи туземцевъ, поднятъ въ ономъ русскій военный флагъ, въ знакъ занятія залива. 2) Съ помощію туземцевъ приступить къ постройкѣ помѣщенія для людей и пріобрѣсти хорошую лодку, на которой можно было бы съ открытіемъ навигаціи начать изслѣдованіе берега къ югу. 3) При этомъ изслѣдованіи стараться непремѣнно достигнуть залива Хаджи, въ чемъ Березинъ всѣми средствами долженъ помогать Бошняку изъ Кизи. 4) Во время пребыванія въ заливѣ де-Кастри и при изслѣ-

дованіи берега къ югу, наблюдать надъ дѣйствіями иностранныхъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ, а въ случаѣ встрѣчи съ ними объявлять отъ имени русскаго правительства, что вся эта страна до Кореи и островъ Сахалинъ составляютъ русскія владѣнія и что поэтому всякія произвольныя распоряженія съ ихъ стороны въ этихъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы и влекутъ за собою отвѣтственность. 5) Собирать всевозможныя свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ изъ залива Хаджи на рѣку Амуръ, и о состояніи берега къ югу, обращая главное вниманіе на то, не имѣется ли на этомъ берегу закрытыхъ бухтъ и сообщенія съ рѣками Амуръ и Уссури. 6) Стараться по возможности подробно осмотрѣть заливъ Хаджи, въ особенности если онъ окажется таковымъ, какъ говорятъ о немъ туземцы. 7) Имѣть въ виду, что въ мартѣ мѣсяцѣ выплются въ Кизи 2 или 3 человѣка, для подкрѣпленія поста въ заливѣ де-Кастри; эти люди должны оставаться въ постѣ во время отсутствія изъ онаго г. Бошняка. И, наконецъ, 8) о всякомъ особомъ случаѣ, особливо при появленіи иностранныхъ судовъ стараться чрезъ Кизи давать мнѣ знать, какъ возможно поспѣшнѣе.

6 февраля возвратился въ Петровское г. Петровъ, а 10 февраля пришла изъ Аяна почта съ тунгусомъ. Петровъ сообщилъ о своей командировкѣ слѣдующее:

Къ селенію Кевратинъ, на р. Амгунь, въ 70 верстахъ отъ ея устья, отъ W и WtS, на пространствѣ около 38 верстъ, идетъ въ рѣку Амгунь извилистая протока Джагдаха, изъ озера того же имени; ширина этой протоки отъ 20 до 30 саж., а глубина, по словамъ туземцевъ и частію по его измѣренію, около 6 футовъ. На этой протокѣ, не доѣзжая около 15 верстъ озера, находится селеніе нейдальцевъ Хандусъ. Берега протоки до этого селенія низменны, покрыты тальникомъ, тонкимъ березнякомъ и осинникомъ, а отъ этого селенія (равно какъ и берега озера Джагдаха) увалисты, мѣстами скалисты и покрыты тонкою лиственницею, елью и березою. Озеро Джагдаха имѣетъ длину на SW и NO до 3 верстъ, а ширину до 2 верстъ. Въ это озеро впадаютъ двѣ рѣчки: Учанъ и Поцель; перевалъ отсюда на рѣку Биджи идетъ по рѣкѣ Учанъ, устье которой, по наблюденію Петрова, оказалось въ широтѣ 52° 52′ N и въ долготѣ 130° 3′ O. Проѣхавъ до вершины рѣчки Учанъ около 50 верстъ на югъ, Петровъ достигъ небольшаго хребта, изъ котораго беретъ эта рѣчка свое начало. Слѣдуя отсюда чрезъ хребетъ, на SW, около 15-ти верстъ, онъ прибылъ на рѣку Биджи. Ши-

рота этого пункта 52°22′ N, а счислимая долгота 137°50′ O. Отъ этого пункта рѣка Биджи течетъ на разстояніи 75 верстъ до озера Ухдыль, въ которое впадаетъ; направленіе ея OSO, а около озера—O. Далѣе вверхъ, по словамъ туземцевъ, она имѣетъ направленіе NW, W и SW, и вершина ея находится близъ озера Самагировъ, до котораго около 150 верстъ; слѣдовательно, все теченіе этой рѣки около 225 верстъ. По словамъ туземцевъ, на пространствѣ отъ озера Ухдыль, около 150 верстъ, рѣка Биджи имѣетъ глубину не менѣе 4 фут. На этомъ пути нѣтъ ни пороговъ, ни шиверовъ, далѣе же она мелководна и порожиста.

Проѣхавъ отъ этого пункта внизъ по рѣкѣ Биджи на OSO, до 10 верстъ, г. Петровъ встрѣтилъ 2 большія лодки; туземцы объяснили ему, что это лодки жителей озера Ухдыль. Берега рѣки Биджи до озера Ухдыль то увалисты и возвышенны, то низменны и тундристы; они покрыты мохомъ, лиственницею и елью, но послѣдняя не толще 10 вершковъ. Ближе къ устью встрѣчается осина и березнякъ. Вдоль лѣваго берега рѣки, въ разстояніи отъ одной до двухъ верстъ, тянется хребетъ горъ, который мѣстами подходитъ утесами къ самой рѣкѣ. По словамъ туземцевъ, какъ на верховьяхъ этой рѣки, такъ и по склону хребта, произрастаютъ въ большомъ количествѣ толстые (до $1^1/_2$ обхвата) лѣса лиственницы, сосны, кедра и ели. Въ рѣкѣ Биджи много различнаго рода рыбы, а въ лѣсахъ, которыми она протекаетъ, соболей и лисицъ; долина этой рѣки представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ для звѣринаго промысла.

Окончивъ обслѣдованіе Биджи, г. Петровъ отправился въ селеніе Тенже. Здѣсь онъ всѣми средствами старался нанять проводника, чтобы проѣхать въ селеніе Чеме, но никто не брался провожать его, потому что изъ ключей, при перевалѣ чрезъ горы, выступила вода и затопила тропинку, по которой туземцы ѣздятъ. По свѣдѣніямъ туземцевъ, этимъ путемъ до лимана около 75 верстъ.

Съ почтою изъ Аяна я получилъ отъ генералъ-губернатора отъ 6 ноября 1852 г. увѣдомленіе, въ которомъ объясняется: 1) что Государь Императоръ, вслѣдствіе ходатайства генералъ-губернатора, повелѣть соизволилъ: уплатить р.-а. компаніи изъ земскихъ сборовъ Восточной Сибири за убытки, понесенные ею при потопленіи барка „Шелеховъ“—36,121 р. 2) Изъ этихъ же сборовъ отчислить 100 т. рублей на вознагражденіе р.-а. компаніи за убытки, которые она можетъ понести по установленію правительствомъ сно-

шеній съ гиляками и на дальнѣйшія дѣйствія правительства въ землѣ гиляковъ.

Вслѣдствіе этого, управлявшій морскимъ министерствомъ Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, отъ 28 сентября, изволилъ дать знать генералъ-губернатору, что всѣ расходы по крещенію инородцевъ относить на этотъ капиталъ и, въ случаѣ какихъ-либо особыхъ надобностей для экспедиціи, дѣлать расходы изъ того же капитала 100 т., входя по этому съ особыми представленіями.

Предписаніемъ отъ 28 ноября генералъ-губернаторъ увѣдомилъ меня, что, вслѣдствіе представленій моихъ, онъ повторяетъ вмѣстѣ съ симъ же камчатскому губернатору и начальнику аянскаго порта: а) чтобы впредь въ экспедицію назначать людей здоровыхъ и хорошаго поведенія; б) чтобы всѣ суда, назначенныя къ плаванію между Петропавловскомъ и Аяномъ, совершали не одинъ, а два рейса и заходили бы каждый разъ въ Петровское, и чтобы при этомъ оказываемо было экспедиціи возможное содѣйствіе; г) чтобы командиры судовъ всѣ требованія мои исполняли въ точности и безъ отговорокъ; д) чтобы всѣ предметы, потребные для экспедиціи, были доставляемы по моимъ требованіямъ своевременно, и е) чтобы доставка запасовъ, товаровъ и проч. была производима на компанейскихъ судахъ.

Эти бумаги показывали уже, что правительство начало наконецъ обращать на экспедицію больше вниманія.

25 февраля отправлена была изъ Петровскаго почта въ Аянъ; съ нею я послалъ донесеніе генералъ-губернатору, препровождая при этомъ данныя мною Бошняку, Петрову и Разградскому инструкціи. Высказавъ цѣль и послѣдствія командировокъ, положеніе экспедиціи и причины, побудившія меня занять нынѣ же заливъ де-Кастри и селеніе Кизи, я въ заключеніе писалъ:

„Изъ этого Ваше Превосходительство изволите видѣть, что заливъ де-Кастри и селеніе Кизи нынѣ занимаются и что изъ залива, съ открытіемъ навигаціи, начнутся обслѣдованія берега къ югу, въ видахъ разрѣшенія морскаго вопроса, обусловливающаго важное значеніе для Россіи этого края. Вмѣстѣ съ тѣмъ примутся мѣры къ возможному отстраненію всякихъ иностранныхъ покушеній на край съ моря. За симъ, въ виду полученнаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія отъ 28 сентября, мнѣ остается надѣяться, что, при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, высшее правительство утвердитъ

упомянутыя распоряженія мои и дастъ экспедиціи надлежащія средства, согласно моимъ представленіямъ, для фактическаго заявленія, что при-амурскій и при-уссурійскій край съ островомъ Сахалинъ составляютъ принадлежность Россіи."

Съ этою же почтою, депешею отъ 15 октября 1852 г. главное правленіе р.-а. компаніи увѣдомило меня, что оно, вслѣдствіе полученнаго имъ сообщенія отъ генералъ-губернатора, сдѣлало распоряженіе о доставленіи чрезъ Лянъ въ экспедицію пароваго 16 сильнаго катера, 2 гребн. судовъ, запасовъ и товаровъ, согласно моему требованію отъ 2-го ноября 1851 г. и о присылкѣ 2-хъ рыболововъ съ надлежащими снастями.

Вслѣдъ за отправленіемъ почты 15 марта 1853 г., я получилъ, чрезъ нарочнаго, изъ залива де-Кастри донесеніе отъ лейтенанта Бошняка, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что, по прибытіи въ де-Кастри, 4 марта, онъ созвалъ туземцевъ и, съ поднятіемъ военнаго флага, занялъ заливъ де-Кастри. „Въ настоящее время", писалъ Бошнякъ, „мы съ помощію туземцевъ приступаемъ уже къ постройкѣ флигеля длиною 3 саж., ширитою 2". Прикащикъ Березинъ сообщалъ мнѣ въ то же время изъ Кизи, что онъ основался въ селеніи Котово.

Такимъ образомъ, въ мартѣ 1853 г. были нами заняты де-Кастри и Кизи.

Какъ Березинъ, такъ и Бошнякъ, просили меня, въ своихъ донесеніяхъ, пополнить ихъ запасы и товары, а потому я сейчасъ же на двухъ нартахъ отправилъ вверхъ по рѣкѣ Амуръ сухари и различные запасы съ мичманомъ Разградскимъ и 2 казаками. Офицеру этому приказано было доставить все въ Кизи, Березину, съ тѣмъ, чтобы послѣдній отправилъ къ Бошняку, въ заливъ де-Кастри, одного изъ казаковъ съ частью продовольствія и запасовъ; остальныхъ же оставилъ у себя и чтобы свѣдѣнія, доставленныя отъ Бошняка, онъ отправилъ немедленно, а по уходѣ Бошняка изъ залива къ югу, возвратился съ донесеніемъ ко мнѣ, оставивъ въ селѣ Котовѣ, при запасахъ, казака. Сообщая это распоряженіе Бошняку, я писалъ, чтобы, по отплытіи изъ де Кастри, онъ оставилъ при постѣ казака, снабдивъ его упомянутымъ объявленіемъ, на случай прибытія въ заливъ иностраннаго судна. Вмѣстѣ съ тѣмъ я извѣщалъ его, что, взамѣнъ его, въ заливъ де-Кастри, при первой возможности, будетъ высланъ офицеръ. Такъ какъ запасовъ для больныхъ было мало, то вслѣдъ за Разградскимъ былъ командированъ

до селенія, Пуль подпоручикъ Орловъ. Ему приказано было, во 1-хъ, добыть провизіи, а во-вторыхъ, разсѣять распространявшіеся тогда слухи о появленіи на рѣкѣ Амуръ, около селенія Пуль, миссіонеровъ, разглашавшихъ о насъ злонамѣренные слухи и угрожавшихъ, что будто бы съ открытіемъ навигаціи, для уничтоженія нашихъ постовъ спустятся въ большомъ числѣ манджуры.

22 марта я съ докторомъ Орловымъ отправился на нартѣ въ Николаевскъ *), для осмотра работъ и больныхъ. По прибытіи туда, я нашелъ, что больные, благодаря Бога, поправляются и что для предстоящихъ построекъ лѣсъ по возможности заготовляется. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ чрезъ гиляковъ свѣдѣніе, что въ то время, когда сѣверная часть лимана бываетъ заперта льдами, южная открытая часть бываетъ не только свободна отъ нихъ, но и совершенно спокойна, а потому я приказалъ Петрову, съ прибытіемъ въ Николаевскъ изъ Кизи г. Разградскаго, оставить его у себя и приготовить къ открытію навигаціи на р. Амуръ имѣющіеся въ Николаевскомъ построенные въ Петровскомъ: барказъ и 4-хъ весельную шлюпку, такъ чтобы можно было оба эти судна послать въ южную часть лимана, какъ только она очистится отъ льда.

Сдѣлавъ это распоряженіе, къ 5 апрѣля я возвратился въ Петровское и 10 числа отправилъ въ Николаевскъ подпоручика корпуса штурмановъ А. И. Воронина, приказавъ ему со вскрытіемъ р. Амуръ отправиться вмѣстѣ съ Разградскимъ на 4-хъ весельной шлюпкѣ и 6-ти весельномъ баркасѣ къ мысу Пронге. Г. Воронинъ долженъ былъ на четверкѣ прослѣдить каналъ **), идущій изъ рѣки близъ мыса Пронге, къ срединѣ лимана, стараясь при этомъ, если возможно, соединиться въ Сахалинскомъ каналѣ съ г. Разградскимъ. Послѣднему я предписалъ слѣдовать отъ того же мыса Пронге по южному прибрежному каналу до мыса Лазарева и оттуда выйти на Сахалинскій для соединенія съ г. Ворониным.

Такимъ образомъ я хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку: невозможно ли съ нашими ничтожными средствами опредѣлить направленіе и состояніе главныхъ фарватеровъ амурскаго лимана.

Въ Петровскомъ, между тѣмъ, исправлялся къ навигаціи ботъ Кадьякъ и заготовлялся лѣсъ. Команды, благодаря Бога, оправля-

---

*) Имъ завѣдывалъ тогда г. Петровъ.

**) По свѣдѣніямъ отъ туземцевъ этотъ каналъ глубже другихъ, прибрежныхъ, которые были тогда намъ извѣстны.

лись. 16 апрѣля прибылъ туда г. Орловъ съ вымѣненными имъ отъ манджуровъ на товары, просо и чаемъ, и сообщилъ, что, достигнувъ селенія Пуль, онъ узналъ, что на рѣкѣ Амуръ дѣйствительно были два миссіонера, но туземцы ихъ прибили и прогнали; что же касается до распущеннаго слуха, что будто бы спустятся манджуры, чтобы уничтожить наши посты, то по всѣмъ собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, какъ отъ туземцевъ, такъ равно и отъ манджуровъ, этотъ слухъ оказался ложнымъ. Манджуры въ селеніи Пуль не только не думали объ этомъ, но напротивъ, изъявляли удовольствіе, что мы поставили посты въ Кизи и де-Кастри, ибо они опасались, чтобы кто либо другой не занялъ этотъ край, такъ какъ ихъ правительство оставляетъ его безъ всякаго наблюденія. Наконецъ, выразили желаніе, чтобы мы поселились вверхъ по Амуру, ближе къ Сунгари, дабы удобнѣе было вступать съ ними въ торговыя спошенія.

26 апрѣля прибылъ изъ Кизи въ Николаевскъ г. Разградскій. Бошнякъ прислалъ мнѣ съ нимъ донесеніе изъ де-Кастри. Г. Разградскій чрезъ нарочнаго, посланнаго Петровымъ изъ Николаевска съ донесеніемъ Бошняка, сообщилъ мнѣ: „1) что, слѣдуя по рѣкѣ Амуръ, онъ убѣдился, что всѣ туземцы къ намъ расположены и довольны, что мы поселяемся въ Кизи. 2) Что являвшихся сюда съ различными злонамѣренными о насъ слухами 2-хъ человѣкъ они прибили (одного до полусмерти) и прогнали. 3) Что надобно теперь надѣяться, что съ ихъ помощью сообщеніе между Николаевскомъ и Кизи болѣе или менѣе обезпечено, ибо они охотно, за щедрое вознагражденіе, которое обыкновенно мы имъ дѣлаемъ *), готовы помогать намъ. Вообще, писали мнѣ гг. Разградскій и Орловъ, туземцы, видя наше постоянно доброе съ ними обращеніе, соблюденіе полной относительно ихъ, справедливости, уваженіе къ ихъ обычаямъ и, наконецъ, полное отсутствіе желанія навязывать имъ наши обычаи, несоотвѣтствующіе ни образу жизни, ни положенію народа, видимо встали на нашу сторону. Манджуры же, видя, что мы вовсе не вредимъ ихъ торговлѣ въ этомъ краѣ и всѣми средствами охраняемъ оный отъ внѣшнихъ на него покушеній, точно также почувствовали къ намъ расположеніе“. По прибытіи въ Кизи, г. Разградскій нашелъ Березина водворившимся въ селеніи Котово и производившимъ уже расторжку съ инородцами, но, къ несчастію, у него было

*) Это вознагражденіе обыкновенно состояло въ *пось*, по ихъ выраженію, т. е. миткалѣ и китайкѣ и *тамчи*, т. е. махорки.

слишкомъ мало товаровъ. Сухари и продовольствіе онъ немедленно отправилъ съ туземцемъ и казакомъ въ де-Кастри, къ Бошняку.

Н. К. Бошнякъ, отъ 15 апрѣля, изъ залива де-Кастри доносилъ мнѣ слѣдующее:

„Къ 25 марта ледъ во внѣшней части залива около М. Клостеръ Камнъ разломало и съ этого времени эта часть залива сдѣлалась доступною для судовъ съ моря. Ледъ же въ самомъ заливѣ стоялъ до 7 апрѣля и только съ этого времени, при крѣпкомъ NO вѣтрѣ, начало его ломать. До сихъ поръ заливъ еще наполненъ ломанымъ льдомъ. Вчерашній день, 14 апрѣля, съ горы у Клостеръ-Кампа мы увидѣли въ трубу къ югу, на горизонтѣ, большое 3-хъ мачтовое судно, за которымъ начали слѣдить.

„12 апрѣля мы перебрались во вновь выстроенную, покрытую хворостомъ, избушку. Это помѣщеніе, послѣ бивуачной жизни то въ грязныхъ юртахъ туземцевъ, то на голомъ снѣгу, показалось для насъ раемъ. Въ сдѣланномъ нами въ этой избушкѣ изъ глины каминѣ мы поддерживаемъ огонь, дабы не заводилось сырости. Продовольствія при постѣ съ полученіемъ отъ Березина и затѣмъ отъ Разградскаго муки, сухарей, сахару и чаю достаточно, я полагаю, на два мѣсяца. Сухари мы бережемъ для похода, а вмѣсто хлѣба и пирожнаго печемъ у камина (единственной у насъ печи) лепешки на рыбьемъ жирѣ съ рыбою; къ обѣду варимъ уху, а иногда и щи; обѣдаемъ и пьемъ чай всѣ вмѣстѣ. Для подкрѣпленія команды я каждый день даю ей по 2 чарки манджурской водки (очень скверной), доставляемой намъ Березинымъ изъ Кизи. Мы пріобрѣли отъ купцевъ (за 2 конца катанки, якутскій топорикъ и 5 аршинъ миткаля) лодку въ 20 фут. длины и 5 фут. ширины; теперь готовимъ ее къ походу: смолимъ, конопатимъ и возвышаемъ борта.

„Такова наша жизнь и занятія. Всей команды при постѣ въ настоящее время 3 казака и тунгусъ. Мы всѣ здоровы и, благодаря Бога, бодры.

„Имѣя постоянныя сношенія съ туземцами залива де-Кастри и съ возвращающимися чрезъ этотъ заливъ съ тюленьяго промысла инородцами р. Амуръ, промышляющими вдоль берега, къ югу отъ де-Кастри, я, кромѣ вышеупомянутыхъ свѣдѣній, получилъ еще слѣдующія:

„По картѣ Крузенштерна, составленной изъ описи Лаперуза и и Браутона, въ широтѣ 49° N показаны у берега два большіе

острова; согласно съ этимъ и съ вашими указаніями, первая забота моя была разузнать отъ туземцевъ сколь возможно подробнѣе объ этихъ островахъ. Изъ всѣхъ ихъ объясненій оказалось, что никакихъ по берегу острововъ не существуетъ, но что около этой широты долженъ быть выдающійся въ море полуостровъ съ двумя возвышенностями. Лаперузъ и Браутонъ, слѣдовавшіе вѣроятно въ значительномъ разстояніи отъ берега, приняли полуостровъ за острова. Туземцы сообщили мнѣ, что именно у этого полуострова долженъ быть закрытый заливъ, который они называли Хаджи-ту."

15 мая я получилъ съ нарочнымъ изъ Ляна предписаніе управлявшаго морскимъ министерствомъ Августѣйшаго Генералъ-Адмирала Константина Николаевича, отъ 12 февраля 1853 г. Вотъ его содержаніе:

„По распоряженію президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, снаряжены двѣ экспедиціи: одна съ цѣлію установленія политическихъ и торговыхъ связей съ Японіей, а другая *ученая* для обозрѣнія береговъ Тихаго океана, до Берингова пролива; почему правительство штатовъ просило дружелюбнаго вниманія и содѣйствія этимъ экспедиціямъ въ случаѣ ежели-бы суда ихъ зашли въ предѣлы нашихъ владѣній на азіатскомъ и американскомъ берегу. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, предписать начальствующимъ лицамъ въ тамошнихъ нашихъ владѣніяхъ оказывать экспедиціямъ дружественное вниманіе и привѣтливость, въ должныхъ границахъ благоразумія и осторожности."

Объявляя мнѣ это Высочайшее повелѣніе, Государь Великій Князь генералъ-адмиралъ изволилъ объяснить, что „по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, обѣ эти экспедиціи въ ноябрѣ 1852 г. вышли въ море и вѣроятно въ маѣ или іюнѣ всѣ суда соединятся у береговъ восточной Индіи, а лѣтомъ того же года могутъ быть въ нашихъ предѣлахъ. Экспедиція въ Японію ввѣрена командору Перри и состоитъ изъ линейнаго корабля *Vermont*, 3-хъ пароходо-фрегатовъ: *Mississipie*, *Susquechanna* и *Pouhotan*, одного корвета *Macedonian*, 3-хъ военныхъ шлюповъ: *Vandalia*, *Plymouth* и *Saratoga* и одного парохода *l'Alleghani*. Всего же изъ 10 военныхъ судовъ. „Ученая экспедиція, имѣющая цѣлію изслѣдовать Китайское море, сѣверную часть Тихаго океана и Беринговъ проливъ, по всей вѣроятности около половины лѣта 1853 г. будетъ находиться въ нашихъ предѣлахъ. Она находится подъ начальствомъ капитана Рингольда (Ringgold) и со-

стоитъ изъ слѣдующихъ судовъ: а) военный шлюпъ *Vincennes*, пароходъ *John Hamock*, бригъ *Porpoise* и маленькій лоцманскій пароходъ, имя котораго намъ неизвѣстно.

„Поставляю Васъ такимъ образомъ въ извѣстность, какъ о Высочайшей волѣ, такъ и о цѣляхъ и составѣ экспедиціи и о времени предположеннаго ихъ плаванія вблизи и около нашихъ владѣній, насколько эти подробности намъ теперь извѣстны, но окончательно вѣрными ихъ считать нельзя; могутъ послѣдовать и измѣненія. Мнѣ остается Вамъ повторить: чтобы во всѣхъ вашихъ сношеніяхъ, буде случится, съ судами, начальниками и экипажами этихъ экспедиціи, вы оказывали имъ все вниманіе и привѣтливость дружественной націи, содѣйствуя при нуждѣ пособіями и наставленіями; словомъ, вы должны исполнять все, что обыкновенно соблюдается союзными державами, но при этомъ для предписываемыхъ Вамъ благоразумія и осторожности имѣть постоянно въ виду честь русскаго флага, достоинство нашей Имперіи, мирно водворяемую нами въ краяхъ, гдѣ вы находитесь, власть, и въ виду этого необходимую проницательность".

Таковъ былъ смыслъ Высочайшаго повелѣнія и предписанія Августѣйшаго генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича.

22 мая я получилъ изъ Николаевска съ нарочнымъ тунгусомъ записку отъ Н. К. Бошняка, отправленную имъ 6 мая въ Николаевскъ съ тунгусомъ изъ селенія Хой. Записка эта такого содержанія: „Въ заливѣ Хой я нашелъ стоявшее на верфѣ китобойное судно, шкиперъ котораго (родомъ изъ Бремена) сообщилъ мнѣ, что на Сандвичевыхъ островахъ онъ слышалъ, что американцы нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ въ Татарскомъ заливѣ и хотятъ занять бухту для пристанища своимъ китоловнымъ судамъ; насколько это справедливо—не знаю, но я во всякомъ случаѣ буду руководствоваться даннымъ мнѣ заявленіемъ о принадлежности этихъ мѣстъ до корейской границы, а равно и острова Сахалина, Россіи, что объявилъ и этому шхиперу".

ГЛАВА XX.

Мои распоряженія въ Николаевскѣ. — Предписаніе Разградскому отъ 23 мая 1853 г. — Донесеніе гг. Воронина и Разградскаго отъ 31 мая. – Сущность донесенія Н. К. Бошняка отъ 20 іюня. -Состояніе залива де-Кастри. — Состояніе берега между заливомъ де-Кастри и гаванью Императора Николая (Хаджи).

Вслѣдствіе упомянутаго въ предъидущей главѣ Высочайшаго повелѣнія, предписанія Августѣйшаго Генералъ-Адмирала и наконецъ свѣдѣній отъ Н. К. Бошняка, я приказалъ, по прибытіи въ Николаевскъ мичмана Разградскаго, слѣдовать ему немедленно въ заливъ де-Кастри съ тремя матросами и дѣйствовать согласно препровождаемой при семъ инструкціи. Эта инструкція была такова:

1) По прибытіи въ де-Кастри, имѣть при постѣ постоянно военный флагъ.

2) Въ случаѣ прихода въ де-Кастри американскихъ военныхъ судовъ, принять ихъ сколь возможно дружественно, вѣжливо и радушно; при сношеніи же съ начальниками и офицерами объяснять, что плаваніе по лиману, наполненному лабиринтомъ мелей и банокъ, при сильныхъ неправильныхъ теченіяхъ, не только затруднительно, но въ высшей степени опасно для мелкосидящихъ судовъ, для судовъ же средняго ранга невозможно. Что вся эта страна пустынная, гористая, безъ всякихъ путей сообщенія. Что по нерчинскому трактату, заключенному съ Китаемъ въ 1689 г., и по праву занятія острова Сахалина нашими тунгусами въ 17 столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 году и занятія южной части его въ 1806 г. русскими, вся страна эта до корейской границы, какъ равно и островъ Сахалинъ, всегда составляли и составляютъ россійскія владѣнія.

3) Что теперь правительство сознало необходимымъ основать въ этомъ краѣ нѣсколько постовъ, изъ нихъ главный Николаев-

скій на устьѣ р. Амуръ, въ виду того, чтобы обезпечить сообщеніе восточной Сибири съ владѣніями нашими, лежащими по берегамъ Охотскаго моря, Камчатки и Америки и, наконецъ, для того, чтобы плавающія въ значительномъ количествѣ около этихъ негостепріимныхъ и опасныхъ береговъ иностранныя суда, въ случаѣ несчастій или нужды, имѣли бы пристанище и помощь. Посты эти вскорѣ должны быть устроены въ болѣе или менѣе надлежащемъ видѣ, нынѣ же мы изслѣдуемъ только берегъ для выбора лучшихъ для этого мѣстностей.

4) Вамъ поручается всѣми мѣрами содѣйствовать американцамъ для достиженія ими ученой цѣли, съ которою, по сообщеннымъ мнѣ Его Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ свѣдѣніямъ, эти суда здѣсь могутъ явиться, стараясь при этомъ показать имъ, что всякое распоряженіе съ ихъ стороны (носятся слухи, что будтобы цѣль прибытія этихъ судовъ въ Татарскій заливъ состоитъ въ занятіи на берегахъ этого залива пункта) не можетъ быть допускаемо безъ разрѣшенія высшаго правительства.

5) Имѣть въ виду, что въ іюнѣ или въ началѣ іюля вамъ пришлется провизія и подкрѣпленіе и потому продовольствія изъ Николаевска вы должны взять по крайней мѣрѣ на $1^1/_2$ мѣсяца.

6) По прибытіи въ Кизи прикащика Березина вышлите его на наемной лодкѣ въ Петровское, съ вымѣненными имъ отъ туземцевъ на товары, просо и чаемъ, въ чемъ мы очень нуждаемся; при постѣ въ Кизи оставьте одинаго или двухъ человѣкъ.

7) По возвращеніи изъ экспедиціи лейтенанта Бошняка, передайте ему, чтобы онъ для личныхъ со мною объясненій немедленно слѣдовалъ въ Петровское, и

8) Въ случаѣ прихода въ де-Кастри китобойныхъ или иныхъ иностранныхъ частныхъ судовъ, заявляйте имъ, что такъ какъ всѣ берега эти до корейской границы составляютъ россійскія владѣнія, то никакія съ ихъ стороны произвольныя распоряженія, а равно насилія и обиды инородцамъ, какъ состоящимъ подъ нашею защитою и покровительствомъ, не могутъ быть допускаемы. Затѣмъ, по возможности тщательно наблюдайте за ихъ дѣйствіями.

Послѣ этого, 6-го іюня, я получилъ изъ Николаевска увѣдомленіе отъ гг. Воронина и Разградскаго объ исполненіи данныхъ имъ порученій и о томъ, что г. Разградскій, согласно сейчасъ сказанному моему предписанію, 2-го іюня отправился въ де-Кастри.

Г. Воронинъ донесъ мнѣ, что, выйдя 10-го мая изъ Николаев-

ска, отъ мыса Пронге, онъ направился по указанному туземцами каналу, идущему по серединѣ лимана, но могъ прослѣдовать только малую часть онаго, потому что при засвѣжѣвшемъ отъ S вѣтрѣ, сулоемъ и волненіемъ шлюпку заливало, такъ что съ большою опасностію онъ едва могъ добраться до мыса Пронге. Глубина лимана въ этой части отъ 4 до 6 саженъ.

Г. Разградскій, слѣдуя отъ того же мыса, по южному прибрежному каналу и достигнувъ мыса Лазарева, старался перейти на сахалинскій каналъ, но здѣсь его постигла та же участь: при внезапно засвѣжѣвшемъ вѣтрѣ отъ S развело сулой и волненіе, которыми заливало его шлюпку, и онъ едва могъ достигнуть берега, чтобы укрыться.

Въ заключеніе оба офицера высказали, что безъ пароваго мореходнаго судна съ надлежащими средствами, обслѣдованіе средины лимана, гдѣ имѣется надежда найти болѣе глубокій фарватеръ, нежели извѣстный намъ прибрежный, рѣшительно невозможно.

23-го іюня, съ прикащикомъ Березинымъ, возвратившимся изъ Кизи, я получилъ донесеніе г. Бошняка; въ то же время пришло съ нарочнымъ изъ Аяна увѣдомленіе генералъ-губернатора о Высочайше утвержденномъ, составленномъ имъ, штатѣ амурской экспедиціи. При этомъ приложенъ былъ и самый штатъ.

Болѣзнь г. Бошняка не позволила ему явиться лично ко мнѣ, въ Петровское; онъ остался въ Николаевскѣ и оттуда, 20-го іюня, прислалъ мнѣ слѣдующій отчетъ о своей командировкѣ: „Заливъ де-Кастри совершенно очистился отъ льда 28-го апрѣля, а до этого времени съ 7-го апрѣля весьма часто при О вѣтрѣ наполнялся льдами съ моря. 1-го мая, на приготовленной лодкѣ, съ 2 казаками и тунгусомъ, я вышелъ изъ залива, оставивъ при постѣ 2 человѣкъ и давъ имъ, согласно Вашему приказанію, на русскомъ и французскомъ языкѣ объявленіе для предъявленія иностраннымъ судамъ, въ случаѣ ихъ прихода въ заливъ. Въ лодкѣ мы могли взять съ собою сухарей и прочей провизіи не болѣе какъ на 5 недѣль.

„По наблюденіямъ моимъ, произведеннымъ въ заливѣ де-Кастри, оказалось:

„1) Что подойти къ заливу съ моря возможно было съ 19-го марта, войти же во внутреннюю часть залива можно было только 27-го апрѣля.

„2) Возвышеніе воды, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, бываетъ отъ 4 до 5 фут.

„3) Грунтъ дна плитнякъ и жидкій илъ на немъ, толщиною не болѣе 2 фут., а потому стоянка здѣсь судовъ не совсѣмъ обезпечена.

„4) Самая закрытая часть залива—за островами Базальтовымъ и Обсерваторія, но глубина въ этомъ мѣстѣ отъ $4^1/_2$ до $3^1/_2$ саж., у берега же мель.

„5) По рѣчкѣ Сомнъ (или Нангмаръ), впадающей въ заливѣ въ западную мелководную бухту, возможно подыматься только 4 версты и то на шлюпкѣ, сидящей въ водѣ не болѣе $2^1/_2$ фут., далѣе же эта рѣчка мелководна и порожиста, и

„6) Вся сѣверная бухта усѣяна каменьями, мелководна и недоступна.

„1-го мая я вышелъ изъ залива де-Кастри и на пути пользовался всякими благопріятными обстоятельствами, чтобы собрать всевозможныя свѣдѣнія о свойствѣ береговъ, рѣкъ, впадающихъ въ море, зимнихъ путяхъ туземцевъ и о характерѣ и образѣ жизни прибрежныхъ жителей. 22-го мая 1853 года я прибылъ въ неизвѣстный еще до сего времени заливъ, носящій у туземцевъ названіе залива Хаджи.

„Путь слѣдованія моего до этого залива былъ слѣдующій:

„2-го мая мы прибыли въ первое на нашемъ пути селеніе Дугу, которое расположено при устьѣ рѣки того же имени, весьма мелкой и удобной только для входа небольшихъ лодокъ; она вытекаетъ изъ одного хребта съ рѣкою Сомнъ (въ зал. де-Кастри), течетъ весьма извилисто, между низменными при устьѣ берегами, поросшими травою. У самаго устья на 2 гористыхъ мысахъ и на близъ лежащемъ хребтѣ растетъ среднемѣрная ель. Берегъ до с. Дугу утесистый, отвѣсный и только 2 маленькихъ ручейка имѣютъ небольшую отлогость и служатъ проѣзжающимъ туземцамъ мѣстомъ убѣжища во время сильныхъ вѣтровъ. До устья перваго ручейка, лежащаго отъ Клостеръ-Камна около 10 миль, берегъ преимущественно сплошной каменистый; далѣе же глинистый, но вездѣ покрытъ густымъ мелкимъ лѣсомъ. Передъ самымъ селеніемъ Дугу находятся два каменистые острова. Между крайнимъ и мысомъ Дугу,—каменистый рифъ. На этихъ островахъ туземцы въ іюнѣ собираютъ яйца чаекъ и дикихъ утокъ, которыхъ по всему прибрежью изобиліе. Устье рѣки Дугу, по наблюденію полуденной высоты, лежитъ въ 51° 16′ 24″ N широты. Вышедши оттуда 5-го мая, я достигъ селенія Хой, около котораго встрѣтилъ 3-хъ мачтовое кито-

бойное судно, стоявшее на верѣ; шкиперъ его, пользуясь штилемъ, съѣзжалъ на берегъ, чтобы купить рыбы у туземцевъ; онъ говорилъ и по-французски и по-нѣмецки, а потому я заговорилъ съ нимъ и пригласилъ его напиться вмѣстѣ чаю. Въ разговорѣ онъ мнѣ сообщилъ, что американцы нынѣшнимъ лѣтомъ хотятъ быть въ Татарскомъ заливѣ, чтобы занять здѣсь бухту для основанія пристанища китобойнымъ и другимъ судамъ, посѣщающимъ эти мѣста. На это я отвѣчалъ ему, что безъ согласія нашего правительства этого сдѣлать нельзя, потому что все прибрежье до корейской границы, а равно и Сахалинъ, на основаніи трактата 1689 г. и первоначальнаго описанія и заселенія русскими Сахалина, составляютъ владѣнія Россіи. При этомъ я объяснилъ ему тѣ основанія, которыя ему не были извѣстны, и въ заключеніе просилъ его, чтобы онъ объявилъ о томъ своимъ соотечественникамъ. Послѣ того я сказалъ, что мы нынѣ сами намѣрены во всѣхъ закрытыхъ бухтахъ, которыя окажутся удобными и безопасными для стоянки судовъ, поставить надлежащіе посты, какъ уже и начали съ залива де-Кастри. Шкиперъ оказался человѣкомъ весьма образованнымъ: онъ съ любопытствомъ выслушивалъ мои объясненія и далъ мнѣ слово передать это и другимъ, а для большей основательности просилъ меня написать подобнаго рода заявленіе на бумагѣ, что, согласно даннымъ мнѣ Вами приказаніямъ, я и исполнилъ. Имѣя въ виду, что подобная встрѣча весьма важна и пользуясь проѣзжавшими въ это время изъ селенія Луръ на рѣку Амуръ манджурами, я отправилъ съ ними къ Вамъ записку, приказавъ имъ сколь возможно скорѣе доставить оную въ Николаевскъ и обѣщалъ имъ, что чѣмъ скорѣе они ее доставятъ, тѣмъ большее получатъ вознагражденіе. Они объявили мнѣ, что ранѣе 10-ти ночей доставить эту *писку* нельзя, и они будутъ довольны, если имъ дадутъ 3 конца китайки, 5 саж. миткаля (пось), 2 платка, охапку (т. е. около 10 фунт.) тамча (махорки) и 3 топора; я сказалъ имъ, что все это имъ выдадутъ, если они устоятъ въ своемъ словѣ и сверхъ этого прибавятъ еще 3 саж. пось. Они съ радостію взялись и просили меня написать объ этомъ писку, т. е. дать имъ въ родѣ реверса. Такъ мы обоюдно и устроили: эти туземцы, пользуясь штилемъ, сейчасъ же отправились *). Со шкипероmъ Бергстремомъ

*) Они въ точности исполнили свои обязанности: 16-го мая записка Бошняка была въ Николаевскѣ и они получили все сполна съ значительною еще прибавкою.

мы разстались друзьями: я способствовалъ ему запастись здѣсь рыбою и дикими утками отъ туземцевъ, что было мнѣ весьма легко, такъ какъ я имѣлъ въ тунгусѣ хорошаго переводчика.

„Селеніе Хой лежитъ при устьѣ рѣчки того же имени, за мысомъ, называемымъ туземцами Большой Хой; оно находится въ 35 миляхъ отъ мыса, рѣчки и селенія Дугу. Устье рѣчки Хой запружено пескомъ и древою, почему оно и представляетъ видъ озера. Мѣстность, преимущественно у прибрежья, песчаная, далѣе же тундристая и покрыта мелкою лиственницею. На всемъ протяженіи отъ селенія Дугу до Хой берегъ представляется утесистыми мысами; эти мысы носятъ слѣдующія названія: Натомъ, То, Агасъ, Чансины, Мангутово, Чудой, Земново и Хой. Они всѣ каменистые и съ сѣверной стороны представляютъ отвѣсныя скалы, а съ южной спускаются въ море глинистыми обрывами, покрытыми мелкимъ уродливымъ лѣсомъ и кустарникомъ. По словамъ туземцевъ, здѣсь множество медвѣдей. Берегъ между этими мѣстами утесистый; здѣсь встрѣчаются ручейки съ низменностями и три небольшія рѣчки; за мысомъ Агасъ течетъ р. Гвелы, а за мысами Чансины и Чудой—рѣчки тѣхъ же именъ. Эти рѣчки при устьяхъ служатъ убѣжищемъ туземцамъ при свѣжихъ вѣтрахъ. Изъ нихъ, впрочемъ, одна только Гвелы заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. По свойству большей части рѣкъ этого прибрежья, ея устье также загромождено древою; она течетъ между гористыми берегами, покрытыми елью, при устьѣ же берега ея низменны и травянисты. Прежде тутъ была одна юрта туземцевъ; по ихъ разсказамъ, въ лѣтнее время вода прорываетъ кошки, и въ нее заходитъ въ большомъ количествѣ кети. Изъ селенія Хой г. Бошнякъ прибылъ въ с. Сюркумъ (или Теряти), лежащее въ 19 миляхъ отъ Хой. Оно расположено между двумя рѣчками—Сюркумъ и Теряти, отъ которыхъ и получило свое названіе. Изъ нихъ первая, ближайшая къ мысу и селенію, при устьѣ довольно глубока (6 фут.) и при приливахъ и отливахъ имѣетъ весьма быстрое теченіе; вторая же, Теряти, заграждена при устьѣ кошками и имѣетъ видъ озера; берега ея низменны и песчаны. Отъ устья рѣки Сюркумъ до мыса того же имени тянется тундристая низменность, отчего и самый этотъ мысъ издали кажется островомъ. Берегъ между селеніями Сюркумъ и Хой вообще отвѣсный и утесистый съ небольшими ручейками, представляющими весьма малыя удобства для приставанія шлюпокъ. По наблюденіямъ полуденной высоты солнца, широта селенія Сюркумъ 50° 31′ 34″ N.

Изъ этого можно заключить, что мысъ этотъ тотъ самый, который на картѣ Крузенштерна названъ мысомъ Маунта. Изъ селенія Сюркумъ Бошнякъ прибылъ въ селеніе Лукаль, лежащее около 19 миль отъ Стракумъ. Лукаль находится при устьѣ р. того же имени, которое также загромождено съ моря древяною кошкою, отчего тоже имѣетъ видъ озера. Мѣстность у этого устья до мыса возвышенна, покрыта травою и различными цвѣтами и потому весьма красива, а рѣчка изобилуетъ рыбою. Берегъ моря между селеніями Сюркумъ и Лукаль отвѣсно-утесистый; на немъ нѣтъ ни одного ручейка съ низменностію, отчего онъ весьма опасенъ. Отъ селенія Лукаль, въ 6 миляхъ, лежитъ селеніе Хойлль, а въ 2 миляхъ отъ него—селеніе Быки. Первое расположено при ручьѣ того же имени, а второе при устьѣ рѣчки Быки; оба имѣютъ хорошую почву, покрытую мелкимъ лѣсомъ. Быки зимою не изобилуетъ рыбою, поэтому жители на зиму переходятъ въ другія селенія или на рѣку Тумджинъ. Устье р. Быки мелко и каменисто, берега же на всемъ протяженіи низменны и только мѣстами возвышаются и имѣютъ мелкій лѣсъ. Въ 2 миляхъ отъ селенія Быки находится огромный камень, а въ 32 миляхъ лежитъ селеніе Дата. По полуденной высотѣ солнца, широта послѣдняго оказалась 49° 16′ N. Мысъ Дата, при устьѣ большой рѣки того же имени, на картѣ Крузенштерна названъ мысомъ Лесепсъ; онъ травянистъ, покрытъ рѣдкимъ березнякомъ и по хорошему качеству травы представляетъ удобство для скотоводства. Около двухъ верстъ отъ береговъ рѣки тянется небольшой хребетъ и отъ него около $^1/_2$ версты идетъ тундристая низменность, покрытая горѣлымъ лѣсомъ. Рѣка Дата изобилуетъ какъ рѣчною, такъ и морскою рыбою, поэтому инородцы живутъ на ея берегахъ постоянно, т. е. зиму и лѣто. Такого рода мѣстность есть единственная на всемъ осмотрѣнномъ мною пространствѣ. Это селеніе есть непремѣнная станція для всѣхъ туземцевъ, кочующихъ по рѣкѣ Тумджинъ, и для инородцевъ съ р. Амуръ, проѣзжающихъ мимо на тюленій промыселъ и для торговли въ заливъ Хаджи".

Свѣдѣнія, отобранныя Н. К. Бошнякомъ о рѣкѣ Дата, слѣдующія: она состоитъ изъ 2 рѣкъ Тумчинъ и Чламаль, собственно же Дата, по разсказамъ туземцевъ, течетъ на разстояніи 150 верстъ отъ сліянія этихъ рѣкъ; теченіе ея на этомъ пространствѣ извилисто и направляется частію между низменными, частію же между гористыми берегами, покрытыми толстымъ осиновымъ, кедровымъ, лиственничнымъ и еловымъ лѣсомъ. Лѣса эти изобилуютъ соболями,

лисицами и выдрами, что составляетъ главный зимній промыселъ туземцевъ.

Берегъ моря между селеніями Быки и Дата преимущественно утесистый и покрытъ мелкимъ лѣсомъ; на немъ замѣчательны слѣдующіе мысы: Бьена, Чумы, Юмы и, наконецъ, Дата или Лесепсъ. Всѣ они гранитные, и мысъ Чумы имѣетъ красный цвѣтъ. Вообще эта часть берега обращаетъ на себя вниманіе своими живописными видами: то онъ идетъ высокоотвѣсными скалами, доходящими до 150 фут. высоты, то образуетъ маленькія бухточки между скалами, въ срединѣ которыхъ стоятъ отдѣльно красноватыя скалы; то опять представляетъ луговыя низменности, поросшія рощами, цвѣтами и кустарникомъ. Изъ многихъ рѣчекъ, впадающихъ въ море на этомъ пространствѣ, ни одна не заслуживаетъ вниманія.

Отъ селенія Дата въ 9 миляхъ лежитъ селеніе Джунихо, на небольшой рѣчкѣ того же имени. Селеніе это расположено на луговой низменности, въ маленькой бухточкѣ, въ которую впадаетъ рѣка того же имени. Эта рѣка весьма мелка и узка, такъ что въ устьѣ ея проходятъ съ большимъ трудомъ туземныя лодки. Берегъ на протяженіи отъ Дата до Джунихи гористъ и каменистъ.

Въ $10^1/_2$ миляхъ отъ Джунихи находится селеніе Уй при устьѣ небольшой рѣчки того же имени, впадающей въ небольшую бухточку, берега которой тундристы и покрыты мелкимъ лѣсомъ; устье этой рѣчки весьма узко и мелко. Подходъ съ моря къ ея устью затруднителенъ даже и для туземныхъ лодокъ, по причинѣ множества каменьевъ, которыми она усѣяна. Морской берегъ до этого селенія имѣетъ тотъ же характеръ, что и предъидущій. Изъ мысовъ, лежащихъ на этомъ берегу, замѣчательны (названные мною) мысъ Казакевича и Китобойный. Весь берегъ отъ селенія Уй до залива Хаджи низменный и покрытъ густымъ лѣсомъ. На немъ нѣтъ ни одной рѣчки.

„23 мая 1853 г., пишетъ Бошнякъ, при свѣжемъ О вѣтрѣ, я подошелъ къ низменному перешейку, перетащилъ чрезъ него лодку, и вошелъ въ бухту, которую назвалъ въ честь Цесаревича—Александровскою. Изъ этой бухты мы того же числа прибыли въ самый заливъ и расположились за островомъ на ночлегъ. Это мѣсто, какъ лежащее у входа въ заливъ съ моря, я и выбралъ за начальный пунктъ моихъ изслѣдованій. Широта его по полуденной высотѣ солнца оказалась 49° 4′ N.

„Неизвѣстный до этого времени никому изъ европейцевъ заливъ

Хаджи, названный мною заливомъ Императора Николая I, лежитъ между увалистыми берегами, покрытыми на южной сторонѣ превосходными лиственичными и еловыми лѣсами. Онъ опоясывается отрогомъ горъ отъ хребта, идущаго параллельно берегу моря. По склону горъ, обращенному къ заливу, произрастаютъ кедровые лѣса большихъ размѣровъ. Заливъ этотъ принимаетъ въ себя, кромѣ большаго числа маленькихъ рѣкъ, двѣ значительныя рѣки Хаджи и Ми. Первая изъ нихъ впадаетъ въ главную бухту залива, названную мною бухтою Императрицы Александры, а вторая въ большую бухту, названную бухтою Великаго Князя Константина.

„Заливъ Хаджи можно подраздѣлить на 4 части или бухты: Императрицы Александры (по туземному *Ходжъ*), Великаго Князя Константина (по туземному Ми), Великаго Князя Цесаревича Александра (по туземному Уй) и, наконецъ, Великаго Князя Алексѣя (по туземному Верги). Каждая изъ этихъ бухтъ составляетъ обширную и совершенно закрытую гавань, но изъ нихъ бухта Великаго Князя Константина особенно замѣчательна по приглубымъ берегамъ своимъ, къ которымъ могутъ приставать суда всѣхъ ранговъ. Бухта Константиновская ограничивается съ сѣверной стороны горами, а съ южной возвышеннымъ ровнымъ берегомъ. Глубина ея отъ 5 до 10 саж., а подъ самымъ берегомъ отъ 4 до 5 саж. Въ эту бухту впадаетъ рѣка, имѣющая въ устьѣ каналъ въ 11 ф. глубины. По разсказамъ туземцевъ, берега этой рѣки покрыты толстомѣрнымъ лѣсомъ кедра, лиственицы и ели. Въ жаркое время сюда выходитъ много сохатыхъ (оленей), охота на которыхъ составляетъ главное занятіе жителей; кромѣ того, туземцы занимаются еще рыбнымъ промысломъ, такъ какъ рѣка изобилуетъ рыбой.

„Бухта Цесаревича Александра уступаетъ Константиновской тѣмъ, что низменный перешеекъ открываетъ ее сѣвернымъ вѣтрамъ; глубина въ ней на разстояніи около 200 саж. отъ перешейка отъ 2 до 5 футовъ, а далѣе, на пространствѣ около $2^1/_2$ верстъ, до ея устья, отъ 3 до 10 саж.; у берега 4 сажени.

„Южный берегъ бухты Императрицы Александры возвышенный и изобилуетъ чрезвычайно толстомѣрнымъ лѣсомъ (отъ 10 до 15 вершк.) кедра, лиственицы и ели; сѣверный же берегъ увалистый, ровный и хотя покрытъ лѣсомъ, но менѣе толстымъ. Глубина въ бухтѣ отъ 9 до 17 саж., у самаго берега 3 сажени.

„Бухта Великаго Князя Алексѣя имѣетъ въ устьѣ глубину 9

саж., а далѣе отъ 4 до 7 саж.; берега ея увалисты и заняты частію лѣсомъ, частію же лугами.

„Рѣка Хаджи впадаетъ въ бухту Императрицы Александры; она, по словамъ туземцевъ, течетъ на 150 верстъ. Изъ нихъ на протяженіи 40 верстъ она удобна для плаванія на лодкахъ; на этомъ разстояніи 4 селенія. Глубина рѣки на барѣ въ малую воду отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ фут., а далѣе до 12 фут. Правый берегъ при устьѣ гористый, лѣвый—луговой. Оба берега рѣки покрыты строевымъ лѣсомъ лиственицы и ели. По словамъ туземцевъ, около 40 верстъ отъ устья, по берегамъ этой рѣки находятся дубовые лѣса.

„Туземцы залива Императора Николая живутъ въ 5 селеніяхъ; главное изъ нихъ при устьѣ рѣки Ми имѣетъ 10 юртъ. Всѣхъ жителей не болѣе 50 душъ. Образъ жизни туземцевъ, а равно и жителей всего пройденнаго мною берега, слѣдующій: Большая часть ихъ полукочевая и полуосѣдлая, такъ какъ перемѣна мѣста ограничивается у нихъ постоянно двумя пунктами. Въ лѣтнее время они выходятъ на прибрежье, гдѣ и выжидаютъ прохода морской рыбы, изъ которой готовятъ для себя зимній запасъ. Затѣмъ, на зиму, уходятъ на рѣки Дата и Тумчинъ, на которыхъ занимаются промысломъ сохатыхъ и различнаго рода пушныхъ звѣрей. Со вскрытіемъ этихъ рѣкъ, сдѣлавши себѣ лодки изъ толстой осины, которая, по ихъ словамъ, на этихъ рѣкахъ въ изобиліи, они спускаются по теченію въ свои лѣтники. Тамъ опять они занимаются охотой на сохатыхъ и рыбнымъ промысломъ; для послѣдняго имъ приходится переходить въ соотвѣтствующія для промысла мѣста въ окрестностяхъ залива. Средства, употребляемыя ими для ловли рыбы, гораздо хуже чѣмъ у амурскихъ туземцевъ, почему, несмотря на огромное количество рѣчной и періодической морской рыбы, запасы ихъ никогда не превышаютъ количества, необходимаго для домашняго употребленія. Весной, когда время прохода рыбы еще не наступило, туземцы на легкихъ вѣткахъ (шлюпка изъ бересты) выѣзжаютъ къ мысамъ залива, гдѣ ловятъ камболу, быковъ и раковъ, для пропитанія въ это время. Часто случается, что рыбный промыселъ осенью изобиленъ, и тогда большая часть туземцевъ остается зимовать въ своихъ лѣтникахъ.

„Туземцы живутъ въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ коры; для приготовленія пищи и отопленія, среди юрты, на землѣ раскладывается огонь. Юрты эти ежегодно ремонтируются. По близости рыбнаго промысла, подобно всѣмъ инородцамъ амурскаго края, эти туземцы

имѣютъ лѣтники, т. е. такія же юрты, какъ и лѣтнія. Всѣ здѣшніе туземцы нрава кроткаго и боязливы; по большей части тѣхъ предразсудковъ, какихъ много у гиляковъ, у нихъ нѣтъ. Не смотря на то, что страна изобилуетъ пушными цѣнными звѣрями и рыбою, они живутъ очень бѣдно; вѣроятно, отъ того, что не имѣютъ никакой возможности сбывать свои промыслы за сколько нибудь сходную цѣну. По ихъ словамъ, одна или двѣ лодки ежегодно ходятъ въ Кастри и оттуда въ Кизи, для закупки крупы, табаку и ткани (преимущественно китайки) отъ торгующихъ тамъ манджуровъ или инородцевъ. Обитатели р. Амуръ хотя и пріѣзжаютъ для торговли на татарскій берегъ, но все-таки не могутъ удовлетворить потребностямъ разбросаннаго по этому берегу населенія, доходящаго до 5,000 душъ.

„Различные туземцы, встрѣчавшіеся на пути, разсказывали мнѣ, что до селенія Кульмуги, лежащаго около 300 верстъ отъ устья р. Самальга, ведется торговля съ пріѣзжающими туда инородцами и манджурами съ рѣкъ: Уссури и Сунгари; до этого селенія ни хлѣбопашествомъ, ни огородничествомъ не занимаются, далѣе же къ югу, внутри страны есть манзы, которые имѣютъ скотъ и огороды и занимаются хлѣбопашествомъ. Обитатели татарскаго берега раздѣляются на два рода: тѣ, которые населяютъ берегъ отъ де-Кастри до р. Самальга — называютъ себя мангунами, живущіе же къ югу отъ Самальги, до корейской границы—кекгальцами, а внутри страны—манзами. Мангуны и кекгальцы отличаются между собою языкомъ, но образъ жизни ихъ одинаковъ. Манзы осѣдлы и языкъ ихъ смѣсь манджурскаго съ кекгальскимъ. Въ разстояніи около 800 вер. отъ рѣки Самальги (20 дней хода на лодкѣ, какъ выражали туземцы) впадаетъ въ большой заливъ р. Сайфунъ. Съ этой рѣки ѣздятъ въ корейскій городъ и большое озеро Канга, которое соединяется съ р. Уссури. На татарскомъ берегу между рѣками Самальгою и Сайфуномъ, говорили туземцы, есть много закрытыхъ бухтъ, изъ коихъ нѣкоторыя иногда вовсе не замерзаютъ и что бухты эти находятся недалеко отъ р. Уссури, съ которой и на которую туземцы часто ѣздятъ на собакахъ чрезъ горы. Подобныхъ путей, по ихъ словамъ, очень много. Рѣка Самальга впадаетъ въ море, въ широтѣ около 46° 30' N. По словамъ жителей, эта рѣка имѣетъ берега, покрытые строевымъ дубомъ и кленомъ; она глубока на пространствѣ около 200 верстъ, и по ней могутъ подыматься большія лодки. Съ этой рѣки ѣздятъ на Уссури чрезъ рѣку Поръ и

другіе притоки рѣкъ Самальги и Поръ. Этотъ путь около 400 верстъ.

„Еще я узналъ, что изъ залива Императора Николая на рѣку Амуръ три пути: 1-й съ Кизи по рѣкѣ Дата и Тумчинъ, чрезъ довольно высокій хребетъ на истокъ рѣчки Ай, впадающей въ озеро Кизи (этимъ путемъ до селенія Кизи около 500 верстъ), 2-й по рѣкамъ Дата и Тумчинъ до истока послѣдней, откуда переваливаютъ на рѣчку Уливчи, впадающую въ рѣку Ады, притокъ Амура, и наконецъ 3-й путь по р. Дата до устья р. Члямаль, вверхъ по сей послѣдней, до горъ и далѣе чрезъ хребетъ въ протокъ рѣки Хунгари; по этой послѣдней спускаются до устья ея, т. е. до рѣки Амуръ. Послѣдній путь считается самымъ удобнымъ и имѣетъ около 400 верстъ. Всѣ жители прибрежья Татарскаго залива ни отъ кого не зависятъ, никому ясака не платятъ и никакой власти не признаютъ.

„По словамъ туземцевъ, въ Татарскомъ заливѣ раннею весною являются большія суда, часто становящіяся у берега на якорь; команды ихъ иногда дѣлаютъ насилія жителямъ“.

Окончивъ описаніе залива Императора Николая I-го, г. Бошнякъ собралъ на берегъ въ бухту, лежащую при выходѣ изъ залива, всѣхъ туземцевъ и объявилъ имъ, что такъ какъ вся страна до корейской границы русская, то мы ихъ и всѣхъ жителей въ оной обитающихъ принимаемъ подъ свою защиту и покровительство. За симъ поставилъ крестъ и вырѣзалъ на немъ: „Открыта и названа заливомъ Императора Николая I-го, 23 мая. Н. К. Бошнякъ“. Передавъ жителямъ объявленіе упомянутаго содержанія на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, Бошнякъ приказалъ имъ предъявлять эту бумагу каждому судну, которое они встрѣтятъ, а тѣмъ болѣе которое придетъ въ гавань. 30-го мая, пользуясь благопріятными обстоятельствами, г. Бошнякъ вышелъ изъ гавани и направился въ обратный путь вдоль берега къ сѣверу. Провизіи у него оставалось только на 3 дня, а потому 6 дней онъ питался рыбою и ягодами. 8-го іюня прибылъ въ заливъ де-Кастри и, вслѣдствіе моихъ распоряженій, отправился въ Николаевскъ, куда и прибылъ 17-го числа, больной.

Результаты открытій и изслѣдованій Н. К. Бошняка были очень важны. Онъ былъ первый изъ европейцевъ, который далъ свѣту точное понятіе о сѣверномъ берегѣ Татарскаго залива и обнаружилъ невѣрность этой части берега на картѣ Крузенштерна;

онъ открылъ на этомъ берегу одну изъ превосходнѣйшихъ и обширнѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ и узналъ, что тамъ находится еще нѣсколько гаваней, чѣмъ разрушилъ сложившееся до этого времени мнѣніе, выразившееся и на картѣ Крузенштерна, что будто бы на всемъ пространствѣ этого берега, отъ залива де-Кастри до корейской границы, нѣтъ не только ни одной гавани, но даже какой либо бухты, сколько нибудь удобной для якорной стоянки, почему берегъ этотъ считался опаснымъ и недоступнымъ. Наконецъ, онъ разрѣшилъ окончательно весьма важный вопросъ, именно: что жители, обитающіе на этомъ берегу, никогда зависимы не были и китайской власти не признавали.

Вслѣдъ за нарочнымъ изъ Аяна, 26 мая, я получилъ съ почтою Высочайшую награду св. Анны 2 ст. съ короною и, по представленію генералъ-губернатора, Высочайше утвержденный штатъ амурской экспедиціи.

ГЛАВА XXI.

Предписаніе генералъ-губернатора отъ 2 марта 1853 г. — Высочайше утвержденный штатъ амурской экспедиціи. — Сущность отношенія Завойко. — Донесеніе генералъ-губернатору отъ 25 іюня 1853 г. — Предписанія генералъ-губернатора отъ 15 апрѣля 1853 г. и отъ 23 апрѣля. — Письмо Н. В. Буссе отъ 6 іюля 1853 г. — Слѣдствіе распоряженій высшаго правительства. — Планъ дѣйствій моихъ въ іюлѣ 1853 г. — Распоряженія мои доктору Орлову 14 іюля. — Письмо мое генералъ-губернатору отъ 14 іюля 1853 г.

Въ предписаніи своемъ отъ 2 марта 1853 года генералъ-губернаторъ пишетъ мнѣ: „Въ виду важности результатовъ Вашихъ дѣйствій, Государь Императоръ, по представленію моему, Высочайше удостоилъ Васъ наградить за оныя и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить штатъ ввѣренной Вамъ экспедиціи, составленный на основаніи донесеній Вашихъ, и приказать изволилъ, всѣ разсчеты съ россійско-американской компаніей окончить къ 1 января 1854 г., о чемъ и сообщено главному правленію компаніи".

Согласно штату экспедиціи, Николай Николаевичъ предписывалъ мнѣ:

а) Всѣхъ чиновъ экспедиціи зачислить въ штатъ оной.

б) Время къ пенсіону офицерамъ считать съ 29 іюня 1850 года, т. е. со дня основанія Петровскаго зимовья.

в) Главнымъ пунктомъ экспедиціи назначить Николаевскъ.

г) Морское довольствіе требовать отъ камчатскаго губернатора, и

д) Командиромъ морской роты и моимъ помощникомъ назначается капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, который и долженъ прибыть на мѣсто въ навигацію 1853 г.; что же касается дополненія экспедиціи командою, согласно утвержденному штату оной, то оно неможетъ послѣдовать ранѣе 1854 г. и вѣроятно будетъ изъ Забайкалья.

По Высочайше утвержденному штату амурская экспедиція состояла: 1) изъ начальника оной капитана 1-го ранга Невельскаго

на правахъ губернатора или областнаго начальника; 2) изъ роты флотскихъ нижнихъ чиновъ 240 челов., откомандированной изъ камчатскаго экипажа. Командиръ этой роты, штабъ-офицеръ флота, вмѣстѣ съ тѣмъ назначался помощникомъ начальника экспедиціи. Въ этой ротѣ должны состоять: 2 лейтенанта, 2 мичмана, 2 штурманскихъ офицера и 1 артиллерійскій офицеръ (вмѣсто штурманскихъ и артиллерійскаго офицеровъ, по усмотрѣнію начальника экспедиціи, могутъ быть флотскіе офицеры); 3) при экспедиціи, сверхъ морскихъ чиновъ, состоятъ сотня конныхъ казаковъ съ 2-мя офицерами и взводъ горной артиллеріи при 2 офицерахъ; докторъ, правитель канцеляріи съ 1 или 2 помощниками, 3 писаря, содержатель имущества, 2 фельдшера и священникъ съ походною церковью. 4) Всѣ чины, состоящіе въ экспедиціи, пользуются морскимъ довольствіемъ, по камчатскому положенію, въ продолженіе всего года. 5) Офицеры, состоящіе въ экспедиціи, получаютъ пенсіоны за 5 лѣтъ служенія въ оной, въ томъ размѣрѣ, какой опредѣленъ по закону за 10 лѣтъ службы въ Охотскѣ и Камчаткѣ; 6) служба, проведенная въ экспедиціи, считается годъ за два года для нижнихъ чиновъ и, наконецъ, 7) экспедиція во всѣхъ отношеніяхъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири.

Съ этою же почтою я получилъ отношеніе отъ камчатскаго губернатора В. С. Завойко, который просилъ меня скорѣе выслать въ Петропавловскъ зимующій въ Петровскомъ ботъ „Кадьякъ“, такъ какъ съ открытіемъ навигаціи всѣ суда камчатской флотиліи должны идти въ Аянъ, а между тѣмъ необходимо снабдить продовольствіемъ Гижигу и Тягиль.

Судя по распоряженіямъ высшаго правительства, я убѣждался, что оно рѣшается, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на этотъ край и что заявленіе мое о принадлежности его Россіи ему уже извѣстно, а потому слова: *имѣть постоянно въ виду благоразуміе, осторожность и миролюбиво водворяемую нами въ томъ край власть, при сношеніи съ ожидаемыми американскими военными судами*, могли быть понимаемы въ духѣ упомянутаго въ предъидущей главѣ моего заявленія иностранцамъ.

Въ виду этого убѣжденія и свѣдѣній, доставленныхъ гг. Бошнякомъ, Разградскимъ и Петровымъ, я предположилъ:

А. Немедленно отправить ботъ „Кадьякъ“ въ Аянъ съ предложеніемъ Кашеварову, чтобы первое военное судно, пришедшее

изъ Петропавловска, было прислано въ Петровское съ запасами, какіе только возможно удѣлить изъ Аяна, и затѣмъ, чтобы онъ скорѣе высылалъ въ Петровское запасы и товары, а равно и паровой барказъ, долженствовавшій прибыть въ Аянъ въ навигацію этого года, согласно увѣдомленію главнаго правленія компаніи.

Б. Съ прибытіемъ изъ Аяна военнаго судна, немедленно слѣдовать на немъ въ Татарскій заливъ съ цѣлью поставить военные посты на западномъ берегу острова Сахалина и въ Императорской гавани.

и В. Въ то же время отправить А. И. Петрова съ продовольствіемъ и частію людей въ Кизи, для подкрѣпленія нашего поста въ з. де-Кастри и окончательнаго занятія селенія Котова (около Кизи).

Ботъ „Кадьякъ“ вышелъ изъ Петровскаго 26-го іюня; съ нимъ я послалъ донесеніе генералъ-губернатору (прося это донесеніе отправить изъ Аяна съ нарочнымъ) и отчеты по изслѣдованіямъ гг. Бошняка, Разградскаго, Петрова и Воронина. Объясняя важность результатовъ ихъ работъ, обстоятельства, какія встрѣчаются на мѣстѣ, положеніе экспедиціи и, наконецъ, упомянутыя мои распоряженія и тѣ, которыя я непремѣнно приведу въ исполненіе съ прибытіемъ перваго военнаго судна въ Петровское, я писалъ: „Немедленное занятіе Императорской гавани, какъ гавани на прибрежьѣ Татарскаго залива, находящейся посрединѣ между лиманомъ и корейской границей, весьма важно. Кромѣ того, слѣдуетъ занять еще одну бухту на западномъ берегу острова Сахалина и выслать въ крейсерство въ Татарскомъ заливѣ военное судно. Все это крайне необходимо, во-первыхъ, въ виду ожидаемаго прибытія въ этотъ заливъ американской экспедиціи, а во-вторыхъ, для подкрѣпленія постовъ въ де-Кастри и Кизи. Только этими дѣйствіями мы фактически можемъ заявить американцамъ и всѣмъ иностранцамъ о принадлежности этого края Россіи и тѣмъ отстранить всякія на него съ ихъ стороны покушенія.

„Изъ моего донесенія Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что разрѣшеніе главнаго морскаго вопроса подвигается успѣшно: не смотря на ничтожество средствъ, мы принимаемъ мѣры къ огражденію этого края отъ всякихъ на него покушеній съ моря. Такъ какъ Государь Императоръ по ходатайству Вашему уже обратилъ свое высокое вниманіе на наши работы, то мы надѣемся, что экспедиція наша получитъ, наконецъ, надлежащія

средства. Не смотря на всѣ усилія и попытки наши, съ настоящими средствами мы не только не имѣли возможности произвести изслѣдованіе среднихъ лиманскихъ фарватеровъ, которые, по словамъ туземцемъ, болѣе глубоки извѣстныхъ намъ, открытыхъ въ 1849 году фарватеровъ, — мы не имѣли даже возможности съ точностью опредѣлить направленіе и этихъ послѣднихъ и оградить ихъ надлежащими знаками, необходимыми для плаванія судовъ по лиману, который, какъ Вамъ извѣстно, имѣетъ сильныя неправильныя теченія и лабиринты банокъ и мелей, такъ что входъ въ рѣку судовъ, сидящихъ въ водѣ до 14 футовъ, остается доселѣ, по неимѣнію при экспедиціи средствъ, необезпеченнымъ. На изслѣдованіе лимана и на устройство на немъ мореходныхъ знаковъ, даже при томъ числѣ судовъ, о которомъ я нѣсколько разъ представлялъ Вашему Превосходительству, потребовалось бы болѣе двухъ лѣтъ, а между тѣмъ, въ штатѣ амурской экспедиціи, нынѣ мнѣ присланномъ, а равно и въ предписаніи Вашемъ, не говорится, какое число и какія именно суда должны быть присланы въ экспедицію. Теперь, съ увеличеніемъ команды въ экспедиціи болѣе чѣмъ въ пять разъ, при необходимости имѣть нѣсколько постовъ по прибрежьямъ края и по рѣкамъ Амуру и Уссури и, наконецъ, въ виду необходимости изслѣдовать лиманъ, надобно, чтобы при экспедиціи было по крайней мѣрѣ два мореходныя винтовыя судна съ осадкою отъ 9 до 13 фут. и съ паровыми барказами, и хотя одинъ большой рѣчной пароходъ; въ противномъ случаѣ, не только производить изслѣдованіе лимана, но и обезпечить продовольствіемъ назначенное по штату число командъ, долженствующихъ быть помѣщенными въ нѣсколькихъ постахъ по прибрежью до корейской границы, на островѣ Сахалинѣ и по берегамъ, будетъ не только затруднительно, но почти невозможно. Слѣдовательно, съ присылкою сюда только однѣхъ командъ безъ упомянутыхъ судовъ, экспедиція не только не можетъ достигнуть упомянутой главной государственной цѣли, но еще поставлена будетъ въ безвыходное положеніе, несоотвѣтствующее достоинству Россіи.

„Вслѣдствіе этихъ соображеній, убѣдительно прошу Ваше Превосходительство обратить на это Ваше вниманіе и исходатайствовать, чтобы были высланы съ командами и упомянутыя средства, необходимыя для прочнаго водворенія нашего въ этомъ краѣ, безспорно, принадлежащемъ Россіи“.

Отправивъ донесеніе, я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать перваго

судна изъ Аяна. Команды наши, благодаря мѣстнымъ средствамъ, поправились отъ тяжкой скорбутной болѣзни *) и мы начали заготовлять лѣсъ въ Петровскомъ и въ Николаевскомъ, для сооруженія помѣщеній. Наконецъ, 11-го іюля пришелъ изъ Аяна на петровскій рейдъ транспортъ „Байкалъ“ съ 12-ю казаками и 5-ю матросами для экспедиціи. Съ нимъ я получилъ весьма важныя Высочайшія повелѣнія, въ предписаніи генералъ-губернатора, отъ 15-го и 20-го апрѣля и увѣдомленіе отъ маіора Н. В. Буссе, командированнаго Н. Н. Муравьевымъ.

Генералъ-губернаторъ писалъ мнѣ: „Государь Великій Князь Генералъ-Адмиралъ сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу государственнаго канцлера, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, относительно острова Сахалина, въ 11 день апрѣля 1853 г., Высочайше изволилъ утвердить по сему предмету слѣдующія основанія:

„1) Россійско-американской компаніи занять островъ Сахалинъ и владѣть имъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ владѣетъ она другими землями, упомянутыми въ ея привиллегіяхъ.

„2) Объщать компаніи, что для занятія Сахалина и для защиты на немъ компанейскихъ учрежденій, ей дадутъ въ полное распоряженіе воинскихъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Чины эти будутъ считаться на службѣ компаніи и находиться на полномъ ея иждивеніи.

„3) Занять на Сахалинѣ тѣ пункты, которые по мѣстнымъ соображеніямъ окажутся важнѣйшими, къ чему и приступить непремѣнно въ навигацію сего 1853 г., а съ 1854 года компанія должна имѣть тамъ особаго своего правителя, которому въ политическомъ отношеніи состоять подъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, или другаго правительственнаго главнаго начальника, какой будетъ указанъ Высочайшею волею.

„4) Компанія не должна допускать на Сахалинѣ никакихъ иностранныхъ заселеній, ни произвольныхъ, ни по взаимному соглашенію и можетъ передать сей островъ только правительству.

„5) Правительство пользуется на островѣ Сахалинѣ для казенныхъ потребностей каменнымъ углемъ безвозмездно, но добываетъ его своимъ иждивеніемъ.

„6) Для огражденія береговъ острова и гаваней отъ вторженія

*) Пять человѣкъ нижнихъ чиновъ умерли отъ нея.

иностранцевъ, компанія обязывается содержать достаточное число судовъ; но, въ случаѣ военнаго нападенія, войско для защиты требуетъ отъ правительства.

„7) При первоначальномъ занятіи острова Сахалина, въ нынѣшнемъ году, могутъ быть употреблены, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, подъ начальствомъ начальника амурской экспедиціи, военные чины и средства оной; но сія экспедиція должна быть совершенно отдѣльно отъ сахалинской и оставаться по прежнему въ непосредственномъ распоряженіи правительства.

„8) Компанейское начальство должно обращаться съ требованіями своими о назначеніи къ нему офицеровъ и нижнихъ чиновъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, а сей послѣдній обязанъ исполнять это требованіе безотлагательно; впрочемъ, главное правленіе компаніи, въ случаѣ надобности, можетъ обращаться съ просьбами по сему предмету и къ высшему правительству на случай необходимости и удобства отправленія на Сахалинъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ на кругосвѣтныхъ судахъ изъ балтійскихъ портовъ.

„9) Офицеры и нижніе чины, имѣющіе назначиться на службу компаніи на Сахалинъ, должны отправляться туда на компанейскихъ судахъ и на иждивеніи компаніи отъ самаго мѣста прежняго ихъ служенія.

„10) Въ нынѣшнемъ же году назначить не менѣе 100 человѣкъ изъ Камчатки и обязать компанію содержать ихъ.

„11) На издержки по сему предпріятію отпустить компаніи нынѣ-же безвозвратно и безъ всякаго впослѣдствіи разсчета 50,000 рубл. сер. изъ суммъ, ассигнованныхъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, на составленіе особаго капитала по предпріятіямъ относительно гиляковъ“.

Препровождая мнѣ это Высочайшее повелѣніе и предписывая привести его на мѣстѣ въ исполненіе, по точному смыслу онаго, генералъ-губернаторъ пишетъ:

„Согласно Высочайшей волѣ, по соглашенію моему съ главнымъ правленіемъ компаніи, всѣ основанныя Вами въ нынѣшнемъ году учрежденія и чины сахалинской экспедиціи во всѣхъ отношеніяхъ, до прибытія въ 1854 г. правителя на Сахалинъ, будутъ находиться въ вашемъ вѣдѣніи. При исполненіи же сего важнаго возлагаемаго на васъ Высочайшаго повелѣнія, нахожу нужнымъ указать вамъ слѣдующія главныя основанія къ успѣшному исполненію видовъ правительства:

„а) Занять на островѣ Сахалинѣ въ нынѣшнемъ году два или три пункта на восточномъ или западномъ берегу онаго, но сколь возможно южнѣе.

„б) Находящихся на южной оконечности Сахалина японскихъ рыбаковъ не тревожить и оказывать имъ дружеское расположеніе, увѣряя ихъ, что мы занимаемъ островъ Сахалинъ въ огражденіе онаго отъ внѣшнихъ покушеній иностранцевъ и что подъ нашею защитою они могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю.

„в) Для занятія острова Сахалина назначено нынѣ изъ Камчатки 100 человѣкъ и два офицера при нихъ. Для выбора этихъ людей и доставленія оныхъ къ Вамъ, я командировалъ состоящаго при мнѣ маіора Буссе. Г. Кашеварову я предписалъ отправить въ гавань Счастія - Петровское приготовленные въ Аянѣ срубы для зимовки людей на Сахалинѣ и одно судно въ ваше распоряженіе; оно должно остаться тамъ на зимовку. Относительно команды я послалъ предписаніе г. Завойкѣ и считаю нужнымъ Васъ предупредить, что означенную команду съ 2 офицерами и со всѣми продовольственными запасами, вооруженіемъ и всѣмъ необходимымъ для построекъ, а равно и съ товарами, г. маіоръ Буссе долженъ доставить Вамъ въ исходѣ іюля, но никакъ не позже 1 или 4 августа, въ Петровское.

„г) Въ случаѣ, если вы признаете нужнымъ сейчасъ же по полученіи сего занять на Сахалинѣ какой-либо пунктъ, до прибытія означенныхъ людей, то это предоставляется сдѣлать по Вашему усмотрѣнію, тѣми средствами, какія имѣются во ввѣренной вамъ экспедиціи.

„д) Въ началѣ іюля къ вамъ въ Петровское долженъ прибыть 16-ти сильный пароходъ, купленный компаніею въ Англіи; вѣроятно, вы получите его въ одно время съ настоящимъ предписаніемъ. Прошу употребить его въ дѣло при занятіи Сахалина; весьма было бы полезно, если бы вы съ помощію этого парохода провели амурскимъ лиманомъ въ Татарскій заливъ то судно, которое приведетъ къ вамъ маіоръ Буссе. Это судно можете оставить зимовать на Сахалинѣ.

„е) Въ мѣстахъ, которыя займутся вами на Сахалинѣ, необходимо поставить орудія и устроить ограды или укрѣпленія, и

„ж) По доставленіи вамъ г. Буссе всего изложеннаго, вы имѣете отправить его немедленно ко мнѣ съ донесеніями“.

Вмѣстѣ съ этимъ, во второмъ предписаніи, отъ 23 апрѣля, генералъ-губернаторъ пишетъ:

„Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада моего и на основаніи Высочайшаго о границѣ нашей съ Китаемъ указанія, предлагаю вамъ по Высочайшему повелѣнію занять нынѣшнимъ же лѣтомъ заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ селеніе Кизи и о послѣдующемъ мнѣ донести. Въ заливѣ де-Кастри имѣть карауль по крайней мѣрѣ изъ 10 человѣкъ, при офицерѣ. Въ Кизи поставить военный постъ для подкрѣпленія и снабженія де-Кастри. При этомъ поставляю Вамъ на видъ, что согласно съ Высочайшими указаніями, по моему представленію о границѣ нашей съ Китаемъ, *далѣе де-Кастри и Кизи идти Высочайше не разрѣшено*, а главное вниманіе должно быть вами обращено на Сахалинъ".

Николай Васильевичъ Буссе, прибывъ въ Аянъ, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, отъ 6 іюля:

„Расчеты, сдѣланные въ С.-Петербургѣ, оказались ошибочными: я съ 25 іюня въ Аянѣ, но суда компаніи еще не приходили и когда будутъ—неизвѣстно. 5 дней тому назадъ пришли изъ Камчатки „Иртышъ" и „Байкалъ", но, вслѣдствіе данныхъ мнѣ инструкцій и наставленій, перевозить къ Вамъ десантъ непремѣнно на компанейскихъ судахъ, идти за десантомъ въ Камчатку на „Иртышѣ" или „Байкалѣ" я не могу; между тѣмъ, время до такой степени упущено, что если бы, какъ объясняетъ А. Ф. Кашеваровъ, и сейчасъ пришло компанейское судно, то и тогда десантъ, назначенный на Сахалинъ изъ Камчатки, врядъ ли можно доставить въ Петровское ранѣе 1 сентября. Никакихъ срубовъ, о которыхъ мнѣ говорили въ Петербургѣ, здѣсь нѣтъ и не дѣлается; между тѣмъ, мнѣ велѣно и срубы эти взять и доставить къ Вамъ въ Петровское вмѣстѣ съ десантомъ изъ Камчатки со всѣмъ продовольствіемъ, снабженіемъ и вооруженіемъ, никакъ не позже 1 августа. Поставленный теперь въ невозможность исполнить это приказаніе и не имѣя права перевозить десантъ на казенныхъ судахъ, ибо за это подвергся бы отвѣтственности, спѣшу донести Вамъ объ этомъ на Ваше усмотрѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ считаю сообщить, что, по словамъ Кашеварова, назначенный компаніею бригъ „Константинъ", для перевозки десанта изъ Петровскаго на Сахалинъ, во-первыхъ, не можетъ помѣстить этого десанта съ тяжестями, во-вторыхъ, онъ весьма ненадеженъ и, въ-третьихъ, если онъ и придетъ въ Аянъ, что невѣроятно, то развѣ самою позднею осенью. На

основаніи Вашихъ предписаній г. Кашеварову, посылаю Вамъ транспортъ „Байкалъ“ и 17 человѣкъ людей съ различными запасами, какіе могли набрать въ Аянѣ, самъ же съ часу на часъ ожидаю компанейскаго судна, чтобы отправиться за десантомъ въ Петропавловскъ. Пакетъ отъ Васъ немедленно отправленъ съ нарочнымъ къ генералъ-губернатору. Ботъ „Кадьякъ“ 5 іюля ушелъ въ Петропавловскъ.“

Таковы были распоряженія Высшаго правительства, послѣдовавшія, какъ сообщаетъ мнѣ въ частномъ письмѣ Н. Н. Муравьевъ, вслѣдствіе моихъ донесеній и другихъ соображеній. Эти распоряженія ясно показываютъ, что правительство, признавъ принадлежностью Россіи островъ Сахалинъ, все свое вниманіе обратило на него; что же касается прибрежья Татарскаго залива съ его гаванями, обусловливавшими всю важность для Россіи этого края, оставило совершенно безъ вниманія, не смотря на то, что этотъ край заслуживалъ несравненно большаго вниманія чѣмъ островъ Сахалинъ, не имѣвшій ни одной гавани. Правительство ограничивалось на прибрежьяхъ амурскаго края только заливомъ де-Кастри и предполагало провести границу съ Китаемъ по лѣвому берегу р. Амуръ. Оно придавало большое значеніе Петропавловску и не оставляло мысли, что этотъ портъ долженъ быть главнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ.

Такъ какъ распоряженіе правительства о занятіи залива де-Кастри и Кизи, какъ мы видѣли выше, послѣдовало гораздо позже, чѣмъ мы ихъ заняли, то мнѣ оставалось занять Императорскую гавань и дѣлать другія затѣмъ изслѣдованія и занятія берега къ югу отъ этой гавани, тоже внѣ повелѣній.

Средства мои были весьма ограниченныя, а потому мѣшкать было нельзя, тѣмъ болѣе, что единственнымъ моимъ побужденіемъ было благо отечества. Но въ описываемое время я долженъ былъ торопиться занять Сахалинъ. Чтобы совмѣстить то и другое, я составилъ себѣ слѣдующій планъ дѣйствій:

Немедленно отправиться на „Байкалѣ“ къ Сахалину и въ Татарскій заливъ, съ цѣлью: а) осмотрѣть южную часть острова; б) занять Императорскую гавань военнымъ постомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы изъ нея продолжать наши изслѣдованія къ югу до корейской границы и ставить постепенно во вновь открываемыхъ мѣстахъ таковые же посты; в) поставить военный постъ на западномъ берегу острова Сахалина, а съ прибытіемъ десанта изъ Камчатки, занять

главный пунктъ острова въ заливѣ Ашва; г) подкрѣпить наши посты въ де-Кастри и Кизи и д) по возможности принять рѣшительныя мѣры къ фактическому заявленію ожидавшимся американскимъ судамъ о принадлежности этого края Россіи.

Я торопился занять Императорскую гавань, потому что она представляла какъ бы центральный пунктъ всего прибрежья отъ лимана до корейской границы. Занявъ ее, мы становились хозяевами всего прибрежья, а крейсерующее около этихъ береговъ наше военное судно еще болѣе могло удостовѣрить ожидавшихся гостей въ томъ, что эти берега не нуждаются въ другихъ хозяевахъ.

Вотъ главная цѣль, въ виду которой я поспѣшилъ отправиться въ Татарскій заливъ и оставить въ ономъ для крейсерства транспортъ „Байкалъ“.

Передъ отправленіемъ изъ Петровскаго я далъ слѣдующую инструкцію единственному оставшемуся въ ономъ офицеру, доктору Орлову:

1) Г. Ворошина послать въ Николаевскъ на смѣну Петрова, которому, взявъ съ собою на 2 мѣсяца продовольствія и 5 челов. матросовъ, слѣдовать для подкрѣпленія поста въ Кизи. Избрать тамъ мѣсто около селенія Котова и начать постройку помѣщенія на зиму; потомъ ожидать моего прибытія изъ Кастри.

2) Г. Бошняку, по выздоровленіи отъ болѣзни, прибыть въ Петровское и принять начальство надъ оными.

3) Съ прибытіемъ судна изъ Аяна съ паровымъ барказомъ для экспедиціи и товарами стараться все это скорѣе выгрузить и барказъ изготовить къ плаванію.

4) Въ случаѣ прибытія г. Буссе съ дессантомъ, предписываю ему ничего не выгружать и не свозить дессанта въ Петровское, а ожидать моего возвращенія, и

5) Съ нарочнымъ тунгусомъ немедленно отправить въ Аянъ письмо мое къ генералъ-губернатору, прося г. Кашеварова, чтобы онъ тотчасъ по полученіи отправилъ его съ нарочнымъ по назначенію.

Въ этомъ письмѣ я объяснилъ Н. Н. Муравьеву всѣ сказанныя обстоятельства и увѣдомилъ его, что Кизи и зал. де-Кастри заняты мною гораздо раньше полученія Высочайшаго повелѣнія: „Что же касается дессанта“, писалъ я, „который долженъ прибыть изъ Камчатки съ маіоромъ Буссе, то, по случаю ошибочныхъ расчетовъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ, въ Аянъ до 6-го іюля не при-

шло еще ни одно компанейское судно, на казенныхъ же транспортахъ: „Байкалъ“ или „Иртышъ“, пришедшихъ въ Аянъ, по увѣдомленію г. Буссе, еще въ исходѣ іюня, Николай Васильевичъ не рѣшился идти. Эту нерѣшимость онъ объясняетъ какими-то инструкціями и политическими соображеніями, которыя, по моему мнѣнію, неумѣстны. Я приписываю его нерѣшительность только неопытности и невѣдѣнію тѣхъ важныхъ послѣдствій, каковыя отъ его нерѣшительности и какихъ-то политическихъ соображеній могутъ произойти, — ибо въ данномъ случаѣ каждая минута дорога. Впрочемъ, отъ офицера, взятаго прямо изъ фронта, и ожидать болѣе ничего нельзя! Однако, какъ бы то ни было, дессантъ, какъ Вы изволите видѣть, ранѣе 1-го сентября въ Петровское врядъ ли будетъ, и то при счастливыхъ обстоятельствахъ, а потому высадки дессанта на Сахалинъ не можетъ послѣдовать ранѣе исхода сентября. Бросить людей въ такое позднее время года на пустынный восточный или западный берегъ острова—значитъ обречь ихъ на неминуемыя болѣзни и почти на вѣрную гибель. Кромѣ того, производить высадку такого значительнаго числа людей съ тяжестями (около 5 тысячъ пуд.), при средствахъ какого либо компанейскаго или нашего казеннаго транспорта, имѣющихъ не болѣе двухъ небольшихъ шлюпокъ, да еще на открытый берегъ, безъ гаваней, и въ такое позднее время, не только опасно, но просто почти невозможно. Такъ какъ, на основаніи 1 и 4 пунктовъ Высочайшаго повелѣнія, Сахалинъ признанъ безспорною принадлежностію Россіи на всемъ его пространствѣ, то я считаю необходимымъ занять главный пунктъ его—Тамари-Анива, лежащій въ зал. Анива и имѣющій средства какъ для своза дессанта съ тяжестями, такъ и для первональчальнаго помѣщенія онаго. Занятіе всякаго другаго пункта на восточномъ или западномъ берегу острова, безъ утвержденія нашего въ главномъ его пунктѣ—Тамари-Анива—было бы несоотвѣтственнымъ ни Высочайшей волѣ, ни достоинству Россіи, потому что обнаружило бы только робкое и какое-то нерѣшительное съ нашей стороны дѣйствіе, и неминуемо повлекло бы къ непріятнымъ столкновеніямъ съ японскимъ правительствомъ. Наконецъ, я рѣшаюсь занять Тамари-Анива въ виду ожидаемой сюда американской военной эскадры, которой мы должны фактически указать, что Сахалинъ составляетъ русское владѣніе.

„По этимъ соображеніямъ, съ прибытіемъ изъ Петропавловска Н. В. Буссе съ дессантомъ, я считаю необходимымъ немедленно слѣдовать прямо въ заливъ Анива и тамъ утвердиться“.

Въ заключеніе я высказалъ генералъ-губернатору слѣдующее: „Не на Сахалинъ, а на матерой берегъ Татарскаго залива должно обратить главное наше вниманіе, потому что онъ, по неоспоримымъ фактамъ, представленнымъ нынѣ экспедиціею, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Только закрытая гавань на этомъ прибрежьѣ, непосредственно связанная внутреннимъ путемъ съ рѣкою Уссури, обусловливаетъ важность значенія для Россіи этого края въ политическомъ отношеніи; рѣка же Амуръ представляетъ ни что иное, какъ базисъ для нашихъ здѣсь дѣйствій, въ виду обезпеченія и подкрѣпленія этой гавани, какъ важнѣйшаго пункта всего края. Граница наша съ Китаемъ, поэтому, никакъ не можетъ быть положена по лѣвому берегу р. Амуръ, какъ то видно изъ предписанія Вашего отъ 23-го апрѣля. Петропавловскъ никогда не можетъ быть главнымъ и опорнымъ нашимъ пунктомъ на Восточномъ океанѣ, ибо, при первыхъ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ морскими державами, мы вынужденными найдемся снять этотъ портъ, какъ совершенно изолированный. Непріятель одною блокадою можетъ уморить тамъ всѣхъ съ голоду“.

ГЛАВА XXII.

Плаваніе на транспортѣ „Байкалъ“ въ іюлѣ и августѣ 1853 года.—Занятіе Императорской гавани и острова Сахалина. — Подкрѣпленіе постовъ въ заливѣ де-Кастри и въ селеніи Кизи.—Мои приказанія г. Орлову.—Прибытіе въ Петровское.—Мои предположенія въ августѣ 1853 года.—Прибытіе въ экспедицію священника Гавріила и г. Бачманова, 9 августа.—Причины, связывавшія всѣхъ чиновъ экспедиціи въ одну дружную семью.—Донесеніе г. Буссе отъ 26 августа 1853 г.

14-го іюля я перебрался на транспортъ „Байкалъ“, взявъ съ собою 15 челов. команды и Д. И. Орлова. Въ этотъ же день транспортъ снялся съ якоря и пошелъ къ острову Сахалину.

Штили и противные S-е вѣтры замедляли первые дни наше плаваніе, такъ что, слѣдуя вдоль восточнаго берега Сахалина, мы только 30-го іюля подошли къ мысу Анива. На всемъ пространствѣ этого берега ни одного сколько нибудь закрытаго залива мы не примѣтили. Сдѣлавъ затѣмъ рекогносцировку около мысовъ Анива и Крильонъ и не найдя и здѣсь сколько нибудь безопасной стоянки для судовъ, я вошелъ въ Татарскій заливъ. Встрѣченные тамъ свѣжіе вѣтры не дозволили близко держаться западнаго берега острова и тщательно осмотрѣть его; между тѣмъ, было уже 4-е августа, а потому я и отправился отсюда прямо въ Императорскую гавань. 6-го августа вошелъ въ нее и поставилъ тамъ постъ изъ 8 человѣкъ при урядникѣ. Постъ этотъ я назвалъ Константиновскимъ, по имени бухты, въ которой онъ поставленъ. 7-го августа я вышелъ изъ Императорской гавани, оставивъ тамъ, на всякій случай, 350 пудовъ муки и крупы. Унтеръ-офицеру, оставленному начальникомъ Константиновскаго поста, приказано было приготовлять лѣсъ для зимняго помѣщенія и начать строить оное. Въ то же время наблюдать за дѣйствіями судовъ, могущихъ являться около этой гавани въ морѣ; на случай же встрѣчи съ ними передавать имъ

заявленіе на французскомъ, русскомъ и англійскомъ языкахъ о принадлежности края Россіи.

Изъ Императорской гавани я пошелъ въ заливъ де-Кастри и, прибывъ туда 9-го августа, съѣхалъ съ 5 человѣками на постъ (Александровскій), а транспорту приказалъ слѣдовать къ западному берегу Сахалина, на которомъ, въ бухтѣ около 50°N широты, высадить Орлова съ 5-ю человѣками.

Д. И. Орлову приказано было занять тамъ постъ, назвавъ его Ильинскимъ. Собрать жителей и объявить имъ, что островъ Сахалинъ принадлежитъ Россіи и что мы всѣхъ обитателей онаго принимаемъ подъ свою защиту и покровительство. Въ случаѣ встрѣчи съ иностранными судами, какъ командиру транспорта, подпоручику Семенову, такъ равно и Д. И. Орлову приказано было заявлять отъ имени россійскаго правительства, что весь при-амурскій и приуссурійскій край съ островомъ Сахалинымъ составляютъ русскія владѣнія. Г. Орлову я, кромѣ того, приказалъ пройти отъ поста вдоль западнаго берега Сахалина къ югу, на пути собирать отъ туземцевъ всевозможныя свѣдѣнія и осмотрѣть этотъ берегъ, въ видахъ отысканія на оном бухты, въ которой могло бы зимовать судно. Затѣмъ, къ 15-му сентября, стараться достигнуть мыса Крильонъ и на восточной сторонѣ его ожидать насъ, но при этомъ имѣть въ виду, что еслибы, по какимъ либо обстоятельствамъ, къ 20-му сентября нашего судна не было около этихъ мѣстъ, то и не ожидать, а слѣдовать въ селеніе Тамари-Анива, которое непремѣнно нами будетъ занято. Командиру транспорта „Байкалъ“, поручику корпуса штурмановъ Семенову, приказано было, высадивъ на Сахалинъ Орлова, содѣйствовать ему при основаніи Ильинскаго поста и затѣмъ крейсеровать въ Татарскомъ заливѣ до исхода августа, съ цѣлію наблюденія за ожидавшеюся въ этомъ заливѣ американскою эскадрою и около 5-го сентября стараться возвратиться въ Петровское.

Подтвердивъ начальнику Александровскаго поста, г. Разградскому, данную ему прежде инструкцію и усиливъ этотъ постъ 4 человѣками матросовъ, я съ казакомъ и тунгусомъ пошелъ пѣшкомъ на озеро Кизи; тамъ сѣлъ на байдарку и на ней прибылъ въ селеніе Котова, гдѣ г. Петровъ съ 6 челов. приступилъ уже къ постройкѣ зимняго помѣщенія. Этотъ постъ я назвалъ Маріинскимъ. Изъ него, на байдаркѣ же, я спустился внизъ по р. Амуръ въ Николаевскъ, а оттуда отправился въ Петровское, куда и прибылъ 17 августа.

Такимъ образомъ занятіемъ Императорской гавани, западнаго берега Сахалина и крейсерствомъ транспорта Байкалъ *) въ Татарскомъ заливѣ достигнута была главная цѣль моихъ дѣйствій въ навигацію 1853 г. Послѣ этого уже всякое покушеніе иностранцевъ на прибрежье Татарскаго залива было отстранено. Мнѣ оставалось еще въ навигацію этого года окончательно утвердиться на островѣ Сахалинѣ, т. е. занять главный пунктъ острова Тамари-Анива и затѣмъ въ навигацію 1854 г. изслѣдовать матерой берегъ Татарскаго залива отъ Императорской гавани до корейской границы и занять на ономъ военными постами тѣ изъ заливовъ, которые окажутся удобными и болѣе закрытыми и имѣютъ внутреннее береговое сообщеніе съ рѣкою Амуръ и Уссури. Кромѣ того, я долженъ былъ занять таковыми же постами нѣсколько пунктовъ по рѣкамъ Амуру и Уссури, устье рѣки Сунгари и пунктъ на р. Сунгари у подошвы Хинганскаго хребта, гдѣ онъ перебрасывается черезъ эту рѣку. Все это мнѣ предстояло исполнить для того, чтобы фактически провести нашу границу съ Китаемъ, мысленно проведенную нерчинскимъ трактатомъ.

9 августа приходилъ въ Петровское корабль р.-а. компаніи съ различными запасами и товарами, на немъ были доставлены: 10 сильный винтовой пароходъ и 10 весельный катеръ. На этомъ же кораблѣ прибыли въ экспедицію капитанъ-лейтенантъ А. В. Бачмановъ съ супругою своею Елизаветою Осиповною и священникъ Гавріилъ **) съ супругою Екатериною Ивановною. Корабль привезъ мнѣ депеши: отъ главнаго правленія р.-а. компаніи, отъ 15 апрѣля 1853 г., и отъ г. Кашеварова, отъ 5 августа. Главное правленіе, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11 апрѣля 1853 г. и соглашенія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, просило меня, впредь до прибытія на Сахалинъ назначеннаго правителемъ онаго капитанъ-лейтенанта Фуругельма, принять сахалинскую экспедицію въ полное мое начальство и вѣдѣніе и увѣдомляло, что въ 1854 г. имѣетъ въ виду прислать на Сахалинъ съ г. Фуругельмомъ доктора, фельдшера и лицъ для изслѣдованія острова во всѣхъ отношеніяхъ. Оно выразило въ

*) Нельзя не замѣтить здѣсь особой случайности: на транспортѣ „Байкалъ“ былъ открытъ входъ въ р. Амуръ и ея лиманъ въ 1849 г., на немъ пришли основать Петровское зимовье и занять устье Амура въ 1850 и 1851 г. и этотъ же транспортъ былъ первое русское судно, явившееся въ Татарской заливъ въ 1853 году.

**) Отецъ Гавріилъ Вениаминовъ—сынъ епископа камчатскаго Иннокентія, нынѣ митрополита московскаго.

денешѣ желаніе, чтобы на Сахалинѣ, кромѣ главнаго пункта, въ которомъ должно сосредоточиваться управленіе островомъ, было еще не болѣе 2-хъ или 3 пунктовъ. Чтобы всѣ эти пункты были обнесены редутами и, наконецъ, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію, всѣ расчеты съ компаніей по амурской экспедиціи должны быть окончены къ 1 января 1854 г., то правленіе просило меня по этому предмету сдѣлать надлежащее распоряженіе и всѣ товары и запасы, оставшіеся къ этому времени въ амурской экспедиціи, перечислить въ сахалинскую и вести имъ особый счетъ. Въ заключеніе главное правленіе просило меня, чтобы никакихъ судовъ компаніи для перевоза на Сахалинъ дессанта, кромѣ брига „Константинъ“, не занимать, о чемъ оно строго подтверждаетъ и г. Кашеварову.

Кашеваровъ увѣдомлялъ меня, что Николай Васильевичъ Буссе, 2 августа, на кораблѣ компаніи „Николай I“, отправился за дессантомъ въ Петропавловскъ. Что главное правленіе вмѣнило ему въ непремѣнную обязанность отнюдь не посылать на Сахалинъ для перевоза дессанта, запасовъ и матеріаловъ, никакого изъ компанейскихъ кораблей, кромѣ назначеннаго туда на зимовку брига „Константинъ“, ибо всѣ прочія суда необходимы въ колоніяхъ. „Между тѣмъ,“ пишетъ г. Кашеваровъ, „бригъ Константинъ врядъ ли будетъ нынѣ въ Аянѣ, а если и будетъ, то я объяснялъ г. Буссе, что это послѣдуетъ самою позднею осенью и что бригъ этотъ никакъ не можетъ помѣстить дессанта съ тяжестями, ибо онъ весьма ненадеженъ.“ Далѣе Кашеваровъ извѣщаетъ меня, что „самую большую часть запасовъ и товаровъ онъ не успѣлъ отпустить на кораблѣ „Николай“ съ маіоромъ Буссе, такъ какъ запасы и товары эти для Сахалина доставлены въ Аянъ только 1 августа, а потому не могли быть не только приготовлены какъ слѣдуетъ для отправленія на Сахалинъ, но ихъ не успѣли даже и разобрать. Никакихъ судовъ въ Аянъ ожидать болѣе нельзя; корабль же „Николай“, по данной инструкціи его командиру Клинковстрему, по доставленіи съ маіоромъ Буссе дессанта изъ Петропавловска въ Петровское, немедленно долженъ идти въ колоніи; почему прошу Васъ не задерживать этого корабля въ Петровскомъ“.

Съ прибытіемъ въ Петровское Е. О. Вачмановой, любезной и образованной женщины, и супруги священника, Екатерины Ивановны, для моей жены составилось маленькое женское общество, которое ободрило ее. Но за то всѣхъ этихъ лицъ надобно было размѣстить и потому мы сейчасъ-же приступили къ постройкѣ двухъ

флигелей для помѣщенія на зиму священника съ походною церковью и А. В. Бачманова съ супругою. Между тѣмъ, въ ожиданіи дессанта изъ Камчатки, дабы не терять времени, я хотѣлъ заранѣе начать доставленіе запасовъ и товаровъ въ Николаевскъ для обезпеченія какъ этого поста, такъ и постовъ: Маріинскаго и Александровскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испытать, до какой степени возможно плаваніе по лиману и по Петровскому заливу на такомъ маленькомъ пароходикѣ, какой былъ присланъ въ экспедицію. Поэтому, нагрузивъ запасами нашъ маленькій ботикъ и взявъ его на буксиръ къ этому пароходику, названному мною „Надеждой“, я, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, 19 августа, отправился съ Бачмановымъ въ Николаевское. Только что мы вышли изъ залива, пароходъ начало заливать и болѣе половины дымогарныхъ трубъ въ котлѣ, оказавшихся перержавленными, лопнуло. Мы принуждены были взять пароходикъ на буксиръ къ ботику и возвратиться обратно, чтобы его исправить. Къ несчастію, запасныхъ трубокъ не оказалось, да и желѣза, изъ котораго на время можно бы было сдѣлать эти трубочки, въ экспедиціи не было; кочегаръ же, присланный съ этимъ пароходикомъ, не имѣлъ понятія о слесарномъ мастерствѣ. Такимъ образомъ, въ навигацію 1853 г. „Надежда“ была для насъ безполезна и мы остались при тѣхъ же ничтожныхъ переносочныхъ средствахъ, какія до сего времени имѣли, т. е. при двухъ шлюпкахъ и гилякскихъ лодкахъ. Пароходикъ, кромѣ того, не имѣлъ никакихъ мореходныхъ качествъ и оказался совершенно неспособнымъ къ плаванію по лиману, а потому намъ предстояло развести изъ Петровскаго продовольствіе и различные запасы въ Николаевскъ, Маріинскій и Александровскій посты на своихъ несчастныхъ мелкихъ судахъ, и притомъ въ позднее время года, когда въ лиманѣ и рѣкѣ Амуръ разводитъ такое волненіе, что прекращается всякое сообщеніе между ея берегами. Благодаря Бога, все обошлось благополучно: мой дѣятельный и искусный помощникъ, А. В. Бачмановъ, въ отсутствіи моемъ на Сахалинъ, снабдилъ всѣ эти посты безъ малѣйшихъ приключеній.

Послѣ всего сказаннаго, не страшны ли были упомянутыя выше распоряженія, чтобы я съ помощію такого пароходика провелъ компанейскій бригъ „Константинъ“ въ осеннее время чрезъ лиманъ изъ Охотскаго моря въ Татарскій заливъ? Еще въ то время, когда въ лиманѣ вообще господствуютъ свѣжіе вѣтры, разводящіе сулой и неправильное, крутое волненіе, бороться съ которымъ возможно

только настоящему морскому пароходу, а не какой-нибудь безпалубной паровой шлюпкѣ, какою была „Надежда“. Г. Буссе, какъ офицеру, перешедшему сюда изъ фронта гвардейскаго полка, это казалось весьма просто и возможно, и онъ удивлялся, почему я, ничтожный смертный, не исполняю въ точности и буквально всѣхъ инструкцій, которыя онъ привезъ; но ему это простительно, потому что онъ до того времени кромѣ Петербурга ничего не видалъ и не зналъ мѣстныхъ условій.

Онъ многому удивлялся тамъ и никакъ тоже не могъ понять дружескаго и какъ бы родственнаго моего обращенія съ моими сотрудниками офицерами, какое онъ вдругъ увидѣлъ. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы начальникъ, облеченный огромною самостоятельною властію, каковымъ я былъ тогда въ краѣ, могъ дозволять подчиненнымъ ему офицерамъ разсуждать съ нимъ, какъ съ товарищемъ, совершенно свободно разбирать всѣ его предположенія и высказывать о нихъ съ полною откровенностію свое мнѣніе. Н. В. Буссе было чуждо и непонятно, что всякая въ то время командировка офицера для изслѣдованія края была совершаема внѣ повелѣнія, почему и лежала единственно на моей отвѣтственности и что при каждой такой командировкѣ, посланный офицеръ долженъ былъ быть проникнутъ чувствомъ необходимости и полезности оной для блага отечества. Я долженъ былъ одушевлять моихъ сотрудниковъ и постоянно повторять имъ, что только при отчаянныхъ и преисполненныхъ опасностей и трудностей дѣйствіяхъ нашихъ, мы можемъ не только отстранить потерю края, но и привести правительство къ тому, чтобы онъ навсегда былъ утвержденъ за Россіею. Вотъ что насъ связывало всѣхъ тогда, какъ бы въ одну родную семью. Весьма естественно, что это было непонятно не только г. Буссе, но и всѣмъ высшимъ распорядителямъ въ С.-Петербургѣ.

Вечеромъ, 26 августа, компанейскій корабль „Николай“ бросилъ якорь на петровскомъ рейдѣ. Г. Буссе сообщилъ мнѣ, что привезъ десантъ, вполнѣ обезпеченный для зимовки на Сахалинѣ; но что онъ взялъ только одного офицера, лейтенанта Рудановскаго, на томъ основаніи, что, согласно данной ему инструкціи, офицеры при десантѣ на Сахалинъ должны быть командированы изъ амурской экспедиціи. По исполненіи, такимъ образомъ, возложеннаго на него генералъ-губернаторомъ порученія, г. Буссе ожидалъ моего скораго распоряженія о свозѣ на берегъ десанта (изъ 90 человѣкъ) со всѣми тяжестями. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что все это дол-

жно отправиться на Сахалинъ на бригѣ „Константинъ“ чрезъ амурскій лиманъ съ помощію доставленнаго мнѣ компаніею пароходика и средствъ, имѣвшихся въ амурской экспедиціи, а что корабль „Николай“ немедленно отправится въ Аянъ, чтобы тамъ его высадить для слѣдованія въ Иркутскъ къ генералъ-губернатору съ личнымъ донесеніемъ объ исполненіи порученія. Кромѣ того, онъ передалъ мнѣ, что, вслѣдствіе различныхъ политическихъ соображеній въ Петербургѣ, ему сказали, что при высадкѣ на Сахалинъ десанта отнюдь не должно касаться залива Анива, а что десантъ долженъ быть высаженъ на восточномъ или западномъ берегу острова.

ГЛАВА XXIII.

Причины, побудившія меня идти въ Аянъ.—Объясненіе мое съ г. Буссе.—Г. Буссе назначается зимовать на Сахалинѣ.—Дѣйствія мои въ Аянѣ и переговоры съ Кашеваровымъ.—Отношеніе мое В. С. Завойко, отъ 2 сентября 1853 г.—Распоряженіе Бачманову.—Плаваніе на кораблѣ „Николай“ изъ Петровскаго въ заливъ Анива.—Встрѣча съ японцами.—Селеніе Тамари-Анива.—Слѣдствіе нашей рекогносцировки, произведенной 21 сентября.—Занятіе Тамари-Анива 22 сентября 1853 г.—Объявленіе японцамъ и айнамъ.—Декларація для доставленія японскому правительству.—Инструкція г. Буссе.

Разсмотрѣвъ вѣдомость запасовъ, привезенныхъ съ дессантомъ, я нашелъ, что со стороны камчатскаго губернатора люди были вполнѣ обезпечены казеннымъ довольствіемъ съ большою заботливостію, но что этого было еще далеко недостаточно для безопасной зимовки на Сахалинѣ, ибо не было ни товаровъ, необходимыхъ для вымѣна свѣжей пищи для людей, ни достаточнаго числа инструментовъ для построекъ, ни надлежащаго запаса водки, чая, сахара и табаку, необходимыхъ для людей при первоначальномъ водвореніи. Кромѣ того, тамъ не было надлежащихъ медицинскихъ средствъ отъ болѣзней, которыя неминуемо сопровождаютъ зимовку въ новомъ мѣстѣ. На все это я указалъ тогда же г. Буссе и объяснилъ, что поэтому безопасная зимовка дессанта на Сахалинѣ, какъ онъ полагаетъ, далеко не обезпечена, а слѣдовательно и возложенное на него порученіе не исполнено. При этомъ я высказалъ ему слѣдующее:

„а) При ничтожныхъ перевозочныхъ средствахъ, имѣющихся при экспедиціи и кораблѣ „Николай“, свозъ дессанта съ тяжестями на открытомъ петровскомъ рейдѣ затруднителенъ и почти невозможенъ; кромѣ того, нагрузка всего этого обратно займетъ много времени и можетъ быть даже неудачною; время же наступаетъ позднее, осеннее.

„б) Присланный сюда ничтожный паровой рѣчной катеръ не только не можетъ буксировать какое-либо судно по лиману, но одинъ-то не въ состояніи тамъ плавать, если бы даже былъ исправенъ, а потому данное вамъ распоряженіе составляетъ утопію.

„в) Вамъ вѣроятно извѣстно, что бригъ „Константинъ“ или придетъ самою позднею осенью, или совсѣмъ можетъ не быть въ Аянѣ и что этотъ бригъ не можетъ помѣстить десанта и тяжестей, а потому на чемъ же изъ Петровскаго перевезется десантъ на Сахалинъ?

„г) Офицеровъ у меня въ настоящее время никого нѣтъ свободныхъ: всѣ заняты крайне-необходимыми обязанностями; о недостаткѣ ихъ и командъ въ экспедиціи я нѣсколько разъ уже доносилъ и просилъ прислать ихъ, послать же десантъ на Сахалинъ съ однимъ офицеромъ невозможно.

„д) На всѣхъ берегахъ Сахалина не только нѣтъ удобной гавани, въ которую можно было бы спокойно свезти десантъ и тяжести, но нѣтъ даже мѣста для безопасной стоянки судна, въ особенности въ такое позднее время, какъ теперь. Кромѣ этого, средствами компанейскаго судна, на 2 шлюпкахъ, высадка такого числа людей и тяжестей на открытый берегъ и въ позднее время года до такой степени затруднительна и опасна, что ее можно считать почти невозможною. Выбросить людей на пустынный восточный или западный берегъ, какъ вамъ объяснялось и мнѣ предписывалось, равносильно обреченію ихъ на вѣрную смерть отъ болѣзней.

„Изъ всего этого вы видите, что если буквально слѣдовать предписаніямъ, то надобно или оставить всѣхъ людей въ Петровскомъ, гдѣ также нѣтъ помѣщенія, или выбросить ихъ въ пустынѣ, какъ я сказалъ уже выше, на явную смерть и предоставить японцамъ и инородцамъ уничтожить больныхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ я бы окончательно не исполнилъ Высочайшей воли, т. е. не утвердился бы на Сахалинѣ въ настоящую навигацію. Между тѣмъ, съ утвержденіемъ нашимъ на островѣ и съ занятіемъ Императорской гавани, мы отстранимъ весьма важное обстоятельство—всякое покушеніе иностранцевъ на прибрежья Татарскаго залива, а такихъ покушеній, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, мы должны ожидать ежеминутно. Поэтому теперь надобно дѣйствовать рѣшительно, не стѣсняясь никакими петербургскими соображеніями и приказаніями, тѣмъ болѣе, что по Высочайшей волѣ Сахалинъ признанъ неотъемлемою принадлежностію Россіи.

Всякія комбинаціи занятія пункта на восточной или западной сторонѣ острова, безъ утвержденія нашего въ главномъ его пунктѣ, не только неумѣстны, но вредны и не соотвѣтствуютъ достоинству Россіи, ибо могутъ обнаружить только нашу робость и нерѣшительность, а я ни того, ни другаго не могу допустить. Вся отвѣтственность предъ отечествомъ за могущую, при такихъ обстоятельствахъ, навсегда потерю для Россіи этого важнаго края падетъ единственно на меня, на томъ основаніи, что начальникъ, поставленный въ такой неизвѣстный и отдаленный край, долженъ располагать свои дѣйствія не по предписаніямъ и приказаніямъ, а по тѣмъ обстоятельствамъ, какія встрѣчаются на мѣстѣ, имѣя въ виду только лишь достиженіе одной главной цѣли, клонящейся къ интересамъ и благу отечества. Главный пунктъ на островѣ—Тамари-Анива, тамъ имѣются и средства для первоначальнаго помѣщенія нашихъ людей и средства по перевозкѣ дессанта и выгрузкѣ тяжестей. Тамъ-то мы напервѣе и должны утвердиться, не смотря на то, что это противно даннымъ мнѣ предписаніямъ.

„И такъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, становится необходимымъ, чтобы, во-первыхъ, по непмѣнію въ экспедиціи офицеровъ, отправились съ дессантомъ на Сахалинъ вы. Во-вторыхъ, чтобы для пополненія необходимыхъ запасовъ, я пошелъ съ вами на кораблѣ „Николай“ въ Аянъ и оттуда, на немъ же, въ заливъ Анива. Мы утвердимся на Тамари-Анива и вы останетесь зимовать тамъ. Въ-третьихъ, если по изслѣдованію г. Орлова или по нашей рекогносцировкѣ окажется возможнымъ зимовать на Сахалинѣ судну около залива Анива, или въ самомъ заливѣ, то въ случаѣ прихода компанейскаго брига „Константинъ“, онъ останется на зимовку, а въ противномъ случаѣ—одинъ изъ нашихъ казенныхъ транспортовъ, „Иртышъ“ или „Байкалъ“.

„Оставаясь при неизмѣнномъ рѣшеніи, прошу васъ: 1) осмотрѣть хорошенько команду съ моимъ докторомъ и оказавшихся ненадежными оставить въ Петровскомъ; 2) сообразить хорошенько, сколько надобно указанныхъ мною запасовъ, чтобы команды на Сахалинѣ были вполнѣ обезпечены, и 3) быть готовымъ 28 августа къ отправленію со мною въ Аянъ и оттуда на Сахалинъ“.

Въ заключеніе я объявилъ г. Буссе, что я очень хорошо понимаю то критическое положеніе, въ которое будетъ поставленъ г. Кашеваровъ, вполнѣ зависимый отъ главнаго правленія компаніи,

взятіемъ нами корабля „Николай“; но дѣлать нечего, намъ надобно будетъ уладить и вывести его изъ отвѣтственности.

Само собою разумѣется, что эти мои распоряженія не понравились Н. В. Буссе, совершенно увѣренному провести зиму въ Иркутскѣ, послѣ трудовъ имъ понесенныхъ; поэтому, весьма естественно, мы не могли произвести на него хорошаго впечатлѣнія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію въ экспедиціи офицеровъ, Н. В. Буссе предстояло зимовать въ Тамари-Анива, которое, на основаніи какихъ-то особыхъ политическихъ взглядовъ и расчетовъ, несоотвѣтствовавшихъ ни положенію, ни обстоятельствамъ, казалось тогда ему опаснымъ и ненавистнымъ.

По прибытіи на кораблѣ „Николай“ въ Аянъ, я немедленно послалъ къ Кашеварову для предварительныхъ переговоровъ Н. В. Буссе, какъ будущаго правителя острова Сахалина. Г. Буссе вскорѣ возвратился ко мнѣ съ такимъ отвѣтомъ: „Въ виду строжайшаго предписанія Кашеварову отъ главнаго правленія компаніи, онъ не можетъ исполнить вашего требованія. Корабль „Николай“ немедленно долженъ идти въ колонію, о чемъ онъ и дѣлаетъ распоряженіе командиру“.

Послѣ этого я приказалъ командиру корабля „Николай“ оставить распоряженія Кашеварова безъ вниманія и отправился къ нему самъ вмѣстѣ съ г. Буссе, чтобы убѣдить его въ крайней необходимости упомянутыхъ дѣйствій. Послѣ различныхъ переговоровъ и объясненій въ присутствіи гг. Буссе и капитана 2 ранга Фрейганга, возвращавшагося въ то время изъ Камчатки, я объявилъ ему, что всю отвѣтственность принимаю на себя, съ тѣмъ, что если бы компанія потерпѣла отъ этого убытки, то правительство вознаградитъ оные; о чемъ я доношу генералъ-губернатору и увѣдомляю главное правленіе. А. Ф. Кашеваровъ, заручившись этимъ моимъ заявленіемъ, рѣшился исполнить мои требованія немедленно. Само собою разумѣется, онъ, какъ лицо отвѣтственное за сохраненіе интересовъ компаніи, не могъ бы исполнить моихъ требованій безъ упомянутаго съ моей стороны обязательства отъ имени правительства, а потому несправедливо было бы и обвинять его и требовать отъ него гражданской доблести.

Съ полною готовностію и энергіею принялся Кашеваровъ за скорѣйшее изготовленіе и нагрузку всѣхъ запасовъ и товаровъ, такъ что 3 сентября корабль „Николай“ могъ выдти изъ Аяна. Зимовка людей на Сахалинѣ, въ отношеніи одежды, продовольствен-

ныхъ запасовъ и вооруженія была обезпечена. Никогда не снабжалась такъ полно и такими средствами амурская экспедиція, какъ были снабжены люди, отправлявшіеся на Сахалинъ.

Между тѣмъ, наканунѣ нашего прихода въ Аянъ, оттуда ушелъ въ Петровское транспортъ „Иртышъ“ съ остальнымъ грузомъ для амурской экспедиціи, и, какъ мы видѣли, около 3 или 4 сентября долженъ былъ придти на петровскій рейдъ и транспортъ „Байкалъ“. Дабы распорядиться окончательно казенными судами и получить свѣдѣнія отъ Орлова, я счелъ необходимымъ зайти въ Петровское *).

По прибытіи въ Петровское, я нашелъ тамъ оба транспорта: „Иртышъ“ и „Байкалъ“. Командиръ „Байкала“ г. Семеновъ сообщилъ мнѣ, что въ широтѣ 50° 10′ N, въ бухтѣ, онъ высадилъ г. Орлова и, при собраніи жителей, съ поднятіемъ военнаго флага, поставилъ тамъ Ильинскій постъ. Военныхъ американскихъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ онъ не встрѣчалъ, а шхиперу, встрѣтившагося американскаго китобоя, заявилъ о существовавшихъ на Татарскомъ берегу и на Сахалинѣ нашихъ военныхъ постахъ.

При отправленіи на Сахалинъ, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Транспорту „Байкалъ“ приказалъ немедленно слѣдовать въ Аянъ и взять оттуда все, что Кашеваровъ признаетъ нужнымъ съ нимъ отправить какъ для Петропавловска, такъ и для колоній американской компаніи, и затѣмъ идти въ Петропавловскъ. Увѣдомляя съ этимъ транспортомъ В. С. Завойко о предположенномъ мною занятіи Тамари-Анива и о занятыхъ уже заливахъ: де-Кастри и Императорской гавани, я просилъ съ раннею весною выслать изъ Петропавловска „Байкалъ“ или какое либо другое судно, съ тѣмъ, чтобы оно шло прямо въ заливъ Анива, къ нашему посту, а оттуда, на пути въ де-Кастри, зашло бы и въ Императорскую гавань. Въ заливѣ де-Кастри оно получитъ мои распоряженія. На этомъ суднѣ я просилъ выслать для амурской экспедиціи все казенное по штату довольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я увѣдомлялъ В. С. Завойко, что если транспортъ „Иртышъ“ не придетъ нынѣ въ глубокую осень въ Петропавловскъ, то это будетъ значить, что онъ остался здѣсь зимовать.

2) Г. Бачманову, единственному офицеру, оставшемуся въ

*) Кашеваровъ передалъ мнѣ, между прочимъ, что бригъ „Константинъ“ вовсе не придетъ въ Аянъ.

Петровскомъ, я приказалъ стараться снабдить на зиму наши посты: Николаевскій и Маріинскій и оканчивать постройки, дабы къ зимѣ можно было перебраться въ нихъ. Меня ожидать не ранѣе октября, по Амуру изъ де-Кастри.

и 3) Транспорту „Иртышъ", по выгрузкѣ въ Петровскомъ различныхъ запасовъ и проч., слѣдовать въ заливъ Анива (Тамари-Анива), имѣя въ виду, что ему можетъ случиться зимовать на Сахалинѣ, а потому необходимо, чтобы команды были снабжены для этого всѣмъ необходимымъ.

Сдѣлавъ эти распоряженія и взявъ съ собою только что прибывшаго изъ Николаевска лейтенанта Бошняка, мы пошли въ заливъ Анива. Бошнякъ долженъ былъ зимовать въ Императорской гавани, для наблюденія за ледоходомъ въ ней, закрытіемъ и вскрытіемъ; потомъ отправиться къ югу и наблюдать за иностранными судами.

Противные свѣжіе вѣтры и различныя неблагопріятныя обстоятельства замедлили наше плаваніе. Согласно выше упомянутому условію, сдѣланному съ г. Орловымъ, войдя въ заливъ Анива, я направился къ мысу Крильонъ, чтобы взять Орлова и получить отъ него свѣдѣнія объ осмотрѣнномъ имъ юго-западномъ берегѣ Сахалина; но поиски наши у мыса Крильонъ остались тщетными, не смотря на то, что было уже 19 сентября. Убѣдившись, что Орлова нѣтъ около этихъ мѣстъ и пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, корабль „Николай" легъ вдоль NO берега залива Анива съ цѣлію высмотрѣть, не найдется ли на этомъ берегу мѣста, удобнаго для зимовки судна; но изслѣдованія наши были тщетны: на этомъ пространствѣ мы не нашли ни одной бухточки не только для зимовки судна, но и для стоянки онаго. Между тѣмъ, наступилъ густой туманъ—мы вернулись и въ 8 часовъ вечера, 20 сентября, при совершенной тишинѣ, бросили якорь противъ селенія Тамари-Анива. Не успѣли еще мы оправиться, какъ увидѣли, что возвышенности, окружающія селеніе Тамари-Анива, освѣщены и какъ будто на нихъ находятся батареи. Судя по огнямъ, показывавшимся въ нѣсколькихъ мѣстахъ на берегу, нельзя было не замѣтить, что приходъ нашъ произвелъ не малую тревогу.

Вслѣдствіе этого я приказалъ зарядить картечью орудія, имѣть для наблюденія ночью шлюпку и вообще тщательно слѣдить за дѣйствіями съ берега. Къ 11 часамъ ночи на берегу успокоились, ибо на возвышенностяхъ огней уже не стало видно. Въ 7 часовъ утра

на 2 шлюпкахъ, подъ прикрытіемъ корабля „Николай“, я съ гг. Буссе и Бошнякомъ отправился къ берегу, чтобы произвести рекогносцировку онаго и отыскать мѣсто для высадки дессанта. Положеніе мѣстности залива Анива, на которомъ было расположено селеніе Тамари, было таково: селеніе лежало при рѣчкѣ, протекавшей между возвышенностями; увалистый берегъ около устья этой рѣчки былъ обставленъ магазинами и различными сараями, около которыхъ были вытащены на берегъ большія лодки и находились склады лѣса. Восточная возвышенность, оканчивающаяся у самаго берега высокимъ мысомъ, на которомъ находился японскій храмъ и нѣсколько строеній, командовала какъ всѣмъ селеніемъ, такъ и всѣми магазинами, тянувшимися вдоль берега. Эта мѣстность представляла лучшій и вполнѣ надежный стратегическій пунктъ. Къ западу за этою возвышенностію лежала долина съ рѣчкою, берега которой отмелы и неудобны для высадки; эта долина мѣстами болотиста и, находясь за возвышенностью, представляла мѣстность, изолированную отъ селенія, такъ что на нее легко было сдѣлать внезапное нападеніе какъ съ этой возвышенности, такъ и съ сѣвера; а потому поставить здѣсь постъ—значило подвергать его различнымъ случайностямъ. Не смотря, однако, на это, г.-ну Буссе понравилась эта мѣстность и онъ настаивалъ, чтобы ее осмотрѣть подробнѣе. Я предоставилъ *) это сдѣлать ему, а самъ остался у шлюпокъ. Послѣ хожденія по долинѣ и болоту, г. Буссе, хотя нѣсколько и разочаровался, но еще не убѣдился, какъ я ожидалъ, въ томъ, что здѣсь не слѣдуетъ намъ оставаться. Онъ всѣми силами старался отклонить меня отъ занятія селенія Тамари, постоянно ссылаясь на инструкцію генералъ-губернатора и на приказанія, переданныя ему, отнюдь не тревожить японцевъ и быть далѣе отъ тѣхъ селеній, гдѣ они находятся. Онъ все время доказывалъ неполитичность занятія главнаго пристанища японцевъ на островѣ и опасность, которую встрѣтитъ нашъ гарнизонъ отъ ихъ нападенія. Выслушавъ со вниманіемъ всѣ доводы, я замѣтилъ Н. В. Буссе, что въ то время, когда Россія имѣетъ безспорное право на обладаніе островомъ Сахалиномъ и когда нынѣ это право утверждено Высочайшею властію, всякія подобныя разсужденія здѣсь неумѣстны,

*) Въ продолженіи хожденія г. Буссе по болоту и рѣчкѣ въ этой долинѣ, я оставался на берегу около шлюпокъ и курилъ трубку. Это обстоятельство въ напечатанномъ дневникѣ г. Буссе представлено какъ примѣръ моего невниманія и равнодушія.

особенно въ виду ожидаемыхъ и въ большомъ числѣ уже появляющихся около этихъ береговъ иностранныхъ судовъ. „Всякія паллятивныя мѣры“, говорилъ я ему, „о которыхъ вы говорили, въ настоящемъ случаѣ принесутъ только вредъ, потому что онѣ выкажутъ съ нашей стороны какую-то робкую нерѣшительность предъ японцами и инородцами, а это дастъ имъ надежду на возможность вытѣснить насъ съ Сахалина, и потому гарнизонъ нашъ будетъ находиться здѣсь въ постоянной тревогѣ, тогда какъ, занявъ главный пунктъ острова, въ которомъ находится главное пристанище японцевъ для рыбнаго промысла и торговли, мы тѣмъ ясно покажемъ имъ, что Россія всегда признавала территорію острова Сахалина своею. Покровительствуя свободному промыслу японцевъ на Сахалинѣ и защищая ихъ наравнѣ съ инородцами отъ всякихъ насилій и произвольныхъ распоряженій иностранцевъ, мы отклонимъ всякія съ ихъ стороны непріязненныя къ намъ отношенія и свяжемъ ихъ съ нами болѣе тѣсною дружбою. Они увидятъ тогда, что водвореніе наше на островѣ не только не приноситъ ущерба ихъ интересамъ, но, напротивъ, гораздо болѣе обезпечиваетъ ихъ. Вотъ политика, которой единственно мы должны руководствоваться; вотъ въ чемъ должна заключаться главная ваша обязанность, какъ назначаемаго нынѣ мною правителя острова. Все это и будетъ, какъ вы увидите, объявлено отъ меня инородцамъ и японцамъ, которые, вѣроятно, не замедлятъ сообщить объ этомъ на Мацмай, своему правительству“.

Сдѣлавъ рекогносцировку мѣстности залива Тамари-Анива и найдя, что высадка десанта съ тяжестями возможна только у селенія Тамари, я съ вечера 21-го сентября сдѣлалъ слѣдующія распоряженія командиру корабля „Николай“, Клинковстрему, и г. Буссе:

„Завтра мы занимаемъ Тамари-Анива, для чего къ 8-ми час. утра вооружить барказъ фалконетомъ и погрузить на него одно орудіе со всѣми принадлежностями. Приготовить къ этому времени 25 человѣкъ вооруженнаго десанта, при лейтенантѣ Рудановскомъ, который долженъ отправиться на берегъ на упомянутомъ баркасѣ. Къ этому же времени приготовить для меня шлюпку съ вооруженными гребцами, на которой я въ сопровожденіи гг. Буссе и Бошняка послѣдую вмѣстѣ съ десантомъ и, наконецъ, кораблю „Николай“ подойти сколь можно ближе къ берегу и зарядить на всякій случай орудіе, дабы подъ его прикрытіемъ производилось занятіе поста“.

Я счелъ необходимымъ сдѣлать всѣ эти распоряженія для того, чтобы отнять у японцевъ возможность подстрекнуть инородцевъ *) къ сопротивленію, а не потому, чтобы боялся ихъ фальшивыхъ батарей, которыми они хотѣли насъ напугать 20-го числа. По осмотрѣ въ трубу мѣстности, оказалось, что эти батареи были ни болѣе, ни менѣе какъ кучи земли, насыпанныя на возвышенностяхъ.

Къ 8-ми час. утра, 22-го сентября, корабль „Николай“ подошелъ на пушечный выстрѣлъ къ берегу. Вооруженный барказъ съ дессантомъ въ 25 челов. подъ командою лейтенанта Рудановскаго находился у борта корабля, обращеннаго къ морю. Я съ гг. Буссе и Бошнякомъ и съ тунгусомъ, знавшимъ ороченскій и аинскій языки, отправился на вооруженной 6-ти весельной шлюпкѣ на берегъ. Погода была ясная, тихая и теплая. На берегу видны были 3 чел. часовыхъ у расположенныхъ вдоль берега сараевъ.

Едва наша шлюпка приблизилась къ берегу, какъ вдругъ изъ сараевъ выскочили аины, предводительствуемые 4 японцами, размахивавшими саблями, и направились по отмели на встрѣчу шлюпкамъ. Я сейчасъ же прекратилъ греблю и приказалъ держаться на веслахъ, сдѣлавъ условленный знакъ, чтобы дессантъ съ Рудановскимъ слѣдовалъ къ намъ. Переводчикъ сообщилъ мнѣ, что японцы приказываютъ аинамъ не допускать пристать нашей шлюпкѣ къ берегу. Тогда я чрезъ переводчика объявилъ японцамъ и толпѣ аиновъ, что мы лоча (русскіе), пришли съ р. Амуръ, поселиться у нихъ въ Тамари, для того, чтобы ихъ защищать отъ насилій командъ иностранныхъ судовъ; что мы, по этому, вовсе не желаемъ дѣлать имъ чего либо дурнаго. Если же за симъ они немедленно не разойдутся, тогда имъ будетъ худо, и у насъ для этого, какъ они видятъ, много средствъ.

Всѣ аины тотчасъ начали кланяться и махать нивовыми палочками, концы которыхъ были расщеплены въ видѣ метелокъ, что вообще у здѣшнихъ инородцевъ означаетъ знакъ дружелюбія и гостепріимства. Затѣмъ они, идя по берегу, указывали намъ мѣсто, гдѣ лучше пристать шлюпкамъ. Японцы же въ это время, вложивъ свои шпаги въ ножны, начали тоже намъ кланяться и старались объяснить, что имъ приказали ихъ начальники препятствовать приставать къ берегу нашимъ шлюпкамъ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ мы пристали къ берегу, туда подошелъ и нашъ барказъ съ дессантомъ.

*) Ихъ собралось на берегу около 600 челов.

Я сейчасъ же приказалъ дессанту выгружать орудія на берегъ, причемъ аины усердно помогали матросамъ. Вмѣстѣ съ этимъ, сдѣланъ былъ съ барказа сигналъ кораблю „Николай“ приготовиться къ салюту. По установленіи на берегу 2-хъ орудій и флагштока для поднятія флага, команда выстроилась во фронтъ и я скомандовалъ на молитву. Помолясь съ колѣнопреклоненіемъ Господу Богу, при чемъ японцы и аины инстинктивно сняли шляпы, я вмѣстѣ съ Н. В. Буссе при крикахъ ура и залпѣ изъ ружей и орудій поднялъ русскій военный флагъ; въ то же время команда корабля, при крикахъ ура, разбѣжалась по вантамъ и реямъ и корабль началъ салютовать флагу. Этимъ было возвѣщено въ Тамари-Анива окончательное водвореніе наше на островѣ Сахалинѣ. Ясная и тихая погода совершенно гармонировала мирному занятію главнаго пункта острова.

Когда мы осмотрѣлись, то увидѣли на западной возвышенности, между кучками земли, деревянные чурбаны, выкрашенные черною краскою; издали они казались батареями. Японцы держали ихъ какъ пугала для всякаго пришедшаго судна и вполнѣ были увѣрены, что имъ удастся этимъ оградить неприкосновенность Тамари. По окончаніи церемоніи, я съ гг. Буссе и Бошнякомъ отправился въ селеніе, къ ожидавшимъ нашего приговора японскимъ старшинамъ, дабы растолковать имъ миролюбивую цѣль нашего водворенія и избрать мѣстность, гдѣ долженъ быть поставленъ нашъ постъ. Кромѣ того, я хотѣлъ миролюбиво порѣшить съ ними относительно размѣщенія команды и распорядиться о средствахъ къ перевозу тяжестей съ корабля на берегъ.

Зданіе, въ которомъ собрались старшины и, какъ можно было замѣтить, болѣе вліятельные изъ аиновъ, представляло видъ сарая съ бумажными окнами. Половина этого сарая была занята возвышеніемъ, устланнымъ различными циновками; на немъ поставлено было нѣсколько ширмъ, раздѣлявшихъ все возвышеніе на отдѣльныя комнаты. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько сабель, а передъ маленькимъ низенькимъ столикомъ, за которымъ съ важностію сидѣли трое японцевъ, стояла небольшая пирамида съ фитильными ружьями; у старшаго изъ японцевъ, который сидѣлъ въ серединѣ за столикомъ съ трубкою, было двѣ сабли за поясомъ, а третью держалъ въ рукахъ стоявшій за нимъ японецъ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣло два японца, имѣвшіе тоже на бокахъ по саблѣ, а у возвышенія толпою стояло до 50-ти челов. аиновъ.

Войдя въ сарай, мы дружески привѣтствовали японцевъ; они всѣ встали, а аины поклонились намъ. Я сѣлъ рядомъ съ старшимъ японцемъ, а гг. Буссе и Бошняка усадилъ рядомъ съ упомянутыми ассистентами его, и тотчасъ приказалъ переводчику сказать, что „цѣль нашего прибытія и водворенія на искони принадлежащемъ Россіи островѣ Сахалинѣ вполнѣ миролюбивая. Государь нашъ Императоръ, освѣдомившись, что въ послѣднее время плаваетъ около этихъ береговъ много иностранныхъ судовъ и что команды ихъ дѣлаютъ различныя безчинства и притѣсненія жителямъ, а также, какъ мы слышали, намѣреваются захватить нѣкоторыя изъ беззащитныхъ мѣстъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, поставить въ главныхъ пунктахъ острова Сахалина и противуположнаго ему матераго берега вооруженные посты, чтобы защищать обитателей и всѣхъ пріѣзжающихъ сюда японцевъ отъ иностраннаго насилія и произвольныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ этимъ, Государь повелѣть мнѣ изволилъ не только не препятствовать промышленности и торговлѣ японцевъ на островѣ, но напротивъ, строжайше ограждать ихъ справедливые интересы отъ всякихъ насилій; а потому прошу васъ быть совершенно покойными: мы искренно желаемъ всегда быть съ японцами въ тѣсной дружбѣ, какъ съ ближайшими сосѣдями. Обо всемъ этомъ отдано отъ меня приказаніе назначенному сюда начальнику г. Буссе, къ которому во всемъ и прошу обращаться. Онъ исполнитъ всѣ ваши справедливыя желанія и ему приказано, чтобы всѣ промышленныя, торговыя и хозяйственныя отношенія, какія установились уже между вами и аинами, не только не нарушались, но строго соблюдались. Онъ будетъ смотрѣть, чтобы аины исполняли оныя, какъ было доселѣ, тѣмъ болѣе, что пребываніе ваше здѣсь и сношенія съ этимъ дикимъ еще народомъ всегда будетъ по́лезно, потому что замѣченная уже мною аккуратность въ постройкѣ и отдѣлкѣ судовъ и порядокъ въ селеніи могутъ служить имъ назидательнымъ примѣромъ. И такъ, повторяю и прошу васъ быть совершенно спокойными и продолжать ваши занятія подъ нашею бдительною защитою. Вашихъ обычаевъ, а тѣмъ болѣе религіи, мы отнюдь не позволимъ себѣ касаться. Живите, какъ жили, и вѣруйте, какъ вѣровали. Все это объявляю вамъ отъ имени Всемилостивѣйшаго Государя моего Императора, слово котораго есть неизмѣнный законъ. За симъ пойдемте съ нами и распорядитесь, какъ для размѣщенія нашихъ людей, такъ и для своза съ корабля тяжестей, а равно и для спо-

собствованія въ поставленіи на избранномъ мною мѣстѣ орудій для вашей и всѣхъ здѣсь защиты, противъ тѣхъ, кто осмѣлился бы нарушить ваше спокойствіе".

Японцы повидимому не ожидали такого съ нашей стороны миролюбиваго объявленія, и изъ грустныхъ доселѣ сдѣлались веселыми и довольными; тогда какъ аины видимо были недовольны такимъ моимъ заявленіемъ. Они надѣялись, что я, подобно моимъ предшественникамъ Хвостову и Давыдову, предоставлю имъ убивать и грабить японцевъ, какъ то они сдѣлали съ бывшими тогда здѣсь ихъ старшинами, у которыхъ было развито и хлѣбопашество и скотоводство. Аины стали шумѣть и выражать свое неудовольствіе; я приказалъ имъ немедленно замолчать и объявилъ, что первый, кто окажетъ какое либо сопротивленіе и насиліе японцамъ и вообще произведетъ какой либо безпорядокъ, будетъ немедленно повѣшенъ, а другіе строго наказаны. „Мы желаемъ", сказалъ я имъ, „чтобы все здѣсь было мирно и отнюдь ничего не измѣнялось, и чтобы собственность и личность каждаго были ограждены и неприкосновенны".

Послѣ этого, все смолкло и успокоилось. Японцы просили меня, чтобы, въ ограженіе ихъ предъ ихъ начальствомъ, я изложилъ упомянутое мое заявленіе письменно; а они пошлютъ его на Мацмай. Я обѣщалъ, что съ удовольствіемъ исполню ихъ просьбу.

По тщательномъ осмотрѣ восточной возвышенности, я убѣдился, что она представляла мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ удобную и безопасную для основанія нашего поста, а потому сейчасъ же и сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи сюда нашихъ орудій и перенесеніи флага. Аины, по приказанію японцевъ, помогали нашимъ матросамъ. Для помѣщенія команды, а равно и для нашихъ запасовъ, были очищены японцами два сарая, находившіеся на этомъ мѣстѣ. Оставивъ затѣмъ при постѣ съ командою и орудіями лейтенанта Рудановскаго, я вмѣстѣ съ тремя японцами и двумя аинами отправился на корабль обѣдать. Постъ я назвалъ Муравьевскимъ, въ честь главнаго ревнителя и предстателя предъ Высочайшею властію за дѣло на отдаленномъ востокѣ, генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева (графа Амурскаго). Японцы и аины остались довольны дружескимъ нашимъ пріемомъ на кораблѣ. За обѣдомъ мы пили за здоровье нашего Императора и японскаго и за тѣсную дружбу Японіи и Россіи. Во время тоста былъ произведенъ салютъ съ корабля и съ Муравьевскаго поста. Послѣ обѣда

команда пѣла пѣсни и плясала, всѣ были довольны и веселы. Эта церемонія и обстановка видимо расположила къ намъ японцевъ и айновъ, и, какъ можно было замѣтить, внушила въ нихъ уваженіе къ намъ.

Согласно ихъ просьбѣ, я передалъ имъ на русскомъ и французскомъ языкахъ слѣдующую декларацію:

„На основаніи трактата, заключеннаго между Россіею и Китаемъ въ г. Нерчинскѣ, въ 1689 году, островъ Сахалинъ, какъ продолженіе нижне-амурскаго бассейна, составляетъ принадлежность Россіи. Кромѣ того, еще въ началѣ 16 столѣтія удскіе наши тунгусы (орочи) заняли этотъ островъ. За симъ, въ 1740 годахъ русскіе первые сдѣлали описаніе онаго и, наконецъ, въ 1806 году Хвостовъ и Давыдовъ заняли заливъ Анива. Такимъ образомъ, территорія острова Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность Россіи.

„Всемилостивѣйшій Государь мой Императоръ Николай I, освѣдомившись, что въ послѣднее время около этихъ береговъ плаваетъ много иностранныхъ судовъ и что командами ихъ производятся разные безпорядки на этихъ берегахъ и причиняются насилія обитателямъ оныхъ, находящимся подъ Державою Его Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Императора, Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ: поставить въ главныхъ пунктахъ острова надлежащіе посты, въ тѣхъ видахъ, чтобы личность и собственность каждаго изъ его здѣсь подданныхъ, а равно и японцевъ, производящихъ промыслы и торговлю на территоріи Его Величества, была надежно ограждена отъ всякихъ подобныхъ насилій и произвольныхъ распоряженій иностранцевъ, и чтобы подданнымъ Японской имперіи не только не препятствовать свободную здѣсь торговлю и промыслы, но всѣми средствами ограждать и способствовать онымъ, насколько то соотвѣтственно съ верховными правами Его Императорскаго Величества Государя моего на эту территорію и той тѣсной дружбѣ, которую Россія искренно желаетъ на всегда сохранить съ Японскою имперіею.

„Во исполненіе этой Высочайшей воли, я, нижеподписавшійся начальникъ этого края, 22 сентября 1853 г. въ главномъ пунктѣ острова Сахалина, Тамари-Анива и поставилъ Россійскій Муравьевскій постъ, съ упомянутою цѣлью. Завѣдывать этимъ постомъ и островомъ назначенъ мною Его Императорскаго Величества маіоръ Н. В. Буссе, а потому къ нему, какъ къ ближайшей

здѣсь власти Россійской, при всякихъ недоумѣніяхъ и тому подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ обращаться. Объявлено 1853 г., сентября 22 дня. Муравьевскій Россійскій постъ въ заливѣ Тамари-Анива, на островѣ Сахалинѣ“.

По соглашенію съ японцами, предположено было свезти на берегъ тяжести на ихъ судахъ, для чего они и назначили въ наше распоряженіе двѣ лодки. Часть заготовленнаго у нихъ лѣса, по случаю ненадобности его, они уступили намъ за извѣстную плату, но съ тѣмъ, что если понадобится, то чтобы мы поставили къ ихъ запасамъ и магазинамъ нашихъ часовыхъ, дабы аины не могли произвести грабежа, особенно водки и риса.

Къ вечеру японцы съѣхали на берегъ. Въ помощь лейтенанту Рудановскому на ночь былъ посланъ г. Бошнякъ, которому было приказано въ продолженіе ночи имѣть караулъ и бдительное наблюденіе за селеніемъ, ибо японцы боялись, чтобы нѣкоторые, весьма дурные аины не произвели бы безчинствъ; японцы сказали мнѣ, что аины увѣрены, что мы позволимъ имъ разграбить запасы водки и рису, и что многіе будто бы уже грозили, что русскіе не только прогонятъ японцевъ, но прикажутъ аинамъ перебить всѣхъ ихъ. Не смотря, однако, на это, ночь прошла благополучно.

На другой день, около 9 часовъ утра, пришли 2 лодки съ аинами за грузомъ и начали свозить опый на берегъ, въ Муравьевскій постъ. Тамъ сараи уже были очищены; въ одномъ изъ нихъ помѣстилась довольно просторно команда, а въ другомъ—гг. Буссе и Рудановскій. Въ послѣднемъ размѣстили также наши запасы и товары. Въ этотъ же день были поставлены на мѣсто всѣ 8 орудій, присланныя съ дессантомъ.

Для отысканія мѣстности около Муравьевскаго поста, гдѣ можно было бы оставить на зимовку судно, я посылалъ на вельботѣ лейтенанта Бошняка, но, по тщательномъ осмотрѣ берега, на пространствѣ около 20 верстъ къ западу, такого мѣста нигдѣ не оказалось. Оставаться же мнѣ съ кораблемъ для этого изслѣдованія, по случаю наступившей уже осенней, свѣжей погоды, было нельзя, да и не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что съ этою цѣлью былъ высаженъ Орловъ, который не сегодня такъ завтра долженъ былъ явиться въ постъ. Къ вечеру вѣтеръ засвѣжѣлъ и Н. В. Буссе на опытѣ убѣдился, до какой степени разгрузка судна на открытый берегъ не только затруднительна, но и опасна. Теперь можно положительно сказать, что одними средствами корабля „Николай“, безъ помощи

туземцевъ, намъ бы не кончить разгрузку и въ 2 или 3 недѣли, а было уже 23-е сентября. Оказывается, что это не такъ просто и легко, какъ разсказывали Николаю Васильевичу въ Петербургѣ.

Д. И. Орлова и транспорта „Иртышъ“ все еще не было. Я безпокоился болѣе всего объ Орловѣ, но 24-го сентября одинъ изъ туземцевъ сказалъ намъ, что Д. И. Орловъ оставилъ свою лодку у селенія Кусунай, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Сахалина, отъ котораго туземцы ходятъ пѣшкомъ и ѣздятъ на восточный берегъ, и отправился туда съ своими людьми. Это давало поводъ думать, что Д. И. Орловъ будетъ уже не съ запада, а съ востока, и, слѣдовательно, можетъ осмотрѣть ту часть залива Анива, которая еще не была осмотрѣна. Я долженъ былъ торопиться скорѣе оставить Муравьевскій постъ: во-первыхъ, потому, что становилось свѣжо, а во-вторыхъ потому, что меня вызывали оттуда нижеслѣдующія, довольно серьезныя обстоятельства.

Читателямъ извѣстна уже встрѣча г. Семенова съ китобоемъ; послѣдній говорилъ между прочимъ Семенову, что американская эскадра можетъ придти въ Татарскій заливъ и позднею осенью. Мы не знали дѣйствительной цѣли этого посѣщенія, поэтому присутствіе въ Татарскомъ заливѣ нашего крейсера было необходимо, а между тѣмъ, кромѣ корабля „Николай“, послать было не кого. Чтобы этотъ корабль не зазимовалъ въ Татарскомъ заливѣ и поспѣлъ во-время въ Ситху, исполнивъ предварительно свою крейсерскую службу, терять времени было нельзя. И то, имѣя въ экспедиціи одно только судно, приходилось убивать на немъ двухъ зайцевъ за разъ.

Изъ Тамари-Анива „Николай“ долженъ былъ идти въ крейсерство и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить Императорскую гавань, оставить въ оной Бошняка и распорядиться зимовкой; потомъ доставить меня въ де-Кастри, ибо я только оттуда, до закрытія рѣки, могъ пріѣхать въ Петровское, гдѣ мое присутствіе было крайне необходимо.

Опасенія японцевъ относительно айновъ оправдались: въ ночь на 23-е число, айны, подстрекаемые однимъ своимъ пьянымъ собратомъ, собрались толпою и, пользуясь темнотою, хотѣли разграбить всѣ магазины и имущество японцевъ, предполагая, по увѣренію этого пьянаго, что это намъ будетъ пріятно. Японцы, боясь съ одной стороны угрозъ айновъ, а съ другой гнѣва своего правительства за сношенія съ русскими, удалились изъ селенія. Въ посту тотчасъ

сдѣлано было распоряженіе—оцѣпить часовыми сарай, въ которомъ собрались аины, и приставить таковыхъ же къ японскимъ магазинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сейчасъ же дали знать объ этомъ мнѣ. По прибытіи въ постъ, я при собраніи толпы наказалъ 5 человѣкъ выданныхъ мнѣ аиновъ-зачинщиковъ и сейчасъ же послалъ двухъ казаковъ за японцами; но на мой зовъ только 2-е немедленно явились. Тогда я собралъ всѣхъ аиновъ и приказалъ показать имъ дѣйствіе орудій, сказавъ при этомъ, что если они еще вздумаютъ подобное безчинство, то я приведу въ исполненіе угрозу. Послѣ того, я еще разъ подтвердилъ имъ, что они обязаны исполнять всѣ требованія японцевъ, какъ исполняли ихъ до нашего прибытія, и что за всякое насиліе японцамъ и ихъ имуществу они будутъ казнены.

Окончивъ расправу, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія въ посту:—Для охраненія имущества японцевъ имѣть на ночь постоянно часовыхъ у ихъ складовъ, которые запечатывать и запирать. Согласно представленному расчету японцевъ *), выдавать рисъ и рыбу изъ этихъ складовъ тѣмъ только изъ аиновъ, которые довольствовались отъ японцевъ до сего времени. Немедленно послать прибывшихъ сюда японцевъ за ихъ товарищами, предложивъ имъ возвратиться и жить спокойно. Сказать имъ, что при нашей охранѣ, личность и имущество ихъ всегда будутъ безопасны, и что мы заставимъ аиновъ исполнять всѣ ихъ требованія согласно установленнымъ до нашего прибытія условіямъ.

Японцы, осязательно видя наше доброе намѣреніе и что мы желаемъ сохранить съ ними дружбу и наблюдать, чтобы ихъ промыслы производились и были вполнѣ ограждены, вскорѣ возвратились на свое мѣсто; аины же стали мирными и вполнѣ покорными ихъ работниками.

Къ вечеру 25-го сентября все было свезено съ корабля „Николай“ и размѣщено въ посту. Батарея изъ пяти 12-ти фунт. коронадъ и трехъ пушекъ была поставлена такимъ образомъ, что все селеніе, магазины и полоса берега противъ поста находились подъ ея выстрѣлами. Команда сразу была размѣщена просторно и въ сухомъ зданіи. Для предстоявшихъ построекъ мною куплено было болѣе 600 деревъ сухаго лѣса, а въ японскихъ магазинахъ нахо-

*) Японцы въ зимніе мѣсяцы довольствовали своихъ работниковъ-аиновъ рисомъ и вяленою рыбою изъ своихъ складовъ.

дилось большое количество риса, муки, сухой зелени, различныхъ кореньевъ, водки, соли и рыбы, такъ что въ случаѣ надобности мы могли за условленную плату пользоваться всѣмъ запасомъ. Впрочемъ, привезеннаго нами довольствія и товаровъ было такъ много, что нечего было и думать объ истощеніи ихъ. Ни одинъ постъ въ при-амурскомъ краѣ не былъ поставленъ въ такое безопасное и вполнѣ обезпеченное положеніе, въ какомъ я оставилъ постъ Муравьевскій, подъ начальствомъ Н. В. Буссе.

Я былъ совершенно спокоенъ относительно его: вся команда была весела и здорова.

Передъ уходомъ я далъ г. Буссе приблизительно слѣдующую инструкцію:

1) По прибытіи транспорта „Иртышъ“, принять его въ свое распоряженіе, имѣя въ виду, что если по изслѣдованію г. Орлова окажется возможнымъ зимовать этому транспорту въ заливѣ Анива или на восточномъ или западномъ берегу онаго, въ окрестностяхъ залива, то оставить тамъ „Иртышъ“ на зимовку. Если же такого мѣста не окажется, то отправить транспортъ въ Петропавловскъ. Буде же по какимъ либо причинамъ, т. е. ненадежности транспорта къ позднему плаванію до Петропавловска, какимъ либо могущимъ оказаться у него поврежденіямъ, при которыхъ онъ не можетъ идти такъ далеко, то въ такомъ только крайнемъ случаѣ онъ долженъ отправиться на зимовку въ ближайшую отъ поста Императорскую гавань, но какъ въ первомъ, такъ въ особенности послѣднемъ случаѣ я предлагаю вамъ къ непремѣнному исполненію: а) тщательно, вмѣстѣ съ командиромъ транспорта, осмотрѣть команду онаго, и всѣхъ, кто окажется слабымъ, замѣнить здоровыми людьми изъ поста, и б) снабдить команду чаемъ, сахаромъ, ромомъ, водкою отъ японцевъ, рисомъ, зеленью, теплою одеждою, каковую имѣете для команды Муравьевскаго поста, и желѣзною печкою (ихъ было привезено 3). Провизіи отпустить по крайней мѣрѣ и непремѣнно на семь мѣсяцевъ. Однимъ словомъ, команда транспорта должна быть гораздо лучше обезпечена, нежели команда поста, такъ какъ зимовка людей при постѣ у большаго селенія и въ сухихъ зданіяхъ, при обиліи мѣстныхъ запасовъ, и безъ того уже обезпечена, между тѣмъ какъ въ Императорской гавани люди должны находиться въ пустынѣ, безъ всякихъ мѣстныхъ средствъ и помѣщенія *).

*) Помѣщеніе было только на 8 человѣкъ, и то сырое.

2) По прибытіи въ постъ г. Орлова, если признаете нужнымъ и для себя полезнымъ, можете его оставить въ своемъ распоряженіи. Въ противномъ случаѣ, съ первою зимнею посылкою ко мнѣ, отправьте Орлова въ Петровское.

3) Лейтенанту Рудановскому, согласно личному моему приказанію, съ наступленіемъ зимняго пути, произвести обслѣдованіе береговъ залива Анива, которые не успѣлъ осмотрѣть Орловъ, а равно сдѣлать опись западнаго берега Сахалина отъ мыса Крильонъ до сел. Кусунай. Обслѣдовать значительныя рѣки, орошающія южную часть Сахалина и пути, ведущіе къ сѣверу.

4) Собравъ отъ туземцевъ и японцевъ положительныя свѣдѣнія о пути къ Погоби, съ первою возможностью прислать ко мнѣ увѣдомленіе о положеніи поста и команды въ оном, а равно объ Орловѣ и транспортѣ „Иртышъ“.

5) Имѣть въ виду, что съ рашею весною, по распоряженію генералъ-губернатора и по моей просьбѣ, непремѣнно придетъ къ посту судно изъ Камчатки, а равно, по увѣдомленію главнаго правленія, придутъ тоже суда и изъ колоніи. Слѣдовательно, съ открытіемъ навигаціи постъ будетъ вполнѣ обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ.

6) Съ возвращеніемъ на старое мѣсто японцевъ, увѣрить ихъ, въ особенности старшаго изъ нихъ, чтобы они были совершенно спокойны, и строго наблюдать, чтобы ихъ личность, имущество, промышленность и торговля были вполнѣ ограждены. Строго наблюдать также, чтобы аины исполняли всѣ тѣ обязательства относительно японцевъ, какія они исполняли до насъ. Изучать тщательно нравы, обычаи, вѣрованія и отношенія японцевъ къ туземцамъ и стараться узнавать тѣ изъ ихъ обычаевъ, которые составляютъ для нихъ какъ бы святыню. Строго смотрѣть, чтобы команды наши отнюдь не нарушали ихъ обычаевъ и вообще избѣгать и не дозволять себѣ навязывать туземцамъ нашихъ обычаевъ, хотя бы они и представлялись по вашимъ взглядамъ благодѣтельными для нихъ. Имѣть въ виду, что мы только добрымъ примѣромъ своимъ можемъ вліять на улучшеніе ихъ образа жизни и нравовъ и что всякія съ нашей стороны навязыванія нашихъ порядковъ могутъ привести не къ пользѣ, а ко вреду, и могутъ посѣлить въ туземцахъ ненависть къ намъ.

7) Стараться развлекать команды и не обременять ихъ излишними работами. Заботиться главное объ ихъ здоровьи, бодрости духа

и довольствѣ. На первое время достаточно прикрыть батарею срубомъ или частоколомъ, исправить казарму и выстроить флигель и баню. Что же касается башень и редутовъ, то это рѣшительно безполезно, ибо миролюбивые и робкіе туземцы не будутъ нападать на постъ, когда въ нѣсколько часовъ мы можемъ уничтожить все ихъ селеніе. Что же касается до яцонцевъ съ Мацмая, то, во-первыхъ, при нашей миролюбивой политикѣ и полной свободѣ, которую мы предоставляемъ имъ въ производствѣ промысла и торговли, нѣтъ никакой причины дѣлать имъ на насъ нападеніе; вовторыхъ, батарея наша, прежде чѣмъ ихъ джонки дойдутъ до берега, можетъ уничтожить ихъ. Кромѣ того, съ раннею весною, придутъ къ посту наши суда, и

8) Въ томъ мѣстѣ, которое по изслѣдованіи Рудановскаго окажется болѣе удобнымъ какъ для жизни, такъ равно и для подхода судовъ, а тѣмъ болѣе для зимовки оныхъ, къ веснѣ поставить постъ изъ 8 или 10 человѣкъ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, къ вечеру 26-го сентября корабль „Николай“ снялся съ якоря и, обмѣнявшись съ нашимъ постомъ салютами, направился въ Татарскій заливъ. Пользуясь свѣжимъ SSO вѣтромъ, мы, выйдя изъ Лаперузова пролива, легли на W.

Такъ совершилось водвореніе наше въ главномъ пунктѣ острова, Тамари-Анива.

XXIV.

Прибытіе въ Императорскую гавань.—Инструкція лейтенанту Бошняку, 2-го октября 1853 года.—Де-Кастри.—Шхуна „Востокъ“.—Поѣзда на оленяхъ къ озеру Кизи. — Возвращеніе въ Петровское. — Донесеніе генералъ-губернатору отъ 27-го октября 1853 г.—Извѣстіе изъ де-Кастри.—Командировка Петрова въ Императорскую гавань.—Донесеніе Д. И. Орлова о Сахалинѣ и Императорской гавани.—Донесенія командировъ транспорта „Иртышъ“ и корабля „Николай“.—Извѣстія изъ Константиновскаго поста.—Донесеніе П. В. Буссе отъ 2-го октября.

Не доходя около 5-ти миль до матераго берега, я легъ вдоль онаго и 29-го числа вошелъ въ Императорскую гавань, чтобы осмотрѣть тамъ нашъ постъ. 30-го сентября вышелъ изъ гавани, встрѣтилъ противный вѣтеръ съ пасмурностію и началъ лавировать къ N. 2-го октября, къ вечеру, бросилъ якорь въ заливѣ де-Кастри, противъ Александровскаго поста.

Оставленному въ Императорской гавани съ 10 человѣками лейтенанту Бошняку приказано было:

1) Наблюдать за состояніемъ гавани во время закрытія и вскрытія оной и произвести съемку тѣхъ бухтъ, которыя не были еще описаны.

2) Съ установленіемъ зимняго пути, отправить ко мнѣ донесеніе тѣмъ изъ путей, который по свѣдѣніямъ отъ туземцевъ окажется болѣе надежнымъ и кратчимъ.

3) Въ случаѣ, если бы по какимъ либо причинамъ пришелъ на зимовку въ гавань транспортъ „Иртышъ“, все вниманіе обратить на сохраненіе здоровья команды, для чего всѣми средствами стараться доставать отъ туземцевъ въ окрестностяхъ гавани свѣжую пищу, какъ то: рыбу, дичь и оленину, и слѣдить, чтобы въ казармѣ у команды топился постоянно чувалъ. Маіору Буссе приказано, въ случаѣ слѣдованія транспорта „Иртышъ“ въ Императорскую гавань, снабдить его продовольственными запасами и одеждою въ изобиліи.

4) Кораблю „Николай“ предписано будетъ зайти изъ де-Кастри въ Императорскую гавань съ цѣлью узнать, хорошо ли снабжена команда „Иртыша“ и, если окажется противное, то Клинковстремъ, командиръ „Николая“, вслѣдствіе моей просьбы, пополнитъ снабженіе. Корабль „Николай“ изъ Императорской гавани долженъ идти по назначенію, согласно инструкціи, данной ему начальникомъ Аянскаго порта, Кашеваровымъ.

5) Въ случаѣ, если транспортъ „Иртышъ“ будетъ зимовать въ Императорской гавани, то съ раннею весною, тотчасъ по вскрытіи гавани, отправиться на немъ вдоль берега къ югу и, достигнувъ той широты (около 46°), гдѣ, по словамъ туземцевъ, должно предполагать устье р. Самальги, взять 8 человѣкъ при байдаркѣ и шлюпкѣ, оставить транспортъ, приказавъ ему слѣдовать къ Муравьевскому посту, и на сказанныхъ шлюпкахъ произвести изслѣдованіе берега къ югу, разсчитывая временемъ такъ, чтобы около 25-го мая возвратиться въ Императорскую гавань. Если при устьѣ р. Самальги окажется дѣйствительно закрытая бухта, какъ говорили туземцы, и рѣка представляетъ удобное сообщеніе этой бухты съ р. Уссури, или Амуръ, то поставить въ ней постъ изъ 3-хъ челов. съ поднятіемъ военнаго флага. При этомъ постѣ оставить байдарку. Имѣть въ виду, что я на транспортѣ „Байкалъ“, долженствующемъ прибыть въ де-Кастри изъ Камчатки, около 20-го мая буду въ Императорской гавани и сообразно съ тѣми свѣдѣніями, какія черезъ него получу, буду ставить по берегу посты до корейской границы.

6) Тщательно наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ судовъ и при всякой встрѣчѣ съ ними давать имъ объявленія о принадлежности края Россіи.

Сойдя въ де-Кастри съ корабля „Николай“, я предписалъ Клинковстрему идти по назначенію, согласно данной ему инструкціи отъ Кашеварова, но на пути непремѣнно зайти въ Императорскую гавань, съ тѣмъ, что если тамъ найдетъ „Иртышъ“, пришедшій въ оную на зимовку и въ случаѣ заявленія начальника поста, г. Бошняка, о недостаточности продовольствія, пополнить оное.

3-го октября, при противномъ SW вѣтрѣ, корабль „Николай“ оставилъ заливъ де-Кастри и началъ лавировать къ югу.

Начальникъ Александровскаго поста г. Разградскій сообщилъ мнѣ, что 30 сентября приходила туда винтовая шкуна „Востокъ“ подъ командою капитанъ-лейтенанта Римскаго-Корсакова. Она была послана генералъ-адъютантомъ вице-адмираломъ Е. В. Путятинымъ

изъ Нагасаки къ устью Амура, съ тѣмъ, чтобы узнать о положеніи нашемъ въ этихъ краяхъ и о средствахъ, какія мы имѣемъ. Шкуна эта, пройдя южнымъ проливомъ и войдя въ рѣку у мыса Пронге, встала на якорь, а г. Римскій-Корсаковъ на шлюпкѣ ходилъ въ Петровское, чтобы видѣться со мною; узнавъ же, что я въ исходѣ сентября буду въ де-Кастри, онъ зашелъ туда. Не найдя меня и тамъ, онъ, по полученнымъ отъ Разградскаго свѣдѣніямъ, отправился въ Віяхту, чтобы нагрузиться каменнымъ углемъ, объявивъ Разградскому, что оттуда возвратится въ заливъ де-Кастри, чтобы видѣться со мною. При этомъ Разградскій передалъ мнѣ, что, по словамъ Корсакова, полномочному министру нашему генералъ-адъютанту Е. В. Путятину (графу), отправленному на фрегатѣ „Паллада“ въ Нагасаки для заключенія торговаго трактата съ японцами, неизвѣстно данное мнѣ Высочайшее повелѣніе о занятіи острова Сахалина. Это обстоятельство понудило меня остаться въ де-Кастри, чтобы видѣться съ командиромъ шкуны „Востокъ“. Между тѣмъ, наступило уже 5 октября, а шкуна еще не приходила. Оставаться долѣе въ де-Кастри я не могъ, потому что рисковалъ не попасть до заморозковъ въ Петровское, гдѣ мое присутствіе было необходимо. Поэтому, изложивъ письменно всѣ данныя мнѣ Высшимъ правительствомъ распоряженія и свѣдѣнія и объяснивъ всѣ мои дѣйствія и данныя мною гг. Буссе и Бошняку инструкціи, я послалъ Римскаго-Корсакова передать все это Ефиму Васильевичу Путятину и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ его на пути въ Нагасаки зайти въ Императорскую гавань и не оставить Бошняка въ случаѣ какой-либо съ его стороны просьбы касательно пополненія запасами Константиновскаго поста; въ особенности я послалъ Вонна Андреевича снабдить Бошняка презервами, буде таковые на шкунѣ имѣются. За симъ, я приказалъ Разградскому, съ совершеннымъ закрытіемъ залива и моря около онаго, оставить въ постѣ 2 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ, съ остальными же людьми, въ виду большаго удобства продовольствовать оныхъ, перейти на зимовку въ Маріинскій постъ, изъ котораго г. Петровъ долженъ слѣдовать въ Петровское. Утромъ, 6 октября, на оленяхъ я отправился на озеро Кизи, гдѣ ожидала меня гилякская лодка, присланная Петровымъ изъ Маріинскаго поста. На ней я едва къ 15 октября могъ добраться до Петровскаго, ибо внезапно наступившими морозами начало уже затягивать рѣку и на ней показался ледъ.

Такимъ образомъ, винтовая шкуна „Востокъ“, подъ командою

Вонна Андреевича Римскаго-Корсакова, было первое мореходное судно, вошедшее въ рѣку Амуръ изъ Татарскаго залива, по тому пути, который считался недоступнымъ. Послѣднему, къ несчастію, никто, а особенно министерство иностранныхъ дѣлъ, не смотря на мои донесенія, не вѣрилъ и всѣ полагали, что я ошибаюсь и доношу неправильно, а потому и считали, что съ этой стороны устье рѣки Амуръ обезпечено отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній съ моря. Таково было впечатлѣніе, произведенное на весь образованный міръ авторитетомъ моихъ знаменитыхъ предшественниковъ: Лаперуза, Браутона и Крузенштерна! Оно было до такой степени тогда сильно, что до 1856 года англо-французы никакъ не могли представить себѣ, чтобы суда наши могли пройти этимъ путемъ въ лиманъ и рѣку Амуръ, и полагали, что всякое изслѣдованіе съ этой стороны будетъ положительно напрасно.

Проѣзжая Маріинскій и Николаевскій посты, я нашелъ ихъ совершенно обезпеченными продовольствіемъ, благодаря гг. Бачманову, Петрову и Воронину. Люди были размѣщены по возможности удобно и покойно и больныхъ нигдѣ не было. Въ Петровскомъ я нашелъ новый флигель почти готовымъ, такъ что къ 1 ноября семейства священника и г. Бачманова перебрались въ оный. Въ Петровскомъ, 25 октября, я получилъ отъ Кашеварова (отъ 9 сентября) съ нарочнымъ туземцемъ увѣдомленіе, что бригъ „Константинъ“ въ Аянъ не будетъ, что въ Камчатку пришелъ изъ Кронштадта подъ командою капитанъ-лейтенанта Бессарабскаго, транспортъ „Двина“ съ орудіями и различными запасами и матеріалами, что транспортъ этотъ остается на службѣ въ Петропавловскѣ, командиръ же онаго, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и братъ моей жены, мичманъ Николай Ивановичъ Ельчаниновъ, прибыли въ Аянъ на компанейскомъ кораблѣ, чтобы отправиться берегомъ въ Петербургъ, но что Ельчаниновъ желаетъ поступить въ экспедицію и остается въ Аянѣ до моего распоряженія. Это послѣднее обстоятельство весьма обрадовало меня и въ особенности жену мою, которая не видала своего любимаго и единственнаго брата болѣе 5 лѣтъ.

28 октября я отправилъ почту въ Аянъ. Донося генералъ-губернатору о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, я убѣдительно просилъ его, чтобы были высланы въ экспедицію винтовая шхуна и пароходъ, ибо при увеличенномъ кругѣ дѣйствій экспедиціи, предстоящаго увеличенія команды въ оной и крайней необходимости занять по-

стами берегъ до корейской границы, а равно и поставить посты по рѣкамъ Амуру и Уссури, какъ я уже писалъ раньше, въ этихъ судахъ встрѣчается крайняя необходимость. Наконецъ, они также необходимы для точнаго опредѣленія направленія и состоянія лиманскихъ фарватеровъ.

Вмѣстѣ съ этимъ я сообщилъ о распоряженіяхъ своихъ главному правленію компаніи и г. Кашеварову, котораго просилъ, если возможно, дать всѣ средства къ переѣзду въ Петровское г. Ельчанинова зимнимъ путемъ, а буде это окажется невозможнымъ, то прислать его ко мнѣ съ первымъ судномъ, при открытіи навигаціи.

Увѣдомляя В. С. Завойко о приказаніяхъ, данныхъ мною Буссе относительно „Иртыша“, я убѣдительно просилъ его самою раннею весною прислать въ Кастри транспортъ „Байкалъ“, или другое какое-либо судно, которое онъ сочтетъ возможнымъ прислать, и просилъ, чтобы этому судну приказано было непремѣнно зайти въ заливъ Анива, въ Муравьевскій постъ и въ Императорскую гавань. Я имѣлъ въ виду отправиться на этомъ транспортѣ изъ де-Кастри вдоль татарскаго берега, къ югу.

Зима наступила морозная и ненастная,—насъ буквально заносило снѣгомъ; однако, благодаря Бога, всѣ команды, обезпеченныя продовольствіемъ и теплой одеждой, были здоровы. Въ Николаевскомъ и Петровскомъ заготовлялся лѣсъ для будущихъ построекъ въ ожиданіи увеличенія нашихъ командъ съ навигаціею. Въ Петровскомъ обдѣлывали часовню, иконостасъ которой мастерили изъ миткаля, стараясь, чтобы къ Рождеству Христову возможно было служить въ первомъ храмѣ Божіемъ въ при-амурскомъ краѣ.

1 декабря изъ Маріинскаго поста пріѣхалъ г. Петровъ, съ которымъ г. Разградскій прислалъ донесеніе, что бухты де-Кастри начали покрываться льдомъ 18 октября; въ заливѣ же, съ 25 октября до 10 ноября, носило ледъ, такъ что заливъ всталъ крѣпко только 12 числа этого мѣсяца. Море передъ заливомъ встало 20 ноября. 9 октября шкуна „Востокъ“ заходила на одинъ день въ заливъ де-Кастри. Командиръ ея въ письмѣ ко мнѣ сообщалъ, что такъ какъ протока Віяхту, по причинѣ сильнаго теченія до 4 и 5 узловъ и извилистаго между лайдами и банками узкаго канала, оказалась неудобною и опасною для входа, то онъ бралъ каменный уголь на открытомъ берегу около Віяхту къ S отъ нея.

За симъ, 15 декабря я послалъ г. Петрова чрезъ Маріинскій постъ въ Императорскую гавань, приказавъ ему, что если на пути

около Маріинскаго поста онъ встрѣтитъ оттуда почту, то чтобы возвратился въ Маріинскъ на смѣну Разградскому, который долженъ пріѣхать въ Петровское.

Къ Рождеству Христову маленькая церковь въ Петровскомъ была готова и въ этотъ великій праздникъ мы, въ отдаленныхъ и негостепріимныхъ пустыняхъ нашего сѣверо-востока, впервые молились въ храмѣ Божіемъ. Всѣ почти мои сотрудники были въ отсутствіи; въ Петровскомъ находились только г. Бачмановъ и докторъ Орловъ, а въ Николаевскомъ г. Воронинъ.

Наступилъ и новый 1854 годъ, но ни съ острова Сахалина, ни изъ Императорской гавани извѣстій не было. Наконецъ, 10 января 1854 года прибылъ Д. И. Орловъ и сообщилъ, что 18 августа онъ высадился съ транспорта „Байкалъ“ на западный берегъ острова Сахалина въ селеніе Венду-эси, въ широтѣ 48 °50′ 47″ N и долготѣ 142° 07′ 40″ O. Такъ какъ эта мѣстность оказалась неудобною для основанія поста, то онъ направился вдоль западнаго берега къ S. Свѣжіе противные вѣтры и сильный бурунъ у берега много препятствовали ему въ плаваніи, такъ что только къ вечеру, 25 августа, слѣдуя по направленію StO, онъ могъ достигнуть селенія и рѣчки Котанъ-Кутури, лежащихъ около 27 верстъ отъ Венду-эси. Широта этого пункта, опредѣленная имъ по меридіанальной высотѣ солнца 48° 37′ 45″ N, а приблизительная долгота 142° 12′ O. Въ 6 верстахъ отъ селенія Венду-эси при рѣчкѣ Пичара лежитъ селеніе того же имени; на правомъ берегу этой рѣчки, по которой Д. И. Орловъ поднимался на ONO, въ широтѣ 48° 48′ 30″ N и долготѣ 142° 21′ O, лежитъ весьма замѣчательная гора съ двумя пиками. Гору эту г. Орловъ назвалъ горою Невельскаго. На всемъ этомъ пространствѣ въ $^1/_2$ мили отъ берега тянется хребетъ горъ, который, во многихъ мѣстахъ, подходитъ къ морю утесами. Эти горы покрыты лѣсомъ лиственницы и ели. Въ селеніи Котанъ-Кутуру, по случаю крѣпкаго вѣтра отъ NW и сильнаго у берега буруна, онъ провелъ 4 дня. Рѣчка Котанъ-Куруту течетъ отъ ONO по низменной долинѣ; глубина ея на барѣ до $1^1/_2$ фута, а далѣе до 6 фут.; ширина отъ 8 до 10 саженъ.

Отъ селенія Котанъ-Кутуру до селенія и рѣки Тукунай, на пространствѣ 36 верстъ, берегъ тянется по тому же StO направленію. На этомъ пути до селенія Отагу, на пространствѣ 28 верстъ, берегъ песчаный и возвышенный и покрытъ тучною травою. Цѣпь горъ отъ Котанъ-Кутуру постепенно удаляется отъ берега къ во-

стоку и затѣмъ поворачиваетъ къ SSW; у селенія Отагу, близъ моря, она образуетъ огромную возвышенную долину, покрытую тучною травою. На этой долинѣ, между параллелями 48° 36′ и 48° 24′, въ разстояніи отъ берега отъ 1 до 3 миль, лежитъ огромное озеро Тарайска. Восточный берегъ его гористый. Озеро это въ широтѣ 48° 25′ 15″ N и долготѣ по обсерваціи 142° 20′ O соединяется съ моремъ протокою того же имени. Протока Тарайска имѣетъ глубину на барѣ 5 футовъ, а далѣе въ озерѣ отъ 7 до 10 фут., ширина ея отъ 10 до 12 саженъ, а длина на NO—3½ версты. Озеро Тарайска имѣетъ по меридіану длину до 18 верстъ, а ширину отъ 2 до 8. Глубина его отъ 2 до 3½ саженъ; берега приглубы. Селеніе и рѣчка Отаксу лежатъ въ 10 верстахъ отъ протоки Тарайска и въ 8 верстахъ отъ Тукунай. Широта селенія послѣдняго по меридіанальной высотѣ солнца 48° 15′ 28″ N, а долгота по счисленію 142° 23′ O.

Отъ селенія Тукунай до селенія и рѣки Кусунай берегъ имѣетъ общее направленіе на StW. Цѣпь горъ тянется вдоль всего берега, въ разстояніи отъ 1 до ½ версты отъ моря. При устьѣ рѣки Кусунай она оканчивается возвышеннымъ мысомъ, отъ котораго вдоль праваго берега рѣки Кусунай направляется къ востоку и образуетъ большую долину, простирающуюся до устья рѣки и селенія Най-Оро, лежащаго въ 12 верстахъ къ S-ду отъ Кусунай. Туземцы ѣздятъ съ западнаго берега на восточный и въ заливъ Анива по рѣкѣ Ку, черезъ хребетъ и по рѣкѣ Мешуэ. Берега рѣки Кусунай при устьѣ и вообще вся долина ея до селенія Най-Оро, представляетъ мѣста, удобныя къ поселенію и разведенію скотоводства. Грунтъ—черноземъ, покрытый тучною травою. Широта устья Кусунай по полуденной высотѣ солнца—47° 59′ 52″N, а счислимая долгота 142° 15′ O; глубина на барѣ при устьѣ отъ 2½ до 3½ ф. Здѣсь г. Орловъ 30-го августа 1854 г., при собраніи жителей селенія Кусунай (орочанъ и айновъ) поставилъ постъ и поднялъ военный флагъ. Постъ этотъ, согласно моему приказанію, онъ назвалъ *Ильинскимъ*.

Свѣжій противный вѣтеръ продержалъ здѣсь Орлова до 4-го сентября, послѣ чего онъ пошелъ вдоль возвышеннаго берега, къ S-ду. Проплывъ 15 верстъ, онъ достигъ устья рѣки и селенія Най-Оро, а отсюда пошелъ вдоль берега на StW и черезъ 12 верстъ прибылъ въ селеніе, рѣчку и бухту Сиророко, потомъ чрезъ 12 верстъ приплылъ къ устью рѣчки Туной-Уной, широта котораго,

по полуденной высотѣ солнца,—47° 42′ 39″N. Отсюда онъ потелъ въ селеніе Отто-Хори, при рѣчкѣ того же имени и, по причинѣ сильнаго буруна при SW свѣжемъ вѣтрѣ, долженъ былъ пробыть тамъ сутки. По полуденной высотѣ, широта этого мѣста оказалась 47° 39′45″N, а долгота по часамъ и обсерваціи—140° 9′O.

Отъ селенія Отто-Хори берегъ принимаетъ направленіе на SW 5°. Проплывъ вдоль него 7 верстъ, Орловъ пришелъ въ мелководную бухту, рѣчку и селеніе Сенакуеро, а черезъ 6 верстъ достигъ рѣчки и селенія Такой. Пройдя еще 8 верстъ, онъ къ вечеру 7-го сентября прибылъ въ бухту и селеніе Нотоксамъ. Погода сдѣлалась пасмурная и въ продолженіе 5 дней стояли свѣжіе вѣтры отъ WSW и WNW, производившіе сильные бурупы. Только утромъ 13-го числа Д. И. Орловъ могъ отправиться далѣе. Слѣдуя вдоль берега на S$^1/_2$W, черезъ 10 верстъ онъ достигъ возвышеннаго скалистаго мыса Тубу, широта котораго по меридіанальной высотѣ солнца 47° 27′ 28″N, а долгота по счисленію 142° 5′O. Обогнувъ мысъ, онъ вышелъ на устье рѣчки, при которой стояло селеніе Сыро-ро. Отъ этого мыса, вдоль всего берега, къ югу идетъ каменный рифъ, весьма опасный для плаванія, а въ 2 верстахъ отъ него лежитъ высокій мысъ Неторо.

Въ селеніи Сыро-ро Д. И. Орловъ встрѣтилъ амурскихъ гиляковъ Позвейна и Юдина, возвращавшихся изъ селенія Сиракуса, въ которое они ходили для расторжки съ аинами и японцами. Этимъ гилякамъ, при отправленіи ихъ туда весною, я поручилъ собрать свѣдѣнія о заливахъ Идунки и вообще о югозападномъ берегѣ острова. На предложеніе, сдѣланное имъ Орловымъ, слѣдовать съ нимъ въ заливъ Анива, они не согласились по той причинѣ, что въ такое позднее время идти вдоль этого берега, усѣяннаго каменными рифами, опасно и ранѣе мѣсяца достигнуть Анивы невозможно. Они сказали, что бухты Идунки находятся между каменными рифами и по этому попадать туда въ осеннее время опасно.

Дмитрій Ивановичъ, основываясь на ихъ словахъ, убѣдился, что достигнуть до 20-го числа сентября назначеннаго для свиданія со мною пункта представляется невозможнымъ, и что оставлять людей въ Ильинскомъ постѣ на зиму, по неимѣнію продовольствія, тоже нельзя, и рѣшился возвратиться обратно въ Ильинскій постъ (Кусунай), куда и прибылъ 22-го сентября.

Оставивъ тамъ, въ деревнѣ Соторкурера, свою лодку и ящикъ съ товарами, Орловъ нанялъ проводниковъ и двѣ легкія туземныя

лодки и со всѣми людьми Ильинскаго поста, 25-го сентября, направился на восточный берегъ острова Сахалина, съ котораго, по словамъ туземцевъ, только и можно было придти въ Аниву.

Поднимаясь по рѣкѣ Кусунай на OtS, чрезъ 15 верстъ они пришли къ устью рѣки Спеяни, впадающей въ рѣку Кусунай съ правой стороны. Отъ этого пункта начинается перевалъ чрезъ хребетъ. По причинѣ усталости людей и дурной погоды они остались тамъ ночевать въ юртѣ.

Глубина бара рѣки Кусунай до $2^1/_2$ фут. Рѣка эта на пройлытомъ пространствѣ имѣетъ ширину отъ 10 до 12 саж., берега ея ровные, возвышенные и покрыты частію травою, а частію лѣсомъ—ели, березы, осины и кедра. Притоки Кусуная слѣдующіе: Троконуть, въ 5-ти верстахъ отъ устья; Большая и Малая Ороне—въ 10-ти и Спеяни — въ 15-ти верстахъ. Кусунай на этомъ пространствѣ не имѣетъ ни шиверовъ, ни пороговъ и теченіе его отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ узла. Долина рѣки удобна для заселенія; грунтъ—на $^1/_2$ аршина черноземъ на глиняной и частію песчаной подночвѣ.

Въ 8 часовъ утра 26-го сентября, оставивъ лодки съ 3-мя проводниками, партія пошла пѣшкомъ вверхъ по рѣкѣ Кусунай и чрезъ версту перевалила небольшую возвышенность Чеппани-Хута; потомъ спустилась въ рѣчку Перору-Нести, впадающую въ Кусунай съ лѣвой стороны и, поднявшись по ней на версту, перевалила хребетъ Саругъ-Хунги, имѣющій 500 фут. высоты и составляющій водораздѣлъ западныхъ рѣкъ отъ восточныхъ. Спустившись съ него, она вышла на лѣвый берегъ рѣчки Хикну-Хунга, впадающей въ рѣку Мануе. Общее направленіе этого пути StO 5 верстъ.

Отсюда они отправились по хребту на вершину рѣки Найбу, на OtN и, пройдя по этому направленію около 10-ти верстъ, достигли вершины его; широта этого мѣста по полуденной высотѣ оказалась 48° 58′ 20″N, а счислимая долгота 142° 53′O. Съ вершины рѣки Найбу они пошли чрезъ небольшую возвышенность на OSO и чрезъ 5 верстъ вышли на лѣвый берегъ рѣчки Най;. пройдя по тому же направленію этимъ берегомъ около 5 верстъ, они достигли, наконецъ, рѣки Мануе. Здѣ они нашли маленькую лодку, въ которой Д. И. Орловъ съ однимъ матросомъ и проводникомъ спустились до устья Мануе, а остальная команда съ 2 проводниками отправилась туда же, по лѣвому берегу этой рѣки, пѣшкомъ.

Рѣка Мануе на этомъ пространствѣ течетъ по тому же OSO направленію. Разстояніе ея до устья рѣчки Най около

10-ти верстъ. Такимъ образомъ, весь путь отъ селенія Кусунай—западнаго берега острова Сахалина до селенія и устья рѣки Мануе—восточнаго берега Сахалина—около 45 верстъ, а на прямую менѣе 40 верстъ. Это пространство составляетъ самое короткое разстояніе между западнымъ и восточнымъ берегомъ острова. Сообщеніе по этому пути удобно и не представляетъ никакихъ затрудненій къ проложенію проѣзжей дороги.

По меридіанальной высотѣ солнца, устье рѣки Мануе лежитъ въ широтѣ 47° 54′ 28″ N, а долгота его 143° 42′O.

Рѣка Мануе, на пространствѣ, пройлытомъ Д. И. Орловымъ, имѣетъ ширину отъ 10 до 25 саж., а глубину отъ 3 до 6 фут.; при устьѣ ея, на барѣ, глубина до $1^1/_2$ фута; теченіе до 2-хъ узловъ. Оба берега рѣки низменны и покрыты травою и мѣшаннымъ лѣсомъ. Вообще растительность по восточную сторону хребта Саругъ-Хунги, къ Охотскому морю, бѣднѣе растительности по западную сторону этого хребта, къ Татарскому заливу. На это имѣютъ несомнѣнное вліяніе льды и туманы, господствующіе въ Охотскомъ морѣ.

Послѣ полдня 27-го сентября Д. И. Орловъ отправился изъ селенія Мануе вдоль берега съ командою пѣшкомъ, а багажъ послалъ на лодкѣ. Обогнувъ увалистый мысъ Никпрайбу, онъ чрезъ 4 версты прибылъ въ селеніе Спра-роко, лежащее на устьѣ рѣчки Таріо-Найбу. Въ этомъ селеніи онъ нанялъ двѣ лодки и поплылъ на нихъ вдоль берега по румбу StO; чрезъ 9 верстъ достигъ селенія Паро-Найбу, а чрезъ 12 верстъ селенія Отто, гдѣ и остановился ночевать.

На другой день, т. е. 28-го сентября, онъ поплылъ вдоль берега на $SOtS^1/_2O$ и чрезъ 10 верстъ прибылъ въ селеніе Отоксамъ; около этого селенія, по берегу, разбросано много каменнаго угля (по туземному: анса) и янтаря (кую-реко). По наблюденію меридіанальной высоты,—широта опредѣлилась 47° 36′ 2″N, а счислимая долгота 142°45′O. Выйдя изъ селенія и рѣчки Отоксамъ и слѣдуя по тому же направленію, онъ чрезъ 12 верстъ прошелъ селеніе Ай, а чрезъ 8 прибылъ на ночлегъ къ устью рѣки Найбу. По обоимъ берегамъ этой рѣки расположено селеніе того же имени.

Рѣка Найбу имѣетъ ширину отъ 25 до 35 саж., глубина рѣки около 15 фут., а на барѣ 6 фут. въ малую воду; теченіе около узла. Мѣстность около этой рѣки лучшая изъ всѣхъ мѣстно-

стей, какія удавалось видѣть г. Орлову на этомъ берегу. Огромные строевые лѣса, ростущіе по берегамъ ея, луговыя пространства, черноземная почва и изобиліе въ рѣкѣ различной рыбы представляютъ всѣ удобства для заселенія. Широта ея устья по меридіанальной высотѣ солнца опредѣлилась 47° 28′ 26″ N, а счислимая долгота 142°, 25′ O. Изъ селенія Найбу, по рѣкамъ Найбу и Сусоя, съ ихъ протоками, лежитъ самый удобный и кратчайшій путь въ заливъ Анива, до котораго, по словамъ туземцевъ, около 100 вер. Первоначально Д. И. Орловъ и хотѣлъ слѣдовать этимъ путемъ, но, услышавъ отъ туземцевъ, что изъ Анива идутъ моремъ 6 человѣкъ японцевъ, г. Орловъ, желая встрѣтиться съ ними, чтобы узнать о нашемъ постѣ, оставилъ свое первое намѣреніе и изъ Найбу поплылъ вдоль берега на SOtS. Пройдя 11 верстъ, онъ встрѣтился съ японцами въ селеніи Сумму и остановился тамъ ночевать. Японцы приняли его дружелюбно, и ласково объяснили, что русскіе поселились у селенія Тамари, въ заливѣ Анива, и что они уѣхали оттуда, чтобы повидаться съ своими товарищами. Между прочимъ они сказали Орлову, что совершенно спокойно оставили свои дома, такъ какъ увѣрены, что при русскихъ все ихъ имущество въ Тамари будетъ цѣло.

На другой день, 30-го сентября, Д. И. Орловъ поплылъ вдоль берега по тому же румбу: SOtS; чрезъ 8 верстъ онъ прошелъ селеніе Сусу-уэнай, а чрезъ 7 верстъ мысъ Турей, отъ котораго берегъ принялъ направленіе StO. Пройдя этимъ курсомъ еще 7 верстъ, къ полудню, онъ достигъ селенія и рѣчки Иоио-Снай. Широта селенія, по наблюденію Орлова, 47° 13′ N, а счислимая долгота 143° 12′ O. Оттуда онъ пошелъ далѣе по тому же R StO, и чрезъ 12 верстъ проплылъ селеніе Сума-Окотой, отъ котораго берегъ принялъ направленіе StW. Пройдя по этому румбу около 15 вер., онъ пришелъ ночевать въ селеніе Обуэ-Сена, широта котораго 47° N, а долгота 143° 10′ O.

1-го октября изъ этого селенія онъ поплылъ вдоль берега на SSO$^1/_4$O и чрезъ 17 верстъ достигъ селенія и мыса Чанъ-Поко у залива Мордвинова. Широта этого пункта по меридіальной высотѣ солнца опредѣлилась 46° 52′ N, а счислимая долгота 143° 20′ O.

Заливъ Мордвинова, лежащій между высокими мысами Ай-Ру и Тунайча, открытъ отъ всѣхъ румбовъ NO четверти. Грунтъ въ заливѣ—дресва и каменья—ненадежный для якорной стоянки. Хотя этотъ заливъ и закрытъ отъ O чрезъ S до W, но, судя по разлогамъ

горъ, его окружающихъ SW и SO вѣтры должны быть тамъ жестоки. Южный берегъ залива въ разлогахъ низменный. На этой долинѣ, по словамъ туземцевъ, находятся довольно глубокія озера, отдѣляющіяся другъ отъ друга низменными возвышенностями, чрезъ которыя туземцы перетаскиваютъ лодки. Изъ этихъ озеръ выходятъ рѣчки, впадающія въ заливъ Анива. Одно изъ нихъ посредствомъ узкаго канала соединяется съ заливомъ Мордвинова; глубина канала на барѣ—3 фута.

Изъ селенія Очахъ-Пока на рѣку Кусунъ-Котонъ, при устьѣ которой расположенъ нашъ постъ и селеніе Тамари, ведутъ два пути: 1-й, ближайшій, чрезъ хребетъ, а 2-й, дальнѣйшій, чрезъ упомянутыя озера. Дмитрій Ивановичъ, имѣя въ виду слишкомъ позднее время года и крайній недостатокъ провизіи, избралъ первый ближайшій путь и 1-го октября отправился по оному. Сначала онъ пошелъ чрезъ возвышенности на O и, пройдя около 14 верстъ, достигъ р. Кому-Най, впадающей въ одно изъ упомянутыхъ озеръ (Широта этого пункта по меридіальной высотѣ солнца опредѣлилась 46° 51′ 42″ N), а потомъ, слѣдуя по R SSW$^1/_2$W, чрезъ 10 верстъ, вышелъ на рѣчку Армури, впадающую, такъ же какъ и первая, въ одно изъ сказанныхъ озеръ. Пройдя по румбу WNW$^1/_2$W до 6 верстъ, онъ пришелъ къ хребту Арекаре-Этута, высота котораго около 800 футовъ, а перевалъ чрезъ оный около 10-ти верстъ. Выйдя на вершину рѣчки Кусунъ-Котанъ и слѣдуя по лѣвому берегу ея, чрезъ 15 верстъ, онъ наконецъ въ 3 часа дня 2-го октября пришелъ въ Муравьевскій постъ.

Такимъ образомъ этимъ путемъ отъ восточнаго берега до залива Анива около 50-ти верстъ.

Въ то время стоялъ на якорѣ у Муравьевскаго поста транспортъ Иртышъ. Маіоръ Буссе отправилъ Д. И. Орлова на этомъ транспортѣ въ Императорскую гавань, куда онъ и прибылъ 10-го октября.

Наступившіе вскорѣ морозы, доходившіе до 10°, и безснѣжіе не дозволяли Орлову до 28-го ноября слѣдовать отсюда ни на лодкѣ, чрезъ заливъ де-Кастри, ни на нартѣ. Въ ожиданіи зимняго пути, онъ опредѣлилъ широту Константиновскаго поста (49°01′20″ N). 28-го ноября, слѣдуя по морскому берегу, г. Орловъ отправился изъ гавани и къ вечеру того же числа достигъ устья рѣки Тумджинъ. Поднимаясь вверхъ по этой рѣкѣ, на 2-й день онъ догналъ 10 человѣкъ торговавшихъ мангуновъ съ р. Амура, ѣздившихъ

на татарскій берегъ для торговли. Эти мангуны тащили за собою 5 нартъ, нагруженныхъ пушнымъ товаромъ. Не зная пути, Д. И. Орловъ не отлучался отъ попутчиковъ и соразмѣрялъ съ ними свою скорость, дѣлая въ день не болѣе 15 и 20 верстъ.

Устье рѣки Тумджинъ было покрыто толстымъ льдомъ, но чѣмъ выше подымались по рѣкѣ, тѣмъ ледъ становился тоньше и во многихъ мѣстахъ были огромныя полыньи; это обстоятельство замедлило путешествіе. Глубина рѣки въ полыньяхъ была отъ 6 до 7 футовъ.

Проѣхавъ по Тумджину 180 верстъ, они прибыли на устье рѣчки Сололи, впадающей въ Тумджинъ съ сѣвера; проѣхавъ по ней около 25 верстъ, они начали подниматься на хребетъ. Чѣмъ далѣе поднимались, тѣмъ снѣгъ становился глубже и глубже и наконецъ достигъ глубины $2^1/_2$ саженъ. Подъемъ съ рѣки Сололи отлогій, но спускъ съ него на рѣчку Хоюль почти вертикальный. Высота этого хребта около 1,500 футовъ.

Спускаясь по Хоюль, они достигли рѣки Яй, или Явн, въ которую она впадаетъ. Явн впадаетъ въ озеро Кизи. Тамъ Д. И. Орловъ встрѣтился съ г. Петровымъ и, согласно упомянутому моему распоряженію, возвратился съ нимъ въ Маріинскій постъ; они прибыли туда 28 декабря, въ 10 ч. утра. Весь путь изъ Императорской гавани до Маріинскаго поста Д. И. Орловъ совершилъ въ 30 сутокъ.

Г. Петровъ остался въ Маріинскомъ посту, а г. Разградскій отправился вмѣстѣ съ Орловымъ въ Петровское.

Въ заключеніи своего донесенія Дмитрій Ивановичъ пишетъ:

„Свыкаясь съ языкомъ туземцевъ осмотрѣннаго мною пространства острова Сахалина, я замѣтилъ: 1-е) что народъ, обитающій въ средней и южной частяхъ Сахалина, состоитъ изъ 2-хъ племенъ: Куги и Ороксей. Куги—та самая отрасль курильцевъ, которые обитаютъ на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ; языкъ ихъ совершенно такой же, какъ и нашихъ курильцевъ; *ороксы* или *ороченъ*—тѣ же, что и наши удскіе тунгусы, пришедшіе сюда, какъ можно было замѣтить изъ разсказовъ туземцевъ, болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. Они размѣстились по всѣмъ селеніямъ острова Сахалина, начиная отъ Дуэ, и смѣшались съ кугами.

„Оба эти племени называютъ Сахалинъ—Карафту и считаютъ себя за одинъ родъ съ *лоча* (русскими), которые къ нимъ пришли съ Хвостовымъ и Давыдовымъ прежде японцевъ. Послѣдніе стали

появляться сюда, по словамъ туземцевъ, гораздо позже русскихъ и то пріѣзжали сначала съ Мацмая для рыбнаго промысла только и для торговли, а поселились очень недавно .

„Всѣ упомянутые народы гостепріимны, ласковы, кротки, трусливы и такъ трудолюбивы, что рѣдко можно застать ихъ утромъ безъ дѣла. Дома ихъ состоятъ изъ юртъ, обставленныхъ столбами и досками и покрытыхъ корьемъ; посрединѣ юрты очагъ, а по стѣнамъ лавки, на которыхъ спятъ; полъ устланъ досками. Лѣтомъ они перекочевываютъ на рыбные промыслы. Японцы нанимаютъ ихъ за водку, табакъ, рисъ и домашнюю утварь для ловли рыбы, но это вознагражденіе сравнительно съ работою слишкомъ ничтожно, и, кромѣ того, японцы обращаются съ ними какъ съ своими рабами, такъ что туземцы не любятъ ихъ и изъявляли мнѣ удовольствіе за то, что мы поселяемся у нихъ. Религія ихъ, а равно и одежда, такая же, какъ и у инородцевъ при-амурскаго края.

„На всемъ обслѣдованномъ мною пространствѣ острова Сахалина нѣтъ ни однаго мѣста, удобнаго для якорной стоянки судовъ; въ отношеніи же основанія земледѣльческаго поселенія самыя лучшія мѣста слѣдующія: долина озера Тарайска, лежащая между селеніями Кутанъ-Туру и Тарайска (48° 38′ и 48° 25′ N широты), долины рѣкъ: Кусунай (48° 59′ широты) и Отто-Хори (47° 42′ 39″ широты), а на восточномъ берегу долины рѣкъ: Мануэ (47° 51′ широты), Найбу (47° 28′ широты) и Инопо-Снай (47° 13′ широты). Въ особенности замѣчательна долина озера Тарайска и Кусунай на западномъ берегу и Найбу на восточномъ, потому что въ протоку Тарайска и рѣки: Кусунай и Найбу, въ большую воду, могутъ свободно входить суда, сидящія въ водѣ до 11-ти футовъ. Отъ селенія Ванду-Эса до рѣки Катанъ-Куру (отъ 48° 48′ до 48° 40′ широты на западн. берегу) находится въ большомъ количествѣ и хорошаго качества точильный и оселочный камень и желтая охра“.

Командиръ транспорта „Иртышъ“, лейтенантъ Гавриловъ, отъ 26-го ноября, донесъ, что на пути изъ Петровскаго къ заливу Анива транспортъ былъ задержанъ противными свѣжими вѣтрами, такъ что только 1-го октября онъ достигъ мыса Анива. Въ транспортѣ открылась значительная течь и поврежденіе въ рулѣ. Кромѣ того, начала болѣть команда. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, онъ никакъ не могъ рѣшиться идти въ такомъ положеніи и въ такое позднее время въ Петропавловскъ. Обо всемъ этомъ онъ представилъ начальнику Муравьевскаго поста, Н. В. Буссе, объяс-

ния, что такъ какъ около поста и вообще въ заливѣ Анива нѣтъ ни одного мѣста, удобнаго для зимовки транспорта, то необходимо идти на зимовку въ ближайшую къ нему Императорскую гавань. Онъ послалъ Н. В. Буссе, согласно даннымъ мною приказаніямъ, перемѣнить больныхъ людей здоровыми и снабдить его одеждою и всѣмъ необходимымъ для зимовки команды, пришедшей въ такое позднее время въ пустыню; но Николай Васильевичъ не принялъ его просьбы и отправилъ его безъ всякаго снабженія, не смотря на то, что въ посту было всего въ изобилін. „Мнѣ предстояло", пишетъ г. Гавриловъ, „или погибать въ морѣ, на пути въ Петропавловскъ, или выдержать въ Императорской гавани всѣ трудности зимовки безъ надлежащаго снабженія. Уповая на Бога, я вынужденнымъ нашелся избрать послѣднее, и 10-го октября едва добрался до Императорской гавани. Течь въ транспортѣ съ каждымъ днемъ усиливалась, а руль почти бездѣйствовалъ, такъ что предъ входомъ въ гавань мы должны были править румпельталями. Больныхъ людей Буссе также не замѣнилъ здоровыми, отзываясь, что и у него должны быть не больные, а здоровые люди. Не смотря на всѣ заботы начальника Константиновскаго поста, Н. К. Бошняка, достать свѣжей провизіи у туземцевъ и облегчить участь больныхъ, ни того, ни другаго сдѣлать было невозможно. Между командою съ 1-го же ноября уже начала обнаруживаться скорбутная болѣзнь, такъ что въ настоящее время почти треть команды больны ею и одного уже мы потеряли".

Командиръ корабля „Николай" Клинковстремъ донесъ, что наступившіе жестокіе противные вѣтры, поздній приходъ транспорта (11-го октября) въ Императорскую гавань, недостатокъ команды и, наконецъ, неизвѣстность Татарскаго залива и наступившіе внезапно морозы, понудили его остаться на зимовку въ этой гавани. „Впрочемъ", заключаетъ г. Клинковстремъ, „команда имѣетъ въ изобилін, какъ продовольственныхъ предметовъ, такъ и одежды, а потому я надѣюсь, что зимовка эта, Богъ милостивъ, минуетъ благополучно. Въ настоящее время больныхъ въ командѣ нѣтъ и корабль стоитъ почти вплоть у берега, на которомъ расположенъ Константиновскій постъ".

Начальникъ Константиновскаго поста, лейтенантъ Бошнякъ, въ то же время сообщилъ мнѣ, что внезапное стеченіе болѣе 70-ти человѣкъ въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ предполагалось зимовать только 8 человѣкамъ (для которыхъ выстроена еще лѣтомъ изба), недо-

статокъ въ необходимыхъ запасахъ для команды „Иртыша“, который явился сюда буквально почти безо всего, съ появившеюся уже между его командою болѣзнію, и, наконецъ, наступившіе морозы до 25° съ мятелями и снѣгами, препятствующіе доставать что либо у туземцевъ съ рѣки *Тумджинъ* (которые, равно какъ и окрестные жители гавани, по неприходу осенней рыбы и сами голодаютъ), — ставятъ его въ самое критическое положеніе. „При такомъ положеніи вещей“, писалъ Бошнякъ, „надобно ожидать весьма печальнаго исхода этой зимовки, особливо относительно команды „Иртыша“, которую г. Буссе не позаботился снабдить всѣмъ нужнымъ и не перемѣнилъ даже больныхъ людей“. Шкуна „Востокъ“ заходила на одинъ сутки въ Императорскую гавань. Командиръ ея Римскій-Корсаковъ, сочувствуя такому недостаточному снабженію команды транспорта, удѣлилъ отъ себя все, что у него было, какъ то: сахара, чая и 12 банокъ презервовъ, но всего этого далеко недостаточно было даже для больныхъ, которыхъ въ то время, изъ команды „Иртыша“, было уже 12 человѣкъ. „Внутреннія бухты гавани“, сообщалъ Бошнякъ, „17-го числа октября покрылись прочнымъ льдомъ, а съ 20-го числа этого мѣсяца мы уже ходили польду. Черезъ двѣ недѣли, свѣжимъ сѣвернымъ вѣтромъ разломало ледъ въ Александровской бухтѣ, море же въ двухъ миляхъ отъ гавани совсѣмъ не покрывалось льдомъ. Такой жестокой зимы, какая нынѣ, туземцы не запомнятъ.

„Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня просить“, пишетъ Бошнякъ, „объ оказаніи намъ возможной помощи, главное въ медикаментахъ, чаѣ, свѣжей провизіи и теплой одеждѣ, хотя надежда на возможность доставленія весьма сомнительна. При всемъ стараніи мосмъ нанять туземныя нарты, никто изъ туземцевъ не взялся ѣхать не только съ грузомъ, но и на легкихъ нартахъ. Путь какъ чрезъ Тумджинъ, такъ и чрезъ Хунгари затруднителенъ, во-первыхъ, по глубокимъ въ хребтахъ снѣгамъ, а во-вторыхъ, по неимѣнію на этихъ путяхъ корма для собакъ (вяленой рыбы).

„Команда транспорта „Иртышъ“ въ настоящее время живетъ еще на суднѣ, но чрезъ два или три дня для нея будетъ готово помѣщеніе, разумѣется, сырое и тѣсное. Команда „Николая“, имѣя каминъ и хорошую теплую одежду, устроилась на зиму на кораблѣ“.

При этомъ Д. И. Орловъ объяснилъ мнѣ, что внутренній лѣтній путь въ Императорскую гавань удобнѣе зимняго. Лѣтомъ ѣздятъ

на лодкѣ изъ озера Кизи по рѣкамъ Хоюсъ и Яй, поднимаются до хребта, перевалпваютъ чрезъ него и спускаются по рѣкѣ Тумджинъ до моря, а оттуда въ Императорскую гавань. Для сообщенія же зимою необходимо запасти на рѣкѣ Тумджинъ, по крайней мѣрѣ въ 3-хъ мѣстахъ, кормъ для собакъ. Возможность, по словамъ туземцевъ, объѣзжать крутой подъемъ на хребетъ съ рѣки Яй представляетъ это сообщеніе не такъ затруднительнымъ, такъ что его, при этихъ предварительныхъ распоряженіяхъ, возможно совершать въ 8 или 9 дней отъ Кизи. „Въ настоящую зиму“, пишетъ Бошнякъ, „впредь до того времени, пока на хребтѣ не уляжется снѣгъ, т. е. до исхода февраля, переѣхать этотъ хребетъ отъ Кизи не представляется возможности“. Для доставленія благовременно въ Императорскую гавань главныхъ и необходимыхъ запасовъ: бѣлой муки, чая, сахару, водки, уксусу и медикаментовъ, оставалось одно, хотя и несовсѣмъ вѣрное средство, это отправить ихъ на оленяхъ съ тунгусами чрезъ Хунгари, ибо путь этотъ, по словамъ туземцевъ, менѣе затруднителенъ, чѣмъ тотъ путь, которымъ слѣдовалъ Д. И. Орловъ.

Н. В. Буссе, препровождая конверты на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири и главнаго правленія компаніи, доносилъ мнѣ, что команды ввѣреннаго ему поста обстоятъ благополучно, больныхъ 1 человѣкъ. По случаю невозможности транспорту „Иртышъ“ зимовать на Сахалинѣ, или слѣдовать въ Петропавловскъ, онъ долженъ былъ послать его на зимовку въ Императорскую гавань, но при этомъ не нашелъ возможнымъ исполнить моего предписанія о снабженіи надлежащими запасами транспорта, и наконецъ, что, согласно данныхъ ему и г. Рудановскому предписаній и наставленій, онъ съ первою возможностію пошлетъ ко мнѣ почту и отправитъ Рудановскаго для осмотра залива Анива и заливовъ Идунокъ.

Таково было положеніе амурской и сахалинской экспедиціи къ наступившему новому 1854 году. Главная цѣль, къ которой стремился я съ моими сотрудниками, была достигнута: главные пункты страны были заняты и тѣмъ страна эта фактически объявлена принадлежностію Россіи! Оставалось только изслѣдовать берегъ къ югу и осмотрѣть окончательно южную часть острова Сахалина; но, въ виду этого, прежде всего необходимо было принять всѣ мѣры къ обезпеченію людей, неожиданно собравшихся на зиму въ пустынѣ Императорской гавани, на что я и обратилъ, какъ мы увидимъ ниже, все мое вниманіе.

ГЛАВА XXV.

Мѣры, принятыя мною для обезпеченія Константиновскаго поста. — Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей и о возможномъ разрывѣ съ западными державами. — Постройка парохода „Аргунь“.—Мои дѣйствія одобрены Государемъ Императоромъ.—Увѣдомленіе г. Кашеварова.—Донесеніе г. Буссе изъ Муравьевскаго поста, 9 января 1854 года. — Выписка изъ журнала г. Рудановскаго объ изслѣдованіи рѣки Сосуя.—Сѣверо-восточный и восточный берегъ залива Анива, по описи Рудановскаго. — Бухты: Ипоскомонай и Тебесани.—Рѣка Кархпуне и озеро Тообучи. — Юрта Тонтзе.—Пути въ Найбу.—Восточный и западный берегъ Сахалина до мысовъ Тубу и Нотора.—Заключеніе Н. В. Рудановскаго о заливѣ капитана Невельскаго (Идунки) и свѣдѣнія, собранныя имъ о поселеніи на Сахалинѣ тунгусовъ.

Положеніе Бошняка было ужасное; надо было во что бы то ни стало выручить его отъ голодной смерти. Я узналъ, что ближайшія къ Петровскому кочевья тунгусовъ съ оленями были на озерахъ Чая и Орель, и что между рѣкою Амуръ и лиманомъ и рѣкою Тумджинъ и моремъ находятся кормовища для оленей, а потому вызвалъ съ озера Чая тунгуса Афанасія съ оленями. Этотъ тунгусъ съ своимъ товарищемъ и съ 8-ю оленями согласился отправиться въ Маріинскій постъ и оттуда, взявъ часть запасовъ, слѣдовать съ оными возможно поспѣшнѣе въ Императорскую гавань. Независимо отъ этого, 15-го января 1854 года я послалъ на 2-хъ нартахъ въ Маріинскій постъ мичмана Разградскаго и приказалъ ему, по прибытіи въ этотъ постъ, уговорить тунгусовъ, кочевавшихъ на озерѣ Кизи, отправиться съ оленями въ Императорскую гавань. Послѣ того Разградскій долженъ былъ слѣдовать вверхъ по рѣкѣ Амуръ, въ селеніе Хунгари, гдѣ стараться нанять туземцевъ, чтобы доставить въ Константиновскій постъ запасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальнику Маріинскаго и Александровскаго постовъ, А. И. Петрову, мною приказано было наблюдать за скорымъ отправленіемъ тунгусовъ съ запасами, и, если возможно, настоять, чтобы они

на собакахъ отвезли эти запасы по тому пути, по которому ѣхалъ Д. И. Орловъ, т. е. по рѣкѣ Тумджинъ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, я надѣялся, что тѣмъ или другимъ путемъ, около половины февраля, команды въ Императорской гавани, а въ особенности больные, будутъ снабжены необходимыми запасами и будутъ имѣть оленье мясо, которое, по мнѣнію нашего доктора, особенно полезно при скорбутныхъ болѣзняхъ. Тунгусы, согласно условію, по прибытіи въ Императорскую гавань, должны были состоять въ непосредственномъ распоряженіи начальника Константиновскаго поста, Н. К. Бошняка, а приведенные ими олени употреблены въ пищу командамъ. Тунгусы, кромѣ этого, обязаны были охотиться за сохатыми и доставлять ихъ мясо въ Константиновскій постъ для продовольствія командъ.

Вотъ все, что возможно было тогда предпринять, чтобы облегчить положеніе и здоровье людей, столь неожиданно собравшихся въ пустынѣ въ самое позднее время года и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Все это произошло отъ несвоевременныхъ распоряженій изъ С.-Петербурга и оттого, что тамъ не обращали должнаго вниманія на мои представленія.

17-го февраля мы получили въ Петровскомъ почту изъ Аяна; съ нею генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ меня, что экспедиція полковника Ахтэ, направленная имъ въ Удскій край, по тщательномъ изслѣдованіи сѣвернаго склона Яблоноваго хребта, около верховьевъ рѣки Уди, подтверждаетъ точными данными мои донесенія, т. е. что согласно нерчинскому трактату только верхнюю часть рѣки Амура отъ Усть-стрѣлки до рѣки Буреи можно считать принадлежащею Китаю, что же касается до страны, лежащей къ востоку отъ этой рѣки, то она должна по всѣмъ правамъ принадлежать Россіи. Затѣмъ, Николай Николаевичъ увѣдомлялъ меня, что объявлена война съ Турціею и ожидается разрывъ съ западными европейскими державами; что въ Забайкальской области строится для рѣки Амуръ пароходъ „Аргунь“, и наконецъ, что предварительными распоряженіями моими, т. е. занятіемъ залива де-Кастри, острова Сахалина и изслѣдованіями и открытіемъ Императорской гавани, Государь Императоръ остался весьма доволенъ. Онъ писалъ, что ожидаетъ моихъ дальнѣйшихъ дѣйствій по исполненію весьма важнаго, возложеннаго на меня Высочайшаго повелѣнія, т. е. по окончательному утвержденію нашему на островѣ Сахалинѣ, въ заливѣ де-Кастри, въ селеніи Кизи, и въ Императорской гавани.

Начальникъ Аянскаго порта г. Кашеваровъ сообщалъ, что бригъ „Константинъ“ не приходилъ въ Аянъ, и что главное правленіе компаніи уже сдѣлало распоряженіе о снабженіи на 1854 г. сахалинской экспедиціи.

Въ то же время, 18-го февраля прибылъ въ Петровское, съ почтою изъ Муравьевскаго поста, прикащикъ р.-а. компаніи Самаринъ съ донесеніями И. В. Буссе и Рудановскаго. Послѣдній писалъ съ западнаго берега Сахалина, изъ селенія Найборо, отъ 8-го января 1854 года.

Буссе, донося мнѣ о благополучіи поста и команды и препровождая журналъ описи рѣки Сусуя и сѣверо-восточнаго и западнаго береговъ залива Анива, произведенной г. Рудановскимъ, пишетъ, что японцы, ушедшіе вначалѣ изъ селенія Тамари, вскорѣ возвратились и въ настоящее время спокойно живутъ на своихъ мѣстахъ. Сношенія его съ ними, а равно и съ айнами, вообще дружественны и миролюбивы. Отправленному на западный берегъ острова Сахалина лейтенанту Рудановскому онъ приказалъ сообщить мнѣ о результатахъ своихъ изслѣдованій, и наконецъ, пишетъ, что онъ призналъ нужнымъ оградить постъ заборомъ съ башнею и редутомъ.

Г. Рудановскій писалъ мнѣ о своихъ работахъ слѣдующее:

„6-го октября, на туземной лодкѣ съ 4 человѣками гребцовъ и проводникомъ, я отправился изъ Муравьевскаго поста вдоль берега по R NNW; пройдя по этому направленію 6 верстъ, я достигъ возвышеннаго мыса Эндо-Тамари, отъ котораго начинается бухта того же имени, составляющая лиманъ рѣки Сусуя. Обогнувъ мысъ, я пошелъ по бару рѣки, глубина на которомъ въ малую воду 1 футъ; пройдя на N $4^1/_2$ версты, я вошелъ въ устье рѣки Сусуя. Эта рѣка самая большая изъ всѣхъ, впадающихъ въ заливъ Анива. Устье ея по двумъ наблюденіямъ меридіанальной высоты солнца опредѣлилось въ широтѣ 46° 43′ N. Отсюда я поднялся по рѣкѣ на лодкѣ, сначала на греблѣ и бечевою, а потомъ на шестахъ и пѣшкомъ.

„Пройдя по извилинамъ рѣки около 45 верстъ, а по генеральному направленію около 26 на R NW 13°, я достигъ селенія Кой, расположеннаго при устьѣ рѣчки того же имени, впадающей въ рѣку Сусуя съ лѣвой стороны. Отсюда до пѣшей дороги и ручья, впадающаго въ рѣку съ правой стороны, по извилинамъ рѣки, я проплылъ около 24 верстъ, а по генеральному направленію на

NO 11° около 9 верстъ. Потомъ, до другой пѣшей дороги, идущей съ лѣваго берега къ N, гдѣ рѣка Сусуя принимаетъ въ себя притокъ Такой, я прошелъ по извилинамъ рѣки до 16 верстъ, а по генеральному направленію на NO 9° 13 верстъ. При впаденіи этого притока расположено селеніе Экураки, изъ котораго идетъ путь на восточный берегъ острова, въ селеніе Найбу. Широта этого пункта по меридіанальной высотѣ солнца опредѣлилась 47° 9′ N, а счислимая долгота около 142° 36′ O. Отсюда, съ огромными усиліями, большею частію пѣшкомъ въ продолженіи 2 сутокъ, я поднимался по Сусуѣ на N до 15 верстъ; здѣсь рѣка раздѣляется на нѣсколько ручьевъ, а потому это мѣсто и надобно принять за ея истокъ. Одинъ изъ этихъ ручьевъ направлялся къ W, а другіе три къ NW, NNW и N; вдали видны были горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ. Широта этого пункта по меридіанальной высотѣ солнца 47° 13′ 35″ N. Затѣмъ, тѣмъ же путемъ, 21 октября, я пошелъ обратно и 25 числа прибылъ въ Муравьевскій постъ".

О состояніи рѣки Сусуя Н. В. Рудановскій пишетъ:

„1) Ширина рѣки отъ устья до впаденія въ нее рѣчки Кой около 20 саж., глубина около 4 фут. и теченіе до 3 узловъ. На этомъ пространствѣ плаваніе по рѣкѣ на легкихъ лодкахъ, сидящихъ въ водѣ около 3 футовъ, удобно.

„2) Выше рѣки Кой, Сусуя засорена кокорами и карчами. Тамъ, до селенія Экураки, она имѣетъ ширину около 15 саженъ, глубину до $2^1/_2$ футовъ и теченіе до 5 узловъ. Поднимаясь вверхъ на этомъ пространствѣ, во многихъ мѣстахъ приходилось лодку перетаскивать волокомъ, но если очистить рѣку отъ карчей, то и здѣсь плаваніе на легкихъ лодкахъ, сидящихъ въ водѣ до 2 футовъ, было бы удобно.

„Отъ селенія Экураки ширина рѣки не болѣе 5 саж., а глубина до 1 ф.; рѣка буквально завалена лѣсомъ, такъ что плавать на лодкѣ невозможно. Если ее очистить въ этомъ мѣстѣ, то по ней было бы весьма удобно въ большую воду сплавлять прекрасные лѣса (кедръ, лиственица и ель), которые здѣсь особенно замѣчательны по своимъ громаднымъ размѣрамъ (до 15 саж. высоты и до 2 футовъ въ діаметрѣ).

„3) Берега рѣки удобны для устройства бечевника.

„4) Плаваніе по рѣкѣ отъ Кой весьма удобно: японцы отъ этого пункта спускаются по ней, слѣдуя съ западнаго берега

острова изъ бухтъ Такмака и Моуна. Сухопутные пути выходятъ на рѣку Сусуя въ трехъ мѣстахъ: изъ Найбу, у Экураки, въ 90 верстахъ, изъ Мауна и Такмака въ 70 верстахъ и у Кой въ 45 верстахъ отъ устья. Туземцы и японцы, слѣдуя изъ Кой внизъ по теченію, плывутъ до устья на лодкахъ въ одинъ день; далѣе же отъ Экураки до Кой они идутъ пѣшкомъ по торной и ровной тропинкѣ. Этотъ путь, всего около 40 верстъ, они дѣлаютъ пѣшкомъ въ одни сутки, почему селеніе Кой и называется у нихъ пристанью. Здѣсь они имѣютъ постоянно готовыя лодки, на которыхъ и производится сообщеніе между устьемъ и пристанью Кой.

„5) Берега рѣки Сусуя на 30 верстъ отъ устья покрыты строевыми лѣсами лиственницы, кедра и ели, между которыми находятся поляны съ превосходною травою; далѣе же растетъ по рѣкѣ преимущественно рощами: вязъ, береза, тополь, осина и ольха. Отъ устья рѣки Такой растутъ огромные корабельные лѣса кедра, ели и лиственницы.

„и 6) По качеству почвы, большею частію черноземy, по изобилію лѣса, превосходныхъ луговъ и обилію въ рѣкѣ всякаго рода рыбы, долина рѣки Сусуя весьма удобна для основанія земледѣльческихъ поселеній, въ особенности между Кой и Экураки, гдѣ берега рѣки ровные, возвышенные и, по словамъ жителей, никогда незатопляющіеся, и гдѣ толщина чернозеmнаго слоя на глинистой и песчаной подпочвѣ доходитъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ аршинъ.

„Такимъ образомъ, все теченіе рѣки Сусуя можно опредѣлить между параллелями 46° 43′ N и 47° 15′ N на разстояніи 100 верстъ. Долина ея защищена съ сѣвера, запада и востока горами; общее направленіе ея будетъ отъ NtW къ StO“.

Для описи сѣверовосточнаго и восточнаго береговъ залива Анива, Н. В. Рудановскій отправился изъ Муравьевскаго поста 29-го октября, въ 11 часовъ утра, на туземной лодкѣ съ тремя матросами, двумя казаками и однимъ проводникомъ айномъ, взявъ съ собою провизіи на 15 дней. Предъ выходомъ изъ поста онъ опредѣлилъ по нѣсколькимъ меридіанальнымъ высотамъ солнца широту Муравьевскаго поста (46° 38′ 55″ N). Разстояніе отъ этого пункта до крайней оконечности мыса Тамари $^3/_4$ версты на SW 50°, а отъ оконечности мыса Тамари до слѣдующаго за нимъ мыса $2^3/_4$ версты по меридіану. Между этими мысами лежитъ бухта Неруентамари, имѣющая ширину до одной версту, а длину до $^1/_2$ версты. Оба вышепомянованные мыса высокіе и утесистые и покрыты

травою и мелкимъ лѣсомъ; около нихъ идетъ побережье въ 5 саж. ширины, по которому вьется тропинка. По берегамъ бухты Перуентамари расположены сараи и сельдеварныя печи японцевъ, а около нихъ юрты айновъ, вмѣщающія въ себѣ до 20 душъ мужскаго и женскаго пола. Въ сѣверную часть бухты впадаетъ рѣчка, глубина которой къ самомъ устьѣ доходитъ до $^1/_2$ фута, а на 3 версты выше до 2-хъ футовъ; ширина же до 5 саженъ. Въ южную часть бухты течетъ ручей, у котораго удобно приставать шлюпкамъ. Отъ обоихъ мысовъ и противъ бухты, на разстояніи около $^3/_4$ версты, идетъ отмель, на которой при южныхъ вѣтрахъ ходитъ большой бурунъ. Мысъ Эндумъ-Тамари представляетъ полукругъ и составляетъ крайній южный мысъ бухты Тамари-Анива.

Отъ окопечности мыса Эндумъ-Тамари Рудановскій пошелъ вдоль берега на NO 86° $^1/_2$, и чрезъ $5^1/_2$ верстъ достигъ мыса Понге-Эйдумъ. Около этого утесистаго берега идетъ на $^1/_2$ версты отмель. За мысомъ Понге-Эйдумъ лежитъ бухта Хакуй-Котанъ, ширина которой отъ мыса Понге-Эйдумъ до слѣдующаго за нимъ мыса Понге-Индига, лежащаго отъ перваго на O—$^3/_4$ версты. Бухта эта углубляется въ берегъ до $^1/_4$ версты, глубина въ ней до одного фута. Въ нее впадаетъ ручей, берущій свое начало изъ маленькаго озера. Здѣсь тоже находится сельдеварная печь и сарай, и около нихъ три айнскихъ юрты, къ которыхъ живутъ до 12 душъ обоего пола.

Въ Хакуй-Котанъ г. Рудановскій ночевалъ у аина Амеске, у котораго былъ тогда праздникъ по случаю убитаго имъ медвѣдя. Шкура этого медвѣдя была выставлена передъ юртою и обставлена деревянными палками, у которыхъ концы были застружены и висѣли въ родѣ кистей. Подобную палку туземцы называютъ *инау*; она означаетъ у нихъ праздникъ, веселость, привѣтствіе.

Медвѣдь здѣсь, какъ и у амурскихъ инородцевъ, считается какимъ-то божествомъ. Передъ нимъ стоялъ ящикъ, въ который было вставлено еще два ящика; въ послѣднемъ изъ нихъ лежала чашка, вилочка, лопатка, кусокъ юколы и немного риса; все это—угощеніе для убитаго медвѣдя.

По причинѣ проливнаго дождя и свѣжаго SW вѣтра, г. Рудановскій оставался здѣсь до 10 часовъ утра; къ этому времени погода прояснилась, вѣтеръ стихъ и далъ ему возможность слѣдовать бечевою вдоль возвышеннаго берега, въ ущельяхъ котораго текутъ ручьи. Пройдя $3^1/_2$ версты на NO 75°, Рудановскій взялъ меридіа-

нальную высоту солнца и по ней опредѣлилъ широту своего пришедшаго пункта (46° 36′ 32″ N). Съ этого пункта видимый мысъ Одиннга былъ на SO 80°, въ антретномъ разстояніи около 12 верстъ. Отсюда берегъ изъ возвышеннаго и утесистаго смѣняется на низменный и идетъ верстъ на шесть, образуя бухту. На этомъ берегу, въ $^1/_2$ верстѣ отъ моря, находится озеро, ширина котораго по меридіану $1^1/_2$ версты, а длина по параллели около $2^1/_2$ верстъ. Изъ озера идетъ протока, которая также мелка (до 4-хъ футовъ), какъ и само озеро. Глубина бухты въ одной верстѣ отъ берега не болѣе 3-хъ саженъ.

Озеро, протока и бухта называются Отосимъ. Отъ возвышеннаго берега до протоки Отосимъ 5 верстъ по R NO 75°, а отъ протоки до другаго восточнаго возвышеннаго берега 4 версты по R SO 74°.

Здѣсь, по случаю засвѣжѣвшаго вѣтра со снѣгомъ, г. Рудановскій остановился ночевать.

На другой день утромъ, 31-го октября, онъ пошелъ на OtS вдоль утесистаго берега, и чрезъ 3 версты достигъ мыса Одиннга, отъ котораго берегъ круто поворачиваетъ къ NO. Мысъ этотъ окруженъ отмелью и составляетъ западный предѣлъ бухты Иноскомонай. На O отъ него, въ разстояніи $4^1/_2$ верстъ, лежитъ мысъ и гора Иноскомонай. Между мысами Одиннга и Иноскомонай находится бухта Иноскомонай. Она вдается въ берегъ на $1^1/_2$ версты. Берега ея частію утесистые, а частію увалистые, высоки и приглубы, такъ что въ 10 саженяхъ отъ берега глубина 5 саженъ. Отъ мыса Иноскомонай идетъ къ SW на $1^1/_2$ версты рифъ. Бухта эта открыта отъ W чрезъ S до O. Отъ мыса Иноскомонай идетъ на OtS утесистый берегъ, а въ двухъ верстахъ отъ него находится гора и мысъ Сая. Отъ послѣдняго на O идетъ берегъ такого же характера на пространствѣ 5 верстъ и оканчивается утесистымъ мысомъ Тебесани. Вообще вдоль всего этого берега находятся подводные каменья, на пространствѣ отъ берега около $^1/_2$ версты.

Отъ мыса Тебесани на версту берегъ имѣетъ направленіе на NO, а потомъ на такое же разстояніе на NNO, и составляетъ такимъ образомъ западный предѣлъ бухты Тебесани, восточный берегъ которой низменъ и имѣетъ направленіе SO 60°.

Ширина бухты Тебесани до 7 верстъ, а длина до $2^1/_2$. Въ ней при рѣчкѣ на низменномъ берегу расположено аниское селеніе Корахъ-Пуна, и около него вдоль берега сараи и сельдеварныя печи.

Селеніе состоитъ изъ 3-хъ юртъ, въ которыхъ живетъ 25 душъ. Берега бухты на пространствѣ одной версты отъ берега отмелы, а затѣмъ глубина въ ней отъ 3 до 4 саж.; бухта открыта отъ SW, W и WNW вѣтровъ, которые въ заливѣ Анива можно считать господствующими. Широта селенія Корахъ-Пуна по меридіанальной высотѣ солнца оказалась 46° 33′ 54″ N. Склоненіе компаса 3° W. Селеніе это расположено при рѣчкѣ того же имени, которая течетъ къ О вдоль низменнаго берега. Вѣтеръ засвѣжѣлъ и Н. В. Рудановскій остановился ночевать въ Курохъ-Пуна, у старшины.

Этотъ старшина (Джангинъ), старикъ около 80 лѣтъ, сидѣлъ у очага при входѣ въ дверь; по лѣвую его руку сидѣли жена и дѣти. Рудановскаго, какъ гостя, усадили по правую руку хозяина на цыновкахъ и угощали *атури*—(икра съ перцовымъ жиромъ и различными кореньями). Одинъ изъ матросовъ партіи заболѣлъ и айны показали больному большое участіе: принесли лекарство — какую-то траву, положили ее въ горячую воду и потомъ этимъ растирали ему животъ. Матросъ, благодаря Бога, выздоровѣлъ; айны приписывали его болѣзнь тому, что они не встрѣтили гостей, какъ слѣдовало съ *иннау*, и потому, для очищенія себя, сейчасъ же начали слѣдующую церемонію: поставили передъ огнемъ три *иннау*; знахарь айнъ началъ говорить предъ ними какія-то заклинанія, а всѣ прочіе съ выраженіемъ благоговѣнія вторили ему въ тонъ; потомъ знахарь бросилъ всѣ *иннау* въ огонь, и когда они совершенно сгорѣли, всѣ присутствовавшіе айны начали кланяться Рудановскому и объявили ему, что теперь все будетъ благополучно.

1-го ноября вѣтеръ засвѣжѣлъ отъ WNW и вдоль берега ходили огромные буруны и прибой, почему Н. В. Рудановскій, чтобы не терять времени, перетащилъ съ помощію айновъ свою лодку съ берега въ рѣчку Корахпуна и началъ спускаться по оной. Проплывъ около 3-хъ верстъ, въ 11 часовъ онъ прибылъ въ селеніе Найтукъ, а чрезъ $1^1/_2$ версты пришелъ въ селеніе Нучкай; оттуда, чрезъ $4^1/_2$ версты, онъ прибылъ въ селеніе Екуса, расположенное при устьѣ рѣчки Корахпуна, впадающей въ большое озеро Гообучи. Рѣчка эта извилиста и течетъ вдоль низменнаго берега, имѣющаго общее направленіе SO 54°; по этому румбу длина ея и берега отъ селенія Корахпуна около $5^1/_2$ верстъ; ширина въ этомъ мѣстѣ отъ 5 до 10 саж., а глубина до 4-хъ фут.; глубина на барѣ, въ устьѣ, всего $^1/_2$ фута.

Изъ Экуса, продолжая плыть по озеру по тому же румбу,

(SO 54°), чрезъ 4 версты въ $2^3/_4$ часа Рудановскій присталъ къ селенію Тообучи. Въ $3^1/_2$ часа онъ поплылъ далѣе по озеру, вдоль берега, и на пути производилъ опись и промѣръ; озеро это Н. В. Рудановскій назвалъ озеромъ Буссе.

Отъ селенія Тообучи г. Рудановскій поплылъ на О вдоль увалисто-возвышеннаго берега и, пройдя по этому румбу 2 версты, взялъ курсъ NOtO$^1/_2$O къ мысу, рѣчкѣ и селенію Найнуру. Прибывъ туда чрезъ 5 верстъ пути, онъ остановился тамъ ночевать.

2-го ноября, слѣдуя изъ селенія Найнуру по озеру къ N, чрезъ двѣ версты онъ приплылъ къ рѣчкѣ, селенію и мысу Найтуру. Отсюда поплылъ вдоль берега озера на NW$^1/_2$W и, пройдя этимъ путемъ 6 верстъ, достигъ сѣверо-западнаго угла озера. Съ этого мѣста онъ пошелъ вдоль восточнаго берега, на S, и чрезъ 9 верстъ, въ $11^1/_2$ часовъ утра, пришелъ обратно къ мысу и селенію Тообучи. По меридіанальной высотѣ солнца широта этого пункта опредѣлилась 46° 30′ 10″ N, а счислимая долгота 143° 17′O. Озеро это имѣетъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ пролива, лежащаго между двумя мысами, изъ коихъ западный называется Тообучи. Г. Рудановскій промѣрилъ и описалъ также и проливы. По его изслѣдованію, озеро Тообучи, или Буссе, имѣетъ слѣдующее положеніе:

„Заливъ Буссе (Тообучи) находится въ широтѣ 46° 30′10″ N и счислимой долготѣ 143° 17′ O; ширина его по меридіану 13 верстъ; входъ въ заливъ идетъ отъ SW на NO, сначала между отмелями, простирающимися на двѣ версты отъ берега, а потомъ на 1 версту между берегами. Ширина входа до 30 саж., а глубина отъ 3 до 5. Примѣтными мѣстами при входѣ въ заливъ служатъ двѣ горы хребта Поронутури; первая—Оскаги остроконечная и лежитъ противъ самаго входа на NO; вторая—Иноусне, плоская и съ моря видна на ONO. При входѣ въ заливъ править слѣдуетъ на первую. Средина залива мелководна (отъ 5 до 10 футовъ), вдоль же южнаго, восточнаго и сѣвернаго берега залива идетъ каналъ, шириною отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ верстъ и глубиною отъ 12 до 18 футовъ, при малой водѣ. Прибыль воды въ заливѣ около 5 футовъ. Самое лучшее мѣсто для зимовки судна—у селенія Тообучи, гдѣ глубина въ 10 саженяхъ отъ берега, при малой водѣ, 18 футовъ. Озеро, а равно и рѣка Корахпуна изобилуютъ рыбой. Берега рѣки по грунту земли и по положенію удобны для земледѣльческаго населенія. Южный берегъ залива къ морю низменный и безлѣсный, остальные

же берега возвышенны и покрыты строевыми лѣсами, какъ то: елью, лиственницею и березой.

„Въ заливѣ находятся слѣдующія айнскія селенія: 1) Тообучи,—лежитъ при входѣ въ заливъ, при маленькой рѣчкѣ того же имени и состоитъ изъ трехъ юртъ, въ которыхъ живетъ до 30 душъ обоего пола. 2) Нойкуру, при рѣчкѣ того же имени, имѣющей до 5 саж. ширины и весьма удобной для сплава лѣса, которымъ изобилуютъ ея берега. Здѣсь 3 юрты, въ которыхъ живетъ до 25 душъ. 3) Найтуру-Катанъ, при рѣчкѣ того же имени, имѣющей ширины до 7 саженъ. По ней туземцы ходятъ къ Охотскому морю, до котораго, по ихъ словамъ, должно быть, не далѣе 20 верстъ, и 4) селеніе Екуса, при устьѣ рѣки Кархцуна, состоитъ изъ 4 юртъ, въ которыхъ живетъ до 10 семействъ. Такимъ образомъ все населеніе айновъ въ заливѣ Буссе состоитъ изъ 100 душъ обоего пола.

„По словамъ туземцевъ, раннею весною сюда приходятъ до 20 джонокъ (нензай) съ острова Мацмай, ловить сельдей, которыя заходятъ въ заливъ въ огромномъ количествѣ. Японцы солятъ и вялятъ эту рыбу, топятъ изъ нея жиръ и все это отправляютъ на Мацмай. Для складовъ этихъ продуктовъ, въ селеніи Тообучи, есть нѣсколько японскихъ сараевъ и сельдеварныхъ печей“.

Послѣ полдня, 3-го ноября, П. В. Рудановскій, съ двумя проводниками, на туземной лодкѣ, отправился изъ залива Буссе вдоль берега на SOtS. Берегъ этотъ средней высоты. Чрезъ 6 верстъ Рудановскій прибылъ въ селеніе Качесонс, расположенное при ручьѣ, на весьма красивомъ мѣстѣ. Оно состоитъ изъ 3-хъ юртъ, въ которыхъ жителей обоего пола 18 душъ. Въ 15 саж. отъ берега селенія, глубина моря двѣ сажени. Отъ него начинаются горы, и берегъ идетъ на S. Слѣдуя по этому направленію, Рудановскій чрезъ 4 версты приплылъ къ селенію и рѣчкѣ Кусунай. Селеніе состояло изъ 5 юртъ съ населеніемъ 22 душъ. На SW отъ этого селенія, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ него, находится возвышенный и гористый мысъ Искотайкай, который защищаетъ отъ южныхъ вѣтровъ суда, стоящія у селенія Кусунай. Тамъ протекаетъ рѣчка, шириною до 5 саж., а при устьѣ ея находится японскій сарай для рыбы. Отъ Кусуная крутой берегъ идетъ на SW, на двѣ версты, до мыса Иноскотопай, а въ 50 саженяхъ отъ этого мыса тянется каменный подводный рифъ. Эта мѣстность составляетъ лежбище сивучей и урловъ. По разсказамъ жителей, сюда приходитъ большое количество туземцевъ на

промыслы. Аины ѣдятъ сивучье мясо, а изъ шкуры его дѣлаютъ обувь и халаты.

Берегъ отъ мыса Иноскотонай поворачиваетъ на $S^1/_2W$ и, пройдя по этому направленію $2^1/_2$ версты, образуетъ бухту съ отвѣсными высокими берегами. Въ этой бухтѣ, при рѣчкѣ, находится селеніе того же имени. Оно состоитъ изъ одной юрты съ 9-ю человѣками жителей.

Отсюда берегъ идетъ $3^1/_2$ версты на $StO^3/_4O$ и такъ же возвышенъ и утесистъ. Въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Иноскотонай, въ ложбинѣ, при рѣчкѣ, находится селеніе Яаанби, состоящее изъ 2-хъ юртъ, съ 15 жителями. Въ 2-хъ верстахъ отъ него, на SO 35°, при рѣчкѣ Насокутуро, находится селеніе того же имени.

Множество камней, окружающихъ мысы Иноскотонай и Яаанби, составляютъ лежбища сивучей и нерповъ и привлекаютъ сюда туземцевъ изъ селеній Иноскотонай, Яаанби и Насокутуро; туземцы преимущественно занимаются этимъ промысломъ. Около этихъ мѣстъ, не болѣе какъ въ ста саженяхъ отъ берега, плаваютъ морскіе коты.

Отъ селенія Насокутуро, лежащаго за мысомъ Яаанби, составляющимъ южную оконечность мыса Иннносопотамъ, берегъ идетъ 9 верстъ на StO и оканчивается мысомъ Тасеи. На пространствѣ 3-хъ верстъ, въ 50 саж. отъ берега, тамъ находятся подводные камни, а въ 50 саж. отъ мыса Тасеи,—кекуръ. Горы на этомъ пространствѣ отходятъ отъ берега.

Отъ мыса Тасеи берегъ тянется $StO^1/_2O$, на 5 верстъ. Здѣсь незначительный мысъ Ямине, по южную сторону котораго, при рѣчкѣ, лежитъ селеніе того же имени, состоящее изъ 2-хъ юртъ съ 15 жителями и изъ двухъ японскихъ сараевъ. Здѣсь Н. В. Рудановскій остановился ночевать въ юртѣ бывшаго съ нимъ проводникомъ аина Серабинусъ. Эта личность замѣчательна тѣмъ, что ведетъ торговлю на западномъ берегу острова съ пріѣзжающими гиляками, которыхъ они называютъ санта.

Въ ночь съ 3-го на 4-е число ноября задулъ свѣжій вѣтеръ отъ NO и выпалъ большой снѣгъ. Около полудня вѣтеръ стихъ и Н. В. Рудановскій поплылъ вдоль берега на SO 12°, а чрезъ $4^3/_4$ версты достигъ незначительнаго мыса Спратоку, по южную сторону котораго, въ ложбинѣ, расположено селеніе того же имени; эта ложбина идетъ на 4 версты по тому же направленію. Спратоку послѣднее селеніе на западномъ берегу залива Анива; оно состоитъ изъ двухъ юртъ и 18 душъ жителей. Въ юртѣ у джангина

этого селенія. развѣшаны по стѣнамъ жалованныя ему японцами сабли и деревянные щиты. Этого джангина называютъ Цацо, а его жену—Пакхо; кромѣ Пакхи, у него еще три молодыя жены, у которыхъ губы вымазаны черною краскою. Губы мажутъ себѣ женщины въ знакъ того, что онѣ болѣе не дѣвицы. Рудановскій остался здѣсь ночевать, потомучто засвѣжелъ вѣтеръ.

5-го ноября, выѣхавъ изъ Сиратоку въ 7 часовъ, при умѣренномъ вѣтрѣ NW, и пройдя на StO 6 верстъ, а на S до 5, онъ достигъ утесистаго мыса Пеннопусери; между тѣмъ вѣтеръ снова засвѣжѣлъ и развелъ огромное волненіе, принудившее Рудановскаго возвратиться. Не доходя 4-хъ верстъ до Спротоку, онъ вытащилъ на берегъ шлюпку и остался тамъ ночевать.

Къ утру 6-го ноября вѣтеръ немного стихъ; Н. В. Рудановскій, спустивъ шлюпку, отправился въ селеніе Спротоку; узнавъ тамъ, что оттуда идетъ тропа на восточный берегъ, къ Охотскому морю, въ селеніе Аруторо, онъ рѣшился идти по ней пѣшкомъ.

Путь отъ Спротоку лежалъ сначала по берегу къ югу, потомъ на О, и въ этомъ направленіи велъ на хребетъ. Въ 10 часовъ утра Рудановскій, пройдя отъ селенія около семи верстъ, достигъ вершины хребта. Съ вершины открывались и Охотское море, и заливъ Анива. Онъ пошелъ на SO и встрѣтилъ на горахъ большой снѣгъ. Пройдя 5 верстъ, въ $11^1/_2$ часовъ, онъ вышелъ на берегъ Охотскаго моря, на низменный мысъ Сприрахчива, на которомъ было расположено селеніе Аруторо, состоящее изъ 3-хъ юртъ съ 20 жителями. Широта его по полуденной высотѣ солнца опредѣлилась: 46° 10′ 12″ N. Съ этого пункта г. Рудановскій взялъ слѣдующіе пеленги: мысъ Тоспей на NOtN, въ разстояніи отъ 5 до 8 миль и утесистый мысъ Спратоку-Нахсуфъ на StW, въ антретномъ разстояніи отъ 5 до 6 миль. Берегъ, какъ до мыса Тоспей, такъ и до Спратоку-Нахсуфъ, утесистый.

Вокругъ мыса Сприрахчива и далѣе отъ него къ N и S, находятся камни, составляющіе лежбище сивучей и нерповъ. Для этого промысла собираются туда въ большомъ числѣ аины изъ залива Анива. Выраженіе Аротуру-на—значитъ по аински: за горой, по ту сторону.

Изъ селенія Аротуру, Рудановскій, въ 1 часъ, пошелъ обратно и, около 5 часовъ, пришелъ ночевать въ селеніе Спротоку.

На другой день, 7-го ноября, Рудановскій ходилъ къ мысу Поннонусари, берегъ котораго утесистый, изъ чернаго камня.

Мысъ Эйнаутисно, составляющій сѣверную оконечность мыса Анива, лежитъ на SW7° въ разстояніи 3-хъ миль отъ Поннонусари.

Широта селенія Сиротоку, по меридіанальной высотѣ солнца, опредѣлилась 46° 13′ 28″ N, а счислимая долгота 143° 25′ O.

Наступившіе по ночамъ морозы отъ 4° до 5° и свѣжій вѣтеръ отъ W и N, задерживали и затрудняли обратное плаваніе Н. В. Рудановскаго, такъ что онъ только къ вечеру 10-го ноября могъ достигнуть селенія Тобосани, лежащаго при входѣ въ заливъ Буссе.

11-го числа, при вѣтрѣ O со снѣгомъ, онъ, по случаю поднявшейся пурги и засвѣжѣвшаго вѣтра, вынужденъ былъ возвратиться обратно.

12-го ноября, при штилѣ, въ 7 часовъ утра, онъ снова отправился и дошелъ до селенія Порутошеро. Морозъ, между тѣмъ, къ вечеру сдѣлался—8° R, такъ что продолжать плаваніе Рудановскій не могъ; онъ вытащилъ на берегъ шлюпку и пришелъ пѣшкомъ въ Муравьевскій постъ.

1-го декабря Рудановскій приступилъ къ описи залива Тамари-Анива, до устья рѣки Сосуя. Въ 3 часа по полудни этого дня онъ съ двумя проводниками отправился пѣшкомъ изъ Муравьевскаго поста къ N и описалъ 4 бухты, лежащія между Муравьевскимъ постомъ и устьемъ рѣки Сосуя. Результаты его описи слѣдующіе:

1) Бухта Тамари лежитъ между мысами Тамари, на которомъ Муравьевскій постъ, и мысомъ Хоко-Тамари; она имѣетъ положеніе на NW и SO 20°. Въ срединѣ бухты, ближе къ лѣсу, въ нее впадаетъ рѣчка Котунъ-Котанъ, въ долинѣ которой расположено селеніе, состоящее изъ 25 юртъ съ 100 жителями. Здѣсь до 10 японскихъ сараевъ, два дома, храмъ и сельдеварныя печи. Это главный пунктъ острова Сахалина. На южной возвышенности мыса, на равнинѣ, въ 200 саженяхъ отъ селенія, лежитъ Муравьевскій постъ и командуетъ какъ этимъ селеніемъ, такъ равно и всѣми японскими строеніями. Въ нашемъ посту протекаетъ ручей съ прекрасною водою. Мысъ Хоко-Тамари тянется отъ бухты до устья рѣчки Унда на 2 версты на NNW, берега его возвышенны и утесисты.

2) Бухта Унда лежитъ между мысами Унда и Эндомари; она состоитъ изъ двухъ отдѣленій или бухтъ: собственно Унды и Уска. Первая составляетъ южную часть всей бухты, а вторая—сѣверную. Послѣдняя отдѣляется отъ первой мысомъ Ускунай. Направленіе сѣверныхъ оконечностей мысовъ Хоко-Тамари и Ускунай NW и SO 7°, а разстояніе между ними 400 саж. Бухта вдается въ берегъ на

150 саж.; въ вершину ея впадаетъ рѣчка Ускунай, при устьѣ которой находится анское селеніе, состоящее изъ 4-хъ юртъ, съ 25 жителями и изъ двухъ японскихъ сараевъ для рыбы; оно расположено на возвышенномъ скатѣ. Бухта Унда лежитъ между мысами Ускунай и Эндомари; взаимное положеніе этихъ мысовъ SO и NW 20°, разстояніе же между ними, или ширина бухты—350 саж.; бухта эта вдается въ берегъ на 175 саж. Въ нее впадаетъ рѣчка Уска, при устьѣ которой находится селеніе аиновъ того же имени, состоящее изъ трехъ юртъ съ 20 жителями. При немъ два японскихъ сарая и домъ. Отъ устья рѣчки Унда до устья Уска около 200 саженъ.

Отъ устья рѣчки Уска до средины мыса Эндомари, на которомъ находится селеніе того же имени, Рудановскій шелъ одну версту на NW. Это селеніе состоитъ изъ 3-хъ юртъ съ 15 жителями.

3) Бухта Тамаріонай находится между мысами Эндомари и Чинайну, взаимное направленіе которыхъ NW и SO 12°, а разстояніе между ними или ширина бухты 450 саженъ. Эта бухта вдается въ берегъ на 200 саж. къ О. Въ южной ея части течетъ рѣчка, по лѣвому берегу которой расположено селеніе Тамаріонай, состоящее изъ 4-хъ юртъ съ 23 жителями аиновъ и изъ 3-хъ японскихъ сараевъ. Между аинами есть ороко—наши удскіе тунгусы, вышедшіе на Сахалинъ въ XVI столѣтіи.

Отъ рѣчки и селенія Тамаріонай до селенія Сосуя, расположеннаго въ бухтѣ, при устьѣ рѣчки того же имени, $1^3/_4$ версты на N.

4) Бухта Сосуя лежитъ между мысомъ Чинайну и устьемъ рѣки и мысомъ Сосуя; взаимное направленіе мысовъ NW и SO, а ширина бухты $1^1/_2$ версты; она вдается въ берегъ на O $1^1/_4$ версты. Селеніе это состоитъ изъ 9-ти юртъ съ 70 жителями, между которыми половина орочей.

Тамъ Н. В. Рудановскій ночевалъ и засталъ въ селеніи праздникъ: туземцы собирались убивать медвѣдя, для чего ихъ съѣхалось до 100 человѣкъ; они подчивали Рудановскаго особой скверной водкой, которая приготовляется японцами изъ риса; водка эта называется *ньске*. Медвѣдь принадлежалъ одному изъ хозяевъ юрты, орочену, но онъ долженъ былъ раздѣлить его со всѣми. За недѣлю до праздника, всѣ желающіе участвовать въ немъ, приносятъ владѣльцу медвѣдя, кто рыбу, кто нерпу, кто *сапе* (дурнаго качества рисъ), а кто и *ньске*. Этотъ праздникъ состоитъ въ томъ, что

женщины (магнеку) собираются передъ клѣткой, гдѣ сидитъ медвѣдь, и пляшутъ, и поютъ вокругъ нея. Какъ пляска, такъ и пѣніе грубы и безжизненны. *Магнеку* и *минока*, т. е. женщины и дѣвицы, одѣтыя въ собачьи шкуры, составляютъ кругъ и ходятъ такимъ образомъ, плавно подплясывая, вокругъ клѣтки медвѣдя до тѣхъ поръ, пока не устанутъ; мужчины въ этомъ не участвуютъ. Въ продолженіе праздника никому не дозволяется работать, такъ что Рудановскій самъ долженъ былъ принести дровъ въ очагъ, чтобы согрѣться, ибо было до 10° мороза. Когда женщины утомятся, тогда вдругъ выскакиваютъ мужчины и, раздразнивъ медвѣдя, убиваютъ его рогатинами. Медвѣдь реветъ, а публика вся поетъ въ одинъ голосъ, такъ что составляется несносный гамъ, ревъ и крикъ. Когда медвѣдь убитъ, съ него снимаютъ шкуру и дѣлятъ мясо; всѣ усаживаются въ кружекъ, но женщины особо отъ мужчинъ, а дѣвицы особо отъ тѣхъ и другихъ, и начинается общее угощеніе сырымъ мясомъ, водкой, рисомъ и перпою; праздникъ кончается обыкновенно тѣмъ, что всѣ напиваются пьяными.

На другой день Н. В. Рудановскій, по меридіанальной высотѣ солнца, опредѣлилъ широту мыса Чанайну (46° 42′ 29″ N). Отъ этого пункта берегъ залива Анива, у рѣчки Мотога, былъ на NW 87°.

Послѣ полдня 2-го декабря, г. Рудановскій тѣмъ же путемъ отправился въ Муравьевскій постъ, куда и прибылъ въ $3^1/_2$ часа. Разстояніе отъ селенія Сосуя до поста около $7^1/_2$ верстъ.

Такимъ образомъ весь сѣверный и западный берегъ залива Анива былъ подробно осмотрѣнъ и описанъ Н. В. Рудановскимъ: онъ былъ первый изъ европейцевъ, давшій намъ основательное и подробное понятіе объ этомъ берегѣ. Заливъ Тообучи на этомъ берегу, названный имъ заливомъ Буссе, представляетъ замѣчательный пунктъ, какъ мѣсто удобное для зимовки судовъ, сидящихъ въ водѣ до 16 футовъ. Этотъ пунктъ составляетъ единственное мѣсто на всемъ восточномъ берегу острова Сахалина отъ 54° до 46° широты, гдѣ только, повидимому, могутъ безопасно зимовать суда, и то небольшія. Для окончательнаго рѣшенія въ какой степени безопасна эта зимовка, а равно и входъ въ заливъ, предстояло лѣтомъ въ 1854 году сдѣлать точный промѣръ и наблюденія надъ вѣтрами и состояніемъ этого залива во время закрытія и вскрытія его отъ льда. Это послѣднее наблюденіе можно бы было произвести и въ зиму съ 1853 на 1854 годъ; но, къ несчастію, г. Буссе не обратилъ на это

вниманія, хотя это обстоятельство, какъ я ему объяснилъ, составляло одну изъ важнѣйшихъ его обязанностей, болѣе важную его политическихъ утопій.

Всѣхъ жителей аиновъ и ороченъ на сѣверномъ и западномъ берегахъ залива Анива, отъ устья рѣки Сосуя до мыса Анива, по счисленію Рудановскаго, до 470 душъ. Здѣсь важно было то, что между ними жили орочены (тунгусы), перешедшіе еще въ исходѣ XVI столѣтія изъ нашего удскаго края, т. е. подданные Россіи. Это обстоятельство представляло одинъ изъ фактовъ, составлявшихъ неоспоримыя права Россіи на обладаніе территоріею острова, весьма для насъ важнаго по близости его къ при-амурскому и при-уссурійскому краямъ.

Согласно данныхъ мною приказаніямъ и наставленіямъ г. Рудановскому и распоряженіямъ маіору Буссе, 20-го декабря 1853 г. Н. В. Рудановскій, съ казакомъ Березкинымъ и съ проводникомъ-аиномъ, на двухъ нартахъ выѣхалъ въ 10 часовъ утра изъ Муравьевскаго поста и направился къ устью рѣки Сосуя, въ селеніе Нойбу на восточномъ берегу Сахалина.

По случаю дурной погоды, пурги и выступившей воды въ верховьяхъ рѣки Сосуя, Николай Васильевичъ едва только къ вечеру 24-го числа могъ добраться до селенія Экуроко,—устья рѣки Такой, отъ котораго дорога въ Нойбу идетъ между хребтами. По наблюденію полуденной высоты солнца, широта Экуроко опредѣлилась 47° 10′ N.

Послѣ полудня 25-го числа Рудановскій изъ Экуроко поѣхалъ на N, и чрезъ 25 верстъ, по рѣчкѣ Такой прибылъ въ селеніе того же имени. Рѣчка эта, впадающая при Экуроко въ рѣку Сосуя, извилиста и мелководна, но изобилуетъ рыбою; она течетъ между гористыми берегами, покрытыми строевымъ лѣсомъ ели, кедра, частью лиственницы и березы. Селеніе Такой находится по обоимъ берегамъ рѣчки; оно состоитъ изъ 6-ти юртъ съ 30 человѣками жителей, ороковъ. Здѣсь догналъ Рудановскаго аинъ Омау, который отъ Сосуя ѣхалъ всего одни сутки. Это случилось потому, что онъ ѣхалъ уже по проторенной Рудановскимъ дорогѣ. Дорога, въ особенности отъ селенія Кой, очень затруднительна, по причинѣ глубокаго снѣга въ лѣсу, и аины, проводники Рудановскаго, выпрягали собакъ изъ нарты и, привязавъ къ ней оглобли, тащили ее сами, на лыжахъ. Такъ обыкновенно прокладывались тамъ дороги по первому пути. Дорога устанавливается и проторяется только около по-

ловины января, и тогда, на хорошихъ собакахъ, изъ Сосуя до Нину (около 120 верстъ) ѣздятъ въ полтора дня.

Въ селеніи Такой, Рудановскій остановился ночевать въ юртѣ-землянкѣ, по туземному названію—*тоитзе*. Такая юрта дѣлается слѣдующимъ образомъ: роютъ въ землѣ, на сажень глубины, отъ $2^1/_2$ до 3-хъ саженъ ширины квадратную яму, сверхъ ея ставятъ стропила, на которыя кладутъ берестовые и еловые сучья, а потомъ заваливаютъ землею. Въ юртѣ продѣлывается два отверстія: одно для входа, другое для свѣта и воздуха. Предъ входомъ продѣлываютъ небольшія сѣни изъ еловыхъ сучьевъ. Внутри юрты, по стѣнамъ, ставятъ брусья, которые обтягиваютъ рогожами. У той стѣны, гдѣ дверь, ставятъ глиняную печь; труба отъ печи выходитъ въ сѣни и торчитъ на $^1/_2$ аршина надъ ними. Печь эта топится хорошо и дымъ тянетъ сильно. Кромѣ печи, у каждой изъ остальныхъ стѣнъ стоитъ по очагу, на которые кладутъ изъ печи горячіе угли, для раскуриванія трубокъ. Туземцы любятъ сидѣть вокругъ огня и смотрѣть на него, и обыкновенно садятся вокругъ этихъ очаговъ. Въ такой юртѣ, когда топится печь, тепло, сухо и хорошо; но ночью, когда печь потухаетъ, воздухъ спирается. Въ юртѣ могутъ помѣститься до 20-ти человѣкъ. Въ селеніи Такой, на 30 душъ, двѣ юрты.

По разсказамъ туземцевъ, изъ залива Анива въ селеніе Найну или Найбу ѣздятъ еще другимъ путемъ, именно: изъ Тамари ѣдутъ въ селеніе Карахъ-Пуна, а оттуда, по рѣчкѣ того же имени, до озера Туйначи, изъ котораго выходитъ эта рѣчка, потомъ по озеру и рѣчкѣ Машкеръ, которая впадаетъ въ озеро, и, поднявшись по ней, переваливаютъ на рѣку Иноноскай, по которой и достигаютъ восточнаго берега острова,—селенія Иноноскай, лежащаго при устьѣ того же имени и находящагося въ широтѣ 47° 10′ N. Оттуда до сел. Найну, вдоль моря, около 35 верстъ. Этимъ путемъ въ хорошую дорогу доѣзжаютъ изъ Карахъ-Пуна и изъ залива Буссе до Найну, въ полтора дня, а въ худую—до трехъ дней.

Послѣ полдня 26-го декабря г. Рудановскій изъ Такой отправился чрезъ долину на NOtN и, проѣхавъ этимъ путемъ 12 верстъ, выѣхалъ на рѣчку Сіанси, текущую на О и впадающую въ рѣку Найну или Найбу. Проѣхавъ по этой рѣкѣ на О до 15-ти верстъ, онъ прибылъ на ея устье, при которомъ стоитъ селеніе Сіанди, состоящее изъ 2-хъ юртъ съ 15 жителями. Изъ Сіанди отправился по тому же направленію, по рѣкѣ Найну, и, проѣхавъ селеніе Тіокая,

состоящее изъ 3-хъ юртъ, въ 6 часовъ вечера прибылъ въ селеніе Найну или Найбу, гдѣ и остановился ночевать.

Отсюда путь Н. В. Рудановскаго лежалъ по тому же направленію, по которому шелъ Д. И. Орловъ, т. е. изъ Найбу онъ поѣхалъ по восточному берегу до Монуе, куда и прибылъ вечеромъ, 29-го ноября. Изъ Монуе онъ съ проводникомъ выѣхалъ въ 7 часовъ утра, 30-го декабря, и, переваливъ на западный берегъ, въ селеніе Кусунай, къ вечеру того же числа пріѣхалъ въ селеніе Нейфо, лежащее къ югу отъ Кусуная въ 15-ти верстахъ. Отсюда онъ отправился по пути слѣдованія Д. И. Орлова, чрезъ селенія: Сиріроко, Тунай-унай, Синакуера и Нотосамъ, лежащія на западномъ берегу, и въ 3 часа по полудни, 3-го января 1854 года прибылъ въ селеніе, бухту и мысъ Тубу, до котораго доходилъ Орловъ. Тамъ, по причинѣ дурной погоды, онъ остановился ночевать.

Выѣхавъ изъ Тубу 4-го января въ 7 часовъ утра, переваливъ мысъ этого имени и мысъ Нотора и проѣхавъ 10 верстъ на StW, Рудановскій достигъ селенія и рѣчки Нотора. Это селеніе расположено при рѣкѣ того же имени; тамъ одна юрта, въ которой живутъ три гиляка и два орочена; рѣчка Нотора при устьѣ имѣетъ ширину до 8-ми сажень, въ ней много рыбы, въ особенности зимою.

4-го января, изъ Нотора г. Рудановскій отправился въ 1 часъ пополудни, на SSO и, проѣхавъ 10 верстъ, прибылъ въ бухту Тукотанъ, отъ которой начинается заливъ Идунка, названный имъ моимъ именемъ: заливомъ Капитана Невельскаго; по случаю дурной погоды, снѣга и пурги онъ остановился тамъ на ночлегъ.

5-го января, изъ бухты Тукотанъ, Рудановскій отправился далѣе на SSO и чрезъ версту проѣхалъ вторую бухту Идунокъ, Тамари-бо. За нею берегъ идетъ на S. Слѣдуя по этому направленію и проѣхавъ еще двѣ бухты, онъ прибылъ въ бухту Токмака. Отсюда мысъ Нотора видѣнъ по направленію NW 14°, а мысъ Ассаной SW 14°.

Бухта Токмака лежитъ между мысами и имѣетъ ширину $^3/_4$ версты. Она была свободна отъ льда, а потому Рудановскій могъ сдѣлать ея промѣръ на шлюпкѣ; оказалось, что ширина входа въ бухту между каменными подводными грядами, которыя тянутся вдоль всего берега залива Идунокъ—20 саженъ, а глубина $4^1/_2$ сажени; такая глубина въ бухтѣ на $^1/_2$ версты отъ входа и затѣмъ, около $^1/_4$ версты, отъ 4-хъ до 3-хъ саженъ, а далѣе въ 100

саженяхъ отъ берега—отмель. Туземцы говорили ему, что бухта эта весьма рѣдко замерзаетъ, и' то на весьма короткое время. Входъ въ бухту отъ NNW на SSO, а самая бухта по параллели имѣетъ протяженіе одну версту. Въ нее впадаютъ двѣ рѣчки: на одной изъ нихъ, сѣверной, селеніе Такмаки, состоящее изъ 5-ти юртъ съ 20 жителями айновъ и ороченъ; около селенія два японскихъ сарая. Бухта закрыта отъ N чрезъ W до S каменною возвышенною грядою, въ родѣ дамбы, а отъ N чрезъ O до S—матерымъ берегомъ. Мысы, ограничивающіе ее, увалисты и невысоки, не выше 5-ти саженъ. Берега, окружающіе бухту, возвышенны. Въ полъ верстѣ отъ берега, вдоль него, идутъ горы вышиною отъ 3-хъ до 5-ти саженъ, а отступя отъ нихъ на $^1/_2$ версты, тянется хребетъ, на склонѣ котораго прекрасный строевой лѣсъ. Широта бухты Такмака 47° 15′ N.

Черезъ четверть часа въ (1 ч. 10 м.) онъ выѣхалъ изъ Такмака и прибылъ въ бухту Хигно-Песуши, а въ 1 ч. 40 м.—въ бухту Паро-Тамари. Въ эту бухту впадаетъ рѣчка, при которой находится селеніе изъ 2-хъ юртъ и японскій сарай; жителей въ немъ 15 душъ. Въ $2^1/_2$ часа онъ выѣхалъ изъ этой бухты и въ $3^1/_4$ часа прибылъ въ бухту Мауки, которая отъ бухты Такмака лежитъ на S въ $5^1/_2$ верстахъ.

Маука или Идунка имѣетъ между возвышенными мысами ширину до $2^1/_2$ верстъ; взаимное положеніе мысовъ NO и SW 8°. Въ срединѣ бухта вдается въ берегъ на $1^1/_4$ версты и отъ N черезъ W до S ограждена каменною грядою, а отъ N чрезъ O до S—матерымъ берегомъ. Входъ въ нее съ моря отъ NW на SO имѣетъ ширину до 120-ти саженъ, а глубину до 6-ти. Глубокая часть бухты находится подъ сѣверо-восточнымъ берегомъ и представляетъ видъ эллипса, въ которомъ, въ сѣверной части, глубина отъ 3 до 4 саженъ, а далѣе подъ сѣверо-восточнымъ берегомъ, на разстояніи отъ 50 до 100 саженъ отъ берега—отъ 10 до 2 футовъ. Въ срединѣ бухты, противъ входа, глубина 5 саж., а въ южной части ея до 4 саженъ; отсюда къ западному берегу, на разстояніи отъ 50 до 70 саженъ, глубина отъ 2 до 8 футовъ, а къ южному мысу и юго-западному берегу, на разстояніи отъ $^1/_2$ до 1 версты, идетъ отмель, на которой отъ 2 до 3 футовъ. Эта бухта гораздо обширнѣе Такмака, но и открытѣе оной. Въ южной части ея, по направленію входа въ бухту, стоитъ знакъ, который служитъ маякомъ для входа въ нее. По всему видно, что эта бухта составляла главное пристанище японскихъ джонокъ на западномъ берегу острова и вообще на всемъ

островѣ. Кромѣ этого, селеніе Мауки есть самое большое селеніе на островѣ: оно состоитъ изъ 10 юртъ съ 700 жителями. Здѣсь находилось много японскихъ сараевъ и храмъ. Селеніе это расположено на двухъ смежныхъ между собою рѣчкахъ, впадающихъ въ бухту и текущихъ отъ O, между горами, по равнинѣ. По разсказамъ туземцевъ, здѣсь господствуютъ очень свѣжіе сѣверо-восточные вѣтры, которые туземцы называютъ „поскамбо“; противоположный имъ SW вѣтеръ они зовутъ „горобшу“. Этимъ вѣтромъ нагоняетъ въ бухту воду. N, NW и NNW вѣтра у нихъ называются „скера“. Здѣсь туземцы приняли Н. В. Рудановскаго весьма ласково и добродушно, угощали его и убрали собакъ. Они говорили ему, что японцы распускаютъ слухъ, что будто бы весною они насъ прогонятъ съ острова; они очень этому удивлялись и, повидимому, не желали, ибо вообще не любили японцевъ, потому что послѣдніе не добросовѣстно съ ними расплачивались за работу и часто вовсе не платили и обманывали. Н. В. Рудановскій объяснилъ имъ, что японцы на островѣ—пришельцы, что островъ всегда былъ русскій, ибо задолго еще до японцевъ здѣсь поселились русскіе—орока. Всѣ туземцы подтвердили это и сказали, что у нихъ есть преданіе, что орочены или ороки, которыхъ много и въ Маукѣ,—пришли отъ лоча (русскихъ), когда еще и не слыхали о японцахъ, и живутъ здѣсь очень долго. Послѣ того Рудановскій объяснилъ имъ, что гдѣ единожды встали русскіе, то оттуда они никому себя прогнать не позволятъ. Онъ сказалъ имъ, чтобы они не вѣрили ни японцамъ, ни кому другому, кто бы ни вздумалъ распускать подобные слухи. Туземцы, повидимому, были очень рады словамъ Рудановскаго. Заливъ Маука изобилуетъ рыбой, въ особенности туда въ большомъ количествѣ заходятъ сельди.

Изъ Маука Николай Васильевичъ отправился далѣе вдоль берега по R. StW, и чрезъ 5 верстъ достигъ залива Пероци, а затѣмъ бухты и селенія Хауснайбу, миновавъ на этомъ пути 6 бухтъ.

7-го января, слѣдуя по тому же направленію (StW), на пространствѣ 40 верстъ, Рудановскій проѣхалъ заливы Готонора, въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Хоуснайбу, чрезъ $4^1/_2$ версты—Тарактамора, чрезъ $4^1/_2$ версты—Ассакай, чрезъ $6^1/_2$ верстъ—Око, чрезъ 6 верстъ—Тообучи, чрезъ двѣ версты — Турусунай, чрезъ 3 версты — Тохомбо и чрезъ 10 верстъ мысъ и селеніе Найбуру—южный предѣлъ залива Идунокъ (Невельскаго). Широта этого пункта по полуденной высо-

тѣ солнца, взятой 8-го января, оказалась 46° 45′ 20″ N, а счисляемая долгота 142° O.

Изъ селенія Найбуру Николай Васильевичъ, вслѣдствіе приказанія Буссе, 9-го января 1854 года отправилъ мнѣ донесеніе, изъ котораго я и выписываю всѣ вышеупомянутыя свѣдѣнія. О заливѣ Идунокъ (Невельскаго) онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Заливъ капитана Невельскаго (Идунки) лежитъ на западномъ берегу острова Сахалина, между широтами 47° 20′ N (мысомъ Нотору) и 46° 45′ N (мысомъ Найбуру). Общее направленіе его отъ мыса Нотору на SO 14°, а длина по берегу до 80 верстъ. Главная и самая примѣчательная особенность этого берега состоитъ въ томъ, что вдоль всего его, на разстояніи отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ версты, идетъ каменная гряда, возвышающаяся надъ поверхностью моря отъ $^1/_2$ до $2^1/_2$ саженъ и прорывающаяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образуя такимъ образомъ входы съ моря въ естественный каналъ между этою грядою и берегомъ. Каналъ имѣетъ 25 бухтъ и противъ каждой изъ нихъ гряда прорѣзывается и составляетъ болѣе или менѣе широкіе проходы съ моря, какъ бы ворота...“ По замѣчанію Николая Васильевича, каналъ этотъ между нѣкоторыми бухтами имѣетъ глубину до 1 саженн, при входѣ же въ бухты, въ воротахъ, онъ доходитъ отъ 2 до 6 саженъ, а между нѣкоторыми бухтами глубина канала замѣчена до 2 футовъ. Это обстоятельство требуетъ впрочемъ подробнаго изслѣдованія, такъ какъ этотъ каналъ представляетъ удобное внутреннее сообщеніе вдоль всего берега на этомъ пространствѣ; произвести же этого изслѣдованія, т. е. сдѣлать промѣръ канала, Рудановскій зимою не имѣлъ возможности.

Заливъ Невельскаго раздѣляется на двѣ части: первая, сѣверная, на пространствѣ около 28 верстъ, за заливомъ Ноторо, имѣетъ 16 бухтъ; бухты расположены такъ, что взаимное между ними разстояніе отъ одной до двухъ верстъ. Вторая часть залива, на пространствѣ по берегу около 42 верстъ, имѣетъ 9 бухтъ. Ограничивающіе заливъ высокіе берега имѣютъ общее направленіе въ SW четверти, такъ что изъ бухты Такмака видѣнъ берегъ залива Ассанай на SW 14°. Разстояніе между бухтами этой части залива отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ верстъ, и въ каждую изъ бухтъ впадаютъ рѣчки.

Въ первой части залива находятся гавани Такъ-мака (графа Гейдена) и Маука (Беллинсгаузена) и замѣчательныя бухты: Пора-Тамари и Пероци.

Во второй части всѣ бухты обширнѣе и входы въ нихъ шире,

отчего онѣ и доступны волненію при NW и N вѣтрахъ. Всѣ эти бухты и каналъ требуютъ тщательнаго изслѣдованія и промѣровъ для выбора гавани для зимовки судовъ; нынѣ же, судя по очертанію берега и глубинамъ подробно обслѣдованныхъ г. Руднановскимъ бухтъ, замѣчательны: Маука и Такмака, такъ какъ обѣ онѣ представляютъ очень хорошія гавани, особливо послѣдняя. Судя по расположенію горъ, свѣжіе O и NO вѣтры въ бухтѣ Такмака не должны быть такъ сильны, какъ въ бухтѣ Маука; но во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ рѣшиться на выборъ которой либо изъ этихъ бухтъ для зимовки судовъ, необходимо сдѣлать точное изслѣдованіе залива Невельскаго (Идунка) и наблюденіе за состояніемъ онаго во время его вскрытія и закрытія, т. е. провести зиму въ Маука или Такмака, а раннею весною сдѣлать на шлюпкѣ точную опись онаго.

По берегу залива Невельскаго тянется хребетъ горъ, который въ первой части (сѣверной) залива идетъ отъ берега на SO 10° въ $^1/_2$ верстѣ; но у каждой бухты онъ дѣлаетъ уступы высотою до 5 саженъ. Берега бухтъ этой части залива вообще отлогіе, ровные. Во второй части залива (южной) упомянутый хребетъ подходитъ къ берегу на $^1/_4$ версты и тянется на SW 11°. Берега бухтъ этой части болѣе высокіе и крутые, сравнительно съ берегами бухтъ первой, сѣверной части залива. Кромѣ того, въ бухтахъ южной части залива между горами есть ущелья и долины, способствующія порывамъ O вѣтровъ.

„Во время пребыванія моего“, пишетъ г. Рудановскій, „на этомъ берегу снѣгу почти не было и всѣ бухты залива Невельскаго были открыты, что, по словамъ туземцевъ, здѣсь бываетъ такъ почти каждую зиму. Если иногда (что весьма рѣдко) бухты замерзаютъ, то не болѣе какъ на 2 или 5 дней; море же предъ ними всегда бываетъ чисто.“

Такъ какъ во всѣхъ этихъ бухтахъ во время зимы и лѣта очень хорошо ловится рыба, то поэтому онѣ населены довольно густо, сравнительно съ прочими частями острова, именно населеніе здѣсь можно положить болѣе 1,000 душъ аиновъ и ороковъ.

Изъ бухты Маука и Такмаки лѣтомъ ходятъ пѣшкомъ, а зимою ѣздятъ на собакахъ на рѣку Сосуя. Изъ бухты Такмака до рѣки Сосуя, сколько можно судить по словамъ туземцевъ, не болѣе 35 верстъ. Эта дорога выходитъ на рѣку Сосуя, не доѣзжая селенія Кой около 25 верстъ; слѣдовательно этимъ путемъ, отъ Такма-

ки до Муравьевскаго поста около 110 верстъ. Изъ бухты же Маука дорога выходитъ въ селеніе Кой (отъ Маука до Кой около 50 верстъ), а потому, этимъ путемъ, между Маука и Муравьевскимъ постомъ не болѣе 95 верстъ.

Казакъ Березкинъ, сопровождавшій Рудановскаго, очень хорошо понималъ ороченъ, ибо онъ зналъ тунгусскій языкъ. Изъ ихъ разсказовъ оказалось, что въ то время, когда русскіе подчинили своей власти весь край между рѣкою Леною и моремъ (т. е. Якутскій и Удскій), что было въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, многіе тунгусы (ороки) изъ Удскаго края перешли на островъ Сахалинъ и заняли среднюю и южную часть онаго, перемѣшавшись съ аинами—народомъ, пришедшимъ сюда съ сѣверныхъ Курильскихъ острововъ. То же самое, какъ мы видѣли, подтвердили г-ну Бошняку и орочены (ороки), обитавшіе на рѣкѣ Тыми и въ заливѣ Ный. Въ то время ни одного японца сюда не пріѣзжало. Японцы начали ѣздить на Сахалинъ, по словамъ туземцевъ, недавно: „около 50 зимъ тому назадъ“, т. е. съ 1810 года, уже послѣ высадки на Сахалинъ 5 человѣкъ матросовъ Хвостовымъ и Давыдовымъ.

Эти обстоятельства весьма важны, ибо они показываютъ неоспоримыя права Россіи на обладаніе территоріею острова Сахалина. Наконецъ туземцы сообщили г. Рудановскому, что по западному берегу, къ югу отъ залива Идунокъ, нѣтъ ни одной бухты и почти весь берегъ скалистый и прямой.

ГЛАВА XXVI.

Сообщеніе Самарина о пути изъ Муравьевскаго поста.—Путь отъ селенія Гунупъ.—Права Россіи на Сахалинъ.—Сообщеніе восточнаго берега съ западнымъ.—Путь Самарина изъ залива Терпѣнія до селенія Аркой.—Письмо мое къ Н. В. Буссе отъ 22-го декабря 1853 г.—Увѣдомленіе Петрова 12-го февраля 1854 г.—Опись р. Хунгари и пути въ Императорскую гавань.—Донесеніе Н. К. Бошняка.—Посылка запасовъ въ Императорскую гавань.—Приказаніе Н. К. Бошняку.—Мое донесеніе и письмо генералъ-губернатору, 25-го февраля 1854 г.

10-го января 1854 года Н. В. Буссе отправилъ въ Петровское, на двухъ нартахъ съ двумя матросами, прикащика р.-а. комп. Самарина. Послѣдній, по случаю большой тяжести на нартахъ, не могъ слѣдовать далѣе селенія Сосуя и принужденъ былъ нанять тамъ еще одну туземную нарту съ знакомымъ ему анномъ Сетокуреро. 12-го января онъ отправился вверхъ по рѣкѣ Сосуя, въ селеніе Найбу, тѣмъ же путемъ, по которому слѣдовалъ г. Рудановскій. Изъ с. Найбу до селенія Мануе онъ ѣхалъ по восточному берегу Сахалина и по тому же пути, по которому слѣдовали гг. Орловъ и Рудановскій. Въ селеніи Мануе, какъ туземцы, такъ равно и проводникъ Самарина, объяснили, что ѣхать чрезъ Кусунай къ сѣверу, по западному берегу, опасно, потому что отъ с. Вендуезе до селенія Дуэ берегъ пустынный и скалистый, а море до самаго берега не замерзаетъ, и что надобно слѣдовать ему по восточному берегу до рѣки Спсека и селенія Тарайка, откуда онъ выѣдетъ на западный берегъ Сахалина, около селенія Дуэ, съ котораго къ сѣверу начинаются частыя селенія и море у берега замерзаетъ. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Самаринъ изъ селенія Мануе поѣхалъ къ сѣверу, по восточному берегу. Путешествіе свое этимъ еще никѣмъ не посѣщаемымъ путемъ Самаринъ объясняетъ такъ:

„Выѣхавъ послѣ полдня 22-го января изъ селенія Мануе и, слѣдуя вдоль берега на сѣверъ, чрезъ 20 верстъ довольно труднаго

пути, у скалистаго прямаго берега, я прибылъ въ лѣтники селенія Чко-Берухнай, гдѣ и остановился ночевать; затѣмъ, слѣдуя вдоль такого же скалистаго берега, тянувшагося немного сѣверо-восточнѣе, чрезъ 25 верстъ пріѣхалъ ночевать въ селеніе Гунунъ, расположенное въ полуверстѣ отъ устья значительной рѣки Най.

„Берегъ отъ селенія Мануе до селенія Гунунъ—прямой, отвѣсный, а потому путь этотъ по притайкамъ и торосамъ, гдѣ встрѣчаются большія полыньи, весьма трудный. Приходилось объѣзжать полыньи далеко въ море. Въ горахъ много желтаго мрамора и горы вообще, особенно между Чко-Берухнаемъ и Гунунъ, мѣловыя.

„Рѣка Най при устьѣ имѣетъ ширину отъ 40 до 50 саженъ; по словамъ жителей, она течетъ на пространствѣ около 45 верстъ и имѣетъ глубину не менѣе 4-хъ футовъ. Мѣстность эта весьма замѣчательна тѣмъ, что отсюда идетъ единственное внутреннее водяное сообщеніе между восточнымъ и западнымъ берегомъ острова, а именно: туземцы по рѣкѣ Най изъ селенія Гунунъ подымаются на лодкахъ около 35 верстъ, затѣмъ входятъ въ протоку, соединяющую рѣку Най съ озеромъ Тарайко. Этою протокою идутъ на лодкахъ до 15 верстъ, затѣмъ озеромъ Тарайко на югъ до 20 верстъ и наконецъ протокою, соединяющею озеро съ Татарскимъ заливомъ у селенія Тарайко, до 10 верстъ. Такимъ образомъ это водное внутреннее сообщеніе, сколько можно судить по словамъ туземцевъ, имѣетъ около 80 верстъ и находится примѣрно между широтами 48° 17′N (широта Гунунъ или устья рѣки Най) на восточномъ берегу и широтою 48° 25′ N (устье протока Тарайко) на западномъ берегу острова,—и долготами 142° 40′ O и 142° 15′ O. На всемъ этомъ пути, по словамъ туземцевъ, глубина не менѣе 4 футъ, т. е. достаточная для большихъ рѣчныхъ лодокъ“.

Изъ селенія Гунунъ Самаринъ поѣхалъ вдоль берега по тому же направленію на сѣверъ (N $^1/_2$ O). Берегъ, по которому онъ слѣдовалъ, состоялъ изъ мѣловыхъ возвышенностей и дорога шла по гладкому льду, потому что берегъ отмелый. Проѣхавъ этимъ путемъ около 50 верстъ, онъ прибылъ въ большое селеніе Ваунъ-Готанъ.

Это селеніе расположено было въ бухтѣ при устьѣ значительной рѣки того же имени. Оно состояло изъ 10 юртъ, въ которыхъ господствовала чистота, опрятность и даже комфортъ. Какъ мужчины, такъ и женщины этого селенія рѣзко отличались отъ прочихъ туземцевъ видомъ и цвѣтомъ: волосы у нихъ темнорусые и русые, тогда какъ у другихъ большею частью черные, и лица смуглыя.

Ясно было видно, что это какая либо иная порода туземцевъ. Самаринъ обратилъ на это вниманіе и началъ ихъ подробно разспрашивать. Старики этого селенія сообщили ему, что они происходятъ отъ русскихъ и тунгусовъ, ороченъ, вышедшихъ изъ Удскаго края еще при ихъ прапрадѣдахъ, когда о японцахъ здѣсь и слуху не было; именно около половины XVII вѣка, т. е. тогда, когда весь Якутскій и Удскій край до Охотскаго моря были покорены Россіею. Они поэтому и называютъ себя лоча-орокъ-айну, т. е. креолы, происходящіе отъ русскихъ и удскихъ тунгусовъ, женившихся на туземныхъ аинкахъ.

Это обстоятельство было весьма важно, потому что подтверждало имѣвшіяся уже у насъ свѣдѣнія о томъ же предметѣ, собранныя отъ туземцевъ гг. Бошнякомъ и Орловымъ, и окончательно подтверждало неоспоримое право Россіи на обладаніе территоріею острова Сахалина.

Рѣка Ванъ-Гатанъ имѣетъ ширину при устьѣ до 35 саженъ, но устье ея, а равно и довольно значительная бухта, въ которую она впадаетъ, мелководны. Бухта эта простирается на востокъ до мыса Ванъ-го, около 8 верстъ.

Берега рѣки, по словамъ туземцевъ, возвышенны и покрыты строевыми лѣсами: елью, кедромъ и лиственницею. Въ долинѣ этой рѣки водится много соболей, лисицъ и выдръ, и рѣка изобилуетъ различною рыбою, почему главный промыселъ туземцевъ (которыхъ въ селеніи до 80 душъ) составляютъ звѣриная охота и рыболовство. По этой рѣкѣ и чрезъ горы жители зимою ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ—частію на лодкѣ и пѣшкомъ, на западный берегъ острова, въ селеніе Вандезе. По рѣкѣ Ванъ-Гатанъ они поднимаются на лодкѣ до 35 верстъ, затѣмъ, чрезъ протоки и озеро Дузе, выходятъ на рѣку Най, откуда, оставивъ лодки, идутъ пѣшкомъ чрезъ прибрежный хребетъ въ селеніе Вандезе. Озеро Дузе небольшое, около 5 верстъ, оно лежитъ между рѣками Най и Ванъ-Гатанъ и соединяется съ обѣими этими рѣками протоками. Путь по озеру и по протокамъ не болѣе 20 верстъ, а горою съ рѣки Най около 20 верстъ. Слѣдовательно изъ Ванъ-Гатанъ (восточнаго берега) до селенія Вандезе (западнаго берега) водянымъ путемъ до 55 верстъ, а сухопутно до 20; всего около 75 верстъ. Туземцы лѣтомъ изъ селенія Ванъ-Гатанъ совершаютъ этотъ путь въ 2 дня, а зимою проѣзжаютъ иногда въ одинъ день.

Отъ мыса Ванде горы удаляются отъ берега моря къ западу

и сѣверу, и образуютъ огромнѣйшій заливъ, который туземцы называютъ Туркай (этотъ заливъ Крузенштернъ назвалъ заливомъ Терпѣнія); берегъ у моря идетъ увалистый, ровный; сначала онъ направляется на сѣверъ, а потомъ постепенно склоняется къ востоку и затѣмъ до мыса Туркай—на югъ. Отъ селенія Ванъ-Гатанъ до этого мыса туземцы на прямую, по льду, считаютъ болѣе 100 верстъ.

Изъ селенія Ванъ-Гатанъ Самаринъ поѣхалъ на N немного къ востоку (около NtO), берегомъ и чрезъ 10 верстъ достигъ упомянутаго залива, вдоль берега котораго, до 30 верстъ, ѣхалъ на сѣверъ немного къ западу (около $N^1/_2W$), а затѣмъ вдоль берега же на сѣверо-востокъ ближе къ востоку (NOtO), около 15 верстъ. Онъ такимъ образомъ достигъ устья большой рѣки, которая по аписки называется Сисека, а лоча-орокъ-айну называютъ ее—Тый. Отсюда берегъ идетъ прямо на востокъ; слѣдуя по этому направленію, Самаринъ, чрезъ 2 версты, проѣхалъ устье рѣки Тиранюка, а чрезъ 8 верстъ прибылъ на устье рѣки Тарайку, при которомъ расположено селеніе того же имени. Оно и составляло предѣлъ, до котораго Самаринъ доѣзжалъ по восточному берегу. Отсюда до мыса Терпай, у котораго оканчивается бухта того же имени, туземцы считаютъ около 75 верстъ; слѣдовательно, всѣ эти три рѣки находятся въ сѣверо-западной сторонѣ бухты (залива Терпѣнія). Дорога вдоль берега по льду и частію по берегу шла хорошая, торная и гладкая. Проводники Самарина и туземцы селенія Тарайку разсказывали ему, что въ заливъ Терпай часто заходятъ суда, бьютъ китовъ и вымѣниваютъ отъ туземцевъ соболей и лисицъ на ромъ (арака) и табакъ. Въ селеніи Тарайку Самаринъ, по случаю неблагопріятной погоды, остановился ночевать. Ему нуженъ былъ отдыхъ и, кромѣ того, хотѣлось изслѣдовать окрестности, а потому онъ провелъ тамъ двое сутокъ.

Тарайку состояло изъ 30 юртъ; жителей въ немъ, называвшихся лоча-ороченами (т. е. смѣсь русскихъ съ тунгусами) до 300 душъ. Оно расположено частію по морскому, возвышенному берегу, а частію по рѣкѣ Тарайку. Туземцы приняли его весьма радушно: убрали его собакъ, накормили ихъ, угощали его свѣжей рыбой, въ родѣ лососины, олениной и тетерьками. Занятія ихъ состоятъ изъ рыбнаго и звѣринаго промысла. Рѣка Сисека (Тый), Тиранюка и Тарайку, а равно озеро Тарай-гота, лежащее недалеко отъ селенія, изобилуютъ всякаго рода рыбою, а долины упомянутыхъ рѣкъ и

окрестности озера, различнаго рода дичью и пушными звѣрями; тамъ преимущественно водится соболь, лисица и выдра.

На другой день Самаринъ ѣздилъ съ туземцами къ озеру Тарай-гота, которое находится въ 10 верстахъ отъ селенія на востокъ; оно лежитъ вдоль морскаго берега отъ запада къ востоку до 25 верстъ и имѣетъ въ окружности около 60 верстъ; разстояніе его отъ берега моря отъ 2 до 5 верстъ. Въ восточномъ углу изъ озера идетъ небольшая протока въ море; эта протока, по словамъ туземцевъ, имѣетъ глубину при входѣ не болѣе 5-ти футовъ, далѣе же въ ней до 2 саженъ, а въ озерѣ до 6-ти. Южный берегъ озера отмелый, луговой и большею частію низменный, остальные же берега гористы и покрыты строевымъ лѣсомъ, достигающимъ значительныхъ размѣровъ. Кедръ доходитъ до 10-ти саженъ высоты и до $1^3/_4$ фута въ діаметрѣ; лиственница и ель тоже подобныхъ размѣровъ. Въ сѣверо-западный уголъ озера впадаетъ рѣка Тирійнгота, при устьѣ которой расположено селеніе того же имени. Чрезъ него зимою изъ Тарайка ѣздятъ на западный берегъ озера. Къ сѣверу отъ этого озера и по верховьямъ рѣкъ: Тый (Спсека), Тиранюка, Тарайка и Тирійнгота кочуютъ и живутъ осѣдло орочены (тунгусы). У кочующихъ есть олени. Эти туземцы вообще здѣсь дики и живутъ грязно.

Рѣка *Сисека* (Тый), по словамъ туземцевъ, самая большая изъ рѣкъ, орошающихъ Сахалинъ; она течетъ съ сѣвера на югъ, на пространствѣ, сколько можно судить по объясненію туземцевъ, около 250 верстъ. Ширина ея при устьѣ около 100 саженъ. По словамъ туземцевъ, въ эту рѣку могутъ входить съ моря суда, сидящія въ водѣ около $2^1/_2$ маховыхъ саженъ, т. е. до 14-ти футовъ. На разстояніи отъ устья около 100 верстъ она имѣетъ глубину отъ 4 до $1^1/_2$ маховыхъ саженъ *), т. е. отъ 8 до 22 футовъ. На этомъ пространствѣ она имѣетъ ширину до 50 и 70 саженъ и теченье ровное. Отсюда она уже менѣе широка, глубока и извилиста, однако туземцы поднимаются по ней на лодкахъ болѣе чѣмъ 230 верстъ, почти до вершины, которая недалеко отъ истоковъ рѣки Тыми, такъ что, поднявшись на лодкахъ, туземцы переходятъ пѣшкомъ на упомянутую рѣку въ одинъ день.

Тиранюка имѣетъ ширину въ устьѣ около 50 саженъ; рѣка эта извилиста и имѣетъ на разстояніи около 50 верстъ отъ устья

*) Принимая маховую сажень, которою мѣрятъ туземцы, до $5^1/_2$ футовъ.

глубину до 3 футовъ. До этого мѣста туземцы поднимаются по рѣкѣ на лодкахъ. Длина ея не болѣе 80 верстъ. Она, какъ и параллельно текущія ей рѣки: Тарайку и Тирайнготанъ, выходитъ изъ хребтовъ, тянущихся вдоль восточнаго берега острова и рѣки Тыи (Сисека). Тарайку имѣетъ ширину въ устьѣ около 80 саженъ и течетъ отъ сѣвера къ югу до 150 верстъ. Тирайнготанъ такая же какъ и Тиранюка. Глубина рѣки Тарайку въ устьѣ до 6 футовъ; туземцы поднимаются по ней на лодкахъ до 70 верстъ до перевала, идущаго съ рѣки Тирайнготанъ на рѣку Тый. Берега всѣхъ этихъ рѣкъ возвышенны и покрыты строевыми лѣсами; въ горахъ, а равно и по берегамъ рѣки Тый много каменнаго угля.

Изъ селенія Тарайку Самаринъ выѣхалъ 1-го февраля и направился съ проводникомъ лоча-ороченомъ на устье рѣки Тирайнготанъ, въ селеніе того же имени. Въ Тарайку Самаринъ простился съ своимъ проводникомъ Сетукуреро, который съ письмомъ къ Н. В. Буссе отправился въ Тамари (Муравьевскій постъ). Сетукуреро бодрый, пожилой человѣкъ, около 60 лѣтъ, онъ считаетъ себя креоломъ (лоча-ороченъ-айну). На прощанье онъ объявилъ Самарину, что всѣ лоча-орочены-айну (креолы) считаютъ себя русскими, а японцевъ пришельцами, пришедшими къ нимъ очень недавно (около 40 лѣтъ, какъ можно было судить по объясненію Сетукуреро, т. е. послѣ Хвостова и Давыдова). „Они пришли“, говорилъ Сетукуреро, „чтобы насъ угнетать“, и при этомъ жаловался, что японцы отнимаютъ часто у туземцевъ и уводятъ на Мацмай женъ и лѣвицъ, за работу даютъ имъ ничтожную плату и почти всегда обманываютъ. Всѣ лоча-орочены и лоча-ороченъ-айну, которые имѣютъ между туземцами вліяніе, по его словамъ, одноплеменны русскимъ и считаютъ себя русскими, а отнюдь не принадлежащими японцамъ, и рады, что русскіе здѣсь водворяются и не дозволятъ японцамъ и различнымъ иностранцамъ, пріѣзжающимъ съ китобойныхъ судовъ, дѣлать безчинства.

Изъ селенія Тарайку Самаринъ ѣхалъ берегомъ на сѣверъ немного къ востоку (NtO) до 15 верстъ и по тому же направленію около западнаго берега озера Таранъ-Гота. Чрезъ 10 верстъ онъ достигъ селенія Таранъ-Готанъ, расположеннаго при устьѣ рѣки того же имени, гдѣ и остановился ночевать. Это селеніе состоитъ изъ 4 юртъ съ 30 жителями, называющими себя лоча-ороченами (креолами). Здѣсь Самаринъ встрѣтился съ гиляками селенія Пуль съ рѣки Амуръ, ѣхавшими къ заливу Анива для торга съ тузем-

цами. Одинъ изъ этихъ гиляковъ показалъ Самарину письмо мое къ Н. В. Буссе и разспрашивалъ его, гдѣ онъ живетъ въ Анивѣ. Письмо это попало къ гиляку слѣдующимъ образомъ: не имѣя долго извѣстія отъ Буссе, я безпокоился и въ декабрѣ мѣсяцѣ подрядилъ одного изъ гиляковъ селенія Пуль, отправлявшагося въ южную часть Сахалина, доставить къ Н. В. Буссе письмо; гилякъ взялся непремѣнно исполнить мое порученіе и на пути встрѣтился съ Самаринымъ. Въ этомъ письмѣ я писалъ Н. В. Буссе слѣдующее:

„Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія,— главное объ „Иртышѣ“, такъ какъ, по соглашенію моему съ вами, вы хотѣли съ первою же возможностію отправить ко мнѣ почту и этимъ открыть сообщеніе съ Петровскимъ. Пользуясь нынѣ случаемъ, я отправляю вамъ это письмо съ гилякомъ селенія Пуль. Остаюсь увѣренъ, что въ случаѣ какой-либо крайней необходимости, по которой транспортъ „Иртышъ“ не могъ отправиться въ Петропавловскъ, а долженъ зимовать въ Императорской гавани,—вы, согласно даннымъ мною вамъ наставленіямъ и приказаніямъ, не премините замѣнить больныхъ людей изъ команды транспорта здоровыми и снабдить въ изобиліи команду транспорта всѣми запасами и одеждою (о которыхъ въ подробности я вамъ объяснялъ), необходимыми при такомъ позднемъ времени для зимовки въ пустынѣ, каковою представляется, какъ вамъ извѣстно, Императорская гавань, дабы сколь-возможно сохранить здоровье людей при этой крайности. Точно также я остаюсь увѣреннымъ, что въ случаѣ открытія г. Рудановскимъ на юго-западномъ берегу гавани, вы, согласно данной вамъ инструкціи, непремѣнно пошлете его туда въ февралѣ или началѣ марта весновать, т. е. поставите Ильинскій постъ въ оной. Имѣя въ виду, какъ я вамъ лично объяснялъ, что это необходимо, во-первыхъ, потому, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ безопасно можетъ тамъ зимовать судно, а главное, во-вторыхъ, потому, что съ самою раннею весною, въ то время, когда ни изъ Камчатки, ни изъ колоніи, судовъ нашихъ въ Татарскомъ заливѣ быть не можетъ, надобно ожидать здѣсь американскую эскадру. Имѣть постъ на юго-западномъ берегу острова намъ поэтому крайне необходимо *)“.

Упомянутый гилякъ объявилъ Самарину, что онъ торопится въ Тамари и надѣется чрезъ двѣ недѣли видѣть джангина Буссе.

---

*) Ни того, ни другаго Н. В. Буссе не исполнилъ.

2-го февраля Самаринъ выѣхалъ изъ селенія Тпрайнготанъ и направился къ сѣверу по рѣкѣ того же имени. Слѣдуя большею частью между горпстыми берегами этой рѣки, покрытыми огромнымъ лѣсомъ, чрезъ 50 верстъ онъ достигъ того пункта, отъ котораго переѣзжаютъ съ этой рѣки на рѣку Сисека (Тый), и остановился тамъ въ пустой юртѣ ночевать.

3-го февраля онъ началъ перевалъ на рѣку Тый. Путь этотъ шелъ на сѣверо-западъ по равнинѣ до рѣки Тарайка, которая отъ ихъ ночлега по этому направленію находилась въ разстояніи около 5 верстъ. Переѣхавъ чрезъ рѣку Тарайку, они по тому же направленію чрезъ 15 верстъ достигли лѣваго берега рѣки Сисека (Тый). Отъ рѣки Тарайка сначала онъ ѣхалъ до 10 верстъ между горами по долинѣ, по которой извивается маленькая рѣчка, впадающая въ рѣку Тарайку, а потомъ около 5 верстъ по горамъ, идущимъ по берегу рѣки Тый, на NtW 20 верстъ. Проѣхавъ это пространство, онъ остановился ночевать въ юртѣ, въ которой жило три семейства ороченъ (10 душъ). Мѣсто это называется Огу, по рѣчкѣ, которая впадаетъ въ Тый съ лѣвой стороны. Повидимому эта мѣстность удобна для заселенія.

4-го февраля Самаринъ выѣхалъ изъ селенія Огу и, слѣдуя по рѣкѣ Тый, по тому же направленію (NtW), чрезъ 40 верстъ достигъ большаго селенія Томо, лежавшаго на правомъ берегу рѣки Тый, при впаденіи въ нее рѣчки того же имени. Тамъ онъ остановился ночевать. На этомъ пути проводникъ показалъ Самарину въ горахъ каменный уголь. Самаринъ осматривалъ какъ мѣсторожденіе каменнаго угля, такъ равно и замѣчательные лѣса, тянувшіеся по берегамъ рѣки, и оказалось, что каменнаго угля здѣсь огромное количество, а лиственница, ель и кедръ достигаютъ до 15 сажень высоты и до $2^1/_3$ футовъ въ діаметрѣ (до 16 вершковъ). Есть также и дубъ до 10 вершковъ толщины. Проводникъ, а равно и туземцы селенія Томо говорили Самарину, что каменнаго угля здѣсь вездѣ много, особливо въ горахъ къ селенію Дуэ, откуда берутъ начало рѣки Тыми и Тый.

Селеніе Томо расположено въ прекрасной долинѣ при рѣчкѣ того же имени и по правому берегу рѣки Тый (Сисека). Оно состоитъ изъ 50 юртъ съ 300 жителей, гиляковъ и ороченъ. Туземцы эти весьма дики и корыстолюбивы: за каждую ничтожную услугу они просили табаку или дабы; за кормъ для собакъ они взяли съ Самарина большую цѣну табакомъ и китайкой.

5-го февраля Самаринъ выѣхалъ изъ селенія Томо и, слѣдуя по тому же направленію вверхъ по рѣкѣ Тый (Сисека), чрезъ 20 верстъ достигъ того пункта, отъ котораго переѣзжаютъ съ этой рѣки на западный берегъ Сахалина. Отсюда они начали между густымъ корабельнымъ лѣсомъ подниматься на хребетъ, идущій отъ рѣки (чрезъ 10 верстъ) по направленію на сѣверо-западъ (NW), достигли вершины хребта и ночевали на ней, въ пустой юртѣ.

6-го февраля, выѣхавъ съ ночлега, начали спускаться съ хребта по тому же направленію на вершину рѣчки Аркой, и чрезъ 20 верстъ, слѣдуя по тому же NW направленію, по упомянутымъ хребту и рѣчкѣ достигли западнаго берега Сахалина, селенія *Аркой*, расположеннаго на берегу моря, при устьѣ упомянутой рѣчки. Селеніе это лежитъ въ бухтѣ, въ 20 верстахъ къ сѣверу-востоку отъ мыса Дуэ.

Путь съ сѣвернаго берега залива Терпай (Терпѣнія), отъ селенія Тарайка составляетъ около 200 верстъ. Онъ есть главный путь сообщенія туземцевъ западнаго берега острова Сахалина съ восточнымъ его берегомъ, а потому торный и не представляетъ никакихъ затрудненій. Лѣтомъ по этому пути туземцы, переваливъ чрезъ хребетъ изъ селенія Аркой на рѣку Сисека (Тый), спускаются затѣмъ на лодкахъ въ заливъ Терпѣнія по рѣкѣ Тый; по ихъ словамъ, изъ Аркой можно легко приплыть отъ хребта въ одинъ день.

Изъ селенія Аркой Самаринъ слѣдовалъ по тому же пути, по которому проѣзжалъ въ 1852 году Н. К. Бошнякъ, и 8-го февраля прибылъ въ с. Хой, въ которомъ по причинѣ болѣзни, утомленія и наконецъ дурной погоды, провелъ 9, 10 и 11 числа. 12-го февраля онъ поѣхалъ далѣе къ сѣверу вдоль того же западнаго берега Сахалина, 16-го прибылъ въ Николаевское, а къ полдню 18-го числа—въ Петровское. Онъ представилъ мнѣ образчики каменнаго угля, взятаго имъ съ рѣки Тый (Сисека). Уголь оказался дѣйствительно хорошаго качества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Самаринъ передалъ приказчику р.-а. компаніи въ Петровскомъ Боурову 100 штукъ соболей и 10 лисицъ, изъ которыхъ 5 чернобурыхъ; онъ вымѣнялъ все это отъ туземцевъ на своемъ пути. Самаринъ сказалъ, что Н. В. Буссе велѣлъ ему передать мнѣ, что японцы распускаютъ между туземцами положительные слухи, что будто-бы раннею весною приведутъ съ Мацмая джонки и войско съ цѣлію уничтожить нашъ постъ въ Тамари; почему Буссе и строитъ башню,

и ограждаетъ постъ редутами; команду же будетъ держать соединенно, и на западный берегъ въ исходѣ февраля или въ началѣ марта никого не пошлетъ, чтобы поставить Ильинскій постъ въ бухтѣ, изслѣдованной Рудановскимъ.

20-го февраля возвратился г. Разградскій и сообщилъ, что Петровъ нашелъ тунгуса съ 4-мя оленями для слѣдованія изъ Маріинскаго поста въ Императорскую гавань съ продовольствіемъ, но отправить его туда на нартахъ этимъ путемъ въ настоящее время не могъ, по случаю рыхлаго и глубокаго снѣга на хребтахъ; а потому надобно было выждать начала марта.

Г. Разградскій объяснилъ, что изъ Маріинскаго поста онъ поѣхалъ въ Хунгари, гдѣ нашелъ двухъ туземцевъ съ 3-мя нартами, взявшихся отвезти запасы въ Императорскую гавань. Для вѣрности и скорости, онъ за сутки до выѣзда нартъ послалъ своихъ собакъ съ кормомъ для нанятыхъ нартъ на верховье рѣки Хунгари въ лѣтникъ Холдона, лежащій на половинѣ пути отъ Хунгари до Императорской гавани, и засимъ вслѣдъ за своей нартой отправился самъ съ туземцами. Выѣхавъ изъ селенія Хунгари 27-го января, они поѣхали вверхъ по рѣкѣ Хунгари, которая здѣсь течетъ по направленію SW—NO, и, проѣхавъ около 70 верстъ, ночевали въ селеніи гольдовъ, состоявшемъ изъ 2-хъ юртъ, 28-го января, продолжая путь по рѣкѣ Хунгари по румбамъ OSO, O и NO, и проѣхавъ до 80 верстъ, они остановились въ юртѣ ночевать; 29-го января они поѣхали по той же рѣкѣ и по тому же направленію, и чрезъ 70 верстъ достигли устья Малой-Іодами, гдѣ, въ селеніи гольдовъ, остановились ночевать.

У этого пункта собственно рѣка Хунгари кончается. Слѣдовательно, теченіе ея около 220 верстъ. Отсюда идутъ двѣ рѣки, составляющія рѣку Хунгари: Іодама и Уодама или большая Іодама; рѣка Іодама течетъ отъ NNO, а большая Іодама, или Уодама отъ WNW. 30-го января они сдѣлали по этой рѣкѣ около 70 верстъ, и по возвышенности, отдѣляющей ее отъ истока рѣки Мули, до 5 верстъ, и остановились ночевать въ селеніи орочень, гдѣ и догнали нарту съ кормомъ. Отсюда до Императорской гавани оставалось не болѣе 200 верстъ. Нанятые въ Хунгари гольды объявили Разградскому, что они надѣются чрезъ 5 дней, т. е. 4 и 5-го числа февраля, явиться съ продовольствіемъ къ Н. К. Бошняку въ Императорскую гавань.

Пробывъ здѣсь 31-е января, чтобы дать отдыхъ собакамъ,

г. Разградскій отправилъ отсюда нагруженныя запасами 3 нарты съ 2-мя туземцами и казакомъ въ Константиновскій постъ, а самъ 1-го февраля поѣхалъ обратно, тѣмъ же путемъ. „Дорога по Хунгари въ Императорскую гавань“ объясняетъ г. Разградскій, „ровная, не представляетъ препятствій и можетъ быть совершена скоро, если только на пути, хотя въ трехъ мѣстахъ, заготовить предварительно кормъ для собакъ.

Хунгари течетъ по довольно широкой низменной долинѣ; довольно извилиста и имѣетъ много острововъ. Ея долина окружена горами, на которыхъ значительные лѣса ели, лиственницы, березы и ольхи. Она, по словамъ туземцевъ, изобилуетъ различнаго рода рыбою, а ея окрестности—соболями и лисицами; почему зимою туда и приходитъ много промышленниковъ. Послѣдніе имѣютъ по рѣкѣ весьма частыя юрты для ночлеговъ.

Проѣзжая Маріинскій постъ, г. Разградскій узналъ, что тунгусы съ оленями, нанятые въ Петровскомъ, еще не приходили; между тѣмъ, по свѣдѣніямъ отъ туземцевъ, въ Императорской гавани терпѣли большую нужду.

23-го февраля, чрезъ туземцевъ я получилъ весьма грустное донесеніе отъ Н. К. Бошняка. Онъ писалъ мнѣ отъ 30-го января, что положеніе ихъ весьма печальное: запасовъ нѣтъ, а цынга между командою „Иртыша“ свирѣпствуетъ; 5 человѣкъ уже умерло. Командиръ боленъ, а офицеръ почти при смерти. „Я и ожидалъ этого,“ пишетъ мнѣ Бошнякъ, „иначе и быть не могло, потому что сюда, гдѣ приготовлено для зимовки только на 6 человѣкъ, вдругъ собралось 75 человѣкъ и половина изъ нихъ, т. е. команда „Иртыша“, буквально безъ ничего. Уповаю только на Бога и надѣюсь, что скоро получимъ отъ васъ что либо для облегченія нашей участи. Я впрочемъ удивляюсъ, какъ еще смертность мала, ибо не только въ такое позднее время, но и во всякое другое, люди, высаженные въ пустыню и принужденные въ морозы жить въ сырыхъ избахъ, срубленныхъ съ корня, и при полномъ довольствіи неминуемо заболѣютъ. Я очень сожалѣю, что Н. В. Буссе, отправившій безъ продовольствія „Иртышъ“ въ пустыню, не видитъ всѣхъ послѣдствій своей эгоистической ошибки. Онъ разувѣрился бы тогда въ полной несостоятельности своихъ воззрѣній: проживать въ Тамари-Анивѣ, гдѣ люди прямо помѣщены въ сухія зданія и гдѣ можно достать продовольствія, не то, что въ пустынѣ. Онъ задался какими-то неумѣстными политическими воззрѣніями, здѣсь гибель-

ными и къ дѣлу неидущими. Не въ такомъ же ли положеніи была и команда на Сахалинѣ, какъ здѣсь, если бы слѣдовать его неумѣстнымъ воззрѣніямъ? Можно навѣрно сказать, что около половины ея погибло бы отъ цынги."

„Надежда на Бога и на скорую отъ васъ помощь," заключаетъ Н. К. Бошнякъ, „насъ всѣхъ еще одушевляетъ и поддерживаетъ, хотя я сознаю, что это сопряжено съ большими препятствіями."

Получивъ эти свѣдѣнія, я, для болѣе положительнаго подкрѣпленія запасами несчастныхъ тружениковъ, случайно и неожиданно собравшихся въ Императорской гавани, и для одушевленія ихъ, отправилъ 24-го февраля чрезъ Маріинскій постъ на 2-хъ нартахъ Д. И. Орлова, какъ офицера опытнаго и знакомаго уже съ этимъ путемъ, снабдивъ его всѣми возможными запасами и медикаментами. Офицеру этому приказано было сколь возможно поспѣшнѣе слѣдовать въ Императорскую гавань, нанимая для облегченія своихъ нартъ—нарты у туземцевъ и имѣть въ виду, что въ двухъ мѣстахъ по пути въ эту гавань А. И. Петровъ распорядился уже о заготовленіи корма для собакъ, что весьма ускоряетъ и облегчаетъ путешествіе. По пути слѣдованія понуждать тунгусовъ, чтобы они скорѣе туда шли съ оленями, ибо необходимо доставить туда поспѣшнѣе оленьяго мяса. На пути слѣдованія закупать у манджуровъ и туземцевъ водки, сухой черемши, чесноку и крупы для пополненія отправляемыхъ запасовъ.

По прибытіи въ Императорскую гавань, передать слѣдующія мои приказанія Н. К. Бошняку и командирамъ судовъ: транспорта „Иртышъ" и корабля р.-а. комп. „Николай":

1) Съ открытіемъ въ гавани навигаціи, корабль „Николай" долженъ немедленно выдти изъ гавани съ Н. К. Бошнякомъ и, слѣдуя вдоль татарскаго берега къ югу, высадить на оный Н. К. Бошняка со шлюпкою и байдаркою, въ широтѣ 46° 30′ N. Оттуда Н. К. Бошнякъ, согласно даннымъ ему отъ меня приказаніямъ, долженъ начать изслѣдованіе берега къ югу, имѣя притомъ въ виду, чтобы къ 5-му іюня возвратиться въ ту же широту, потому что около этого времени я на „Байкалѣ" приду къ нему въ этотъ пунктъ съ цѣлію поставить военный постъ въ одной изъ южныхъ бухтъ, которая по его изслѣдованіямъ окажется болѣе закрытою и имѣющею внутреннее, болѣе или менѣе удобное сообщеніе съ рѣкою Амуръ или Уссури.

2) Корабль р.-а. компаніи „Николай“, высадивъ лейтенанта Бошняка, слѣдуетъ въ Муравьевскій постъ, гдѣ и состоитъ въ распоряженіи начальника онаго, маіора Буссе. Если по какому либо случаю въ февралѣ или мартѣ мѣсяцахъ г. Буссе не поставилъ Ильинскаго поста въ одной изъ бухтъ залива Невельскаго (Идунки), то корабль, прежде отправленія своего въ колоніи, обязанъ перевезти въ заливъ Такмака (47° 15′ широты) лейтенанта Рудановскаго съ 8 человѣками людей и продовольствіемъ на 3 мѣсяца, для содержанія въ оном Ильинскаго поста.

3) Если транспортъ „Иртышъ“ до моего прихода на „Байкалѣ“ въ Императорскую гавань, около 1-го іюня, можетъ выдти въ море, то изъ гавани слѣдовать ему въ Муравьевскій постъ, гдѣ у г. Буссе потребовать на мѣсяцъ продовольствія и пополненія убылыхъ изъ его команды и отправиться немедленно въ Петропавловскъ. Въ противномъ же случаѣ, транспортъ этотъ оставить въ Императорской гавани до моего прибытія въ оную на „Байкалѣ“; исправлять по возможности поврежденія и готовиться къ плаванію, имѣя въ виду, что экипажъ его будетъ пополненъ или съ „Байкала“ или изъ Муравьевскаго поста.

4) Г. Орлову, долженствующему оставаться въ Императорской гавани, а равно г. Бошняку и командирамъ: транспорта „Иртышъ“ и корабля „Николай“ предписывается строго наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ судовъ, плавающихъ въ Татарскомъ заливѣ и дѣйствіями, могущей явиться въ оный, военной американской эскадры и, въ случаѣ встрѣчи съ этими судами, дѣйствовать согласно данной мною г. Бошняку инструкціи, т. е. объявлять отъ имени нашего правительства, что весь этотъ край до корейской границы и островъ Сахалинъ составляютъ россійскія владѣнія, а потому всякія произвольныя распоряженія на его берегахъ не могутъ быть терпимы, и

5) Имѣть въ виду, что вмѣстѣ съ симъ же, объ этихъ распоряженіяхъ я доношу генералъ-губернатору, сообщаю главному правленію компаніи и г. Кашеварову, и наконецъ предписываю Н. В. Буссе дѣйствовать согласно онымъ.

Отправивъ г. Орлова, я вмѣстѣ съ симъ же послалъ нарочнаго въ Аянъ съ донесеніемъ и письмомъ къ генералъ-губернатору.

Объяснивъ ему объ упомянутыхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ моихъ, о положеніи амурской и сахалинской экспедиціи, въ заключеніе я писалъ:

„Изъ этого Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, до какой степени было необходимо занятіе Тамари-Аннва. Только этимъ, какъ нынѣ доказываютъ факты, мы спасли нашу команду, высаженную на Сахалинъ, отъ того грустнаго положенія, въ каковомъ находятся люди, собравшіеся въ пустынной Императорской гавани. Точно также Ваше Превосходительство изволите видѣть, что главная цѣль распоряженій моихъ, отправленныхъ нынѣ въ Императорскую гавань съ г. Орловымъ, состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, отстранить водвореніе иностранцевъ на прибрежьяхъ при-Уссурійскаго края, а во-вторыхъ, чтобы отыскать на этихъ прибрежьяхъ такое пристанище для нашихъ судовъ, въ которое они могли бы входить какъ возможно позднѣе, а выходить какъ возможно ранѣе, т. е. отыскать гавань почти всегда открытую для навигаціи и, отыскавши оную, водвориться въ ней. Подобная гавань, какъ непосредственно связанная внутреннимъ сообщеніемъ съ рѣкою Амуръ и можетъ только обусловливать важное политическое значеніе для Россіи при-амурскаго и при-уссурійскаго бассейна. Императорская гавань, несмотря на превосходное очертаніе своихъ береговъ и глубины, какъ показалъ уже нынѣ опытъ, не соотвѣтствуетъ упомянутой цѣли. Она, подобно какъ и заливъ де-Кастри, значительное время закрыта для навигаціи, и поэтому можетъ служить только лишь станціею для нашихъ судовъ, плавающихъ въ Татарскомъ заливѣ. Въ виду этихъ соображеній, если люди, назначенные по штату въ экспедицію, будутъ слѣдовать сюда по рѣкѣ Амуръ, я прошу Ваше Превосходительство приказать поставить на устьѣ рѣки Уссури постъ изъ 30 человѣкъ. Пунктъ этотъ, какъ ближайшій къ прибрежью южнаго при-уссурійскаго края и какъ пунктъ центральный относительно нижне-амурскаго и уссурійскаго бассейновъ, представляетъ такую мѣстность, въ которой должна сосредоточиваться вся главная наша дѣятельность въ этомъ краѣ и управленіе онымъ. Въ настоящее же время этотъ пунктъ долженъ служить исходнымъ нашимъ пунктомъ какъ для сообщенія съ избранною на югѣ гаванью, такъ равно и для изслѣдованія уссурійскаго и средне-амурскаго бассейновъ. За этимъ необходимо также поставить постъ на устьѣ рѣки Хунгари, по крайней мѣрѣ изъ 10 человѣкъ, для удобства сообщенія между Маріинскимъ постомъ, устьемъ рѣки Уссури и Императорскою гаванью.

„До прибытія изъ Кронштадта винтоваго судна, транспортъ „Байкалъ“ долженъ оставаться въ моемъ распоряженіи, такъ какъ,

во-первыхъ, на немъ надобно снабдить экспедицію запасами или изъ Аяна, или съ Сахалина, а во-вторыхъ, въ виду прибытія въ Татарскій заливъ американской военной эскадры, необходимо, чтобы въ ономъ находилось наше военное судно".

„Что касается до Сахалина, то изслѣдованія гг. Бошняка, Орлова и въ особенности Рудановскаго, и свѣдѣнія, доставленныя нынѣ Самарскимъ, показали, что послѣ занятаго нами селенія Тамари въ заливѣ Анива, замѣчателенъ заливъ или озеро Буссе (Тообучи) и устья рѣкъ: Найбу или Найну, Гунупъ, Ванготанъ и Сисека или Тый, на восточномъ берегу. На западномъ же: бухты Маука и Такмака, устье протока Тарайку и озеро того же имени, селеніе Аркой и заливъ Дуэ. Въ видахъ политическихъ и коммерческихъ компаніи слѣдуетъ обратить на эти мѣста вниманіе. Чтобы опредѣлить же, въ коей степени безопасно могутъ зимовать суда въ заливѣ Тообучи (Буссе) и бухтахъ: Маука и Такмака, названныхъ мною бухтами: Беллинсгаузена и графа Гейдена, я сдѣлалъ надлежащее наставленіе г. Буссе, а именно: приказалъ ему въ заливѣ его имени, какъ сосѣдственномъ съ Муравьевскимъ постомъ, наблюдать за обстоятельствами, сопровождающими закрытіе и вскрытіе онаго; а въ бухтѣ Такмака послать въ февралѣ мѣсяцѣ г. Рудановскаго поставить Ильинскій постъ, снятый въ исходѣ сентября г. Орловымъ. Исполнить все это тѣмъ болѣе необходимо, что эти послѣднія бухты весьма важны и въ томъ отношеніи, что въ январѣ мѣсяцѣ Рудановскій ихъ нашелъ чистыми, а туземцы говорятъ, что онѣ вообще рѣдко замерзаютъ и что навигація по нимъ всегда открыта. Рудановскому остается узнать, не заходятъ ли въ эти бухты весною льды и не сопровождаются ли сѣверо-восточные и восточные вѣтры жестокими порывами съ горъ; чего, какъ вы изволите видѣть изъ выписки журнала Рудановскаго, надобно ожидать, особливо въ бухтѣ Маука. Произвести нынѣ же эти наблюденія тѣмъ болѣе необходимо, что съ 1854 на 1855 годъ на Сахалинѣ непремѣнно должно зимовать судно компаніи; слѣдовательно, надобно предварительно опредѣлить мѣсто, гдѣ это судно можетъ зимовать съ большею безопасностью.

„Піонерный характеръ нашихъ дѣйствій въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ краѣ, по обширному и пустынному его положенію и по разнообразнымъ условіямъ онаго, долженъ продолжаться еще долго. Топоръ, заступъ и плугъ должны имѣть здѣсь первенствующее мѣсто. Команды, сюда присылаемыя, должны составлять здѣсь

главныхъ работниковъ. Военная и гражданская организаціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ Россіи и на Кавказѣ, здѣсь рѣшительно неумѣстны. Рѣки Амуръ и Уссури составляютъ надежные базисы нашихъ дѣйствій. Банки лимана и пустынныя, бездорожныя, лѣсистыя и гористыя прибрежья при-усурійскаго и нижне-амурскаго края будутъ надолго составлять самую надежную защиту противъ всякихъ непріязненныхъ покушеній на этотъ край съ моря, и чрезъ это обезпечивать наши дѣйствія въ ономъ. По этому нынѣ всѣ средства здѣсь должны быть употреблены отнюдь не на созданіе совершенно безполезной въ этомъ краѣ организаціи съ арміею военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, или на сооруженіе какихъ либо долговременныхъ укрѣпленій и зданій, но они должны быть всецѣло употреблены на то, чтобы были въ этомъ краѣ надлежащія суда для внутреннихъ сообщеній, чтобы были военно-рабочія и земледѣльческія силы и лица, могущія разъяснить богатства природы этого края. Устье рѣки Уссури здѣсь представляетъ центръ, изъ котораго должны исходить пути, обезпеченные земледѣльческими поселеніями, къ главнымъ мѣстностямъ, какъ то: къ Забайкальской области, устью рѣки Амуръ и къ гаванямъ, лежащимъ на прибрежьяхъ края.

„Вотъ въ чемъ единственно здѣсь и состоитъ правительственная задача, непосредственно истекающая изъ всѣхъ фактовъ, добытыхъ амурскою экспедиціею, какъ первымъ піонеромъ, дѣйствующимъ этого края,—піонеромъ, указавшимъ уже на важное значеніе онаго для Россіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніи“.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ письмѣ моемъ Н. Н. Муравьеву, я просилъ, чтобы люди, назначенные въ экспедицію, были снабжены инструментами и матеріалами для плотничныхъ и кузнечныхъ работъ, а равно и теплою одеждою, и повторилъ мою убѣдительную просьбу, чтобы въ случаѣ спуска этихъ людей по рѣкѣ Амуръ, непремѣнно было оставлено около 40 человѣкъ на устьяхъ рѣкъ Уссури и Хунгари. Я писалъ, что „въ началѣ наступившей навигаціи, на прибрежьѣ уссурійскаго края мною заняты будутъ двѣ болѣе закрытыя бухты, дабы къ навигаціи 1855 года опредѣлить, которая изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ главной упомянутой цѣли, т. е. болѣе продолжительное время открыта для навигаціи. Изъ людей, оставленныхъ на устьѣ рѣки Уссури, я отдѣлю до 15 человѣкъ вверхъ по рѣкѣ для зимовки въ двухъ пунктахъ, изъ которыхъ туземцы ѣздятъ въ упомянутыя бухты, и вообще на прибрежье уссу-

рійскаго края, въ видахъ ознакомленія съ этими путями, изслѣдованія оныхъ и установленія сообщенія между постами нашими въ этихъ бухтахъ и постами на рѣкахъ Уссури и Амуръ; такъ чтобы къ навигаціи 1855 года намъ были положительно извѣстны тѣ пункты въ краѣ, на которые наиперво̀е надобно обратить вниманіе.

„Распорядиться такимъ образомъ, когда ожидается, какъ Вы изволите мнѣ писать, разрывъ съ европейскими западными державами, становится крайнею необходимостью, ибо наши посты, поставленные на прибрежьѣ Уссурійскаго края, привлекутъ непріятеля къ блокадѣ онаго, т. е. заставятъ его фактически признать этотъ край принадлежащимъ Россіи. Между тѣмъ, при такомъ распоряженіи непріятель не можетъ намъ причинить вреда, потому что люди съ постовъ, въ случаѣ крайности, могутъ отступить по пути неизвѣстному непріятелю, и съ его стороны было бы въ высшей степени неблагоразумно посылать на поиски по этому дикому, гористому и бездорожному пространству. Для этого послѣдняго намъ необходимо только принять мѣры, чтобы изъ постовъ нашихъ, поставленныхъ на рѣкѣ Уссури, было заранѣе заготовлено продовольствіе для отступающихъ людей, что весьма просто и легко сдѣлать, когда пути эти намъ будутъ извѣстны“.

„Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я намѣренъ распорядиться такъ, какъ выше изложено. И вотъ причины, по которымъ, въ случаѣ разрыва съ западными державами, намъ слѣдуетъ здѣсь *не сосредоточиваться*, а напротивъ, *разсредоточиваться* малыми отрядами изъ 8 или 10 человѣкъ, и заранѣе обезпечивать наши сообщенія въ краѣ съ его прибрежьемъ, имѣя при этомъ въ виду привлечь непріятеля къ блокадѣ прибрежья.

„Что касается до вторженія съ моря непріятеля во внутрь страны, то этого намъ нечего опасаться, ибо, повторяю, банки лимана, опасное, трудное и неизвѣстное для непріятеля плаваніе по оному, пустынныя, лѣсистыя, гористыя и бездорожныя прибрежья, удаленіе края отъ цивилизованныхъ портовъ, и наконецъ неизвѣстность для непріятеля нашей силы и средствъ въ ономъ, составляютъ непреоборимыя, можно сказать, преграды для подобныхъ вторженій съ моря.

„Въ настоящее время меня болѣе всего безпокоитъ то, что мы до сихъ поръ не только не имѣли средствъ изслѣдовать лиманъ, въ видахъ отысканія въ немъ болѣе глубокихъ фарватеровъ, но даже не успѣли обезпечить безопасность плаванія по ранѣе извѣстнымъ фар-

ватерамъ, и наконецъ, что мы не имѣемъ здѣсь ни одного парохода, который бы могъ вводить суда въ рѣку Амуръ, между тѣмъ какъ она, въ случаѣ войны съ морскими державами, представляетъ единственное и надежное во всѣхъ отношеніяхъ убѣжище для судовъ нашихъ на отдаленномъ востокѣ.

„Таковой же характеръ нынѣ долженъ быть и нашихъ дѣйствій на Сахалинѣ, въ случаѣ войны съ морскими державами. Посты наши, расположенные въ заливахъ Анива, Такмака, Кусунай, Дуэ и Терпѣнія (по туземному Тернай), привлекутъ непріятеля къ блокадѣ береговъ Сахалина. Отступленіе нашихъ командъ въ случаѣ крайности во внутрь острова можетъ быть произведено по извѣстнымъ нынѣ намъ путямъ, по которымъ мы легко можемъ продовольствовать эти команды изъ Николаевска, независимо отъ морскаго пути. Само собою разумѣется, что и здѣсь, подобно какъ и на прибрежьѣ при-уссурійскаго края, посты эти должны состоять не болѣе какъ изъ 6 или 4 человѣкъ, ибо главная цѣль ихъ должна состоять единственно въ томъ, чтобы привлечь непріятеля блокировать берега острова“.

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ генералъ-губернатору, я тогда же увѣдомилъ главное правленіе компаніи и г. Кашеварова о распоряженіи моемъ относительно корабля „Николай“ и о результатахъ изслѣдованія, произведенныхъ на Сахалинѣ Н. В. Рудановскимъ, и просилъ Кашеварова немедленно отправить, сколь возможно поспѣшнѣе, донесеніе мое къ генералъ-губернатору.

1 марта я послалъ почту на Сахалинъ къ г. Буссе, увѣдомляя его о сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ по Императорской гавани и о рѣшеніи, принятомъ мною относительно дѣйствія на Сахалинѣ въ случаѣ разрыва съ морскими державами. Вотъ копія съ отрывка моего письма г. Буссе:

„Не получивъ отъ васъ донесенія о распространяемыхъ японцами слухахъ, переданныхъ мнѣ Самариным, я вижу что вы, какъ и слѣдуетъ, не обращаете вниманія на подобныя нелѣпости, и остаюсь увѣреннымъ, что вы, согласно моимъ приказаніямъ и личнымъ вамъ объясненіямъ, въ виду ожидаемой раннею весною въ Татарскій заливъ американской эскадры, послали въ заливъ Такмака, или Маука г. Рудановскаго весновать въ оном и вмѣстѣ съ этимъ наблюдать надъ обстоятельствами, сопровождающими вскрытіе залива и надъ силою господствующихъ тамъ вѣтровъ съ горъ. Увѣренъ также, что вы не премнули сдѣлать подобныя же наблю-

денія въ сосѣдственномъ съ Муравьевскимъ постомъ заливѣ вашего имени (Тообуча). Подобныя наблюденія, какъ я вамъ лично объяснилъ, необходимы для опредѣленія степени безопасности зимовки судна, которая, какъ вамъ извѣстно, неминуемо должна послѣдовать съ 1854 на 1855 годъ... Поставляя вамъ въ извѣстность принятое мною рѣшеніе (о чемъ я доносилъ уже генералъ-губернатору) о характерѣ и цѣли дѣйствій нашихъ на Сахалинѣ, въ случаѣ разрыва нынѣ съ морскими державами, я предлагаю вамъ въ точности этимъ руководствоваться при упомянутомъ обстоятельствѣ, т. е. имѣть въ виду, что мы и въ случаѣ войны не должны оставлять острова, а только лишь уменьшить численность людей на ономъ и размѣстить остальныхъ по постамъ, отъ 8 до 6 человѣкъ въ каждомъ, а именно: въ заливы Анива, Такмака, Кусунай, Дуэ и Тернай (Терпѣнія), т. е. въ такія мѣста, въ которыхъ, пользуясь нынѣ извѣстными намъ путями, мы можемъ во время войны снабжать ихъ продовольствіемъ, независимо отъ моря, внутреннимъ путемъ, на селенія Погоби, Аркой и Кусунай“.

Изъ вышесказаннаго видно, что главная цѣль принятаго мною рѣшенія для дѣйствія въ навигацію 1854 года, состояла въ томъ, чтобы еще болѣе утвердить за Россіею обладаніе весьма важнымъ для нея нижне-амурскимъ и уссурійскимъ краемъ.

ГЛАВА XXVII.

Предписаніе Н. В. Буссе отъ 1 марта 1854 г.—Положеніе наше въ Петровскомъ.—Посылка Разградскаго вверхъ по Амуру.—Спускъ по Амуру людей подъ начальствомъ генералъ-губернатора. — Мое отправленіе изъ Петровскаго для слѣдованія вверхъ по Амуру. — Распоряженія мои г. Бачманову.—Наши силы въ при-амурскомъ краѣ.—Высочайшее повелѣніе 22 апрѣля 1853 г. Листъ въ Пекинъ 16 іюня 1853 г.—Путешествіе Н. Н. Муравьева и торжественныя встрѣчи.—Мое путешествіе вверхъ по Амуру и затѣмъ въ заливъ де-Кастри. — Донесеніе Бошняка. — Встрѣча моя съ генералъ-губернаторомъ 14 іюня 1854. — Спускъ нашей флотиліи по Амуру.

Положеніе жены моей въ эту зиму было гораздо лучше чѣмъ въ предъидущія, ибо въ прекрасной и образованной женщинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Бачмановой моя жена нашла и пріятную собесѣдницу, и помощницу; ея общество оживляла, кромѣ того, и супруга нашего священника, Екатерина Ивановна Вельяминова.

Хотя въ эту зиму мы и не ощущали, какъ въ предъидущую, никакого недостатка въ продовольствіи, но послѣдствія первой ужасной зимы въ пустынѣ имѣли вліяніе на здоровье жены моей и въ особенности на нашу малютку—Екатерину. Между тѣмъ, 2 апрѣля у насъ родилась вторая дочь, Ольга; жена не въ состояніи была кормить ее, а кормилицы не было. Это еще болѣе усиливало болѣзнь матери; но Господь Богъ укрѣплялъ насъ и помогъ перенести съ твердостію это ужасное положеніе и всѣ лишенія.

12 апрѣля я получилъ съ нарочнымъ Высочайше дарованную мнѣ награду: Владиміра 3 степени. Генералъ-губернаторъ, препровождая мнѣ ее, писалъ, что Государь Императоръ рѣшительными дѣйствіями моими и занятіемъ главнаго пункта острова Сахалина, Тамари, остался весьма доволенъ и что команды, назначенныя для укомплектованія по штату экспедиціи, вѣроятно спустятся по р. Амуру изъ Стрѣтенска. Въ виду этого обстоятельства

и полагая, что просьба моя, дабы оставить 30 человѣкъ на устьѣ рѣки Уссури и 10 человѣкъ на устьѣ рѣки Хунгари, придетъ послѣ уже отправленія людей по р. Амуръ изъ Стрѣтенска, и что рѣка Амуръ почти отъ устья Уссури широка и наполнена лабиринтомъ острововъ и протокъ, почему слѣдованіе здѣсь баржъ безъ проводниковъ не только затруднительно, но и опасно, я сейчасъ же командировалъ вверхъ по Амуру г. Разградскаго и приказалъ ему, достигнувъ устья рѣки Хунгари, принимать мѣры, чтобы туземцы провожали по рѣкѣ Амуръ наши суда. Съ нимъ я предписалъ начальнику отряда, слѣдовавшему съ этими судами, оставить на устьѣ Уссури 30 человѣкъ, а на устьѣ Хунгари 10 человѣкъ со всѣмъ тѣмъ довольствіемъ, запасами и матеріалами, съ каковыми эти люди сплавляются. Затѣмъ, съ остальными людьми остановиться въ Маріинскомъ постѣ и ожидать моего прибытія въ оный. По исполненіи этого порученія, г. Разградскій долженъ былъ возвратиться въ Маріинскій постъ не позже 20 мая. Начальнику Маріинскаго поста, А. И. Петрову, предписано было въ то же время поставить постъ въ де-Кастри и, по возвращеніи г. Разградскаго, сдать ему оба поста: Маріинскій и въ де-Кастри и слѣдовать въ Николаевское, для наблюденія за работами.

15 апрѣля было получено въ Петровскомъ чрезъ туземцевъ донесеніе Д. И. Орлова съ рѣки Тумджинъ, что часть оленей и запасовъ достигла въ Императорскую гавань и что смертность между командами ослабѣваетъ.

4 мая прибыла изъ Аяна почта; съ нею генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ меня, что онъ самъ спускается по рѣкѣ Амуру съ людьми, какъ для укомплектованія экспедиціи, такъ равно и для подкрѣпленія Петропавловскаго порта; что люди, назначенные для подкрѣпленія Петропавловска, должны отправиться туда изъ залива де-Кастри; что для перевоза этихъ людей въ Петропавловскъ В. С. Завойко предписано къ 15 мая прислать суда въ де-Кастри, и наконецъ, что онъ со всѣми командами къ 20 мая будетъ въ Маріинскомъ постѣ, почему и предписываетъ мнѣ быть къ этому времени тамъ.

Заливъ Счастья былъ 4 мая еще покрытъ льдомъ, на берегахъ же въ горахъ начиналась распутица. Дабы достигнуть къ назначенному времени Маріинскаго поста, необходимо было къ 10 мая быть въ Николаевскѣ, добраться до котораго въ то время, и то съ большею опасностію, возможно было только верхомъ на оленяхъ;

а оленей, кромѣ 4 прибывшихъ съ почтою, около Петровска не было, этимъ же послѣднимъ необходимъ былъ отдыхъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе 4 дней, поэтому я не могъ выѣхать изъ Петровска ранѣе 8 мая. Отправляясь въ путь, я сдѣлалъ единственному офицеру, остававшемуся въ Петровскомъ, А. В. Бачманову, слѣдующее распоряженіе: съ первою возможностью прислать въ Маріинскій постъ 10 веселный катеръ. Приходящимъ на петровскій рейдъ иностраннымъ китобойнымъ судамъ, а равно и всѣмъ туземцамъ объявлять, что по рѣкѣ Амуръ слѣдуетъ къ намъ вооруженная флотилія съ войскомъ. Это послѣднее распоряженіе я необходимымъ счелъ сдѣлать потому, что хотя Н. Н. Муравьевъ и не увѣдомлялъ меня о разрывѣ съ западными державами, но личное его прибытіе и необходимость въ подкрѣпленіи Петропавловска давали мнѣ поводъ думать, что этотъ разрывъ вѣроятно уже послѣдовалъ.

Положеніе наше въ это время въ нижне при-амурскомъ краѣ было таково: въ Петровскомъ находилось 25 человѣкъ при 25 кремневыхъ дрянныхъ ружьяхъ, выбранныхъ изъ остававшихся въ Охотскѣ. Въ Николаевскомъ 30 человѣкъ при 30 таковыхъ же ружьяхъ и 2-хъ и 3-хъ фунтовыхъ пушкахъ, изъ которыхъ изъ одной только можно было стрѣлять. Въ Маріинскомъ постѣ 8 человѣкъ съ таковыми же ружьями и въ Александровскомъ постѣ (де-Кастри) 10 человѣкъ при такихъ же ружьяхъ и одной 3-хъ фунтовой пушкѣ. Пороху во всей экспедиціи состояло $1^1/_2$ пуда, и снарядовъ для упомянутыхъ 3 орудій по 25 выстрѣловъ на каждое. Вотъ въ какомъ положеніи насъ застала война въ нижне при-амурскомъ краѣ. На всѣ предложенія мнѣ, въ случаѣ войны сосредоточить въ Николаевскѣ всѣ силы для борьбы съ непріятелемъ, — я постоянно отвѣчалъ, что не сосредоточивать эту ничтожную горсть, но напротивъ, ее слѣдуетъ разсредоточивать, потому что банки лимана и пустынныя прибрежья края составляютъ самую надежную защиту. Въ описываемое время я вовсе не безпокоился въ этомъ отношеніи, а заботился только лишь о томъ, чтобы исполнить упомянутый планъ мой, т. е. чрезъ посты, раскинутые по прибрежьямъ при-амурскаго и при-уссурійскаго края, привлечь непріятеля къ блокадѣ онаго, уменьшить численность людей на Сахалинѣ, раскинувъ ихъ, какъ объяснено выше, по постамъ изъ 6 или 5 человѣкъ, и наконецъ послѣ доставленія людей и продовольствія на судахъ нашихъ, зимовавшихъ въ Императорской гавани и на транспортѣ „Байкалѣ“

(долженствовавшемъ придти въ заливъ де-Кастри), по всѣмъ постамъ при-уссурійскаго края и острова Сахалина, ввести эти суда въ рѣку Амуръ. Въ виду вѣроятной возможности прибытія непріятельской эскадры въ Татарскій заливъ, я вполнѣ былъ увѣренъ, что вся эта операція можетъ быть окончена гораздо ранѣе прихода сюда непріятеля, такъ что съ его появленіемъ всѣ прибрежья Татарскаго залива будутъ уже обставлены нашими военными постами, съ единственною цѣлію привлечь непріятеля къ блокадѣ этого прибрежья. Для обезпеченія этихъ постовъ необходимо было, какъ я выше объяснилъ, занять устья рѣкъ Хунгари и Уссури и предупредить объ этомъ Н. Н. Муравьева, ранѣе прибытія его въ Маріинскій постъ, для того, чтобы были оставлены на рѣкахъ Хунгари и Уссури люди. Въ виду этого, не смотря на ужасную распутицу, я спѣшилъ скорѣе выбраться изъ Петровскаго, дабы благовременно встрѣтить Н. Н. Муравьева, надѣясь при этомъ, что въ исполненіи моихъ распоряженій препятствія не представится. Вотъ тѣ надежды и цѣль, съ которыми я отправился изъ Петровскаго 8 мая. Но всѣ онѣ были противуположны мнѣнію, сложившемуся тогда у людей, которые шли туда располагать нашими дѣйствіями.

Внезапная рѣшимость Высшаго правительства дозволить генералъ-губернатору сплавить людей по рѣкѣ Амуръ, считавшейся въ то время китайскою, послѣдовала такимъ образомъ:

Важные результаты дѣятельности амурской экспедиціи и благосклонное вниманіе къ этой дѣятельности въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, давали надежду Н. Н. Муравьеву на успѣхъ его постоянныхъ стараній, что будетъ, наконецъ, разрѣшено плаваніе по Амуру. Въ этихъ видахъ генералъ-губернаторъ состоящему при немъ для особыхъ порученій капитану 2-го ранга Петру Васильевичу Козакевичу приказалъ сдѣлать промѣръ рѣки Шилки и этимъ промѣромъ доказать возможность заведенія на этой рѣкѣ пароходства. Проэктъ о пароходствѣ въ 1853 году былъ Высочайше утвержденъ и въ томъ же году на Шилкинскомъ заводѣ былъ заложенъ 60-ти сильный пароходъ „Аргунь“, который строился подъ руководствомъ Петра Васильевича корабельнымъ инженеромъ Шарубинымъ. Вмѣстѣ съ этимъ, въ томъ же году, начали дѣлаться постепенныя приготовленія къ сплаву по рѣкѣ Амуръ. Ожидаемый разрывъ съ западными державами, понудилъ генералъ-губернатора прибыть въ Петербургъ для обсужденія различныхъ предположеній о защитѣ ввѣреннаго ему края, въ случаѣ открытія военныхъ дѣй-

ствій. 22-го апрѣля 1853 года Н. Н. Муравьевъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору Николаю I о важности изслѣдованій, произведенныхъ амурскою экспедиціею, о направленіи Хинганскаго хребта отъ верховьевъ рѣки Уди къ югу, а равно и направленіи главныхъ притоковъ рѣки Амуръ, берущихъ начало изъ восточнаго склона этого хребта,—фактовъ, доказавшихъ по точному смыслу нерчинскаго тракта, несомнѣнныя права наши на рѣку Амуръ. Изслѣдованія въ Удскомъ краѣ, произведенныя экспедиціею подполковника Ахтэ, еще болѣе подтверждали факты, добытые амурскою экспедиціею, относительно направленія границы нашей съ Китаемъ (вопроса *возбужденнаго* и *рѣшеннаго* на мѣстѣ амурскою экспедиціею). Рѣка Амуръ должна принадлежать не Китаю, а Россіи, докладывалъ генералъ-губернаторъ и представлялъ Его Величеству, что для подкрѣпленія Петропавловска необходимо разрѣшить сплавъ по рѣкѣ Амуру, ибо берегомъ нѣтъ никакой возможности доставить въ Петропавловскъ ни продовольствія, ни оружія, ни войскъ. Государь Императоръ, выслушавъ докладъ Муравьева, изволилъ признать все это основательнымъ, и того же 22 апрѣля 1853 года Высочайше повелѣть соизволилъ: **написать объ этомъ пекинскому трибуналу; предложеніе же Муравьева о сплавѣ по рѣкѣ Амуръ запасовъ, оружія, продовольствія и войскъ разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ.** Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, 16-го іюня 1853 года правительствующій сенатъ послалъ листъ пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній слѣдующаго содержанія:

„По существующимъ трактатамъ граница отъ рѣки Горбицы къ востоку положенная до верховья рѣки Уди, должна идти Хинганскимъ или Становымъ хребтомъ горъ, а отъ верховья рѣки Уди—тѣмъ же хребтомъ до моря протяженнымъ, такимъ образомъ, что всѣ рѣки, текущія по южную сторону этого хребта, должны состоять во владѣніи Китайскаго государства, а рѣки по всѣмъ прочимъ направленіямъ, текущія изъ этого хребта,—во владѣніи Россійскаго государства. Но, такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ *пограничные знаки не поставлены* *), то поэтому и приглашается китайское правительство прислать своихъ уполномоченныхъ для постановленія

*) Изъ этого видно, что правительство, вслѣдствіе разъясненія моего, убѣдилось въ ошибочности донесенія академика Миддендорфа, что будто бы найденные имъ при слѣдованіи отъ Охотскаго моря въ Забайкалье столбы, или груды камней, составляютъ пограничные знаки, поставленные китайцами. На основаніи каковаго донесенія и была, какъ видѣли, составлена экспедиція Ахтэ для опредѣленія по этимъ столбамъ границы съ Китаемъ.

этихъ знаковъ, въ виду разграниченія пространства до моря, оставшагося *до усмотрѣнія неразграниченнымъ*".

Этотъ актъ весьма знаменателенъ въ исторіи при-амурскаго края; онъ составляетъ первый краеугольный камень, положенный амурскою экспедиціею въ основаніе къ признанію края за Россіею. До этого времени на всѣхъ правительственныхъ и частныхъ картахъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ, какъ мы видѣли, актахъ, объяснялось, что граница наша съ Китаемъ идетъ къ Охотскому морю, къ Тугурской губѣ, т. е. весь при-амурскій край считался какъ бы безспорно во владѣніи Китая. Благодаря этому акту, истекающему единственно изъ изслѣдованій, произведенныхъ амурскою экспедиціею, надъ направленіемъ Хинганскаго хребта и рѣкъ, берущихъ начало изъ онаго, *Правительство впервые признало* неправильность принимаемой имъ доселѣ границы нашей съ Китаемъ и тѣмъ *сознало*, что рѣка Амуръ должна принадлежать не Китаю, какъ до этого оно было твердо убѣждено, а Россіи. И такъ, *возбужденный* и *разрѣшенный* амурскою экспедиціею пограничный вопросъ не остался безслѣднымъ; разрѣшеніе его и составляло одну изъ главныхъ миссій амурской экспедиціи.

По прибытіи Н. Н. Муравьева изъ заграницы въ С.-Петербургъ, особый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его предположенія относительно сплава по Амуру, и послѣ различныхъ соображеній и преній, рѣшено было въ комитетѣ: *плыть по рѣкѣ Амуръ*. Государь Императоръ, утвердивъ это рѣшеніе, изволилъ лично прибавить Муравьему: **чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ.**

Послѣ этого Н. Н. Муравьевъ тотчасъ же отправилъ М. С. Корсакова въ Иркутскъ курьеромъ, съ порученіемъ ускорить распоряженія по амурскому сплаву. Вслѣдъ за отъѣздомъ Корсакова, въ февралѣ 1854 года, Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга, и еще по льду переѣхалъ озеро Байкалъ. Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ. „Генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева", пишетъ г. Свербѣевъ, сопутствовавшій ему въ качествѣ дипломатическаго чиновника, „вездѣ встрѣчали съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни *).

*) Вотъ стихи, сказанные Николаю Николаевичу на обѣдѣ въ Кяхтѣ 27-го апрѣля 1854 года, однимъ изъ кяхтинскихъ купцовъ Ксенофонтомъ Кондапскимъ:

Пируя праздникъ возвращенья,
Сподвижникъ царскій, твоего,

По прибытіи генералъ-губернатора въ Шилкинскій заводъ, на водахъ рѣки Шилки красовался, невиданный до сего времени въ Забайкальѣ, пароходъ „Аргунь“ и 75 грузовыхъ барказовъ для экспедиціи. Горное вѣдомство сдѣлало въ честь торжества блестящую иллюминацію.

14-го мая 1854 года, послѣ напутственнаго молебна предъ древней иконой Божіей матери, вынесенной изъ Албазина, и при салютѣ изъ албазинской пушки, флотилія начала спускаться по рѣкѣ Шилкѣ. Впереди всѣхъ, на своей лодкѣ, плылъ генералъ-губернаторъ. „Зашестрѣли предъ нами берега Шилки“, говоритъ г. Свербѣевъ, „оглушаемые громкими криками ура! Мы быстро неслись по ней, чтобы достигнуть рѣки Амуръ. Заводская пушка привѣтствовала флотплію, и населеніе Шилки бросало шапки вверхъ и кричало ура! Это были радостныя, восторженныя и единодушныя пожеланія открытія пути по рѣкѣ Амуръ.

„18-го мая, въ $2^1/_2$ часа пополудни, флотилія вступила въ воды

Не можемъ чувства восхищенья
Вполнѣ мы выразить свое.
Отъѣздъ твой скорый предвѣщаетъ
Сибири новую зарю.
Она свѣжи лавры обѣщаетъ
Руси и Бѣлому Царю.
Сибирь, съ надеждой несомнѣнной,
Глядитъ на рдѣющій востокъ
И ждетъ, что трудъ твой вдохновенный
Богатствамъ нашимъ дастъ истокъ.
Амуромъ путь ты имъ проложишь,
Движенье силамъ нашимъ дашь,
И край счастливый будетъ нашъ.
Быть можетъ, нашъ орелъ двуглавый
Пробудитъ дремлющій народъ
И, озарившись новой славой,
Его онъ къ жизни призоветъ.
Счастливъ, кого судьба избрала
Орудьемъ помысловъ благихъ.
Счастливъ, кому она сказала:
Ступай впередъ! исполни ихъ!
Свершить вѣковъ опредѣленье
Тебѣ назначено судьбой
И Богъ свое благословенье
Пошлетъ на подвигъ трудный твой.
И вся Сибирь изъ рода въ родъ
Прославитъ смѣлый твой походъ!
И мы воскликнемъ всѣ тогда
Ура, нашъ Муравьевъ!—Ура!

рѣки Амуръ. Трубачи играли „Боже, Царя храни“, всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Генералъ-губернаторъ, зачерпнувъ въ стаканъ амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по рѣкѣ; раздалось восторженное ура, и суда понеслись по гладкой поверхности Амура. Такимъ образомъ, послѣ двухсотъ вѣковаго промежутка времени, патріотическими усиліями и настойчивостію Н. Н. Муравьева снова появилась флотилія на водахъ амурскихъ“.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ сплава по рѣкѣ Амуръ изъ С.-Петербурга, 4-го февраля 1854 года, былъ посланъ листъ пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній, въ которомъ излагалось, что отнынѣ по всѣмъ дѣламъ о разграниченіи земель разрѣшены генералъ-губернатору сношенія прямо отъ себя. Вслѣдствіе этого, для предупрежденія китайскаго правительства о нашемъ сплавѣ по рѣкѣ Амуръ, 14-го апрѣля генералъ-губернаторъ послалъ первый листъ свой въ Пекинъ, съ полковникомъ Забориискимъ; но послѣдняго не пропустили и этотъ листъ тогда былъ отправленъ чрезъ Кяхту, обыкновеннымъ путемъ. Въ немъ излагалось слѣдующее:

„Вслѣдствіе полученныхъ генералъ-губернаторомъ повелѣній, онъ съ надлежащимъ числомъ войскъ плыветъ на судахъ по рѣкѣ Амуръ, для подкрѣпленія нашихъ постовъ въ низовьяхъ рѣки и въ нашихъ приморскихъ владѣніяхъ, и спрашиваетъ, къ какому времени и куда именно будутъ высланы уполномоченные отъ китайскаго правительства для опредѣленія границъ“.

Эти факты также весьма знаменательны въ исторіи при-амурскаго и при-уссурійскаго края. Они составляютъ *второй краеугольный камень, положенный амурскою экспедиціею въ основаніе къ признанію края за Россіею*,—ибо:

а) Разрѣшеніе плаванія и самое плаваніе по рѣкѣ Амуръ, генералъ-губернатору *никакъ не могло бы послѣдовать*, если бы изслѣдованіями, произведенными на транспортѣ „Байкалъ“ въ 1849 году, а вслѣдъ затѣмъ амурскою экспедиціею, не былъ *открытъ* путь мореходнымъ судамъ изъ Татарскаго залива, чрезъ южный проливъ въ рѣку Амуръ и Охотское море; то-есть если бы чрезъ эти изслѣдованія *не были разсѣяны вѣковыя заблужденія*, принимавшіяся *за непреложную истину*, и не было *фактически указано*, что рѣка Амуръ *составляетъ дѣйствительно артерію, связывающую Восточную Сибирь съ океанами*.

б) Разрѣшеніе плаванія и самое плаваніе по рѣкѣ Амуръ

генералъ-губернатору *никакъ не могло бы состояться*, если бы амурской экспедиціи, въ противность ничтожной цѣли, съ которою она была снаряжена въ 1850 году, не было дано государственнаго направленія, и если бы, не смотря на ничтожество своихъ средствъ, неимовѣрныя трудности, опасности и лишенія, экспедиція эта *не рѣшилась*, съ поднятіемъ россійскаго военнаго флага на устьѣ рѣки Амуръ, занять это устье и торжественно объявить всѣмъ иностраннымъ судамъ, подходившимъ къ берегамъ этого края, что амурскій бассейнъ и прибрежья Татарскаго залива составляютъ Россійскія владѣнія. И наконецъ

в) Разрѣшеніе плаванія и самое плаваніе по рѣкѣ Амуръ генералъ-губернатору никакъ не могло бы состояться, если бы амурская экспедиція, при несоотвѣтствіи данныхъ ей повелѣній, не открыла бы и не заняла бы военными постами главные пункты при-амурскаго бассейна; пункты, къ которымъ только и могъ генералъ-губернаторъ направляться съ своею флотиліею по рѣкѣ Амуръ; пункты, изъ которыхъ и возможно было только подкрѣпить Петропавловскъ благовременно; наконецъ, пункты, въ которыхъ и возможно было только пріютить и спасти японскую экспедицію, команды, имущество и суда Петропавловскаго порта отъ преслѣдованія въ нѣсколько кратъ сильнѣйшаго непріятеля, — притомъ въ минуту, самую для насъ критическую.

Въ то время, когда генералъ-губернатора съ его спутниками съ восторгомъ провожали изъ Забайкалья и они съ полнымъ комфортомъ и всѣми возможными средствами для безопаснаго плаванія спускались по рѣкѣ Амуръ, я, съ неимовѣрными усиліями, чрезъ горы, по снѣгамъ и водѣ, верхомъ на оленяхъ, а большею частью пѣшкомъ, пробирался изъ Петровскаго въ Николаевскъ. Оттуда на байдаркѣ съ двумя казаками я прослѣдовалъ въ Маріинскій постъ, изъ котораго 16-го мая, на той же байдаркѣ и туземной лодкѣ, вмѣстѣ съ г. Разградскимъ отправился вверхъ по рѣкѣ Амуръ далѣе, съ цѣлію лично ознакомиться съ путемъ, по которому должна была слѣдовать съ генералъ-губернаторомъ наша флотилія. Кромѣ того, я хотѣлъ ознакомиться съ устьемъ рѣки Хунгари, близъ котораго слѣдовало поставить нашъ постъ и встрѣтить генералъ-губернатора раньше, чтобы лично объяснить ему главную цѣль занятія нашими постами устьевъ рѣкъ Хунгари и Уссури.

24-го мая я съ Разградскимъ прибылъ на устье Хунгари. Тамъ о спускѣ нашей флотиліи ничего слышно не было. Осмотрѣвъ

устье этой рѣки и самую рѣку на пространствѣ около 20 верстъ и назначивъ мѣсто, гдѣ долженъ быть поставленъ нашъ постъ, 27-го мая я отправился далѣе вверхъ по рѣкѣ Амуръ, заготовляя на пути по селеніямъ проводниковъ (лоцмановъ) изъ туземцевъ, для безопаснаго плаванія спускавшимся съ генералъ-губернаторомъ судамъ, такъ какъ это пространство рѣки усѣяно островами и протоками, дѣлающими плаваніе, особливо въ большую воду, затруднительнымъ и опаснымъ. 4 іюня мы достигли селенія и архипелага острововъ Оуля Куру, отстоящаго отъ Маріинскаго поста около 500 верстъ. Плаваніе внизъ по рѣкѣ отъ этого пункта, безъ проводниковъ, дѣлается весьма затруднительнымъ, а потому, а также чтобы слишкомъ не удаляться отъ Маріинскаго поста, куда ожидалось прибытіе изъ Петропавловска нашихъ судовъ, и наконецъ, чтобы дать отдыхъ людямъ, я здѣсь остановился, чтобы ожидать генералъ-губернатора, который, по назначенному имъ времени прибытія въ Маріинскій постъ, давно уже долженъ былъ быть здѣсь. Вечеромъ, 5-го іюня, приплылъ ко мнѣ на туземной лодкѣ нарочный изъ Маріинскаго поста, съ увѣдомленіемъ, что въ заливъ де-Кастри пришли два транспорта изъ Петропавловска и винтовая шкуна „Востокъ“ изъ Императорской гавани, отъ адмирала (нынѣ графа) Ефима Васильевича Путятина, по порученію котораго командиръ шкуны „Востокъ“, капитанъ-лейтенантъ Вонифатій Андреевичъ Римскій-Корсаковъ (бывшій въ послѣдствіи начальникомъ морскаго училища) увѣдомляетъ меня о разрывѣ съ западными державами и о томъ, что у него имѣются важныя бумаги отъ адмирала, которыя онъ долженъ передать мнѣ лично. Вслѣдствіе этого, я приказалъ г. Разградскому: ожидать здѣсь генералъ-губернатора, объяснить ему всѣ распоряженія, какія сдѣланы для безопаснаго его слѣдованія, и причины моего возвращенія. На имя генералъ-губернатора я оставилъ Разградскому письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ Н. Н. Муравьева оставить посты на устьяхъ рѣкъ Уссури и Хунгари. Я писалъ Николаю Николаевичу, что при наступившихъ военныхъ обстоятельствахъ, такіе посты дѣлаются уже крайне необходимыми, какъ для обезпеченія сообщенія съ Забайкальемъ, такъ равно и съ Манджуріею—мѣстностями, откуда мы, при военныхъ обстоятельствахъ, только и можемъ продовольствовать нашихъ людей, могущихъ собраться въ нижне-при-амурскомъ краѣ. Сдѣлавъ эти распоряженія, утромъ 6-го іюня я на байдаркѣ отправился обратно въ Маріинскій постъ и оттуда 11-го іюня при-

былъ въ заливъ де-Кастри. Здѣсь были транспорты „Иртышъ“ и „Двина“ и шкуна „Востокъ“, посланные адмираломъ Путятинымъ изъ Императорской гавани, и транспортъ „Байкалъ“, прибывшій сюда, согласно сдѣланному мною въ 1853 году распоряженію, съ казеннымъ провіантомъ для амурской экспедиціи изъ Петропавловска. Командиръ шкуны Римскій-Корсаковъ передалъ мнѣ требованіе Е. В. Путятина, о снабженіи его экспедиціи продовольствіемъ и теплою одеждою и донесенія Е. В. Путятина генералъ-губернатору. Въ заключеніе онъ сообщилъ мнѣ, что Е. В. Путятинъ въ Японіи получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться съ судами своей эскадры къ берегамъ р. Амуръ. По полученіи этого, адмиралъ весною 1854 года послалъ изъ своего отряда корветъ „Оливуца“ на подкрѣпленіе Петропавловскаго порта, приказавъ корвету зайти сначала въ Императорскую гавань и дать знать о разрывѣ съ западными державами. Корветъ „Оливуца“ около 20-го апрѣля пришелъ въ Императорскую гавань и нашелъ экипажи зимовавшихъ тамъ судовъ „Иртышъ“ и „Николай“, послѣ болѣзни, въ самомъ слабомъ состояніи, почему отъ себя, и зашедшаго туда же въ исходѣ апрѣля корабля р.-а. компаніи „Князь Меншиковъ“ снабдилъ Константиновскій постъ недостающими запасами, и улучшивъ такимъ образомъ положеніе команды поста, направился по назначенію. Транспортъ же „Иртышъ“ и корабль „Князь Меншиковъ“, съ состоящимъ при адміралѣ Е. В. Путятинѣ капитаномъ 2-го ранга Константиномъ Николаевичемъ Посьетомъ *), послалъ въ заливъ Анива, на островъ Сахалинъ, въ Муравьевскій постъ, гдѣ они и соединились съ зашедшимъ туда же по моему распоряженію транспортомъ „Байкалъ“ (на пути слѣдованія изъ Петропавловска въ заливъ де-Кастри). Начальникъ Муравьевскаго поста Н. В. Буссе, вслѣдствіе предложенія адмирала Е. В. Путятина, въ которомъ между прочимъ было сказано: *если оно не противорѣчитъ особымъ распоряженіямъ вашего начальства* (т. е. моимъ),—снялъ Муравьевскій постъ, и К. Н. Посьетъ, размѣстивъ команду и имущество поста на упомянутыя суда, отправился изъ залива Анива въ Императорскую гавань.

Адмиралъ Ефимъ Васильевичъ, на пути изъ Японіи въ Императорскую гавань, на фрегатѣ „Паллада“ заходилъ въ Корею и на южномъ прибрежьѣ при-уссурійскаго края, близъ корейской грани-

*) Нынѣ вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ и министръ путей сообщенія.

цы, открылъ обширную, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ, бухту, названную имъ бухтою капитана Посьета, а далѣе къ сѣверу—бухту св. Ольги. Такимъ образомъ свѣдѣнія, полученныя нами отъ туземцевъ рѣки Уссури, оправдались. 20-го мая фрегатъ пришелъ въ Императорскую гавань, въ которой и сосредоточились: фрегатъ „Паллада“, транспортъ „Иртышъ“, шхуна „Востокъ“ и корабли россійско-американской компаніи: „Николай“ и „Князь Меньщиковъ“. Кромѣ того, тамъ собрались всѣ команды, снятыя съ Сахалина, изъ Муравьевскаго поста. Адмиралъ Путятинъ, находя Константиновскую бухту Императорской гавани весьма удобною для защиты противъ ожидавшагося сильнѣйшаго непріятеля, немедленно приступилъ къ укрѣпленію этой позиціи.

Начальникъ Константиновскаго поста П. К. Бошнякъ донесъ мнѣ, что, въ продолженіе зимы изъ 12 человѣкъ команды поста умерло 2 человѣка, изъ 48 человѣкъ экипажа транспорта „Иртышъ“ умерло: 1 офицеръ и 12 человѣкъ нижнихъ чиновъ; изъ 26 человѣкъ экипажа корабля „Николай“ умерло 4 человѣка; а всего изъ собравшихся внезапно и случайно въ самую глухую осень въ Константиновскій постъ 84 человѣкъ, отъ разныхъ скорбутныхъ болѣзней умерло 20 человѣкъ. Командиръ транспорта „Иртышъ“, лейтенантъ Петръ Ѳедоровичъ Гавриловъ, и экипажи, какъ этого транспорта, такъ и поста, послѣ перенесенія страшныхъ лишеній и тяжкихъ болѣзней, находятся еще въ изнуренномъ состояніи, но, слава Богу, оправляются. „Господь Богъ одинъ знаетъ“, пишетъ Бошнякъ, „чѣмъ бы еще могла кончиться эта печальная драма, если бы вы не оставили въ Императорской гавани значительнаго количества муки и крупы и если бы вы по полученіи свѣдѣнія о такомъ совершенно неожиданномъ обстоятельствѣ, сосредоточенія здѣсь 84 человѣкъ вмѣсто 12-ти, не прислали бы намъ, хотя и скуднаго, но единственно возможнаго количества необходимыхъ запасовъ и оленины и если бы корветъ „Оливуца“ не снабдилъ насъ запасами до прибытія адмирала Е. В. Путятина; прибытіе этого корвета оживило насъ всѣхъ. По случаю болѣзни командира „Иртыша“, П. Ѳ. Гаврилова, командиромъ этого транспорта адмиралъ Е. В. Путятинъ назначилъ лейтенанта Н. М. Чихачева.“

Чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи моемъ въ де-Кастри я получилъ съ нарочнымъ увѣдомленіе изъ Маріинскаго поста о приходѣ въ оный парохода „Аргунь“ и о томъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ съ своею флотиліею и генералъ-губернаторъ. Вслѣдствіе этого,

я немедленно изъ Кастри отправился въ Маріинской постъ, а оттуда на байдаркѣ прослѣдовалъ на встрѣчу генералъ-губернатору, котораго и встрѣтилъ утромъ 14-го іюня, въ 7 верстахъ отъ Маріинскаго поста. При встрѣчѣ я немедленно донесъ ему о состояніи амурской и сахалинской экспедиціи, о судахъ, собравшихся въ заливъ де-Кастри и Императорскую гавань, и о требованіяхъ и распоряженіяхъ адмирала Е. В. Путятина.

Къ полудню 14-го іюня 1854 года вся почти флотилія собралась у Маріинскаго поста. Этотъ постъ состоялъ тогда изъ 8 человѣкъ матросовъ и двухъ избъ, по 3 сажени длины и ширины каждая. Я и всѣ спутники генералъ-губернатора, собравшись около него, поздравляли его съ благополучнымъ совершеніемъ плаванія по рѣкѣ Амуръ, послѣ 170-ти лѣтняго промежутка времени. Н. Н. Муравьевъ передалъ мнѣ при этомъ Высочайшую благодарность и съ теплымъ сочувствіемъ выразилъ и свою глубокую признательность за всѣ дѣйствія и распоряженія мои, постоянно направлявшіяся къ важной государственной цѣли, и сообщилъ мнѣ таковую же признательность отъ князя Меньшикова и министра внутреннихъ дѣлъ Льва Алексѣевича Перовскаго, бывшаго постоянно первымъ заступникомъ оныхъ, какъ предъ Государемъ Императоромъ, такъ и во всѣхъ комитетахъ, назначавшихся по амурскому дѣлу Его Величествомъ. Николай Николаевичъ при этомъ передалъ мнѣ отъ Льва Алексѣевича браслетъ для жены моей, раздѣлявшей съ нами всѣ лишенія и опасности, прося ее принять подарокъ, въ знакъ глубочайшаго его къ женѣ моей уваженія.

Спускъ нашей флотиліи съ генералъ-губернаторомъ по Амуру, отъ Усть-Стрѣлки до Маріинскаго поста, по разсказамъ спутниковъ Н. Н. Муравьева, совершался такъ:

Вступивъ въ воды рѣки Амура 18-го мая, флотилія 20-го мая подошла къ мѣсту гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ, существовалъ Албазинскій острогъ, слѣды котораго еще были видны. Приставъ къ этому пустынному холму, священному по преданіямъ, музыка на флотиліи играла „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, на всѣхъ судахъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. Въ этомъ молитвенномъ приближеніи къ мѣсту древняго обиталища нашихъ соотечественниковъ, уже давно почившихъ, слышалось благоговѣйное почтеніе потомковъ къ историческому пепелищу, драгоцѣнному каждому русскому сердцу. За молитвой слѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго всѣ вступили на албазин-

скую почву. „Что-то родное сказалось сердцу, когда мы вышли на долину, гдѣ жили русскіе люди, гдѣ они такъ долго и храбро отстаивали права своего владѣнія. Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на остатки албазинскаго вала и осмотрѣть его въ подробности, и первымъ взошелъ на оный Н. Н. Муравьевъ. За нимъ мы всѣ преклонили колѣна праху почившихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албазина.“

28-го мая флотилія подошла къ манджурскому городу Саха-Хальянъ-Ула-Хотонъ (Айгунъ). Генералъ-губернаторъ, остановившись на ночлегъ при устьѣ рѣки Зеи, послалъ впередъ на лодкѣ чиновниковъ Свербѣева и Сычевскаго, которые передали исправлявшему тогда должность губернатора города Айгуна, *Мейреинъ-Джангинъ Хуцумбу*, копію съ листа, отправленнаго въ Пекинъ. Губернаторъ города Айгуна не получилъ тогда еще отъ своего правительства извѣстія о намѣреніи русскихъ плыть по Амуру, а потому и представилъ невозможность пропуска русской флотиліи мимо города. Въ то время, когда гг. Свербѣевъ и Сычевскій откланивались Мейреинъ-Джангину, къ нему вбѣжалъ старикъ хафанъ (чиновникъ), всталъ на колѣни и съ испугомъ донесъ, что по Амуру словно туча, идутъ русскія суда, запрудившія всю рѣку, что у пристани остановилось большое судно и нѣсколько лодокъ. Послѣ этого, двое изъ высшихъ манджурскихъ чиновниковъ, принятыхъ генералъ-губернаторомъ на пароходъ „Аргунь“, желали только, чтобы русская флотилія скорѣе миновала только городъ. Затѣмъ генералъ имѣлъ торжественное свиданіе съ губернаторомъ Айгуна на берегу, въ особо устроенной палаткѣ.

Продолжая путь далѣе, флотилія 30-го мая достигла устья рѣки Буреи, 2-го іюня миновала устья рѣки Сунгари, а 5-го—рѣки Уссури, гдѣ и было получено отъ меня письмо, отправленное съ гольдомъ еще до вскрытія рѣки, на имя начальника отряда, который долженъ спускаться по Амуру *). Послѣ ожиданія окончанія плаванія по неизвѣстной рѣкѣ, которая была въ то время въ такомъ высокомъ разливѣ, что баржа часто проплывала по верхушкамъ растущаго на островахъ тальника, за который иногда задѣвалъ колесами пароходъ „Аргунь“, 9-го іюня флотилія находилась въ окрестностяхъ деревни Май, около 150 верстъ ниже устья рѣки Уссури. За неимѣніемъ карты Амура, длину рѣки измѣряли по-

*) Письмо это заключалось въ моей просьбѣ, чтобы начальникъ отряда оставилъ тамъ постъ.

географической картѣ Азіи, и поэтому полагали, что флотилія подходила къ озеру Кизи. Въ этотъ день внезапно налетѣлъ шквалъ, которымъ въ нѣсколько минутъ разбросало по берегу и потопило наши суда, такъ что въ этотъ критическій моментъ флотилія едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня было употреблено для просушки провіанта у низменнаго острова, названнаго въ память празднуемаго въ этотъ день святого, островомъ св. Кирилла. Къ вечеру 10-го іюня, замѣчена была на рѣкѣ лодка, шедшая подъ парусомъ, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу около Н. Н. Муравьева и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ генералъ-губернаторъ спросилъ офицера: далеко ли до Маріинскаго поста? Офицеръ отвѣчалъ: около 500 верстъ,—что непріятно разочаровало всѣхъ ожидавшихъ близкаго конца плаванія. Офицеръ этотъ былъ мичманъ Разградскій; онъ донесъ генералъ-губернатору, что я вмѣстѣ съ нимъ ожидалъ здѣсь флотилію и надѣялся, согласно увѣдомленію, встрѣтить ее здѣсь около исхода мая. Разградскій передалъ отъ меня письмо, въ которомъ, какъ выше объяснено, я убѣдительно просилъ Н. Н. Муравьева оставить на устьяхъ рѣки Уссури и Хунгари посты.

„До этого пункта“, говорили мнѣ Н. Н. Муравьевъ и всѣ его спутники, „мы находили большую часть прибрежныхъ деревень пустыми, жители бѣжали отъ страха; но отсюда вступили въ страну, какъ бы давно принадлежавшую Россіи. На встрѣчу къ намъ выходили гольды въ сопровожденіи старшковъ, въ родѣ старость, которые съ любопытствомъ на насъ смотрѣли, приносили въ изобиліи рыбу и выставляли вездѣ проводниковъ (лоцмановъ), которыхъ до этого времени мы нигдѣ не могли достать. На этомъ пути явился торгующій манджуръ съ своими прикащиками и, бросившись на колѣни предъ генераломъ, извинялся, что онъ производитъ здѣсь торговлю безъ дозволенія русскихъ, почему и просилъ выдать ему на это разрѣшеніе. По этому, говорили мнѣ спутники Н. Н. Муравьева, нельзя было не удивляться тому огромному вліянію, которое при ничтожныхъ средствахъ и въ столь короткое время пріобрѣла амурская экспедиція не только на инородцевъ этого края, но и на манджуровъ. Здѣсь-то ясно предъ нами обнаружилась неосновательность с.-петербургскихъ воззрѣній и данныхъ оттуда повелѣній ограничивать дѣйствія экспедиціи какой-то землею гиляковъ. Здѣсь мы оцѣнили всю важность и справедливость ва-

шего донесенія, что нижне-при-амурскій край по праву долженъ принадлежать Россіи, а не Китаю".

Съ прибытіемъ въ Маріинскій постъ, Н. Н. Муравьевъ объявилъ мнѣ, что 350 человѣкъ, подъ начальствомъ назначеннаго помощникомъ губернатора Камчатки и командиромъ 47-го флотскаго экипажа, капитана 2-го ранга Арбузова и инженернаго поручика Мровинскаго, должны слѣдовать въ заливъ де-Кастри, а оттуда на транспортахъ „Иртышъ" и „Двина" въ Петропавловскъ. Сотня конныхъ казаковъ и горная батарея (4 орудія) остаются въ Маріинскомъ постѣ, остальные же 150 человѣкъ должны слѣдовать въ Николаевскій постъ. „По Высочайшему повелѣнію", сказалъ мнѣ Николай Николаевичъ, „суда отряда адмирала Путятина: фрегатъ „Паллада" и шхуна „Востокъ" должны войти въ рѣку Амуръ, почему всѣ команды этихъ судовъ, а равно и команда Константиновскаго поста, должны зимовать въ Николаевскомъ посту; люди же Муравьевскаго поста должны на компанейскихъ судахъ отправиться въ Ситху." Такимъ образомъ, въ нашихъ постахъ Маріинскомъ и Николаевскомъ, гдѣ помѣщалось только 35 человѣкъ, должно было зимовать около 900 человѣкъ.

Послѣ двухъ-дневнаго отдыха командамъ, совершившимъ такое дальнее и утомительное плаваніе по рѣкѣ совершенно неизвѣстной, приступлено было: а) къ передвиженію на пароходѣ „Аргунь" и гребныхъ судахъ по озеру Кизи и далѣе сухопутно въ заливъ де-Кастри отряда г. Арбузова, для отправленія оттуда на транспортахъ на подкрѣпленіе Петропавловска; б) къ отправленію людей въ Николаевскій постъ и къ приготовленію въ оном помѣщенія, какъ для этихъ людей, такъ равно и для команды фрегата „Паллада", и в) къ приготовленію помѣщенія на зиму для людей, долженствовавшихъ остаться въ Маріинскомъ посту.

ГЛАВА XXVIII.

Донесеніе Завойко изъ Петропавловска о недостаткѣ продовольствія. — Мнѣніе генералъ-губернатора и прибывшихъ съ нимъ лицъ о нашей границѣ съ Китаемъ. — Представленіе мое генералъ-губернатору о невозможности ввести фрегатъ „Палладу“ въ лиманъ безъ паровыхъ средствъ. — Смерть моей дочери и болѣзнь жены. — Соглашеніе Н. Н. Муравьева и Е. В. Путятина о вводѣ судовъ въ амурскій лиманъ. — Прибытіе Муравьева въ Петровское. — Донесеніе Н. Н. Муравьева о моихъ дѣйствіяхъ. — Путешествіе на оленяхъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ. — Предположеніе о непріятелѣ. - Неудачный вводъ фрегата „Паллада“ въ лиманъ. — Отправленіе генералъ-губернатора и его распоряженія. — Предписаніе его мнѣ отъ 10-го августа. — Предписаніе Унковскому. — Мое путешествіе съ семействомъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ. - Фрегатъ „Паллада“ въ Императорской гавани. — Распоряженія мои о размѣщеніи командъ. — Генералъ-губернаторъ въ Аянѣ. — Шхуна „Востокъ“. — Корабль р.-а. к. „Ситха.“.—Транспортъ „Байкалъ“. — Плаваніе шхуны „Востокъ“. — Донесеніе Римскаго-Корсакова о побѣдѣ въ Петропавловскѣ.

Вслѣдъ за уходомъ въ де-Кастри отряда Арбузова, я вмѣстѣ съ генераломъ послѣдовалъ туда же. Н. Н. Муравьевъ изъ де-Кастри пошелъ на шхунѣ „Востокъ“ въ Императорскую гавань, чтобы передать Е. В. Путятину Высочайшее повелѣніе и, по соглашенію съ нимъ, сдѣлать надлежащее распоряженіе. 24-го іюня отрядъ Арбузова на транспортахъ „Иртышъ“ и „Двина“, съ продовольствіемъ на весь путь до Петропавловска, а равно и съ провіантомъ, привезеннымъ на „Байкалѣ“, вышелъ по назначенію. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ ухода изъ де-Кастри этихъ судовъ, пришелъ въ заливъ изъ Петропавловска корветъ „Оливуца“ съ донесеніемъ отъ В. С. Завойко, „что онъ не въ состояніи продовольствовать вновь прибывшую команду, потому что провіанта для находившихся въ Петропавловскѣ командъ и жителей едва только достанетъ до 1-го ноября, и что въ виду военныхъ обстоятельствъ, снабженіе порта моремъ на компанейскихъ кругосвѣтныхъ судахъ

(какъ то дѣлалось) весьма сомнительно, а если суда эти, по какому либо счастливому случаю, и успѣютъ войти въ портъ, то и тогда они привезутъ только годовое продовольствіе, разсчитанное на то только число людей, которое нынѣ находится.

Всѣ вышеизложенные факты весьма знаменательны въ исторіи при-амурскаго и при-уссурійскаго края. Они составляютъ третій краеугольный камень, положенный амурскою экспедиціею въ основаніе къ признанію этого края за Россіею. Эти факты ясно обнаруживаютъ, что оплотомъ для Россіи на отдаленномъ ея востокѣ никогда не могъ быть Петропавловскъ, и что вся сила ея съ этой стороны заключалась единственно въ этомъ краѣ. Но къ несчастію тогда еще не вполнѣ сознавали это послѣднее, весьма важное обстоятельство, такъ что и разрѣшеніе сплава по рѣкѣ Амуру было мотивировано главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы подкрѣпить Петропавловскъ, который полагали сдѣлать главнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ. Я очень сожалѣлъ тогда, что на устьяхъ Уссури и Хунгари не были поставлены посты, а также, что мое предложеніе о мелкихъ постахъ на Сахалинѣ было отклонено; но въ то время всѣ были того мнѣнія, что намъ вовсе ненадобно идти далѣе лѣваго берега Амура, что обладаніе этимъ берегомъ и должно составлять конечную цѣль нашихъ здѣсь дѣйствій, т. е. желали положить границу съ Китаемъ по лѣвому берегу Амура. Таковы были мнѣнія и убѣжденія лицъ, отъ которыхъ зависѣло направленіе нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ. Эти убѣжденія раздѣляли тогда и всѣ почти личности, прибывшія съ генералъ-губернаторомъ, но, какъ мы увидимъ ниже, факты весьма скоро обнаружили всю неосновательность такого мнѣнія и всю справедливость постоянныхъ моихъ представленій о томъ, что *рѣка Амуръ составляетъ только лишь базисъ нашихъ здѣсь дѣйствій, главная же и конечная цѣль оныхъ долженъ быть уссурійскій бассейнъ и его прибрежье.*

Въ виду ввода фрегата „Паллада“ въ рѣку Амуръ, я объяснилъ генералъ-губернатору, что вслѣдствіе неприсылки въ экспедицію просимыхъ мною надлежащихъ средствъ для изслѣдованія лимана и обезпеченія по оному плаванія, война въ этомъ отношеніи застала насъ совершенно врасплохъ, ибо съ ничтожнѣйшими средствами экспедиціи мы послѣ 1849 года едва могли только опредѣлить болѣе или менѣе точное направленіе лиманскихъ прибрежныхъ фарватеровъ, по которымъ фрегатъ, при осадкѣ 22 футовъ, пройти не можетъ. Существуетъ, правда, надежда, говорилъ я ге-

нералъ-губернатору, отыскать болѣе глубокій фарватеръ, который, по слухамъ туземцевъ, находится въ лиманѣ, но, по случаю обширности лимана, усѣяннаго лабиринтомъ банокъ и мелей и при неправильныхъ и быстрыхъ теченіяхъ, опредѣленіе онаго въ короткое время не только затруднительно, но и сомнительно. Въ случаѣ неудачной попытки къ отысканію подобнаго фарватера, остается одно средство—вести разгруженный фрегатъ по сахалинскому каналу и чрезъ баръ сѣвернаго фарватера, ибо при сизигіяхъ на этомъ барѣ глубину можно полагать до 19 футовъ, но въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы не были упущены сизигійныя воды въ исходѣ августа и чтобы при проводкѣ фрегата были сосредоточены всѣ наши паровыя средства. При всемъ томъ, чтобы быть увѣреннымъ въ возможности провести фрегатъ этимъ путемъ, необходимо прежде всего произвести на шхунѣ „Востокъ“ изслѣдованіе бара сѣвернаго фарватера и самаго фарватера. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ вести по лиману фрегатъ, необходимо, чтобы онъ былъ совсѣмъ разгруженъ и чтобы при немъ, во время проводки, постоянно находилась шхуна „Востокъ“, а въ помощь ей пароходъ „Аргунь“; особенно необходима шхуна, такъ какъ „Аргунь“ при сильной толчеѣ и волненіи въ сѣверной части лимана плавать не можетъ. Вслѣдствіе этихъ объясненій, генералъ-губернаторъ, при отправленіи своемъ въ Императорскую гавань, и поручилъ мнѣ ожидать его въ Николаевскѣ, дабы оттуда, на шхунѣ „Востокъ“, идти съ нимъ по сѣверному лиманскому прибрежному каналу и лично хорошенько ознакомиться съ каналомъ и съ его баромъ и тѣмъ опредѣлить положительно, можетъ ли разгруженный фрегатъ „Паллада“ пройти этотъ баръ въ сизигійную августовскую воду. Фрегатъ приказано было у мыса Лазарева въ лиманѣ разгрузить и по разгрузкѣ вести по лиману, имѣя при немъ непремѣнно шхуну „Востокъ“ и пароходъ „Аргунь“.

По уходѣ изъ де-Кастри Н. Н. Муравьева, я отправился въ Маріинскій постъ, гдѣ ожидало меня тяжко-грустное извѣстіе изъ Петровскаго: старшая несчастная дочь моя умерла и жена была очень больна. Получивъ это, я сію же минуту на байдаркѣ отправился въ Петровское. Жену засталъ я едва только оправившейся отъ этой потери и тяжкой болѣзни. Тяжело было намъ, родителямъ, видѣть могилу нашей малютки на пустынной петровской кошкѣ! Тяжко было испытаніе это намъ, и безъ того отрѣзаннымъ пустыней отъ всего свѣта, но, что дѣлать,—эта жертва, тяжкая для

насъ, родителей, была данью исполненія долга, направленнаго къ благу отечества!

Съ прибытіемъ въ Петровское корабля р.-а компаніи, на немъ пришелъ изъ Аяна братъ жены моей, мичманъ Николай Ивановичъ Ельчаниновъ, котораго она не видала болѣе 6-ти лѣтъ. Это свиданіе благотворно подѣйствовало на жену мою въ ея тяжкой горести.

Пробывъ трое сутокъ въ Петровскомъ, я отправился въ Николаевское, чтобы встрѣтить тамъ Н. Н. Муравьева и съ нимъ, на шхунѣ „Востокъ“, осмотрѣть баръ сѣвернаго фарватера, ибо вводъ фрегата „Паллада“ въ рѣку болѣе всѣхъ меня озабочивалъ; тѣмъ болѣе, что при извилистыхъ лиманскихъ капалахъ и быстрыхъ теченіяхъ, ясно было видно, что паровыя средства наши весьма были для этого недостаточны.

Между тѣмъ, Николай Николаевичъ, условившись съ адмираломъ Ефимомъ Васильевичемъ Путятинымъ о снятіи поста, о вводѣ фрегата въ лиманъ и о разгрузкѣ онаго у мыса Лазарева, отправился обратно въ заливъ де-Кастри, въ которомъ начальникомъ Александровскаго поста былъ назначенъ мною молодой лейтенантъ Яковъ Ивановичъ Купреяновъ (сынъ адмирала Ивана Антоновича Купреянова), поступившій на службу въ экспедицію.

Изъ де-Кастри шхуна „Востокъ“ съ генералъ-губернаторомъ пошла въ лиманъ. Корветъ „Оливуца“ былъ отправленъ въ Петропавловскъ съ распоряженіемъ камчатскому губернатору В. С. Завойко: укрѣплять этотъ портъ и защищаться въ опомъ. Транспортъ „Байкалъ“ долженъ былъ ожидать у мыса Лазарева фрегатъ „Паллада“. Генералъ-губернаторъ, осмотрѣвъ на шкунѣ „Востокъ“ рейдъ и мѣстность у мыса Лазарева, пошелъ по сахалинскому каналу, пытаясь отыскать на этомъ пути средній каналъ. Попытка эта оказалась тщетною: сильнымъ теченіемъ шхуну прижало къ банкамъ, на которыхъ она и простояла около 20 часовъ. Это обстоятельство и противные вѣтра замедлили плаваніе шхуны, а генералъ-губернаторъ, между тѣмъ, спѣшилъ отправить чрезъ Аянъ свои донесенія. Вслѣдствіе этого, онъ отложилъ свое намѣреніе зайти за мною въ Николаевскъ и направился изъ лимана прямо въ Петровское. Оттуда онъ далъ мнѣ знать, чтобы я немедленно спѣшилъ къ нему.

Вопросъ о томъ, возможно или нѣтъ ввести въ рѣку фрегатъ „Паллада“, такимъ образомъ, разрѣшенъ еще не былъ.

Адмиралъ Путятинъ, снявъ Константиновскій постъ, 16-го іюля съ фрегатомъ „Паллада“ пришелъ къ мысу Лазарева. Довольно

сильное теченіе на рейдѣ около этого мыса и отмелый берегъ не дозволили производить разгрузку фрегата, особенно выгрузку артилеріи. Для послѣдняго было необходимо устроить пристань, а для всѣхъ матеріаловъ и пикиперскихъ запасовъ — магазинъ. Команда фрегата, поэтому, немедленно приступила къ сказаннымъ работамъ.

Въ это же время, 18-го іюля, пришелъ въ заливъ де-Кастри 52-хъ пушечный фрегатъ „Діана“, подъ командою капитана 2-го ранга Степана Степановича Лесовскаго. Этотъ фрегатъ былъ посланъ изъ Кронштадта на смѣну фрегата „Паллада“, который послѣ выдержаннаго имъ шторма, по донесенію адмирала Путятина, оказался совершенно ненадежнымъ къ обратному плаванію изъ Японіи и долженъ былъ по этому быть оставленъ въ Петропавловскѣ. Такимъ образомъ 20-го іюля въ лиманѣ у мыса Лазарева соединились оба фрегата.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ, придя на шхунѣ „Востокъ“ въ Петровское, 15-го іюля отправилъ на оной въ Аянъ часть своего штаба и курьеромъ въ Петербургъ маіора М. С. Корсакова съ донесеніями о благополучномъ сплавѣ и о всѣхъ упомянутыхъ своихъ распоряженіяхъ. Въ донесеніи этомъ относительно дѣйствій амурской экспедиціи, онъ писалъ:

„Не доходя около 900 верстъ до устья рѣки Амура, флотилія вступила въ край, какъ бы давно принадлежащій Россіи. Отважныя и рѣшительныя дѣйствія начальника амурской экспедиціи и всѣхъ его сотрудниковъ заслуживаютъ полной признательности. Не смотря на лишенія, трудности, опасности и ничтожество средствъ, при которыхъ дѣйствовала эта экспедиція, она въ столь короткое время успѣла подчинить своему вліянію не только дикія племена здѣсь обитающія, но даже и самыхъ манджуровъ, пріѣзжающихъ сюда для торговли. Она фактически указала намъ на важное значеніе этого края для Россіи и разсѣяла всѣ заблужденія, какія до сихъ поръ объ этомъ краѣ имѣлись“.

20-го іюля, я вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ и капитаномъ 2-го ранга Козакевичемъ изъ Петровскаго отправились чрезъ горы, верхомъ на оленяхъ, въ Николаевское, куда и прибыли 19-го числа. Шхунѣ „Востокъ“ изъ Аяна приказано было возвратиться въ Николаевское. Непріятель ни въ Татарскій заливъ, ни въ Охотское море не показывался; изъ чего можно было заключить, что все вниманіе его было обращено на Петропавловскъ.

Въ Николаевскомъ въ то время было 3 домика: казарма для 25 человѣкъ команды, пакгаузъ и домикъ для офицера. По прибытіи туда людей изъ Маріинскаго поста, тамъ начали строить, подъ наблюденіемъ А. И. Петрова, три флигеля и 2 большія казармы для помѣщенія какъ этихъ людей, такъ равно и команды фрегата „Паллада“ съ офицерами. Вокругъ поста былъ дремучій лѣсъ и тайга. Генералъ-губернаторъ, осмотрѣвъ окрестности этого поста и устья рѣки Амуръ, назначилъ пункты, гдѣ должны быть укрѣпленія для защиты устья. 26-го іюля отъ мыса Лазарева на вельботѣ прибылъ въ Николаевскъ адмиралъ Путятинъ и, по совѣщаніи съ Н. Н. Муравьевымъ, было рѣшено, по снабженіи фрегата „Діана“ провизіею, а главное сухарями, которыхъ почти не было,— адмиралу Путятину слѣдовать на зиму въ Японію для окончанія переговоровъ съ японцами и затѣмъ, раннею весною, возвратиться въ лиманъ къ мысу Лазарева. Чтобы изыскать средній и болѣе глубокій фарватеръ для провода фрегата, 28-го іюля, я вмѣстѣ съ адмираломъ, изъ Николаевска, на пароходѣ „Аргунь“, пошли въ лиманъ. Изслѣдованія наши, однако, оказались тщетными, они обнаружили лишь, что въ короткое время и съ имѣвшимися тогда средствами не было возможности сдѣлать промѣръ, который опредѣлилъ бы фарватеръ по средней части лимана, имѣвшей ширины до 30 верстъ. Тогда Е. В. Путятинъ немедленно послалъ гребныя суда съ фрегатовъ „Паллада“ и „Діана“ съ гг. офицерами: Колокольцовымъ, Моисеевымъ и Воронинымъ, съ цѣлію отыскать не найдется ли около южнаго прибрежнаго канала заводи, въ которой могъ бы быть оставленъ фрегатъ „Паллада“ на зимовку, и какой глубины можно ожидать въ предстоявшія августовскія сизигійныя воды на барѣ сѣвернаго лиманскаго фарватера, т. е. сдѣлать тщательный промѣръ этого берега. Эти изслѣдованія показали, что около южнаго прибрежнаго лиманскаго фарватера не было такого мѣста, гдѣ бы фрегатъ могъ безопасно зимовать. Глубина на барѣ сѣвернаго фарватера въ малую воду оказалась $12^1/_2$ футовъ, а такъ какъ въ сизигіи прибывало воды до 7 фут., то можно было къ тому времени ожидать болѣе 19 футовъ *).

По тщательномъ освидѣтельствованіи корпуса фрегата „Паллада“ коммисіею, составленною по распоряженію генералъ-губернатора и адмирала Путятина, оказалось, что верхній баргоутъ,

*) Въ верхней части лимана по нашимъ наблюденіямъ вода прибываетъ до 5 фут., а въ сизигіи до 7 футовъ.

особливо у вантъ путинсовъ, гнилой, такъ что болты послѣднихъ вылѣзали; нѣсколько бимсовъ и кницъ дали трещины и степсы у гротъ и фокъ-мачтъ сѣли. Такимъ образомъ фрегатъ безъ капитальной тимберовки не могъ идти въ море. Между тѣмъ, по случаю свѣжихъ вѣтровъ и теченія, выгрузка съ фрегата въ особенности артиллеріи, на вновь устроенную пристань, была сопряжена съ немалыми затрудненіями. Сверхъ того, она замедлялась еще недостаткомъ людей, такъ какъ часть команды была занята постройкой зданія для помѣщенія имущества фрегата, казармы для людей, долженствовавшихъ остаться на зимовку и пекарни для изготовленія сухарей для фрегата „Діана“; кромѣ того, часть команды отдѣлена была для упомянутыхъ изслѣдованій и для построекъ помѣщенія въ Николаевскѣ. Наконецъ, фрегатъ „Діана“ долженъ былъ быть всегда готовъ къ бою, ибо съ часу на часъ надобно было ожидать появленія непріятеля. По этимъ причинамъ фрегатъ могли только разгрузить къ 10-му августа; при чемъ онъ сѣлъ кормою 18 фут. 8 дюймовъ. До 24-го августа, времени полныхъ сизигійныхъ водъ, когда имѣлась надежда провести фрегатъ чрезъ баръ сѣвернаго фарватера, оставалось всего 13 сутокъ. Фрегату безъ паровой помощи предстояло пройти, по лиманскому, сахалинскому каналу и сѣверному рейду до сѣвернаго берега, по пути, какъ мы видѣли, еще поверхностно изслѣдованному и усѣянному банками, при неправильныхъ и часто быстрыхъ теченіяхъ отъ NW и W, т. е. неблагопріятныхъ, болѣе 95 миль. Пароходъ „Аргунь“ не могъ быть полезенъ фрегату въ этомъ случаѣ, ибо на сахалинскомъ фарватерѣ, при обрывистыхъ банкахъ, между которыми онъ направляется, разводитъ мгновенно крутое и сильное волненіе, котораго пароходъ, по слабости своего скрѣпленія, выдерживать не могъ; тѣмъ болѣе, что машина его послѣ первой качки портилась. Единственное, болѣе надежное паровое судно, которое могло бы быть полезно фрегату при слѣдованіи его по сахалинскому каналу и въ особенности при переходѣ чрезъ баръ сѣвернаго фарватера, была 40 сильная шхуна „Востокъ“, но она должна была въ то время идти съ генералъ-губернаторомъ въ Аянъ, такъ какъ другихъ судовъ тогда у насъ не было. И такъ, надежда ввести фрегатъ „Паллада“ въ рѣку Амуръ, кромѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, обусловливалась главное тѣмъ, чтобы шкуна „Востокъ“ непремѣнно была у фрегата „Паллада“ не позже 20-го августа.

Въ виду всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, генералъ-гу-

бернаторъ долженъ былъ спѣшить съ оставшимся у него штабомъ отправиться на шкунѣ „Востокъ“ въ Аянъ, съ тѣмъ, чтобы возвратить ее немедленно къ фрегату „Паллада“.

Между тѣмъ, въ бытность генералъ-губернатора въ Николаевскомъ посту, онъ получилъ отвѣтъ на посланный имъ предъ отправленіемъ по Амуру листъ пекинскому трибуналу о разграниченіи земель. Отвѣтъ этотъ заключался въ письмѣ отъ цицикорскаго и горинскаго генералъ-губернатора Гусайцы-Фунянга, которымъ увѣдомлялось, что онъ, по указу богдыхана, назначенъ для разсмотра и разграниченія мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Россіею, и что по этому случаю онъ отправился въ лодкахъ изъ города Сензина по рѣкѣ Сунгари-Ула, но, узнавъ, что генералъ проплылъ по Амуру, онъ остановился въ деревнѣ Мылки, откуда и отправляетъ своихъ чиновниковъ: Гейхенъ, Башканъ, Диланъ и Сагенъ съ товарищами, для извѣщенія генерала о таковомъ указѣ богдыхана; а самъ, по прибытіи русскихъ чиновниковъ, отправится осматривать пограничныя мѣста“. На это было отвѣчено, что теперь война, и чиновниковъ выслано не будетъ.

10-го августа, Н. Н. Муравьевъ, съ остальнымъ своимъ штабомъ пошелъ на шхунѣ „Востокъ“ изъ Петровскаго въ Аянъ, предполагая непремѣнно отправить ее оттуда немедленно къ фрегату „Паллада“, такъ чтобы ранѣе 20-го августа она могла быть у фрегата. Отправляясь въ Аянъ, Николай Николаевичъ далъ мнѣ и командиру фрегата „Паллада“, флигель-адъютанту И. С. Унковскому *), приказанія, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ:

„Николаевскій постъ долженъ быть главнымъ нашимъ здѣсь пунктомъ, а потому изъ Петровскаго перевести въ этотъ пунктъ всѣ запасы, матеріалы и часть команды. Пароходъ „Аргунь“ и шхуна „Востокъ“ должны находиться въ распоряженіи командира фрегата „Паллада“, Унковскаго, для содѣйствія къ проводкѣ имъ этого фрегата сахалинскимъ и сѣвернымъ фарватерами въ рѣку Амуръ. При размѣщеніи команды фрегата „Паллада“ на зимовку въ Николаевскѣ, приступить къ исправленію фрегата и къ заготовленію лѣса для постройки предполагаемыхъ батарей на мысахъ Куегда, Мео и Чпаръ-Рахъ. Если въ продолженіе настоящей навигаціи нельзя будетъ перевезти съ мыса Лазарева въ Николаевскъ артиллерію, снаряды, порохъ и имущество съ фрегата „Паллада“,

*) Нынѣ вице-адмиралъ, сенаторъ и ярославскій губернаторъ.

то съ открытіемъ навигаціи 1855 года немедленно и наперве́е приступить къ этому, а равно приступить и къ постройкѣ батарей на упомянутыхъ выше мысахъ. При вводѣ фрегата въ рѣку Амуръ, командира фрегата Унковскаго съ нѣкоторыми офицерами отправить въ Аянъ, а старшаго по немъ капитанъ-лейтенанта И. И. Бутакова, при надлежащемъ числѣ офицеровъ, оставить въ Николаевскѣ, въ амурской экспедиціи, для завѣдыванія фрегатомъ и командою. Какъ офицерамъ, такъ и командѣ фрегата, производить морское довольствіе по штату экспедиціи. Если по какому либо случаю г. Унковскій не успѣетъ нынѣ ввести въ рѣку фрегатъ „Паллада“ и оставить его на зимовку въ лиманѣ, то съ открытіемъ навигаціи 1855 года наперве́е ввести фрегатъ въ рѣку Амуръ. И наконецъ: конным казакамъ содержать зимою сообщеніе между Маріинскимъ и Николаевскимъ постами.“

Г. Унковскому предписывалось: по совершенной разгрузкѣ фрегата, не упуская удобнаго времени,—полныхъ сизигійныхъ августовскихъ водъ, стараться ввести фрегатъ „Паллада“ по сахалинскому и сѣверному фарватерамъ въ рѣку Амуръ. Въ случаѣ, если бы по какимъ либо причинамъ онъ не успѣлъ нынѣ ввести его въ рѣку, то оставить его на зимовку въ лиманѣ, оградивъ сваями.

22-го августа я получилъ въ Петровскомъ увѣдомленіе, что машина парохода „Аргунь“ испортилась и что фрегатъ „Паллада“, какъ по этому случаю, такъ и по весьма неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, не вступилъ еще и на сахалинскій фарватеръ. И такъ, надежда провести фрегатъ чрезъ баръ сѣвернаго фарватера, пользуясь августовскими сизигійными водами (т. е. до равноденствія), рушилась; оставалось, слѣдовательно, провести его чрезъ этотъ баръ въ сизигійную полную воду, въ началѣ сентября; но для успѣха предпріятія необходимо было, чтобы при немъ была непремѣнно шхуна „Востокъ“ и чтобы фрегатъ до наступленія свѣжихъ равноденственныхъ вѣтровъ достигъ сѣвернаго лиманскаго рейда, на которомъ онъ единственно и могъ надежно отстаиваться, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Стоянка на сахалинскомъ фарватерѣ, особенно въ сѣверной части его, при дующихъ здѣсь обыкновенно въ равноденствіе крѣпкихъ, до степени шторма, сѣверныхъ вѣтрахъ и при сильныхъ теченіи и сулояхъ въ узкости между банками, была бы весьма опасна.

До 26-го августа я ожидалъ въ Петровскомъ возвращенія изъ

Аяна шхуны „Востокъ“, но ожиданія мои были тщетны, и этого числа, я съ женой и малюткой, на катерѣ и вельботѣ, со всѣмъ нашимъ имуществомъ отправился по заливу и лиману въ Николаевское, оставивъ Д. И. Орлову въ Петровскомъ слѣдующія распоряженія: „по прибытіи на петровскій рейдъ шхуны „Востокъ“, отправить ее немедленно въ сахалинскій каналъ, къ фрегату „Паллада“. Ожидаемые на компанейскихъ судахъ изъ Аяна товары и запасы выгружать и отправлять въ Николаевскій постъ.“

На пути слѣдованія нашего изъ Петровскаго въ Николаевское, 28-го августа, въ лиманѣ, у мыса Пуиръ, внезапно засвѣжѣвшимъ до степени шторма вѣтромъ отъ N, катеръ со всѣми нами выбросило на берегъ, такъ что мы двое сутокъ должны были провести въ гилякской юртѣ въ селеніи Пуиръ, и только къ вечеру 1-го сентября добрались до Николаевска. Къ этому времени пароходъ „Аргунь“ успѣлъ исправить свои поврежденія въ машинѣ, а потому утромъ, 2-го сентября, я и отправился на немъ къ фрегату „Паллада“. Къ вечеру 4-го сентября мы подошли къ фрегату, который въ это время, несмотря на всевозможныя неблагопріятныя обстоятельства, одними своими средствами, безъ всякой паровой помощи, успѣлъ пройти самую трудную и опасную часть сахалинскаго фарватера *), такъ что до бара сѣвернаго фарватера оставалось ему не болѣе 35 миль, т. е. пространство, которое, при сколько нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы пройти въ одинъ и много два дня, а на сѣверномъ рейдѣ у бара ожидать сизигійной полной воды. Этотъ баръ имѣлъ длины всего около $^3/_4$ мили; за нимъ шелъ сѣверный прибрежный фарватеръ, на которомъ глубина при малой водѣ оказалась отъ $3^1/_2$ до 5 сажень, а въ рѣкѣ отъ мыса Тебахъ до Николаевскаго поста отъ 6 до 15 сажень.

Рано утромъ 5-го сентября подулъ отъ S тихій вѣтеръ и фрегатъ, имѣя впереди подъ парусами шлюпки, ограждавшія банки фарватера, шелъ за ними къ N по глубинамъ отъ 5 до 8 сажень со скоростью $3^1/_2$ узловъ. Имѣя въ виду, что, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, фрегатъ скоро достигнетъ сѣвернаго рейда, я, чтобы запастись дровами на ближайшемъ берегѣ, отправился на пароходѣ на мысъ Уса, имѣя намѣреніе сколь возможно

*) Эта часть сахалинскаго фарватера, именно та, у которой теченіе изъ рѣки встрѣчается съ теченіями изъ Татарскаго залива и Охотскаго моря и намываетъ банки; фарватеръ извивается между ними.

поспѣшнѣе выйти къ фрегату на сѣверный рейдъ. Съ помощью парохода и съ часу на часъ ожидавшейся шхуны „Востокъ“, провести фрегатъ чрезъ баръ и обезпечить такимъ образомъ входъ его въ рѣку Амуръ было бы весьма легко, тѣмъ болѣе, что глубина его на сѣверномъ барѣ въ полную воду достигала до 19 футовъ, фрегатъ же сидѣлъ 18.

Такимъ образомъ, если бы во время перехода южной части лимана, при фрегатѣ имѣлись паровыя средства, т. е. шкуна „Востокъ“ и пароходъ „Аргунь“, то онъ уже стоялъ бы на сѣверномъ лиманскомъ рейдѣ, а какъ этотъ рейдъ довольно закрытъ, то стоянка его была бы спокойная, тогда какъ по всему сахалинскому каналу, особенно при сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, стоять на якорѣ было не безопасно.

Въ ночь съ 5-го на 6-е число, „Аргунь“ всталъ на якорь у мыса Уса на 12-ти футовой глубинѣ; былъ штиль, но послѣ полуночи началъ задувать вѣтеръ отъ NW и къ 3 часамъ утра скрѣпчалъ и превратился въ штормъ. Пароходъ „Аргунь“ подъ парами и на двухъ якоряхъ едва могъ отстаиваться; каждую минуту мы ожидали, что у насъ лопнутъ канаты и пароходъ выбросить на подвѣтренный берегъ, находившійся отъ насъ въ одной милѣ.

Штормъ продолжался до вечера 8-го сентября, когда вѣтеръ вдругъ перемѣнился, задулъ отъ S и началъ стихать. Пароходъ имѣлъ серьезныя поврежденія въ машинѣ, что и понудило меня, пользуясь S вѣтромъ, 9-го числа вступить подъ паруса и слѣдовать для исправленія въ Николаевскъ; мы едва дотащились до него къ ночи 10-го сентября. Между тѣмъ, 5-го сентября пришелъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ катеръ съ различными запасами. Д. И. Орловъ прислалъ мнѣ съ нимъ извѣстіе, что 2-го сентября пришелъ изъ Аяна на петровскій рейдъ корабль россійско-американской компаніи съ различными товарами и запасами, къ выгрузкѣ которыхъ онъ и приступилъ; что шхуну „Востокъ“ генералъ-губернаторъ послалъ изъ Аяна въ Камчатку съ важными распоряженіями, съ почтою и чиновниками, и наконецъ, что компанейскій корабль будетъ ожидать моихъ распоряженій.

Озабочиваясь положеніемъ фрегата „Паллада“, по прибытіи въ Николаевскъ, я немедленно послалъ въ лиманъ, къ сѣверному рейду шлюпку, а къ югу паровой катеръ „Надежда“, и 14 сентября съ паровымъ катеромъ получилъ увѣдомленіе отъ командира фрегата „Паллада“, что при жестокомъ штормѣ отъ NNO онъ едва могъ

отстояться на двухъ якоряхъ въ сѣверной части сахалинскаго фарватера, и что барказъ его и 2 катера затошло. Не имѣя такимъ образомъ средствъ продолжать путь далѣе, онъ возвращается къ мысу Лазарева въ распоряженіе адмирала Путятина. Итакъ, не смотря на всѣ энергическія мѣры, принятыя адмираломъ, командиромъ фрегата, офицерами онаго и вполнѣ молодецкой и опытной его командой, по вышеизложеннымъ причинамъ, а главное по неимѣнію при фрегатѣ единственнаго нашего пароваго двигателя—шхуны „Востокъ“, ввести фрегатъ въ рѣку, въ эту навигацію, не успѣли. Оставлять его зимовать въ лиманѣ было опасно, ибо осеннимъ и весеннимъ ледоходомъ, при которомъ здѣсь бываютъ обыкновенно свѣжіе вѣтры и быстрыя теченія, фрегатъ могъ быть прорѣзанъ, или выброшенъ на банку. По тѣмъ же причинамъ не безопасно было оставлять его въ заливѣ де-Кастри. Между тѣмъ, по вскрытіи и очищеніи лимана отъ льда въ весеннюю сизигійную воду, на барѣ южнаго прибрежнаго фарватера часто бываетъ воды до 19 футовъ; это обстоятельство давало надежду раннею весною ввести фрегатъ въ рѣку этимъ кратчайшимъ и болѣе другихъ безопаснымъ путемъ.

На морскихъ картахъ того времени на всемъ берегу Татарскаго залива не показано ни одной гавани. Весь берегъ означался сплошнымъ скалистымъ и неприступнымъ, а Сахалинъ соединеннымъ съ материкомъ песчанымъ перешейкомъ, т. е. входъ въ лиманъ съ юга показывался невозможнымъ; всѣ же сдѣланныя нами открытія, а равно и составленныя нами новыя карты хранились въ тайнѣ. Поэтому надобно было предполагать, что все вниманіе непріятеля, въ видахъ уничтоженія нашихъ военныхъ судовъ, къ чему главное онъ и стремился *), будетъ обращено на Петропавловскъ, какъ на единственный пунктъ, гдѣ, по его мнѣнію, только и могли скрыться наши суда. Справедливость такого нашего заключенія подтвердилась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ продолженіе всей навигаціи 1854 года непріятельскихъ крейсеровъ не являлось ни въ Охотскомъ морѣ, ни въ Татарскомъ заливѣ.

*) Непріятель зналъ, что у насъ имѣются фрегаты „Паллада“, „Діана“, „Аврора“ и корветъ „Оливуца“ и что при крейсерствѣ этихъ судовъ въ океанѣ они могутъ нанести его торговлѣ и колоніямъ большой ущербъ. Это обстоятельство порождало страшную панику, ибо ловить въ океанѣ почти невозможно. Въ виду этого-то, боясь за свою торговлю и колоніи, англо-французы и собрали здѣсь сильную эскадру, дабы уничтожить наши суда, а главное, не дозволить намъ выйти въ море. Такова была главная ихъ цѣль.

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ соображеній, адмиралъ Путятинъ и рѣшился отвести фрегатъ „Паллада“ на зимовку въ Императорскую гавань, располагая самою раннею весною 1855 года привести его обратно къ мысу Лазарева, такъ чтобы, пользуясь первою сизигійною большою водою, ввести его въ рѣку Амуръ южнымъ прибрежнымъ фарватеромъ. Получивъ свѣдѣніе о таковомъ рѣшеніи адмирала относительно фрегата и имѣя въ виду отправить въ Аянъ командира фрегата, Унковскаго, съ нѣкоторыми офицерами, я предложилъ капитанъ-лейтенанту Фуругельму, завѣдывавшему тогда торговыми дѣлами россійско-американской компаніи на устьѣ Амура, задержать на Петровскомъ рейдѣ компанейскій корабль, на которомъ бы могли отправиться г. Унковскій и офицеры. Вмѣстѣ съ этимъ я предоставилъ г. Фуругельму всѣ имѣвшіяся у меня перевозныя средства, дабы какъ возможно скорѣе могли быть доставлены изъ Петровскаго въ Николаевскъ различные продовольственные запасы, привезенные на компанейскомъ кораблѣ изъ Аяна *). Между тѣмъ изъ Николаевска на гребныхъ судахъ фрегата „Діана“ перевозили къ мысу Лазарева ржаную муку и различные продовольственные запасы, какіе только возможно было удѣлить намъ для фрегата, и на мысѣ Лазарева, во вновь устроенной пекарнѣ заготовляли для фрегата сухари. Съ прибытіемъ фрегата „Паллада“, оттуда начали отправлять въ Николаевскъ команду его со всѣмъ ея имуществомъ. Начальство надъ нею поручено было капитанъ-лейтенанту Бутакову, съ которымъ были оставлены лейтенанты Бирюлевъ, Шварцъ и мичманъ Ивановъ, поручикъ Поповъ, прапорщикъ Кузнецовъ и артиллерійскій поручикъ Антипенко. Всѣ эти операціи, при неимѣніи паровыхъ средствъ, были сопряжены съ большими затрудненіями и совершались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и вѣдѣніемъ командира фрегата Діана, капитана 2-го ранга С. С. Лесовскаго (нынѣ генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, управляющій морскимъ министерствомъ). Благодаря энергіи и дѣятельности Степана Степановича, къ 22 сентября фрегатъ „Діана“ былъ готовъ къ плаванію и команда фрегата „Паллада“ въ числѣ 380 человѣкъ (кромѣ 10 оставленныхъ при артиллеріи на мысѣ Лазарева) прибыла въ Николаевскъ. „Діана“, имѣя на буксирѣ подъ фальшивымъ вооруженіемъ остовъ фрегата „Паллада“, 24 сентября направилась изъ лимана къ югу.

*) Изъ Аяна въ это время старались отправлять все на Амуръ, какъ въ мѣсто, единственно безопасное отъ нападенія непріятеля.

О перевозкѣ артиллеріи и имущества, оставленнаго на мысѣ Лазарева съ фрегата „Паллада“, по позднему времени года и по неимѣнію надлежащихъ средствъ, и думать было нечего. Всѣ средства и вниманіе наше надобно было обратить на самое важное и необходимое: а) на доставленіе изъ Петровскаго въ Николаевскъ различныхъ запасовъ, товаровъ и матеріаловъ, которые привезены были къ намъ для спасенія изъ Аяна; б) на скорое и сколько возможно удобное устройство зданій для помѣщенія огромнаго количества людей, собравшихся въ Николаевскѣ на зимовку; в) на обезпеченіе этихъ людей продовольствіемъ, отчего главнымъ образомъ зависѣло сохраненіе ихъ здоровья, и наконецъ г) необходимо было какъ возможно скорѣе переправить г. Унковскаго съ офицерами въ Петровское, дабы не задерживать компанейскій корабль, который долженъ былъ, доставивъ ихъ въ Аянъ, возвратиться благовременно въ колоніи. На всѣ эти обстоятельства и были обращены всѣ наши средства и вниманіе.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ, по прибытіи изъ Петровскаго въ Аянъ, на шхунѣ „Востокъ“, 13 августа отправилъ изъ Аяна въ Большерѣцкъ на кораблѣ р.-а. компаніи „Ситха“ нѣкоторыхъ чиновниковъ и часть почты. Корабль этотъ, вмѣсто Большерѣцка, пошелъ въ Петропавловскъ и, при входѣ въ авачинскую губу, былъ взятъ непріятелемъ. Оттого-то и случилось, что Николай Николаевичъ послалъ изъ Аяна 17 августа шхуну „Востокъ“, вмѣсто Петровскаго, въ Петропавловскъ. Шхуна эта, 26 августа, при входѣ въ авачинскую губу, случайно встрѣтила ботъ № 1 подъ начальствомъ боцмана Новограбленнаго, который и далъ знать на шхуну, что у Петропавловска стоитъ непріятельская эскадра. Шкуна сейчасъ же пошла обратно къ югу. Проходя Курильскую гряду, у нея оказалась течь и поврежденіе въ машинѣ; для исправленія этихъ поврежденій, она зашла въ бухту на островѣ Парамуширъ, гдѣ и встрѣтилась съ транспортомъ „Байкалъ“, направлявшимся изъ Аяна въ Большерѣцкъ. Она передала ему всѣ бумаги, посланныя на ней генералъ-губернаторомъ, съ приказаніемъ немедленно отправить ихъ изъ Большерѣцка берегомъ въ Петропавловскъ и съ тѣмъ, чтобы съ этимъ же посланнымъ дали знать изъ Петропавловска въ Большерѣцкъ о результатахъ нападенія на этотъ портъ непріятеля.

По исправленіи поврежденій, шхуна „Востокъ“ съ Курильскихъ острововъ, 26-го сентября, пришла въ Большерѣцкъ. 6-го

октября командиръ шкуны, капитанъ-лейтенантъ В. А. Римскій-Корсаковъ получилъ изъ Петропавловска извѣстіе, что при содѣйствіи прибывшаго въ Петропавловскъ фрегата „Аврора“, непріятель, нападавшій на этотъ портъ, былъ блистательно отраженъ и съ большою потерею въ своихъ командахъ удалился изъ авачинской губы. Съ этимъ извѣстіемъ шхуна „Востокъ“ изъ Большерѣцка пошла въ Николаевскъ, но по случаю свѣжихъ противныхъ вѣтровъ и поздняго времени года, въ лиманъ войти не могла, и принуждена была укрыться въ Петровскомъ заливѣ, гдѣ и осталась на зимовку.

Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, донося мнѣ о своемъ плаваніи и о побѣдѣ, одержанной въ Петропавловскѣ надъ непріятелемъ, въ заключеніе сообщилъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Большерѣцкѣ изъ Петропавловска, этотъ портъ, въ случаѣ продолженія военныхъ дѣйствій въ предстоявшую навигацію, совершенно не обезпеченъ продовольствіемъ, котораго въ Петропавловскѣ, по числу зимующихъ нынѣ въ немъ людей, не болѣе какъ на 10 мѣсяцевъ, и то благодаря совершенно неожиданной случайности, именно, что суда россійско-американской компаніи съ провіантомъ, разсчитаннымъ по штатному только лишь положенію 47 экипажа, пришли въ Петропавловскъ 3 днями ранѣе непріятеля и поэтому не сдѣлались его добычею, подобно кораблю „Ситха“.

Получивъ это донесеніе, я, 22-го октября, при собраніи всѣхъ командъ, помолился Всевышнему Творцу и объяснилъ командамъ о блистательной побѣдѣ, одержанной ихъ доблестными товарищами въ Петропавловскѣ. Затѣмъ мы заложили на мысѣ Куегда батарею и первое на р. Амуръ судно: шхуну-баржу „Лиманъ“ (прозванную „Бабушкой“) для перевоза артиллеріи съ мыса Лазарева.

ГЛАВА XXIX.

Соображенія мои о положеніи Петропавловска.—Представленіе генералъ-губернатору о необходимости перенести этотъ портъ въ при-амурскій край, 27 октября 1854 года.– Надежды и предположеніе, что мнѣ благовременно дадутъ знать о снятіи Петропавловска.—Мое производство въ контръ-адмиралы.—Увѣдомленіе отъ Синицына изъ Императорской гавани.—Цѣль англо-французовъ въ Восточномъ океанѣ.—Командировка прапорщика Кузнецова въ Императорскую гавань.—Инструкціи.—Письмо мое Н. П. Муравьеву отъ 12 апрѣля 1855 г.—Положеніе амурской экспедиціи въ зиму съ 1854 на 1855 годъ.—Прибытіе семействъ изъ Петропавловска.—Моя поѣздка въ де-Кастри.—Свѣдѣнія о снятіи Петропавловскаго порта.—Нападеніе непріятеля на наши суда.—Мои распоряженія.—Прибытіе въ заливъ де-Кастри.—Военный совѣтъ.—Мое предположеніе.—Рѣшеніе совѣта.—Отправленіе эскадры въ лиманъ.—Возвращеніе въ Николаевскъ.—Донесеніе Бутакова о прибытіи нашихъ судовъ къ мысу Лазареву.—Причины снятія Петропавловскаго порта.—Слѣдованіе изъ него нашей эскадры.—Посылка Мартынова.—Прибытіе къ мысу Лазарева С. С. Лесовскаго.—Взятіе въ плѣнъ Мусина-Пушкина.–Шхуна „Хеда“.—Прибытіе на ней Е. В. Путятина и К. Н. Посьета въ Николаевскъ.—Спускъ генералъ-губернатора по Амуру и прибытіе его въ Маріинскій постъ.—Закрытіе амурской экспедиціи.—Мое новое назначеніе.—Отчетъ амурской экспедиціи.—Необходимость постовъ по р. Амуръ.—Наша граница съ Китаемъ.—Почему не принято мое мнѣніе.—Вводъ въ р. Амуръ фрегата „Аврора“ и другихъ судовъ.—Личный составъ амурской экспедиціи.

Какъ ни блестящи были подвиги защитниковъ Петропавловска, но по недостатку продовольствія, въ случаѣ войны, положеніе ихъ въ Камчаткѣ представлялось безвыходнымъ. Это обстоятельство ясно указывало на необходимость оставить Петропавловскъ и сосредоточить все въ Николаевскѣ или вообще на рѣкѣ Амуръ, о чемъ я неоднократно говорилъ и прежде, но чему, къ несчастію, тогда не вѣрили. Спасеніе храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Петропавловска, судовъ и всего имущества порта, въ случаѣ продолженія военныхъ дѣйствій и въ 1855 году, представлялось возможнымъ лишь только тогда, если они самою раннею весною уйдутъ изъ Петропавловска и, не смотря на вѣроятную бдительность непрія-

теля, успѣютъ войти въ лиманъ рѣки Амура. Имѣя въ виду это обстоятельство, съ первою же почтою, отправленною изъ Николаевска 26-го октября, я писалъ генералъ-губернатору: „Осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству, что въ случаѣ продолженія войны и въ 1855 году, скорое сосредоточеніе въ Николаевскѣ всего, что находится нынѣ въ Петропавловскѣ и Японіи, должно, по моему мнѣнію, составлять единственную и главную нашу заботу, ибо если мы благовременно это сдѣлаемъ, то непріятель, въ какихъ бы то превосходныхъ силахъ здѣсь ни появился, намъ никакого вреда сдѣлать не можетъ, потому что банки лимана, полная для него непзвѣстность здѣшняго моря, удаленіе его отъ сколько-нибудь цивилизованныхъ портовъ не на одну тысячу миль, лѣсистыя, гористыя и бездорожныя, пустынныя прибрежья при-амурскаго края составляютъ крѣпости, непреоборимыя для самаго сильнаго врага, пришедшаго съ моря. Появленіе его сюда послужитъ намъ не во вредъ, а въ пользу, ибо, блокируя берега Татарскаго залива, онъ этимъ фактически признаетъ ихъ россійскими. При сосредоточеніи въ Николаевскѣ судовъ, людей и всего имущества Петропавловскаго порта, единственный непріятель для нихъ, съ которымъ неминуемо придется бороться, это морозъ и пустыня, но чтобы побѣдить его, необходимо, чтобы всѣ силы наши были обращены на благовременное устройство просторныхъ помѣщеній и на полное обезпеченіе изъ Забайкалья по рѣкѣ Амуру сосредоточенныхъ здѣсь людей хорошимъ и въ избыткѣ продовольствіемъ, медикаментами и необходимою здѣсь теплою одеждою. Каждый прибывшій сюда человѣкъ безъ совершенно полнаго довольствія пищею и одеждою и безъ строительныхъ матеріаловъ (кромѣ лѣса, разумѣется) и инструментовъ будетъ насъ здѣсь не усиливать, а только ослаблять и обременять, распространяя болѣзни и смертность; поэтому не слѣдуетъ присылать сюда людей безъ полнаго обезпеченія всѣмъ вышеупомянутымъ. Здѣсь, въ настоящее время, каждый солдатъ, прежде всего, долженъ быть плотникомъ; самое для него необходимое: топоръ, теплая одежда и полное во всѣхъ отношеніяхъ продовольствіе. Съ этими только средствами онъ можетъ бороться и выйти побѣдителемъ неминуемаго и лютаго здѣсь врага—мороза и различныхъ въ пустынномъ краѣ климатическихъ и другихъ условій, вредно дѣйствующихъ на здоровье людей и порождающихъ различныя болѣзни и смертность. Побѣдивши этого врага, внѣшній врагъ, пришедшій съ моря, для насъ будетъ здѣсь уже ничтоженъ, ибо, прежде чѣмъ

онъ доберется до насъ, ему придется встрѣтиться съ негостепріимнымъ и богатымъ банками лиманомъ, въ которомъ онъ или разобьется, или же очутится въ совершенно безвыходномъ положеніи. Онъ не рѣшится также безполезно терять своихъ людей высадкою десантовъ на пустынные, лѣсистые, гористые и бездорожные берега при-амурскаго края, и, такимъ образомъ, война здѣсь будетъ кончена со славою, хотя и безъ пороховаго дыма и свиста пуль и ядеръ,—со славою, потому, что она нанесетъ огромный вредъ непріятелю безъ всякой съ нашей стороны потери: непріятель будетъ всегда въ страхѣ, дабы суда наши не пробрались отсюда въ океанъ для уничтоженія его торговли, и чрезъ это онъ вынужденнымъ найдется блокировать берега Татарскаго залива и южной части Охотскаго моря, для чего необходимо сосредоточить здѣсь большое количество военныхъ судовъ, что сопряжено съ весьма значительными расходами; между тѣмъ какъ намъ онъ всѣмъ этимъ принесетъ огромную пользу, такъ какъ, блокируя прибрежья, а слѣдовательно и весь при-амурскій и при-уссурійскій край, онъ тѣмъ самымъ фактически признаетъ ихъ русскими". Въ заключеніе этого письма, я выразилъ надежду, что мнѣ будетъ дано знать благовременно о рѣшеніи, какое будетъ принято относительно Петропавловска, ибо въ противномъ случаѣ, я буду поставленъ въ большое затрудненіе и не буду имѣть возможности принять надлежащія благовременныя мѣры.

Излагая такое мнѣніе Николаю Николаевичу, я зналъ, что оно было совершенно противоположно тѣмъ видамъ на Петропавловскъ, и тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты для того, что бы сдѣлать изъ него главный нашъ портъ на Восточномъ океанѣ. Я зналъ, что для его защиты еще въ 1852 и 1853 годахъ туда была отправлена артиллерія, снаряды и проч., но тѣмъ не менѣе я надѣялся, что на мое письмо, по важности его содержанія, генералъ-губернаторъ обратитъ свое вниманіе и вскорѣ пришлетъ отвѣтъ, а потому, послѣ окончанія построекъ для размѣщенія всѣхъ собравшихся здѣсь командъ и чиновъ и различныхъ необходимыхъ работъ для предстоявшей навигаціи, началъ заготовлять лѣсъ для построекъ въ Николаевскѣ, на случай внезапнаго увеличенія команды въ ономъ. Сверхъ этого, я имѣлъ въ виду еще то обстоятельство, что входъ въ лиманъ съ юга возможенъ только въ первыхъ числахъ мая, ибо южная часть лимана иногда бываетъ совершенно чиста къ 5-му или 6-му мая, а иногда она бываетъ за-

терта льдами до 15-го числа. Это зависѣло отъ господствовавшихъ въ началѣ мая вѣтровъ: если вѣтеръ южный, то южная часть лимана была чиста отъ льда въ самомъ началѣ мая, и наоборотъ: если вѣтеръ сѣверный, то ледъ стоялъ тамъ до 15-го числа. На фарватерѣ между южною частію лимана и заливомъ де-Кастри, единственнымъ на тогдашнихъ картахъ пунктомъ, гдѣ суда могли спокойно становиться на якорь, находятся банки, между которыми, безъ подробной карты, идти весьма затруднительно. За ними же, или за такъ называемымъ мною баромъ южнаго общаго фарватера, суда могутъ стоять совершенно спокойно. По разсказамъ туземцевъ, отъ мыса Екатерины идетъ довольно торная тропинка къ рѣкѣ Амуръ, въ селеніе Аломъ, лежащее около 80 верстъ отъ Николаевска. Выше изложенныя обстоятельства были весьма важны въ случаѣ преслѣдованія нашихъ судовъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; фрегаты наши, собравшіеся въ заливъ де-Кастри для ожиданія возможности входа въ лиманъ, какъ мѣстности извѣстной непріятелю, будутъ небезопасны отъ его нападенія, между тѣмъ какъ находясь у мыса Екатерины, плаваніе къ которому безъ подробной карты затруднительно и совершенно неизвѣстно непріятелю, они будутъ болѣе безопасны отъ его нападенія. Сверхъ этого, при какихъ либо несчастныхъ обстоятельствахъ, отъ мыса Екатерины можно достигнуть рѣки Амура берегомъ. По этимъ причинамъ, въ случаѣ преслѣдованія нашей эскадры сильнѣйшимъ непріятелемъ, она у мыса Екатерины гораздо безопаснѣе можетъ выжидать возможности войти въ амурскій лиманъ. По этимъ-то причинамъ мнѣ и необходимо было заблаговременно знать, будетъ или нѣтъ переводиться въ Николаевскъ Петропавловскій портъ, дабы имѣть возможность дать знать объ этомъ начальнику, слѣдовавшему изъ Петропавловска, съ судами и имуществомъ порта. Я былъ увѣренъ (чего иначе кажется и быть не могло), что въ случаѣ перевода Петропавловскаго порта въ Николаевскъ меня, какъ главноначальствующее въ краѣ лицо, не оставятъ благовременнымъ увѣдомленіемъ; но, какъ мы видимъ далѣе, этого не послѣдовало, а потому я и долженъ былъ предполагать, что упомянутое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія, и что послѣ побѣды, одержанной въ Петропавловскѣ, рѣшились оставить этотъ портъ тамъ. Поэтому съ открытіемъ навигаціи 1855 года, я ожидалъ только въ амурскій лиманъ фрегаты „Діана“ и „Паллада“ съ Е. В. Путятинымъ, которому путь къ лиману былъ хорошо извѣстенъ. Въ виду ввода фрегата „Паллада“ въ рѣку

Амуръ и сколь-возможно скораго перевоза съ мыса Лазарева артиллеріи и имущества фрегата, мы старались, чтобы къ открытію навигаціи были готовы: строющаяся баржа-шхуна „Лиманъ“, гребныя суда и пароходъ „Аргунь“, который требовалъ не малыхъ исправленій. Сверхъ того, я поручилъ командиру шхуны „Востокъ“, Римскому-Корсакову, по льду осмотрѣть и опредѣлить баръ сѣвернаго фарватера, и съ первою возможностію, съ открытіемъ навигаціи, спѣшить изъ Петровска въ лиманъ, для содѣйствія вводу фрегата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы по льду же опредѣлили баръ и направленіе южнаго лиманскаго прибрежнаго фарватера, имѣя въ виду, чтобы при первой весенней сизигійной полной водѣ, съ помощію парохода „Аргунь“ и шхуны „Востокъ“, ввести фрегатъ „Паллада“ въ рѣку Амуръ этимъ путемъ.

Въ январѣ 1855 года пришла къ намъ первая зимняя почта и съ нею я получилъ Высочайшій приказъ о производствѣ меня, 26-го августа 1854 года, въ контръ-адмиралы. Генералъ-губернаторъ, поздравляя меня съ этимъ, писалъ, что Государь Императоръ остался чрезвычайно доволенъ всѣми моими предъидущими дѣйствіями и находитъ ихъ рѣшительными, благородными и патріотическими. Въ заключеніе Николай Николаевичъ писалъ, что онъ надѣется, что фрегатъ „Паллада“ весною будетъ введенъ въ рѣку Амуръ, и съ этимъ изъявилъ мнѣ неудовольствіе, почему фрегатъ не оставили зимовать въ лиманѣ, какъ онъ предписывалъ г. Унковскому. Вслѣдъ за этимъ я получилъ также увѣдомленіе отъ боцмана Спиридына, изъ Императорской гавани, что фрегатъ „Паллада“, съ 10 матросами, оставленъ на его попеченіе, на зимовку въ этой гавани, что на фрегатѣ находится порохъ и къ нему проведенъ стопинъ. Боцманъ имѣлъ отъ адмирала Путятина приказаніе, если по какому либо случаю, прежде его прихода въ Императорскую гавань, явится въ оную непріятель, то фрегатъ немедленно взорвать на воздухъ, а самимъ удалиться въ лѣсъ. „Провизіи и одежды, писалъ боцманъ, оставлено было въ полномъ изобиліи, всѣ люди совершенно здоровы, но фрегатъ, по случаю гнилости, имѣетъ значительную течь, такъ что до заморозковъ не отходили отъ помпы“.

Въ началѣ марта прибыли двѣ почты и съ ними мы получили русскія и иностранныя газеты, изъ которыхъ увидѣли, что отбитіемъ нападенія англо-французовъ на Петропавловскій портъ, общественное мнѣніе въ Англіи и Франціи сильно заговорило о нанесеніи имъ этимъ пораженіемъ оскорбленія, и требовало, чтобы объ

эти державы приняли энергическія мѣры для уничтоженія Петропавловска, а главное нашихъ судовъ, находящихся въ Восточномъ океанѣ. Это обстоятельство, а равно и соображеніе относительно напраснаго уничтоженія фрегата „Паллада“, побудило меня сейчасъ же послать въ Императорскую гавань прапорщика штурмановъ Кузнецова, приказавъ ему слѣдовать туда чрезъ Маріинскій постъ. По прибытіи въ эту гавань, имѣть въ виду: а) чтобы стопины, проведенные съ фрегата „Паллада“, были всегда въ исправности, такъ чтобы фрегатъ немедленно могъ быть взорванъ; б) съ открытіемъ навигаціи, на входномъ мысѣ въ гавань, постоянно имѣть постъ и бдительно наблюдать надъ всѣми судами, идущими съ моря; в) предварительно осмотрѣть мѣсто, куда удобнѣе отступать командѣ, въ случаѣ прихода въ гавань непріятеля, и въ этомъ мѣстѣ имѣть постоянно сухарей и другой провизіи, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца; г) въ случаѣ прихода непріятеля въ Императорскую гавань, немедленно взорвать фрегатъ, зажечь всѣ строенія и отступить въ избранное мѣсто; д) по приходѣ въ Императорскую гавань адмирала Путятина или кого-либо изъ нашихъ военныхъ судовъ, предъявить эти мои приказанія и, наконецъ, е) при всякомъ удобномъ случаѣ съ надежными туземцами или чрезъ наши суда, доносить мнѣ подробно, и имѣть въ виду, что раннею весною, согласно распоряженію адмирала Путятина, Фрегатъ „Паллада“ долженъ быть приведенъ въ амурскій лиманъ.

Съ послѣднею почтою, отправленною зимнимъ путемъ, 12-го апрѣля 1855 года, донося генералъ-губернатору о состояніи экспедиціи, въ частномъ письмѣ ему я писалъ: «фрегатъ „Паллада“ не вошелъ въ рѣку по случаю неприбытія благовременно шкуны „Востокъ“ и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ; оставить его на зимовку въ лиманѣ было опасно, потому во-первыхъ, что онъ могъ быть уничтоженъ льдами, а во-вторыхъ, я не имѣлъ на это ни права, ни средствъ, что должно быть извѣстно и Вашему Превосходительству. Не получивъ до сихъ поръ никакого увѣдомленія относительно изложеннаго въ прошломъ письмѣ моего мнѣнія о переносѣ сюда Петропавловскаго порта, я остаюсь увѣреннымъ, что этого не послѣдуетъ, а потому нынѣ принимаются только лишь мѣры къ тому, чтобы скорѣе ввести въ рѣку ожидаемый сюда фрегатъ „Паллада“, и перевезти сюда все, что оставлено съ фрегата на мысѣ Лазарева“.

Положеніе наше въ нижне-при-амурскомъ краѣ въ зиму съ 1854 на 1855 годъ было таково:

Не смотря на ничтожество средствъ, при энергической дѣятельности гг. офицеровъ и командъ, работы шли быстро: мы успѣли благовременно выстроить двѣ большія казармы для помѣщенія въ одной изъ нихъ походной церкви, снятой съ фрегата „Паллада“, лазарета, пивальни и команды фрегата, а въ другой — чиновъ амурской экспедиціи. Кромѣ того, мы выстроили 3 офицерскихъ флигеля, для помѣщенія офицеровъ и священника, флигель для гаубтвахты, казначейства и канцеляріи, магазины, кузницу, мастерскую и флигель для инженера; эллингъ, на которомъ строилась шкуна „Лиманъ“, и сарай для починки гребныхъ судовъ. Затѣмъ были выстроены 12 чистыхъ домиковъ для женатыхъ чиновъ, магазинъ и помѣщеніе для прикащиковъ и товаровъ р.-а. компаніи. Всѣ необходимые товары и запасы изъ Петровскаго, доставленные туда изъ Аяна на корабляхъ р.-а. компаніи, мы перевезли въ Николаевскъ и приняли мѣры, чтобы инородцы доставляли намъ свѣжую рыбу и дичь, а тунгусы — оленину. Въ Николаевскѣ собралось всѣхъ зимующихъ 820 человѣкъ. Въ Петровскомъ зимовала команда шкуны „Востокъ“ и 15 человѣкъ, оставленныхъ для караула и для содержанія поста; всего до 80-ти человѣкъ. Въ Маріинскомъ сотня конныхъ казаковъ и батарея горной артиллеріи—всего 150 человѣкъ. Такимъ образомъ, всѣхъ людей въ экспедиціи было 1,050 человѣкъ, а въ зиму съ 1853 на 1854 годъ помѣщенія было только на 70 человѣкъ. Но, не смотря на все это, зимовка прошла благополучно: команды были веселы и бодры. Прибытіе офицеровъ *) и команды фрегата „Паллада“ и шкуны „Востокъ“ оживило насъ, жителей Николаевска, привыкшихъ къ пустынной жизни въ Петровскомъ. Николаевскъ принялъ видъ какъ бы города, хотя по улицамъ его торчали пни и коренья.—Сильные вѣтры съ метелями (пурги, по сибирски) заносили весьма часто не только улицы, но и строенія и, останавливая работы, затрудняли даже сообщенія между строеніями. Не смотря на все это, наше общество не скучало: пошли домашніе театры, маскарады и танцы, фейерверки и иллюминаціи, катанье на собакахъ и пикники въ Петровское. Для развлеченія команды устраивались горы, пляски и тому

*) Офицеры эти были:—завѣдывавшій командою фрегата, капитанъ-лейтенантъ И. И. Бутаковъ (нынѣ контръ-адмиралъ), лейтенанты Шварцъ (нынѣ контръ-адмиралъ) и Бирюлевъ, мичманъ Ивановъ, корпуса штурмановъ: Поповъ и Кузнецовъ, командиръ бота Кадьякъ Шарыповъ, командиръ шкуны „Востокъ“ Римскій-Корсаковъ, мичмана: Анжу и Ельчаниновъ и механикъ поручикъ Зарубинъ.

подобное. Все и всѣхъ оживляли единственныя тогда дамы: жена моя и Е. О. Бачманова; онѣ были душею всѣхъ развлеченій, столь необходимыхъ въ такой пустынѣ, отрѣзанной отъ всего цивилизованнаго міра. Туземцы съ нами освоились: завелись постоянные базары, рыбы и дичи доставлялось туземцами достаточно и съ охотой; въ предметахъ же необходимыхъ для болѣе или менѣе цивилизованныхъ людей, какъ то: сахара, чая, кофе и прочаго, благодаря р.-а. компаніи и заботливости завѣдывавшаго тамъ ея дѣлами капитанъ-лейтенанта И. В. Фуругельма, недостатка не было. Медикаментовъ, оставленныхъ съ фрегатовъ „Паллада“ и „Діана“, а частію сплавленныхъ по Амуру и привезенныхъ изъ Аяна, было вдоволь; теплой одежды для команды фрегата и экспедиціи—тоже. Свѣжая пища, по возможности просторное помѣщеніе и заботливость гг. офицеровъ о сохраненіи здоровья людей и объ ихъ развлеченіяхъ, не смотря на сырыя зданія, сооружавшіяся прямо съ корня, усиленныя работы и различныя весьма неблагопріятныя климатическія условія, благодаря Создателя, сдѣлали то, что зимовка прошла весьма благополучно: мы, можно сказать, блистательно побѣдили лютаго и неизбѣжнаго въ пустынѣ врага. Хотя къ веснѣ больныхъ начало прибывать довольно много, а именно: въ Николаевскѣ и Петровскомъ было до 100 человѣкъ въ лазаретѣ, а въ Маріинскомъ, по случаю недостаточной и соотвѣтственной для пустыни теплой одежды и непривычки людей, почти $^2/_3$ команды были больны; но съ открытіемъ зелени все мгновенно поправилось и изъ 900 въ Николаевскѣ и Петровскомъ умерло только 4 человѣка, а изъ 150 въ Маріинскомъ умерло 3 человѣка; всего же 7 человѣкъ на 1,050, что составляетъ $^2/_3\,^0/_0$.

Къ открытію навигаціи по рѣкѣ, 10-го мая шкуна „Лиманъ“ и гребныя суда были спущены и готовы; мы ожидали только возможности пройти по лиману къ мысу Лазарева. Лиманъ къ этому времени еще не вскрылся и сѣверные, довольно крѣпкіе вѣтры затирали его льдами; болѣе всего затерта была южная часть лимана, такъ что, судя по прежнимъ примѣрамъ, не было ни какой надежды войти въ него съ юга ранѣе 15-го мая. Это обстоятельство меня весьма озабочивало: мы скорбѣли и думали о нашихъ товарищахъ въ Японіи, которыхъ сюда ожидали. Вводъ раннею весною въ лиманъ фрегатовъ „Діана“ и „Паллада“ былъ существенно важенъ, ибо, судя по свѣдѣніямъ, добытымъ нами изъ газетъ, надобно было ожидать, что непріятель при-

метъ самыя энергическія мѣры для уничтоженія нашихъ судовъ; ему было положительно извѣстно, что фрегатъ „Діана“ находился въ Японіи. Скорбѣли мы также и о нашихъ товарищахъ-герояхъ въ Петропавловскѣ, но какъ о переносѣ этого порта на рѣку Амуръ никакихъ свѣдѣній не было получено, то я и полагалъ, что вѣроятно приняли какія либо иныя мѣры, для того, чтобы по возможности сохранить суда и команды, тамъ находившіяся, отъ нападенія гораздо сильнѣйшаго ихъ непріятеля. Хотя я не могъ себѣ представить, какія бы могли быть эти мѣры, однако, въ виду вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, я никогда не предполагалъ, чтобы предварительно мнѣ не было дано знать о переносѣ порта и не думалъ, чтобы сдѣлали это сюрпризомъ, который, за непринятыми благовременно мѣрами, могъ кончиться весьма плачевно.

Такъ прошло время до 7-го мая; ледъ на главномъ фарватерѣ рѣки Амуръ начало ломать, а 8-го мая онъ уже шелъ по фарватеру въ огромныхъ массахъ. Бухта у Николаевска была еще покрыта толстымъ слоемъ; всѣ суда наши, какъ то: паровой катеръ „Надежда“, пароходъ „Аргунь“ и шлюпки были во льду. Сообщенія никакого не было,—стояла полная распутица.

7-го мая прибылъ на оленяхъ изъ Аяна нарочный съ увѣдомленіемъ отъ генералъ-губернатора, что раннею весною должно прибыть въ де-Кастри судно съ семействомъ В. С. Завойко и другими семействами изъ Петропавловска; мнѣ приказывалось озаботиться переправить ихъ въ Маріинскій постъ, а судно ввести въ рѣку. Это обстоятельство, какъ меня, такъ и всѣхъ, еще болѣе увѣрило, что рѣшились защищать Петропавловскъ до конца. Получивъ это свѣдѣніе, я немедленно приказалъ вырубить изъ льда паровой катеръ и перетащить его на фарватеръ, который къ вечеру 8-го мая началъ очищаться отъ льда. Операція эта была сопряжена съ немалыми усиліями: мы проработали всю ночь съ 8-го на 9-е число, и къ утру, 9-го мая, пароходъ былъ на вольной водѣ. Я отправился на немъ въ Маріинскій постъ, сдѣлавъ слѣдующія распоряженія:

1) Съ первою возможностію (т. е. по очищеніи отъ льда лимана), капитанъ-лейтенанту Бутакову слѣдовать на шкунѣ „Лиманъ“ и гребныхъ судахъ къ мысу Лазарева для перевоза оттуда артиллеріи. Лейтенанту Бирюлеву запасать лѣсъ и заложить батарею на мысѣ Мео, а Шварцу—на мысѣ Чпаръ-рахъ. Г. Бачманову, какъ старшему по мнѣ, завѣдывать Николаевскимъ постомъ, приготовлять лѣсъ и строить батарею на мысѣ Куегда.

2) Артиллерію и снаряды, перевозимые съ мыса Лазарева, размѣщать и оставлять для батарей на мысахъ: Чнаръ-рахъ, Мео и Куегда и

3) Въ случаѣ прихода къ мысу Лазарева фрегатовъ „Діана“ и „Паллада“, обратить все вниманіе на вводъ въ рѣку фрегата „Паллада“, для чего употребить пароходъ „Аргунь“, долженствующую прійти изъ Петровскаго шкуну „Востокъ“ и всѣ наши средства.

У селенія Ман (около 30 верстъ отъ Николаевска) я встрѣтилъ нарочнаго на туземной лодкѣ, отправленной изъ Маріинскаго поста съ донесеніемъ лейтенанта Чихачева изъ залива де-Кастри. Николай Матвѣевичъ писалъ, что онъ съ транспортомъ „Двина“ и транспорты „Иртышъ“ и „Байкалъ“ прибыли въ заливъ де-Кастри съ семействами и со всѣмъ имуществомъ Петропавловскаго порта, и что вслѣдъ за ними идетъ В. С. Завойко съ фрегатомъ „Аврора“ и корветомъ „Оливуца“, ибо, по распоряженію генералъ-губернатора, Петропавловскій портъ снятъ и велѣно все сосредоточить въ Николаевскѣ. Донося объ этомъ, онъ извѣщалъ, что къ сѣверу отъ де-Кастри, и въ самомъ заливѣ плаваютъ льды, и что онъ ожидаетъ моихъ распоряженій. Такое неожиданное извѣстіе понудило меня слѣдовать скорѣе въ де-Кастри, ибо, если петропавловская эскадра успѣла выйти ранѣе появленія тамъ непріятеля, то, по всей вѣроятности, послѣдній усилитъ свою бдительность для ея преслѣдованія.

Проходя селеніе Аломъ, я послалъ оттуда съ туземцами одного казака и приказалъ ему слѣдовать къ мысу Екатерины, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ какихъ либо обстоятельствъ они могли служить проводниками съ этого мыса въ рѣку Амуръ.

Не доходя 100 верстъ до Маріинскаго поста, 11-го мая, я встрѣтилъ казака, слѣдовавшаго изъ Маріинскаго поста, отъ начальника онаго, съ извѣстіемъ, что всѣ наши суда съ В. С. Завойко собрались въ заливѣ де-Кастри и на нихъ дѣлается нападеніе непріятельской эскадры, и что семейства перебираются изъ де-Кастри въ Маріинскій постъ. Получивъ это извѣстіе и имѣя въ виду нашу ничтожную силу, собравшуюся въ де-Кастри, состоявшую только изъ 2-хъ боевыхъ парусныхъ судовъ, которыя не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія (фрегатъ „Аврора“ и корветъ „Оливуца“), между тѣмъ какъ въ газетахъ писали, что для уничтоженія нашихъ судовъ должна собраться сильная паровая непріятельская эскадра, въ нѣсколько кратъ превышающая нашу, я сейчасъ

же командировалъ командира „Надежды“, мичмана Ельчанинова въ Николаевскъ съ слѣдующими распоряженіями: 1) капитанъ-лейтенанту Бутакову съ 2-мя офицерами и съ командою фрегата „Паллада“, на гребныхъ судахъ, слѣдовать немедленно къ мысу Лазарева. Команда должна имѣть патроны, по крайней мѣрѣ, по 25 выстрѣловъ и взять съ собою заряды для орудія, сколько возможно болѣе. Если, при слѣдованіи по лиману, льды не дозволятъ идти на шлюпкахъ, то г. Бутакову высадиться на берегъ и стараться сколь возможно поспѣшнѣе достигнуть мыса Лазарева, гдѣ устроить батарею и, въ случаѣ нападенія непріятеля, удерживать его тамъ до послѣдней крайности. При невозможности держаться противъ его силы, заклепать орудія, зажечь все имущество и отступить къ селенію Ули, отъ котораго съ проводниками достигнуть берега Амура.

2) Въ Николаевскѣ г. Бачманову быть готовымъ, въ случаѣ покушенія непріятеля проникнуть на гребныхъ судахъ въ рѣку Амуръ, напасть на него на нашихъ вооруженныхъ гребныхъ судахъ и стараться остановить его движеніе.

3) Приготовленія къ постройкѣ батарей на мысахъ Мео и Куегда остановить и немедленно поставить временную батарею на мысѣ Куегда для защиты Николаевска, и

4) Дать немедленно знать въ Петровское командиру шкуны „Востокъ“, Римскому-Корсакову, чтобы, въ случаѣ нападенія на Петровское непріятеля, шкуну „Востокъ“ и ботъ, пользуясь полною водою, ввести въ устье рѣки Лачъ, сжечь все въ Петровскомъ и, сосредоточивъ всѣ свои силы, отразить непріятеля. Я боялся, чтобы непріятель, въ случаѣ какого несчастія съ нашей стороны, не узналъ бы о возможности входа въ рѣку лиманомъ и не проникъ бы туда на своихъ паровыхъ и гребныхъ шлюпкахъ.

Сдѣлавъ вышеупомянутыя распоряженія, я съ напряженною поспѣшностію отправился въ Маріинскій постъ, дабы узнать объ участи нашей эскадры въ заливѣ де-Кастри. Прибывъ въ Маріинскъ къ вечеру 11-го мая, я нашелъ въ немъ до 200 женъ и дѣтей, прибывшихъ туда изъ де-Кастри, съ петропавловской эскадры. Почти всю команду Маріинскаго поста я нашелъ или больною, или слабою, всѣ же здоровые люди были заняты перевозкою прибывшихъ семействъ на озеро Кизи, которое только что вскрылось. Начальникъ поста, г. Кузьменко, донесъ мнѣ, что онъ ничего не знаетъ о послѣдствіяхъ нападенія 9-го мая на нашу эскадру въ

заливѣ де-Кастри; онъ не зналъ даже и того, въ какомъ числѣ судовъ былъ непріятель. Изъ Маріинскаго поста я немедленно отправился по озеру Кизи къ перевалу съ этого озера въ заливъ де-Кастри, приказавъ г. Кузьменко сейчасъ же приготовить и, съ первою возможностью, отправить 2 орудія съ надлежащею прислугою и снарядами, занять пунктъ на озерѣ Кизи, отъ котораго начинается дорога въ де-Кастри; затѣмъ, всѣхъ здоровыхъ конныхъ казаковъ послать занять дефиле, лежащее на пути изъ залива къ озеру Кизи, дабы отразить всякія покушенія непріятеля съ цѣлью проникнуть изъ Кастри къ озеру Кизи; наконецъ, всѣхъ прибывающихъ къ нему по возможности размѣщать и довольствовать.

Ночью съ 11-го на 12-е число, на пароходѣ „Надежда“, я прошелъ по озеру Кизи къ перевалу съ этого озера въ заливъ де-Кастри, и здѣсь нашелъ нѣсколько семей, ожидавшихъ гребныхъ судовъ, чтобы отправиться въ Маріинскій постъ. Распутица на берегу была въ полномъ разгарѣ: вода, а мѣстами снѣгъ и грязь были по колѣна и по поясъ. Здѣсь я также ничего не узналъ относительно нашей эскадры, ибо всѣ прибывшіе сюда вышли изъ Кастри въ то время, когда непріятель только показался. Оставивъ здѣсь пароходъ „Надежда“ и приказавъ, чтобы онъ содѣйствовалъ къ перевозу въ Маріинскій постъ семействъ, а оттуда орудія и казаковъ, я взялъ поручика Попова съ подробными картами лимана и пошелъ пѣшкомъ въ Кастри, пробираясь туда по колѣно, а иногда почти по поясъ въ водѣ, снѣгѣ и грязи. Изнуренные и мокрые, мы только къ вечеру 13-го числа добрались до залива де-Кастри, гдѣ и нашли стоящею на якорѣ всю нашу камчатскую флотилію, состоявшую изъ фрегата „Аврора“, корвета „Оливуца“ и транспортовъ: „Двина“, „Иртышъ“ и „Байкалъ“. Начальникъ Камчатки, адмиралъ Завойко, сообщилъ мнѣ, что 9-го мая, англійскій пароходо-фрегатъ и бригъ открыли нашу эскадру и, произведя рекогносцировку залива и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ корветомъ и фрегатомъ, вышли изъ залива и направились къ югу, почему и надобно предполагать, что здѣсь былъ авангардъ ихъ эскадры, посланной для развѣдки о нашихъ судахъ. За симъ должно ожидать сюда непріятеля въ большихъ силахъ. Между тѣмъ, В. С. Завойко послалъ на вельботѣ къ лиману мичмана Овсянникова, чтобы удостовѣриться, возможно ли войти въ оный. Судя по постоянно дувшимъ свѣжимъ сѣвернымъ вѣтрамъ, надо было полагать, что южная часть лимана была еще заперта льдомъ. Мичманъ Овсянни-

ковъ не возвращался, а между тѣмъ надобно было рѣшить вопросъ: идти ли немедленно въ лиманъ или ожидать здѣсь возможности входа въ оный. Для этого, а равно и для подробнаго объясненія пути изъ де-Кастри къ амурскому лиману, сейчасъ же были потребованы на флагманскій корветъ „Оливуца“ всѣ командиры; мнѣніе ихъ было таково: ожидать въ де-Кастри возможности входа въ лиманъ и, въ случаѣ нападенія непріятеля, защищаться до послѣдней крайности; при неблагопріятныхъ же обстоятельствахъ взорвать суда. Выслушавъ это мнѣніе, я предложилъ сейчасъ же слѣдовать къ сѣверу и стараться скорѣе прійти къ мысу Екатерины, гдѣ и ожидать возможности входа въ лиманъ; потомъ идти къ мысу Лазарева, у котораго, подъ прикрытіемъ нашей батареи, ожидать возможности слѣдованія въ рѣку Амуръ; въ случаѣ же нападенія непріятеля, согласно принятому уже рѣшенію, бороться до послѣдней крайности и, при несчастіи, взорвать суда, а кто спасется, тѣмъ отъ мыса Екатерины отступить на рѣку Амуръ къ селенію Алемъ, съ проводниками, которые тамъ ожидаютъ прихода нашей эскадры. Мое мнѣніе было принято единогласно: на другой день вся наша эскадра снялась съ якоря и направилась къ лиману; въ то же время прибылъ мичманъ Овсянниковъ и объяснилъ, что къ сѣверу льдовъ нѣтъ.

На пути въ заливъ де Кастри, В. С. Завойко заходилъ въ Императорскую гавань, чтобы взять фрегатъ „Паллада“, но, Константиновская бухта, въ которой стоялъ фрегатъ, была еще покрыта льдомъ, и потребовалось бы не мало времени, чтобы его вывести оттуда и приготовить къ плаванію; между тѣмъ терять времени было нельзя, ибо съ часу на часъ надобно было ожидать нападенія непріятельской эскадры; кромѣ этого фрегатъ „Діана“ еще не приходилъ, а потому В. С. Завойко, подтвердивъ г. Кузнецову данныя ему инструкціи и снабдивъ его продовольствіемъ, оставилъ фрегатъ „Паллада“ ожидать тамъ Е. В. Путятина.

Ясно, что послѣ ухода нашей эскадры изъ залива де-Кастри, главное вниманіе съ моей стороны было обращено на то, чтобы ожидаемый въ заливъ съ часу на часъ, въ большихъ силахъ, непріятель не имѣлъ возможности узнать объ уходѣ нашей эскадры въ амурскій лиманъ. Для этого необходимо было отстранить всякую возможность захватить кого либо изъ людей. Въ этихъ-то видахъ всѣ туземцы изъ залива де-Кастри были удалены; людямъ же, остававшимся при постѣ, было приказано, съ прибытіемъ непріятельскихъ

судовъ отступить въ лѣсъ, по дорогѣ къ озеру Кизи, не уничтожая нашихъ избушекъ при постѣ, дабы этимъ привлечь вниманіе непріятеля и принудить его сдѣлать рекогносцировку, и тѣмъ, по возможности, задержать его въ де-Кастри. Если же непріятель пойдетъ далѣе во внутрь страны, то, отступая, соединиться съ казаками при дефиле, и, защищая его, отступать къ озеру Кизи, къ нашимъ орудіямъ, находившимся у перевала съ этого озера.

Сдѣлавъ эти распоряженія, я поспѣшилъ въ Маріинскій постъ и оттуда въ Николаевскъ, дабы принять мѣры къ скорѣйшему перевозу имущества и артиллеріи съ мыса Лазарева и быть готовымъ къ отстраненію различныхъ неблагопріятныхъ случайностей. Такъ какъ по Амуру еще никто не проходилъ и о слѣдованіи генералъ-губернатора мы еще никакихъ извѣстій не получили, то я отправилъ на встрѣчу къ нему, съ донесеніемъ отъ меня и отъ В. С. Завойко, мичмана Разградскаго.

По возвращеніи въ Николаевское, 18-го мая я поѣхалъ на пароходѣ „Надежда“ въ лиманъ, къ мысу Лазарева, но у мыса Уса встрѣтилъ сплошной ледъ. Здѣсь я нашелъ стоявшія за льдинами гребныя суда и шкуну-баржу „Лиманъ“ съ лейтенантомъ Бирюлевымъ, который сообщилъ мнѣ, что И. И. Бутаковъ съ лейтенантомъ Шварцомъ и мичманомъ Ивановымъ и съ 160 человѣками, пошли пѣшкомъ къ мысу Лазарева, взявъ съ собою 10-ти-дневное продовольствіе сухарей и 200 боевыхъ зарядовъ для орудія. Г. Бирюлеву приказано было, по очищеніи льда, слѣдовать къ мысу Лазарева въ распоряженіе Бутакова и по прибытіи къ мысу немедленно мнѣ дать знать о всемъ, что тамъ дѣлалось. Я поѣхалъ обратно въ Николаевскъ, откуда немедленно послалъ пароходъ „Аргунь“ подъ командой Я. И. Купреянова въ помощь нашимъ гребнымъ судамъ къ мысу Лазарева. За симъ мы начали строить батарею на мысѣ Куегда, и исправлять и вооружать оставленныя въ Николаевскѣ гребныя суда. Въ Петровское г. Римскому-Корсакову дано было знать, чтобы онъ съ первою возможностью прибылъ въ Николаевскъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ донесеніе отъ капитанъ-лейтенанта Бутакова о томъ, что съ величайшими затрудненіями по случаю распутицы, они 15-го мая пришли къ мысу Лазарева, на которомъ и начали строить батареи. 18-го числа пришелъ туда В. С. Завойко со всею камчатскою эскадрою, и Бутаковъ поступилъ въ его распоряженіе.

Снятіе Петропавловскаго порта и сосредоточеніе всѣхъ нашихъ мор-

скихъ силъ въ Николаевскѣ, вопреки упомянутымъ доселѣ убѣжденіямъ, относительно этого порта, послѣдовало такъ: генералъ-губернаторъ, получивъ извѣстіе изъ Петербурга о готовившемся нападеніи на Петропавловскъ и уничтоженіи нашихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ собиравшимся для этого въ большихъ силахъ непріятелемъ и о полномъ недостаткѣ продовольствія въ Петропавловскѣ, не ожидая приказанія изъ Петербурга, послалъ своего адъютанта есаула Мартынова курьеромъ въ Камчатку, съ приказаніемъ контръ-адмиралу Завойко снять Петропавловскій портъ, погрузить все казенное имущество и семейства на суда зимовавшей тамъ эскадры и отправиться съ нею въ устье Амура. Есаулъ Мартыновъ, слѣдуя чрезъ Якутскъ и оттуда на собакахъ въ Охотскъ, по дикому прибрежью Охотскаго моря, по которому разстояніе между жилыми пунктами простирается около 400 верстъ, переѣзжая чрезъ широкіе заливы съ опасностію при случайныхъ вѣтрахъ погибнуть отъ вьюгъ, совершилъ весь путь отъ Иркутска до Петропавловска (до 8,000 верстъ) въ 3 мѣсяца, со скоростію до этого времени еще небывалою. Скорость этого слѣдованія, энергическія и быстрыя распоряженія и дѣйствія, принятыя въ Петропавловскѣ, а равно скорый выходъ оттуда, изъ льда, нашей эскадры и счастливый случайный переходъ, сдѣланный ею въ виду, можно сказать, въ нѣсколько кратъ сильнѣйшаго непріятеля, спасли честь и славу нашего оружія, суда и команды наши и имущество порта! Это обстоятельство фактически оправдало, что Петропавловскъ, какъ отрѣзанный отъ территоріи и неимѣвшій съ нею внутренняго сообщенія, не могъ быть нашимъ главнымъ портомъ на отдаленномъ востокѣ, и что подобный портъ могъ быть только въ при-амурскомъ и уссурійскомъ краѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, непосредственно связанныхъ съ Восточною Сибирью внутреннимъ путемъ, безопаснымъ отъ нападенія непріятеля съ моря. Слѣдовательно, всѣ затраты, сдѣланныя на Петропавловскъ, чтобы возвести его на степень главнаго порта, были совершенно напрасны, и если сосредоточенныя въ немъ команды и суда наши были спасены въ при-амурскомъ краѣ, то это обстоятельство нельзя не приписать особому случаю. Оставлять эти суда и команды въ Камчаткѣ, при возможности разрыва съ морскими державами, было весьма неосновательно и, по моему мнѣнію, слѣдовало бы еще весною 1854 г. перевести все изъ Петропавловска въ Николаевскъ.

В. С. Завойко распорядился переборкою порта великолѣпно:

еще не разошелся ледъ въ Авачинской губѣ, какъ суда наши были вооружены. Лишь только тронулся ледъ, они вышли въ море, забравъ съ собою всѣ семейства и все имущество порта. Есаулъ Мартыновъ остался въ Петропавловскѣ начальникомъ. Вскорѣ по уходѣ эскадры изъ Петропавловска, туда явились англо-французы и, не найдя тамъ ни судовъ, ни командъ (кромѣ есаула Мартынова съ нѣсколькими жителями), сожгли казенные магазины и пошли въ погоню за нашими судами въ Японское море.

23-го мая я получилъ увѣдомленіе изъ де-Кастри, что чрезъ 3 дня по уходѣ нашей эскадры пришли въ заливъ непріятельскія суда и высадили десантъ, съ цѣлію захватить кого либо, дабы узнать, куда ушли наши суда. Не найдя въ де-Кастри ни одного человѣка, а равно и никакого имущества, кромѣ мѣшка ржаной муки, случайно оставленнаго (которую непріятель разсыпалъ), непріятельская эскадра вышла изъ залива и направилась къ югу, предполагая, какъ впослѣдствіи оказалось, что наша эскадра не могла никуда иначе идти, какъ къ югу. Непріятель былъ твердо убѣжденъ, что въ лиманъ изъ Татарскаго залива войдти невозможно, по случаю сплошной отмели, соединяющей Сахалинъ съ материкомъ. Этимъ обстоятельствомъ оправдывался впослѣдствіи начальникъ непріятельской эскадры. 27-го мая я получилъ свѣдѣніе съ мыса Лазарева, что наши суда, стоявшія у этого мыса, подъ прикрытіемъ воздвигнутой на ономъ батареи, готовятся идти въ рѣку, что имущество фрегата „Паллада“ грузится на шкуну-баржу „Лиманъ“ и на транспорты, которые вмѣстѣ съ корветомъ „Оливуца“ пройдутъ въ рѣку свободно, и что фрегатъ „Діана“ погибъ въ Японіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я получилъ извѣстіе, что къ мысу Лазарева, съ 150 человѣками команды фрегата „Діана“, пришелъ на купеческомъ суднѣ капитанъ 2-го ранга С. С. Лесовскій, что адмиралъ Путятинъ выстроилъ въ Японіи шкуну „Хеда“, и размѣстилъ команду фрегата на эту шкуну и на 2 зафрактованныхъ имъ купеческихъ американскихъ корабля. На одномъ изъ этихъ кораблей начальникомъ былъ С. С. Лесовскій, а на другомъ Мусинъ-Пушкинъ, самъ же адмиралъ Е. В. Путятинъ съ капитаномъ 2-го ранга К. Н. Посьетомъ помѣстился на шкунѣ „Хеда“. Степанъ Степановичъ изъ Японіи пошелъ прямо въ заливъ де-Кастри; тамъ онъ получилъ извѣстіе, что всѣ наши суда въ лиманѣ, и немедленно отправился туда же. По выходѣ изъ залива, за сѣвернымъ входнымъ мысомъ, не имѣя возможности продолжать путь далѣе по случаю густаго

тумана и штиля, онъ всталъ на якорь. Непріятель въ это время былъ въ заливѣ и производилъ рекогносцировку; только благодаря упомянутой случайности, С. С. Лесовскій счастливо избѣжалъ неминуемаго плѣна. Г. Муспнъ Пушкинъ, отправившійся изъ Японіи съ остальною командою фрегата „Діана“, не былъ такъ счастливъ: онъ пошелъ изъ Японіи въ Петропавловскъ и, не найдя тамъ нашихъ судовъ, направился въ Аянъ; на этомъ переходѣ около Сахалина онъ былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскими крейсерами. Адмиралъ Е. В. Путятинъ на шкунѣ „Хеда“ пошелъ изъ Японіи также въ Петропавловскъ и, не найдя тамъ нашихъ судовъ, направился въ Татарскій заливъ; на пути зашелъ въ Императорскую гавань, гдѣ узналъ, что наша эскадра ушла въ лиманъ, и немедленно туда же послѣдовалъ, счастливо избѣжавъ, благодаря туману, непріятельскихъ крейсеровъ, блокировавшихъ берега Татарскаго залива. У одного изъ непріятельскихъ судовъ шкуна „Хеда“, въ густой туманъ, прошла подъ кормою. Адмиралъ Е. В. Путятинъ съ К. Н. Посьетомъ въ исходѣ іюня вошли въ рѣку Амуръ къ Николаевску.

Между тѣмъ, разъ открытое сообщеніе по р. Амуру, убѣдило въ необходимости пользоваться имъ навсегда. Это еще болѣе вызывалось и тогдашними военными обстоятельствами, и рѣшеніемъ соединить въ нижне-при-амурскомъ краѣ всѣ команды и суда наши, пришедшія изъ Камчатки и Японіи. Въ Петербургѣ и въ Иркутскѣ сознали всю справедливость моихъ постоянныхъ представленій, что всякія затраты на Петропавловскъ, Аянъ и т. п. пункты, совершенно отрѣзанные отъ Сибири, напрасны, и что только въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ краѣ мы можемъ твердо встать на отдаленномъ нашемъ востокѣ. Вслѣдствіе переписки съ пекинскимъ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній о непропускѣ въ Пекинъ нашего курьера, полковника Забарнинскаго, генералъ-губернаторъ извѣщалъ китайское правительство, что весною 1855 года онъ снова съ войскомъ поплыветъ по Амуру, для защиты края отъ вторженія въ оный англо-французовъ, почему и просилъ извѣстить его о мѣстѣ, назначенномъ для съѣзда уполномоченныхъ, и отвѣтъ объ этомъ написать въ Маріинскій постъ, на рѣку Амуръ (Кизи). Послѣдствіемъ этого былъ произведенъ второй сплавъ по Амуру, который былъ раздѣленъ на три отдѣленія: 1-е отдѣленіе состояло изъ 26 баржъ, подъ начальствомъ самого генералъ-губернатора, который въ этотъ разъ спускался по рѣкѣ съ своею супругою Екатериною

Николаевною; 2-е отдѣленіе—изъ 52 баржъ, подъ начальствомъ командира 15-го линейнаго баталіона подполковника Андрея Андреевича Назимова, и 3-е—изъ 35 баржъ, подъ начальствомъ полковника М. С. Корсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту при-амурскаго края: 15-й линейный баталіонъ и 14-й линейный полубаталіонъ, всего 2,500 человѣкъ войска, а потому въ Маріинскомъ постѣ сосредоточилось болѣе 2,700 человѣкъ. При сплавѣ находилась также ученая экспедиція, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества, на счетъ члена его Степана Ѳеодоровича Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе амурскаго края полъ-пуда золота. Эта экспедиція состояла изъ натуралиста Маака, астронома Рашкова, топографа Зончевскаго и чиновника Кочетова. Съ этимъ же сплавомъ, подъ распоряженіемъ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, князя Михаила Сергѣевича Волконскаго, прибыли первые русскіе земледѣльцы, составленные изъ иркутскихъ и забайкальскихъ крестьянъ, для поселенія между Николаевскомъ и Маріинскомъ. Къ этому заселенію подъ руководствомъ князя М. С. Волконскаго сейчасъ же и приступили: начиная отъ Николаевска, по правому берегу рѣки Амуръ, были основаны деревни: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергіевское и Воскресенское. Переселенцы получили отъ казны пособіе и Высочайше освобождены были навсегда отъ рекрутской, земской и подводной повинностей. Вмѣстѣ съ этимъ, противъ Маріинскаго поста поселились на островѣ Сучи сотня конныхъ казаковъ, образовавъ станицу Сучи.

По прибытіи въ Маріинскій постъ, генералъ-губернаторъ и главнокомандующій всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными на устьѣ рѣки Амуръ, отправилъ ко мнѣ въ Николаевскъ мичмана Литке *), съ слѣдующимъ предписаніемъ:

1) Амурская экспедиція замѣняется управленіемъ камчатскаго губернатора контръ-адмирала Завойко, мѣстопребываніемъ котораго назначается Николаевскъ.

2) Вы назначаетесь начальникомъ штаба при главнокомандующемъ всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ при-амурскомъ краѣ.

3) Всѣ чины, состоящіе въ амурской экспедиціи, поступаютъ подъ начальство контръ-адмирала Завойко, и

*) Нынѣ графъ, капитанъ 2-го ранга, адъютантъ Его Высочества генералъ-адмирала.

4) Главною квартирою всѣхъ нашихъ войскъ назначается Маріинскій постъ.

Вслѣдствіе этого, мнѣ предписывалось, впредь до прибытія въ Николаевскъ, сдать экспедицію старшему по себѣ, а самому немедленно слѣдовать къ мѣсту назначенія, въ Маріинскій постъ. О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось В. С. Завойко. Ему предписывалось, сдавъ эскадру командиру фрегата „Аврора“ Изыльметьеву, слѣдовать въ Николаевскъ и вступить въ начальствованіе. Капитану Изыльметьеву предписывалось со всѣми судами, какъ возможно поспѣшнѣе, слѣдовать въ рѣку Амуръ. Контръ-адмиралу Завойко вмѣнялось въ обязанность всѣми средствами способствовать въ этомъ капитану Изыльметьеву. Командиру шкуны „Востокъ“, Римскому-Корсакову, согласно моимъ распоряженіямъ, предписывалось готовить гребную флотилію, на случай нападенія непріятеля на таковыхъ же судахъ.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій главнокомандующаго, я съ женою и съ нашею малюткою отправились въ Маріинскій постъ и поселились въ двухъ маленькихъ комнатахъ. Дежурнымъ штабъ-офицеромъ былъ тогда князь Александръ Васильевичъ Оболенскій. Начальникомъ сухопутныхъ войскъ, сосредоточенныхъ въ низовьѣ Амура, былъ назначенъ полковникъ М. С. Корсаковъ, а начальникомъ казаковъ--адъютантъ генералъ-губернатора подполковникъ Сеславинъ. При штабѣ было нѣсколько чиновниковъ и офицеровъ, въ числѣ ихъ: Якушкинъ и Ѳедоръ Александровичъ Анненковъ.

Вступивъ въ свою новую обязанность—начальника штаба, я представилъ генералъ-губернатору отчетъ о дѣйствіяхъ амурской экспедиціи съ іюня 1850 года по іюнь 1855 года, т. е. за 5 лѣтъ. Изъ отчета было видно, что эта экспедиція, принимая въ разсчетъ и все казенное довольствіе, стоила казнѣ всего 64,400 рублей серебромъ, т. е. около 12,500 *) рублей въ годъ. Во все время, собственно въ амурской экспедиціи, умерло 12 человѣкъ и не потеряно ни одного человѣка. Вотъ что стоило Россіи утвержденіе ея въ при-амурскомъ краѣ! Представляя этотъ отчетъ и имѣя въ виду, вопервыхъ, что въ низовьѣ Амура должно зимовать болѣе 7,000 человѣкъ, а вовторыхъ, дальнѣйшія наши дѣйствія какъ для отраженія непріятеля, такъ равно и относительно дальнѣйшаго устрой-

*) Жалованье и довольствіе одного камчатскаго губернатора стоило гораздо дороже; не говоря уже о томъ, что на Камчатку вмѣстѣ съ Аяномъ брошена не одна сотня тысячъ рублей.

ства края, столь близкаго моему сердцу, я представилъ генералъ-губернатору слѣдующее мнѣніе:

1) При сосредоточеніи нынѣ въ устьѣ рѣки Амура командъ, семействъ, имущества Петропавловскаго порта и всѣхъ нашихъ судовъ, а равно и командъ японской экспедиціи, *война съ внѣшнимъ врагомъ здѣсь кончена*, ибо неизвѣстность для него входа въ лиманъ съ юга и плаваніе по лиману, наполненному банками и мелями, съ неправильными быстрыми теченіями, наконецъ, гористыя, лѣсистыя, пустынныя и бездорожныя прибрежья при-амурскаго и при-уссурійскаго края представляютъ для непріятеля, нападающаго съ моря, непреоборимыя препятствія. Онъ найдется вынужденнымъ только блокировать берега Охотскаго моря и прибрежья Татарскаго залива и этимъ принесетъ намъ только пользу, закрѣпляя таковымъ своимъ дѣйствіемъ при-амурскій и при-уссурійскій край съ островомъ Сахалиномъ за Россіею. За симъ здѣсь остается для насъ одинъ неизбѣжный, внутренній врагъ—морозъ и неблагопріятныя условія для здоровья зимующихъ въ пустынѣ людей. Чтобы выдержать борьбу съ этимъ неизбѣжнымъ врагомъ съ возможно меньшею потерею людей, необходимо сейчасъ же принять энергическія мѣры какъ для просторнаго размѣщенія людей на зиму, такъ и для изобильнаго ихъ довольствія и снабженія одеждою, соотвѣтствующею климатическимъ условіямъ. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи при сплавѣ сюда людей многое было упущено; почему, по моему мнѣнію, въ настоящее время необходимо сдѣлать слѣдующее распоряженіе: а) для наблюденія за непріятелемъ въ заливѣ де-Кастри расположить сотню казаковъ съ двумя горными орудіями; всѣхъ же затѣмъ людей обратить на приготовленіе просторныхъ помѣщеній на зиму; б) для пополненія продовольственныхъ запасовъ и одежды, сейчасъ же вступить въ сношеніе съ манджурами, обитающими по рѣкѣ Сунгари и болѣе или менѣе намъ знакомыми; в) для того же, чтобы упрочить сношенія съ манджурами, сейчасъ же поставить 5 или 6 постовъ между Маріинскимъ постомъ и устьемъ рѣки Сунгари, и наконецъ, г) принять мѣры, чтобы туземцы заносили и доставляли намъ рыбу и дичь.

2) Такъ какъ при-амурскій и при-уссурійскій край представляютъ одно неразрывное цѣлое, гдѣ рѣка и море составляютъ единственные въ краѣ пути сообщенія, то край этотъ требуетъ совершенно иной организаціи управленія, сравнительно съ управленіями другихъ нашихъ провинцій. Главный пунктъ этого управленія дол-

женъ быть на устьѣ рѣки Уссури или около устья рѣки Сунгари, представляющей единственный путь въ населенную Манджурію; почему, согласно смыслу нерчинскаго трактата, при разрѣшеніи уже нами пограничнаго вопроса, т. е. опредѣленія направленія пограничнаго Хинганскаго хребта и рѣкъ, берущихъ начало изъ онаго, устье рѣки Сунгари и весь бассейнъ рѣки Уссури съ его прибрежьемъ, до корейской границы, должны составлять неотъемлемую принадлежность Россіи, тѣмъ болѣе, что одна рѣка Амуръ представляетъ здѣсь только лишь базисъ нашихъ дѣйствій и вовсе не обусловливаетъ полное значеніе для Россіи этого края; всю же силу края и *политическую важность* его для Россіи, какъ ясно указываетъ намъ настоящая война, составляетъ южное прибрежье приуссурійскаго бассейна съ гаванями, изъ которыхъ суда, по первому повелѣнію, всегда могутъ выйти въ море, гаванями, неразрывно связанными съ рѣкою Амуръ посредствомъ внутренняго пути, недоступнаго нападенію непріятеля съ моря, гаванями, счастливо расположенными относительно торговыхъ пунктовъ и торговыхъ путей по океану. Въ виду этого, *единственная правительственная задача* надолго здѣсь должна состоять въ томъ, чтобы заселять земледѣльцами тѣ пути, которые ведутъ къ упомянутой цѣли, дабы расположенная въ краѣ военная наша сила могла быть обезпечена мѣстнымъ продовольствіемъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было обезпечено и сообщеніе по главнымъ путямъ края; наконецъ, чтобы наши войска, главная часть которыхъ должна быть сосредоточена въ южномъ колѣнѣ Амура и по рѣкѣ Уссури, имѣли бы всѣ средства къ быстрому передвиженію водою по тремъ главнымъ артеріямъ края, рѣкамъ: Амуру, Уссури и Сунгари. Кромѣ того, необходимо, чтобы здѣсь всегда имѣлось 3 или 4 исправные во всѣхъ отношеніяхъ военные крейсеры, могущіе по первому повелѣнію выйти въ океанъ.

3) Имѣя въ виду пустынныя и бездорожныя, гористыя и лѣсистыя прибрежья края, служащія намъ самымъ надежнымъ оплотомъ, все вниманіе и средства правительства должны быть обращены къ скорѣйшему достиженію цѣли, указанной во 2-мъ пунктѣ; поэтому средства, опредѣляемыя правительствомъ на этотъ край, отнюдь не должны быть расточаемы на образованіе дорого стоющей бюрократической администраціи съ толпою различныхъ видовъ чиновниковъ, на сооруженіе капитальныхъ зданій и укрѣпленій, ибо надолго еще въ этомъ краѣ намъ должно оставаться какъ бы въ лагерѣ, съ тѣми средствами, какія указаны въ предъидущемъ 2-мъ

пунктѣ, средствами, весьма достаточными, съ одной стороны, для отстраненія всякихъ на этотъ край непріязненныхъ покушеній, и для нанесенія существеннаго и дѣйствительнаго вреда непріятелю въ случаѣ такихъ покушеній; а съ другой стороны—къ прочному утвержденію политическаго значенія Россіи на отдаленномъ ея востокѣ.

Наконецъ, 4) Хотя по свѣдѣніямъ и добытымъ уже амурскою экспедиціею фактамъ обнаруживается, что бассейны рѣкъ Зеи, Буреи, Хунгари, Уссури, Тумджина, Амгуни, Гирини и др., содержатъ огромныя богатства золота, и вообще край этотъ въ нѣдрахъ своихъ содержитъ и другія богатства, но торговля и промышленность въ ономъ, по причинѣ огромнаго пустыннаго его пространства, географическаго его положенія и климатическихъ условій, никакъ не можетъ быстро здѣсь развиваться, какъ мы то видимъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ особенности въ Калифорніи. Было бы болѣе чѣмъ несообразно увлекаться примѣромъ Америки и ожидать здѣсь того же, что совершается тамъ въ этомъ отношеніи. Край этотъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно отличенъ отъ Америки, поэтому правительство должно обратить здѣсь все свое вниманіе только на упомянутую во 2-мъ пунктѣ важную задачу свою и, не увлекаясь иллюзіями и примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Калифорніи, твердо и неуклонно идти къ разрѣшенію упомянутой задачи, такъ чтобы и самое дозволеніе къ развитію въ краѣ золотопромышленности всецѣло было направлено къ облегченію и содѣйствію разрѣшенія этой задачи и къ полному изслѣдованію края во всѣхъ отношеніяхъ.

Мое мнѣніе было тогда радикально противоположно воззрѣніямъ начальствующихъ лицъ, спустившихся по рѣкѣ Амуру. Эти господа никакъ не могли освоиться съ мыслію, что сосредоточивъ всѣ наши команды и суда въ Николаевскѣ, мы уже кончили войну здѣсь со славою. Эти воспитанники Кавказа, Марсова поля и красносельскихъ лагерей и маневровъ не могли себѣ представить, чтобы безъ свинца, пуль и ядеръ, треска и шума реляцій и ихъ спутниковъ: крестовъ, чиновъ и отличій,—могла кончиться здѣсь война. Они никакъ не могли себѣ представить, что, пріютивъ здѣсь наши суда и команды отъ явной погибели, мы принудили чрезъ это непріятеля къ блокадѣ береговъ Татарскаго залива и заставили его признать этотъ важный край русскимъ. Эти господа, подобно реформаторамъ-чиновникамъ, созидавшимъ реформы въ канцеляріяхъ,

ради треска и шума, никакъ не могли вообразить себѣ, что окончательная побѣда наша, а равно и прочное водвореніе въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ бассейнахъ должны совершиться безъ всякаго шума и треска: мѣрами, основанными на глубокомъ изученіи, въ продолженіе шести лѣтъ, страны, ея обитателей и ея отношеній къ сосѣдственной съ нею Манджуріи. Эти господа, питомцы Кавказа и Марсова поля, вообразили себѣ, что непріятель будетъ дѣлать серьезное нападеніе на заливъ де-Кастри съ цѣлью завладѣнія онымъ; они рѣшили, что для Россіи необходимо имѣть только лѣвый берегъ Амура съ его низовьемъ до залива де-Кастри; они полагали, что главный нашъ пунктъ, въ которомъ должно сосредоточиться все управленіе краемъ, лежащимъ по лѣвому берегу Амура, а равно и прибрежьями Охотскаго моря, долженъ быть Николаевскъ, а портъ—въ заливѣ де-Кастри; южный же при-амурскій и при-уссурійскій бассейны съ ихъ прибрежьями, считали не нужными для Россіи. Къ счастью, это послѣднее фальшивое заблужденіе скоро, какъ мы увидимъ ниже, измѣнилось, и при разграниченіи съ Китаемъ въ главныхъ чертахъ было принято мое мнѣніе. Что же касается до мнѣнія моего относительно главной и единственной тамъ правительственной задачи, то оно было совершенно искажено. Въ краѣ завелись различныя бюрократическія учрежденія, и онъ раздѣлился на двѣ отдѣльныя части (области), такъ что главная правительственная, упомянутая выше задача далеко еще до сихъ поръ не разрѣшена въ самыхъ существенныхъ и главныхъ основаніяхъ, ибо центральное управленіе въ семъ краѣ не соединено еще въ южномъ колѣнѣ Амура; оно, подобно Австріи, представляется въ видѣ дуализма. Войска не могутъ получать продовольствія на мѣстѣ. Морское вѣдомство провіантъ своимъ командамъ доставляетъ на кругосвѣтныхъ судахъ по высокимъ цѣнамъ. Надлежащія средства къ быстрому передвиженію въ немъ по главнымъ артеріямъ края, рѣкамъ: Амуръ, Уссури и въ особенности Сунгари, далеко не усовершенствованы и земледѣльческія населенія по главнымъ пунктамъ сообщенія въ краѣ далеко еще не приведены въ надлежащій видъ, сообразно требованіямъ. Къ сооруженію гавани на Сахалинѣ около Дуэ, или въ Кусунаѣ, гдѣ бы суда безопасно могли грузиться, до сихъ поръ не приступлено и, наконецъ, толпы золотопромышленниковъ, наводняющихъ нынѣ этотъ край, эксплуатируя и истощая его богатства, никакой существенной пользы ему не приносятъ въ отношеніи разрѣшенія упомянутой правительствен-

ной задачи. Между тѣмъ, съ того времени, когда это мнѣніе мое было представлено, протекло уже 20 лѣтъ и милліоны были брошены на переселенія туда штрафованныхъ солдатъ, на крѣпостныя сооруженія, на различныя бюрократическія учрежденія и, наконецъ, на посылки толпами чиновниковъ и чиновничьихъ экспедицій *). Для чего все это дѣлалось, я полагаю, не скажутъ и тѣ, которые сами все это совершали. Должно быть, мы, ради честолюбія, изъ самой простой и естественной задачи хотѣли сдѣлать что-то сложное, дабы придать себѣ важность, но въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали такъ, какъ дѣйствуютъ только бюрократы.

Таковъ былъ тогда и нынѣ взглядъ мой на наше положеніе на отдаленномъ Востокѣ, какое необходимо намъ тамъ создать, чтобы имѣть, согласно мысли Петра I, Екатерины II и Николая I, надлежащее для Россіи политическое значеніе и разсадникъ для образованія нашихъ морскихъ офицеровъ и командъ.

Къ исходу іюля 1855 года, всѣ суда наши, бывшія тогда въ Восточномъ океанѣ, кромѣ остова гиблаго фрегата „Паллада“, со всѣми командами и имуществомъ Петропавловскаго порта, были сосредоточены въ Николаевскѣ, и рѣка Амуръ послужила имъ надежнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованія ихъ въ нѣсколько кратъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Суда, зимовавшія тогда въ Амурѣ, были слѣдующія: 44-хъ пушечный фрегатъ „Аврора“ **), 16-ти пушечный корветъ „Оливуца“, 6-ти пушечная винтовая шкуна „Востокъ“ и транспорты „Двина“, „Иртышъ“, „Байкалъ“, шкуна „Хеда“, тендеръ „Камчадалъ“ и пароходъ „Аргунь“.

И такъ, открытіе плаванія для мореходныхъ судовъ въ устьѣ рѣки Амуръ и ея лиманѣ съ сѣвера и юга, т. е. изъ Охотскаго моря и Татарскаго залива, открытіе, изслѣдованіе и утвержденіе наше въ низовьяхъ при-амурскаго края и на островѣ Сахалинѣ, совершенныя амурскою экспедиціею, при первомъ же случаѣ, при разрывѣ съ западными державами, указало на всю государственную важность дѣятельности этой экспедиціи. Въ первый же годъ войны чрезъ упомянутую дѣятельность этотъ край представилъ убѣ-

*) Экспедиція одного г. Сколкова стоила болѣе 100.000 рублей.

**) Странное стеченіе обстоятельствъ: на этомъ фрегатѣ я въ продолженіе 9-ти лѣтъ служилъ съ Его Высочествомъ генералъ-адмираломъ; шесть лѣтъ былъ я на немъ старшимъ лейтенантомъ и вахтеннымъ лейтенантомъ Его Высочества. Теперь я открылъ входъ въ Амуръ, какъ бы нарочно для того, чтобы въ этой рѣкѣ спасти отъ явной гибели дорогую моему сердцу „Аврору“.

жище и защиту нашей военной эскадрѣ и имуществу Петропавловскаго порта, а также японской экспедиціи, безъ чего все это было бы поставлено въ самое критическое положеніе. Не смотря на побѣду, одержанную въ Петропавловскѣ, эскадра наша и все находившееся на ней сдѣлалось бы добычею или огня или непріятеля. Между тѣмъ, она провела зиму спокойно, какъ бы на родной почвѣ, среди своихъ собратовъ, со всѣми принадлежностями и особенностями русской жизни.

Всѣ изложенные сейчасъ факты весьма знаменательны въ исторіи при-амурскаго и при-уссурійскаго края, ибо они составляютъ послѣдній краеугольный камень и незыблемый фундаментъ, воздвигнутый амурскою экспедиціею къ признанію амурскаго и уссурійскаго бассейновъ съ островомъ Сахалиномъ за Россіею. Эти факты ясно доказываютъ, что только здѣсь Россія можетъ имѣть надлежащій оплотъ и важное политическое значеніе на отдаленномъ своемъ Востокѣ. Эти факты составляютъ честь всего нашего флота, ибо питомцы его вынесли все это единственно на своихъ плечахъ, не смотря на полное несоотвѣтствіе данныхъ имъ инструкцій и положительное ничтожество средствъ. Ихъ одушевляли гражданская доблесть и мужество, и они твердо шли къ цѣли, съ полнымъ сознаніемъ, что именно эта цѣль приведетъ къ утвержденію навсегда края за Россіею.

Вотъ что 15 лѣтъ тому назадъ писалось въ нашихъ періодическихъ журналахъ нѣкоторыми изъ личностей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ дѣятельностью нашихъ морскихъ офицеровъ, составлявшихъ амурскую экспедицію, по тѣмъ даннымъ, которыя они могли добыть изъ разсказовъ и изъ архива главнаго управленія Восточной Сибири и главнаго управленія бывшей россійско-американской компаніи:

„Горсть людей, выброшенная въ 1850 году въ дикую пустыню, каковою представлялась Петровская кошка, вмѣсто предназначеннаго ей основанія простаго зимовья для расторжки съ гиляками, успѣла, не смотря на всевозможныя лишенія и нужды, ничтожество средствъ и полное несоотвѣтствіе данныхъ ей инструкцій, въ теченіе съ небольшимъ 3-хъ лѣтъ обслѣдовать пустынную мѣстность низовьевъ рѣки Амура и острова Сахалина, утвердиться въ главныхъ пунктахъ и распространить русское вліяніе на все окрестное населеніе и даже на манджуровъ. Твердость духа и отчаянная рѣшительность начальника экспедиціи повели къ тому, что по исте-

ченіи столь краткаго времени, русскіе встали твердою ногою на устьѣ Амура, открыли, что рѣка въ 300 верстахъ выше устья весьма близко подходитъ къ единственному близъ лимана заливу де-Кастри, заняли селеніе Кизи и сосѣдственный съ нимъ заливъ де-Кастри, составляющій непремѣнную станцію судовъ, идущихъ съ юга въ устье рѣки Амуръ, открыли мѣста рожденія каменнаго угля на островѣ Сахалинѣ и открыли и заняли одну изъ лучшихъ гаваней въ морѣ, гавань Императора Николая I и главные пункты острова Сахалина. Они собрали положительныя данныя о независимости жителей матераго берега и острова Сахалина, доставили положительныя свѣдѣнія о рѣкѣ Уссури и о важности ея въ отношеніи близкаго сосѣдства съ незамерзающими почти круглый годъ гаванями, положительно изслѣдовали направленіе Хинганскаго становаго хребта отъ верховьевъ рѣки Уди и направленіе главныхъ рѣкъ, выходящихъ изъ восточнаго склона этого хребта, и, возбудивъ пограничный вопросъ, дали точныя и неоспоримыя доказательства того, что весь край отъ верховья рѣки Уди къ востоку, до моря, заключающій въ себѣ южный и сѣверный бассейны рѣки Амура, устья рѣки Сунгари и весь бассейнъ рѣки Уссури съ ихъ прибрежьями до корейской границы, а равно и островъ Сахалинъ, составляютъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ что сдѣлалъ“, пишетъ г. Романовъ *), „въ при-амурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта „Байкалъ“ въ 1849 году и горсть людей, брошенная въ 1850 году на дикое прибрежье Охотскаго моря, среди непроходимыхъ пустынь за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія: зимою холодъ, часто и голодъ отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки или изъ Аяна; подвергаясь опасности быть потопленными наводненіемъ **), эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжкихъ трудовъ и испытаній, но во всѣхъ

*) Журналъ „Русское Слово“ 1860 года.

**) Низменная песчаная кошка, на которой находилось Петровское зимовье, неоднократно подвергалась наводненіямъ. Разъ зимою вода подступила почти подъ самыя строенія и затопила единственный колодецъ съ прѣсною водою, такъ что всѣ жившіе въ Петровскомъ пользовались снѣгомъ для варки пищи, питья и чая. Послѣ оставленія Петровскаго зимовья и по переселеніи всѣхъ въ Николаевскъ, зимою вода поднялась до такой высоты, что затопила всю кошку, влилась въ пустые дома и замерзла тамъ толстымъ слоемъ. Конечно, подобное явленіе могло бы случиться и во время жительства въ Петровскомъ чиновъ и семействъ амурской экспедиціи.

случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпленные упованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго, съ сознаніемъ высокихъ общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества. Руководимые своимъ достойнымъ начальникомъ и примѣромъ его супруги, раздѣлявшей наравнѣ со всѣми всѣ лишенія и опасности; дѣйствуя всегда внѣ повелѣній, подъ ежеминутнымъ опасеніемъ при малѣйшей неудачѣ подвергнуться строжайшей отвѣтственности, — эта горсть людей не страшилась ни голодной смерти, ни ножа дикаря, скромно въ безмолвной тишинѣ пустынь собирала камни, изъ которыхъ начальникъ ея создалъ твердый фундаментъ для событій, совершившихся на отдаленномъ Востокѣ нашего отечества.

„Если бы подобныя дѣйствія были совершены гдѣ либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена ихъ наизустъ, боясь показаться варварами предъ образованной Европой. Тогда бы всѣ удивлялись имъ и провозглашали бы подвиги ихъ, подобно подвигамъ Росса, Парри, Франклина и проч., но почти всѣ мы до сихъ поръ не знаемъ тѣхъ русскихъ именъ, которымъ отечество наше обязано водвореніемъ русскаго вліянія на пустынныхъ берегахъ низовья Амура и прибрежьяхъ Восточнаго океана, а съ этимъ вмѣстѣ отечество обязано имъ и пріобрѣтеніемъ при-амурскаго и при-уссурійскаго края съ ихъ прибрежьями и островомъ Сахалиномъ.

„При этомъ нельзя не отдать должной справедливости“, пишетъ г. Романовъ, „тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды, лишенія и опасности, несвойственныя ихъ полу. Имена г-жъ Невельской, Орловой и Бачмановой, въ особенности первой, занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи при-амурскаго и при-уссурійскаго края“.

„Вотъ какъ описываетъ“, говоритъ г. Романовъ, „участвовавшій въ амурской экспедиціи Бошнякъ супругу начальника экспедиціи, Екатерину Ивановну Невельскую *):

„Послѣ роскошныхъ залъ и гостинныхъ, недавней воспитанницѣ Смольнаго монастыря, со средствами и возможностію жить иначе, пришлось пріютиться въ 3-хъ комнатномъ флигелѣ, раздѣливши его съ семействомъ г. Орлова. Толпы грязныхъ гиляковъ, тунгусовъ и рядъ встрѣченныхъ непріятностей не устрашили ее.

*) Обнародовано въ „Морскомъ Сборникѣ“, подъ рубрикою „Экспедиція въ приамурскомъ краѣ. Н. Бошнякъ. 1859 г., № 2“.

Мы откровенно сознаемся, что многимъ обязаны ея внимательной любезности ко всѣмъ, и прямо скажемъ, что ея примѣръ благодѣтельно дѣйствовалъ на тѣхъ, можно сказать, несчастливицъ изъ женъ нижнихъ чиновъ, которыхъ судьба забросила вмѣстѣ съ своими мужьями на горькую долю. Часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, мы никогда не слыхали отъ нея ни одной жалобы или упрека, напротивъ, мы всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначило ей Провидѣніе. Занятіе по устройству новаго хозяйства и книги прогоняли отъ нея скуку. Во всемъ обнаруживалась твердость ея характера, привычка къ занятіямъ и способность обходиться безъ баловъ и вечеровъ — способность, столь рѣдко встрѣчаемая въ наше время!

„Наконецъ, поспѣлъ и губернаторскій домъ, 5 саж. длины и 3 саж. ширины, въ 5 конурокъ; наступила зима, а съ нею вмѣстѣ и тѣ страшныя вьюги (пурги), въ продолженіе которыхъ погибло нѣсколько человѣкъ. Вездѣ холодъ страшный, все замело глыбами снѣга, такъ что для прохода вынуждены были разгребать снѣжные корридоры, а въ казарму иногда выходъ былъ чрезъ чердакъ. И г-жа Невельская проводила зиму одна (всѣ мы были въ командировкахъ), въ комнатахъ съ 5° тепла, и, дрожа отъ холода, продолжала оставаться съ тою же стоическою твердостью убѣжденій. Наконецъ, наступилъ 1852 годъ. Неприсылка изъ Камчатки судовъ ставила насъ въ положеніе, болѣе чѣмъ отчаянное. Для грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пищи и нѣсколько человѣкъ легло въ могилу отъ цынги *).

„И тутъ этотъ чудный женскій инстинктъ нашелся, чтобы подать руку помощи страданіямъ. Единственная корова изъ хозяйства г. Невельскаго, завезенная въ 1851 году, снабжала молокомъ несчастныхъ дѣтей, а солонина явилась за столомъ начальника экспедиціи. Все, что было свѣжаго, дѣлилось пропорціональными частями, и опять ни одной жалобы, ни одного упрека. Въ такихъ дѣйствіяхъ, по моему мнѣнію, заключаются главныя заслуги амурской экспедиціи; они поддерживали духъ покорности и терпѣнія, безъ чего она должна была бы рушиться. Спросимъ теперь послѣ

*) Этотъ ударъ не миновалъ и семейства самаго г. Невельскаго: страданія Екатерины Ивановны, происшедшія вслѣдствіе претерпѣваемыхъ ею лишеній, имѣли пагубное вліяніе на здоровье ея малолѣтней дочери: до сихъ поръ на Петровской кошкѣ существуетъ могила младенца, отлетѣвшаго, какъ жертва искупленія, въ лучшій міръ.

этого очерка, многіе ли бы мужчины согласились на подобную жизнь? Конечно немногіе. А это женщина 19-ти лѣтъ. Скажутъ, можетъ быть, что много такихъ примѣровъ. Да, но все-таки въ мѣстахъ болѣе многолюдныхъ и гдѣ не было такихъ лишеній, которыя предстояли для женщины въ амурскомъ краѣ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ г-жа Невельская вышла побѣдительницею, не смотря на то, что конечно нажила многихъ враговъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ захолустьяхъ и закоулкахъ".

Такъ окончила свою трудную и высокую миссію амурская экспедиція и таковы были послѣдствія ея дѣятельности. Теперь мнѣ въ заключеніе остается только изложить дальнѣйшія наши дѣйствія въ при-амурскомъ краѣ и окончательное утвержденіе какъ его, такъ и при-уссурійскаго бассейна за Россіею, какъ окончательное слѣдствіе этой дѣятельности нашихъ морскихъ офицеровъ на отдаленномъ Востокѣ отечества. Настоящую главу закончу списком личнаго состава экспедиціи, дѣйствовавшей съ 1850 по исходъ 1855 года:

Въ 1850 и 1851 годахъ амурская экспедиція состояла:

Начальникъ: капитанъ 1-го ранга Г. И. Невельской и лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, прапорщикъ корпуса штурмановъ Д. И. Орловъ, командиръ транспорта „Охотскъ", лейтенантъ Гавриловъ, прапорщикъ Семеновъ, докторъ Орловъ и прикащикъ р.-а. компаніи Березинъ. Нижнихъ чиновъ, собственно въ экспедиціи, 26 человѣкъ и на транспортѣ 20 человѣкъ. Изъ женщинъ: супруга начальника экспедиціи Е. И. Невельская, супруга Д. И. Орлова—Х. М. Орлова, женъ нижнихъ чиновъ 4.

Въ 1852 году.

Кромѣ Гаврилова всѣ остальные; нижнихъ чиновъ 56 человѣкъ и мичманы: Разградскій и Петровъ.

Въ 1853 году.

Кромѣ Чихачева и Семенова всѣ остальные и, сверхъ того, капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ съ супругою Елизаветою Осиповною, священникъ Гавріилъ съ супругою Екатериною Ивановною, прапорщикъ Боуровъ, нижнихъ чиновъ 70 человѣкъ и въ сахалинской экспедиціи: маіоръ Н. В. Буссе, лейтенантъ Рудановскій, нижнихъ чиновъ 86 человѣкъ и прикащикъ р.-а. компаніи Самаринъ. Сверхъ этого, зимовалъ въ Императорской гавани „Иртышъ",

подъ командою Гаврилова, и корабль р.-а. компаніи „Николай“, подъ командою Клинковстрема, всего 76 человѣкъ и въ Петровскомъ ботъ „Кадьякъ“, подъ командою Шарыпова съ 15 человѣками команды.

Въ 1854 и 1855 годахъ.

Всѣ остальные, кромѣ упомянутыхъ судовъ и командъ съ Сахалина, маіора Буссе и прикащика. Сверхъ того, поступили: лейтенантъ Я. П. Купреяновъ и лейтенантъ П. В. Рудановскій. Собственно въ амурской экспедиціи было команды 86 человѣкъ и прикомандирована къ ней команда фрегата „Паллада“ съ гг. офицерами, сводъ конной легкой артиллеріи и сотня казаковъ.

ГЛАВА XXX.

Наше положеніе въ исходѣ 1855 года.—Предложеніе Н. Н. Муравьева о границѣ по Амуру.—Его распоряженія.—Подъемъ вверхъ по Амуру адмирала Е. В. Путятина на катерѣ „Надежда". — Основаніе Кутомандскаго поста. — Несбывшіяся предположенія. — Коммерческіе корабли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: „Пальмето" и „Берингъ".—Уничтоженіе въ лиманѣ корабля россійско-американской компаніи.—Прибытіе непріятельскихъ судовъ въ заливъ де-Кастри.—Высадка непріятеля въ этомъ заливѣ.—Донесеніе изъ Императорской гавани.—Цѣль посылки туда г. Разградскаго.—Мое представленіе о томъ, что не слѣдуетъ затоплять фрегатъ „Паллада".—Переписка генералъ-губернатора съ манджурами. — М. С. Корсаковъ въ Айгунѣ.—Лагерь въ де-Кастри.—Плаваніе вверхъ по Амуру. — Распоряженія Н. В. Буссе.—Выходъ изъ Николаевска фрегата „Аврора", корвета „Оливуца" и транспорта „Двина".—Транспортъ „Иртышъ".—Возвращеніе мое въ Петербургъ.—Слухи въ Петербургѣ о моихъ дѣйствіяхъ. Милостивыя слова Государя Императора.—Образованіе Приморской области.—Капитанъ 1-го ранга Козакевичъ назначается исправляющимъ должность военнаго губернатора Приморской области. — Посольство графа Е. В. Путятина.—Заселеніе лѣваго берега р. Амура.—Плаваніе по Амуру графа Путятина и его поѣздка въ Китай.—Цѣль высадки Рудановскаго на Сахалинъ, въ 1857 году.—Дѣйствія графа Путятина въ Китаѣ.—Переговоры о границѣ возлагаются на Н. Н. Муравьева. — Сосредоточеніе нашихъ войскъ на Амурѣ.—Предварительныя распоряженія Н. Н. Муравьева.—Назначеніе уполномоченныхъ отъ китайскаго правительства.

Скопленіе большаго количества войскъ и въ особенности семействъ камчатскихъ жителей и служащихъ, происшедшее внезапно, сверхъ всякаго ожиданія и безъ необходимыхъ предварительныхъ приготовленій, и не въ такой дикой пустынѣ, каковою представлялся тогда при-амурскій край, но и въ населенной мѣстности должно бы было породить многія лишенія, стѣсненія въ помѣщеніи, недостатокъ во многихъ предметахъ продовольствія и принадлежностяхъ порядочнаго быта. Въ Николаевскомъ посту, имѣвшемъ къ веснѣ 1854 года помѣщенія только на 30 человѣкъ, къ осени того же года надобно было помѣстить болѣе 800. Въ Маріинскомъ посту къ тому же времени помѣщенія было только на 8 человѣкъ,

а къ осени надобно было помѣстить болѣе 200 человѣкъ. Въ началѣ же лѣта 1855 года внезапно и неожиданно явилось въ Николаевскомъ до 5,000 душъ, а въ Маріинскомъ до 2,000. Надобно было всѣхъ помѣстить и пріютить, доставить всѣмъ средства къ жизни, приготовить къ зимѣ теплыя помѣщенія и все это необходимо было дѣлать тогда, когда непріятель блокировалъ насъ со всѣхъ сторонъ и когда надобно было вводить всѣ наши суда въ рѣку и имѣть въ готовности гребную флотилію и строить батареи. Сверхъ этого, не смотря на постоянныя представленія мои о необходимости имѣть по Амуру посты для внутренняго сообщенія съ Манджуріею и Забайкальемъ, — ихъ поставлено не было и вслѣдствіе этого мы находились совершенно отрѣзанными отъ мѣстъ, изъ которыхъ могли восполнять наши недостатки въ продовольствіи и одеждѣ. Смѣло можно сказать, что если бы амурская экспедиція не пріобрѣла такого вліянія на туземцевъ, что они охотно доставляли намъ въ большомъ количествѣ рыбу и частью дичь, то при такомъ внезапномъ огромномъ стеченіи людей, болѣзней и смертности были бы гораздо болѣе, нежели то было въ зиму съ 1855 на 1856 годъ.

Генералъ-губернаторъ, спускаясь въ 1855 году по рѣкѣ Амуру, 12-го мая, близъ устья рѣки Комары, встрѣтилъ четыре большія манджурскія лодки, поднимавшіяся вверхъ по Амуру съ нѣсколькими чиновниками изъ городовъ, лежащихъ по рѣкѣ Сунгари: Гиринь и Сахалинъ-ула-готонъ, отправленныхъ манджурскими властями по повелѣнію изъ Пекина въ Забайкалье, къ устью Горбицы, для совѣщанія о разграниченіи. Генералъ-губернаторъ предложилъ этимъ чиновникамъ прибыть въ Маріинскій постъ, гдѣ, при переговорахъ, представилъ имъ, *чтобы рѣка Амуръ была принята границею между Россійскою и Китайскою имперіями* *). Китайскіе уполномоченные по обыкновенію уклонились отъ этого предложенія, ссылаясь въ своихъ доводахъ на листъ нашего сената, посланнаго въ Пекинъ въ 1853 году, въ которомъ говорилось о хребтѣ горъ, идущемъ отъ вершины рѣки Горбицы. Генералъ-губернаторъ, настаивая на своемъ предложеніи. объяснилъ, что онъ имѣетъ на то повелѣніе своего Государя Императора. Посольство

*) Этотъ фактъ ясно показываетъ, какое было тогда фальшивое убѣжденіе о приамурскомъ краѣ, состоявшееся въ противность доводамъ моимъ и постояннымъ стремленіямъ доказать, что безъ морскаго прибрежья и бассейна рѣки Уссури, Амуръ не представляетъ для Россіи значенія.

отправилось обратно безъ всякаго результата, съ убѣжденіемъ, что Н. Н. Муравьевъ дѣйствуетъ будто бы на рѣкѣ Амуръ *самовольно*, безъ согласія своего правительства. Это убѣжденіе впослѣдствіи и выражалось китайцами въ ихъ оффиціальныхъ бумагахъ и было даже замѣчено въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ.

Въ ожиданіи нападенія непріятеля на заливъ де-Кастри, главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ, вмѣсто предложенныхъ мною сотни казаковъ, расположилъ въ заливѣ де-Кастри лагеремъ 500 человѣкъ пѣшихъ казаковъ, подъ командою адъютанта своего, подполковника Сеславина; чрезъ это, разумѣется, были весьма ослаблены средства наши къ устройству надлежащихъ зимнихъ помѣщеній. Г. Сеславинъ до исхода сентября напрасно ожидалъ въ заливѣ де-Кастри непріятеля, послѣдній не являлся туда. Въ сентябрѣ г. Сеславинъ оставилъ въ этомъ заливѣ 70 человѣкъ казаковъ съ 2-мя горными орудіями, самъ же съ остальными людьми возвратился въ Маріинскій постъ.

Между тѣмъ, адмиралъ Е. В. Путятинъ съ капитаномъ 2-го ранга Посьетомъ на паровомъ катерѣ „Надежда“ въ началѣ августа отправился вверхъ по Амуру въ Забайкалье. Это было первое наше судно, поднимавшееся по рѣкѣ Амуру. Плаваніе его совершалось медленно и сопряжено было съ величайшими затрудненіями и лишеніями. Мы, какъ я выше сказалъ, не имѣли по Амуру постовъ, въ которыхъ бы пароходъ могъ запасаться продовольствіемъ и дровами, почему онъ былъ загруженъ и вынужденъ былъ имѣть на буксирѣ тяжелый барказъ; дрова же для топлива рубилъ прямо съ корня. Кромѣ этого, вода въ верховьяхъ рѣки была необыкновенно низка и на рѣкѣ обнаружилось много банокъ и мелей Холода наступили весьма рано, такъ что не доходя около 300 верстъ до Усть-стрѣлочной станціи, адмиралъ Е. В. Путятинъ встрѣтилъ шугу (ледъ) и вынужденъ былъ, приковавъ пароходъ и барказъ къ скалѣ, оставить ихъ тутъ на зимовку, а самъ со всѣми своими спутниками съ невѣроятными лишеніями и усиліями добрался пѣшкомъ по берегу (въ началѣ ноября) до Усть-стрѣлочной станціи, а оттуда чрезъ Иркутскъ проѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Построенный въ лѣто 1855 года въ Стрѣтенскѣ пароходъ „Шилка“, спускаясь по рѣкѣ Амуру, сѣлъ на мель близъ Усть-стрѣлки, около устья рѣчки Кутоманды и остался тутъ зимовать, основавъ первый нашъ постъ въ верховьѣ рѣки Амура — Кутомандскій.

Вслѣдъ за адмираломъ Е. В. Путятинымъ, располагали отправиться вверхъ по Амуру на пароходѣ „Аргунь“ В. С. Завойко съ капитаномъ Изыльметьевымъ и нѣкоторыми другими офицерами фрегата „Аврора“, а генералъ-губернаторъ со мною и со всѣмъ своимъ штабомъ хотѣлъ идти на шкунѣ „Востокъ“ въ Аянъ; но всѣмъ этимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться. Пароходъ „Аргунь“, слѣдуя изъ Николаевска въ Маріинскій постъ, въ туманѣ выскочилъ на лайду и, не смотря на всевозможныя усилія, стащить его не могли. Онъ такъ и остался на немъ зимовать, а всѣ бывшіе на немъ пассажиры, на плюшкахъ, возвратились въ Николаевскъ. Шкуна „Востокъ“, по причинѣ внезапно упавшей воды на барѣ протоки Кизи, не могла выйдти на главный фарватеръ и осталась на зимовку въ Маріинскомъ посту, въ которомъ уже рѣшился было зимовать и генералъ-губернаторъ; но онъ получилъ изъ Николаевска свѣдѣнія о приходѣ туда изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ коммерческаго корабля „Пальмето“ съ различными запасами. Генералъ-губернаторъ съ своимъ штабомъ и капитаномъ Изыльметьевымъ позднею осенью рѣшился слѣдовать на немъ въ Аянъ; я же съ семействомъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ—Аппенковымъ остался зимовать въ Маріинскомъ посту.

Корабль „Пальмето“ былъ первое коммерческое судно, вошедшее съ юга въ рѣку Амуръ. Этотъ корабль, вмѣстѣ съ кораблемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ „Берингъ“, прибывшимъ въ исходѣ сентября въ заливъ де-Кастри, былъ зафрахтованъ въ Америкѣ капитаномъ Козакевичемъ, который отправился туда изъ С.-Петербурга въ концѣ 1854 года для различныхъ запасовъ отъ морскаго министерства, назначавшихся на рѣку Амуръ.

Корабль „Пальмето“, слѣдуя въ Аянъ съ упомянутыми лицами, благополучно избѣжалъ находившихся тогда около сѣверной части лимана непріятельскихъ крейсеровъ. Причины, побудившія непріятеля блокировать именно эти мѣста, были таковы:

Одинъ изъ кораблей россійско-американской компаніи, идя изъ Аяна въ Ситху, во избѣжаніе непріятельскихъ крейсеровъ, спустился къ лиману, но тутъ былъ замѣченъ непріятельскимъ фрегатомъ, который за нимъ и погнался. Корабль, сопровождаемый высланнымъ изъ Николаевска подпоручикомъ Ворониннымъ, успѣлъ войти на сѣверный лиманскій рейдъ, перешелъ уже и баръ сѣвернаго фарватера, но здѣсь заштилѣлъ; между тѣмъ непріятель, не

рѣшившись слѣдовать за нимъ въ лиманъ, выслалъ свои гребныя суда. Капитанъ корабля и г. Воронинъ, не имѣя никакихъ средствъ защищаться, зажгли корабль, а сами съ командою (12 человѣкъ) подъ непріятельскими выстрѣлами достигли на шлюпкахъ мыса Пуиръ. Такимъ образомъ и этотъ корабль не достался въ руки врага. Это обстоятельство вселило въ непріятеля еще большую увѣренность, что входъ въ лиманъ рѣки Амуръ возможенъ только изъ Охотскаго моря, а потому онъ и усилилъ здѣсь свое наблюденіе за нашими судами.

Прибывшій въ заливъ де-Кастри въ исходѣ сентября коммерческій корабль „Берингъ“ къ началу октября разгрузился и былъ готовъ идти обратно; но въ это время вошли въ заливъ три непріятельскія судна подъ начальствомъ командира Эліота, составлявшія, какъ оказалось впослѣдствіи, авангардъ англо-французской эскадры, крейсеровавшей въ южной части Татарскаго залива и около береговъ Японіи. Эта эскадра, желая отмстить за свое неудавшееся въ прошломъ 1854 году нападеніе на Петропавловскъ и на находившіяся въ ономъ наши военныя суда, раннею весною 1855 года вошла въ Авачинскую губу и, не найдя тамъ ни судовъ, ни командъ, кромѣ есаула Мартынова съ нѣсколькими жителями, сожгла пустые магазины и направилась къ Курильской грядѣ, по тому пути, по которому должна была слѣдовать наша камчатская эскадра. Не встрѣтивъ ни одного изъ нашихъ судовъ этой эскадры, счастливо ускользнувшихъ отъ его бдительности, непріятель расположилъ свое крейсерство около береговъ Японіи и у южной части Татарскаго залива, отрядивъ два судна къ заливу де-Кастри, которыя, какъ мы выше видѣли, и пришли въ оный 9-го мая. Суда эти, открывъ насъ, поспѣшили дать знать объ этомъ своему адмиралу, крейсеровавшему, какъ сейчасъ сказано, у береговъ Японіи, а наша эскадра въ это время вошла въ лиманъ. Непріятель, прійдя во второй разъ, не нашелъ нашихъ судовъ въ заливѣ де-Кастри и, увѣренный, что Сахалинъ полуостровъ и что входъ въ лиманъ съ юга невозможенъ, предположилъ, что суда наши изъ залива ушли къ югу и скрываются гдѣ либо по прибрежьямъ Татарскаго залива или Охотскаго моря, и все лѣто и осень блокировалъ эти прибрежья, отыскивая суда. Въ исходѣ сентября, не встрѣтивъ ни одного изъ судовъ, онъ отрядилъ 3 судна подъ командою командира Эліота въ заливъ де-Кастри, съ цѣлію добыть свѣдѣнія, куда именно ушла наша камчатская эскадра. Эліотъ, прійдя въ де-

Кастри въ началѣ октября и увидѣвъ, что тамъ расположенъ нашъ отрядъ, хотѣлъ захватить кого-либо въ плѣнъ, чтобы узнать, куда скрылись наши суда; для этого онъ рѣшился сдѣлать высадку (около 200 человѣкъ). Послѣ успленной бомбардировки, дессантъ пристalъ къ берегу, но казаки наши въ числѣ 70 человѣкъ, подъ командою есаула Пузана, съ 2 горными орудіями подъ командою капитана Кузменко и мичмана Ельчанинова, давши пристать къ берегу непріятельскому дессанту, изъ лѣса открыли по немъ сильный огонь изъ орудій и ружей, такъ что непріятель съ значительною потерею долженъ былъ немедленно возвратиться на свои суда, потерявъ убитыми 5 человѣкъ и до 20 человѣкъ ранеными; съ нашей стороны было ранено 3 нижнихъ чина. Послѣ этого онъ расположился въ де-Кастри, полагая, что суда наши позднею осенью придутъ туда на зимовку. Между тѣмъ, г. Пузано далъ знать о появленіи непріятеля въ Маріинскій постъ. Г. Сеславинъ, получивъ эти свѣдѣнія, сейчасъ же выступилъ съ остальными казаками (до 450 человѣкъ); а за нимъ туда же послѣдовалъ и подполковникъ Назимовъ съ 14 баталіономъ; такимъ образомъ, въ половинѣ октября въ заливъ де-Кастри собралось до 1,500 человѣкъ войска. Съ 9 или 10 часовъ утра до часа пополудни непріятель ежедневно бомбардировалъ насъ, но никакого вреда ни войскамъ, ни строеніямъ нашимъ не приносилъ; лѣсу, правда, повалилъ довольно. Простоявъ здѣсь до исхода октября, онъ ушелъ къ югу, а за нимъ и войска наши по льду озера Кизи возвратились обратно въ Маріинскій постъ.

Такъ кончилась навигація 1855 года. Непріятель, блокируя берега Татарскаго залива, тщетно искалъ нашихъ судовъ; онъ не открылъ даже и Императорской гавани, въ которой спокойно простоялъ блокшивъ фрегата „Паллада“. Эта гавань такъ замаскирована берегомъ, что надобно знать очень хорошо ея положеніе, чтобы войти въ оную. На всѣхъ картахъ того времени весь берегъ Татарскаго залива показанъ прямымъ, скалистымъ.

Я съ семействомъ, какъ уже частный человѣкъ, расположился въ 2-хъ сырыхъ комнатахъ, удѣленныхъ мнѣ подполковникомъ Назимовымъ; камчатскій губернаторъ Завойко оставленъ былъ начальникомъ края, а адъютантъ генералъ-губернатора Сеславинъ — начальникомъ сухопутнаго войска, зимовавшаго въ Маріинскомъ посту.

Начальникъ Константиновскаго поста въ Императорской гавани, подпоручикъ Кузнецовъ, не зная, что начальство края перешло

уже къ Завойко, отъ 25-го ноября, чрезъ туземцевъ донесъ мнѣ, что гавань Императора Николая покрылась льдомъ, что непріятель не показывался, что вся команда здорова и провіанта находится на 10 мѣсяцевъ, кромѣ нѣкоторыхъ вещей продовольствія, которыя и просилъ меня прислать ему. Въ то время, когда я отъ г. Кузнецова получилъ это донесеніе, прибылъ въ Маріинскій постъ мичманъ Разградскій, котораго контръ-адмиралъ Завойко командировалъ въ Императорскую гавань съ тѣмъ, чтобы затопить тамъ фрегатъ „Паллада“, а команду съ Кузнецовымъ возвратить въ Николаевскъ. Я на время задержалъ г. Разградскаго въ Маріинскомъ посту, впредь до отвѣта отъ г. Завойко, которому, препровождая донесеніе Кузнецова, писалъ: „....Въ уничтоженіи фрегата „Паллада“ не предстоитъ нынѣ ни малѣйшей крайности, потому что до вскрытія Императорской гавани, до мая мѣсяца 1856 года, можетъ послѣдовать перемиріе и даже миръ, а потому нужно только доставить туда просимые Кузнецовымъ продовольственные запасы, что весьма легко сдѣлать по пути, идущему въ Императорскую гавань чрезъ селеніе Хунгари, и подтвердить г. Кузнецову, въ случаѣ если мира не послѣдуетъ и непріятель войдетъ съ цѣлію завладѣть фрегатомъ, дѣйствовать въ точности согласно даннымъ ему инструкціямъ, т. е. взорвать фрегатъ, а самому съ людьми отступить въ лѣсъ по направленію къ Хунгари. Подобное дѣйствіе будетъ имѣть гораздо болѣе вліянія на непріятеля въ нашу пользу, чѣмъ затопленіе безъ всякой еще крайности фрегата, который можетъ быть выведенъ изъ гавани, въ случаѣ наступленія мира съ весною 1856 года....“ На это предложеніе камчатскій губернаторъ, контръ-адмиралъ Завойко отъ 16-го декабря 1855 года отвѣчалъ мнѣ, что въ виду данныхъ ему приказаній, онъ не можетъ принять подобное мое предложеніе, какъ противорѣчащее этимъ приказаніямъ, на свою отвѣтственность, а потому г. Разградскому онъ строго приказываетъ немедленно отправиться въ Императорскую гавань и затопить фрегатъ „Паллада“. Вслѣдствіе этого, г. Разградскій, слѣдуя въ Императорскую гавань чрезъ селеніе Хунгари, прибылъ туда 17-го января 1856 года, т. е. въ 16 дней; онъ затопилъ у Константиновскаго поста фрегатъ „Паллада“, и, забравъ бывшую въ этомъ постѣ съ г. Кузнецовымъ команду (14 человѣкъ), 20-го марта, тѣмъ же путемъ, возвратился въ Николаевскій постъ. Такимъ образомъ, Константиновскій постъ существовалъ съ 1-го августа 1853 года по 1-е марта 1856 года.

Между тѣмъ, въ началѣ 1856 года генералъ-губернаторъ Муравьевъ прибылъ въ С.-Петербургъ, куда въ это время Дзинъ-Даюны Гиранскій и Сахаляпскій съ ургинскимъ Ваномъ Вейдзье прислали отъ себя листъ нашему сенату. Въ немъ они пзъясняли, что генералъ-губернаторъ сдѣлалъ такія предложенія (въ Маріинскѣ), которыя они не смѣютъ показать своему правительству, а между тѣмъ, русскіе плаваютъ по рѣкѣ Амуру, строятъ тамъ города и проч. Этотъ листъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго комитета, который положилъ предоставить генералъ-губернатору Муравьеву послать отвѣтъ отъ себя. Вслѣдствіе этого, Н. Н. Муравьевъ писалъ имъ, что онъ, имѣя право распечатывать листы къ сенату, прочелъ ихъ объясненіе и въ свою очередь также не рѣшается показать ихъ сенату. Этотъ отвѣтъ еще болѣе утвердилъ китайцевъ въ мнѣніи, что генералъ Муравьевъ дѣйствуетъ самовольно.

Раннею весною 1856 года, 26-го апрѣля, полковникъ Корсаковъ, спустившись по рѣкамъ Шилкѣ и Амуру до оставленнаго графомъ Путятинымъ парохода „Надежда“, пошелъ на немъ въ Айгунъ, гдѣ и объявилъ амбаню (губернатору), что нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ спускаться по Амуру наши суда, и что по берегамъ рѣки будутъ ставиться наши посты для обезпеченія возвращенія съ низовьевъ рѣки нашихъ войскъ и сообщенія между этими низовьями и Забайкальемъ *).

Между тѣмъ г. Сеславинъ, предъ открытіемъ навигаціи въ заливѣ де-Кастри, въ началѣ апрѣля, выступилъ туда съ казаками (500 человѣкъ) изъ Маріинскаго поста и расположился въ заливѣ лагеремъ, въ томъ предположеніи, что непріятель возьметъ этотъ заливъ и укрѣпится въ ономъ. Съ открытіемъ навигаціи я и г. Завойко съ нашими семействами на баржахъ отправились вверхъ по р. Амуру; я вышелъ изъ Маріинскаго поста 15-го мая, а вслѣдъ за мною изъ Николаевска поплылъ и В. С. Завойко. Въ то же время шкуна „Востокъ“ отправилась также вверхъ по рѣкѣ Амуру до устья р. Уссури. Не доходя 200 верстъ до этого мѣста, ко мнѣ на баржу прибылъ со шкуны „Востокъ“, на туземной лодкѣ Ф. А. Линевковъ и сообщилъ, что капитанъ-лейтенантъ Н. М. Чихачевъ, спускаясь изъ Забайкалья съ 10 лодками, встрѣтился у мыса Доли

*) И такъ признали наконецъ, что поставить посты по рѣкѣ Амуру было необходимо; между тѣмъ, какъ представленіе мое въ 1855 году объ этомъ считали утопическимъ и напраснымъ.

со шкуною и объявилъ о заключеніи мира съ западными державами. Онъ сказалъ, что подниматься по рѣкѣ безъ паровыхъ средствъ, по случаю быстрыхъ теченій у мысовъ и въ нѣкоторыхъ протокахъ, въ особенности въ щекахъ Хингана, опасно и медленно, что пароходъ „Шилка“, который долженъ бы былъ отправиться изъ Стрѣтенска внизъ по р. Амуру, намъ на встрѣчу, не готовъ и врядъ ли пойдетъ въ нынѣшнюю навигацію, и что, по этому, мнѣ и Завойко гораздо лучше возвратиться обратно и слѣдовать въ Иркутскъ чрезъ Лянъ. Вслѣдствіе этого, мы съ Завойко пересѣли на шкуну „Востокъ“ и поплыли въ Николаевскъ, куда и прибыли 20-го іюня. Между тѣмъ, 22-го мая, Чихачевъ далъ знать о заключеніи мира г. Сеславину, въ заливъ де-Кастри, о чемъ тотъ, въ свою очередь, сообщилъ пришедшему въ де-Кастри командиру англійскаго фрегата „Pique“. Фрегатъ этотъ пришелъ въ де-Кастри 21-го мая, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли тамъ какого либо судна изъ нашей эскадры, и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, не заключенъ ли миръ, такъ какъ о начавшихся мирныхъ переговорахъ они уже имѣли свѣдѣнія. Командиръ фрегата сообщилъ, что 19-го мая онъ заходилъ въ Императорскую гавань, о существованіи которой случайно узналъ зимой съ 1855 на 1856 годъ отъ бывшихъ у насъ въ 1855 году американскихъ судовъ *). Командиръ англійскаго фрегата, кромѣ того, разсказывалъ, что французскій фрегатъ, блокируя берега Татарскаго залива, въ лѣто 1855 года, описалъ открытую въ 1854 году адмираломъ Е. В. Путятинымъ гавань Посьета и назвалъ ее заливомъ Императора Наполеона III, гавань же Императора Николая I, командиръ фрегата „Pique“ назвалъ заливомъ Барракута. По полученіи свѣдѣнія о заключеніи мира, полковникъ Сеславинъ съ своими войсками возвратился изъ де-Кастри въ Маріинскій постъ, и вслѣдствіе распоряженія генералъ-губернатора, началъ готовиться съ этими войсками къ плаванію вверхъ по Амуру, въ Забайкалье; 14 линейный баталіонъ былъ оставленъ въ Маріинскомъ посту.

Съ открытіемъ навигаціи на рѣкѣ Амурѣ, отправился внизъ по этой рѣкѣ изъ Забайкалья 3 амурскій рейсъ подъ начальствомъ

*) Такимъ образомъ непріятель нашелъ Императорскую гавань по полученіи объ ея существованіи свѣдѣнія отъ бывшихъ у насъ американцевъ, и входилъ туда послѣ уже заключенія мира. Это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что оно фактически доказало справедливость моихъ дѣйствій и предложеній. Если бы на устьяхъ рѣкъ Уссури и Хунгари были поставлены наши посты, то тогда о заключеніи мира въ Императорской гавани знали бы прежде прихода непріятеля, и фрегатъ „Паллада“ былъ бы сохраненъ.

состоявшаго для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ подполковника Н. В. Буссе; въ этомъ рейсѣ находилось 110 различнаго рода лодокъ, барокъ и плотовъ. Передовымъ отрядомъ рейса командовалъ Н. М. Чихачевъ. Подполковникъ Н. В. Буссе, спускаясь по рѣкѣ Амуру, въ видахъ обезпеченія предстоявшаго подъема вверхъ по рѣкѣ нашихъ войскъ, поставилъ только три поста на лѣвомъ берегу Амура: Камарскій (противъ устья рѣки Камары), Зейскій (близъ устья рѣки Зеи) и Хинганскій (при входѣ въ Малый Хинганъ). Такое число и распредѣленіе постовъ было несоотвѣтственно ни огромному пространству теченія рѣки, ни характеру оной; ибо, подъемъ по Амуру до устья рѣки Уссури, по причинѣ большаго количества извилистыхъ и быстрыхъ протокъ, по которымъ неминуемо должны были слѣдовать наши гребныя суда съ войсками, дабы избѣжать еще худшаго—сулоевъ и весьма быстрыхъ теченій около скалистыхъ мысовъ на фарватерѣ, весьма затруднителенъ, а потому на этомъ пространствѣ крайне было бы необходимо поставить по крайней мѣрѣ 2 поста: одинъ при устьѣ р. Хунгари, а другой на устьѣ рѣки Уссури. Плаваніе отъ р. Уссури до Хингана, по случаю также извилистыхъ и частію быстрыхъ протокъ, затруднительно и медленно, а плаваніе въ такъ называемыхъ щекахъ (до 100 верстъ), т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка прорываетъ Хинганскій хребетъ, по случаю быстраго теченія и скалистыхъ береговъ, весьма трудно, а потому между устьями рѣкъ Уссури и Сунгари слѣдовало бы поставить постъ, а другой такой же около входа въ Хинганъ. И такъ, кромѣ сказанныхъ постовъ, надобно бы было поставить еще 4 поста и всѣ семь обезпечить продовольствіемъ по крайней мѣрѣ на 7 дней для 500 человѣкъ. Тогда бы подъемъ нашихъ войскъ на легкихъ гребныхъ судахъ, на которыхъ они не имѣли возможности взять продовольствія болѣе какъ на недѣлю, былъ бы совершенно безопасенъ и люди не были бы поставлены въ такое гибельное положеніе, въ какомъ они очутились, по милости г. Буссе: значительная часть изъ нихъ умерла съ голода. Г. Сеславинъ, на легкихъ гребныхъ судахъ, пріобрѣтенныхъ большею частію отъ туземцевъ, выступилъ съ войсками изъ Маріинскаго поста въ исходѣ іюля, двумя отрядами. По причинѣ встрѣченныхъ имъ теченій, извилистыхъ протокъ и другихъ обстоятельствъ, они поднимались весьма медленно и съ большими затрудненіями. Далеко еще не достигнувъ разставленныхъ г. Буссе постовъ, они издерживали всѣ свои запасы, и принуждены были

питаться кореньями, ягодами и варить даже кожу съ обуви; вслѣдствіе чего пошли болѣзни, а за ними ужасная смертность. Положеніе ихъ было ужасное, но оно становилось еще грустнѣе, когда, достигнувъ наконецъ поста, они находили тамъ самое ничтожное количество провіанта. Ставившій посты не сообразилъ даже и того, что плыть противъ теченія по неизвѣстной еще рѣкѣ на гребномъ суднѣ, не значитъ ѣхать или идти по извѣстному тракту; разсчитывая пройдти извѣстное пространство по рѣкѣ, противъ теченія, въ одинъ день, необходимо брать запаса на 3 или на 4 дня, ибо здѣсь можно постоянно ожидать различныхъ случайностей, которыя могутъ замедлить плаваніе.

Этотъ фактъ рельефно выказалъ всю *неосновательность или близорукость* тѣхъ противурѣчій, какія представляли эти господа генералъ-губернатору противъ настоятельнаго моего мнѣнія поставить посты на устьяхъ рѣкъ: Хунгари, Уссури, Сунгари, Буреи, Зеи и на Хинганскомъ хребтѣ, снабдивъ оные достаточнымъ количествомъ провіанта, могущимъ обезпечивать вполнѣ слѣдованіе нашихъ войскъ. Я часто говорилъ, что безъ этихъ распоряженій мы останемся отрѣзанными въ низовьѣ рѣки Амура, и что подъемъ людей, особливо въ значительныхъ массахъ и безъ паровыхъ средствъ, можетъ быть гибельнымъ, но мнѣ не вѣрили тогда.

Въ это же время капитанъ 2-го ранга С. С. Лесовскій, принявшій отъ В. С. Завойко начальствованіе, съ свойственными ему энергіею, распорядительностію и полнымъ знаніемъ морскаго дѣла, началъ готовить къ дальнему плаванію (въ Кронштадтъ) зимовавшія около Николаевска, въ протокѣ Пальво, суда наши: фрегатъ „Аврора“, корветъ „Оливуца“ и транспортъ „Двина“. Въ началѣ сентября эскадра эта была уже готова и, выйдя благополучно изъ рѣки и лимана въ Татарскій заливъ, отправилась по назначенію. Я съ В. С. Завойко и полковникомъ Назимовымъ съ семействами нашими, на транспортѣ „Иртышъ“, въ началѣ іюля, пошли въ Аянъ.

Изъ Аяна въ началѣ августа мы всѣ съ нашими малютками, верхами достигли р. Маи (дѣти сидѣли въ корзинкахъ по обѣимъ сторонамъ лошади), т. е. проѣхали 240 верстъ и затѣмъ, слѣдуя въ лодкахъ по рѣкамъ: Маѣ, Алдану и Ленѣ, въ началѣ сентября, пришли въ Якутскъ, а оттуда, къ исходу сентября, прибыли въ Иркутскъ, совершивъ такимъ образомъ до Иркутска болѣе 4,000 верстъ. Оставивъ свое семейство въ Красноярскѣ до зимняго пути у сестры жены моей А. И. Мазаровичъ, мужъ которой командо-

валъ тогда казачьимъ красноярскимъ полкомъ, я отправился въ С.-Петербургъ, куда и прибылъ въ исходѣ октября.

Изъ словъ Государя Великаго Князя Генералъ-Адмирала и управлявшаго тогда морскимъ министерствомъ адмирала Ф. П. Врангеля, я увидѣлъ, что былъ распространенъ слухъ, будто бы суда наши, фрегатъ „Аврора“, корветъ „Оливуца“ и транспортъ „Двина“, по случаю мелководія на барѣ р. Амуръ, выйти изъ рѣки не могутъ, что донесенія мои относительно состоянія этого бара ложны, и, наконецъ, что будто бы я виновенъ въ томъ, что фрегатъ „Паллада“ не ввели въ рѣку и утопили въ Императорской гавани. Этотъ слухъ былъ такъ распространенъ, что даже Государь Императоръ, къ которому я представлялся, не смотря на высоко милостивыя слова Его Величества, что *Россія никогда не забудетъ моихъ заслугъ*, изволилъ замѣтить мнѣ, что рѣка Амуръ мелка и не годится для плаванія. На это я отвѣчалъ, Его Величеству, Августѣйшему генералъ-адмиралу и, наконецъ, управлявшему морскимъ министерствомъ, адмиралу Ф. П. Врангелю, что слухъ этотъ ошибоченъ: рѣка Амуръ судоходна, плаваніе по ней возможно, и суда наши благополучно выйдутъ изъ рѣки и лимана, о чемъ вѣроятно весьма скоро получится донесеніе; что же касается фрегата „Паллада“, то оффиціальныя донесенія и представленія мои, начиная съ 1852 года, ясно показываютъ, что я съ своей стороны дѣлалъ все, чтобы ни того, ни другаго не могло случиться, и если бы на нихъ обратили должное вниманіе, то навѣрно бы этого и не случилось.

Вскорѣ послѣ этого, именно въ началѣ декабря, прибылъ въ Петербургъ курьеромъ капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ съ извѣстіемъ о благополучномъ выходѣ въ Татарскій заливъ изъ рѣки Амура нашей эскадры. Получивъ это извѣстіе, я необходимымъ счелъ поздравить съ этимъ событіемъ Августѣйшаго Генералъ-Адмирала и управляющаго морскимъ министерствомъ, Ф. П. Врангеля, и при этомъ выразился, что послѣ этого факта я надѣюсь, что уничтожатся затѣянныя противъ меня интриги, и сознаютъ, что донесенія мои были вполнѣ справедливы.

Весною 1856 года, на пароходѣ „Надежда“, спустился въ Николаевскій постъ капитанъ 1-го ранга Козакевичъ, назначенный вмѣсто В. С. Завойко камчатскимъ губернаторомъ. Вскорѣ послѣ того прибыли въ Николаевскъ изъ Америки пароходъ „Америка“, заказанный тамъ г. Козакевичемъ въ 1854 году, и два коммерче-

скихъ судна—„Берингъ“ съ грузомъ различныхъ товаровъ и „Европа“ съ механическимъ заведеніемъ и двумя маленькими рѣчными пароходами: „Амуръ“ и „Лена“. Осенью того же года между Николаевскимъ и Маріинскимъ были построены почтовыя станціи; на каждой изъ нихъ было по 4 казацкія и по 4 крестьянскія лошади.

Въ концѣ 1856 года была Высочайше утверждена Приморская область Восточной Сибири, въ составъ которой вошла прежняя Камчатская область, Удскій и При-амурскій край; мѣстопребываніемъ военнаго губернатора этой области назначенъ Николаевскій постъ, переименованный въ городъ „Николаевскъ на Амурѣ“. Вмѣсто прежней камчатской флотиліи была Высочайше утверждена сибирская флотилія на Восточномъ океанѣ. Исправляющій должность камчатскаго губернатора капитанъ 1-го ранга Козакевичъ былъ переименованъ въ военные губернаторы Приморской области Восточной Сибири и въ командиры сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана. Такимъ образомъ, учрежденіемъ этой области оффиціально признавалась зависимость устья рѣки Амуръ отъ Россіи и нижне-при-амурскій край оффиціально присоединился къ русскимъ владѣніямъ въ Азіи.

Въ то же время, т. е. въ концѣ 1856 года, послѣ отъѣзда Н. Н. Муравьева изъ С.-Петербурга въ Сибирь, посланникомъ въ Китай былъ назначенъ адмиралъ графъ Е. В. Путятинъ *) (по случаю особенныхъ обстоятельствъ, возникшихъ между Россіею и Китаемъ, какъ было сказано въ извѣщеніи объ этомъ, пекинскому трибуналу). Графъ Путятинъ въ началѣ 1857 года прибылъ въ Кяхту, откуда послалъ ноту китайскому правительству, требуя пропуска въ Пекинъ и увѣдомляя, что онъ будетъ ожидать отвѣта до такого-то времени, послѣ чего отправится рѣкою Амуромъ и моремъ. Китайцы медлили отвѣтомъ до мая и по отъѣздѣ графа Путятина изъ Кяхты прислали ему въ Селенгинскъ увѣдомленіе, въ которомъ отзывались, что у нихъ нѣтъ никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіею, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Графъ Путятинъ отправилъ китайцамъ соотвѣтствовавшій ихъ увѣдомленію отвѣтъ и продолжалъ путь по Забайкалью въ нилкинскій заводъ, откуда вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ поплылъ по рѣкѣ Амуру. Въ Айгунѣ, принимая поздравленіе амбаня съ

*) За дѣйствія Е. В. Путятина въ Японіи даровано было ему графское достоинство и 3,000 р. пенсіона.

пріѣздомъ, графъ Путятинъ спросилъ его, не получены ли на имя его какія либо бумаги изъ Пекина, и узнавъ, что нѣтъ, продолжалъ путь далѣе къ устью рѣки Амура. Генералъ-губернаторъ возвратился въ Зейскій постъ и здѣсь остался ожидать прохода войскъ и переселенцевъ, назначенныхъ на рѣку Амуръ. Въ началѣ 1857 года было Высочайше утверждено заселеніе лѣваго берега р. Амура, потому весною переселенцы амурскаго коннаго казачьяго полка были двинуты внизъ по р. Амуру и подъ личнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до щекъ Малаго Хингана. Кромѣ того, при устьѣ Зеи стали лагеремъ: 13-й линейный батальонъ и дивизіонъ легкой батареи. Въ этомъ же году доставка казенныхъ грузовъ въ низовья рѣки Амуръ производилась въ первый разъ съ подряда иркутскими купцами: Серебряковымъ и Зимнымъ (только часть ихъ слѣдовала съ казеннымъ рейсомъ, подъ начальствомъ полковника Ушакова). Въ навигацію того же 1857 года въ Николаевскъ пришло 7 иностранныхъ кораблей: „Беринтъ“ и „Messanger Bird“ изъ Бостона, шкуны „Люнзъ-Перо“ и „Камчадалъ“ изъ Санъ-Франциско, баркъ „Barham“ и шкуна „General-purse“ изъ Гон-Конга и баркъ „Оскаръ“ изъ Гамбурга. Въ эту же навигацію въ первый разъ по рѣкѣ Амуру, на пароходахъ „Амуръ“ и „Лена“, было доставлено въ Сибирь незначительное количество товаровъ.

Между тѣмъ графъ Путятинъ, близъ селенія Михайловскаго, былъ встрѣченъ контръ-адмираломъ Козакевичемъ на пароходѣ „Надежда“ и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ плаваніе до Николаевска. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, въ ожиданіи парохода „Америка“, отводившаго транспорты „Байкалъ“ въ заливъ де-Кастри, а „Иртышъ“ въ Императорскую гавань (для возобновленія нашего Константиновскаго поста) *), графъ Путятинъ, на томъ же пароходѣ, въ сопровожденіи тендера „Камчадалъ“, направился къ берегамъ Китая. 14-го іюля онъ открылъ заливъ Святыя Ольги и, отправивъ оттуда тендеръ „Камчадалъ“ съ лейтенантомъ Рудановскимъ на островъ Сахалинъ, послѣдовалъ далѣе въ корейскій портъ Гамильтонъ. Цѣль отправленія Рудановскаго состояла въ томъ, что при переговорахъ съ японцами въ 1853 году, Е. В. Путятинъ, не зная

*) Это послѣднее обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что тогда начали уже убѣждаться въ справедливости представленій монхъ, что намъ отнюдь не должно ограничиваться лѣвымъ берегомъ р. Амуръ и непремѣнно имѣть за собой бассейнъ рѣки Уссури съ его прибрежьями до корейской границы.

о данномъ мнѣ Высочайшемъ повелѣніи занять Сахалинъ *), далъ надежду японцамъ, что южную часть Сахалина Россія *можетъ быть* имъ уступитъ; теперь, имѣя въ виду это обстоятельство, Е. В. Путятинъ и послалъ Рудановскаго, чтобы осмотрѣть перевалъ отъ Кусуная къ устью рѣки Менуе, т. е. самую узкую часть Сахалина, гдѣ, въ случаѣ упомянутаго обстоятельства, можетъ быть проведена на Сахалинѣ граница. Тендеръ „Камчадалъ", подойдя къ селенію Кусунай (48° N шир.) и высадивъ здѣсь на шлюпкахъ съ 15-ю человѣками лейтенанта Рудановскаго, возвратился въ Николаевскъ. Рудановскій поставилъ на устьѣ рѣчки Кусунай постъ и, осмотрѣвъ подробно перевалъ отъ Кусуная къ устью рѣки Менуе, вливающейся на восточной сторонѣ Сахалина въ Охотское море, возвратился обратно на устье Кусуная, гдѣ, построивъ для помѣщенія людей избушку, пошелъ на шлюпкахъ вдоль западнаго берега Сахалина къ лиману и поздпею осенью прибылъ въ Николаевскъ.

Между тѣмъ, графъ Е. В. Путятинъ изъ порта Гамильтонъ пошелъ въ Печилійскій заливъ, 24-го іюля достигъ рѣки Пей-хо, вошелъ здѣсь въ сношеніе съ китайскими властями, которыя послѣ различныхъ отговорокъ и уклоненій 12-го августа приняли отъ графа Е. В. Путятина пакетъ, съ условіемъ доставить отвѣтъ на оный въ Печили. Послѣ этого пароходо-корветъ „Америка" отправился въ Шангай за бумагами, ожидавшимися изъ Россіи и оттуда снова прибылъ въ Печили, гдѣ 4-го сентября Е. В. Путятинъ получилъ подобный же первому неудовлетворительный отвѣтъ отъ китайскаго правительства. Въ продолженіе этого времени изъ Пекина былъ посланъ листъ нашему сенату, въ которомъ китайцы жаловались, что графъ Е. В. Путятинъ, не смотря на дружескія ихъ отношенія къ Россіи, рѣшился противно трактатамъ, проникнуть въ портъ Печили, закрытый для европейцевъ. Въ листѣ говорилось, что, не смотря на то, что для переговоровъ Россіи съ Китаемъ есть Кяхта, китайцы выслали своихъ чиновниковъ въ Печили, но графъ, передавъ свои требованія, ушелъ въ Шангай за отвѣтомъ. Разсматривать вопросъ объ Амурѣ въ Шангаѣ, по мнѣнію китайцевъ, было неудобно, ибо для этого у нихъ есть на Амурѣ уполномоченный, главнокомандующій во всей Манджуріи (Дзянъ-Зюнъ), къ которому

*) Декларацію же мою отъ 23-го сентября 1853 года, которую я передалъ въ Анивѣ японскимъ чиновникамъ для доведенія до свѣдѣнія ихъ правительства о принадлежности намъ острова,—японцы скрыли и не объявили Е. В. Путятину.

и слѣдуетъ обращаться для переговоровъ по этому предмету, а потому китайское правительство и проситъ отозвать графа Путятина изъ Шангая. Листъ этотъ съ донесеніемъ отъ графа Путятина о неудавшейся его попыткѣ проникнуть въ Пекинъ чрезъ Печили и объ открытіи переговоровъ въ Шангаѣ, были получены въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1857 года, во время пріѣзда туда изъ Иркутска Н. Н. Муравьева.

Вслѣдствіе упомянутыхъ донесеній графа Путятина и листа отъ китайскаго правительства, было рѣшено: предоставить графу Путятину, не касаясь вопроса о рѣкѣ Амуръ, домогаться отъ китайцевъ только тѣхъ преимуществъ для Россіи, какія получатъ другія націи, подкрѣпивъ его для этого эскадрою изъ 7 винтовыхъ судовъ, назначенныхъ на службу въ сибирскую флотилію. Это распоряженіе было послано къ графу Путятину чрезъ Суецъ въ Шангай съ особымъ курьеромъ—адъютантомъ генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева—подполковникомъ Мартыновымъ. Переговоры же о границѣ нашей съ Китаемъ на востокѣ рѣшено было возложить на генералъ-губернатора Муравьева; о чемъ и было увѣдомлено китайское правительство. По этому случаю былъ посланъ листъ пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній, въ которомъ упоминалось, что *всѣ дѣйствія русскихъ на рѣкѣ Амуръ производятся* съ утвержденія высшаго русскаго правительства *), и что самъ генералъ-губернаторъ былъ вызванъ въ Петербургъ Государемъ Императоромъ и получилъ лично отъ него приказанія. По этому, если китайское правительство желаетъ кончить дѣло на Амурѣ, то можетъ обращаться къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву, какъ къ уполномоченному.

Китайское правительство, усматривая, что мы основаніемъ нашихъ постовъ въ низовьяхъ рѣки Амуръ и по прибрежью приамурскаго края сознали, наконецъ, права наши на при-амурскій край и видя, что начиная основывать военныя поселенія по берегамъ рѣки, мы принимаемъ уже рѣшительныя мѣры къ прочному водворенію въ этомъ краѣ и не желаемъ дѣлать ни уступокъ, ни замедленій **), прислало сказать, что „*изъ возникшихъ недоразумѣ-*

*) Удивительный переворотъ: дипломатія наша начала теперь *опираться* на мои именно дѣйствія, произведенныя *вновь повелѣній* и чуть ли не съ угрозою мнѣ за это разжалованіемъ.

**) Войско и артиллерія эта сформированы Н. Н. Муравьевымъ изъ крестьянъ, бывшихъ горнозаводскаго вѣдомства, въ виду именно того, что мы могли подкрѣпить наши дѣйствія въ при-амурскомъ краѣ, въ случаѣ какихъ либо со стороны Китая услож-

ній не приходится ему разрывать съ нами двухсотлѣтнюю дружбу". Другаго отвѣта, конечно, нельзя было и ожидать, потому что съ одной стороны Николай Николаевичъ Муравьевъ формировалъ въ Забайкальской области пѣшій казачій полкъ съ артиллеріей, а съ другой—адмиралъ графъ Путятинъ поджидалъ прибытія изъ Кронштадта семи военныхъ судовъ *). Китай не такое государство, съ которымъ можно бы было тогда ограничиться дипломатической перепиской, — ему нужно было показать могущество, силу Россіи, и какъ только онъ провѣдалъ объ этомъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. Генералъ-губернаторъ, по возвращеніи своемъ изъ С.-Петербурга въ исходѣ февраля 1858 года, въ Иркутскъ, послалъ въ Ургу кяхтинскаго пограничнаго коммисара для подробнѣйшаго объясненія съ китайскими властями въ духѣ упомянутаго листа сената, и просилъ послать къ нему одного изъ чиновниковъ нашей миссіи. Въ отношеніи же заселеній на лѣвомъ берегу Амура, Николай Николаевичъ велѣлъ предупредить ургинскихъ правителей, что этотъ берегъ, а равно и берега Уссури будутъ заселяться въ наступающее лѣто **), но что эти дѣйствія ничего враждебнаго въ себѣ относительно Китая не заключаютъ, а напротивъ, они клонятся къ общей пользѣ обоихъ государствъ.

Въ то же время генералъ-губернаторъ отправилъ на устье Зеи изъ Иркутска чиновника Кочетова, поручилъ ему, между прочимъ, когда будетъ въ Айгунѣ, на вопросъ ему амбаня (губернатора) о томъ, гдѣ Муравьевъ, отвѣчать, что Н. Н. Муравьевъ будетъ на рѣкѣ Амуръ тотчасъ же по открытіи навигаціи, но что не можетъ долго останавливаться въ нашемъ посту на устьѣ Зеи, ибо долженъ

неній для возвращенія при-амурскаго края Россіи. Это-то обстоятельство и составляетъ *главную* и *важнѣйшую* заслугу генерала Н. Н. Муравьева, весьма хорошо понимавшаго, что всякіе переговоры съ Китаемъ дипломатическимъ путемъ безъ силы останутся безслѣдными, на что указывалъ еще, какъ мы выше выдѣли, Брюсъ и другіе, хорошо знакомые съ китайцами на мѣстѣ,—но до этого времени наша с.-петербургская дипломатія полагала, что ея декларации имѣютъ будто бы и на Китай магическую силу и что всякая физическая сила противна ея теоріи, всегда весьма ошибочной съ китайцами и даже всегда вредной.

*) Эта посылка была совершена при ревностномъ участіи въ амурскомъ дѣлѣ августѣйшаго Генералъ-Адмирала Константина Николаевича.

**) Фактъ о заселеніи береговъ р. Уссури весьма знаменателенъ тѣмъ, что Высшее правительство и генералъ-губернаторъ Муравьевъ сознали, наконецъ, всю важность и необходимость для Россіи при-уссурійскаго края, т. е. признали всю основательность моихъ постоянныхъ объ этомъ представленій и постоянныхъ, какъ мы видѣли, отчаянныхъ и ревностныхъ стремленій и дѣйствій амурской экспедиціи, которой одной, можно сказать, Россія и обязана пріобрѣтеніемъ этого края.

спѣшить въ Николаевскъ, и что если они желаютъ съ нимъ переговорить, то это удобнѣе сдѣлать на его возвратномъ пути изъ Николаевска. Предупрежденіе это Н. Н. Муравьевъ счелъ необходимымъ сдѣлать: во-первыхъ, въ надеждѣ получить въ Николаевскѣ извѣстіе отъ графа Путятина, а во-вторыхъ, чтобы показать китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особеннаго стремленія къ веденію съ ними переговоровъ, ибо онъ и самъ очень хорошо понималъ, гдѣ должна идти наша граница и обставлялъ ее уже постами. Однимъ словомъ, Муравьевъ рѣшился дѣйствовать въ духѣ амурской экспедиціи.

Николай Николаевичъ, проѣхавъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, еще по льду, озеро Байкалъ, продолжалъ дальнѣйшій путь до Стрѣтенска на колесахъ. Оттуда, въ сопровожденіи преосвященнаго архіепископа Иннокентія, 26-го апрѣля, онъ во время ледохода поплылъ по рѣкѣ Амуръ на особыхъ баржахъ съ двумя вооруженными катерами. Не доходя устья рѣки Зеи, въ станицѣ Бибикова, Н. Н. Муравьевъ былъ встрѣченъ чиновникомъ изъ Айгуна, который просилъ его подождать нѣкоторое время пріѣзда цицикорскаго главнокомандующаго (Дзянъ-Зюня), назначеннаго уполномоченнымъ при переговорахъ о разграниченіи. 5-го мая генералъ Муравьевъ прибылъ въ Усть-Зейскую станицу, гдѣ на другой день къ нему пріѣхалъ айгунскій амбань (губернаторъ) Дзирампига; онъ сообщилъ, что цицикорскій главнокомандующій и уполномоченный уже прибылъ изъ Цицикора въ Айгунъ и проситъ генерала, хотя на нѣсколько дней, отсрочить свое дальнѣйшее плаваніе, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ о разграниченіи, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій. При этомъ амбань намекнулъ генералъ-губернатору, что онъ во всемъ успѣетъ и все сдѣлаетъ; спросилъ есть ли у него дѣти и, узнавъ, что нѣтъ, сожалѣлъ, говоря, что послѣ великаго дѣла хорошо бы было оставить славу въ потомствѣ. Въ заключеніе амбань просилъ назначить мѣстомъ для переговоровъ — городъ Айгунь и звалъ туда Николая Николаевича къ себѣ обѣдать. Генералъ-губернаторъ согласился какъ на то, такъ и на другое, тѣмъ болѣе, что амбань посѣщалъ его уже два раза.

XXXI.

Основаніе города Благовѣщенска. — Первое свиданіе генералъ-губернатора въ Айгунѣ съ китайскими уполномоченными. — Предложеніе генералъ-губернатора. — Проэктъ договора. — Ультиматумъ. — Айгунскій трактатъ 16-го мая 1858 года. — Подписаніе и размѣнъ трактата. — Письмо отъ Н. Н. Муравьева. — Приказъ генералъ-губернатора 18-го мая 1858 года. — Плаваніе Н. Н. Муравьева и прибытіе въ Николаевскъ. — Состояніе Николаевска въ 1858 году. — Освященіе перваго храма на рѣкѣ Амуръ. — Основаніе Софійска. — Плаваніе по рѣкѣ Сунгари.—Айгунскій амбань посѣщаетъ генералъ-губернатора въ Благовѣщенскѣ.—Цѣль этого посѣщенія.—Отвѣтъ Н. Н. Муравьева на статьи Дзянъ-Зюна.—Тьянцзинскій трактатъ.—Ратификація айгунскаго трактата.—Путешествіе Мартынова изъ Тьянцзина въ Петербургъ.—Награды.—Краткое обозрѣніе дѣятельности морскихъ офицеровъ въ при-амурскомъ краѣ.

9-го мая 1858 года въ Усть-Зейской станицѣ заложенъ былъ архіепископомъ Иннокентіемъ храмъ, во имя Благовѣщенія, а самая станица переименована въ городъ Благовѣщенскъ. На другой день генералъ-губернаторъ на своемъ катерѣ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ катеровъ, отправился въ Айгунъ, на обѣдъ къ амбаню. Манджуры еще заранѣе просили позволенія принять Н. Н. Муравьева съ подобающими высокому сановнику почестями и салютомъ, на что онъ изъявилъ свое согласіе. По этому, при вступленіи генерала на берегъ, показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ; пушекъ, какъ видно, у нихъ не было, но, судя по звуку, можно предполагать, что это были маленькія мортирки, подобно какъ въ Маймачинѣ. Наши вооруженные катера отвѣчали имъ выстрѣлами изъ своихъ орудій, громкій звукъ которыхъ озадачилъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, не понравился манджурамъ. Генералъ-губернатора посадили вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку амбаня, свитѣ же предложили приготовленныхъ на берегу верховыхъ лошадей, и такимъ порядкомъ всѣ въ парадной формѣ слѣдовали чрезъ городъ и

крѣпость, при большемъ стеченіи народа. Амбань встрѣтилъ генералъ-губернатора, какъ почетнаго гостя, у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутреннiе дворы его дома. Введя въ комнату, онъ указалъ ему на сидѣвшаго тамъ Дзянъ-Зюна, главнокомандующаго амурскими силами, князя И-Шанъ, родственника царствующаго богдыхана. Генералъ-губернатора посадили въ той же комнатѣ, вмѣстѣ съ дипломатическимъ чиновникомъ Перовскимъ, оберъ-квартирмейстеромъ полковникомъ Будоговскимъ, переводчикомъ манджурскаго языка—Шишмаревымъ и завѣдывавшимъ путевою канцеляріею генералъ-губернатора—Карповымъ, съ ними помѣстились Дзянъ-Зюнъ И-Шанъ и амбань Дзирампига. Секретарь манджуровъ, ротный командиръ Айжиндай стоялъ за столомъ. Остальные члены свиты генералъ-губернатора *) помѣстились въ другой комнатѣ, служившей сѣнями для двухъ половинъ дома, и были угощаемы сидѣвшими вмѣстѣ съ ними манджурскими штабъ-офицерами, съ спинми прозрачными шариками на шапкахъ.

Началось угощеніе, состоявшее изъ чая и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столѣ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ; потомъ подавали жареную баранину и жаренаго поросенка, нарѣзанныхъ мелкими кусочками, которые пришлось класть въ ротъ по манджурски—двумя палочками и, въ заключеніе, подали жидкость на подобіе супа, съ клещевиннымъ масломъ. Во время обѣда неоднократно подавали теплую рисовую водку (мангалу) въ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ, а генералу въ серебряной, съ соблюденіемъ строгаго чинопочитанія, т. е. начиная всегда съ генерала, потомъ подносили г. Перовскому и тѣмъ, которые или по своей тучности или по своей презентабельности казались имъ старше другихъ. Обѣдъ прошелъ весьма весело: говорили любезности, сообщали другъ другу новости, но о главномъ дѣлѣ ни слова. Послѣ обѣда, князь И-Шанъ предложилъ Н. Н. Муравьеву переговорить о дѣлѣ, но Муравьевъ отклонилъ это, говоря, что сегодня будемъ пировать, а всѣ дѣла отложимъ до завтра. Этимъ генералъ, между прочимъ, хотѣлъ показать манджурамъ, что онъ не слиш-

---

*) Свиту эту составляли: приставъ духовной нашей мiссіи въ Пекинѣ П. Н. Перовскій, генеральнаго штаба подполковникъ К. Ф. Будоговскій, секретарь по дипломатической части Е. К. Бютцовъ, переводчикъ манджурскаго языка Я. П. Шишмаревъ, чиновники особыхъ порученій генералъ-губернатора Восточной Сибири: коллежскій ассесоръ Д. И. Гурьевъ, коллежскій ассесоръ П. В. Корчевскій, коллежскій секретарь Карповъ и адъютантъ, артиллеріи поручикъ М. И. Котлубацкій.

комъ дорожитъ и вовсе не торопится переговорами съ ними. Обѣдъ кончился въ 7-мъ часу вечера, послѣ чего генералъ-губернаторъ и его свита отправились на катеръ и вмѣстѣ съ вооруженными катерами перешли къ противуположному берегу, гдѣ стали на якорь у песчанаго острова.

На другой день, 11-го мая, генералъ-губернаторъ съ своимъ штабомъ, въ парадной формѣ, перешелъ на катеръ къ противуположному берегу. Та же одноколка и верховыя лошади ожидали ихъ въ Айгунѣ, но на этотъ разъ Н. Н. Муравьевъ отправился верхомъ съ своею свитою въ домъ амбаня, гдѣ И-Шанъ ожидалъ его къ 10-ти часамъ утра. Предварительно условлено было, чтобы при переговорахъ присутствовали съ обѣихъ сторонъ только необходимыя лица: съ китайской стороны князь И-Шанъ, амбань и Айжиндай; съ нашей: генералъ-губернаторъ, Перовскій и переводчикъ Шишмаревъ. Но въ первое же засѣданіе потребовали съ картами Будоговскаго. Всѣ эти лица помѣстились въ той же комнатѣ, въ которой наканунѣ обѣдали, такимъ образомъ, что налѣво отъ входа на широкихъ нарахъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ стола И-Шанъ и направо отъ него амбань, а направо отъ входа, на такихъ же нарахъ, сидѣлъ за столомъ генералъ-губернаторъ, справа отъ него Перовскій, а слѣва Будоговскій (когда его потребовали). Переводчикъ Шишмаревъ и секретарь Айжиндай стояли по бокамъ, каждый у стола своей стороны. Сначала генералъ-губернаторъ изложилъ съ историческою послѣдовательностью наши дѣйствія на Амурѣ, причины и цѣль этихъ дѣйствій, клонящихся къ пользѣ обоихъ государствъ, потомъ высказалъ, что для пользы обоихъ государствъ необходимо опредѣлить границу между ними по рѣкамъ Амуру и Уссури, такъ какъ она представляетъ удобнѣйшую естественную черту между обоими государствами.

По окончаніи всего изложеннаго, Н. Н. Муравьевъ представилъ китайскому уполномоченному князю И-Шану заблаговременно написанный на бумагѣ проэктъ пограничной черты по Амуру, Уссури (съ верхними притоками ея) и по рѣкѣ Тюмень-Ула, до моря *). Чтобы лучше объяснить манджурамъ направленіе этой

*) Нельзя не высказать здѣсь, что подъ вліяніемъ укоренившагося неправильнаго мнѣнія, что рѣки должны составлять пограничныя черты, сдѣлали здѣсь величайшую ошибку, упуская изъ вида слѣдующія весьма важныя для края обстоятельства: По праву перчинскаго трактата, граница наша въ при-уссурійскомъ краѣ, о чемъ я, какъ мы видѣли, неоднократно представлялъ и объяснялъ, должна идти по Хингану, перебра-

черты, онъ и потребовалъ изъ другой комнаты Будоговскаго съ картой.

Затѣмъ генералъ-губернаторъ предъявилъ свое полномочіе, написанное на русскомъ и манджурскомъ языкахъ, въ которомъ объяснялось, что ему, генералъ-губернатору Восточной Сибири, поручалось отъ русскаго правительства вести переговоры съ Китаемъ какъ о разграниченіи, такъ равно и о всѣхъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ клониться къ взаимнымъ пользамъ обоихъ государствъ.

Генералъ-губернаторъ предложилъ обсудить всѣ его предложенія о границахъ, обѣщалъ прислать на бумагѣ проэктъ договора и сказалъ, что вѣроятно Дзянъ-Зюнъ утомленъ продолжительнымъ преніемъ (ибо было уже 3 часа послѣ полудня) и, можетъ быть, привыкъ въ это время обѣдать. Потомъ онъ проспилъ посѣтить его и назначилъ 4 часа пополудни.

Такъ кончилось первое засѣданіе 11-го мая. Всѣ переговоры велись на манджурскомъ языкѣ, но, не смотря на то, что Дзянъ-Зюнъ былъ истый манджуръ и родственникъ богдыхана, онъ повидимому лучше зналъ придворный китайскій языкъ, нежели свой родной манджурскій. Рѣчь генералъ-губернатора къ Дзянъ-Зюну Шишмаревъ переводилъ амбаню по-манджурски, а тотъ передавалъ ее Дзянъ-Зюну по китайски. Когда же генералъ-губернаторъ адресовался къ амбаню, то слова Шишмарева на манджурскомъ языкѣ передавались амбаню особымъ переводчикомъ, по-китайски.

Около 4-хъ часовъ стали подвигаться къ катеру генералъ-губернатора двѣ огромныя джонки, назначавшіяся, по словамъ манджурскихъ чиновниковъ, для переѣзда Дзянъ-Зюна. Ихъ поставили

сывающемуся чрезъ рѣки Амуръ и Сунгари и отдѣляющему весь бассейнъ рѣки Уссури въ наши владѣнія. Положить границу этимъ хребтомъ для насъ было бы весьма важно во-первыхъ, потому, что рѣка Сунгари, при сліяніи съ рѣкою Амуръ, составляетъ огромную низменную болотистую долину, изрѣзанную протоками, и только у упомянутыхъ горъ, входя въ свои берега, представляетъ для насъ самый важный стратегическій пунктъ; во-вторыхъ, потому, что правые значительные притоки рѣки Уссури образуютъ превосходныя долины для поселеній и мѣстности, по которымъ идутъ ближайшіе бероговые пути въ Манджуріи, т. е. мѣстности, представляющія для насъ важные стратегическіе пункты; въ-третьихъ потому, что, владѣя всѣмъ бассейномъ рѣки Уссури и отклоняя границу къ хребту, мы избѣжали бы различныхъ непріятныхъ по рѣкѣ Уссури береговыхъ столкновеній и стѣсненій. Можно сказать съ увѣренностью, что со стороны китайцевъ не было бы при этомъ затрудненія, ибо они жалѣли только лишь о части Дауріи, т. е. лѣвомъ берегѣ Амура до Хингана.

по сторонамъ катера, но Николай Николаевичъ послалъ Шишмарева просить Дзянъ-Зюна пріѣхать къ нему на вельботѣ. Ровно въ 4 часа показалось огромное шествіе Дзянъ-Зюна изъ города съ огромною свитою, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катеръ генералъ-губернатора были приглашены Дзянъ-Зюнъ, амбань, Айжиндай, личный секретарь Дзянъ-Зюна, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, шампанскаго и наконецъ ликера. Хоръ трубачей иркутскаго коннаго полка игралъ на берегу въ близкомъ разстояніи отъ катера. Музыка, повидимому, очень нравилась Дзянъ-Зюну, особенно веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно, между веселымъ разговоромъ и обильнымъ угощеніемъ.

На другой день, 12-го мая, отправили съ гг. Перовскимъ и Шишмаревымъ проэктъ договора, состоявшій изъ 5-ти пунктовъ.

Въ первомъ опредѣлялась точная граница между Россіею и Манджуріею, именно: отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни по р. Амуру до устья рѣки Уссури, потомъ вверхъ по этой рѣкѣ и по верхнимъ ея притокамъ до водораздѣльнаго хребта; отсюда на верхніе притоки рѣки Тюмень-Улы и по сей послѣдней до моря.

Во второмъ назначалось свободное плаваніе по всѣмъ рѣкамъ, составляющимъ границу.

Въ третьемъ дозволялось свободное переселеніе жителей обоихъ государствъ съ земель, отошедшихъ во владѣніе другаго государства, въ теченіе одного года.

Въ четвертомъ утверждалась взаимная торговля по рѣкамъ Амуру и Уссури для жителей береговъ этихъ рѣкъ; наконецъ

Въ пятомъ назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній и сообщеній съ Пекиномъ, отправленіе миссіи, пословъ, курьеровъ и прочаго, могущихъ доставить пользу и славу обоимъ дружественнымъ государствамъ.

По представленіи Перовскимъ этого проэкта договора, манджуры по обыкновенію возобновили свои односторонніе доводы и опроверженія, а о послѣднемъ пунктѣ рѣшительно отказались и разсуждать, говоря, что по этимъ предметамъ Дзянъ-Зюнъ не имѣетъ полномочій, и что ему поручено только переговариваться о дѣлахъ на Амурѣ, и если мы желаемъ касаться нашей торговли съ Китаемъ, то должны будемъ начать отдѣльные переговоры, совер-

шенно особо отъ настоящихъ. Слово граница манджуры просили исключить, представляя, что граница съ Китаемъ утверждена будто бы прежними трактатами. Айжиндай указалъ и на слова: *„ради большей славы и пользы обоихъ государствъ“*, объясняя, что ненадобно упоминать эти слова, ибо зачѣмъ тутъ упоминать о славѣ, когда наше государство и безъ того такъ славно, что большей славы ему желать нельзя. По его желанію, это выраженіе было замѣнено: *„ради большей, вѣчной взаимной дружбы обоихъ государствъ“*. Такимъ образомъ, это засѣданіе кончилось безъ всякихъ результатовъ.

Вечеромъ въ этотъ же день пріѣхалъ айжиндай для подробнѣйшихъ объясненій съ г. Шишмаревымъ и привезъ свой проэктъ договора, утверждая, что Дзянъ-Зюнъ и амбань никакъ не согласятся измѣнить его, такъ что, если генералъ Н. Н. Муравьевъ не согласенъ измѣнить своего проэкта, то они должны будутъ разойтись.

Всѣ эти разсужденія съ айжиндаемъ производились на этотъ разъ съ Перовскимъ и Шишмаревымъ въ каютѣ баржи. Въ другой каютѣ, отдѣленной отъ первой тонкою перегородкою, находился генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ, слѣдившій за ходомъ переговоровъ, и когда нужно было, то и принимавшій въ нихъ участіе или посредствомъ записокъ, передаваемыхъ Перовскому, или посредствомъ громкаго разговора, заставляя Будоговскаго говорить громко, какъ бы въ разговорѣ съ нимъ, ту мысль, или то выраженіе, которое нужно было, чтобы слышали въ другой каютѣ гг. Перовскій и Шишмаревъ.

13-го мая, утромъ, г. Шишмаревъ отправился въ Айгунъ и предложилъ измѣненный проэктъ договора (т. е. съ выпускомъ только 5-го пункта и съ замѣной слова славы—дружбой, какъ выше объяснено), на разсмотрѣніе Дзянъ-Зюна и амбаня. Прежніе споры манджуровъ снова возобновились; однако, г. Шишмаревъ успѣлъ согласить амбаня на обоюдную торговлю; измѣнили 1-й пунктъ проэкта. Послѣ этого прибылъ на баржу айжиндай съ новымъ проэктомъ договора, который былъ составленъ согласно условіямъ съ Шишмаревымъ; показавъ его Шишмареву, онъ увезъ его обратно въ Айгунъ. Вечеромъ айжиндай снова прибылъ на баржу къ Шишмареву и съ отчаяніемъ увѣрялъ, что онъ не досмотрѣлъ 1-ю статью договора о земляхъ отъ рѣки Уссури до моря и, по прочтеніи, не вникъ будто бы въ смыслъ этой статьи; только уже по пріѣздѣ въ Айгунъ, вмѣстѣ съ амбанемъ, онъ разсмотрѣлъ ее. При этомъ ай-

жиндай со слезами умолялъ Шишмарева измѣнить эту статью, увѣряя, что его ожидаетъ тяжкое наказаніе за этотъ недосмотръ, такъ что, если не согласятся измѣнить этой статьи, то онъ сейчасъ же въ виду нашемъ утопится въ Амурѣ. Г. Шишмаревъ далъ ему замѣтить, что подобные разговоры неумѣстны; на это айжиндай отвѣчалъ Шишмареву: „хорошо вамъ такъ разсуждать, когда вы хотите, чтобы нашъ Дзянъ-Зюнъ вамъ уступалъ, и если бы нашъ Дзянъ-Зюнъ хотѣлъ бы что нибудь вамъ уступить, то онъ при переговорахъ разсуждалъ бы иначе". Г. Шишмаревъ повелъ айжиндая къ генералъ-губернатору, предъ которымъ онъ повторилъ свою просьбу объ исключеніи изъ договора 1-й статьи, оставляя только свободное плаваніе и торговлю по Амуру; генералъ-губернаторъ сказалъ айжиндаю, что объ этомъ не съ нимъ, а съ Дзянъ-Зюномъ онъ самъ будетъ разсуждать, а потому ему хлопотать нечего.

Генералъ-губернаторъ, усматривая безуспѣшность переговоровъ, что манджуры только тянутъ время и что обыкновеннымъ путемъ никакого толка отъ нихъ добиться невозможно, рѣшился измѣнить характеръ переговоровъ, давъ имъ настоятельный и твердый оборотъ. Въ этихъ видахъ онъ 14-го мая съ Шишмаревымъ и Будоговскимъ прибылъ въ Айгунъ и предложилъ въ видѣ ультиматума окончательный договоръ. Манджуры начали приводить доказательства на право владѣнія при-амурскимъ и при-уссурійскимъ краемъ, и говорили, что они собираютъ будто бы ясакъ съ жителей этихъ странъ, какъ владѣльцы оныхъ, что въ этой странѣ и на ея прибрежьяхъ у нихъ всегда были караулы, свидѣтельствующіе право ихъ владѣнія оною, что страна отъ рѣки Уссури до моря, и вообще уссурійскій бассейнъ, составляетъ родину царствующей въ Китаѣ династіи, а потому уступать его Россіи было бы равносильно измѣнѣ. На эти объясненія манджуровъ генералъ-губернаторъ возражалъ: „ни по рѣкѣ Амуру отъ Хингана до моря, ни по рѣкѣ Уссури, ни по прибрежьямъ страны никогда китайскихъ карауловъ не было. Инородцы, обитающіе въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ краѣ, никогда ясака китайскому правительству не платили. Послѣ завоеванія русскими, въ исходѣ XVII вѣка, этой страны, Россія имѣетъ полное право на оную. По всему лѣвому берегу рѣки Амура, начиная отъ Усть-Стрѣлки до Хингана, никакихъ китайскихъ постовъ не существовало; по смыслу же 1-го пункта нерчинскаго трактата, вся страна отъ Хингана къ востоку, до моря, должна принадлежать Россіи, а въ это про-

странство входитъ весь бассейнъ рѣки Уссури и устья рѣки Сунгари, какъ то доказано положительными изслѣдованіями, произведенными нами въ 1850 — 1853 годахъ, и что по этому, назначая границу по рѣкѣ Уссури, и такъ уже дѣлается огромная уступка Китаю въ уваженіе постоянной дружбы Россіи съ Китаемъ. Постановленіемъ нашихъ военныхъ постовъ, начиная съ 1850 года въ низовьяхъ при-амурскаго края и наблюденіемъ за устьемъ рѣки Амуръ и прибрежьями края, мы защитили его отъ явныхъ покушеній на оные иностранцевъ. Мы дѣлали это потому, что инородцы, тамъ обитающіе, никогда власти Китая надъ собою не признавали. и потому что край этотъ Россія всегда считала своимъ. Послѣдняя блокада прибрежьевъ этой страны англо-французами ясно доказываетъ, что эти націи, бывшія въ дружбѣ съ Китаемъ, а съ нами въ войнѣ, признавали этотъ край не китайскимъ, а русскимъ. Въ 1854 и 1855 годахъ для защиты его отъ нихъ мы сосредоточили надлежащую военную силу, между тѣмъ какъ китайское правительство не принимало въ этомъ ни малѣйшаго участія и тѣмъ ясно сознавало, что этотъ край принадлежитъ не Китаю, а Россіи. Родина царствующей въ Китаѣ династіи находится не въ уссурійскомъ бассейнѣ, а въ бассейнѣ рѣки Нанъ-гуты, впадающей въ рѣку Сунгари, близъ города Нанъ-гуты, — мѣстности, до которой мы далеко не касаемся, и наконецъ, если въ при-уссурійскомъ краѣ и находятся китайцы (манзы), то это бѣглые преступники, скрывшіеся сюда, какъ бы въ другое государство, для избѣжанія наказанія, опредѣленнаго имъ по китайскимъ законамъ. По всему этому весь упомянутый при-амурскій и при-уссурійскій край мы вовсе не захватываемъ отъ Китая, какъ край, составляющій по всѣмъ правиламъ принадлежность Россіи, но желаемъ только нынѣ положительно утвердить здѣсь границу, до сихъ поръ еще неопредѣленную, между россійскими и китайскими владѣніями, въ видахъ обоюдной пользы обоихъ дружественныхъ государствъ“.

Дзянъ-Зюнъ и его товарищъ амбань не представили ничего въ опроверженіе этихъ справедливыхъ доводовъ генералъ-губернатора и сказали только лишь, что они не сомнѣваются въ высокой цѣли русскаго правительства, но, въ случаѣ, если бы для подобной цѣли пришли китайцы въ Нерчинскій край, то позволило ли бы имъ россійское правительство перейти чрезъ рѣку Аргунь и прогнать варваровъ? Генералъ-губернаторъ на это замѣтилъ, что подобныя объясненія совершенно неумѣстны и не относятся къ дѣлу, о кото-

ромъ трактуютъ, и что подобными отклоненіями теряется только напрасно время; между тѣмъ, какъ при началѣ еще переговоровъ онъ предупреждалъ, что время у него нѣтъ и онъ спѣшитъ въ Николаевскъ. Затѣмъ генералъ-губернаторъ, усматривая, что всѣ его убѣжденія склонить Дзянъ-Зюна на согласіе остаются тщетными, всталъ изъ-за стола, взялъ за руки Дзянъ-Зюна и амбаня и, обращаясь съ сердитымъ видомъ къ переводчику Шишмареву, приказалъ передать имъ, что *лично* съ ними остается друзьями, но что онъ убѣдился, что *мирнымъ путемъ* вести переговоры съ ними нельзя; что онъ имъ сказалъ все, что отъ него зависитъ, и теперь ихъ дѣло обсудить и согласиться на его рѣшительныя и неизмѣнныя предложенія, для чего дается имъ срока только до завтра. Не дождавшись перевода этихъ словъ, генералъ-губернаторъ быстро вышелъ изъ комнаты, у воротъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи гг. Бодоговскаго и Шишмарева поѣхалъ къ пристани, гнѣвно посматривая на собравшіяся толпы народа и тѣмъ показывая, что мирнымъ дипломатическимъ путемъ съ ихъ властями ничего не сдѣлаешь. Вскорѣ догналъ генерала айжиндай, и, подъѣхавъ къ Шишмареву, спрашивалъ его, куда генералъ спѣшитъ? „Теперь“ говорилъ онъ „поднялся такой сильный вѣтеръ и на рѣкѣ волненіе, что князь И-Шанъ говоритъ, что лучше бы немного обождать“. Шишмаревъ, не отвѣчая на это, слѣдовалъ за генералъ-губернаторомъ, который, подъѣхавъ къ берегу, быстро соскочилъ съ коня, бросилъ въ сторону нагайку, сѣлъ въ катеръ, гдѣ его ожидала уже вся свита, и, подъ парусами, при низовомъ вѣтрѣ, пошелъ къ противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу манджуровъ выпучили глаза отъ удивленія: привыкшіе видѣть генерала всегда привѣтливо посматривавшимъ на толпившійся по улицамъ Айгуна народъ, они вдругъ увидѣли его нахмуреннымъ и разсерженнымъ. Отойдя отъ Айгуна около 7-ми верстъ, Н. Н. Муравьевъ присталъ къ манджурской деревнѣ лѣваго берега и здѣсь отобѣдалъ съ своею свитою, а къ вечеру возвратился къ вооруженнымъ катерамъ, стоявшимъ противъ Айгуна, у противоположнаго берега рѣки. Вскорѣ прибылъ сюда чиновникъ отъ князя И-Шана узнать о здоровьѣ генерала и о причинѣ его гнѣва, и вмѣстѣ съ этимъ просилъ извинить ихъ, утверждая, что впредь они будутъ вести себя такъ, чтобы генералъ не сердился.

Такова была сущность представленія генералъ-губернатора и возраженія на эти представленія китайскаго уполномоченнаго, князя И-Шанъ.

Эти обстоятельства показали, что инструкціи с.-петербургскихъ дипломатовъ для веденія переговоровъ съ китайцами,—инструкціи, которымъ эти дипломаты придаютъ огромное значеніе и ставятъ себѣ въ заслугу, здѣсь не имѣютъ мѣста, и что только рѣшительными дѣйствіями, противуположными этимъ инструкціямъ, и возможно достигнуть надлежащей цѣли. Примѣръ амурской экспедиціи, дѣйствовавшей, какъ мы видѣли, радикально противуположно повелѣніямъ изъ с.-петербургскихъ канцелярій, убѣдилъ уже генералъ-губернатора въ необходимости, что прежде чѣмъ разговаривать съ китайцами, надобно раскинуть военныя поселенія (станицы) по берегамъ рѣки Амура и Уссури, и тѣмъ, какъ представлялъ и я, фактически указать Китаю, что эту страну Россія всегда считала своею. Только такія дѣйствія, т. е. военныя поселенія и передвиженіе баталіоновъ и вооруженныхъ катеровъ (въ родѣ канонерокъ) и привели къ надлежащему результату.

Манджуры, усматривая, что всѣ справедливые доводы наши на обладаніе при-амурскимъ и при-уссурійскимъ краемъ мы имѣемъ возможность подтвердить и нашими совершенными уже дѣйствіями, и силою, рѣшили придти къ соглашенію, согласно ультиматуму Н. Н. Муравьева. Но какъ они хорошо не знали положенія при-уссурійскаго края, то боялись, чтобы въ наши владѣнія не вошли мѣстности, откуда происходитъ ихъ царствующая династія, почему и желали при настоящемъ договорѣ сохранить болѣе или менѣе неопредѣленное положеніе въ при-уссурійскомъ краѣ, прося генералъ-губернатора не употреблять здѣсь слова граница, а предоставляя означить ее точно въ Пекинѣ, на основаніи предложенія, сдѣланнаго генералъ-губернаторомъ, т. е. провести ее такъ, какъ сказано въ 1-мъ пунктѣ.

Вслѣдствіе этого, на другой день, т. е. 15-го мая, прибыли на баржу къ генералъ-губернатору баталіонный командиръ съ айжиндаемъ для окончательнаго соглашенія по всѣмъ договорнымъ статьямъ проэкта, представленнаго въ видѣ ультиматума генералъ-губернаторомъ, и съ убѣдительною просьбою отъ князя И-Шана, чтобы слово граница въ уссурійскомъ краѣ было вычеркнуто, т. е. чтобы въ земляхъ отъ верховья рѣки Уссури до моря предоставлено было, согласно проэкту генерала, утвердить границу въ Пекинѣ, а потому эти земли впредь до ратификаціи въ Пекинѣ оставить безъ разграниченія. Генералъ-губернаторъ согласился на измѣненіе редакціи первой статьи, почему она и выражена такъ: *Отъ Усть-*

Стрѣлки, т. е. сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни, лѣвый берегъ рѣки Амура и далѣе отъ устья рѣки Уссури до моря оба берега рѣки Амура и вся страна до моря да будетъ владѣніе Россійскаго государства. Правый берегъ рѣки Амура до устья рѣки Уссури — владѣніе Китайскаго государства. Земли, лежащія отъ рѣки Уссури и отъ верховьевъ ея до моря, оставить между обоими государствами неограниченными до усмотрѣнія Россійскаго Императора и Китайскаго Богдыхана. Къ этому, по настоянію айжиндая, относительно земель отъ верховьевъ рѣки Уссури, прибавлено „какъ и нынѣ“ *); на все это и послѣдовало соглашеніе генералъ-губернатора, ибо это обстоятельство нисколько не измѣнило существа представленнаго имъ вышесказаннаго проэкта. Право свободнаго плаванія по пограничнымъ рѣкамъ Амуру и Уссури, о которомъ говорится во второй статьѣ, въ манджурскомъ текстѣ вышло по рѣкамъ *Сахалянъ-Ула, Сунгари-Ула* и *Уссуръ-Ула* **). Айжиндай замѣтилъ, что стало быть, на основаніи этого пункта трактата, русскіе могутъ плавать по рѣкѣ Сунгари и внутрь Манджуріи и торговать въ лежащихъ по берегамъ этой рѣки городахъ? Ему отвѣчали на это утвердительно и доказывали всю пользу отъ этого какъ для самихъ манджуровъ, такъ и для всей страны. Онъ охотно согласился съ этимъ, почему въ трактатѣ, въ 2-мъ пунктѣ, и было выговорено: *плавать по рѣкѣ Сунгари и производить торговлю по берегамъ этой рѣки.*

Въ заключеніе генералъ-губернаторъ выразилъ, что такъ какъ теперь они согласились окончательно по всѣмъ статьямъ, то онъ намѣренъ подойти съ вооруженными катерами ближе къ Айгуну и салютовать въ честь заключеннаго трактата. Айжиндай предложилъ на это подойти къ ихъ берегу, если генералу угодно, но просилъ только не стрѣлять, прибавивъ при этомъ: „мы чиновники, да и наши военные не любятъ выстрѣловъ“. Это желаніе было испол-

*) Это выраженіе „какъ и нынѣ“, предложенное манджурами, весьма замѣчательно, ибо оно объясняетъ ихъ понятіе объ истокѣ рѣки Уссури изъ южной части Хинганскаго хребта, что оказывалось и по всѣмъ свѣдѣніямъ и изслѣдованіямъ, добытымъ амурскою экспедиціею и о чемъ *я*, какъ мы видѣли, при возбужденіи мною въ 1852 году пограничнаго вопроса, представлялъ правительству.

**) По нашему понятію теченіе рѣки Амуръ составляетъ все пространство отъ сліянія Шилки съ Аргунью (Усть-Стрѣлки) до лимана. Между тѣмъ, по понятіямъ манджуровъ и китайцевъ, подъ рѣкой Амуръ (*Мапу* по-тунгусски, а *Сахалянъ-Ула* по-манджурски и китайски) разумѣется только теченіе отъ Усть-Стрѣлки до устья Сунгари, а далѣе до моря рѣка называется Сунгари-Ула; т. е. манджуры и китайцы принимаютъ, что не Сунгари впадаетъ въ Амуръ, а напротивъ, Амуръ въ Сунгари, что и правильнѣе.

но и затѣмъ, ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе за нимъ дни никакого салюта произведено не было. Для окончанія различныхъ мелочныхъ недоразумѣній Шишмареву приходилось еще два раза ѣздить къ амбаню.

Наконецъ наступилъ достопамятный день 16-го мая. Трактатъ назначено было подписать въ 12 часовъ, но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на русскомъ и манджурскомъ языкахъ, время протянулось до вечера. Въ 6 часовъ генералъ-губернаторъ съ своею свитою, въ полной парадной формѣ, вышелъ на берегъ въ Айгунѣ и пѣшкомъ отправился къ Дзянъ-Зюну, гдѣ тотчасъ же начали подчивать его чаемъ и сластями. Послѣ краткаго привѣтствія, генералъ Н. Н. Муравьевъ сказалъ князю И-Шану, что онъ очень радъ, что они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутораста лѣтъ и заботившее ихъ правительства. Затѣмъ приступлено было къ чтенію и провѣркѣ текста на манджурскомъ языкѣ и началось подписываніе трактата на русскомъ и манджурскомъ языкахъ. Подписали: генералъ-губернаторъ, дзянъ-зюнъ, князь И-Шанъ, Перовскій, амбань, Шишмаревъ и айжандай *). Послѣ подписи генералъ-губернаторъ и дзянъ-зюнъ князь И-Шанъ взяли каждый въ одну руку по два подписанные экземпляра на русскомъ и манджурскомъ языкахъ, въ одно время обмѣнялись ими и передали другъ другу съ взаимнымъ поздравленіемъ.

Окончивъ весь церемоніалъ по заключенію трактата, Н. Н. Муравьевъ вскорѣ оставилъ дзянъ-зюна, поцѣловавшись съ нимъ на прощанье, и отправился изъ Айгуна въ Благовѣщенскъ. По прибытіи на баржу, спутники генералъ-губернатора, по русскому обычаю, съ шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, доставившимъ Россіи болѣе полумилліона квадратныхъ верстъ, хотя и пустынной, но богатой территоріи, открывшей Сибири водный путь къ океану и, наконецъ, давшей Россіи на отдаленномъ ея Востокѣ твердое политическое значеніе.

Н. Н. Муравьевъ, отъ того же числа, 16-го мая 1858 года, почтилъ меня слѣдующимъ письмомъ:

„Любезный Геннадій Ивановичъ! Сегодня подписанъ трактатъ въ Айгунѣ. При-амурскій край утвержденъ за Россіею. Спѣшу

*) Перо, которымъ Н. Н. Муравьевъ подписывалъ этотъ трактатъ, оберъ-квартирмейстеръ Будоговскій взялъ къ себѣ на сохраненіе.

увѣдомить васъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Отечество никогда васъ не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе. Цѣлую ручки Екатерины Ивановны, раздѣлявшей наравнѣ съ вами и со всѣми вашими достойными сотрудниками труды, лишенія и опасности и поддерживавшей васъ въ этомъ славномъ и трудномъ подвигѣ. Искренно обнимаю васъ, благодарю и еще поздравляю“ *).

17-го мая, ночью, Н. П. Муравьевъ возвратился въ Благовѣщенскъ, гдѣ, на другой день, въ воскресенье, было совершено преосвященнымъ Иннокентіемъ (нынѣ московскій митрополитъ) благодарственное Господу Богу молебствіе о радостномъ и великомъ событіи и затѣмъ всѣ чины, бывшіе въ Благовѣщенскѣ, обѣдали у Николая Николаевича. Въ тотъ же день, на церковномъ парадѣ, генералъ-губернаторъ отдалъ слѣдующій лаконическій приказъ:

„Товарищи! Поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы! Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая православная церковь молитъ за васъ! Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ II и процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!“

20-го мая генералъ-губернаторъ отправилъ подлинный трактатъ при своемъ донесеніи къ Государю Императору, съ секретаремъ по дипломатической части Бютцевымъ. Такимъ образомъ, первое извѣстіе, посланное въ С.-Петербургъ изъ вновь основаннаго за 10 дней передъ симъ города Благовѣщенска, была *благая вѣсть* о присоединеніи при-амурскаго и при-уссурійскаго края къ русскимъ владѣніямъ.

21-го числа генералъ-губернаторъ, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, отплылъ въ дальнѣйшій путь, къ устью Амура. Во время этого плаванія оберъ-квартирмейстеръ Будоговскій избиралъ мѣста для поселенія амурскаго пѣшаго батальона, который своими станицами въ этомъ же году занялъ весь остальной лѣвый берегъ Амура отъ Малаго Хингана до устья рѣки Уссури; при устьѣ же этой рѣки было основано поселеніе 13-го линейнаго батальона, названное Хабаровскимъ. Отъ этого пункта дальнѣйшій путь свой генералъ-

*) Это письмо я получилъ 8-го августа 1858 года, въ деревнѣ роднаго дяди жены моей Николая Матвѣевича Ельчанинова, селѣ Поповкѣ, Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, гдѣ я съ семействомъ проводилъ тогда лѣто. Мы съ женой, окруженные близкими родственниками, благодарили Господа Бога за Его милость. Труды, лишенія и опасности, нами перенесенные, послужили къ славѣ и пользѣ отечества!

губернаторъ продолжалъ на ожидавшемъ его здѣсь пароходѣ „Аргунь“ въ сопровожденіи прибывшаго сюда на встрѣчу военнаго губернатора Приморской области г. Козакевича. Прибывъ 8-го іюня въ Маріинскій постъ, генералъ посвятилъ этотъ день обзору казармъ, церкви и другихъ зданій, выстроенныхъ здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ его отсутствія, и 10-го іюня прибылъ въ Николаевскъ, гдѣ былъ встрѣченъ салютомъ съ береговыхъ батарей.

Николаевскъ послѣ 1855 года, когда генералъ-губернаторъ былъ въ немъ послѣдній разъ, изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ, протянулся до $1^1/_2$ версты по берегу Амура, и въ немъ однихъ частныхъ домовъ считалось тогда уже до 200 нумеровъ. Генералъ остался здѣсь на нѣсколько дней въ ожиданіи прихода судовъ эскадры графа Путятина, съ извѣстіемъ отъ него о ходѣ переговоровъ въ Китаѣ.

15-го іюня въ госпитальной церкви Николаевска было совершено преосвященнымъ Иннокентіемъ благодарственное Господу Богу молебствіе о заключеніи договора; послѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому, вѣчная память Императору Николаю I, многолѣтіе генералъ-губернатору Николаю Николаевичу, вѣчная память всѣмъ положившимъ животъ свой въ при-амурскомъ краѣ и многолѣтіе всѣмъ, подвизавшимся и подвизающимся въ здѣшнемъ краѣ дѣятелямъ.

Отправившись изъ Николаевска на пароходѣ „Амуръ“ въ обратный путь вверхъ по Амуру, 19-го іюня генералъ-губернаторъ 21-го прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ на другой день, въ воскресенье 22-го іюня, въ его присутствіи былъ освященъ преосвященнымъ Иннокентіемъ первый на берегахъ Амура православный храмъ. Остальныя церкви, строившіяся въ Николаевскѣ и въ селеніи Михайловскомъ, еще не были окончены. Выйдя 21-го числа изъ Маріинска, въ сопровожденіи парохода „Шилки“, генералъ остановился у мыса Джай (въ 35 верстахъ выше Маріинска, на главномъ фарватерѣ рѣки, откуда этотъ фарватеръ отклоняется къ лѣвому берегу), гдѣ въ присутствіи его, на избранномъ пунктѣ для поселенія, преосвященный Иннокентій заложилъ храмъ во имя св. Софіи (Премудрости Божіей) и тѣмъ положилъ основаніе будущему городу Софійску. Отсюда архіепископъ Иннокентій съ военнымъ губернаторомъ Козакевичемъ, на пароходѣ „Шилка“, отправились обратно въ Николаевскъ, а генералъ-губернаторъ продолжалъ плаваніе далѣе на пароходѣ „Амуръ“. 28-го іюня онъ прибылъ въ

Хабаровское, а 2-го іюля подошелъ къ устью рѣки Сунгари. Взявъ здѣсь въ провожатые манджуровъ, онъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднимался по ней до 20 верстъ. Такимъ образомъ пароходъ „Амуръ“ былъ первый, конечно, отъ сотворенія міра пароходъ, который показался на рѣкѣ Сунгари и положилъ первое начало русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго айгунскимъ трактатомъ права. Обозрѣвъ пройденную часть рѣки и ея низменные берега и приведя въ изумленіе туземцевъ (гольды) двухъ деревень, видѣнныхъ на берегу, пароходъ вернулся обратно въ рѣку Амуръ, открывъ при устьѣ р. Сунгари (или правильнѣе Амура) баръ съ наименьшею глубиною 15 футовъ.

Продолжая путь далѣе вверхъ по рѣкѣ Амуру, генералъ-губернаторъ 8-го іюля прибылъ въ Айгунъ. Начиная съ устья рѣки Уссури пароходъ ежедневно встрѣчалъ цѣлые десятки баржъ и плотовъ, спускавшихся внизъ по рѣкѣ Амуру съ провіантомъ, переселенцами, различными тяжестями, съ рогатымъ скотомъ, лошадьми и прочимъ, такъ что рѣка, не смотря на свои пустынные берега, представляла въ то время довольно оживленное зрѣлище. Въ Айгунѣ генералъ отправился съ своею свитою въ домъ амбаня, находившійся въ крѣпости, гдѣ хозяинъ принялъ его съ распростертыми объятіями у наружныхъ дверей. Послѣ краткихъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ, амбань, по приглашенію генерала, отправился пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ на пароходъ, на которомъ его прокатили съ музыкой вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

По прибытіи генералъ-губернатора 9-го іюля, въ Благовѣщенскъ, 12-го числа туда прибылъ на трехъ большихъ джонкахъ амбань съ огромною свитою. Его джонка съ каютою наверху подошла къ самой пристани; для встрѣчи его были посланы на нижнюю площадку пристани нѣкоторыя лица изъ штаба генералъ-губернатора и, при его выходѣ, музыка, стоявшая у балкона дома, сыграла маршъ. Шествіе открывали по лѣстницѣ пристани 6 піоновъ (офицеровъ) съ бѣлыми шариками и павлиными перьями на шапкахъ (за храбрость), за ними слѣдовалъ церемоніймейстеръ съ голубымъ шарикомъ на шапкѣ, а сзади его — амбань; остальная свита шла въ безпорядкѣ. Поднявшись по лѣстницѣ на верхъ берега и подойдя къ балкону, передніе ряды разступились, стали по обѣимъ сторонамъ дороги и пропустили впередъ церемоніймейстера и амбаня. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ его на порогѣ балкона.

Въ гостиной, амбаня усадили на диванѣ, за столомъ; слѣва отъ него помѣстился Н. Н. Муравьевъ, справа генералъ М. С. Корсаковъ, сбоку стола, въ креслахъ,—комендантъ Айгуна и два гусайда (штабъ-офицера) съ голубыми шариками на шапкахъ. Прочая свита амбаня стояла въ комнатѣ, а секретарь его вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ помѣстились у стола. Подали угощеніе, состоявшее изъ чая, варенья, разныхъ сластей, орѣховъ, шампанскаго, наливокъ, папиросъ и сигаръ. Манджуры вообще не церемонились и не заставляли себя долго просить. Амбань горстями раздавалъ своимъ приближеннымъ бѣлые сухари и хлѣбъ, поданные къ чаю, свита его горстями же забирала поданныя сигары и папиросы и прятала по карманамъ. Цѣль пріѣзда амбаня состояла въ представленіи генералъ-губернатору составленнаго дзянъ-зюномъ объясненія статей трактата, въ которомъ между прочимъ заключались правила для обоюдной между русскими и манджурами торговли на Амурѣ. Это объясненіе состояло изъ 14 пунктовъ, заключавшихъ въ себѣ большею частію мелочные и стѣснительные обряды трусливой китайской администраціи, относительно жителей лѣваго берега и вообще торговли по Амуру. Въ нихъ упоминалось о необходимости назначенія особыхъ сборныхъ пунктовъ для взаимной торговли, подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля должна быть подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, которые будутъ слѣдить за правильностію ея и установлять обоюдныя цѣны. Генералъ не принялъ этихъ правилъ, доказывая манджурамъ, что торговля тогда только можетъ развиваться и быть выгодною для обѣихъ сторонъ, когда она производится свободно, безъ всякихъ стѣсненій и безъ надзора: „зачѣмъ чиновниковъ утруждать частными дѣлами“, сказалъ онъ. На это манджуры, желая какимъ бы то ни было доводомъ настоять на своемъ, отвѣчали, что это не составитъ препятствія, потому что у нихъ *столько чиновниковъ, что они не знаютъ, что съ ними дѣлать*. Всѣ ихъ доводы и убѣжденія явно клонились къ тому, чтобы поставить торговлю въ зависимость отъ чиновниковъ и чтобы такимъ образомъ дать послѣднимъ возможность пользоваться на счетъ мѣстныхъ жителей, производящихъ торговлю.

Генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ этимъ не соглашался на предложеніе манджуровъ, чтобы на всемъ протяженіи Амура былъ назначенъ только одинъ пунктъ для торговли, а требовалъ, чтобы жители обоихъ береговъ производили свободно взаимную торговлю, гдѣ пожелаютъ, безъ всякихъ стѣсненій и надзора чиновниковъ. Нако-

нецъ, послѣ долгихъ преній, постановили, что *на первое только лишь время*, чрезъ каждые 8 дней будетъ открываться семидневная ярмарка по очереди въ Благовѣщенскѣ и Айгунѣ, а жители обоихъ береговъ могутъ производить свободно торговлю на всемъ протяженіи рѣки Амура. На остальные пункты объясненія дзянъ-зюня генералъ-губернаторъ обѣщалъ прислать свой отвѣтъ въ Айгунъ; послѣ чего амбань со свитою, получивъ богатые подарки и отдаривъ съ своей стороны кусками простой шерстяной съ шелкомъ матеріи, грубыми вѣерами, трубками, связками простаго табаку (въ родѣ махорки), китайскими сухими сластями и проч., тѣмъ же порядкомъ вернулся со своею свитою обратно на джонкахъ въ Айгунъ.

На другой день былъ посланъ отвѣтъ генералъ-губернатора на статьи дзянъ-зюня; въ немъ было сказано: „такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ статей противурѣчатъ смыслу трактата, то объясненія на нихъ пришлются изъ Иркутска“. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ комендантъ изъ Айгуна, просить, что бы это объясненіе было прислано теперь же для отправленія къ дзянъ-зюну, но такъ какъ генерала не было дома, то онъ оставилъ къ нему письмо на красной бумагѣ и прибылъ за отвѣтомъ на другой день. Въ этотъ разъ онъ съ своими спутниками былъ принятъ генераломъ, который въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ развивалъ выгоды, которыя произойдутъ для нихъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ русскими, толковалъ о нашей долгой дружбѣ съ Китаемъ и пользѣ сохраненія ея для Китая, о своемъ расположеніи къ дзянъ-зюну и проч. Получивъ отъ генерала письмо къ дзянъ-зюну, въ которомъ онъ обѣщалъ прислать объясненія на предложенные имъ пункты изъ Иркутска, комендантъ отправился обратно въ Айгунъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ отправилъ 20-го іюля пароходъ „Амуръ“ обратно въ Николаевскъ, самъ же, на пришедшемъ изъ Усть-Стрѣлки пароходѣ „Лена“ *) отправился въ дальнѣйшій путь вверхъ по рѣкѣ Амуръ.

Между тѣмъ графъ Путятинъ, соединившись съ англійскимъ, французскимъ и американскимъ уполномоченными, вмѣстѣ съ ихъ эскадрами прибылъ въ Печилійскій заливъ; союзники взяли форты при устьѣ рѣки Пейхо, ведущей къ Пекину, и заняли городъ Тзянь-Цзинь. Устрашенный пекинскій дворъ послалъ туда своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ иностранцами, и графъ Е. В. Пу-

*) Этотъ пароходъ зимовалъ въ Сретенскѣ въ особо устроенной тамъ гавани.

тятинъ успѣлъ первый заключить съ ними трактатъ $^{1}/_{13}$ іюня. Нѣсколько дней послѣ этого китайцы заключили трактаты: съ американскимъ уполномоченнымъ, $^{14}/_{26}$ іюня, съ англійскимъ и французскимъ $^{15}/_{27}$ іюня. Сущность трактата, заключеннаго графомъ Е. В. Путятинымъ, состояла въ слѣдующемъ: объ отправленіи посланниковъ, о производствѣ торговли, кромѣ сухаго пути въ портахъ: Шангай Ниибо, Фучжоу-Фу, Ся-Мынъ, Гуандунъ, Тайванъ-Фу, на островѣ Формозѣ Ценчжоу, на островѣ Хайнанѣ и во всѣхъ другихъ открытыхъ мѣстахъ для иностранцевъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Россія по трактату имѣетъ право назначать своихъ консуловъ. Торговля, какъ сухопутная, такъ и морская, не должна подвергаться никакимъ стѣсненіямъ. Китайцы обязаны подавать помощь при крушеніяхъ русскихъ судовъ у береговъ Китая; не должны преслѣдовать распространенія православнаго вѣроисповѣданія и заботиться о сохраненіи порядка и назначеніи нашихъ духовныхъ миссій. Наконецъ, трактатомъ этимъ устанавливалось ежемѣсячное почтовое сообщеніе съ Кяхтой. Графъ Е. В. Путятинъ, имѣя въ виду свѣдѣнія, добытыя амурскою экспедиціею о положеніи пограничнаго хребта, назначеннаго перчинскимъ трактатомъ, и результаты дѣйствій амурской экспедиціи, о границѣ нашей съ Китаемъ на востокѣ, въ 9-й статьѣ договора, между прочимъ, объяснилъ: „по назначенію границъ сдѣланы будутъ подробныя описанія и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ“. Это обстоятельство весьма важно, потому что, какъ мы видѣли, устье рѣки Сунгари и весь уссурійскій бассейнъ по этимъ изслѣдованіямъ оказались бы принадлежащими Россіи. Китайцы, имѣя въ виду это обстоятельство, хотя и получили отъ дзянъ-зюня, цицикорскаго князя И-Шанъ извѣстіе о заключенномъ имъ съ генералъ-губернаторомъ 16-го мая айгунскомъ трактатѣ, но до подписанія трактата графомъ Путятинымъ не сообщали ему объ этомъ, а увѣдомили его спустя нѣсколько дней послѣ заключенія имъ трактата, именно когда уже богдыханъ ратификовалъ айгунскій трактатъ, заключенный генералъ-губернаторомъ, и при этомъ утвердилъ, согласно представленію Н. Н. Муравьева, границу нашу съ Китаемъ по рѣкѣ Уссури до рѣки Тюмень-Ула и далѣе по теченію оной до моря, т. е. назначилъ ее опредѣленною чертою и, вслѣдствіе этого, упомянаемая статья трактата, заключеннаго графомъ Путятинымъ, была исполнена, и такимъ образомъ то, чего избѣгали манджуры при переговорахъ

съ генералъ-губернаторомъ въ Айгунѣ, т. е. слова—граница, теперь было утверждено самимъ богдыханомъ. Богдыханъ опредѣлилъ границу между Россіею и Китаемъ по рѣкѣ Уссури до морскаго берега и тѣмъ самымъ *окончательно призналъ принадлежность приуссурійскаго края за Россіею.*

Подлинный договоръ, заключенный въ Тзянъ-Цзинѣ, графъ Путятинъ отправилъ въ С.-Петербургъ 7 іюня, съ капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ чрезъ Суэцъ и Тріэстъ, а чрезъ 8-мъ дней послѣ того, именно 15-го іюня, отсылая прибывшаго къ нему изъ С.-Петербурга чрезъ Суэцъ курьеромъ адъютанта Н. Н. Муравьева, подполковника Мартынова, обратно въ Иркутскъ, чрезъ Калганъ, Гобійскую стень, Ургу и Кяхту, графъ Путятинъ послалъ съ нимъ письмо къ Н. Н. Муравьеву и при немъ копію съ заключеннаго имъ въ *Тзянъ-Цзинѣ* договора. Г. Мартыновъ чрезъ 25 дней прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ, за отсутствіемъ Н. Н. Муравьева, сдалъ бумаги предсѣдательствовавшему въ главномъ управленіи Восточной Сибири иркутскому губернатору генералъ-лейтенанту Венцелю, который, узнавъ отъ Мартынова, что курьеръ, отправленный графомъ Путятинымъ съ подлиннымъ договоромъ, капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ, уѣхалъ прежде заключенія французами и англичанами съ Китаемъ договора, нужнымъ счелъ отправить съ этимъ извѣстіемъ въ С.-Петербургъ очевидца этого событія, г. Мартынова, поручивъ ему доставить туда и копію съ заключеннаго графомъ Путятинымъ договора. Г. Мартыновъ прибылъ въ С.-Петербургъ и въ тотъ же день имѣлъ счастіе представиться къ Государю Императору, вслѣдствіе чего, въ тотъ же день, по Высочайшему повелѣнію были посланы телеграммы въ Лондонъ, Парижъ и другія европейскія столицы, о заключенныхъ французами и англичанами договорахъ съ Китаемъ; такимъ образомъ, Европа въ первый разъ, чрезъ Сибирь, узнала объ этомъ событіи гораздо ранѣе, чѣмъ отъ своихъ уполномоченныхъ.

Генералъ-лейтенантъ Венцель, отправляя Мартынова въ С.-Петербургъ, въ то же время, 11-го іюля, послалъ къ Н. Н. Муравьеву на Амуръ другаго курьера съ письмомъ отъ графа Путятина, съ копіею съ заключеннаго имъ договора и съ извѣстіемъ о ратификаціи богдыханомъ, согласно его проэкту, о границѣ въ при-уссурійскомъ краѣ, заключеннаго имъ айгунскаго трактата 16 мая 1858 года. Этотъ курьеръ встрѣтилъ генералъ-губернатора, слѣдовавшаго вверхъ по рѣкѣ Амуру на пароходѣ „Лена“ 22-го іюля,

немного выше Албазина. Получивъ радостное извѣстіе, Н. Н. Муравьевъ вызвалъ всѣхъ наверхъ и, помолившись Господу Богу, объявилъ его офицерамъ и командѣ. 12 августа пароходъ „Лена“ пришелъ въ Стрѣтенскъ, гдѣ и остался на зимовку. Оттуда генералъ-губернаторъ отправился въ Иркутскъ; во всѣхъ селахъ по этому пути встрѣчали его съ колокольнымъ звономъ толпы народа; вездѣ провожали его съ криками ура; въ городахъ являлись депутаціи и дѣлали денежныя пособія въ пользу новаго края. Всѣ хотѣли принять какое-либо участіе въ этой общей радости всей Сибири. По прибытіи въ Иркутскъ въ 1 мъ часу пополудни, 20-го августа, генералъ-губернаторъ проѣхалъ прямо въ Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Евсевіемъ епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ, совершавшемъ соборнѣ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ въ губерніи, благодарственное Господу Богу молебствіе за окончаніе великаго дѣла, которое въ русской исторіи навсегда останется соединеннымъ съ управленіемъ Восточною Сибирью Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. По окончаніи молебствія, преосвященный Евсевій благословилъ Николая Николаевича образомъ Спасителя и сказалъ ему нѣсколько словъ, приличныхъ событію.

По полученіи донесенія отъ Н. Н. Муравьева о заключенномъ имъ айгунскомъ трактатѣ и о ратификаціи онаго богдыханомъ, Государь Императоръ, указомъ правительствующему сенату, даннымъ 26-го августа 1858 года, возвелъ Николая Николаевича Муравьева съ нисходящимъ отъ него потомствомъ въ графы Россійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ его имени *Амурскаго*. За симъ, въ ноябрѣ того же 1858 года, по случаю этого событія, были Высочайше награждены:

а) *Слѣдующими по очереди орденами и пенсіонами въ 2,000 рублей.*

Генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель главнаго правленія россійско-американской компаніи, Полетиковскій; генералъ-маіоръ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, контръ-адмиралъ Петръ Васильевичъ Козакевичъ и я *).

б) *Пенсіономъ въ 1,500 рублей.*

Генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Буссе.

в) *Владиміромъ 4-й степени и пенсіонами въ 350 рублей.*

*) Слѣдовавшій по очереди мнѣ орденъ—св. Анны 1-й степени; св. Станислава я получилъ въ 1856 году.

Лейтенантъ Николай Константиновичъ Бошнякъ и штабсъ-капитанъ корпуса штурмановъ Дмитрій Ивановичъ Орловъ.

г) *Владиміра 4-й степени и Анны 3-й степени.*

Лейтенанты: Ал. Ив. Петровъ и Разградскій, поручикъ корпуса штурмановъ Воронинъ, лейтенантъ Купреяновъ и докторъ Орловъ.

Такъ какъ я и Д. И. Орловъ были семейные, то дарованные пенсіоны по нашу смерть, Высочайше повелѣно распространить на нашихъ женъ и дѣтей.

Таковы были окончательные результаты открытій, совершенныхъ на маленькомъ транспортѣ „Байкалъ“ въ 1849 году, и затѣмъ дѣятельности нашихъ морскихъ офицеровъ, составлявшихъ амурскую экспедицію съ 1850 по исходъ 1855 года! Нельзя не признать, что вышеизложенные неоспоримые документы и факты показываютъ, *что разрѣшеніе амурскаго вопроса, обусловливавшаго политическое и экономическое значеніе Россіи на отдаленномъ ея Востокѣ, было совершено въ главныхъ основаніяхъ единственно нашими морскими офицерами, которымъ судьба опредѣлила тамъ дѣйствовать съ 1849 по исходъ 1855 года.* Они, возбудивъ погребенный, казалось, на вѣки амурскій вопросъ, представили вмѣстѣ съ этимъ и практическую возможность, безъ особыхъ затратъ казны, къ его разрѣшенію, т. е. къ объясненію — доступно или недоступно устье рѣки Амура и ея лиманъ къ плаванію мореходнымъ судамъ *).

Они, не получивъ еще Высочайшаго соизволенія, не теряя ни минуты времени, рѣшились идти изъ Петропавловска къ устью рѣки Амуръ и въ ея лиманъ, къ мѣстамъ, считавшимся тогда нашимъ правительствомъ и всѣмъ образованнымъ міромъ—китайскими, и не смотря на ничтожнѣйшія средства, съ преодолѣніемъ величайшихъ затрудненій и опасностей, *положительно доказали*, что считавшіеся недоступными устье рѣки Амура и ея лиманъ—вполнѣ доступны, и что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ **).

Они, при ничтожествѣ средствъ, съ каковыми была снаряжена на прибрежья Охотскаго моря торговая частная экспедиція въ 1850 году, не смотря *на тяжкую отвѣтственность, единственно по*

---

*) Смотри переговоры мои съ княземъ Меньшиковымъ, письмо генералъ-губернатору Муравьеву отъ 10-го февраля 1848 года и, наконецъ, принятыя мною мѣры къ скорѣйшему изготовленію транспорта и приходу его въ Петропавловскій портъ.

**) См. карты №№ I, II, III.

своему усмотрѣнію, рѣшились дать этой ничтожной торговой экспедиціи важное государственное направленіе; заняли военнымъ постомъ устье рѣки Амура и отъ имени россійскаго правительства объявили туземцамъ, манджурамъ и иностраннымъ судамъ, бывшимъ тогда близъ лимана рѣки Амуръ, *что этотъ край Россія всегда признавала своей принадлежностью* и тѣмъ, отстранивъ всякое на устье рѣки Амура постороннее покушеніе, сдѣлали *первый, твердый и безповоротный шагъ къ признанію при-амурскаго края русскимъ* *).

Они, при несоотвѣтствіи данныхъ инструкцій, не смотря на тяжкую отвѣтственность, опасности и лишенія, *единственно по своему усмотрѣнію*, рѣшились изслѣдовать направленіе Хинганскаго хребта отъ верховьевъ рѣки Уди и восточной части рѣки Амура, и этимъ положительно доказали неправильность понятія о направленіи нашей границы съ Китаемъ въ этихъ мѣстахъ, и обнаружили, что при-амурскій и при-уссурійскій край должны составлять принадлежность не Китая, а Россіи **).

Они, не смотря на ничтожество средствъ, опасности и лишенія, изслѣдовали въ главныхъ частяхъ островъ Сахалинъ, открыли на немъ неисчерпаемыя богатства каменнаго угля и, собравъ положительные факты, доказывающіе право обладанія этимъ островомъ Россіи (что онъ составляетъ неотъемлемое дополненіе амурскаго бассейна), *единственно по своему усмотрѣнію, не имѣя еще на то повелѣнія, рѣшились занять военнымъ постомъ этотъ островъ и тѣмъ положить твердое основаніе къ присоединенію его къ имперіи* ***).

Они, не смотря на ничтожество средствъ, съ перенесеніемъ неимовѣрныхъ лишеній, трудовъ и опасностей, возбудили и разрѣшили важнѣйшій тамъ *морской вопросъ*, обусловливавшій важное значеніе для Россіи этого края. Они изслѣдовали прибрежья Татарскаго залива до 49° сѣверной широты, открыли по близости къ рѣкѣ Амуру заливъ де-Кастри (Нанъ-гмаръ), представляющій ближайшій рейдъ съ юга къ амурскому лиману; открыли въ 49° сѣ-

---

*) Смотри инструкціи мои гг. Воронину и Бошняку въ 1852 г. и дѣйствія этихъ офицеровъ.

**) Смотри инструкцію, данную мнѣ въ февралѣ 1851 года, и дѣйствія мои въ навигацію того же года.

***) Смотри инструкціи и донесенія мои 1851 и 1852 года и результаты экспедиціи гг. офицеровъ: Орлова, Чихачева, Бошняка и Петрова.

верной широты превосходнѣйшую гавань Императора Николая I (Хаджи), составляющую центральную гавань между корейской границей, и амурскимъ лиманомъ; изслѣдовали пути, ведущіе, какъ изъ этой послѣдней гавани, такъ и изъ залива де-Катри на рѣку Амуръ; собрали положительныя данныя о существованіи почти круглый годъ открытыхъ мѣстъ для навигаціи по прибрежью Татарскаго залива, близъ корейской границы и на рѣкѣ Уссури. Всѣмъ этимъ они положительно доказали, что обладаніе однимъ лѣвымъ берегомъ рѣки Амура безъ уссурійскаго бассейна съ его прибрежьями не представляетъ возможности утвержденія надлежащаго политическаго значенія за Россіею на отдаленномъ ея Востокѣ, и, въ виду проявлявшагося уже тогда иностраннаго покушенія на эти прибрежья, *единственно по своему усмотрѣнію, подъ личною тяжкою отвѣтственностію, рѣшились* занять постами на рѣкѣ Амуръ селеніе Кизи, заливъ де-Кастри и Императорскую гавань, и *отъ имени русскаго правительства объявлять всѣмъ появлявшимся у этихъ береговъ иностраннымъ судамъ, что прибрежья Татарскаго залива до корейской границы съ островомъ Сахалинымъ составляютъ россійскія владѣнія* *).

Они справедливымъ и глубокимъ вниманіемъ къ кореннымъ обычаямъ инородцевъ, изученіемъ ихъ образа жизни, потребностей и отношеній, устраненіемъ различнымъ столкновеній между туземцами, не смотря на ничтожную численность по сравненію съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ дикими и милліоннымъ населеніемъ сосѣднихъ маньджуровъ, распространили въ этомъ краѣ русское вліяніе въ такой степени, что генералъ-губернаторъ нашелъ страну эту какъ бы давно принадлежавшею Россіи **).

Они, утвердившись въ главныхъ пунктахъ амурскаго бассейна, пріобрѣли въ немъ господствующее вліяніе и приготовили надежный и безопасный пріютъ нашимъ судамъ и ихъ экипажамъ въ самую критическую для нихъ минуту и, понудивъ непріятеля блокировать прибрежья края, заставили его этимъ *заявить предъ Европою, что при-амурскій и при-уссурійскій бассейны принадлежатъ не Китаю, а Россіи* ***).

---

*) Смотри инструкціи, данныя мною гг. офицерамъ: Ботняку, Чихачеву, Орлову, Петрову, Разградскому и прапорщику Березину, въ исходѣ 1852 и началѣ 1853 года и результаты дѣятельности, вслѣдствіе этихъ инструкцій, упомянутыхъ офицеровъ.

**) Смотри донесеніе генералъ-губернатора въ іюлѣ 1854 года.

***) Это показываетъ сосредоточеніе нашихъ судовъ на устьѣ Амура въ 1854 и 1855 годахъ и блокада англо-французовъ въ 1855 году береговъ Татарскаго залива, какъ береговъ непріятельскихъ, т. е. нашихъ, ибо только мы и были тогда ихъ непріятелями.

Наконецъ, они, всѣми упомянутыми дѣйствіями своими, *совершенными имъ данныхъ имъ повелѣній, единственно по своему усмотрѣнію* и подъ своею отвѣтственностію, фактически доказали правительству, *что только въ при-амурскомъ и при-уссурійскомъ бассейнахъ съ омывающимъ ихъ моремъ и возможно* создать надлежащее политическое значеніе Россіи на отдаленномъ ея Востокѣ и школу для образованія экипажей нашего флота.

Вотъ почему дѣятельность нашихъ морскихъ офицеровъ, составлявшихъ экипажъ транспорта „Байкалъ“ въ 1849 году и затѣмъ амурскую экспедицію съ 1850 по исходъ 1855 года, преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества, представляетъ незыблемое основаніе къ окончательному присоединенію къ Россіи въ 1856 году при-амурскаго и при-уссурійскаго края и одну изъ видныхъ страницъ исторіи нашего флота и исторіи отдаленнаго Востока. Я имѣлъ счастіе начальствовать этою экспедиціею и потому счелъ своею священною обязанностію изложить эти событія съ фактическою точностію, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Карт. Зав. А. Ильина по Екатерин. пр. д. №11-43.

КАРТА
ЛИМАНА РѢКИ АМУРЪ
ДО ОПИСИ
НЕВЕЛЬСКАГО
Ос. Феклистовъ
Ос. Шантарскіе
Ост. Бол. Шантаръ
Удская Губа
Кекуръ
Ос. Медвѣжей
М. Б. Дуганджа
М. Малой Дуганджа
М. Саксонской
Ос. М. Шантаръ
Ос. Бѣлей
Губа Тугурская
Р. Ишилъ
ЧАСТЬ
Р. Амгунъ
Р. Амуръ
КИТАЙСКАГО
Р. Керинъ
Р. Хиласунъ
ГОСУДАРСТВА
Р. Тондонъ
З. де Сьерренъ
З. Сѣверный
М. Елисаветы
М. Маріи
М. Горнера
З. Круза
М. Левенштерна
М. Хабарова
М. Ромберха
М. Головачева
М. Клокачева
Носъ Тякунъ
Носъ Фатуха
Лиманъ
Носъ Кибулинъ
Амура
М. Вирста Соединенія
М. Отмели
М. Песчаный
М. де Ассасъ
З. де Кастри
М. Клостер-Камп
М. Дюше
М. Монтіо
П. де Сомонъ
М. Делиль дела Кроэра
М. Ратманова Камень
М. Римникъ
П. Мартиньеръ
М. Белингаузена
М. Лессепса
Ос. Блондела
Ос. Лаприсъ
З. Детейръ
Заливъ Терпѣнія
М. Саймонова
М. Терпенія
Ос. Тюленій
М. Дарлимпеля
М. Муловскаго
З. де Лангль
П. Бернисетъ
М. Синявина
З. Мордвинова
М. Тонинъ
Зал. Анива
ПОЛУОСТРОВЪ САХАЛИНЪ или КАРАФТУ.
Картограф. Зав. А. Ильина Б. Мастер. д. № 3

КАРТА
ЛИМАНА РѢКИ АМУРЪ
ПО ОПИСИ
НЕВЕЛЬСКАГО

Картограф. Зав. А. Ильина. Б. Мастер. №

Картограф. Зав. А. Ильина

КАРТА
ПРИ-АМУРСКАГО КРАЯ
составленная изъ изслѣдованій, произведенныхъ
офицерами транспорта Байкалъ въ 1849 г.
подъ начальствомъ Капит. Невельскаго
и Амурскою экспедиціею съ 1850-55 годъ,
состоявшею подъ тѣмъ же начальствомъ изъ офицеровъ:
ОРЛОВА, ВОРОНИНА, БОШНЯКА, ЧИХАЧЕВА, ПЕТРОВА
И
РАЗГРАДСКАГО.
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Губа Удская
Зал Тугурскій
Зал Ульбанскій
Зал Счастія
НИКОЛАЕВСКЪ
Гора Меньщикова
МАРІИНСКЪ
Оз Кизи
Оз Удыль
Зал де-Кастри
Зал Имп Николая
Старая граница
Рѣка Гиринъ
Рѣка Бурея
Р Уссури
Р Амгунь